Осколки Жизни
Узы Крови
Анастасия Некрасова

Анастасия Некрасова

Осколки Жизни. Узы Крови

«Автор»
2026

Некрасова А.

Осколки Жизни. Узы Крови / А. Некрасова — «Автор», 2026

Анна — сильнейшая из существующих магов крови.Её путь тернист и сложен. Ведь непросто быть сильнейшим: нужно оставаться человеком, несмотря на все трудности.Хочется спокойствия ? Не дождешься, все будут разрывать на части , ведь им нужна твоя помощь.Вместе с Анной мы будем путешествовать по Континенту , летать на драконах, знакомится с новыми сильными и интересными персонажами.Проходить жизненные уроки и осознавать новую сторону своей жизни , набивать шишки от ошибок , и залечивать душевные травмы.

© Некрасова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Сигналы на границе 7
Глава 2. Подготовка к балу : письма и драконы 116
Глава 3. Под покровом праздника 167
Глава 4. Тупик совести 204
Глава 5. Дыхание свободы 269
Глава 6. План «Раху» 351
Глава 7. На острие клинка 475
Глава 8. Слепой свет залы 570
Глава 9. Жатва скверны 580
Глава 10. Порог забвения 591
Глава 11. Сила духа 604
Глава 12. Возвращение из завесы 614
Глава 13. Эхо прошлого, шаг в будущее 621
Глава 14. Голос прошлого : внезапная угроза. 634
Глава 15. Внезапное знакомство 647
Конец ознакомительного фрагмента. 657

Анастасия Некрасова
Осколки Жизни. Узы Крови

Пролог

Удивительно, насколько в жизни всё скоротечно. Сначала ты рождаешься, учишься, становишься кем-то в этой жизни и вскоре умираешь.

Так всегда? Ты всегда должен жить, осознавая, что вскоре умрёшь?

Умрёшь сейчас или в старости? Как думаешь?

****

Анна шла по коридору мимо спален. Тусклая свеча освещала лишь метр перед ней, а может, и того меньше. Из широких окон, вдоль которых тянулся коридор, еле светила луна, немного помогая бедной свече.

Её маленькие босые ножки ступали по холодному полу, но желание съесть те пирожные Марии было сильнее.

— Куда это ты собралась, малютка? — из-за угла вышел мужчина с бородой, держа в руках свечу намного больше и осветив весь коридор.

Это Жан, нашёл таки

— Мария готовила сегодня, там вроде осталось — пропищала Анна, прикрывая босые ноги подолом ночнушки.

— Босиком, — вздохнул Жан, — и в одной ночнушке. Ладно уж, пошли. — Он поднял её на руки, задул тусклую свечу и начал спускаться по лестнице прямиком в столовую, где их ждал целый поднос яблочных пирожных.

****

Уже 10 лет как наступила Эра Дракона, и в столице Парга вовсю шли изменения как в законе, так и в сердцах жителей.

До этого драконы, не особо любимые магами стихий, стали почитаемы. Им посвящали песни, стихи и даже писали картины. Но самое существенное — Жан Парга создавал новые школы для обучения магов крови, которые стали всё чаще пробуждаться в семьях горожан.

Основой государства Парга было развитие магов стихий. Магов крови было настолько мало, что их не развивали, и дети оставались обычными ремесленниками без тяги к магии.

Из них вырастали сильные солдаты, кузнецы и охотники. Хоть магия и спала в них, но ярость и ненасытность были от природы.

На 160 год Эры Дракона во главе государства стоял сильный и умный император — Жан Парга.

Он вступил на престол, когда ему едва исполнилось 17 лет. После смерти отца империя была в упадке: не было ни еды, ни запасов пресной воды, поскольку климат был опасен — мало дождей и много песчаных бурь.

Отец был не в себе. Последние годы его преследовало ощущение смерти, что вскоре и настигло. Он отдавал бесполезные приказы, тем самым разоряя имперскую казну.

Жан же был умен не по годам. Он понимал, что надо восстанавливать инфраструктуру и поднимать экономику страны, иначе они не выживут. В течение многих лет он разъезжал по странам, подписывая соглашения о дружбе, и вскоре они помогли ему в восстановлении страны.

Конечно, каким бы великим Жан ни был, наследника он никак не мог оставить после себя.

В неполные его 37 лет в столице прогремела свадьба между Жаном и Марией Фалько.

Торжество было настолько пышным, что почти все страны были приглашены на это событие.

В летописях пишут: «Сие торжество было того масштаба, что сама Грандия позавидовала бы, но наш государь настолько чист и скромен, что подобные мысли в его голову даже не приходят. Мария настолько изыскана, насколько и её платье с росписью, будто песок в пустыне, а государь так счастлив, ведь он уже не молод».

Спустя 11 лет после свадьбы пара наконец-то смогла зачать. Жан оберегал Марию, но та была безнадёжна. Дурные мысли преследовали её. Ходили слухи, будто она не хотела того ребёнка и лишь шла на поводу у супруга и страны.

5 мая 145 года Эры Ягуара родился на свет мальчик, слабый и плаксивый. Первое время он и вовсе не замолкал, и день и ночь в замке царили вопли маленького «чертёнка», как прозвали его придворные дамы.

На руках матери он будто сходил с ума, только руки отца могли успокоить бурный нрав младенца.

Глава 1. Сигналы на границе

Каждое утро начинается одинаково: проверка писем, доклады капитанов отрядов, патрули и советы.

То, что так сильно утомляло Анну, так сильно забавляло Эмильду.

— Чего ты такая радостная, Эми? — Анна спускалась по крылу дракона, спрыгивая последний метр над землей.

— А чего грустить? Сейчас совет, потом патруль и на тренировку, — у Эмильды дракон был меньше, и она уже смотрела, как спускается Анна, с земли.

— Там точно будет что-то смешное, возможно, Риуд опять скажет что-то, и Филипп его выгонит из залы, — Эми прищурилась и хитро улыбнулась.

Для Анны такие сборы не предвещали ничего хорошего, в частности из-за новых поручений Филиппа. Он не доверял никому, кроме нее, хотя подручных у него много.

Перед массивными, окованными железом дверями, ведущими в зал совета, собралась группа советников. В воздухе витало напряжение, смешанное с запахом влажного камня и кожи. Шепот, словно шелест осенних листьев, проносился между ними, их голоса были приглушены, но полны скрытого волнения.

— Не понимаю, почему нас задерживают, — пробормотал седобородый старец, его пальцы нервно барабанили по резной рукояти трости. — Его Величество ожидает нас. Важные дела требуют немедленного внимания.

Рядом с ним статная женщина в темно-синем платье, советница по торговым делам, покачала головой:

— Возможно, король принимает кого-то вне очереди. Или же что-то случилось. — Ее взгляд скользнул по бронзовым доспехам двух солдат, стоявших у дверей.

Солдаты, как статуи, невозмутимо стояли на страже. Их лица были скрыты за шлемами, а руки покоились на эфесах мечей. Они не отвечали на вопросы, лишь молчаливо исполняли свой долг, преграждая путь к заветным дверям. Ни один звук, ни одно движение не выдавало в них живых людей; казалось, сами двери обзавелись каменными стражами.

— Я уверен, что мой доклад о северных границах не должен ждать, — настаивал полководец, его кулаки сжались.— Смута может разразиться в любой момент.

Его голос, хоть и тихий, звучал с отсылкой к грому. Советники переглядывались, каждый пытаясь угадать причину задержки, но ни один из них не решался нарушить молчаливое стояние стражи, охраняющей тайны, скрытые за дверями зала совета.

— Госпожа, вы прибыли, как ваш утренний патруль? — раздумья Анны прервал знакомый голос.

— Лукас, странно, что спрашиваешь, ты же должен был лететь со мной вместо Эми, — Анна была недовольна своим солдатом, она редко позволяет им отлынивать от работы, но тут явно был обман, она чуяла.

— Простите меня, я подам сегодня же рапорт о случившемся, — солдат глубоко наклонился в знак извинения и не поднимал голову, пока Анна не дала отмашку.

— Только ты так нагло себя ведешь, Рец.

Продолжать разговор было бессмысленно. На данный момент необходимо понять, почему не пускают, и успокоить блуждающий шепот между советниками.

Проталкиваясь между ними, Анна подошла к дверям, и, как оказалось, перед ними стояли солдаты личных покоев Филиппа.

— Что это значит, время идет, — она подошла ближе, показывая на время.

— Не имеем права пускать, ждите, — отчеканил один, не поднимая забрало шлема и не опуская головы, все так же смотря в потолок.

— *Ты не видишь, с кем говоришь, солдат*? — Анна

От этих слов у всех присутствующих пошли мурашки по коже, а у советников — людей внезапно хлынула кровь из носа, словно тело, не выдержав колоссального напряжения, пыталось избавиться от избытка эмоций.

Это была не просто угроза, а проявление того, чего они боялись больше всего: аура мага крови, достигшего пределов своей высшей ступени.

Воздух в зале стал густым и осязаемым, пропитанный запахом железа и страха. Каждый присутствующий чувствовал, как невидимая сила сдавливает грудь, мешая сделать полный вдох. Те, кто знал природу магии крови, понимали, что это одно из самых разрушительных искусств, способное управлять жизненными силами, подчинять волю и вызывать смерть одним лишь намерением.

От нее не скрыться и не блокировать. Она окутывает всех присутствующих темной, вязкой вуалью, словно болотная трясина, из манны, крови и боли Не каждый маг сдержится и защитит себя от этого давления, а человек — подавно.

Советники, привыкшие к сложным переговорам и холодному расчету, теперь оказались перед существом, чья сила превосходила всякое понимание. Их знания, их опыт — всё казалось ничтожным перед лицом столь концентрированной, первобытной магии.

Солдаты, хоть и были вооружены, ощущали себя беспомощными, их доспехи казались хрупкими скорлупками против такой мощи.

В этот момент тишина, наступившая после произнесенных слов, стала самым громким звуком. Она давила, сводила с ума, заставляя каждого думать лишь о выживании. Перед ними стоял тот, кто не ведал жалости, чья сила была абсолютна, и чьи намерения могли обернуться катастрофой для всего королевства.

— Анна, ты явно ожидаешь больше, чем следует. Извини меня, — сзади подошел человек, он словно разрезал эту вуаль, позволяя людям спокойно вздохнуть и выйти из оцепенения.

Мужчина приказал открыть дверь, и первым вошел в залу.

— Я принимаю твои извинения, Филипп. Надеюсь, это ожидание было оправданным, — она втянула в себя остаток манны и вошла следом за ним.

Мужчина по имени Филипп сел во главе огромного овального стола. По обе стороны от него встали те самые солдаты у дверей.

Следом за Анной вошли советники и стали рассаживаться по своим местам. Анна же подошла к окну и закурила.

— Ты присядешь или позже? — Филипп обернулся на окно. Анна стояла позади него и дымила в открытую форточку белый дым.

— Чтобы слушать ваш совет, мне сначала нужно затуманить разум, — усмехнулась Анна.

Бросив окурок в окно, она села на свободное место, ближайшее от Филиппа, справа. Напротив сидела Эмильда и улыбалась:

— *Снова ты балуешься этими сигаретами*? — ментально отчитала Эми свою сестру.

— *Будешь отчитывать, и про тебя что-то вспомню,* — отчитывать за сигареты — глупость

Как и ожидалось, на совете ничего полезного не произошло. Обсуждение базовых задач, торговля, границы, патрули — скукота

Эмильда с успехом сдала полный утренний и позапрошлый вечерний доклад патруля. Из-за смены патрульных иногда приходится выходить лично Анне и Эмильде, хотя это не их работа.

— Собственно, я вас собрал не из-за этого, — Филипп махнул рукой солдату, и тот достал белый конверт с золотой лентой. Посередине была печать с цветком ромашки. — Уже 5 числа случится ***Бал Весеннего Равноденствия.*** Как никак, уже май месяц. Удивлен, что они решили собраться в начале месяца.

Филипп передал конверт Анне.

— Ты поедешь со мной, ты мне там будешь нужна, — он явно дал понять, что никуда ей не сбежать 5 мая.

— Распоряжения дам в ближайшие дни, будьте внимательны, пришлю письмами, без собраний. На этом все, — он встал из-за стола, двинулся к дверям и, не оборачиваясь, вышел.

****

— Значит, бал будет. Интересно, мне позволят поехать с вами? — весь вечерний патруль после тренировки Эмильда не замолкала.

— Если хочешь, едь вместо меня, — Анна не любитель всех подобных выездов и встреч.

Слухи о ней расходятся по всему континенту, и они, в частности, не добрые.

****

Аннастасия Вассилевски, ближайшая рука нынешнего Филиппа Парга. Маг крови, предел 9 ступени магии.

С самого детства она росла в одном замке с Филиппом и Эмильдой.

Будучи в возрасте 3 лет, ее нашел предыдущий император Парга — Жан, во время вылазки за Море Аморе у берегов Империи Красной Розы. Он нашел мокрого и тощего ребенка, а поблизости кричал младенец — та самая болтушка Эмильда.

Две сестры росли вместе с наследным принцем, и нельзя сказать, что они хорошо ладили, ведь разница в возрасте существенная.

Анна и Филипп = 11 лет. Эмильда и Филипп = 14 лет.

Потому, уже будучи в подростковом периоде Филиппа, его отец явился с двумя подкидышами из-за моря, и, как оказалось впоследствии, еще и магами крови с большим количеством врожденной манны. Он им был не ровня даже в уже более зрелом возрасте, превосходя физически. Они поодиночке могли справиться с дюжиной солдат стихий.

Филипп Парга, будучи магом воды, мало кому мог дать сдачи, но со временем и тренировками с Анной и Эмильдой — он начал поднимать и прокачивать свои умения и расти объем манны.

7 июля 159 года Жан Парга умер. То ли от чахотки, то ли от отравления — никто до сих пор понять не может. Но сгорел он быстро, тихо, ночью во сне ушел.

****

— Да ну, смеешься! Филипп меня за шкирку выкинет с бала, — Эми надула губы и всем видом показала свою боль и грусть.

— А вообще, там явно много разных людей и красивых мужчин приедет. Пригляди кого-нибудь себе, Анна, —когда она вспоминает про мужчин, настроение тотчас меняется, и уже нет тени грусти на лице Эми.

— Ты знаешь, оно мне не надо. Мне бы спокойствия, тихой и мирной жизни, без этих всех эмоциональных потрясений. Мне хватило после смерти Жана и ухода Марии — Анна устремила опустошенный взгляд вдаль.

Они летели над ущельем.

Их путь проходил вдоль границы с Эллиосом, над горами Эвалар. В этих горах, помимо живой растительности, очень много кладок драконьих яиц.

Задача патруля — следить за недобросовестными похитителями кладок, ведь продажа драконов начала набирать обороты, однако не всякий мастер может поладить с только вылупившимся драконом.

Пролетая над основной кладкой, Эмильда заметила движение кустов. В живом лесу это обычное дело, но чутье на человека, которое у магов крови обострено от природы, сыграло роль, и всадница приказала пикировать вниз.

Дракон Эми относится к земляным. Они, в частности, держатся на деревьях с помощью длинных костей и когтей. В бою это самые быстрые и опасные драконы.

Оставив дракона на дереве, где его не сильно было видно, она стала продвигаться вглубь леса, медленно, тихо ступая по еще мокрой земле, частично где-то еще лежал снег.

— *Заметила что-то*? — отозвался голос Анны в голове.

— *Да, чувствую несколько людей. Следи за деревьями сверху, если что, дам сигнал*.

Эми двигалась все дальше, уже стали видеться кладки яиц земляных драконов.

В отличие от металлических драконов, которые прячут свои яйца в пещерах, земляные оставляют яйца на траве или в снегу, согревая их своими телами регулярно.

Однако поблизости не было ни единого дракона. Тишина. Ни звука, ни шелеста, будто кто-то держит пространство

— *Эми, используй покров! Я чувствую манну рядом с тобой*, – отозвался голос Анны.

Покров – техника покрытия пространства своей магией. Маг крови расширяет свою ауру до нужных ему размеров, полностью чувствуя и контролируя то место, где он находится. Это будто локатор и маячок, где маячок – это люди и живые существа вокруг мага.

Эми вздохнула, достала маленький кинжал и порезала указательный палец. Закрыв глаза, она почувствовала, как оболочка вокруг нее начала разрастаться, и, открыв глаза, позволила ауре раскрыться с полной силой.

«***Покров***».

В это время зрение мага крови переходит в режим хищника: он ищет кровь, чувствует сердцебиение существ поблизости и даже слышит движение крови по телу, если объект находится очень близко. Также в этот момент маг крови может перехватить врага, остановив поток крови в его теле.

— *Чувствуешь кого-нибудь*? – Анна кружила над деревьями, четко над тем местом, где стояла Эми.

— *Нет, будто тут только я и яйца это очень подозрительно. Двинусь дальше*, – мягко ступая, она оглядывалась во все стороны, понимая, что даже будучи на 7-й ступени, она не чувствует никого, но ощущение **живого** не дает ей покоя

Шелест деревьев, хоть и не сильно густых листьев для этого времени года, отвлекал Эми.

— ***Чувствую**, наконец-то появилось стойкое ощущение мага, но так мимолетно*

— Ты меня начинаешь пугать, сестра. Неужели твое чутье подводит тебя? – Анна спустилась на драконе прямо возле Эми.

Дракон Анны – белый металлический. Они плохо держатся на деревьях, но быстро летают и пикируют лучше остальных.

Так вот *что* почувствовала Эми – ауру Анны. Она настолько тонкая и вязкая, что сначала создалось ощущение, будто Эми находится в своей ауре, но оказалось, она погрязла в ауре Анны, хотя та еще не окутывала пространство, а лишь приземлилась рядом. Но во время состояния покрова маг крови остро ощущает чье-либо присутствие.

— Я не чувствую ничего и чувствую одновременно, – Эми сняла свое заклинание.

— Хорошо, тогда гляну я, – Анна укусила большой палец до крови. Эми отвернулась и сморщилась, она была против таких увечий, ей уж лучше порезать

«***Покров***»

Вязкая, словно болотная тина, аура Анны окутала все живое и неживое вокруг. Ауру Анны было не перепутать ни с чем. После использования этого заклинания хотелось помыться с ног до головы и даже почистить зубы, настолько она была ощущаемой Но даже после этого Эми никого не видела, будто кто-то сидит и прячется прямо у них перед носом.

«*Хрхрхрх хрхрхгл.. глглгл хррхр*»

— Ну наконец-то, а то я уже начала сомневаться в себе, – Анна облизнула большой палец и свернула покров.

Она направилась в кусты рядом с кладкой яиц. Там извивались два молодых парня в зелено-коричневой форме, видимо, специально для слияния с деревьями. Их вид был ужа-

сен, что неудивительно, ведь Анна не просто использовала покров. Ей надоело ждать, и она решила перекрыть им дыхание, медленно удушая этих парней. Из-за сильнейшего давления, нарастающего внутри их тел, из ушей, носа и глаз начала течь кровь. Набухшие губы, багровые лица, скрюченные конечности – все выдавало агонию. Глаза, широко распахнутые от ужаса и страха, были испещрены красной паутиной полопавшихся сосудов. Они лежали недалеко друг от друга, корчась и извиваясь, словно змеи на раскаленной сковороде, беспомощные перед неведомой силой, что вырывала из них саму жизнь. Анна, окутанная своей магией, наблюдала за этим зрелищем с холодным спокойствием. Покров давал ей полное преимущество: она чувствовала каждое их движение, каждое учащенное биение сердца, каждый предсмертный хрип.

— Что же вас сюда занесло, мальчики? – Анна ослабила давление, чтобы они смогли говорить. Но ни звука, ни писка от них не исходило.

— Давай их до Фреи отвезем, она их разговорит. Что им тут лежать? – Эми стояла рядом, чуть отвернувшись. Такое зрелище было не для нее.

— Эми, не кажется ли тебе, что ты сегодня слишком инициативна? – Анна повернулась к сестре и щелкнула ей по носу. – Разберемся на месте, зачем мне этот мусор тащить в замок?

«*Лукас, северо-восток. Пришли людей проверить кладки, мы кое-кого нашли тут*».

«*Так точно, госпожа. Будут через 7 минут*».

— Ну что ж, начнем разговор, мальчики? – Анна присела на корточки рядом с двумя молчаливыми телами, смахивая каплю крови с лица парня, что лежал ближе к ней, и облизнула палец.

«*Даже не по морщилась, гадость какая*,» – иногда Эми сожалеет, что родилась магом крови, ведь подобные вещи, как облизать кровь врага или чужого человека, вполне себе разумеющееся.

Кровь для мага этого темного искусства была не просто жизненной эссенцией, но настоящим кладезем знаний о человеке. Всего лишь капля, сорванная с пальца или просочившаяся из раны, становилась мостом к прошлому, к мыслям, к самым сокровенным воспоминаниям. Она могла мгновенно показать, врет ли человек, утаивает ли что-то, или же, напротив, обнажить перед магом калейдоскоп событий, которые тот пережил. Маг крови, словно алхимик, погружался в эту таинственную субстанцию, буквально полоская её, просеивая через сито своих магических способностей.

Это был кропотливый, опасный, но до невообразимой степени эффективный метод получения информации, недоступный ни одному другому искусству. В этой жемчужине жизни скрывались ответы на все вопросы. Правда, ложь, страх, любовь, ненависть – всё это отпечатывалось в крови, становясь доступным для тех, кто осмеливался проникнуть в её глубины, в *память крови.*

— Ты чем-то вечно недовольна, Эми, – Анна поднялась и уже вытирала палец об жакет. – Если тебе подобные мероприятия мерзки, не стоило подниматься до 7-й ступени. Оставалась бы на 5-й, 6-й – там такое не под силу, насколько помнишь.

— Спасибо за то, что ты это делаешь вместо меня, Анна, – Эми честно сказала сестре о своих чувствах, но та лишь усмехнулась.

— Я не всегда буду рядом. Знаешь ведь, иногда придется самой справляться. Взрослая уже, – Анна пнула лежащие тела и направилась к дракону.

С запада к ним двигались несколько земляных драконов, видимо, кого-то из патруля отправили.

— Госпожа Вассилевски, рады видеть вас в здравии. Мы с западной заставы, капитан Рец приказал прибыть по вашему запросу, – два юноши приземлились близ кладок и отчитались.

— Да, спасибо, что прибыли. Вы довольно быстро, я только закончила, – Анна повернула голову в сторону двух тел. – Заберите их в свою заставу, пусть Маки их вылечит.

— Так точно, госпожа. Заберем, но зачем их лечить? – Солдаты в недоумении, ведь если Анна их прочла, то смысла в их жизни нет.

— *Вы что-то не поняли?*

— Нет, госпожа. Все ясно, так точно. К Маки, – вытирая кровь из носу, солдаты поспешили забрать скорченные тела.

— Они же ничего плохого не сделали, зачем ты на них используешь ауру? – Эми с Анной направлялись к своим драконам, оставив солдат с теми людьми.

— Солдат не должен спрашивать, тем более меня. Приказ есть приказ, – Анна садилась на своего дракона, перебрасывая ногу через поводья. – Они мне нужны живыми, а эти, – она махнула головой в сторону солдат, – явно хотели их тут же закопать и не везти никуда. Видела их драконов, они маленькие, не уместятся все, дискомфорт всадникам обеспечен.

Драконы прилетевших солдат были и правда очень миниатюрные, там в седле едва один мужчина уместится, а если везти кого-то сверху, придется класть тело себе на колени.

— Я не подумала об этом, прости, — Эми осознала, что защищать этих юношей не стоит. У них был свой мотив, но Анна, как обычно, продумала все наперед.

Во времена царствования мужчин у женщин, которые пытаются выбиться в люди и заполучить признание в обществе, вырабатываются определенные манеры и поведение. Не каждую женщину в наше время может принять общество, тем более если тебе не за 40 лет. Там большую роль играет уважение к возрасту.

Но если тебе от силы 24 года, как на данный момент Анне, приходится искать другие способы поддержания своего авторитета.

В свои 22 года Анна получила признание совета старейшин после победы на Зеленой пустоши.

В ту битву она пересекла предел 8-го уровня и вступила на 9-й, на самую высшую ступень в наше время. Ее отметка количества маны на данный момент переросла в 5.000 единиц, что сопоставимо с 10-й ступенью, но почему-то предел 9 она пересечь пока не может.

Начиная с капитана небольшого отряда магов крови, она поднялась до генерала легиона империи Парга всего за два года. Совет старейшин вместе с военачальниками приняло единогласное решение — назначить ее ответственной за все войска империи.

Чего ей это стоило? Знает только одна она, но то доверие, которое она заслужила, конечно же, не добрым словом, у императора и совета дорогого стоит.

С малого возраста Анна защищала как себя, так и свою младшую сестру Эмильду от нападок Филиппа или других придворных детей. А в уже более осознанном возрасте — от советников и некоторых капитанов. Оттого она научилась продумывать все наперед и тщательно следить за окружающими.

Сестры, словно два полюса одной природы, жили под одним кровом, но их пути в этом мире разительно отличались.

Если Эми, с ее пылким нравом и открытой демонстрацией эмоций, вызывала смешанные чувства – где-то восхищение, а где-то порой и желание ее обуздать, – то Анна была воплощением тихого, но абсолютного превосходства. Ей не нужны были крики или долгие объяснения, чтобы установить свой авторитет. Одного лишь ее взгляда, глубокого и пронзительного, было достаточно, чтобы любому, даже самому дерзкому собеседнику, застыть намертво, проглотив слова обратно.

Анна не любила шумных расправ. Ее сила заключалась в иной форме насилия, более тонкой и мучительной. Без единого крика, без малейшей попытки словесно доказать свою правоту, она медленно, но верно душила оппонента своей аурой. Это было искусство, отточенное до совершенства, искусство, в котором она не знала себе равных.

Во всей империи Парга, от величественного трона до самых отдаленных окраин, не было никого, кто стоял бы выше неё в иерархии силы. Те, кто когда-то могли претендовать на это положение, давно ушли в небытие.

— Ничего страшного, учись, пока я жива, — Анна усмехнулась и сорвалась в небо.

Всю дорогу до дома не было ни ментальных перешептываний, ни каких-либо знаков со стороны Анны. Она была на удивление спокойна и сдержанна.

Закончив патруль, девушки вернулись в замок уже затемно.

Драконы, наконец освободившись от экипировки, улетели в своем направлении. Они не ночевали в замке или где-то поблизости. Все основные гнезда и стаи обитали в горах Эвалар и по зову своего мага, с кем была создана связь, прилетали в любое место, где бы ни был человек. За них не переживали, драконы за себя постоять могут.

— Эми, иди ложись спать, доклад завтра сдам сама лично, не переживай.

Анна направилась прямиком в сторону казарм восточной роты, где в то время спал капитан Маркус Зога.

— И что же мы тут спим, капитан Зога? — Анна влетела в комнату, срывая с него одеяло и скидывая на пол. — Спишь, в то время как наши кладки воруют, а?

Маркус в испуге вскочил на ноги и начал трясти головой, чтобы проснуться. Он стоял в одних портках и, почему-то, только с левым носком.

— Неужели капитану восточной роты, ответственному за восточные кладки Эвалара, так сладко спится? Доноса не было за сегодня, ***Маркус***? — Анна не сдержалась, и тонкая струя вязкой ауры просочилась и поползла по полу прямиком к правой ноге капитана. Тот отскочил на кровать, шустро надевая носок на правую ступню.

— Госпожа, сегодня было много доносов, но если вы про инцидент в горах сегодня, да, я в курсе, — Маркус испуганно натягивал на тело одеяло, пытаясь прикрыть торс от взгляда Анны. Мужчина, в два раза больше и выше, прикрывался от девушки, что стояла и сверлила его взглядом.

«*Спасибо, что без покрытия*».

«***Ты очень много себе позволяешь, друг мой. Твое отношение к произошедшему меня расстраивает и заставляет думать, не заодно ли ты с ними***»

Голос в голове отбросил все мысли Маркуса. Только ее голос звучал четко, не давая даже сделать глоток воздуха, перекрывая мысли, желание и сознание капитана.

Страх не давал полностью раскрыться легким или даже сглотнуть слюну, что наполнила рот Он забыл, как дышать и даже глотать

Маркус упал на колени перед Анной, перед ее силой и тем давлением, которое она может оказывать на окружающих одним своим желанием, не приказывая и не озвучивая заклинание.

— Молю меня извинить, приму любое наказание, только прошу, воздух — Маркус схватился за грудь, пытаясь сделать хотя бы малюсенький вздох.

«***Дыши глубже, друг мой***»

Давление ушло, будто камень стянули с груди, и юноша сделал глубокий вдох, настолько, насколько могли раскрыться его легкие.

Анна села за стол напротив капитана, который все еще стоял на коленях на полу, рядом лежало одеяло и были разбросаны вещи.

— Давай, вставай и рассказывай, что знаешь, — она достала пачку сигарет и закурила одну из них, пуская тонкую струю белого дыма в потолок.

Наконец-то Маркус смог прийти в себя. Она таки застала его врасплох. Одевшись, он сел за стол и протянул скрепленные бумаги. Только когда приблизился, он заметил красную полоску под носом у Анны. В темноте он плохо видел ее лицо, но под светом свечи на столе все стало четче.

— Тебе сегодня пришлось несладко, вижу, — Маркус указал на свой нос, когда Анна подняла голову в его сторону. — Сама их читала, да?

Между ними были теплые отношения, они были близки. Единственные, кому они доверяли, — это друг другу. Было время, когда их пытались даже поженить. Он красив, молод, блондин, с серыми глазами, высокого роста и крепкого телосложения. Внешне они даже были чем-то схожи.

Удивлялись, что именно Анна и Эми были родня, хотя совершенно не были похожи друг на друга. Одна темно-русая, с голубыми глазами, черными бровями и пухлыми губами. Настоящая принцесса, что не скажешь о младшей сестре: темненькая, с тонкими губами и карими глазами — но все так же прелестна и красива.

— Да, у Лукаса опять проблемы с людьми. Мы летали с Эми в патруль вечером, — Анна читала, не пропуская ни одной строчки, отвлекаясь только на сигарету.

— Я не могу сказать, откуда они там, но в их сумках были яйца только одного вида — огненные — Маркус и правда не имел понятия, зачем похитителям были эти яйца.

— Да, я тоже увидела только красные яйца, но, насколько я помню, никто не рождался еще со стихией огня. Нам бы подали явки, — она откинулась на стуле и уперлась взглядом в потолок, все так же выпуская дым из губ. — Только если это не для наших людей — Анна прищурилась.

Было уже поздно, стемнело, и только свеча озаряла стол и Маркуса. Языки пламени играли с ветром, показывая будто фигурки то ли людей, то ли полноценные сцены, давая некие подсказки для размышлений двух друзей.

— Короче, ложись, никакого наказания не будет, пошутили и хватит. Но в следующий раз — сразу мне докладывай, не жди повтора сцены, а то вдруг там уже и без портков будешь, — Анна усмехнулась, потушила сигарету и направилась к выходу из комнаты Маркуса.

Из казарм вела тропа, заросшая кустами, вплоть до черного входа на кухню придворных. Из-за отношения к правящей семье, даже будучи солдатом, комната Анны находилась в замке, в восточном крыле башни.

Забежав через черный вход, который вел на кухню, Анна сразу свернула на лестницу, что вела прямиком в еекрыло башни, в то время как Эми сидела на кухне с двумя девушками и о чем-то весело перешептывалась. Оттуда пахло невероятно маняще, но усталость была настолько сильна, что желание лечь в постель преобладало над гудением живота.

«*Да уж, использовать в один день столько расширения ауры мне дало по голове*» — Анна поднялась на свой этаж и уже направлялась к комнате. В конце коридора была одна единственная дверь.

Только ее башня и только одна комната — все, как было запрошено у Жана Парга, когда девочка выросла. В 15 лет Анна захотела жить в уединенной стороне замка, тренируясь день и ночь, чтобы не давать себя в обиду. После этого комната все также осталась за ней. За все время проживания произошел невероятное количество ремонта и изменений. Основное, что осталось и по сей день, — выход на покатую крышу башни, где Анна отдыхала, лежала на черепице и смотрела на звезды. Иногда пролетали драконы, обучая своих детенышей летать.

— Госпожа, я думала, вы сегодня не вернетесь уже, — Анна открыла дверь, и на пороге стояла Руфи, еегувернантка.

— Нет, что ты, я всегда стараюсь вернуться, — Анна улыбнулась, видя обеспокоенное выражение лица своей близкой знакомой.

Руфи очень сильно переживала всегда, когда Анна поздно возвращалась. В ее обязанности входили стирка, шитье и подбор одежды, смена постельного и полная уборка только этой комнаты. Некоторые другие гувернантки шептались из-за того, что якобы у Руфи было мало хлопот, но это было обманчиво.

Анна доверяла Руфи очень многое, в том числе разнос различных писем, которые не должны были попадать в руки кого-то из придворных. Хоть она и была не шибко взрослая, к Анне же относилась как к сестре, и соблюдение субординации не считала нужным. Разница в их возрасте была всего 6 лет, и как только Руфи исполнилось 18, ее забрали в покои госпожи. Встретила та ее с улыбкой и всегда помогала, если появлялись вопросы. А вопросов было предостаточно, поскольку одежда Анны была, мягко говоря, странной.

В частности, это были обязательно шорты или брюки. Никаких платьев она не носила, если только юбки, и то поверх шорт или брюк. Далее шли различные «лохмотья», как описывала их Руфи, но для госпожи это была самая комфортная одежда из-за постоянных тренировок, патрулей и езды на драконах.

В платьях не наработаешься

— Да, я помню, но я слышала про нападение в горах, мало ли что бывает, — Руфи принялась развязывать пояс и помогать раздеться госпоже.

— Не волнуйся так, ты же знаешь, кто я. Справлюсь. Ты сама как, удалось зашить те жакеты для езды? — Анна стянула юбку, что была одета поверх шорт.

— Я иногда так удивляюсь, что вы носите. Это же настоящие лохмотья, госпожа, — Руфи подняла юбку и оглядела её.

Многослойная юбка из ткани серо-коричневого цвета, выглядит грубой, с рваными краями и украшена геометрическим узором, что не подходила для дамы высшего сословия.

— Так отдай сюда, — Анна вырвала из рук служанки свою юбку и положила в сундук с вещами. — Уж не тебе тут говорить. У тебя вообще вся грудь нараспашку, того и гляди, — Анна замялась, — вывалится всё, что держится в декольте у тебя, — она указала пальцем на грудь Руфи, что томно поднималась то вверх, то вниз от возмущения.

— Я вас услышала, моя госпожа, — Руфи опустила голову и принялась укладывать всю одежду для постирочной.

Анна отшвырнула от себя ботинки, направляясь к окну, чтобы закурить.

Собрав все необходимое, Руфи откланялась.

— Если я тебя обидела, извини меня, но и ты не оскорбляй мой выбор, пожалуйста, — Анна стояла спиной к служанке, выпуская дым в открытое окошко. — Хотя бы ты — почти шепотом произнесла госпожа.

— Я не обижаюсь, и вы простите. Отдыхайте, пожалуйста. Я приду утром, — Руфи улыбнулась и вышла за дверь.

Анна чувствовала: она не обижается, всё хорошо.

Только положив голову на подушку после горячей ванны, сон забрал госпожу в свои объятия.

****

С*умрак Из-за густых облаков выглядывает струя белоснежной луны*

— Что я тут делаю? — Анна шла посреди густого леса, с каждым шагом утопая в тумане, что был повсюду. Она всё так же была одета в спальное платье и босиком, будто её вырвали из постели и отправили гулять по лесу совершенно одной, в неизвестном лесу. Он не был похож на горы Эвалар или Морелия, это был лес, доселе не изученный Анной.

Идя по тропинке из мха босыми ногами, она следила за движением кустов, возможно, где-то здесь будет подсказка в этом сне или

— Вот оно, движение! — кусты справа от нее резко дернулись, и послышался вой.

Анна медленно продвигалась всё ближе и ближе, и наконец, отодвинув пару веток, заглянула на ту сторону

Посреди огромной, освещенной лунным светом поляны, на коленях стоял мужчина, спиной к ней. Он был одет в синий камзол, его оружие лежало рядом, в метре от него — это была то ли секира, то ли посох ярко-алого цвета. Лица его не было видно, но то, кто стоял

напротив мужчины — дракон, подобному которому она еще не встречала: огромный, с массивными крыльями и красными глазами.

Слева от дракона, на камне, лежал огромный белый волк, размером буквально чуть ли не с медведя, и облизывал свои лапы, не замечая никого вокруг.

— Вероятно, это был его вой, — Анна посмотрела на дракона.

Дракон подобного цвета — цвета пустыни, с плотной бронированной чешуей, цвета бронзы и шоколада —встречался настолько редко в наше время, что встретить его считалось удачей

— Они разговаривают? — Анна не могла понять смысл этой сцены, то ли это обряд связывания узами, то ли казнь Но в чем виновен тогда этот человек перед драконом?

Немая сцена продолжалась, и человек все не поднимал голову, все преклонял её перед могучим драконом.

Анна прошла вдоль кустов, пытаясь увидеть лицо мужчины, но как только ей удалось пройти ближе, человек упал на землю, выкинув вперед руки — прямо под лапы дракона. Тот не шевельнулся

— Что у него с рукой, это ожог? — Анна не могла разглядеть странные отметины у мужчины на левой кисти.

Пока она вглядывалась, дракон отошел от мужчины, вздохнул и начал удаляться прочь, словно отказывая в любом из возможных действий.

*— «**Не сейчас**», — дракон проговорил голосом, так что слышали все.*

Человек все также находился на коленях, а дракон — уходил, ничего не дав

Волк наконец встал, отряхнулся и пошел в сторону человека, ложась возле его ног.

— Зачем он призвал дракона, или это дракон призвал его

Взгляд

Дракон смотрел четко в сторону, где пряталась Анна, смотрел и не отводил взгляд, немного прищурившись.

Его голос прозвенел в голове: «Не сейчас».

****

Анна вскочила в холодном поту, словно её облили из ведра. Вся подушка, одеяло и постель были мокрые, ровно под её силуэт.

— Госпожа, вы проснулись. Доброе утречко, — в комнату залетела Руфи и принялась раздвигать шторы, пуская лучи солнца в спальню.

— Руфи, подай кофе и посиди со мной, — Анна оде́лась быстро, чтобы поговорить со служанкой перед началом утреннего собрания патруля.

Судорожными руками достала сигарету из пачки и закурила.

— Значит, дракон бронзовый? — Руфи сидела напротив, за столом, попивая кофе. — Ну, мы же знаем, это дракон-прародитель. Но сейчас, в наше время, их осталось ой, — она посмотрела в окно, чуть прищурив глаза, — насколько мне не изменяет память, два на весь континент. И один из них в горах Морелия. Но вот кто он —самка или самец — не буду говорить, не знаю.

Анна не могла осознать, к чему ей приснился прародитель, ведь у нее есть дракон, связанный узами.

— И мужчина, что он там делал? — она взглянула на Руфи, та безмятежно пила кофе, не беспокоясь о таком пустяке.

— Слушайте, а, возможно, вы оказались на их связывании или призыве, и всего лишь. Дракон отказал человеку, такое бывает, — служанка встала и начала сгребать крошки со стола.

«*А может, и правда? Может, я попала нечаянно на этот призыв, и потому дракон отказал ему из-за чужака —меня*».

— Спасибо, Руфи, успокоила. Можешь не накрывать, поем в столовой. Тем более, — Анна взглянула на часы и ахнула, — боги мои, уже пора на совет! — она вскочила и, на ходу одевая ботинки, выбежала прямиком в коридор, не закрывая даже двери за собой.

Пробегая по коридору, не останавливаясь, чтобы поздороваться с кем-то этим утром, она столкнулась с Эми.

— Куда мчишься так рано утром? — Эми выглядела вполне проснувшейся, в отличие от сестры.

— Совет, не начался еще? — пытаясь отдышаться, Анна наклонилась и опёрлась на колени кистями рук.

— Начинается. Вот сейчас, идем, — Эми махнула рукой, приглашая Анну за собой.

Сегодня был не совет, как обычно, а собрание капитанов для сбора средне-недельного патруля.

— Итак, без лишних разговоров, — Филипп буквально влетел в залу, и, сев за стол, сверлил всех капитанов взглядом. — Анна, докладывай про вчерашнюю ситуацию в горах. Наши яйца, что с ними? ***ВСЕ ХОЧУ ЗНАТЬ***! — Филипп истерически вскрикнул. Он был зол как никогда, ведь от этих кладок зависит состав нашей армии.

— В общем, могу сказать, эти юноши — наёмники. Для них главная цель — украсть именно красные яйца, но

— Явки были с нашей стороны? — Филипп прервал доклад.

— Нет, ваше величество, — Маркус подал голос. Это его ответственность, его же восточные кладки.

— Да, явок не было, но я не буду утверждать, зачем им эти яйца, — Анна стояла будто побитая овечка. Ей нечего было ответить, ведь заказчика она не увидела в воспоминаниях крови наёмника, а, возможно, его и не было

— Если с нашей стороны не было явок, я склоняюсь к тому, что это были люди извне, мой повелитель, — один из капитанов подал голос.

— Я тоже к этому склоняюсь, — Филипп сквозь зубы процедил вердикт. — Вассилевски, усиль охрану, дай больше людей на кладки и ещё раз допроси тех наёмников. От нас ничего не должно быть скрыто, — Император резко встал и направился к выходу, показывая, что собрание закончилось.

— Хотя, Анна, — он обернулся, смотря прямо в глаза своей подчинённой, — отведи их вниз. Я сегодня присоединюсь к вам, — в его глазах внезапно вспыхнула искорка и так же быстро потухла

— Хорошо, сделаю, — Анна поклонилась, стараясь скрыть выражение опасения на своем лице.

Не понравилась ей эта идея, чтобы Филипп присутствовал на разговоре. Всё также посмотреть память крови она может и сама, зачем ему приходить — было непонятно.

Анна стояла у массивной дубовой двери, ведущей в недра башни. Юношей перевезли в подвал восточной башни этой ночью, поскольку Маки вылечила их быстрее ожидаемого.

Повторный разговор с пленными был неизбежен. А после приказа императора — тем более, их не оставят просто так.

Она сняла с стены факел, зажгла и толкнула дверь. Петли заскрипели, показывая свое вековое преимущество перед молодой девушкой. Лестница вилась вниз. Каждый шаг отзывался эхом в сыром воздухе, пропитанном запахом земли и сырости.

Факел в её руке бросал пляшущие тени на неровные стены, где паутина серебрилась в дрожащем свете. Спуск казался бесконечным: ступени, истертые веками, скользили под ногами, а холодный сквозняк из глубины пронизывал тело насквозь.

Анна сжала рукоять кинжала на поясе – не для защиты, но для спокойствия. Она недолюбливала этот подвал башни, там часто водились пауки и змеи. Здесь ранее находилась

тюрьма для пленных, но вскоре эти камеры с ржавыми решетками были заброшены. Наконец, лестница сузилась, и воздух стал тяжелее, сдавливая легкие.

Дверь в подвал маячила в конце – тяжелая, окованная железом. Двигаясь от лестницы до конца коридора, она остановилась на миг, вслушиваясь в приглушённые голоса за дверью.

Помимо пленных, там находился Маркус; он ожидал Анну в темноте.

— Ну наконец-то явилась, — Зога сидел в углу комнаты, играясь своим топором.

— Тебе бы побольше манер, Маркус. Смотри императору так не скажи, — Анна усмехнулась над дерзостью своего солдата.

— Зачем он хочет прийти? От него толку — тьфу! — парень сплюнул с отвращением в стену.

— Ладно, ты посмотришь на них, или я могу закончить разговор информацией, — он взглянул на кулак и дунул, будто сдувая пылинки с костяшек.

— А Филипп, маг воды, что может?

— Прополощет их, — Анна улыбнулась и повесила факел на стену, озаряя пленных. Они сидели на холодном каменном полу, прислонившись спинами к шершавым стенам. Одетые в рваные, грязные одежды, с цепями на руках. Их раны были излечены, но в глазах не было повиновения.

За разговором Анна не услышала, как к комнате приближался человек. Дверь с грохотом распахнулась, на пороге стоял сам Филипп.

«*Его глаза, ты видишь?*» — Анна услышала голос Маркуса в голове.

«*Утром тоже было, неужели и он?*» — та самая искра, что она заметила в зале совета, переросла в языки пламени в глазах императора.

— Итак, друзья, пообщаемся, — Филипп зашёл внутрь и закрыл дверь. — Думаю, нам есть о чём поговорить, — он повернулся лицом к пленным и засучил рукава.

Дальше всё происходило как в самом страшном сне. Филипп не позволял ни Анне, ни Маркусу вмешиваться в его «*допрос*». Они стояли у другой стены и наблюдали за всеми действиями, что император придумал для пытки пленных.

Не скупясь ни на какие возможные варианты, он совершал акты насилия над бедными юношами, по сути ни в чём не повинными, если судить по памяти крови. В порыве ярости, не получая ответа на свои вопросы, он использовал физическое воздействие, прибегая к раскалённым докрасна прутьям, хлеща ими спины, ноги и ступни пленных, или острым ножам, делая надрезы на теле и капая в них солёную воду, сжигая кожу вокруг раны, или просто грубую силу. Телом он был слаб и сильных ударов совершать не мог.

И спустя почти три часа всех измываний над юношами он вспомнил про Маркуса, что был крупнее и сильнее императора. Вытирая руки от крови и соли, Филипп приказал:

— Маркус, прошу, помоги им разговориться, что-то они молчат долго, — император стряхнул со лба пот и улыбнулся, показывая доброе расположение духа.

Капитан Зога, всё время стоявший у стены, отшатнулся. Делая шаг, он оглянулся назад, на своего генерала. Анна сидела за столом и курила уже четвёртую сигарету, глядя на всё происходящее.

Против императора — против империи.

Вмешиваться она не имела права, точнее — не видела факта для этого вмешательства.

— Ну, чего смотришь на неё? — Филипп повысил голос, медлительность Зоги его нервировала. — Она понимает, это необходимая мера, они враги нам, давай, сделай свою работу, Зога, — император махнул головой в сторону изможденных юношей. Анна отвернулась, полностью отдавая власть над происходящим Филиппу.

— Да, повелитель, — Маркус поставил топор у стены и направился к пленным.

Удар Со всего размаха капитан ударил пленного, что у того пошла кровь изо рта, носа и даже потек глаз, но звука он не издал. Соседний парень с ужасом посмотрел на своего друга, и по щеке покатилась слеза

— Ещё! Он молчит, Зога! Ещё, чёрт возьми! — Филипп вскочил и яростно закричал на капитана, указывая пальцем на пленных. — Ещё, пока не заговорит! — в его глазах были не просто языки пламени, они залились кровью и постепенно стали чернеть.

— Хватит

Между лицом и кулаком осталось всего несколько миллиметров.

В этот критический момент аура Анны, плотная и вязкая, словно тина, заполонила собой всю комнату. Она остановила не только силу удара, но и само течение времени. Стены, ещё недавно серые и холодные, окрасились в густой алый цвет, словно впитав в себя невидимую кровь. Вода, непрестанно капавшая с потолка, тоже изменила свой цвет, превратившись в кровавые капли. Комнату наполнил резкий, металлический запах, а во рту присутствующих, словно по волшебству, появился привкус железа.

Всё это время Анна, сидевшая в углу комнаты, оставалась неподвижной. Она ждала именно этого момента – момента, когда безумие императора достигнет своего пика. Теперь, когда его действия стали откровенно деструктивными, она получила полное моральное право его остановить.

Однако, осознавая свою истинную силу, превосходящую любые возможности Филиппа, она понимала, что не имеет права использовать её во вред империи и самому императору.

Её долг – защита, а не разрушение.

— Я думаю, стоит прекратить это безумие, мой повелитель, — Анна встала, и под её ногами с каждым шагом было слышно хлюпанье, будто пол превратился в сплошное кровавое месиво.

— Достаточно этого ужаса, — она шла прямиком к Филиппу.

Тот стоял, смотря на нее, не смея даже дышать. Да, иногда он может прорвать давление её ауры, как было тем утром перед советом, но это бывает редко, и повторять подобное часто ему не под силу. Но когда Анна полностью держит пространство, тут он бессилен. Ему останется только смотреть, молчать и выполнять её условия.

«*Сейчас ты творишь ужасные вещи, Филипп, не стоит забывать, кто ты, и возможные последствия для себя после подобных действий*».

Анна подошла вплотную, озвучивать вслух подобное она не хотела, так услышат и его подданные, и даже его враги.

— Сядь, —она ткнула пальцем в грудь императора и усадила его на место.

Он всё так же смотрел на неё, и его глаза возвращались в природный серый цвет. Она не могла допустить его безумия, ведь такая вероятность имеет место быть, особенно зная его наследственность.

Маркус уже отошёл от юношей и сидел за столом, вытирая руки о кусок ткани. Анна отпустила его и позволила не чувствовать давление ауры. Ему это было ни к чему. Тем более маг земли, кем был Зога, долго восстанавливается после ауры мага крови.

Вассилевски подошла к пленным и открыла им рот. Филипп всё так же сидел, не двигаясь, делая медленные, короткие вздохи.

— Так и думала, нет языка, — она открыла рот пленного и повернула его голову в сторону императора, втянув в себя ауру, чтобы все спокойно задышали. — Пытать бессмысленно, они не расскажут, а по памяти крови ты знаешь, они не помнят заказчика и даже не помнят, куда надо было нести яйца. Вероятно, они больны.

Филипп встал и вздохнул полной грудью, опрокинув голову назад.

— Хорошо, ты права, — он развернулся спиной к Анне. — Если больны, зачем им жить? — он махнул рукой, делая резкое движение вниз, призывая своё копьё, и лёгким движением отсек сразу обе головы пленных.

— Что ж, это было неожиданно, правда? — Анна с Маркусом стояли уже наверху, возле входа в подвал, наблюдая, как солдаты вытаскивали тела пленных.

— Да, я не думал, что подобное с ним произойдёт, ничего не предвещало беды, — Анна закурила.

— А что ты ожидала от человека, мать которого сожгла около сотни горожан за день, думая, что они все враги империи, хотя ей это лишь показалось? — Маркус забрал сигарету из рук Анны и втянул дым в свои лёгкие.

— Что ты куришь, подруга? — парень сморщился и закашлял.— Мне такое не по душе, спасибо, — он отвернулся и сплюнул горький привкус сигареты.

— Жан был здоров, и если один из родителей болен, редко это передаётся в первом поколении, — Анна смотрела на тела, что выносили из дверей.

— А ведь по сути они не виноваты, и мы сразу не поняли этого Она потёрла лоб, отвернувшись от Маркуса.

— Ладно, я пойду, надо привести себя в порядок, уже через пару дней бал будет, да и охране приказы отдать. Сам тоже сделай, как он просил, хорошо? — она взглянула на Маркуса, тот пинал камень и в ответ лишь кивнул головой.

Без лишних прощаний она стала удаляться от этого злачного места, как услышала вслед крик Маркуса:

— Анна, а ты уверена, что всё хорошо будет после этой ситуации? — вероятно, он намекал на то, как ОНА использовала ауру на императора.

Да, тот мог не простить её, но надежда на понимание со стороны Филиппа теплилась в груди.

— Ну, не казнит же он меня за такое, не смеши, — она отмахнулась, показывая весёлый настрой, хотя в душе скребли кошки.

Она не боялась императора, она боялась лишь потерять себя в этом месте, если начнёт поддакивать безумному повелителю.

То, что так сильно утомляло Анну, так сильно забавляло Эмильду.

— Чего ты такая радостная, Эми? — Анна спускалась по крылу дракона, спрыгивая последний метр над землей.

— А чего грустить? Сейчас совет, потом патруль и на тренировку, — у Эмильды дракон был меньше, и она уже смотрела, как спускается Анна, с земли.

— Там точно будет что-то смешное, возможно, Риуд опять скажет что-то, и Филипп его выгонит из залы, — Эми прищурилась и хитро улыбнулась.

Для Анны такие сборы не предвещали ничего хорошего, в частности из-за новых поручений Филиппа. Он не доверял никому, кроме нее, хотя подручных у него много.

Перед массивными, окованными железом дверями, ведущими в зал совета, собралась группа советников. В воздухе витало напряжение, смешанное с запахом влажного камня и кожи. Шепот, словно шелест осенних листьев, проносился между ними, их голоса были приглушены, но полны скрытого волнения.

— Не понимаю, почему нас задерживают, — пробормотал седобородый старец, его пальцы нервно барабанили по резной рукояти трости. — Его Величество ожидает нас. Важные дела требуют немедленного внимания.

Рядом с ним статная женщина в темно-синем платье, советница по торговым делам, покачала головой:

— Возможно, король принимает кого-то вне очереди. Или же что-то случилось. — Ее взгляд скользнул по бронзовым доспехам двух солдат, стоявших у дверей.

Солдаты, как статуи, невозмутимо стояли на страже. Их лица были скрыты за шлемами, а руки покоились на эфесах мечей. Они не отвечали на вопросы, лишь молчаливо исполняли свой долг, преграждая путь к заветным дверям. Ни один звук, ни одно движение не выдавало в них живых людей; казалось, сами двери обзавелись каменными стражами.

— Я уверен, что мой доклад о северных границах не должен ждать, — настаивал полководец, его кулаки сжались.— Смута может разразиться в любой момент.

Его голос, хоть и тихий, звучал с отсылкой к грому. Советники переглядывались, каждый пытаясь угадать причину задержки, но ни один из них не решался нарушить молчаливое стояние стражи, охраняющей тайны, скрытые за дверями зала совета.

— Госпожа, вы прибыли, как ваш утренний патруль? — раздумья Анны прервал знакомый голос.

— Лукас, странно, что спрашиваешь, ты же должен был лететь со мной вместо Эми, — Анна была недовольна своим солдатом, она редко позволяет им отлынивать от работы, но тут явно был обман, она чуяла.

— Простите меня, я подам сегодня же рапорт о случившемся, — солдат глубоко наклонился в знак извинения и не поднимал голову, пока Анна не дала отмашку.

— Только ты так нагло себя ведешь, Рец.

Продолжать разговор было бессмысленно. На данный момент необходимо понять, почему не пускают, и успокоить блуждающий шепот между советниками.

Проталкиваясь между ними, Анна подошла к дверям, и, как оказалось, перед ними стояли солдаты личных покоев Филиппа.

— Что это значит, время идет, — она подошла ближе, показывая на время.

— Не имеем права пускать, ждите, — отчеканил один, не поднимая забрало шлема и не опуская головы, все так же смотря в потолок.

— *Ты не видишь, с кем говоришь, солдат*? — Анна

От этих слов у всех присутствующих пошли мурашки по коже, а у советников — людей внезапно хлынула кровь из носа, словно тело, не выдержав колоссального напряжения, пыталось избавиться от избытка эмоций.

Это была не просто угроза, а проявление того, чего они боялись больше всего: аура мага крови, достигшего пределов своей высшей ступени.

Воздух в зале стал густым и осязаемым, пропитанный запахом железа и страха. Каждый присутствующий чувствовал, как невидимая сила сдавливает грудь, мешая сделать полный вдох. Те, кто знал природу магии крови, понимали, что это одно из самых разрушительных искусств, способное управлять жизненными силами, подчинять волю и вызывать смерть одним лишь намерением.

От нее не скрыться и не блокировать. Она окутывает всех присутствующих темной, вязкой вуалью, словно болотная трясина, из манны, крови и боли Не каждый маг сдержится и защитит себя от этого давления, а человек — подавно.

Советники, привыкшие к сложным переговорам и холодному расчету, теперь оказались перед существом, чья сила превосходила всякое понимание. Их знания, их опыт — всё казалось ничтожным перед лицом столь концентрированной, первобытной магии.

Солдаты, хоть и были вооружены, ощущали себя беспомощными, их доспехи казались хрупкими скорлупками против такой мощи.

В этот момент тишина, наступившая после произнесенных слов, стала самым громким звуком. Она давила, сводила с ума, заставляя каждого думать лишь о выживании. Перед ними стоял тот, кто не ведал жалости, чья сила была абсолютна, и чьи намерения могли обернуться катастрофой для всего королевства.

— Анна, ты явно ожидаешь больше, чем следует. Извини меня, — сзади подошел человек, он словно разрезал эту вуаль, позволяя людям спокойно вздохнуть и выйти из оцепенения.

Мужчина приказал открыть дверь, и первым вошел в залу.

— Я принимаю твои извинения, Филипп. Надеюсь, это ожидание было оправданным, — она втянула в себя остаток манны и вошла следом за ним.

Мужчина по имени Филипп сел во главе огромного овального стола. По обе стороны от него встали те самые солдаты у дверей.

Следом за Анной вошли советники и стали рассаживаться по своим местам. Анна же подошла к окну и закурила.

— Ты присядешь или позже? — Филипп обернулся на окно. Анна стояла позади него и дымила в открытую форточку белый дым.

— Чтобы слушать ваш совет, мне сначала нужно затуманить разум, — усмехнулась Анна.

Бросив окурок в окно, она села на свободное место, ближайшее от Филиппа, справа. Напротив сидела Эмильда и улыбалась:

— *Снова ты балуешься этими сигаретами*? — ментально отчитала Эми свою сестру.

— *Будешь отчитывать, и про тебя что-то вспомню,* — отчитывать за сигареты — глупость

Как и ожидалось, на совете ничего полезного не произошло. Обсуждение базовых задач, торговля, границы, патрули — скукота

Эмильда с успехом сдала полный утренний и позапрошлый вечерний доклад патруля. Из-за смены патрульных иногда приходится выходить лично Анне и Эмильде, хотя это не их работа.

— Собственно, я вас собрал не из-за этого, — Филипп махнул рукой солдату, и тот достал белый конверт с золотой лентой. Посередине была печать с цветком ромашки. — Уже 5 числа случится ***Бал Весеннего Равноденствия.*** Как никак, уже май месяц. Удивлен, что они решили собраться в начале месяца.

Филипп передал конверт Анне.

— Ты поедешь со мной, ты мне там будешь нужна, — он явно дал понять, что никуда ей не сбежать 5 мая.

— Распоряжения дам в ближайшие дни, будьте внимательны, пришлю письмами, без собраний. На этом все, — он встал из-за стола, двинулся к дверям и, не оборачиваясь, вышел.

****

— Значит, бал будет. Интересно, мне позволят поехать с вами? — весь вечерний патруль после тренировки Эмильда не замолкала.

— Если хочешь, едь вместо меня, — Анна не любитель всех подобных выездов и встреч.

Слухи о ней расходятся по всему континенту, и они, в частности, не добрые.

****

Аннастасия Вассилевски, ближайшая рука нынешнего Филиппа Парга. Маг крови, предел 9 ступени магии.

С самого детства она росла в одном замке с Филиппом и Эмильдой.

Будучи в возрасте 3 лет, ее нашел предыдущий император Парга — Жан, во время вылазки за Море Аморе у берегов Империи Красной Розы. Он нашел мокрого и тощего ребенка, а поблизости кричал младенец — та самая болтушка Эмильда.

Две сестры росли вместе с наследным принцем, и нельзя сказать, что они хорошо ладили, ведь разница в возрасте существенная.

Анна и Филипп = 11 лет. Эмильда и Филипп = 14 лет.

Потому, уже будучи в подростковом периоде Филиппа, его отец явился с двумя подкидышами из-за моря, и, как оказалось впоследствии, еще и магами крови с большим количеством врожденной манны. Он им был не ровня даже в уже более зрелом возрасте, превосходя физически. Они поодиночке могли справиться с дюжиной солдат стихий.

Филипп Парга, будучи магом воды, мало кому мог дать сдачи, но со временем и тренировками с Анной и Эмильдой — он начал поднимать и прокачивать свои умения и расти объем манны.

7 июля 159 года Жан Парга умер. То ли от чахотки, то ли от отравления — никто до сих пор понять не может. Но сгорел он быстро, тихо, ночью во сне ушел.

****

— Да ну, смеешься! Филипп меня за шкирку выкинет с бала, — Эми надула губы и всем видом показала свою боль и грусть.

— А вообще, там явно много разных людей и красивых мужчин приедет. Пригляди кого-нибудь себе, Анна, —когда она вспоминает про мужчин, настроение тотчас меняется, и уже нет тени грусти на лице Эми.

— Ты знаешь, оно мне не надо. Мне бы спокойствия, тихой и мирной жизни, без этих всех эмоциональных потрясений. Мне хватило после смерти Жана и ухода Марии — Анна устремила опустошенный взгляд вдаль.

Они летели над ущельем.

Их путь проходил вдоль границы с Эллиосом, над горами Эвалар. В этих горах, помимо живой растительности, очень много кладок драконьих яиц.

Задача патруля — следить за недобросовестными похитителями кладок, ведь продажа драконов начала набирать обороты, однако не всякий мастер может поладить с только вылупившимся драконом.

Пролетая над основной кладкой, Эмильда заметила движение кустов. В живом лесу это обычное дело, но чутье на человека, которое у магов крови обострено от природы, сыграло роль, и всадница приказала пикировать вниз.

Дракон Эми относится к земляным. Они, в частности, держатся на деревьях с помощью длинных костей и когтей. В бою это самые быстрые и опасные драконы.

Оставив дракона на дереве, где его не сильно было видно, она стала продвигаться вглубь леса, медленно, тихо ступая по еще мокрой земле, частично где-то еще лежал снег.

— *Заметила что-то*? — отозвался голос Анны в голове.

— *Да, чувствую несколько людей. Следи за деревьями сверху, если что, дам сигнал*.

Эми двигалась все дальше, уже стали видеться кладки яиц земляных драконов.

В отличие от металлических драконов, которые прячут свои яйца в пещерах, земляные оставляют яйца на траве или в снегу, согревая их своими телами регулярно.

Однако поблизости не было ни единого дракона. Тишина. Ни звука, ни шелеста, будто кто-то держит пространство

— *Эми, используй покров! Я чувствую манну рядом с тобой*, – отозвался голос Анны.

Покров – техника покрытия пространства своей магией. Маг крови расширяет свою ауру до нужных ему размеров, полностью чувствуя и контролируя то место, где он находится. Это будто локатор и маячок, где маячок – это люди и живые существа вокруг мага.

Эми вздохнула, достала маленький кинжал и порезала указательный палец. Закрыв глаза, она почувствовала, как оболочка вокруг нее начала разрастаться, и, открыв глаза, позволила ауре раскрыться с полной силой.

«***Покров***».

В это время зрение мага крови переходит в режим хищника: он ищет кровь, чувствует сердцебиение существ поблизости и даже слышит движение крови по телу, если объект находится очень близко. Также в этот момент маг крови может перехватить врага, остановив поток крови в его теле.

— *Чувствуешь кого-нибудь*? – Анна кружила над деревьями, четко над тем местом, где стояла Эми.

— *Нет, будто тут только я и яйца это очень подозрительно. Двинусь дальше*, – мягко ступая, она оглядывалась во все стороны, понимая, что даже будучи на 7-й ступени, она не чувствует никого, но ощущение **живого** не дает ей покоя

Шелест деревьев, хоть и не сильно густых листьев для этого времени года, отвлекал Эми.

— ***Чувствую**, наконец-то появилось стойкое ощущение мага, но так мимолетно*

— Ты меня начинаешь пугать, сестра. Неужели твое чутье подводит тебя? – Анна спустилась на драконе прямо возле Эми.

Дракон Анны – белый металлический. Они плохо держатся на деревьях, но быстро летают и пикируют лучше остальных.

Так вот *что* почувствовала Эми – ауру Анны. Она настолько тонкая и вязкая, что сначала создалось ощущение, будто Эми находится в своей ауре, но оказалось, она погрязла в ауре Анны, хотя та еще не окутывала пространство, а лишь приземлилась рядом. Но во время состояния покрова маг крови остро ощущает чье-либо присутствие.

— Я не чувствую ничего и чувствую одновременно, – Эми сняла свое заклинание.

— Хорошо, тогда гляну я, – Анна укусила большой палец до крови. Эми отвернулась и сморщилась, она была против таких увечий, ей уж лучше порезать

«***Покров***»

Вязкая, словно болотная тина, аура Анны окутала все живое и неживое вокруг. Ауру Анны было не перепутать ни с чем. После использования этого заклинания хотелось помыться с ног до головы и даже почистить зубы, настолько она была ощущаемой Но даже после этого Эми никого не видела, будто кто-то сидит и прячется прямо у них перед носом.

«*Хрхрхрх хрхрхгл.. глглгл хррхр*»

— Ну наконец-то, а то я уже начала сомневаться в себе, – Анна облизнула большой палец и свернула покров.

Она направилась в кусты рядом с кладкой яиц. Там извивались два молодых парня в зелено-коричневой форме, видимо, специально для слияния с деревьями. Их вид был ужасен, что неудивительно, ведь Анна не просто использовала покров. Ей надоело ждать, и она решила перекрыть им дыхание, медленно удушая этих парней. Из-за сильнейшего давления, нарастающего внутри их тел, из ушей, носа и глаз начала течь кровь. Набухшие губы, багровые лица, скрюченные конечности – все выдавало агонию. Глаза, широко распахнутые от ужаса и страха, были испещрены красной паутиной полопавшихся сосудов. Они лежали недалеко друг от друга, корчась и извиваясь, словно змеи на раскаленной сковороде, беспомощные перед неведомой силой, что вырывала из них саму жизнь. Анна, окутанная своей магией, наблюдала за этим зрелищем с холодным спокойствием. Покров давал ей полное преимущество: она чувствовала каждое их движение, каждое учащенное биение сердца, каждый предсмертный хрип.

— Что же вас сюда занесло, мальчики? – Анна ослабила давление, чтобы они смогли говорить. Но ни звука, ни писка от них не исходило.

— Давай их до Фреи отвезем, она их разговорит. Что им тут лежать? – Эми стояла рядом, чуть отвернувшись. Такое зрелище было не для нее.

— Эми, не кажется ли тебе, что ты сегодня слишком инициативна? – Анна повернулась к сестре и щелкнула ей по носу. – Разберемся на месте, зачем мне этот мусор тащить в замок?

«*Лукас, северо-восток. Пришли людей проверить кладки, мы кое-кого нашли тут*».

«*Так точно, госпожа. Будут через 7 минут*».

— Ну что ж, начнем разговор, мальчики? – Анна присела на корточки рядом с двумя молчаливыми телами, смахивая каплю крови с лица парня, что лежал ближе к ней, и облизнула палец.

«*Даже не по морщилась, гадость какая*,» – иногда Эми сожалеет, что родилась магом крови, ведь подобные вещи, как облизать кровь врага или чужого человека, вполне себе разумеющееся.

Кровь для мага этого темного искусства была не просто жизненной эссенцией, но настоящим кладезем знаний о человеке. Всего лишь капля, сорванная с пальца или просочившаяся из раны, становилась мостом к прошлому, к мыслям, к самым сокровенным воспоминаниям. Она могла мгновенно показать, врет ли человек, утаивает ли что-то, или же, напротив, обнажить перед магом калейдоскоп событий, которые тот пережил. Маг крови, словно алхимик, погружался в эту таинственную субстанцию, буквально полоская её, просеивая через сито своих магических способностей.

Это был кропотливый, опасный, но до невообразимой степени эффективный метод получения информации, недоступный ни одному другому искусству. В этой жемчужине жизни скрывались ответы на все вопросы. Правда, ложь, страх, любовь, ненависть – всё это отпечатывалось в крови, становясь доступным для тех, кто осмеливался проникнуть в её глубины, в *память крови.*

— Ты чем-то вечно недовольна, Эми, – Анна поднялась и уже вытирала палец об жакет. – Если тебе подобные мероприятия мерзки, не стоило подниматься до 7-й ступени. Оставалась бы на 5-й, 6-й – там такое не под силу, насколько помнишь.

— Спасибо за то, что ты это делаешь вместо меня, Анна, – Эми честно сказала сестре о своих чувствах, но та лишь усмехнулась.

— Я не всегда буду рядом. Знаешь ведь, иногда придется самой справляться. Взрослая уже, – Анна пнула лежащие тела и направилась к дракону.

С запада к ним двигались несколько земляных драконов, видимо, кого-то из патруля отправили.

— Госпожа Вассилевски, рады видеть вас в здравии. Мы с западной заставы, капитан Рец приказал прибыть по вашему запросу, – два юноши приземлились близ кладок и отчитались.

— Да, спасибо, что прибыли. Вы довольно быстро, я только закончила, – Анна повернула голову в сторону двух тел. – Заберите их в свою заставу, пусть Маки их вылечит.

— Так точно, госпожа. Заберем, но зачем их лечить? – Солдаты в недоумении, ведь если Анна их прочла, то смысла в их жизни нет.

— *Вы что-то не поняли?*

— Нет, госпожа. Все ясно, так точно. К Маки, – вытирая кровь из носу, солдаты поспешили забрать скорченные тела.

— Они же ничего плохого не сделали, зачем ты на них используешь ауру? – Эми с Анной направлялись к своим драконам, оставив солдат с теми людьми.

— Солдат не должен спрашивать, тем более меня. Приказ есть приказ, – Анна садилась на своего дракона, перебрасывая ногу через поводья. – Они мне нужны живыми, а эти, – она махнула головой в сторону солдат, – явно хотели их тут же закопать и не везти никуда. Видела их драконов, они маленькие, не уместятся все, дискомфорт всадникам обеспечен.

Драконы прилетевших солдат были и правда очень миниатюрные, там в седле едва один мужчина уместится, а если везти кого-то сверху, придется класть тело себе на колени.

— Я не подумала об этом, прости, — Эми осознала, что защищать этих юношей не стоит. У них был свой мотив, но Анна, как обычно, продумала все наперед.

Во времена царствования мужчин у женщин, которые пытаются выбиться в люди и заполучить признание в обществе, вырабатываются определенные манеры и поведение. Не каждую женщину в наше время может принять общество, тем более если тебе не за 40 лет. Там большую роль играет уважение к возрасту.

Но если тебе от силы 24 года, как на данный момент Анне, приходится искать другие способы поддержания своего авторитета.

В свои 22 года Анна получила признание совета старейшин после победы на Зеленой пустоши.

В ту битву она пересекла предел 8-го уровня и вступила на 9-й, на самую высшую ступень в наше время. Ее отметка количества маны на данный момент переросла в 5.000 единиц, что сопоставимо с 10-й ступенью, но почему-то предел 9 она пересечь пока не может.

Начиная с капитана небольшого отряда магов крови, она поднялась до генерала легиона империи Парга всего за два года. Совет старейшин вместе с военачальниками приняло единогласное решение — назначить ее ответственной за все войска империи.

Чего ей это стоило? Знает только одна она, но то доверие, которое она заслужила, конечно же, не добрым словом, у императора и совета дорогого стоит.

С малого возраста Анна защищала как себя, так и свою младшую сестру Эмильду от нападок Филиппа или других придворных детей. А в уже более осознанном возрасте — от советников и некоторых капитанов. Оттого она научилась продумывать все наперед и тщательно следить за окружающими.

Сестры, словно два полюса одной природы, жили под одним кровом, но их пути в этом мире разительно отличались.

Если Эми, с ее пылким нравом и открытой демонстрацией эмоций, вызывала смешанные чувства – где-то восхищение, а где-то порой и желание ее обуздать, – то Анна была воплощением тихого, но абсолютного превосходства. Ей не нужны были крики или долгие объяснения, чтобы установить свой авторитет. Одного лишь ее взгляда, глубокого и пронзительного, было достаточно, чтобы любому, даже самому дерзкому собеседнику, застыть намертво, проглотив слова обратно.

Анна не любила шумных расправ. Ее сила заключалась в иной форме насилия, более тонкой и мучительной. Без единого крика, без малейшей попытки словесно доказать свою правоту, она медленно, но верно душила оппонента своей аурой. Это было искусство, отточенное до совершенства, искусство, в котором она не знала себе равных.

Во всей империи Парга, от величественного трона до самых отдаленных окраин, не было никого, кто стоял бы выше неё в иерархии силы. Те, кто когда-то могли претендовать на это положение, давно ушли в небытие.

— Ничего страшного, учись, пока я жива, — Анна усмехнулась и сорвалась в небо.

Всю дорогу до дома не было ни ментальных перешептываний, ни каких-либо знаков со стороны Анны. Она была на удивление спокойна и сдержанна.

Закончив патруль, девушки вернулись в замок уже затемно.

Драконы, наконец освободившись от экипировки, улетели в своем направлении. Они не ночевали в замке или где-то поблизости. Все основные гнезда и стаи обитали в горах Эвалар и по зову своего мага, с кем была создана связь, прилетали в любое место, где бы ни был человек. За них не переживали, драконы за себя постоять могут.

— Эми, иди ложись спать, доклад завтра сдам сама лично, не переживай.

Анна направилась прямиком в сторону казарм восточной роты, где в то время спал капитан Маркус Зога.

— И что же мы тут спим, капитан Зога? — Анна влетела в комнату, срывая с него одеяло и скидывая на пол. — Спишь, в то время как наши кладки воруют, а?

Маркус в испуге вскочил на ноги и начал трясти головой, чтобы проснуться. Он стоял в одних портках и, почему-то, только с левым носком.

— Неужели капитану восточной роты, ответственному за восточные кладки Эвалара, так сладко спится? Доноса не было за сегодня, ***Маркус***? — Анна не сдержалась, и тонкая струя вязкой ауры просочилась и поползла по полу прямиком к правой ноге капитана. Тот отскочил на кровать, шустро надевая носок на правую ступню.

— Госпожа, сегодня было много доносов, но если вы про инцидент в горах сегодня, да, я в курсе, — Маркус испуганно натягивал на тело одеяло, пытаясь прикрыть торс от взгляда

Анны. Мужчина, в два раза больше и выше, прикрывался от девушки, что стояла и сверлила его взглядом.

«*Спасибо, что без покрытия*».

«***Ты очень много себе позволяешь, друг мой. Твое отношение к произошедшему меня расстраивает и заставляет думать, не заодно ли ты с ними***»

Голос в голове отбросил все мысли Маркуса. Только ее голос звучал четко, не давая даже сделать глоток воздуха, перекрывая мысли, желание и сознание капитана.

Страх не давал полностью раскрыться легким или даже сглотнуть слюну, что наполнила рот Он забыл, как дышать и даже глотать

Маркус упал на колени перед Анной, перед ее силой и тем давлением, которое она может оказывать на окружающих одним своим желанием, не приказывая и не озвучивая заклинание.

— Молю меня извинить, приму любое наказание, только прошу, воздух — Маркус схватился за грудь, пытаясь сделать хотя бы малюсенький вздох.

«***Дыши глубже, друг мой***»

Давление ушло, будто камень стянули с груди, и юноша сделал глубокий вдох, настолько, насколько могли раскрыться его легкие.

Анна села за стол напротив капитана, который все еще стоял на коленях на полу, рядом лежало одеяло и были разбросаны вещи.

— Давай, вставай и рассказывай, что знаешь, — она достала пачку сигарет и закурила одну из них, пуская тонкую струю белого дыма в потолок.

Наконец-то Маркус смог прийти в себя. Она таки застала его врасплох. Одевшись, он сел за стол и протянул скрепленные бумаги. Только когда приблизился, он заметил красную полоску под носом у Анны. В темноте он плохо видел ее лицо, но под светом свечи на столе все стало четче.

— Тебе сегодня пришлось несладко, вижу, — Маркус указал на свой нос, когда Анна подняла голову в его сторону. — Сама их читала, да?

Между ними были теплые отношения, они были близки. Единственные, кому они доверяли, — это друг другу. Было время, когда их пытались даже поженить. Он красив, молод, блондин, с серыми глазами, высокого роста и крепкого телосложения. Внешне они даже были чем-то схожи.

Удивлялись, что именно Анна и Эми были родня, хотя совершенно не были похожи друг на друга. Одна темно-русая, с голубыми глазами, черными бровями и пухлыми губами. Настоящая принцесса, что не скажешь о младшей сестре: темненькая, с тонкими губами и карими глазами — но все так же прелестна и красива.

— Да, у Лукаса опять проблемы с людьми. Мы летали с Эми в патруль вечером, — Анна читала, не пропуская ни одной строчки, отвлекаясь только на сигарету.

— Я не могу сказать, откуда они там, но в их сумках были яйца только одного вида — огненные — Маркус и правда не имел понятия, зачем похитителям были эти яйца.

— Да, я тоже увидела только красные яйца, но, насколько я помню, никто не рождался еще со стихией огня. Нам бы подали явки, — она откинулась на стуле и уперлась взглядом в потолок, все так же выпуская дым из губ. — Только если это не для наших людей — Анна прищурилась.

Было уже поздно, стемнело, и только свеча озаряла стол и Маркуса. Языки пламени играли с ветром, показывая будто фигурки то ли людей, то ли полноценные сцены, давая некие подсказки для размышлений двух друзей.

— Короче, ложись, никакого наказания не будет, пошутили и хватит. Но в следующий раз — сразу мне докладывай, не жди повтора сцены, а то вдруг там уже и без портков будешь, — Анна усмехнулась, потушила сигарету и направилась к выходу из комнаты Маркуса.

Из казарм вела тропа, заросшая кустами, вплоть до черного входа на кухню придворных. Из-за отношения к правящей семье, даже будучи солдатом, комната Анны находилась в замке, в восточном крыле башни.

Забежав через черный вход, который вел на кухню, Анна сразу свернула на лестницу, что вела прямиком в еекрыло башни, в то время как Эми сидела на кухне с двумя девушками и о чем-то весело перешептывалась. Оттуда пахло невероятно маняще, но усталость была настолько сильна, что желание лечь в постель преобладало над гудением живота.

«*Да уж, использовать в один день столько расширения ауры мне дало по голове*» — Анна поднялась на свой этаж и уже направлялась к комнате. В конце коридора была одна единственная дверь.

Только ее башня и только одна комната — все, как было запрошено у Жана Парга, когда девочка выросла. В 15 лет Анна захотела жить в уединенной стороне замка, тренируясь день и ночь, чтобы не давать себя в обиду. После этого комната все также осталась за ней. За все время проживания произошел невероятное количество ремонта и изменений. Основное, что осталось и по сей день, — выход на покатую крышу башни, где Анна отдыхала, лежала на черепице и смотрела на звезды. Иногда пролетали драконы, обучая своих детенышей летать.

— Госпожа, я думала, вы сегодня не вернетесь уже, — Анна открыла дверь, и на пороге стояла Руфи, еегувернантка.

— Нет, что ты, я всегда стараюсь вернуться, — Анна улыбнулась, видя обеспокоенное выражение лица своей близкой знакомой.

Руфи очень сильно переживала всегда, когда Анна поздно возвращалась. В ее обязанности входили стирка, шитье и подбор одежды, смена постельного и полная уборка только этой комнаты. Некоторые другие гувернантки шептались из-за того, что якобы у Руфи было мало хлопот, но это было обманчиво.

Анна доверяла Руфи очень многое, в том числе разнос различных писем, которые не должны были попадать в руки кого-то из придворных. Хоть она и была не шибко взрослая, к Анне же относилась как к сестре, и соблюдение субординации не считала нужным. Разница в их возрасте была всего 6 лет, и как только Руфи исполнилось 18, ее забрали в покои госпожи. Встретила та ее с улыбкой и всегда помогала, если появлялись вопросы. А вопросов было предостаточно, поскольку одежда Анны была, мягко говоря, странной.

В частности, это были обязательно шорты или брюки. Никаких платьев она не носила, если только юбки, и то поверх шорт или брюк. Далее шли различные «лохмотья», как описывала их Руфи, но для госпожи это была самая комфортная одежда из-за постоянных тренировок, патрулей и езды на драконах.

В платьях не наработаешься

— Да, я помню, но я слышала про нападение в горах, мало ли что бывает, — Руфи принялась развязывать пояс и помогать раздеться госпоже.

— Не волнуйся так, ты же знаешь, кто я. Справлюсь. Ты сама как, удалось зашить те жакеты для езды? — Анна стянула юбку, что была одета поверх шорт.

— Я иногда так удивляюсь, что вы носите. Это же настоящие лохмотья, госпожа, — Руфи подняла юбку и оглядела её.

Многослойная юбка из ткани серо-коричневого цвета, выглядит грубой, с рваными краями и украшена геометрическим узором, что не подходила для дамы высшего сословия.

— Так отдай сюда, — Анна вырвала из рук служанки свою юбку и положила в сундук с вещами. — Уж не тебе тут говорить. У тебя вообще вся грудь нараспашку, того и гляди, — Анна замялась, — вывалится всё, что держится в декольте у тебя, — она указала пальцем на грудь Руфи, что томно поднималась то вверх, то вниз от возмущения.

— Я вас услышала, моя госпожа, — Руфи опустила голову и принялась укладывать всю одежду для постирочной.

Анна отшвырнула от себя ботинки, направляясь к окну, чтобы закурить.

Собрав все необходимое, Руфи откланялась.

— Если я тебя обидела, извини меня, но и ты не оскорбляй мой выбор, пожалуйста, — Анна стояла спиной к служанке, выпуская дым в открытое окошко. — Хотя бы ты — почти шепотом произнесла госпожа.

— Я не обижаюсь, и вы простите. Отдыхайте, пожалуйста. Я приду утром, — Руфи улыбнулась и вышла за дверь.

Анна чувствовала: она не обижается, всё хорошо.

Только положив голову на подушку после горячей ванны, сон забрал госпожу в свои объятия.

****

Сумрак Из-за густых облаков выглядывает струя белоснежной луны

— Что я тут делаю? — Анна шла посреди густого леса, с каждым шагом утопая в тумане, что был повсюду. Она всё так же была одета в спальное платье и босиком, будто её вырвали из постели и отправили гулять по лесу совершенно одной, в неизвестном лесу. Он не был похож на горы Эвалар или Морелия, это был лес, доселе не изученный Анной.

Идя по тропинке из мха босыми ногами, она следила за движением кустов, возможно, где-то здесь будет подсказка в этом сне или

— Вот оно, движение! — кусты справа от нее резко дернулись, и послышался вой.

Анна медленно продвигалась всё ближе и ближе, и наконец, отодвинув пару веток, заглянула на ту сторону

Посреди огромной, освещенной лунным светом поляны, на коленях стоял мужчина, спиной к ней. Он был одет в синий камзол, его оружие лежало рядом, в метре от него — это была то ли секира, то ли посох ярко-алого цвета. Лица его не было видно, но то, кто стоял напротив мужчины — дракон, подобному которому она еще не встречала: огромный, с массивными крыльями и красными глазами.

Слева от дракона, на камне, лежал огромный белый волк, размером буквально чуть ли не с медведя, и облизывал свои лапы, не замечая никого вокруг.

— Вероятно, это был его вой, — Анна посмотрела на дракона.

Дракон подобного цвета — цвета пустыни, с плотной бронированной чешуей, цвета бронзы и шоколада —встречался настолько редко в наше время, что встретить его считалось удачей

— Они разговаривают? — Анна не могла понять смысл этой сцены, то ли это обряд связывания узами, то ли казнь Но в чем виновен тогда этот человек перед драконом?

Немая сцена продолжалась, и человек все не поднимал голову, все преклонял её перед могучим драконом.

Анна прошла вдоль кустов, пытаясь увидеть лицо мужчины, но как только ей удалось пройти ближе, человек упал на землю, выкинув вперед руки — прямо под лапы дракона. Тот не шевельнулся

— Что у него с рукой, это ожог? — Анна не могла разглядеть странные отметины у мужчины на левой кисти.

Пока она вглядывалась, дракон отошел от мужчины, вздохнул и начал удаляться прочь, словно отказывая в любом из возможных действий.

*— «**Не сейчас**», — дракон проговорил голосом, так что слышали все.*

Человек все также находился на коленях, а дракон — уходил, ничего не дав

Волк наконец встал, отряхнулся и пошел в сторону человека, ложась возле его ног.

— Зачем он призвал дракона, или это дракон призвал его

Взгляд

Дракон смотрел четко в сторону, где пряталась Анна, смотрел и не отводил взгляд, немного прищурившись.

Его голос прозвенел в голове: «Не сейчас».

****

Анна вскочила в холодном поту, словно её облили из ведра. Вся подушка, одеяло и постель были мокрые, ровно под её силуэт.

— Госпожа, вы проснулись. Доброе утречко, — в комнату залетела Руфи и принялась раздвигать шторы, пуская лучи солнца в спальню.

— Руфи, подай кофе и посиди со мной, — Анна оде́лась быстро, чтобы поговорить со служанкой перед началом утреннего собрания патруля.

Судорожными руками достала сигарету из пачки и закурила.

— Значит, дракон бронзовый? — Руфи сидела напротив, за столом, попивая кофе. — Ну, мы же знаем, это дракон-прародитель. Но сейчас, в наше время, их осталось ой, — она посмотрела в окно, чуть прищурив глаза, — насколько мне не изменяет память, два на весь континент. И один из них в горах Морелия. Но вот кто он —самка или самец — не буду говорить, не знаю.

Анна не могла осознать, к чему ей приснился прародитель, ведь у нее есть дракон, связанный узами.

— И мужчина, что он там делал? — она взглянула на Руфи, та безмятежно пила кофе, не беспокоясь о таком пустяке.

— Слушайте, а, возможно, вы оказались на их связывании или призыве, и всего лишь. Дракон отказал человеку, такое бывает, — служанка встала и начала сгребать крошки со стола.

«*А может, и правда? Может, я попала нечаянно на этот призыв, и потому дракон отказал ему из-за чужака —меня*».

— Спасибо, Руфи, успокоила. Можешь не накрывать, поем в столовой. Тем более, — Анна взглянула на часы и ахнула, — боги мои, уже пора на совет! — она вскочила и, на ходу одевая ботинки, выбежала прямиком в коридор, не закрывая даже двери за собой.

Пробегая по коридору, не останавливаясь, чтобы поздороваться с кем-то этим утром, она столкнулась с Эми.

— Куда мчишься так рано утром? — Эми выглядела вполне проснувшейся, в отличие от сестры.

— Совет, не начался еще? — пытаясь отдышаться, Анна наклонилась и опёрлась на колени кистями рук.

— Начинается. Вот сейчас, идем, — Эми махнула рукой, приглашая Анну за собой.

Сегодня был не совет, как обычно, а собрание капитанов для сбора средне-недельного патруля.

— Итак, без лишних разговоров, — Филипп буквально влетел в залу, и, сев за стол, сверлил всех капитанов взглядом. — Анна, докладывай про вчерашнюю ситуацию в горах. Наши яйца, что с ними? ***ВСЕ ХОЧУ ЗНАТЬ***! — Филипп истерически вскрикнул. Он был зол как никогда, ведь от этих кладок зависит состав нашей армии.

— В общем, могу сказать, эти юноши — наёмники. Для них главная цель — украсть именно красные яйца, но

— Явки были с нашей стороны? — Филипп прервал доклад.

— Нет, ваше величество, — Маркус подал голос. Это его ответственность, его же восточные кладки.

— Да, явок не было, но я не буду утверждать, зачем им эти яйца, — Анна стояла будто побитая овечка. Ей нечего было ответить, ведь заказчика она не увидела в воспоминаниях крови наёмника, а, возможно, его и не было

— Если с нашей стороны не было явок, я склоняюсь к тому, что это были люди извне, мой повелитель, — один из капитанов подал голос.

— Я тоже к этому склоняюсь, — Филипп сквозь зубы процедил вердикт. — Вассилевски, усиль охрану, дай больше людей на кладки и ещё раз допроси тех наёмников. От нас ничего не должно быть скрыто, — Император резко встал и направился к выходу, показывая, что собрание закончилось.

— Хотя, Анна, — он обернулся, смотря прямо в глаза своей подчинённой, — отведи их вниз. Я сегодня присоединюсь к вам, — в его глазах внезапно вспыхнула искорка и так же быстро потухла

— Хорошо, сделаю, — Анна поклонилась, стараясь скрыть выражение опасения на своем лице.

Не понравилась ей эта идея, чтобы Филипп присутствовал на разговоре. Всё также посмотреть память крови она может и сама, зачем ему приходить — было непонятно.

Анна стояла у массивной дубовой двери, ведущей в недра башни. Юношей перевезли в подвал восточной башни этой ночью, поскольку Маки вылечила их быстрее ожидаемого.

Повторный разговор с пленными был неизбежен. А после приказа императора — тем более, их не оставят просто так.

Она сняла с стены факел, зажгла и толкнула дверь. Петли заскрипели, показывая свое вековое преимущество перед молодой девушкой. Лестница вилась вниз. Каждый шаг отзывался эхом в сыром воздухе, пропитанном запахом земли и сырости.

Факел в её руке бросал пляшущие тени на неровные стены, где паутина серебрилась в дрожащем свете. Спуск казался бесконечным: ступени, истертые веками, скользили под ногами, а холодный сквозняк из глубины пронизывал тело насквозь.

Анна сжала рукоять кинжала на поясе – не для защиты, но для спокойствия. Она недолюбливала этот подвал башни, там часто водились пауки и змеи. Здесь ранее находилась тюрьма для пленных, но вскоре эти камеры с ржавыми решетками были заброшены. Наконец, лестница сузилась, и воздух стал тяжелее, сдавливая легкие.

Дверь в подвал маячила в конце – тяжелая, окованная железом. Двигаясь от лестницы до конца коридора, она остановилась на миг, вслушиваясь в приглушённые голоса за дверью.

Помимо пленных, там находился Маркус; он ожидал Анну в темноте.

— Ну наконец-то явилась, — Зога сидел в углу комнаты, играясь своим топором.

— Тебе бы побольше манер, Маркус. Смотри императору так не скажи, — Анна усмехнулась над дерзостью своего солдата.

— Зачем он хочет прийти? От него толку — тьфу! — парень сплюнул с отвращением в стену.

— Ладно, ты посмотришь на них, или я могу закончить разговор информацией, — он взглянул на кулак и дунул, будто сдувая пылинки с костяшек.

— А Филипп, маг воды, что может?

— Прополощет их, — Анна улыбнулась и повесила факел на стену, озаряя пленных. Они сидели на холодном каменном полу, прислонившись спинами к шершавым стенам. Одетые в рваные, грязные одежды, с цепями на руках. Их раны были излечены, но в глазах не было повиновения.

За разговором Анна не услышала, как к комнате приближался человек. Дверь с грохотом распахнулась, на пороге стоял сам Филипп.

«*Его глаза, ты видишь?*» — Анна услышала голос Маркуса в голове.

«*Утром тоже было, неужели и он?*» — та самая искра, что она заметила в зале совета, переросла в языки пламени в глазах императора.

— Итак, друзья, пообщаемся, — Филипп зашёл внутрь и закрыл дверь. — Думаю, нам есть о чём поговорить, — он повернулся лицом к пленным и засучил рукава.

Дальше всё происходило как в самом страшном сне. Филипп не позволял ни Анне, ни Маркусу вмешиваться в его «*допрос*». Они стояли у другой стены и наблюдали за всеми действиями, что император придумал для пытки пленных.

Не скупясь ни на какие возможные варианты, он совершал акты насилия над бедными юношами, по сути ни в чём не повинными, если судить по памяти крови. В порыве ярости, не получая ответа на свои вопросы, он использовал физическое воздействие, прибегая к раскалённым докрасна прутьям, хлеща ими спины, ноги и ступни пленных, или острым ножам, делая надрезы на теле и капая в них солёную воду, сжигая кожу вокруг раны, или просто грубую силу. Телом он был слаб и сильных ударов совершать не мог.

И спустя почти три часа всех измываний над юношами он вспомнил про Маркуса, что был крупнее и сильнее императора. Вытирая руки от крови и соли, Филипп приказал:

— Маркус, прошу, помоги им разговориться, что-то они молчат долго, — император стряхнул со лба пот и улыбнулся, показывая доброе расположение духа.

Капитан Зога, всё время стоявший у стены, отшатнулся. Делая шаг, он оглянулся назад, на своего генерала. Анна сидела за столом и курила уже четвёртую сигарету, глядя на всё происходящее.

Против императора — против империи.

Вмешиваться она не имела права, точнее — не видела факта для этого вмешательства.

— Ну, чего смотришь на неё? — Филипп повысил голос, медлительность Зоги его нервировала. — Она понимает, это необходимая мера, они враги нам, давай, сделай свою работу, Зога, — император махнул головой в сторону измождённых юношей. Анна отвернулась, полностью отдавая власть над происходящим Филиппу.

— Да, повелитель, — Маркус поставил топор у стены и направился к пленным.

Удар Со всего размаха капитан ударил пленного, что у того пошла кровь изо рта, носа и даже потек глаз, но звука он не издал. Соседний парень с ужасом посмотрел на своего друга, и по щеке покатилась слеза

— Ещё! Он молчит, Зога! Ещё, чёрт возьми! — Филипп вскочил и яростно закричал на капитана, указывая пальцем на пленных. — Ещё, пока не заговорит! — в его глазах были не просто языки пламени, они залились кровью и постепенно стали чернеть.

— Хватит

Между лицом и кулаком осталось всего несколько миллиметров.

В этот критический момент аура Анны, плотная и вязкая, словно тина, заполонила собой всю комнату. Она остановила не только силу удара, но и само течение времени. Стены, ещё недавно серые и холодные, окрасились в густой алый цвет, словно впитав в себя невидимую кровь. Вода, непрестанно капавшая с потолка, тоже изменила свой цвет, превратившись в кровавые капли. Комнату наполнил резкий, металлический запах, а во рту присутствующих, словно по волшебству, появился привкус железа.

Всё это время Анна, сидевшая в углу комнаты, оставалась неподвижной. Она ждала именно этого момента – момента, когда безумие императора достигнет своего пика. Теперь, когда его действия стали откровенно деструктивными, она получила полное моральное право его остановить.

Однако, осознавая свою истинную силу, превосходящую любые возможности Филиппа, она понимала, что не имеет права использовать её во вред империи и самому императору.

Её долг – защита, а не разрушение.

— Я думаю, стоит прекратить это безумие, мой повелитель, — Анна встала, и под её ногами с каждым шагом было слышно хлюпанье, будто пол превратился в сплошное кровавое месиво.

— Достаточно этого ужаса, — она шла прямиком к Филиппу.

Тот стоял, смотря на нее, не смея даже дышать. Да, иногда он может прорвать давление её ауры, как было тем утром перед советом, но это бывает редко, и повторять подобное часто ему не под силу. Но когда Анна полностью держит пространство, тут он бессилен. Ему останется только смотреть, молчать и выполнять её условия.

«*Сейчас ты творишь ужасные вещи, Филипп, не стоит забывать, кто ты, и возможные последствия для себя после подобных действий*».

Анна подошла вплотную, озвучивать вслух подобное она не хотела, так услышат и его подданные, и даже его враги.

— ***Сядь***, —она ткнула пальцем в грудь императора и усадила его на место.

Он всё так же смотрел на неё, и его глаза возвращались в природный серый цвет. Она не могла допустить его безумия, ведь такая вероятность имеет место быть, особенно зная его наследственность.

Маркус уже отошёл от юношей и сидел за столом, вытирая руки о кусок ткани. Анна отпустила его и позволила не чувствовать давление ауры. Ему это было ни к чему. Тем более маг земли, кем был Зога, долго восстанавливается после ауры мага крови.

Вассилевски подошла к пленным и открыла им рот. Филипп всё так же сидел, не двигаясь, делая медленные, короткие вздохи.

— Так и думала, нет языка, — она открыла рот пленного и повернула его голову в сторону императора, втянув в себя ауру, чтобы все спокойно задышали. — Пытать бессмысленно, они не расскажут, а по памяти крови ты знаешь, они не помнят заказчика и даже не помнят, куда надо было нести яйца. Вероятно, они больны.

Филипп встал и вздохнул полной грудью, опрокинув голову назад.

— Хорошо, ты права, — он развернулся спиной к Анне. — Если больны, зачем им жить? — он махнул рукой, делая резкое движение вниз, призывая своё копьё, и лёгким движением отсек сразу обе головы пленных.

— Что ж, это было неожиданно, правда? — Анна с Маркусом стояли уже наверху, возле входа в подвал, наблюдая, как солдаты вытаскивали тела пленных.

— Да, я не думал, что подобное с ним произойдёт, ничего не предвещало беды, — Анна закурила.

— А что ты ожидала от человека, мать которого сожгла около сотни горожан за день, думая, что они все враги империи, хотя ей это лишь показалось? — Маркус забрал сигарету из рук Анны и втянул дым в свои лёгкие.

— Что ты куришь, подруга? — парень сморщился и закашлял.— Мне такое не по душе, спасибо, — он отвернулся и сплюнул горький привкус сигареты.

— Жан был здоров, и если один из родителей болен, редко это передаётся в первом поколении, — Анна смотрела на тела, что выносили из дверей.

— А ведь по сути они не виноваты, и мы сразу не поняли этого Она потёрла лоб, отвернувшись от Маркуса.

— Ладно, я пойду, надо привести себя в порядок, уже через пару дней бал будет, да и охране приказы отдать. Сам тоже сделай, как он просил, хорошо? — она взглянула на Маркуса, тот пинал камень и в ответ лишь кивнул головой.

Без лишних прощаний она стала удаляться от этого злачного места, как услышала вслед крик Маркуса:

— Анна, а ты уверена, что всё хорошо будет после этой ситуации? — вероятно, он намекал на то, как ОНА использовала ауру на императора.

Да, тот мог не простить её, но надежда на понимание со стороны Филиппа теплилась в груди.

— Ну, не казнит же он меня за такое, не смеши, — она отмахнулась, показывая весёлый настрой, хотя в душе скребли кошки.

Она не боялась императора, она боялась лишь потерять себя в этом месте, если начнёт поддакивать безумному повелителю.

То, что так сильно утомляло Анну, так сильно забавляло Эмильду.

— Чего ты такая радостная, Эми? — Анна спускалась по крылу дракона, спрыгивая последний метр над землей.

— А чего грустить? Сейчас совет, потом патруль и на тренировку, — у Эмильды дракон был меньше, и она уже смотрела, как спускается Анна, с земли.

— Там точно будет что-то смешное, возможно, Риуд опять скажет что-то, и Филипп его выгонит из залы, — Эми прищурилась и хитро улыбнулась.

Для Анны такие сборы не предвещали ничего хорошего, в частности из-за новых поручений Филиппа. Он не доверял никому, кроме нее, хотя подручных у него много.

Перед массивными, окованными железом дверями, ведущими в зал совета, собралась группа советников. В воздухе витало напряжение, смешанное с запахом влажного камня и кожи. Шепот, словно шелест осенних листьев, проносился между ними, их голоса были приглушены, но полны скрытого волнения.

— Не понимаю, почему нас задерживают, — пробормотал седобородый старец, его пальцы нервно барабанили по резной рукояти трости. — Его Величество ожидает нас. Важные дела требуют немедленного внимания.

Рядом с ним статная женщина в темно-синем платье, советница по торговым делам, покачала головой:

— Возможно, король принимает кого-то вне очереди. Или же что-то случилось. — Ее взгляд скользнул по бронзовым доспехам двух солдат, стоявших у дверей.

Солдаты, как статуи, невозмутимо стояли на страже. Их лица были скрыты за шлемами, а руки покоились на эфесах мечей. Они не отвечали на вопросы, лишь молчаливо исполняли свой долг, преграждая путь к заветным дверям. Ни один звук, ни одно движение не выдавало в них живых людей; казалось, сами двери обзавелись каменными стражами.

— Я уверен, что мой доклад о северных границах не должен ждать, — настаивал полководец, его кулаки сжались.— Смута может разразиться в любой момент.

Его голос, хоть и тихий, звучал с отсылкой к грому. Советники переглядывались, каждый пытаясь угадать причину задержки, но ни один из них не решался нарушить молчаливое стояние стражи, охраняющей тайны, скрытые за дверями зала совета.

— Госпожа, вы прибыли, как ваш утренний патруль? — раздумья Анны прервал знакомый голос.

— Лукас, странно, что спрашиваешь, ты же должен был лететь со мной вместо Эми, — Анна была недовольна своим солдатом, она редко позволяет им отлынивать от работы, но тут явно был обман, она чуяла.

— Простите меня, я подам сегодня же рапорт о случившемся, — солдат глубоко наклонился в знак извинения и не поднимал голову, пока Анна не дала отмашку.

— Только ты так нагло себя ведешь, Рец.

Продолжать разговор было бессмысленно. На данный момент необходимо понять, почему не пускают, и успокоить блуждающий шепот между советниками.

Проталкиваясь между ними, Анна подошла к дверям, и, как оказалось, перед ними стояли солдаты личных покоев Филиппа.

— Что это значит, время идет, — она подошла ближе, показывая на время.

— Не имеем права пускать, ждите, — отчеканил один, не поднимая забрало шлема и не опуская головы, все так же смотря в потолок.

— *Ты не видишь, с кем говоришь, солдат*? — Анна

От этих слов у всех присутствующих пошли мурашки по коже, а у советников — людей внезапно хлынула кровь из носа, словно тело, не выдержав колоссального напряжения, пыталось избавиться от избытка эмоций.

Это была не просто угроза, а проявление того, чего они боялись больше всего: аура мага крови, достигшего пределов своей высшей ступени.

Воздух в зале стал густым и осязаемым, пропитанный запахом железа и страха. Каждый присутствующий чувствовал, как невидимая сила сдавливает грудь, мешая сделать полный вдох. Те, кто знал природу магии крови, понимали, что это одно из самых разрушительных искусств, способное управлять жизненными силами, подчинять волю и вызывать смерть одним лишь намерением.

От нее не скрыться и не блокировать. Она окутывает всех присутствующих темной, вязкой вуалью, словно болотная трясина, из манны, крови и боли Не каждый маг сдержится и защитит себя от этого давления, а человек — подавно.

Советники, привыкшие к сложным переговорам и холодному расчету, теперь оказались перед существом, чья сила превосходила всякое понимание. Их знания, их опыт — всё казалось ничтожным перед лицом столь концентрированной, первобытной магии.

Солдаты, хоть и были вооружены, ощущали себя беспомощными, их доспехи казались хрупкими скорлупками против такой мощи.

В этот момент тишина, наступившая после произнесенных слов, стала самым громким звуком. Она давила, сводила с ума, заставляя каждого думать лишь о выживании. Перед ними стоял тот, кто не ведал жалости, чья сила была абсолютна, и чьи намерения могли обернуться катастрофой для всего королевства.

— Анна, ты явно ожидаешь больше, чем следует. Извини меня, — сзади подошел человек, он словно разрезал эту вуаль, позволяя людям спокойно вздохнуть и выйти из оцепенения.

Мужчина приказал открыть дверь, и первым вошел в залу.

— Я принимаю твои извинения, Филипп. Надеюсь, это ожидание было оправданным, — она втянула в себя остаток манны и вошла следом за ним.

Мужчина по имени Филипп сел во главе огромного овального стола. По обе стороны от него встали те самые солдаты у дверей.

Следом за Анной вошли советники и стали рассаживаться по своим местам. Анна же подошла к окну и закурила.

— Ты присядешь или позже? — Филипп обернулся на окно. Анна стояла позади него и дымила в открытую форточку белый дым.

— Чтобы слушать ваш совет, мне сначала нужно затуманить разум, — усмехнулась Анна.

Бросив окурок в окно, она села на свободное место, ближайшее от Филиппа, справа. Напротив сидела Эмильда и улыбалась:

— *Снова ты балуешься этими сигаретами*? — ментально отчитала Эми свою сестру.

— *Будешь отчитывать, и про тебя что-то вспомню,* — отчитывать за сигареты — глупость

Как и ожидалось, на совете ничего полезного не произошло. Обсуждение базовых задач, торговля, границы, патрули — скукота

Эмильда с успехом сдала полный утренний и позапрошлый вечерний доклад патруля. Из-за смены патрульных иногда приходится выходить лично Анне и Эмильде, хотя это не их работа.

— Собственно, я вас собрал не из-за этого, — Филипп махнул рукой солдату, и тот достал белый конверт с золотой лентой. Посередине была печать с цветком ромашки. — Уже 5 числа случится ***Бал Весеннего Равноденствия.*** Как никак, уже май месяц. Удивлен, что они решили собраться в начале месяца.

Филипп передал конверт Анне.

— Ты поедешь со мной, ты мне там будешь нужна, — он явно дал понять, что никуда ей не сбежать 5 мая.

— Распоряжения дам в ближайшие дни, будьте внимательны, пришлю письмами, без собраний. На этом все, — он встал из-за стола, двинулся к дверям и, не оборачиваясь, вышел.

****

— Значит, бал будет. Интересно, мне позволят поехать с вами? — весь вечерний патруль после тренировки Эмильда не замолкала.

— Если хочешь, едь вместо меня, — Анна не любитель всех подобных выездов и встреч. Слухи о ней расходятся по всему континенту, и они, в частности, не добрые.

****

Аннастасия Вассилевски, ближайшая рука нынешнего Филиппа Парга. Маг крови, предел 9 ступени магии.

С самого детства она росла в одном замке с Филиппом и Эмильдой.

Будучи в возрасте 3 лет, ее нашел предыдущий император Парга — Жан, во время вылазки за Море Аморе у берегов Империи Красной Розы. Он нашел мокрого и тощего ребенка, а поблизости кричал младенец — та самая болтушка Эмильда.

Две сестры росли вместе с наследным принцем, и нельзя сказать, что они хорошо ладили, ведь разница в возрасте существенная.

Анна и Филипп = 11 лет. Эмильда и Филипп = 14 лет.

Потому, уже будучи в подростковом периоде Филиппа, его отец явился с двумя подкидышами из-за моря, и, как оказалось впоследствии, еще и магами крови с большим количеством врожденной манны. Он им был не ровня даже в уже более зрелом возрасте, превосходя физически. Они поодиночке могли справиться с дюжиной солдат стихий.

Филипп Парга, будучи магом воды, мало кому мог дать сдачи, но со временем и тренировками с Анной и Эмильдой — он начал поднимать и прокачивать свои умения и расти объем манны.

7 июля 159 года Жан Парга умер. То ли от чахотки, то ли от отравления — никто до сих пор понять не может. Но сгорел он быстро, тихо, ночью во сне ушел.

****

— Да ну, смеешься! Филипп меня за шкирку выкинет с бала, — Эми надула губы и всем видом показала свою боль и грусть.

— А вообще, там явно много разных людей и красивых мужчин приедет. Пригляди кого-нибудь себе, Анна, —когда она вспоминает про мужчин, настроение тотчас меняется, и уже нет тени грусти на лице Эми.

— Ты знаешь, оно мне не надо. Мне бы спокойствия, тихой и мирной жизни, без этих всех эмоциональных потрясений. Мне хватило после смерти Жана и ухода Марии — Анна устремила опустошенный взгляд вдаль.

Они летели над ущельем.

Их путь проходил вдоль границы с Эллиосом, над горами Эвалар. В этих горах, помимо живой растительности, очень много кладок драконьих яиц.

Задача патруля — следить за недобросовестными похитителями кладок, ведь продажа драконов начала набирать обороты, однако не всякий мастер может поладить с только вылупившимся драконом.

Пролетая над основной кладкой, Эмильда заметила движение кустов. В живом лесу это обычное дело, но чутье на человека, которое у магов крови обострено от природы, сыграло роль, и всадница приказала пикировать вниз.

Дракон Эми относится к земляным. Они, в частности, держатся на деревьях с помощью длинных костей и когтей. В бою это самые быстрые и опасные драконы.

Оставив дракона на дереве, где его не сильно было видно, она стала продвигаться вглубь леса, медленно, тихо ступая по еще мокрой земле, частично где-то еще лежал снег.

— *Заметила что-то*? — отозвался голос Анны в голове.

— *Да, чувствую несколько людей. Следи за деревьями сверху, если что, дам сигнал*.

Эми двигалась все дальше, уже стали видеться кладки яиц земляных драконов.

В отличие от металлических драконов, которые прячут свои яйца в пещерах, земляные оставляют яйца на траве или в снегу, согревая их своими телами регулярно.

Однако поблизости не было ни единого дракона. Тишина. Ни звука, ни шелеста, будто кто-то держит пространство

— *Эми, используй покров! Я чувствую манну рядом с тобой*, – отозвался голос Анны.

Покров – техника покрытия пространства своей магией. Маг крови расширяет свою ауру до нужных ему размеров, полностью чувствуя и контролируя то место, где он находится. Это будто локатор и маячок, где маячок – это люди и живые существа вокруг мага.

Эми вздохнула, достала маленький кинжал и порезала указательный палец. Закрыв глаза, она почувствовала, как оболочка вокруг нее начала разрастаться, и, открыв глаза, позволила ауре раскрыться с полной силой.

«***Покров***».

В это время зрение мага крови переходит в режим хищника: он ищет кровь, чувствует сердцебиение существ поблизости и даже слышит движение крови по телу, если объект находится очень близко. Также в этот момент маг крови может перехватить врага, остановив поток крови в его теле.

— *Чувствуешь кого-нибудь*? – Анна кружила над деревьями, четко над тем местом, где стояла Эми.

— *Нет, будто тут только я и яйца это очень подозрительно. Двинусь дальше*, – мягко ступая, она оглядывалась во все стороны, понимая, что даже будучи на 7-й ступени, она не чувствует никого, но ощущение **живого** не дает ей покоя

Шелест деревьев, хоть и не сильно густых листьев для этого времени года, отвлекал Эми.

— ***Чувствую**, наконец-то появилось стойкое ощущение мага, но так мимолетно*

— Ты меня начинаешь пугать, сестра. Неужели твое чутье подводит тебя? – Анна спустилась на драконе прямо возле Эми.

Дракон Анны – белый металлический. Они плохо держатся на деревьях, но быстро летают и пикируют лучше остальных.

Так вот *что* почувствовала Эми – ауру Анны. Она настолько тонкая и вязкая, что сначала создалось ощущение, будто Эми находится в своей ауре, но оказалось, она погрязла в ауре Анны, хотя та еще не окутывала пространство, а лишь приземлилась рядом. Но во время состояния покрова маг крови остро ощущает чье-либо присутствие.

— Я не чувствую ничего и чувствую одновременно, – Эми сняла свое заклинание.

— Хорошо, тогда гляну я, – Анна укусила большой палец до крови. Эми отвернулась и сморщилась, она была против таких увечий, ей уж лучше порезать

«***Покров***»

Вязкая, словно болотная тина, аура Анны окутала все живое и неживое вокруг. Ауру Анны было не перепутать ни с чем. После использования этого заклинания хотелось помыться с ног до головы и даже почистить зубы, настолько она была ощущаемой Но даже после этого Эми никого не видела, будто кто-то сидит и прячется прямо у них перед носом.

«*Хрхрхрх хрхрхгл.. глглгл хррхр*»

— Ну наконец-то, а то я уже начала сомневаться в себе, – Анна облизнула большой палец и свернула покров.

Она направилась в кусты рядом с кладкой яиц. Там извивались два молодых парня в зелено-коричневой форме, видимо, специально для слияния с деревьями. Их вид был ужа-

сен, что неудивительно, ведь Анна не просто использовала покров. Ей надоело ждать, и она решила перекрыть им дыхание, медленно удушая этих парней. Из-за сильнейшего давления, нарастающего внутри их тел, из ушей, носа и глаз начала течь кровь. Набухшие губы, багровые лица, скрюченные конечности – все выдавало агонию. Глаза, широко распахнутые от ужаса и страха, были испещрены красной паутиной полопавшихся сосудов. Они лежали недалеко друг от друга, корчась и извиваясь, словно змеи на раскаленной сковороде, беспомощные перед неведомой силой, что вырывала из них саму жизнь. Анна, окутанная своей магией, наблюдала за этим зрелищем с холодным спокойствием. Покров давал ей полное преимущество: она чувствовала каждое их движение, каждое учащенное биение сердца, каждый предсмертный хрип.

— Что же вас сюда занесло, мальчики? – Анна ослабила давление, чтобы они смогли говорить. Но ни звука, ни писка от них не исходило.

— Давай их до Фреи отвезем, она их разговорит. Что им тут лежать? – Эми стояла рядом, чуть отвернувшись. Такое зрелище было не для нее.

— Эми, не кажется ли тебе, что ты сегодня слишком инициативна? – Анна повернулась к сестре и щелкнула ей по носу. – Разберемся на месте, зачем мне этот мусор тащить в замок?

«*Лукас, северо-восток. Пришли людей проверить кладки, мы кое-кого нашли тут*».

«*Так точно, госпожа. Будут через 7 минут*».

— Ну что ж, начнем разговор, мальчики? – Анна присела на корточки рядом с двумя молчаливыми телами, смахивая каплю крови с лица парня, что лежал ближе к ней, и облизнула палец.

«*Даже не по морщилась, гадость какая*,» – иногда Эми сожалеет, что родилась магом крови, ведь подобные вещи, как облизать кровь врага или чужого человека, вполне себе разумеющееся.

Кровь для мага этого темного искусства была не просто жизненной эссенцией, но настоящим кладезем знаний о человеке. Всего лишь капля, сорванная с пальца или просочившаяся из раны, становилась мостом к прошлому, к мыслям, к самым сокровенным воспоминаниям. Она могла мгновенно показать, врет ли человек, утаивает ли что-то, или же, напротив, обнажить перед магом калейдоскоп событий, которые тот пережил. Маг крови, словно алхимик, погружался в эту таинственную субстанцию, буквально полоская её, просеивая через сито своих магических способностей.

Это был кропотливый, опасный, но до невообразимой степени эффективный метод получения информации, недоступный ни одному другому искусству. В этой жемчужине жизни скрывались ответы на все вопросы. Правда, ложь, страх, любовь, ненависть – всё это отпечатывалось в крови, становясь доступным для тех, кто осмеливался проникнуть в её глубины, в *память крови.*

— Ты чем-то вечно недовольна, Эми, – Анна поднялась и уже вытирала палец об жакет. – Если тебе подобные мероприятия мерзки, не стоило подниматься до 7-й ступени. Оставалась бы на 5-й, 6-й – там такое не под силу, насколько помнишь.

— Спасибо за то, что ты это делаешь вместо меня, Анна, – Эми честно сказала сестре о своих чувствах, но та лишь усмехнулась.

— Я не всегда буду рядом. Знаешь ведь, иногда придется самой справляться. Взрослая уже, – Анна пнула лежащие тела и направилась к дракону.

С запада к ним двигались несколько земляных драконов, видимо, кого-то из патруля отправили.

— Госпожа Вассилевски, рады видеть вас в здравии. Мы с западной заставы, капитан Рец приказал прибыть по вашему запросу, – два юноши приземлились близ кладок и отчитались.

— Да, спасибо, что прибыли. Вы довольно быстро, я только закончила, – Анна повернула голову в сторону двух тел. – Заберите их в свою заставу, пусть Маки их вылечит.

— Так точно, госпожа. Заберем, но зачем их лечить? – Солдаты в недоумении, ведь если Анна их прочла, то смысла в их жизни нет.

— *Вы что-то не поняли?*

— Нет, госпожа. Все ясно, так точно. К Маки, – вытирая кровь из носу, солдаты поспешили забрать скорченные тела.

— Они же ничего плохого не сделали, зачем ты на них используешь ауру? – Эми с Анной направлялись к своим драконам, оставив солдат с теми людьми.

— Солдат не должен спрашивать, тем более меня. Приказ есть приказ, – Анна садилась на своего дракона, перебрасывая ногу через поводья. – Они мне нужны живыми, а эти, – она махнула головой в сторону солдат, – явно хотели их тут же закопать и не везти никуда. Видела их драконов, они маленькие, не уместятся все, дискомфорт всадникам обеспечен.

Драконы прилетевших солдат были и правда очень миниатюрные, там в седле едва один мужчина уместится, а если везти кого-то сверху, придется класть тело себе на колени.

— Я не подумала об этом, прости, — Эми осознала, что защищать этих юношей не стоит. У них был свой мотив, но Анна, как обычно, продумала все наперед.

Во времена царствования мужчин у женщин, которые пытаются выбиться в люди и заполучить признание в обществе, вырабатываются определенные манеры и поведение. Не каждую женщину в наше время может принять общество, тем более если тебе не за 40 лет. Там большую роль играет уважение к возрасту.

Но если тебе от силы 24 года, как на данный момент Анне, приходится искать другие способы поддержания своего авторитета.

В свои 22 года Анна получила признание совета старейшин после победы на Зеленой пустоши.

В ту битву она пересекла предел 8-го уровня и вступила на 9-й, на самую высшую ступень в наше время. Ее отметка количества маны на данный момент переросла в 5.000 единиц, что сопоставимо с 10-й ступенью, но почему-то предел 9 она пересечь пока не может.

Начиная с капитана небольшого отряда магов крови, она поднялась до генерала легиона империи Парга всего за два года. Совет старейшин вместе с военачальниками приняло единогласное решение — назначить ее ответственной за все войска империи.

Чего ей это стоило? Знает только одна она, но то доверие, которое она заслужила, конечно же, не добрым словом, у императора и совета дорогого стоит.

С малого возраста Анна защищала как себя, так и свою младшую сестру Эмильду от нападок Филиппа или других придворных детей. А в уже более осознанном возрасте — от советников и некоторых капитанов. Оттого она научилась продумывать все наперед и тщательно следить за окружающими.

Сестры, словно два полюса одной природы, жили под одним кровом, но их пути в этом мире разительно отличались.

Если Эми, с ее пылким нравом и открытой демонстрацией эмоций, вызывала смешанные чувства – где-то восхищение, а где-то порой и желание ее обуздать, – то Анна была воплощением тихого, но абсолютного превосходства. Ей не нужны были крики или долгие объяснения, чтобы установить свой авторитет. Одного лишь ее взгляда, глубокого и пронзительного, было достаточно, чтобы любому, даже самому дерзкому собеседнику, застыть намертво, проглотив слова обратно.

Анна не любила шумных расправ. Ее сила заключалась в иной форме насилия, более тонкой и мучительной. Без единого крика, без малейшей попытки словесно доказать свою правоту, она медленно, но верно душила оппонента своей аурой. Это было искусство, отточенное до совершенства, искусство, в котором она не знала себе равных.

Во всей империи Парга, от величественного трона до самых отдаленных окраин, не было никого, кто стоял бы выше неё в иерархии силы. Те, кто когда-то могли претендовать на это положение, давно ушли в небытие.

— Ничего страшного, учись, пока я жива, — Анна усмехнулась и сорвалась в небо.

Всю дорогу до дома не было ни ментальных перешептываний, ни каких-либо знаков со стороны Анны. Она была на удивление спокойна и сдержанна.

Закончив патруль, девушки вернулись в замок уже затемно.

Драконы, наконец освободившись от экипировки, улетели в своем направлении. Они не ночевали в замке или где-то поблизости. Все основные гнезда и стаи обитали в горах Эвалар и по зову своего мага, с кем была создана связь, прилетали в любое место, где бы ни был человек. За них не переживали, драконы за себя постоять могут.

— Эми, иди ложись спать, доклад завтра сдам сама лично, не переживай.

Анна направилась прямиком в сторону казарм восточной роты, где в то время спал капитан Маркус Зога.

— И что же мы тут спим, капитан Зога? — Анна влетела в комнату, срывая с него одеяло и скидывая на пол. — Спишь, в то время как наши кладки воруют, а?

Маркус в испуге вскочил на ноги и начал трясти головой, чтобы проснуться. Он стоял в одних портках и, почему-то, только с левым носком.

— Неужели капитану восточной роты, ответственному за восточные кладки Эвалара, так сладко спится? Доноса не было за сегодня, ***Маркус***? — Анна не сдержалась, и тонкая струя вязкой ауры просочилась и поползла по полу прямиком к правой ноге капитана. Тот отскочил на кровать, шустро надевая носок на правую ступню.

— Госпожа, сегодня было много доносов, но если вы про инцидент в горах сегодня, да, я в курсе, — Маркус испуганно натягивал на тело одеяло, пытаясь прикрыть торс от взгляда Анны. Мужчина, в два раза больше и выше, прикрывался от девушки, что стояла и сверлила его взглядом.

«*Спасибо, что без покрытия*».

«***Ты очень много себе позволяешь, друг мой. Твое отношение к произошедшему меня расстраивает и заставляет думать, не заодно ли ты с ними***»

Голос в голове отбросил все мысли Маркуса. Только ее голос звучал четко, не давая даже сделать глоток воздуха, перекрывая мысли, желание и сознание капитана.

Страх не давал полностью раскрыться легким или даже сглотнуть слюну, что наполнила рот Он забыл, как дышать и даже глотать

Маркус упал на колени перед Анной, перед ее силой и тем давлением, которое она может оказывать на окружающих одним своим желанием, не приказывая и не озвучивая заклинание.

— Молю меня извинить, приму любое наказание, только прошу, воздух — Маркус схватился за грудь, пытаясь сделать хотя бы малюсенький вздох.

«***Дыши глубже, друг мой***»

Давление ушло, будто камень стянули с груди, и юноша сделал глубокий вдох, настолько, насколько могли раскрыться его легкие.

Анна села за стол напротив капитана, который все еще стоял на коленях на полу, рядом лежало одеяло и были разбросаны вещи.

— Давай, вставай и рассказывай, что знаешь, — она достала пачку сигарет и закурила одну из них, пуская тонкую струю белого дыма в потолок.

Наконец-то Маркус смог прийти в себя. Она таки застала его врасплох. Одевшись, он сел за стол и протянул скрепленные бумаги. Только когда приблизился, он заметил красную полоску под носом у Анны. В темноте он плохо видел ее лицо, но под светом свечи на столе все стало четче.

— Тебе сегодня пришлось несладко, вижу, — Маркус указал на свой нос, когда Анна подняла голову в его сторону. — Сама их читала, да?

Между ними были теплые отношения, они были близки. Единственные, кому они доверяли, — это друг другу. Было время, когда их пытались даже поженить. Он красив, молод, блондин, с серыми глазами, высокого роста и крепкого телосложения. Внешне они даже были чем-то схожи.

Удивлялись, что именно Анна и Эми были родня, хотя совершенно не были похожи друг на друга. Одна темно-русая, с голубыми глазами, черными бровями и пухлыми губами. Настоящая принцесса, что не скажешь о младшей сестре: темненькая, с тонкими губами и карими глазами — но все так же прелестна и красива.

— Да, у Лукаса опять проблемы с людьми. Мы летали с Эми в патруль вечером, — Анна читала, не пропуская ни одной строчки, отвлекаясь только на сигарету.

— Я не могу сказать, откуда они там, но в их сумках были яйца только одного вида — огненные — Маркус и правда не имел понятия, зачем похитителям были эти яйца.

— Да, я тоже увидела только красные яйца, но, насколько я помню, никто не рождался еще со стихией огня. Нам бы подали явки, — она откинулась на стуле и уперлась взглядом в потолок, все так же выпуская дым из губ. — Только если это не для наших людей — Анна прищурилась.

Было уже поздно, стемнело, и только свеча озаряла стол и Маркуса. Языки пламени играли с ветром, показывая будто фигурки то ли людей, то ли полноценные сцены, давая некие подсказки для размышлений двух друзей.

— Короче, ложись, никакого наказания не будет, пошутили и хватит. Но в следующий раз — сразу мне докладывай, не жди повтора сцены, а то вдруг там уже и без портков будешь, — Анна усмехнулась, потушила сигарету и направилась к выходу из комнаты Маркуса.

Из казарм вела тропа, заросшая кустами, вплоть до черного входа на кухню придворных. Из-за отношения к правящей семье, даже будучи солдатом, комната Анны находилась в замке, в восточном крыле башни.

Забежав через черный вход, который вел на кухню, Анна сразу свернула на лестницу, что вела прямиком в еекрыло башни, в то время как Эми сидела на кухне с двумя девушками и о чем-то весело перешептывалась. Оттуда пахло невероятно маняще, но усталость была настолько сильна, что желание лечь в постель преобладало над гудением живота.

«*Да уж, использовать в один день столько расширения ауры мне дало по голове*» — Анна поднялась на свой этаж и уже направлялась к комнате. В конце коридора была одна единственная дверь.

Только ее башня и только одна комната — все, как было запрошено у Жана Парга, когда девочка выросла. В 15 лет Анна захотела жить в уединенной стороне замка, тренируясь день и ночь, чтобы не давать себя в обиду. После этого комната все также осталась за ней. За все время проживания произошел невероятное количество ремонта и изменений. Основное, что осталось и по сей день, — выход на покатую крышу башни, где Анна отдыхала, лежала на черепице и смотрела на звезды. Иногда пролетали драконы, обучая своих детенышей летать.

— Госпожа, я думала, вы сегодня не вернетесь уже, — Анна открыла дверь, и на пороге стояла Руфи, еегувернантка.

— Нет, что ты, я всегда стараюсь вернуться, — Анна улыбнулась, видя обеспокоенное выражение лица своей близкой знакомой.

Руфи очень сильно переживала всегда, когда Анна поздно возвращалась. В ее обязанности входили стирка, шитье и подбор одежды, смена постельного и полная уборка только этой комнаты. Некоторые другие гувернантки шептались из-за того, что якобы у Руфи было мало хлопот, но это было обманчиво.

Анна доверяла Руфи очень многое, в том числе разнос различных писем, которые не должны были попадать в руки кого-то из придворных. Хоть она и была не шибко взрослая, к Анне же относилась как к сестре, и соблюдение субординации не считала нужным. Разница в их возрасте была всего 6 лет, и как только Руфи исполнилось 18, ее забрали в покои госпожи. Встретила та ее с улыбкой и всегда помогала, если появлялись вопросы. А вопросов было предостаточно, поскольку одежда Анны была, мягко говоря, странной.

В частности, это были обязательно шорты или брюки. Никаких платьев она не носила, если только юбки, и то поверх шорт или брюк. Далее шли различные «лохмотья», как описывала их Руфи, но для госпожи это была самая комфортная одежда из-за постоянных тренировок, патрулей и езды на драконах.

В платьях не наработаешься

— Да, я помню, но я слышала про нападение в горах, мало ли что бывает, — Руфи принялась развязывать пояс и помогать раздеться госпоже.

— Не волнуйся так, ты же знаешь, кто я. Справлюсь. Ты сама как, удалось зашить те жакеты для езды? — Анна стянула юбку, что была одета поверх шорт.

— Я иногда так удивляюсь, что вы носите. Это же настоящие лохмотья, госпожа, — Руфи подняла юбку и оглядела её.

Многослойная юбка из ткани серо-коричневого цвета, выглядит грубой, с рваными краями и украшена геометрическим узором, что не подходила для дамы высшего сословия.

— Так отдай сюда, — Анна вырвала из рук служанки свою юбку и положила в сундук с вещами. — Уж не тебе тут говорить. У тебя вообще вся грудь нараспашку, того и гляди, — Анна замялась, — вывалится всё, что держится в декольте у тебя, — она указала пальцем на грудь Руфи, что томно поднималась то вверх, то вниз от возмущения.

— Я вас услышала, моя госпожа, — Руфи опустила голову и принялась укладывать всю одежду для постирочной.

Анна отшвырнула от себя ботинки, направляясь к окну, чтобы закурить.

Собрав все необходимое, Руфи откланялась.

— Если я тебя обидела, извини меня, но и ты не оскорбляй мой выбор, пожалуйста, — Анна стояла спиной к служанке, выпуская дым в открытое окошко. — Хотя бы ты — почти шепотом произнесла госпожа.

— Я не обижаюсь, и вы простите. Отдыхайте, пожалуйста. Я приду утром, — Руфи улыбнулась и вышла за дверь.

Анна чувствовала: она не обижается, всё хорошо.

Только положив голову на подушку после горячей ванны, сон забрал госпожу в свои объятия.

****

С*умрак Из-за густых облаков выглядывает струя белоснежной луны*

— Что я тут делаю? — Анна шла посреди густого леса, с каждым шагом утопая в тумане, что был повсюду. Она всё так же была одета в спальное платье и босиком, будто её вырвали из постели и отправили гулять по лесу совершенно одной, в неизвестном лесу. Он не был похож на горы Эвалар или Морелия, это был лес, доселе не изученный Анной.

Идя по тропинке из мха босыми ногами, она следила за движением кустов, возможно, где-то здесь будет подсказка в этом сне или

— Вот оно, движение! — кусты справа от нее резко дернулись, и послышался вой.

Анна медленно продвигалась всё ближе и ближе, и наконец, отодвинув пару веток, заглянула на ту сторону

Посреди огромной, освещенной лунным светом поляны, на коленях стоял мужчина, спиной к ней. Он был одет в синий камзол, его оружие лежало рядом, в метре от него — это была то ли секира, то ли посох ярко-алого цвета. Лица его не было видно, но то, кто стоял

напротив мужчины — дракон, подобному которому она еще не встречала: огромный, с массивными крыльями и красными глазами.

Слева от дракона, на камне, лежал огромный белый волк, размером буквально чуть ли не с медведя, и облизывал свои лапы, не замечая никого вокруг.

— Вероятно, это был его вой, — Анна посмотрела на дракона.

Дракон подобного цвета — цвета пустыни, с плотной бронированной чешуей, цвета бронзы и шоколада —встречался настолько редко в наше время, что встретить его считалось удачей

— Они разговаривают? — Анна не могла понять смысл этой сцены, то ли это обряд связывания узами, то ли казнь Но в чем виновен тогда этот человек перед драконом?

Немая сцена продолжалась, и человек все не поднимал голову, все преклонял её перед могучим драконом.

Анна прошла вдоль кустов, пытаясь увидеть лицо мужчины, но как только ей удалось пройти ближе, человек упал на землю, выкинув вперед руки — прямо под лапы дракона. Тот не шевельнулся

— Что у него с рукой, это ожог? — Анна не могла разглядеть странные отметины у мужчины на левой кисти.

Пока она вглядывалась, дракон отошел от мужчины, вздохнул и начал удаляться прочь, словно отказывая в любом из возможных действий.

*— «**Не сейчас**», — дракон проговорил голосом, так что слышали все.*

Человек все также находился на коленях, а дракон — уходил, ничего не дав

Волк наконец встал, отряхнулся и пошел в сторону человека, ложась возле его ног.

— Зачем он призвал дракона, или это дракон призвал его

Взгляд

Дракон смотрел четко в сторону, где пряталась Анна, смотрел и не отводил взгляд, немного прищурившись.

Его голос прозвенел в голове: «Не сейчас».

****

Анна вскочила в холодном поту, словно её облили из ведра. Вся подушка, одеяло и постель были мокрые, ровно под её силуэт.

— Госпожа, вы проснулись. Доброе утречко, — в комнату залетела Руфи и принялась раздвигать шторы, пуская лучи солнца в спальню.

— Руфи, подай кофе и посиди со мной, — Анна оде́лась быстро, чтобы поговорить со служанкой перед началом утреннего собрания патруля.

Судорожными руками достала сигарету из пачки и закурила.

— Значит, дракон бронзовый? — Руфи сидела напротив, за столом, попивая кофе. — Ну, мы же знаем, это дракон-прародитель. Но сейчас, в наше время, их осталось ой, — она посмотрела в окно, чуть прищурив глаза, — насколько мне не изменяет память, два на весь континент. И один из них в горах Морелия. Но вот кто он —самка или самец — не буду говорить, не знаю.

Анна не могла осознать, к чему ей приснился прародитель, ведь у нее есть дракон, связанный узами.

— И мужчина, что он там делал? — она взглянула на Руфи, та безмятежно пила кофе, не беспокоясь о таком пустяке.

— Слушайте, а, возможно, вы оказались на их связывании или призыве, и всего лишь. Дракон отказал человеку, такое бывает, — служанка встала и начала сгребать крошки со стола.

«*А может, и правда? Может, я попала нечаянно на этот призыв, и потому дракон отказал ему из-за чужака —меня*».

— Спасибо, Руфи, успокоила. Можешь не накрывать, поем в столовой. Тем более, — Анна взглянула на часы и ахнула, — боги мои, уже пора на совет! — она вскочила и, на ходу одевая ботинки, выбежала прямиком в коридор, не закрывая даже двери за собой.

Пробегая по коридору, не останавливаясь, чтобы поздороваться с кем-то этим утром, она столкнулась с Эми.

— Куда мчишься так рано утром? — Эми выглядела вполне проснувшейся, в отличие от сестры.

— Совет, не начался еще? — пытаясь отдышаться, Анна наклонилась и опёрлась на колени кистями рук.

— Начинается. Вот сейчас, идем, — Эми махнула рукой, приглашая Анну за собой.

Сегодня был не совет, как обычно, а собрание капитанов для сбора средне-недельного патруля.

— Итак, без лишних разговоров, — Филипп буквально влетел в залу, и, сев за стол, сверлил всех капитанов взглядом. — Анна, докладывай про вчерашнюю ситуацию в горах. Наши яйца, что с ними? ***ВСЕ ХОЧУ ЗНАТЬ***! — Филипп истерически вскрикнул. Он был зол как никогда, ведь от этих кладок зависит состав нашей армии.

— В общем, могу сказать, эти юноши — наёмники. Для них главная цель — украсть именно красные яйца, но

— Явки были с нашей стороны? — Филипп прервал доклад.

— Нет, ваше величество, — Маркус подал голос. Это его ответственность, его же восточные кладки.

— Да, явок не было, но я не буду утверждать, зачем им эти яйца, — Анна стояла будто побитая овечка. Ей нечего было ответить, ведь заказчика она не увидела в воспоминаниях крови наёмника, а, возможно, его и не было

— Если с нашей стороны не было явок, я склоняюсь к тому, что это были люди извне, мой повелитель, — один из капитанов подал голос.

— Я тоже к этому склоняюсь, — Филипп сквозь зубы процедил вердикт. — Вассилевски, усиль охрану, дай больше людей на кладки и ещё раз допроси тех наёмников. От нас ничего не должно быть скрыто, — Император резко встал и направился к выходу, показывая, что собрание закончилось.

— Хотя, Анна, — он обернулся, смотря прямо в глаза своей подчинённой, — отведи их вниз. Я сегодня присоединюсь к вам, — в его глазах внезапно вспыхнула искорка и так же быстро потухла

— Хорошо, сделаю, — Анна поклонилась, стараясь скрыть выражение опасения на своем лице.

Не понравилась ей эта идея, чтобы Филипп присутствовал на разговоре. Всё также посмотреть память крови она может и сама, зачем ему приходить — было непонятно.

Анна стояла у массивной дубовой двери, ведущей в недра башни. Юношей перевезли в подвал восточной башни этой ночью, поскольку Маки вылечила их быстрее ожидаемого.

Повторный разговор с пленными был неизбежен. А после приказа императора — тем более, их не оставят просто так.

Она сняла с стены факел, зажгла и толкнула дверь. Петли заскрипели, показывая свое вековое преимущество перед молодой девушкой. Лестница вилась вниз. Каждый шаг отзывался эхом в сыром воздухе, пропитанном запахом земли и сырости.

Факел в её руке бросал пляшущие тени на неровные стены, где паутина серебрилась в дрожащем свете. Спуск казался бесконечным: ступени, истертые веками, скользили под ногами, а холодный сквозняк из глубины пронизывал тело насквозь.

Анна сжала рукоять кинжала на поясе – не для защиты, но для спокойствия. Она недолюбливала этот подвал башни, там часто водились пауки и змеи. Здесь ранее находилась

тюрьма для пленных, но вскоре эти камеры с ржавыми решетками были заброшены. Наконец, лестница сузилась, и воздух стал тяжелее, сдавливая легкие.

Дверь в подвал маячила в конце – тяжелая, окованная железом. Двигаясь от лестницы до конца коридора, она остановилась на миг, вслушиваясь в приглушённые голоса за дверью.

Помимо пленных, там находился Маркус; он ожидал Анну в темноте.

— Ну наконец-то явилась, — Зога сидел в углу комнаты, играясь своим топором.

— Тебе бы побольше манер, Маркус. Смотри императору так не скажи, — Анна усмехнулась над дерзостью своего солдата.

— Зачем он хочет прийти? От него толку — тьфу! — парень сплюнул с отвращением в стену.

— Ладно, ты посмотришь на них, или я могу закончить разговор информацией, — он взглянул на кулак и дунул, будто сдувая пылинки с костяшек.

— А Филипп, маг воды, что может?

— Прополощет их, — Анна улыбнулась и повесила факел на стену, озаряя пленных. Они сидели на холодном каменном полу, прислонившись спинами к шершавым стенам. Одетые в рваные, грязные одежды, с цепями на руках. Их раны были излечены, но в глазах не было повиновения.

За разговором Анна не услышала, как к комнате приближался человек. Дверь с грохотом распахнулась, на пороге стоял сам Филипп.

«*Его глаза, ты видишь?*» — Анна услышала голос Маркуса в голове.

«*Утром тоже было, неужели и он?*» — та самая искра, что она заметила в зале совета, переросла в языки пламени в глазах императора.

— Итак, друзья, пообщаемся, — Филипп зашёл внутрь и закрыл дверь. — Думаю, нам есть о чём поговорить, — он повернулся лицом к пленным и засучил рукава.

Дальше всё происходило как в самом страшном сне. Филипп не позволял ни Анне, ни Маркусу вмешиваться в его «*допрос*». Они стояли у другой стены и наблюдали за всеми действиями, что император придумал для пытки пленных.

Не скупясь ни на какие возможные варианты, он совершал акты насилия над бедными юношами, по сути ни в чём не повинными, если судить по памяти крови. В порыве ярости, не получая ответа на свои вопросы, он использовал физическое воздействие, прибегая к раскалённым докрасна прутьям, хлеща ими спины, ноги и ступни пленных, или острым ножам, делая надрезы на теле и капая в них солёную воду, сжигая кожу вокруг раны, или просто грубую силу. Телом он был слаб и сильных ударов совершать не мог.

И спустя почти три часа всех измываний над юношами он вспомнил про Маркуса, что был крупнее и сильнее императора. Вытирая руки от крови и соли, Филипп приказал:

— Маркус, прошу, помоги им разговориться, что-то они молчат долго, — император стряхнул со лба пот и улыбнулся, показывая доброе расположение духа.

Капитан Зога, всё время стоявший у стены, отшатнулся. Делая шаг, он оглянулся назад, на своего генерала. Анна сидела за столом и курила уже четвёртую сигарету, глядя на всё происходящее.

Против императора — против империи.

Вмешиваться она не имела права, точнее — не видела факта для этого вмешательства.

— Ну, чего смотришь на неё? — Филипп повысил голос, медлительность Зоги его нервировала. — Она понимает, это необходимая мера, они враги нам, давай, сделай свою работу, Зога, — император махнул головой в сторону изможденных юношей. Анна отвернулась, полностью отдавая власть над происходящим Филиппу.

— Да, повелитель, — Маркус поставил топор у стены и направился к пленным.

Удар Со всего размаха капитан ударил пленного, что у того пошла кровь изо рта, носа и даже потек глаз, но звука он не издал. Соседний парень с ужасом посмотрел на своего друга, и по щеке покатилась слеза

— Ещё! Он молчит, Зога! Ещё, чёрт возьми! — Филипп вскочил и яростно закричал на капитана, указывая пальцем на пленных. — Ещё, пока не заговорит! — в его глазах были не просто языки пламени, они залились кровью и постепенно стали чернеть.

— Хватит

Между лицом и кулаком осталось всего несколько миллиметров.

В этот критический момент аура Анны, плотная и вязкая, словно тина, заполонила собой всю комнату. Она остановила не только силу удара, но и само течение времени. Стены, ещё недавно серые и холодные, окрасились в густой алый цвет, словно впитав в себя невидимую кровь. Вода, непрестанно капавшая с потолка, тоже изменила свой цвет, превратившись в кровавые капли. Комнату наполнил резкий, металлический запах, а во рту присутствующих, словно по волшебству, появился привкус железа.

Всё это время Анна, сидевшая в углу комнаты, оставалась неподвижной. Она ждала именно этого момента – момента, когда безумие императора достигнет своего пика. Теперь, когда его действия стали откровенно деструктивными, она получила полное моральное право его остановить.

Однако, осознавая свою истинную силу, превосходящую любые возможности Филиппа, она понимала, что не имеет права использовать её во вред империи и самому императору.

Её долг – защита, а не разрушение.

— Я думаю, стоит прекратить это безумие, мой повелитель, — Анна встала, и под её ногами с каждым шагом было слышно хлюпанье, будто пол превратился в сплошное кровавое месиво.

— Достаточно этого ужаса, — она шла прямиком к Филиппу.

Тот стоял, смотря на нее, не смея даже дышать. Да, иногда он может прорвать давление её ауры, как было тем утром перед советом, но это бывает редко, и повторять подобное часто ему не под силу. Но когда Анна полностью держит пространство, тут он бессилен. Ему останется только смотреть, молчать и выполнять её условия.

«*Сейчас ты творишь ужасные вещи, Филипп, не стоит забывать, кто ты, и возможные последствия для себя после подобных действий*».

Анна подошла вплотную, озвучивать вслух подобное она не хотела, так услышат и его подданные, и даже его враги.

— Сядь, —она ткнула пальцем в грудь императора и усадила его на место.

Он всё так же смотрел на неё, и его глаза возвращались в природный серый цвет. Она не могла допустить его безумия, ведь такая вероятность имеет место быть, особенно зная его наследственность.

Маркус уже отошёл от юношей и сидел за столом, вытирая руки о кусок ткани. Анна отпустила его и позволила не чувствовать давление ауры. Ему это было ни к чему. Тем более маг земли, кем был Зога, долго восстанавливается после ауры мага крови.

Вассилевски подошла к пленным и открыла им рот. Филипп всё так же сидел, не двигаясь, делая медленные, короткие вздохи.

— Так и думала, нет языка, — она открыла рот пленного и повернула его голову в сторону императора, втянув в себя ауру, чтобы все спокойно задышали. — Пытать бессмысленно, они не расскажут, а по памяти крови ты знаешь, они не помнят заказчика и даже не помнят, куда надо было нести яйца. Вероятно, они больны.

Филипп встал и вздохнул полной грудью, опрокинув голову назад.

— Хорошо, ты права, — он развернулся спиной к Анне. — Если больны, зачем им жить? — он махнул рукой, делая резкое движение вниз, призывая своё копьё, и лёгким движением отсек сразу обе головы пленных.

— Что ж, это было неожиданно, правда? — Анна с Маркусом стояли уже наверху, возле входа в подвал, наблюдая, как солдаты вытаскивали тела пленных.

— Да, я не думал, что подобное с ним произойдёт, ничего не предвещало беды, — Анна закурила.

— А что ты ожидала от человека, мать которого сожгла около сотни горожан за день, думая, что они все враги империи, хотя ей это лишь показалось? — Маркус забрал сигарету из рук Анны и втянул дым в свои лёгкие.

— Что ты куришь, подруга? — парень сморщился и закашлял.— Мне такое не по душе, спасибо, — он отвернулся и сплюнул горький привкус сигареты.

— Жан был здоров, и если один из родителей болен, редко это передаётся в первом поколении, — Анна смотрела на тела, что выносили из дверей.

— А ведь по сути они не виноваты, и мы сразу не поняли этого Она потёрла лоб, отвернувшись от Маркуса.

— Ладно, я пойду, надо привести себя в порядок, уже через пару дней бал будет, да и охране приказы отдать. Сам тоже сделай, как он просил, хорошо? — она взглянула на Маркуса, тот пинал камень и в ответ лишь кивнул головой.

Без лишних прощаний она стала удаляться от этого злачного места, как услышала вслед крик Маркуса:

— Анна, а ты уверена, что всё хорошо будет после этой ситуации? — вероятно, он намекал на то, как ОНА использовала ауру на императора.

Да, тот мог не простить её, но надежда на понимание со стороны Филиппа теплилась в груди.

— Ну, не казнит же он меня за такое, не смеши, — она отмахнулась, показывая весёлый настрой, хотя в душе скребли кошки.

Она не боялась императора, она боялась лишь потерять себя в этом месте, если начнёт поддакивать безумному повелителю.

То, что так сильно утомляло Анну, так сильно забавляло Эмильду.

— Чего ты такая радостная, Эми? — Анна спускалась по крылу дракона, спрыгивая последний метр над землей.

— А чего грустить? Сейчас совет, потом патруль и на тренировку, — у Эмильды дракон был меньше, и она уже смотрела, как спускается Анна, с земли.

— Там точно будет что-то смешное, возможно, Риуд опять скажет что-то, и Филипп его выгонит из залы, — Эми прищурилась и хитро улыбнулась.

Для Анны такие сборы не предвещали ничего хорошего, в частности из-за новых поручений Филиппа. Он не доверял никому, кроме нее, хотя подручных у него много.

Перед массивными, окованными железом дверями, ведущими в зал совета, собралась группа советников. В воздухе витало напряжение, смешанное с запахом влажного камня и кожи. Шепот, словно шелест осенних листьев, проносился между ними, их голоса были приглушены, но полны скрытого волнения.

— Не понимаю, почему нас задерживают, — пробормотал седобородый старец, его пальцы нервно барабанили по резной рукояти трости. — Его Величество ожидает нас. Важные дела требуют немедленного внимания.

Рядом с ним статная женщина в темно-синем платье, советница по торговым делам, покачала головой:

— Возможно, король принимает кого-то вне очереди. Или же что-то случилось. — Ее взгляд скользнул по бронзовым доспехам двух солдат, стоявших у дверей.

Солдаты, как статуи, невозмутимо стояли на страже. Их лица были скрыты за шлемами, а руки покоились на эфесах мечей. Они не отвечали на вопросы, лишь молчаливо исполняли свой долг, преграждая путь к заветным дверям. Ни один звук, ни одно движение не выдавало в них живых людей; казалось, сами двери обзавелись каменными стражами.

— Я уверен, что мой доклад о северных границах не должен ждать, — настаивал полководец, его кулаки сжались.— Смута может разразиться в любой момент.

Его голос, хоть и тихий, звучал с отсылкой к грому. Советники переглядывались, каждый пытаясь угадать причину задержки, но ни один из них не решался нарушить молчаливое стояние стражи, охраняющей тайны, скрытые за дверями зала совета.

— Госпожа, вы прибыли, как ваш утренний патруль? — раздумья Анны прервал знакомый голос.

— Лукас, странно, что спрашиваешь, ты же должен был лететь со мной вместо Эми, — Анна была недовольна своим солдатом, она редко позволяет им отлынивать от работы, но тут явно был обман, она чуяла.

— Простите меня, я подам сегодня же рапорт о случившемся, — солдат глубоко наклонился в знак извинения и не поднимал голову, пока Анна не дала отмашку.

— Только ты так нагло себя ведешь, Рец.

Продолжать разговор было бессмысленно. На данный момент необходимо понять, почему не пускают, и успокоить блуждающий шепот между советниками.

Проталкиваясь между ними, Анна подошла к дверям, и, как оказалось, перед ними стояли солдаты личных покоев Филиппа.

— Что это значит, время идет, — она подошла ближе, показывая на время.

— Не имеем права пускать, ждите, — отчеканил один, не поднимая забрало шлема и не опуская головы, все так же смотря в потолок.

— *Ты не видишь, с кем говоришь, солдат*? — Анна

От этих слов у всех присутствующих пошли мурашки по коже, а у советников — людей внезапно хлынула кровь из носа, словно тело, не выдержав колоссального напряжения, пыталось избавиться от избытка эмоций.

Это была не просто угроза, а проявление того, чего они боялись больше всего: аура мага крови, достигшего пределов своей высшей ступени.

Воздух в зале стал густым и осязаемым, пропитанный запахом железа и страха. Каждый присутствующий чувствовал, как невидимая сила сдавливает грудь, мешая сделать полный вдох. Те, кто знал природу магии крови, понимали, что это одно из самых разрушительных искусств, способное управлять жизненными силами, подчинять волю и вызывать смерть одним лишь намерением.

От нее не скрыться и не блокировать. Она окутывает всех присутствующих темной, вязкой вуалью, словно болотная трясина, из манны, крови и боли Не каждый маг сдержится и защитит себя от этого давления, а человек — подавно.

Советники, привыкшие к сложным переговорам и холодному расчету, теперь оказались перед существом, чья сила превосходила всякое понимание. Их знания, их опыт — всё казалось ничтожным перед лицом столь концентрированной, первобытной магии.

Солдаты, хоть и были вооружены, ощущали себя беспомощными, их доспехи казались хрупкими скорлупками против такой мощи.

В этот момент тишина, наступившая после произнесенных слов, стала самым громким звуком. Она давила, сводила с ума, заставляя каждого думать лишь о выживании. Перед ними стоял тот, кто не ведал жалости, чья сила была абсолютна, и чьи намерения могли обернуться катастрофой для всего королевства.

— Анна, ты явно ожидаешь больше, чем следует. Извини меня, — сзади подошел человек, он словно разрезал эту вуаль, позволяя людям спокойно вздохнуть и выйти из оцепенения.

Мужчина приказал открыть дверь, и первым вошел в залу.

— Я принимаю твои извинения, Филипп. Надеюсь, это ожидание было оправданным, — она втянула в себя остаток манны и вошла следом за ним.

Мужчина по имени Филипп сел во главе огромного овального стола. По обе стороны от него встали те самые солдаты у дверей.

Следом за Анной вошли советники и стали рассаживаться по своим местам. Анна же подошла к окну и закурила.

— Ты присядешь или позже? — Филипп обернулся на окно. Анна стояла позади него и дымила в открытую форточку белый дым.

— Чтобы слушать ваш совет, мне сначала нужно затуманить разум, — усмехнулась Анна.

Бросив окурок в окно, она села на свободное место, ближайшее от Филиппа, справа. Напротив сидела Эмильда и улыбалась:

— *Снова ты балуешься этими сигаретами*? — ментально отчитала Эми свою сестру.

— *Будешь отчитывать, и про тебя что-то вспомню,* — отчитывать за сигареты — глупость

Как и ожидалось, на совете ничего полезного не произошло. Обсуждение базовых задач, торговля, границы, патрули — скукота

Эмильда с успехом сдала полный утренний и позапрошлый вечерний доклад патруля. Из-за смены патрульных иногда приходится выходить лично Анне и Эмильде, хотя это не их работа.

— Собственно, я вас собрал не из-за этого, — Филипп махнул рукой солдату, и тот достал белый конверт с золотой лентой. Посередине была печать с цветком ромашки. — Уже 5 числа случится ***Бал Весеннего Равноденствия.*** Как никак, уже май месяц. Удивлен, что они решили собраться в начале месяца.

Филипп передал конверт Анне.

— Ты поедешь со мной, ты мне там будешь нужна, — он явно дал понять, что никуда ей не сбежать 5 мая.

— Распоряжения дам в ближайшие дни, будьте внимательны, пришлю письмами, без собраний. На этом все, — он встал из-за стола, двинулся к дверям и, не оборачиваясь, вышел.

****

— Значит, бал будет. Интересно, мне позволят поехать с вами? — весь вечерний патруль после тренировки Эмильда не замолкала.

— Если хочешь, едь вместо меня, — Анна не любитель всех подобных выездов и встреч.

Слухи о ней расходятся по всему континенту, и они, в частности, не добрые.

****

Аннастасия Вассилевски, ближайшая рука нынешнего Филиппа Парга. Маг крови, предел 9 ступени магии.

С самого детства она росла в одном замке с Филиппом и Эмильдой.

Будучи в возрасте 3 лет, ее нашел предыдущий император Парга — Жан, во время вылазки за Море Аморе у берегов Империи Красной Розы. Он нашел мокрого и тощего ребенка, а поблизости кричал младенец — та самая болтушка Эмильда.

Две сестры росли вместе с наследным принцем, и нельзя сказать, что они хорошо ладили, ведь разница в возрасте существенная.

Анна и Филипп = 11 лет. Эмильда и Филипп = 14 лет.

Потому, уже будучи в подростковом периоде Филиппа, его отец явился с двумя подкидышами из-за моря, и, как оказалось впоследствии, еще и магами крови с большим количеством врожденной манны. Он им был не ровня даже в уже более зрелом возрасте, превосходя физически. Они поодиночке могли справиться с дюжиной солдат стихий.

Филипп Парга, будучи магом воды, мало кому мог дать сдачи, но со временем и тренировками с Анной и Эмильдой — он начал поднимать и прокачивать свои умения и расти объем манны.

7 июля 159 года Жан Парга умер. То ли от чахотки, то ли от отравления — никто до сих пор понять не может. Но сгорел он быстро, тихо, ночью во сне ушел.

****

— Да ну, смеешься! Филипп меня за шкирку выкинет с бала, — Эми надула губы и всем видом показала свою боль и грусть.

— А вообще, там явно много разных людей и красивых мужчин приедет. Пригляди кого-нибудь себе, Анна, —когда она вспоминает про мужчин, настроение тотчас меняется, и уже нет тени грусти на лице Эми.

— Ты знаешь, оно мне не надо. Мне бы спокойствия, тихой и мирной жизни, без этих всех эмоциональных потрясений. Мне хватило после смерти Жана и ухода Марии — Анна устремила опустошенный взгляд вдаль.

Они летели над ущельем.

Их путь проходил вдоль границы с Эллиосом, над горами Эвалар. В этих горах, помимо живой растительности, очень много кладок драконьих яиц.

Задача патруля — следить за недобросовестными похитителями кладок, ведь продажа драконов начала набирать обороты, однако не всякий мастер может поладить с только вылупившимся драконом.

Пролетая над основной кладкой, Эмильда заметила движение кустов. В живом лесу это обычное дело, но чутье на человека, которое у магов крови обострено от природы, сыграло роль, и всадница приказала пикировать вниз.

Дракон Эми относится к земляным. Они, в частности, держатся на деревьях с помощью длинных костей и когтей. В бою это самые быстрые и опасные драконы.

Оставив дракона на дереве, где его не сильно было видно, она стала продвигаться вглубь леса, медленно, тихо ступая по еще мокрой земле, частично где-то еще лежал снег.

— *Заметила что-то*? — отозвался голос Анны в голове.

— *Да, чувствую несколько людей. Следи за деревьями сверху, если что, дам сигнал*.

Эми двигалась все дальше, уже стали видеться кладки яиц земляных драконов.

В отличие от металлических драконов, которые прячут свои яйца в пещерах, земляные оставляют яйца на траве или в снегу, согревая их своими телами регулярно.

Однако поблизости не было ни единого дракона. Тишина. Ни звука, ни шелеста, будто кто-то держит пространство

— *Эми, используй покров! Я чувствую манну рядом с тобой*, – отозвался голос Анны.

Покров – техника покрытия пространства своей магией. Маг крови расширяет свою ауру до нужных ему размеров, полностью чувствуя и контролируя то место, где он находится. Это будто локатор и маячок, где маячок – это люди и живые существа вокруг мага.

Эми вздохнула, достала маленький кинжал и порезала указательный палец. Закрыв глаза, она почувствовала, как оболочка вокруг нее начала разрастаться, и, открыв глаза, позволила ауре раскрыться с полной силой.

«***Покров***».

В это время зрение мага крови переходит в режим хищника: он ищет кровь, чувствует сердцебиение существ поблизости и даже слышит движение крови по телу, если объект находится очень близко. Также в этот момент маг крови может перехватить врага, остановив поток крови в его теле.

— *Чувствуешь кого-нибудь*? – Анна кружила над деревьями, четко над тем местом, где стояла Эми.

— *Нет, будто тут только я и яйца это очень подозрительно. Двинусь дальше*, – мягко ступая, она оглядывалась во все стороны, понимая, что даже будучи на 7-й ступени, она не чувствует никого, но ощущение **живого** не дает ей покоя

Шелест деревьев, хоть и не сильно густых листьев для этого времени года, отвлекал Эми.

— ***Чувствую**, наконец-то появилось стойкое ощущение мага, но так мимолетно*

— Ты меня начинаешь пугать, сестра. Неужели твое чутье подводит тебя? – Анна спустилась на драконе прямо возле Эми.

Дракон Анны – белый металлический. Они плохо держатся на деревьях, но быстро летают и пикируют лучше остальных.

Так вот *что* почувствовала Эми – ауру Анны. Она настолько тонкая и вязкая, что сначала создалось ощущение, будто Эми находится в своей ауре, но оказалось, она погрязла в ауре Анны, хотя та еще не окутывала пространство, а лишь приземлилась рядом. Но во время состояния покрова маг крови остро ощущает чье-либо присутствие.

— Я не чувствую ничего и чувствую одновременно, – Эми сняла свое заклинание.

— Хорошо, тогда гляну я, – Анна укусила большой палец до крови. Эми отвернулась и сморщилась, она была против таких увечий, ей уж лучше порезать

«***Покров***»

Вязкая, словно болотная тина, аура Анны окутала все живое и неживое вокруг. Ауру Анны было не перепутать ни с чем. После использования этого заклинания хотелось помыться с ног до головы и даже почистить зубы, настолько она была ощущаемой Но даже после этого Эми никого не видела, будто кто-то сидит и прячется прямо у них перед носом.

«*Хрхрхрх хрхрхгл.. глглгл хррхр*»

— Ну наконец-то, а то я уже начала сомневаться в себе, – Анна облизнула большой палец и свернула покров.

Она направилась в кусты рядом с кладкой яиц. Там извивались два молодых парня в зелено-коричневой форме, видимо, специально для слияния с деревьями. Их вид был ужасен, что неудивительно, ведь Анна не просто использовала покров. Ей надоело ждать, и она решила перекрыть им дыхание, медленно удушая этих парней. Из-за сильнейшего давления, нарастающего внутри их тел, из ушей, носа и глаз начала течь кровь. Набухшие губы, багровые лица, скрюченные конечности – все выдавало агонию. Глаза, широко распахнутые от ужаса и страха, были испещрены красной паутиной полопавшихся сосудов. Они лежали недалеко друг от друга, корчась и извиваясь, словно змеи на раскаленной сковороде, беспомощные перед неведомой силой, что вырывала из них саму жизнь. Анна, окутанная своей магией, наблюдала за этим зрелищем с холодным спокойствием. Покров давал ей полное преимущество: она чувствовала каждое их движение, каждое учащенное биение сердца, каждый предсмертный хрип.

— Что же вас сюда занесло, мальчики? – Анна ослабила давление, чтобы они смогли говорить. Но ни звука, ни писка от них не исходило.

— Давай их до Фреи отвезем, она их разговорит. Что им тут лежать? – Эми стояла рядом, чуть отвернувшись. Такое зрелище было не для нее.

— Эми, не кажется ли тебе, что ты сегодня слишком инициативна? – Анна повернулась к сестре и щелкнула ей по носу. – Разберемся на месте, зачем мне этот мусор тащить в замок?

«*Лукас, северо-восток. Пришли людей проверить кладки, мы кое-кого нашли тут*».

«*Так точно, госпожа. Будут через 7 минут*».

— Ну что ж, начнем разговор, мальчики? – Анна присела на корточки рядом с двумя молчаливыми телами, смахивая каплю крови с лица парня, что лежал ближе к ней, и облизнула палец.

«*Даже не по морщилась, гадость какая*,» – иногда Эми сожалеет, что родилась магом крови, ведь подобные вещи, как облизать кровь врага или чужого человека, вполне себе разумеющееся.

Кровь для мага этого темного искусства была не просто жизненной эссенцией, но настоящим кладезем знаний о человеке. Всего лишь капля, сорванная с пальца или просочившаяся из раны, становилась мостом к прошлому, к мыслям, к самым сокровенным воспоминаниям. Она могла мгновенно показать, врет ли человек, утаивает ли что-то, или же, напротив, обнажить перед магом калейдоскоп событий, которые тот пережил. Маг крови, словно алхимик, погружался в эту таинственную субстанцию, буквально полоская её, просеивая через сито своих магических способностей.

Это был кропотливый, опасный, но до невообразимой степени эффективный метод получения информации, недоступный ни одному другому искусству. В этой жемчужине жизни скрывались ответы на все вопросы. Правда, ложь, страх, любовь, ненависть – всё это отпечатывалось в крови, становясь доступным для тех, кто осмеливался проникнуть в её глубины, в *память крови.*

— Ты чем-то вечно недовольна, Эми, – Анна поднялась и уже вытирала палец об жакет. – Если тебе подобные мероприятия мерзки, не стоило подниматься до 7-й ступени. Оставалась бы на 5-й, 6-й – там такое не под силу, насколько помнишь.

— Спасибо за то, что ты это делаешь вместо меня, Анна, – Эми честно сказала сестре о своих чувствах, но та лишь усмехнулась.

— Я не всегда буду рядом. Знаешь ведь, иногда придется самой справляться. Взрослая уже, – Анна пнула лежащие тела и направилась к дракону.

С запада к ним двигались несколько земляных драконов, видимо, кого-то из патруля отправили.

— Госпожа Вассилевски, рады видеть вас в здравии. Мы с западной заставы, капитан Рец приказал прибыть по вашему запросу, – два юноши приземлились близ кладок и отчитались.

— Да, спасибо, что прибыли. Вы довольно быстро, я только закончила, – Анна повернула голову в сторону двух тел. – Заберите их в свою заставу, пусть Маки их вылечит.

— Так точно, госпожа. Заберем, но зачем их лечить? – Солдаты в недоумении, ведь если Анна их прочла, то смысла в их жизни нет.

— *Вы что-то не поняли?*

— Нет, госпожа. Все ясно, так точно. К Маки, – вытирая кровь из носу, солдаты поспешили забрать скорченные тела.

— Они же ничего плохого не сделали, зачем ты на них используешь ауру? – Эми с Анной направлялись к своим драконам, оставив солдат с теми людьми.

— Солдат не должен спрашивать, тем более меня. Приказ есть приказ, – Анна садилась на своего дракона, перебрасывая ногу через поводья. – Они мне нужны живыми, а эти, – она махнула головой в сторону солдат, – явно хотели их тут же закопать и не везти никуда. Видела их драконов, они маленькие, не уместятся все, дискомфорт всадникам обеспечен.

Драконы прилетевших солдат были и правда очень миниатюрные, там в седле едва один мужчина уместится, а если везти кого-то сверху, придется класть тело себе на колени.

— Я не подумала об этом, прости, — Эми осознала, что защищать этих юношей не стоит. У них был свой мотив, но Анна, как обычно, продумала все наперед.

Во времена царствования мужчин у женщин, которые пытаются выбиться в люди и заполучить признание в обществе, вырабатываются определенные манеры и поведение. Не каждую женщину в наше время может принять общество, тем более если тебе не за 40 лет. Там большую роль играет уважение к возрасту.

Но если тебе от силы 24 года, как на данный момент Анне, приходится искать другие способы поддержания своего авторитета.

В свои 22 года Анна получила признание совета старейшин после победы на Зеленой пустоши.

В ту битву она пересекла предел 8-го уровня и вступила на 9-й, на самую высшую ступень в наше время. Ее отметка количества маны на данный момент переросла в 5.000 единиц, что сопоставимо с 10-й ступенью, но почему-то предел 9 она пересечь пока не может.

Начиная с капитана небольшого отряда магов крови, она поднялась до генерала легиона империи Парга всего за два года. Совет старейшин вместе с военачальниками приняло единогласное решение — назначить ее ответственной за все войска империи.

Чего ей это стоило? Знает только одна она, но то доверие, которое она заслужила, конечно же, не добрым словом, у императора и совета дорогого стоит.

С малого возраста Анна защищала как себя, так и свою младшую сестру Эмильду от нападок Филиппа или других придворных детей. А в уже более осознанном возрасте — от советников и некоторых капитанов. Оттого она научилась продумывать все наперед и тщательно следить за окружающими.

Сестры, словно два полюса одной природы, жили под одним кровом, но их пути в этом мире разительно отличались.

Если Эми, с ее пылким нравом и открытой демонстрацией эмоций, вызывала смешанные чувства – где-то восхищение, а где-то порой и желание ее обуздать, – то Анна была воплощением тихого, но абсолютного превосходства. Ей не нужны были крики или долгие объяснения, чтобы установить свой авторитет. Одного лишь ее взгляда, глубокого и пронзительного, было достаточно, чтобы любому, даже самому дерзкому собеседнику, застыть намертво, проглотив слова обратно.

Анна не любила шумных расправ. Ее сила заключалась в иной форме насилия, более тонкой и мучительной. Без единого крика, без малейшей попытки словесно доказать свою правоту, она медленно, но верно душила оппонента своей аурой. Это было искусство, отточенное до совершенства, искусство, в котором она не знала себе равных.

Во всей империи Парга, от величественного трона до самых отдаленных окраин, не было никого, кто стоял бы выше неё в иерархии силы. Те, кто когда-то могли претендовать на это положение, давно ушли в небытие.

— Ничего страшного, учись, пока я жива, — Анна усмехнулась и сорвалась в небо.

Всю дорогу до дома не было ни ментальных перешептываний, ни каких-либо знаков со стороны Анны. Она была на удивление спокойна и сдержанна.

Закончив патруль, девушки вернулись в замок уже затемно.

Драконы, наконец освободившись от экипировки, улетели в своем направлении. Они не ночевали в замке или где-то поблизости. Все основные гнезда и стаи обитали в горах Эвалар и по зову своего мага, с кем была создана связь, прилетали в любое место, где бы ни был человек. За них не переживали, драконы за себя постоять могут.

— Эми, иди ложись спать, доклад завтра сдам сама лично, не переживай.

Анна направилась прямиком в сторону казарм восточной роты, где в то время спал капитан Маркус Зога.

— И что же мы тут спим, капитан Зога? — Анна влетела в комнату, срывая с него одеяло и скидывая на пол. — Спишь, в то время как наши кладки воруют, а?

Маркус в испуге вскочил на ноги и начал трясти головой, чтобы проснуться. Он стоял в одних портках и, почему-то, только с левым носком.

— Неужели капитану восточной роты, ответственному за восточные кладки Эвалара, так сладко спится? Доноса не было за сегодня, ***Маркус***? — Анна не сдержалась, и тонкая струя вязкой ауры просочилась и поползла по полу прямиком к правой ноге капитана. Тот отскочил на кровать, шустро надевая носок на правую ступню.

— Госпожа, сегодня было много доносов, но если вы про инцидент в горах сегодня, да, я в курсе, — Маркус испуганно натягивал на тело одеяло, пытаясь прикрыть торс от взгляда

Анны. Мужчина, в два раза больше и выше, прикрывался от девушки, что стояла и сверлила его взглядом.

«*Спасибо, что без покрытия*».

«***Ты очень много себе позволяешь, друг мой. Твое отношение к произошедшему меня расстраивает и заставляет думать, не заодно ли ты с ними***»

Голос в голове отбросил все мысли Маркуса. Только ее голос звучал четко, не давая даже сделать глоток воздуха, перекрывая мысли, желание и сознание капитана.

Страх не давал полностью раскрыться легким или даже сглотнуть слюну, что наполнила рот Он забыл, как дышать и даже глотать

Маркус упал на колени перед Анной, перед ее силой и тем давлением, которое она может оказывать на окружающих одним своим желанием, не приказывая и не озвучивая заклинание.

— Молю меня извинить, приму любое наказание, только прошу, воздух — Маркус схватился за грудь, пытаясь сделать хотя бы малюсенький вздох.

«***Дыши глубже, друг мой***»

Давление ушло, будто камень стянули с груди, и юноша сделал глубокий вдох, настолько, насколько могли раскрыться его легкие.

Анна села за стол напротив капитана, который все еще стоял на коленях на полу, рядом лежало одеяло и были разбросаны вещи.

— Давай, вставай и рассказывай, что знаешь, — она достала пачку сигарет и закурила одну из них, пуская тонкую струю белого дыма в потолок.

Наконец-то Маркус смог прийти в себя. Она таки застала его врасплох. Одевшись, он сел за стол и протянул скрепленные бумаги. Только когда приблизился, он заметил красную полоску под носом у Анны. В темноте он плохо видел ее лицо, но под светом свечи на столе все стало четче.

— Тебе сегодня пришлось несладко, вижу, — Маркус указал на свой нос, когда Анна подняла голову в его сторону. — Сама их читала, да?

Между ними были теплые отношения, они были близки. Единственные, кому они доверяли, — это друг другу. Было время, когда их пытались даже поженить. Он красив, молод, блондин, с серыми глазами, высокого роста и крепкого телосложения. Внешне они даже были чем-то схожи.

Удивлялись, что именно Анна и Эми были родня, хотя совершенно не были похожи друг на друга. Одна темно-русая, с голубыми глазами, черными бровями и пухлыми губами. Настоящая принцесса, что не скажешь о младшей сестре: темненькая, с тонкими губами и карими глазами — но все так же прелестна и красива.

— Да, у Лукаса опять проблемы с людьми. Мы летали с Эми в патруль вечером, — Анна читала, не пропуская ни одной строчки, отвлекаясь только на сигарету.

— Я не могу сказать, откуда они там, но в их сумках были яйца только одного вида — огненные — Маркус и правда не имел понятия, зачем похитителям были эти яйца.

— Да, я тоже увидела только красные яйца, но, насколько я помню, никто не рождался еще со стихией огня. Нам бы подали явки, — она откинулась на стуле и уперлась взглядом в потолок, все так же выпуская дым из губ. — Только если это не для наших людей — Анна прищурилась.

Было уже поздно, стемнело, и только свеча озаряла стол и Маркуса. Языки пламени играли с ветром, показывая будто фигурки то ли людей, то ли полноценные сцены, давая некие подсказки для размышлений двух друзей.

— Короче, ложись, никакого наказания не будет, пошутили и хватит. Но в следующий раз — сразу мне докладывай, не жди повтора сцены, а то вдруг там уже и без портков будешь, — Анна усмехнулась, потушила сигарету и направилась к выходу из комнаты Маркуса.

Из казарм вела тропа, заросшая кустами, вплоть до черного входа на кухню придворных. Из-за отношения к правящей семье, даже будучи солдатом, комната Анны находилась в замке, в восточном крыле башни.

Забежав через черный вход, который вел на кухню, Анна сразу свернула на лестницу, что вела прямиком в еекрыло башни, в то время как Эми сидела на кухне с двумя девушками и о чем-то весело перешептывалась. Оттуда пахло невероятно маняще, но усталость была настолько сильна, что желание лечь в постель преобладало над гудением живота.

«*Да уж, использовать в один день столько расширения ауры мне дало по голове*» — Анна поднялась на свой этаж и уже направлялась к комнате. В конце коридора была одна единственная дверь.

Только ее башня и только одна комната — все, как было запрошено у Жана Парга, когда девочка выросла. В 15 лет Анна захотела жить в уединенной стороне замка, тренируясь день и ночь, чтобы не давать себя в обиду. После этого комната все также осталась за ней. За все время проживания произошел невероятное количество ремонта и изменений. Основное, что осталось и по сей день, — выход на покатую крышу башни, где Анна отдыхала, лежала на черепице и смотрела на звезды. Иногда пролетали драконы, обучая своих детенышей летать.

— Госпожа, я думала, вы сегодня не вернетесь уже, — Анна открыла дверь, и на пороге стояла Руфи, еегувернантка.

— Нет, что ты, я всегда стараюсь вернуться, — Анна улыбнулась, видя обеспокоенное выражение лица своей близкой знакомой.

Руфи очень сильно переживала всегда, когда Анна поздно возвращалась. В ее обязанности входили стирка, шитье и подбор одежды, смена постельного и полная уборка только этой комнаты. Некоторые другие гувернантки шептались из-за того, что якобы у Руфи было мало хлопот, но это было обманчиво.

Анна доверяла Руфи очень многое, в том числе разнос различных писем, которые не должны были попадать в руки кого-то из придворных. Хоть она и была не шибко взрослая, к Анне же относилась как к сестре, и соблюдение субординации не считала нужным. Разница в их возрасте была всего 6 лет, и как только Руфи исполнилось 18, ее забрали в покои госпожи. Встретила та ее с улыбкой и всегда помогала, если появлялись вопросы. А вопросов было предостаточно, поскольку одежда Анны была, мягко говоря, странной.

В частности, это были обязательно шорты или брюки. Никаких платьев она не носила, если только юбки, и то поверх шорт или брюк. Далее шли различные «лохмотья», как описывала их Руфи, но для госпожи это была самая комфортная одежда из-за постоянных тренировок, патрулей и езды на драконах.

В платьях не наработаешься

— Да, я помню, но я слышала про нападение в горах, мало ли что бывает, — Руфи принялась развязывать пояс и помогать раздеться госпоже.

— Не волнуйся так, ты же знаешь, кто я. Справлюсь. Ты сама как, удалось зашить те жакеты для езды? — Анна стянула юбку, что была одета поверх шорт.

— Я иногда так удивляюсь, что вы носите. Это же настоящие лохмотья, госпожа, — Руфи подняла юбку и оглядела её.

Многослойная юбка из ткани серо-коричневого цвета, выглядит грубой, с рваными краями и украшена геометрическим узором, что не подходила для дамы высшего сословия.

— Так отдай сюда, — Анна вырвала из рук служанки свою юбку и положила в сундук с вещами. — Уж не тебе тут говорить. У тебя вообще вся грудь нараспашку, того и гляди, — Анна замялась, — вывалится всё, что держится в декольте у тебя, — она указала пальцем на грудь Руфи, что томно поднималась то вверх, то вниз от возмущения.

— Я вас услышала, моя госпожа, — Руфи опустила голову и принялась укладывать всю одежду для постирочной.

Анна отшвырнула от себя ботинки, направляясь к окну, чтобы закурить.

Собрав все необходимое, Руфи откланялась.

— Если я тебя обидела, извини меня, но и ты не оскорбляй мой выбор, пожалуйста, — Анна стояла спиной к служанке, выпуская дым в открытое окошко. — Хотя бы ты — почти шепотом произнесла госпожа.

— Я не обижаюсь, и вы простите. Отдыхайте, пожалуйста. Я приду утром, — Руфи улыбнулась и вышла за дверь.

Анна чувствовала: она не обижается, всё хорошо.

Только положив голову на подушку после горячей ванны, сон забрал госпожу в свои объятия.

****

Сумрак Из-за густых облаков выглядывает струя белоснежной луны

— Что я тут делаю? — Анна шла посреди густого леса, с каждым шагом утопая в тумане, что был повсюду. Она всё так же была одета в спальное платье и босиком, будто её вырвали из постели и отправили гулять по лесу совершенно одной, в неизвестном лесу. Он не был похож на горы Эвалар или Морелия, это был лес, доселе не изученный Анной.

Идя по тропинке из мха босыми ногами, она следила за движением кустов, возможно, где-то здесь будет подсказка в этом сне или

— Вот оно, движение! — кусты справа от нее резко дернулись, и послышался вой.

Анна медленно продвигалась всё ближе и ближе, и наконец, отодвинув пару веток, заглянула на ту сторону

Посреди огромной, освещенной лунным светом поляны, на коленях стоял мужчина, спиной к ней. Он был одет в синий камзол, его оружие лежало рядом, в метре от него — это была то ли секира, то ли посох ярко-алого цвета. Лица его не было видно, но то, кто стоял напротив мужчины — дракон, подобному которому она еще не встречала: огромный, с массивными крыльями и красными глазами.

Слева от дракона, на камне, лежал огромный белый волк, размером буквально чуть ли не с медведя, и облизывал свои лапы, не замечая никого вокруг.

— Вероятно, это был его вой, — Анна посмотрела на дракона.

Дракон подобного цвета — цвета пустыни, с плотной бронированной чешуей, цвета бронзы и шоколада —встречался настолько редко в наше время, что встретить его считалось удачей

— Они разговаривают? — Анна не могла понять смысл этой сцены, то ли это обряд связывания узами, то ли казнь Но в чем виновен тогда этот человек перед драконом?

Немая сцена продолжалась, и человек все не поднимал голову, все преклонял её перед могучим драконом.

Анна прошла вдоль кустов, пытаясь увидеть лицо мужчины, но как только ей удалось пройти ближе, человек упал на землю, выкинув вперед руки — прямо под лапы дракона. Тот не шевельнулся

— Что у него с рукой, это ожог? — Анна не могла разглядеть странные отметины у мужчины на левой кисти.

Пока она вглядывалась, дракон отошел от мужчины, вздохнул и начал удаляться прочь, словно отказывая в любом из возможных действий.

*— «**Не сейчас**», — дракон проговорил голосом, так что слышали все.*

Человек все также находился на коленях, а дракон — уходил, ничего не дав

Волк наконец встал, отряхнулся и пошел в сторону человека, ложась возле его ног.

— Зачем он призвал дракона, или это дракон призвал его

Взгляд

Дракон смотрел четко в сторону, где пряталась Анна, смотрел и не отводил взгляд, немного прищурившись.

Его голос прозвенел в голове: «Не сейчас».

****

Анна вскочила в холодном поту, словно её облили из ведра. Вся подушка, одеяло и постель были мокрые, ровно под её силуэт.

— Госпожа, вы проснулись. Доброе утречко, — в комнату залетела Руфи и принялась раздвигать шторы, пуская лучи солнца в спальню.

— Руфи, подай кофе и посиди со мной, — Анна оде́лась быстро, чтобы поговорить со служанкой перед началом утреннего собрания патруля.

Судорожными руками достала сигарету из пачки и закурила.

— Значит, дракон бронзовый? — Руфи сидела напротив, за столом, попивая кофе. — Ну, мы же знаем, это дракон-прародитель. Но сейчас, в наше время, их осталось ой, — она посмотрела в окно, чуть прищурив глаза, — насколько мне не изменяет память, два на весь континент. И один из них в горах Морелия. Но вот кто он —самка или самец — не буду говорить, не знаю.

Анна не могла осознать, к чему ей приснился прародитель, ведь у нее есть дракон, связанный узами.

— И мужчина, что он там делал? — она взглянула на Руфи, та безмятежно пила кофе, не беспокоясь о таком пустяке.

— Слушайте, а, возможно, вы оказались на их связывании или призыве, и всего лишь. Дракон отказал человеку, такое бывает, — служанка встала и начала сгребать крошки со стола.

«*А может, и правда? Может, я попала нечаянно на этот призыв, и потому дракон отказал ему из-за чужака —меня*».

— Спасибо, Руфи, успокоила. Можешь не накрывать, поем в столовой. Тем более, — Анна взглянула на часы и ахнула, — боги мои, уже пора на совет! — она вскочила и, на ходу одевая ботинки, выбежала прямиком в коридор, не закрывая даже двери за собой.

Пробегая по коридору, не останавливаясь, чтобы поздороваться с кем-то этим утром, она столкнулась с Эми.

— Куда мчишься так рано утром? — Эми выглядела вполне проснувшейся, в отличие от сестры.

— Совет, не начался еще? — пытаясь отдышаться, Анна наклонилась и опёрлась на колени кистями рук.

— Начинается. Вот сейчас, идем, — Эми махнула рукой, приглашая Анну за собой.

Сегодня был не совет, как обычно, а собрание капитанов для сбора средне-недельного патруля.

— Итак, без лишних разговоров, — Филипп буквально влетел в залу, и, сев за стол, сверлил всех капитанов взглядом. — Анна, докладывай про вчерашнюю ситуацию в горах. Наши яйца, что с ними? ***ВСЕ ХОЧУ ЗНАТЬ***! — Филипп истерически вскрикнул. Он был зол как никогда, ведь от этих кладок зависит состав нашей армии.

— В общем, могу сказать, эти юноши — наёмники. Для них главная цель — украсть именно красные яйца, но

— Явки были с нашей стороны? — Филипп прервал доклад.

— Нет, ваше величество, — Маркус подал голос. Это его ответственность, его же восточные кладки.

— Да, явок не было, но я не буду утверждать, зачем им эти яйца, — Анна стояла будто побитая овечка. Ей нечего было ответить, ведь заказчика она не увидела в воспоминаниях крови наёмника, а, возможно, его и не было

— Если с нашей стороны не было явок, я склоняюсь к тому, что это были люди извне, мой повелитель, — один из капитанов подал голос.

— Я тоже к этому склоняюсь, — Филипп сквозь зубы процедил вердикт. — Вассилевски, усиль охрану, дай больше людей на кладки и ещё раз допроси тех наёмников. От нас ничего не должно быть скрыто, — Император резко встал и направился к выходу, показывая, что собрание закончилось.

— Хотя, Анна, — он обернулся, смотря прямо в глаза своей подчинённой, — отведи их вниз. Я сегодня присоединюсь к вам, — в его глазах внезапно вспыхнула искорка и так же быстро потухла

— Хорошо, сделаю, — Анна поклонилась, стараясь скрыть выражение опасения на своем лице.

Не понравилась ей эта идея, чтобы Филипп присутствовал на разговоре. Всё также посмотреть память крови она может и сама, зачем ему приходить — было непонятно.

Анна стояла у массивной дубовой двери, ведущей в недра башни. Юношей перевезли в подвал восточной башни этой ночью, поскольку Маки вылечила их быстрее ожидаемого.

Повторный разговор с пленными был неизбежен. А после приказа императора — тем более, их не оставят просто так.

Она сняла с стены факел, зажгла и толкнула дверь. Петли заскрипели, показывая свое вековое преимущество перед молодой девушкой. Лестница вилась вниз. Каждый шаг отзывался эхом в сыром воздухе, пропитанном запахом земли и сырости.

Факел в её руке бросал пляшущие тени на неровные стены, где паутина серебрилась в дрожащем свете. Спуск казался бесконечным: ступени, истертые веками, скользили под ногами, а холодный сквозняк из глубины пронизывал тело насквозь.

Анна сжала рукоять кинжала на поясе – не для защиты, но для спокойствия. Она недолюбливала этот подвал башни, там часто водились пауки и змеи. Здесь ранее находилась тюрьма для пленных, но вскоре эти камеры с ржавыми решетками были заброшены. Наконец, лестница сузилась, и воздух стал тяжелее, сдавливая легкие.

Дверь в подвал маячила в конце – тяжелая, окованная железом. Двигаясь от лестницы до конца коридора, она остановилась на миг, вслушиваясь в приглушённые голоса за дверью.

Помимо пленных, там находился Маркус; он ожидал Анну в темноте.

— Ну наконец-то явилась, — Зога сидел в углу комнаты, играясь своим топором.

— Тебе бы побольше манер, Маркус. Смотри императору так не скажи, — Анна усмехнулась над дерзостью своего солдата.

— Зачем он хочет прийти? От него толку — тьфу! — парень сплюнул с отвращением в стену.

— Ладно, ты посмотришь на них, или я могу закончить разговор информацией, — он взглянул на кулак и дунул, будто сдувая пылинки с костяшек.

— А Филипп, маг воды, что может?

— Прополощет их, — Анна улыбнулась и повесила факел на стену, озаряя пленных. Они сидели на холодном каменном полу, прислонившись спинами к шершавым стенам. Одетые в рваные, грязные одежды, с цепями на руках. Их раны были излечены, но в глазах не было повиновения.

За разговором Анна не услышала, как к комнате приближался человек. Дверь с грохотом распахнулась, на пороге стоял сам Филипп.

«*Его глаза, ты видишь?*» — Анна услышала голос Маркуса в голове.

«*Утром тоже было, неужели и он?*» — та самая искра, что она заметила в зале совета, переросла в языки пламени в глазах императора.

— Итак, друзья, пообщаемся, — Филипп зашёл внутрь и закрыл дверь. — Думаю, нам есть о чём поговорить, — он повернулся лицом к пленным и засучил рукава.

Дальше всё происходило как в самом страшном сне. Филипп не позволял ни Анне, ни Маркусу вмешиваться в его «*допрос*». Они стояли у другой стены и наблюдали за всеми действиями, что император придумал для пытки пленных.

Не скупясь ни на какие возможные варианты, он совершал акты насилия над бедными юношами, по сути ни в чём не повинными, если судить по памяти крови. В порыве ярости, не получая ответа на свои вопросы, он использовал физическое воздействие, прибегая к раскалённым докрасна прутьям, хлеща ими спины, ноги и ступни пленных, или острым ножам, делая надрезы на теле и капая в них солёную воду, сжигая кожу вокруг раны, или просто грубую силу. Телом он был слаб и сильных ударов совершать не мог.

И спустя почти три часа всех измываний над юношами он вспомнил про Маркуса, что был крупнее и сильнее императора. Вытирая руки от крови и соли, Филипп приказал:

— Маркус, прошу, помоги им разговориться, что-то они молчат долго, — император стряхнул со лба пот и улыбнулся, показывая доброе расположение духа.

Капитан Зога, всё время стоявший у стены, отшатнулся. Делая шаг, он оглянулся назад, на своего генерала. Анна сидела за столом и курила уже четвёртую сигарету, глядя на всё происходящее.

Против императора — против империи.

Вмешиваться она не имела права, точнее — не видела факта для этого вмешательства.

— Ну, чего смотришь на неё? — Филипп повысил голос, медлительность Зоги его нервировала. — Она понимает, это необходимая мера, они враги нам, давай, сделай свою работу, Зога, — император махнул головой в сторону измождённых юношей. Анна отвернулась, полностью отдавая власть над происходящим Филиппу.

— Да, повелитель, — Маркус поставил топор у стены и направился к пленным.

Удар Со всего размаха капитан ударил пленного, что у того пошла кровь изо рта, носа и даже потек глаз, но звука он не издал. Соседний парень с ужасом посмотрел на своего друга, и по щеке покатилась слеза

— Ещё! Он молчит, Зога! Ещё, чёрт возьми! — Филипп вскочил и яростно закричал на капитана, указывая пальцем на пленных. — Ещё, пока не заговорит! — в его глазах были не просто языки пламени, они залились кровью и постепенно стали чернеть.

— Хватит

Между лицом и кулаком осталось всего несколько миллиметров.

В этот критический момент аура Анны, плотная и вязкая, словно тина, заполонила собой всю комнату. Она остановила не только силу удара, но и само течение времени. Стены, ещё недавно серые и холодные, окрасились в густой алый цвет, словно впитав в себя невидимую кровь. Вода, непрестанно капавшая с потолка, тоже изменила свой цвет, превратившись в кровавые капли. Комнату наполнил резкий, металлический запах, а во рту присутствующих, словно по волшебству, появился привкус железа.

Всё это время Анна, сидевшая в углу комнаты, оставалась неподвижной. Она ждала именно этого момента – момента, когда безумие императора достигнет своего пика. Теперь, когда его действия стали откровенно деструктивными, она получила полное моральное право его остановить.

Однако, осознавая свою истинную силу, превосходящую любые возможности Филиппа, она понимала, что не имеет права использовать её во вред империи и самому императору.

Её долг – защита, а не разрушение.

— Я думаю, стоит прекратить это безумие, мой повелитель, — Анна встала, и под её ногами с каждым шагом было слышно хлюпанье, будто пол превратился в сплошное кровавое месиво.

— Достаточно этого ужаса, — она шла прямиком к Филиппу.

Тот стоял, смотря на нее, не смея даже дышать. Да, иногда он может прорвать давление её ауры, как было тем утром перед советом, но это бывает редко, и повторять подобное часто ему не под силу. Но когда Анна полностью держит пространство, тут он бессилен. Ему останется только смотреть, молчать и выполнять её условия.

«*Сейчас ты творишь ужасные вещи, Филипп, не стоит забывать, кто ты, и возможные последствия для себя после подобных действий*».

Анна подошла вплотную, озвучивать вслух подобное она не хотела, так услышат и его подданные, и даже его враги.

— ***Сядь***, —она ткнула пальцем в грудь императора и усадила его на место.

Он всё так же смотрел на неё, и его глаза возвращались в природный серый цвет. Она не могла допустить его безумия, ведь такая вероятность имеет место быть, особенно зная его наследственность.

Маркус уже отошёл от юношей и сидел за столом, вытирая руки о кусок ткани. Анна отпустила его и позволила не чувствовать давление ауры. Ему это было ни к чему. Тем более маг земли, кем был Зога, долго восстанавливается после ауры мага крови.

Вассилевски подошла к пленным и открыла им рот. Филипп всё так же сидел, не двигаясь, делая медленные, короткие вздохи.

— Так и думала, нет языка, — она открыла рот пленного и повернула его голову в сторону императора, втянув в себя ауру, чтобы все спокойно задышали. — Пытать бессмысленно, они не расскажут, а по памяти крови ты знаешь, они не помнят заказчика и даже не помнят, куда надо было нести яйца. Вероятно, они больны.

Филипп встал и вздохнул полной грудью, опрокинув голову назад.

— Хорошо, ты права, — он развернулся спиной к Анне. — Если больны, зачем им жить? — он махнул рукой, делая резкое движение вниз, призывая своё копьё, и лёгким движением отсек сразу обе головы пленных.

— Что ж, это было неожиданно, правда? — Анна с Маркусом стояли уже наверху, возле входа в подвал, наблюдая, как солдаты вытаскивали тела пленных.

— Да, я не думал, что подобное с ним произойдёт, ничего не предвещало беды, — Анна закурила.

— А что ты ожидала от человека, мать которого сожгла около сотни горожан за день, думая, что они все враги империи, хотя ей это лишь показалось? — Маркус забрал сигарету из рук Анны и втянул дым в свои лёгкие.

— Что ты куришь, подруга? — парень сморщился и закашлял.— Мне такое не по душе, спасибо, — он отвернулся и сплюнул горький привкус сигареты.

— Жан был здоров, и если один из родителей болен, редко это передаётся в первом поколении, — Анна смотрела на тела, что выносили из дверей.

— А ведь по сути они не виноваты, и мы сразу не поняли этого Она потёрла лоб, отвернувшись от Маркуса.

— Ладно, я пойду, надо привести себя в порядок, уже через пару дней бал будет, да и охране приказы отдать. Сам тоже сделай, как он просил, хорошо? — она взглянула на Маркуса, тот пинал камень и в ответ лишь кивнул головой.

Без лишних прощаний она стала удаляться от этого злачного места, как услышала вслед крик Маркуса:

— Анна, а ты уверена, что всё хорошо будет после этой ситуации? — вероятно, он намекал на то, как ОНА использовала ауру на императора.

Да, тот мог не простить её, но надежда на понимание со стороны Филиппа теплилась в груди.

— Ну, не казнит же он меня за такое, не смеши, — она отмахнулась, показывая весёлый настрой, хотя в душе скребли кошки.

Она не боялась императора, она боялась лишь потерять себя в этом месте, если начнёт поддакивать безумному повелителю.

То, что так сильно утомляло Анну, так сильно забавляло Эмильду.

— Чего ты такая радостная, Эми? — Анна спускалась по крылу дракона, спрыгивая последний метр над землей.

— А чего грустить? Сейчас совет, потом патруль и на тренировку, — у Эмильды дракон был меньше, и она уже смотрела, как спускается Анна, с земли.

— Там точно будет что-то смешное, возможно, Риуд опять скажет что-то, и Филипп его выгонит из залы, — Эми прищурилась и хитро улыбнулась.

Для Анны такие сборы не предвещали ничего хорошего, в частности из-за новых поручений Филиппа. Он не доверял никому, кроме нее, хотя подручных у него много.

Перед массивными, окованными железом дверями, ведущими в зал совета, собралась группа советников. В воздухе витало напряжение, смешанное с запахом влажного камня и кожи. Шепот, словно шелест осенних листьев, проносился между ними, их голоса были приглушены, но полны скрытого волнения.

— Не понимаю, почему нас задерживают, — пробормотал седобородый старец, его пальцы нервно барабанили по резной рукояти трости. — Его Величество ожидает нас. Важные дела требуют немедленного внимания.

Рядом с ним статная женщина в темно-синем платье, советница по торговым делам, покачала головой:

— Возможно, король принимает кого-то вне очереди. Или же что-то случилось. — Ее взгляд скользнул по бронзовым доспехам двух солдат, стоявших у дверей.

Солдаты, как статуи, невозмутимо стояли на страже. Их лица были скрыты за шлемами, а руки покоились на эфесах мечей. Они не отвечали на вопросы, лишь молчаливо исполняли свой долг, преграждая путь к заветным дверям. Ни один звук, ни одно движение не выдавало в них живых людей; казалось, сами двери обзавелись каменными стражами.

— Я уверен, что мой доклад о северных границах не должен ждать, — настаивал полководец, его кулаки сжались.— Смута может разразиться в любой момент.

Его голос, хоть и тихий, звучал с отсылкой к грому. Советники переглядывались, каждый пытаясь угадать причину задержки, но ни один из них не решался нарушить молчаливое стояние стражи, охраняющей тайны, скрытые за дверями зала совета.

— Госпожа, вы прибыли, как ваш утренний патруль? — раздумья Анны прервал знакомый голос.

— Лукас, странно, что спрашиваешь, ты же должен был лететь со мной вместо Эми, — Анна была недовольна своим солдатом, она редко позволяет им отлынивать от работы, но тут явно был обман, она чуяла.

— Простите меня, я подам сегодня же рапорт о случившемся, — солдат глубоко наклонился в знак извинения и не поднимал голову, пока Анна не дала отмашку.

— Только ты так нагло себя ведешь, Рец.

Продолжать разговор было бессмысленно. На данный момент необходимо понять, почему не пускают, и успокоить блуждающий шепот между советниками.

Проталкиваясь между ними, Анна подошла к дверям, и, как оказалось, перед ними стояли солдаты личных покоев Филиппа.

— Что это значит, время идет, — она подошла ближе, показывая на время.

— Не имеем права пускать, ждите, — отчеканил один, не поднимая забрало шлема и не опуская головы, все так же смотря в потолок.

— *Ты не видишь, с кем говоришь, солдат*? — Анна

От этих слов у всех присутствующих пошли мурашки по коже, а у советников — людей внезапно хлынула кровь из носа, словно тело, не выдержав колоссального напряжения, пыталось избавиться от избытка эмоций.

Это была не просто угроза, а проявление того, чего они боялись больше всего: аура мага крови, достигшего пределов своей высшей ступени.

Воздух в зале стал густым и осязаемым, пропитанный запахом железа и страха. Каждый присутствующий чувствовал, как невидимая сила сдавливает грудь, мешая сделать полный вдох. Те, кто знал природу магии крови, понимали, что это одно из самых разрушительных искусств, способное управлять жизненными силами, подчинять волю и вызывать смерть одним лишь намерением.

От нее не скрыться и не блокировать. Она окутывает всех присутствующих темной, вязкой вуалью, словно болотная трясина, из манны, крови и боли Не каждый маг сдержится и защитит себя от этого давления, а человек — подавно.

Советники, привыкшие к сложным переговорам и холодному расчету, теперь оказались перед существом, чья сила превосходила всякое понимание. Их знания, их опыт — всё казалось ничтожным перед лицом столь концентрированной, первобытной магии.

Солдаты, хоть и были вооружены, ощущали себя беспомощными, их доспехи казались хрупкими скорлупками против такой мощи.

В этот момент тишина, наступившая после произнесенных слов, стала самым громким звуком. Она давила, сводила с ума, заставляя каждого думать лишь о выживании. Перед ними стоял тот, кто не ведал жалости, чья сила была абсолютна, и чьи намерения могли обернуться катастрофой для всего королевства.

— Анна, ты явно ожидаешь больше, чем следует. Извини меня, — сзади подошел человек, он словно разрезал эту вуаль, позволяя людям спокойно вздохнуть и выйти из оцепенения.

Мужчина приказал открыть дверь, и первым вошел в залу.

— Я принимаю твои извинения, Филипп. Надеюсь, это ожидание было оправданным, — она втянула в себя остаток манны и вошла следом за ним.

Мужчина по имени Филипп сел во главе огромного овального стола. По обе стороны от него встали те самые солдаты у дверей.

Следом за Анной вошли советники и стали рассаживаться по своим местам. Анна же подошла к окну и закурила.

— Ты присядешь или позже? — Филипп обернулся на окно. Анна стояла позади него и дымила в открытую форточку белый дым.

— Чтобы слушать ваш совет, мне сначала нужно затуманить разум, — усмехнулась Анна.

Бросив окурок в окно, она села на свободное место, ближайшее от Филиппа, справа. Напротив сидела Эмильда и улыбалась:

— *Снова ты балуешься этими сигаретами*? — ментально отчитала Эми свою сестру.

— *Будешь отчитывать, и про тебя что-то вспомню,* — отчитывать за сигареты — глупость

Как и ожидалось, на совете ничего полезного не произошло. Обсуждение базовых задач, торговля, границы, патрули — скукота

Эмильда с успехом сдала полный утренний и позапрошлый вечерний доклад патруля. Из-за смены патрульных иногда приходится выходить лично Анне и Эмильде, хотя это не их работа.

— Собственно, я вас собрал не из-за этого, — Филипп махнул рукой солдату, и тот достал белый конверт с золотой лентой. Посередине была печать с цветком ромашки. — Уже 5 числа случится ***Бал Весеннего Равноденствия.*** Как никак, уже май месяц. Удивлен, что они решили собраться в начале месяца.

Филипп передал конверт Анне.

— Ты поедешь со мной, ты мне там будешь нужна, — он явно дал понять, что никуда ей не сбежать 5 мая.

— Распоряжения дам в ближайшие дни, будьте внимательны, пришлю письмами, без собраний. На этом все, — он встал из-за стола, двинулся к дверям и, не оборачиваясь, вышел.

****

— Значит, бал будет. Интересно, мне позволят поехать с вами? — весь вечерний патруль после тренировки Эмильда не замолкала.

— Если хочешь, едь вместо меня, — Анна не любитель всех подобных выездов и встреч.

Слухи о ней расходятся по всему континенту, и они, в частности, не добрые.

****

Аннастасия Вассилевски, ближайшая рука нынешнего Филиппа Парга. Маг крови, предел 9 ступени магии.

С самого детства она росла в одном замке с Филиппом и Эмильдой.

Будучи в возрасте 3 лет, ее нашел предыдущий император Парга — Жан, во время вылазки за Море Аморе у берегов Империи Красной Розы. Он нашел мокрого и тощего ребенка, а поблизости кричал младенец — та самая болтушка Эмильда.

Две сестры росли вместе с наследным принцем, и нельзя сказать, что они хорошо ладили, ведь разница в возрасте существенная.

Анна и Филипп = 11 лет. Эмильда и Филипп = 14 лет.

Потому, уже будучи в подростковом периоде Филиппа, его отец явился с двумя подкидышами из-за моря, и, как оказалось впоследствии, еще и магами крови с большим количеством врожденной манны. Он им был не ровня даже в уже более зрелом возрасте, превосходя физически. Они поодиночке могли справиться с дюжиной солдат стихий.

Филипп Парга, будучи магом воды, мало кому мог дать сдачи, но со временем и тренировками с Анной и Эмильдой — он начал поднимать и прокачивать свои умения и расти объем манны.

7 июля 159 года Жан Парга умер. То ли от чахотки, то ли от отравления — никто до сих пор понять не может. Но сгорел он быстро, тихо, ночью во сне ушел.

****

— Да ну, смеешься! Филипп меня за шкирку выкинет с бала, — Эми надула губы и всем видом показала свою боль и грусть.

— А вообще, там явно много разных людей и красивых мужчин приедет. Пригляди кого-нибудь себе, Анна, —когда она вспоминает про мужчин, настроение тотчас меняется, и уже нет тени грусти на лице Эми.

— Ты знаешь, оно мне не надо. Мне бы спокойствия, тихой и мирной жизни, без этих всех эмоциональных потрясений. Мне хватило после смерти Жана и ухода Марии — Анна устремила опустошенный взгляд вдаль.

Они летели над ущельем.

Их путь проходил вдоль границы с Эллиосом, над горами Эвалар. В этих горах, помимо живой растительности, очень много кладок драконьих яиц.

Задача патруля — следить за недобросовестными похитителями кладок, ведь продажа драконов начала набирать обороты, однако не всякий мастер может поладить с только вылупившимся драконом.

Пролетая над основной кладкой, Эмильда заметила движение кустов. В живом лесу это обычное дело, но чутье на человека, которое у магов крови обострено от природы, сыграло роль, и всадница приказала пикировать вниз.

Дракон Эми относится к земляным. Они, в частности, держатся на деревьях с помощью длинных костей и когтей. В бою это самые быстрые и опасные драконы.

Оставив дракона на дереве, где его не сильно было видно, она стала продвигаться вглубь леса, медленно, тихо ступая по еще мокрой земле, частично где-то еще лежал снег.

— *Заметила что-то*? — отозвался голос Анны в голове.

— *Да, чувствую несколько людей. Следи за деревьями сверху, если что, дам сигнал*.

Эми двигалась все дальше, уже стали видеться кладки яиц земляных драконов.

В отличие от металлических драконов, которые прячут свои яйца в пещерах, земляные оставляют яйца на траве или в снегу, согревая их своими телами регулярно.

Однако поблизости не было ни единого дракона. Тишина. Ни звука, ни шелеста, будто кто-то держит пространство

— *Эми, используй покров! Я чувствую манну рядом с тобой*, – отозвался голос Анны.

Покров – техника покрытия пространства своей магией. Маг крови расширяет свою ауру до нужных ему размеров, полностью чувствуя и контролируя то место, где он находится. Это будто локатор и маячок, где маячок – это люди и живые существа вокруг мага.

Эми вздохнула, достала маленький кинжал и порезала указательный палец. Закрыв глаза, она почувствовала, как оболочка вокруг нее начала разрастаться, и, открыв глаза, позволила ауре раскрыться с полной силой.

«***Покров***».

В это время зрение мага крови переходит в режим хищника: он ищет кровь, чувствует сердцебиение существ поблизости и даже слышит движение крови по телу, если объект находится очень близко. Также в этот момент маг крови может перехватить врага, остановив поток крови в его теле.

— *Чувствуешь кого-нибудь*? – Анна кружила над деревьями, четко над тем местом, где стояла Эми.

— *Нет, будто тут только я и яйца это очень подозрительно. Двинусь дальше*, – мягко ступая, она оглядывалась во все стороны, понимая, что даже будучи на 7-й ступени, она не чувствует никого, но ощущение **живого** не дает ей покоя

Шелест деревьев, хоть и не сильно густых листьев для этого времени года, отвлекал Эми.

— ***Чувствую**, наконец-то появилось стойкое ощущение мага, но так мимолетно*

— Ты меня начинаешь пугать, сестра. Неужели твое чутье подводит тебя? – Анна спустилась на драконе прямо возле Эми.

Дракон Анны – белый металлический. Они плохо держатся на деревьях, но быстро летают и пикируют лучше остальных.

Так вот *что* почувствовала Эми – ауру Анны. Она настолько тонкая и вязкая, что сначала создалось ощущение, будто Эми находится в своей ауре, но оказалось, она погрязла в ауре Анны, хотя та еще не окутывала пространство, а лишь приземлилась рядом. Но во время состояния покрова маг крови остро ощущает чье-либо присутствие.

— Я не чувствую ничего и чувствую одновременно, – Эми сняла свое заклинание.

— Хорошо, тогда гляну я, – Анна укусила большой палец до крови. Эми отвернулась и сморщилась, она была против таких увечий, ей уж лучше порезать

«***Покров***»

Вязкая, словно болотная тина, аура Анны окутала все живое и неживое вокруг. Ауру Анны было не перепутать ни с чем. После использования этого заклинания хотелось помыться с ног до головы и даже почистить зубы, настолько она была ощущаемой Но даже после этого Эми никого не видела, будто кто-то сидит и прячется прямо у них перед носом.

«*Хрхрхрх хрхрхгл.. глглгл хррхр*»

— Ну наконец-то, а то я уже начала сомневаться в себе, – Анна облизнула большой палец и свернула покров.

Она направилась в кусты рядом с кладкой яиц. Там извивались два молодых парня в зелено-коричневой форме, видимо, специально для слияния с деревьями. Их вид был ужа-

сен, что неудивительно, ведь Анна не просто использовала покров. Ей надоело ждать, и она решила перекрыть им дыхание, медленно удушая этих парней. Из-за сильнейшего давления, нарастающего внутри их тел, из ушей, носа и глаз начала течь кровь. Набухшие губы, багровые лица, скрюченные конечности – все выдавало агонию. Глаза, широко распахнутые от ужаса и страха, были испещрены красной паутиной полопавшихся сосудов. Они лежали недалеко друг от друга, корчась и извиваясь, словно змеи на раскаленной сковороде, беспомощные перед неведомой силой, что вырывала из них саму жизнь. Анна, окутанная своей магией, наблюдала за этим зрелищем с холодным спокойствием. Покров давал ей полное преимущество: она чувствовала каждое их движение, каждое учащенное биение сердца, каждый предсмертный хрип.

— Что же вас сюда занесло, мальчики? – Анна ослабила давление, чтобы они смогли говорить. Но ни звука, ни писка от них не исходило.

— Давай их до Фреи отвезем, она их разговорит. Что им тут лежать? – Эми стояла рядом, чуть отвернувшись. Такое зрелище было не для нее.

— Эми, не кажется ли тебе, что ты сегодня слишком инициативна? – Анна повернулась к сестре и щелкнула ей по носу. – Разберемся на месте, зачем мне этот мусор тащить в замок?

«*Лукас, северо-восток. Пришли людей проверить кладки, мы кое-кого нашли тут*».

«*Так точно, госпожа. Будут через 7 минут*».

— Ну что ж, начнем разговор, мальчики? – Анна присела на корточки рядом с двумя молчаливыми телами, смахивая каплю крови с лица парня, что лежал ближе к ней, и облизнула палец.

«*Даже не по морщилась, гадость какая*,» – иногда Эми сожалеет, что родилась магом крови, ведь подобные вещи, как облизать кровь врага или чужого человека, вполне себе разумеющееся.

Кровь для мага этого темного искусства была не просто жизненной эссенцией, но настоящим кладезем знаний о человеке. Всего лишь капля, сорванная с пальца или просочившаяся из раны, становилась мостом к прошлому, к мыслям, к самым сокровенным воспоминаниям. Она могла мгновенно показать, врет ли человек, утаивает ли что-то, или же, напротив, обнажить перед магом калейдоскоп событий, которые тот пережил. Маг крови, словно алхимик, погружался в эту таинственную субстанцию, буквально полоская её, просеивая через сито своих магических способностей.

Это был кропотливый, опасный, но до невообразимой степени эффективный метод получения информации, недоступный ни одному другому искусству. В этой жемчужине жизни скрывались ответы на все вопросы. Правда, ложь, страх, любовь, ненависть – всё это отпечатывалось в крови, становясь доступным для тех, кто осмеливался проникнуть в её глубины, в *память крови.*

— Ты чем-то вечно недовольна, Эми, – Анна поднялась и уже вытирала палец об жакет. – Если тебе подобные мероприятия мерзки, не стоило подниматься до 7-й ступени. Оставалась бы на 5-й, 6-й – там такое не под силу, насколько помнишь.

— Спасибо за то, что ты это делаешь вместо меня, Анна, – Эми честно сказала сестре о своих чувствах, но та лишь усмехнулась.

— Я не всегда буду рядом. Знаешь ведь, иногда придется самой справляться. Взрослая уже, – Анна пнула лежащие тела и направилась к дракону.

С запада к ним двигались несколько земляных драконов, видимо, кого-то из патруля отправили.

— Госпожа Вассилевски, рады видеть вас в здравии. Мы с западной заставы, капитан Рец приказал прибыть по вашему запросу, – два юноши приземлились близ кладок и отчитались.

— Да, спасибо, что прибыли. Вы довольно быстро, я только закончила, – Анна повернула голову в сторону двух тел. – Заберите их в свою заставу, пусть Маки их вылечит.

— Так точно, госпожа. Заберем, но зачем их лечить? – Солдаты в недоумении, ведь если Анна их прочла, то смысла в их жизни нет.

— *Вы что-то не поняли?*

— Нет, госпожа. Все ясно, так точно. К Маки, – вытирая кровь из носу, солдаты поспешили забрать скорченные тела.

— Они же ничего плохого не сделали, зачем ты на них используешь ауру? – Эми с Анной направлялись к своим драконам, оставив солдат с теми людьми.

— Солдат не должен спрашивать, тем более меня. Приказ есть приказ, – Анна садилась на своего дракона, перебрасывая ногу через поводья. – Они мне нужны живыми, а эти, – она махнула головой в сторону солдат, – явно хотели их тут же закопать и не везти никуда. Видела их драконов, они маленькие, не уместятся все, дискомфорт всадникам обеспечен.

Драконы прилетевших солдат были и правда очень миниатюрные, там в седле едва один мужчина уместится, а если везти кого-то сверху, придется класть тело себе на колени.

— Я не подумала об этом, прости, — Эми осознала, что защищать этих юношей не стоит. У них был свой мотив, но Анна, как обычно, продумала все наперед.

Во времена царствования мужчин у женщин, которые пытаются выбиться в люди и заполучить признание в обществе, вырабатываются определенные манеры и поведение. Не каждую женщину в наше время может принять общество, тем более если тебе не за 40 лет. Там большую роль играет уважение к возрасту.

Но если тебе от силы 24 года, как на данный момент Анне, приходится искать другие способы поддержания своего авторитета.

В свои 22 года Анна получила признание совета старейшин после победы на Зеленой пустоши.

В ту битву она пересекла предел 8-го уровня и вступила на 9-й, на самую высшую ступень в наше время. Ее отметка количества маны на данный момент переросла в 5.000 единиц, что сопоставимо с 10-й ступенью, но почему-то предел 9 она пересечь пока не может.

Начиная с капитана небольшого отряда магов крови, она поднялась до генерала легиона империи Парга всего за два года. Совет старейшин вместе с военачальниками приняло единогласное решение — назначить ее ответственной за все войска империи.

Чего ей это стоило? Знает только одна она, но то доверие, которое она заслужила, конечно же, не добрым словом, у императора и совета дорогого стоит.

С малого возраста Анна защищала как себя, так и свою младшую сестру Эмильду от нападок Филиппа или других придворных детей. А в уже более осознанном возрасте — от советников и некоторых капитанов. Оттого она научилась продумывать все наперед и тщательно следить за окружающими.

Сестры, словно два полюса одной природы, жили под одним кровом, но их пути в этом мире разительно отличались.

Если Эми, с ее пылким нравом и открытой демонстрацией эмоций, вызывала смешанные чувства – где-то восхищение, а где-то порой и желание ее обуздать, – то Анна была воплощением тихого, но абсолютного превосходства. Ей не нужны были крики или долгие объяснения, чтобы установить свой авторитет. Одного лишь ее взгляда, глубокого и пронзительного, было достаточно, чтобы любому, даже самому дерзкому собеседнику, застыть намертво, проглотив слова обратно.

Анна не любила шумных расправ. Ее сила заключалась в иной форме насилия, более тонкой и мучительной. Без единого крика, без малейшей попытки словесно доказать свою правоту, она медленно, но верно душила оппонента своей аурой. Это было искусство, отточенное до совершенства, искусство, в котором она не знала себе равных.

Во всей империи Парга, от величественного трона до самых отдаленных окраин, не было никого, кто стоял бы выше неё в иерархии силы. Те, кто когда-то могли претендовать на это положение, давно ушли в небытие.

— Ничего страшного, учись, пока я жива, — Анна усмехнулась и сорвалась в небо.

Всю дорогу до дома не было ни ментальных перешептываний, ни каких-либо знаков со стороны Анны. Она была на удивление спокойна и сдержанна.

Закончив патруль, девушки вернулись в замок уже затемно.

Драконы, наконец освободившись от экипировки, улетели в своем направлении. Они не ночевали в замке или где-то поблизости. Все основные гнезда и стаи обитали в горах Эвалар и по зову своего мага, с кем была создана связь, прилетали в любое место, где бы ни был человек. За них не переживали, драконы за себя постоять могут.

— Эми, иди ложись спать, доклад завтра сдам сама лично, не переживай.

Анна направилась прямиком в сторону казарм восточной роты, где в то время спал капитан Маркус Зога.

— И что же мы тут спим, капитан Зога? — Анна влетела в комнату, срывая с него одеяло и скидывая на пол. — Спишь, в то время как наши кладки воруют, а?

Маркус в испуге вскочил на ноги и начал трясти головой, чтобы проснуться. Он стоял в одних портках и, почему-то, только с левым носком.

— Неужели капитану восточной роты, ответственному за восточные кладки Эвалара, так сладко спится? Доноса не было за сегодня, ***Маркус***? — Анна не сдержалась, и тонкая струя вязкой ауры просочилась и поползла по полу прямиком к правой ноге капитана. Тот отскочил на кровать, шустро надевая носок на правую ступню.

— Госпожа, сегодня было много доносов, но если вы про инцидент в горах сегодня, да, я в курсе, — Маркус испуганно натягивал на тело одеяло, пытаясь прикрыть торс от взгляда Анны. Мужчина, в два раза больше и выше, прикрывался от девушки, что стояла и сверлила его взглядом.

«*Спасибо, что без покрытия*».

«***Ты очень много себе позволяешь, друг мой. Твое отношение к произошедшему меня расстраивает и заставляет думать, не заодно ли ты с ними***»

Голос в голове отбросил все мысли Маркуса. Только ее голос звучал четко, не давая даже сделать глоток воздуха, перекрывая мысли, желание и сознание капитана.

Страх не давал полностью раскрыться легким или даже сглотнуть слюну, что наполнила рот Он забыл, как дышать и даже глотать

Маркус упал на колени перед Анной, перед ее силой и тем давлением, которое она может оказывать на окружающих одним своим желанием, не приказывая и не озвучивая заклинание.

— Молю меня извинить, приму любое наказание, только прошу, воздух — Маркус схватился за грудь, пытаясь сделать хотя бы малюсенький вздох.

«***Дыши глубже, друг мой***»

Давление ушло, будто камень стянули с груди, и юноша сделал глубокий вдох, настолько, насколько могли раскрыться его легкие.

Анна села за стол напротив капитана, который все еще стоял на коленях на полу, рядом лежало одеяло и были разбросаны вещи.

— Давай, вставай и рассказывай, что знаешь, — она достала пачку сигарет и закурила одну из них, пуская тонкую струю белого дыма в потолок.

Наконец-то Маркус смог прийти в себя. Она таки застала его врасплох. Одевшись, он сел за стол и протянул скрепленные бумаги. Только когда приблизился, он заметил красную полоску под носом у Анны. В темноте он плохо видел ее лицо, но под светом свечи на столе все стало четче.

— Тебе сегодня пришлось несладко, вижу, — Маркус указал на свой нос, когда Анна подняла голову в его сторону. — Сама их читала, да?

Между ними были теплые отношения, они были близки. Единственные, кому они доверяли, — это друг другу. Было время, когда их пытались даже поженить. Он красив, молод, блондин, с серыми глазами, высокого роста и крепкого телосложения. Внешне они даже были чем-то схожи.

Удивлялись, что именно Анна и Эми были родня, хотя совершенно не были похожи друг на друга. Одна темно-русая, с голубыми глазами, черными бровями и пухлыми губами. Настоящая принцесса, что не скажешь о младшей сестре: темненькая, с тонкими губами и карими глазами — но все так же прелестна и красива.

— Да, у Лукаса опять проблемы с людьми. Мы летали с Эми в патруль вечером, — Анна читала, не пропуская ни одной строчки, отвлекаясь только на сигарету.

— Я не могу сказать, откуда они там, но в их сумках были яйца только одного вида — огненные — Маркус и правда не имел понятия, зачем похитителям были эти яйца.

— Да, я тоже увидела только красные яйца, но, насколько я помню, никто не рождался еще со стихией огня. Нам бы подали явки, — она откинулась на стуле и уперлась взглядом в потолок, все так же выпуская дым из губ. — Только если это не для наших людей — Анна прищурилась.

Было уже поздно, стемнело, и только свеча озаряла стол и Маркуса. Языки пламени играли с ветром, показывая будто фигурки то ли людей, то ли полноценные сцены, давая некие подсказки для размышлений двух друзей.

— Короче, ложись, никакого наказания не будет, пошутили и хватит. Но в следующий раз — сразу мне докладывай, не жди повтора сцены, а то вдруг там уже и без портков будешь, — Анна усмехнулась, потушила сигарету и направилась к выходу из комнаты Маркуса.

Из казарм вела тропа, заросшая кустами, вплоть до черного входа на кухню придворных. Из-за отношения к правящей семье, даже будучи солдатом, комната Анны находилась в замке, в восточном крыле башни.

Забежав через черный вход, который вел на кухню, Анна сразу свернула на лестницу, что вела прямиком в еекрыло башни, в то время как Эми сидела на кухне с двумя девушками и о чем-то весело перешептывалась. Оттуда пахло невероятно маняще, но усталость была настолько сильна, что желание лечь в постель преобладало над гудением живота.

«*Да уж, использовать в один день столько расширения ауры мне дало по голове*» — Анна поднялась на свой этаж и уже направлялась к комнате. В конце коридора была одна единственная дверь.

Только ее башня и только одна комната — все, как было запрошено у Жана Парга, когда девочка выросла. В 15 лет Анна захотела жить в уединенной стороне замка, тренируясь день и ночь, чтобы не давать себя в обиду. После этого комната все также осталась за ней. За все время проживания произошел невероятное количество ремонта и изменений. Основное, что осталось и по сей день, — выход на покатую крышу башни, где Анна отдыхала, лежала на черепице и смотрела на звезды. Иногда пролетали драконы, обучая своих детенышей летать.

— Госпожа, я думала, вы сегодня не вернетесь уже, — Анна открыла дверь, и на пороге стояла Руфи, еегувернантка.

— Нет, что ты, я всегда стараюсь вернуться, — Анна улыбнулась, видя обеспокоенное выражение лица своей близкой знакомой.

Руфи очень сильно переживала всегда, когда Анна поздно возвращалась. В ее обязанности входили стирка, шитье и подбор одежды, смена постельного и полная уборка только этой комнаты. Некоторые другие гувернантки шептались из-за того, что якобы у Руфи было мало хлопот, но это было обманчиво.

Анна доверяла Руфи очень многое, в том числе разнос различных писем, которые не должны были попадать в руки кого-то из придворных. Хоть она и была не шибко взрослая, к Анне же относилась как к сестре, и соблюдение субординации не считала нужным. Разница в их возрасте была всего 6 лет, и как только Руфи исполнилось 18, ее забрали в покои госпожи. Встретила та ее с улыбкой и всегда помогала, если появлялись вопросы. А вопросов было предостаточно, поскольку одежда Анны была, мягко говоря, странной.

В частности, это были обязательно шорты или брюки. Никаких платьев она не носила, если только юбки, и то поверх шорт или брюк. Далее шли различные «лохмотья», как описывала их Руфи, но для госпожи это была самая комфортная одежда из-за постоянных тренировок, патрулей и езды на драконах.

В платьях не наработаешься

— Да, я помню, но я слышала про нападение в горах, мало ли что бывает, — Руфи принялась развязывать пояс и помогать раздеться госпоже.

— Не волнуйся так, ты же знаешь, кто я. Справлюсь. Ты сама как, удалось зашить те жакеты для езды? — Анна стянула юбку, что была одета поверх шорт.

— Я иногда так удивляюсь, что вы носите. Это же настоящие лохмотья, госпожа, — Руфи подняла юбку и оглядела её.

Многослойная юбка из ткани серо-коричневого цвета, выглядит грубой, с рваными краями и украшена геометрическим узором, что не подходила для дамы высшего сословия.

— Так отдай сюда, — Анна вырвала из рук служанки свою юбку и положила в сундук с вещами. — Уж не тебе тут говорить. У тебя вообще вся грудь нараспашку, того и гляди, — Анна замялась, — вывалится всё, что держится в декольте у тебя, — она указала пальцем на грудь Руфи, что томно поднималась то вверх, то вниз от возмущения.

— Я вас услышала, моя госпожа, — Руфи опустила голову и принялась укладывать всю одежду для постирочной.

Анна отшвырнула от себя ботинки, направляясь к окну, чтобы закурить.

Собрав все необходимое, Руфи откланялась.

— Если я тебя обидела, извини меня, но и ты не оскорбляй мой выбор, пожалуйста, — Анна стояла спиной к служанке, выпуская дым в открытое окошко. — Хотя бы ты — почти шепотом произнесла госпожа.

— Я не обижаюсь, и вы простите. Отдыхайте, пожалуйста. Я приду утром, — Руфи улыбнулась и вышла за дверь.

Анна чувствовала: она не обижается, всё хорошо.

Только положив голову на подушку после горячей ванны, сон забрал госпожу в свои объятия.

****

С*умрак Из-за густых облаков выглядывает струя белоснежной луны*

— Что я тут делаю? — Анна шла посреди густого леса, с каждым шагом утопая в тумане, что был повсюду. Она всё так же была одета в спальное платье и босиком, будто её вырвали из постели и отправили гулять по лесу совершенно одной, в неизвестном лесу. Он не был похож на горы Эвалар или Морелия, это был лес, доселе не изученный Анной.

Идя по тропинке из мха босыми ногами, она следила за движением кустов, возможно, где-то здесь будет подсказка в этом сне или

— Вот оно, движение! — кусты справа от нее резко дернулись, и послышался вой.

Анна медленно продвигалась всё ближе и ближе, и наконец, отодвинув пару веток, заглянула на ту сторону

Посреди огромной, освещенной лунным светом поляны, на коленях стоял мужчина, спиной к ней. Он был одет в синий камзол, его оружие лежало рядом, в метре от него — это была то ли секира, то ли посох ярко-алого цвета. Лица его не было видно, но то, кто стоял

напротив мужчины — дракон, подобному которому она еще не встречала: огромный, с массивными крыльями и красными глазами.

Слева от дракона, на камне, лежал огромный белый волк, размером буквально чуть ли не с медведя, и облизывал свои лапы, не замечая никого вокруг.

— Вероятно, это был его вой, — Анна посмотрела на дракона.

Дракон подобного цвета — цвета пустыни, с плотной бронированной чешуей, цвета бронзы и шоколада —встречался настолько редко в наше время, что встретить его считалось удачей

— Они разговаривают? — Анна не могла понять смысл этой сцены, то ли это обряд связывания узами, то ли казнь Но в чем виновен тогда этот человек перед драконом?

Немая сцена продолжалась, и человек все не поднимал голову, все преклонял её перед могучим драконом.

Анна прошла вдоль кустов, пытаясь увидеть лицо мужчины, но как только ей удалось пройти ближе, человек упал на землю, выкинув вперед руки — прямо под лапы дракона. Тот не шевельнулся

— Что у него с рукой, это ожог? — Анна не могла разглядеть странные отметины у мужчины на левой кисти.

Пока она вглядывалась, дракон отошел от мужчины, вздохнул и начал удаляться прочь, словно отказывая в любом из возможных действий.

*— «**Не сейчас**», — дракон проговорил голосом, так что слышали все.*

Человек все также находился на коленях, а дракон — уходил, ничего не дав

Волк наконец встал, отряхнулся и пошел в сторону человека, ложась возле его ног.

— Зачем он призвал дракона, или это дракон призвал его

Взгляд

Дракон смотрел четко в сторону, где пряталась Анна, смотрел и не отводил взгляд, немного прищурившись.

Его голос прозвенел в голове: «Не сейчас».

****

Анна вскочила в холодном поту, словно её облили из ведра. Вся подушка, одеяло и постель были мокрые, ровно под её силуэт.

— Госпожа, вы проснулись. Доброе утречко, — в комнату залетела Руфи и принялась раздвигать шторы, пуская лучи солнца в спальню.

— Руфи, подай кофе и посиди со мной, — Анна оде́лась быстро, чтобы поговорить со служанкой перед началом утреннего собрания патруля.

Судорожными руками достала сигарету из пачки и закурила.

— Значит, дракон бронзовый? — Руфи сидела напротив, за столом, попивая кофе. — Ну, мы же знаем, это дракон-прародитель. Но сейчас, в наше время, их осталось ой, — она посмотрела в окно, чуть прищурив глаза, — насколько мне не изменяет память, два на весь континент. И один из них в горах Морелия. Но вот кто он —самка или самец — не буду говорить, не знаю.

Анна не могла осознать, к чему ей приснился прародитель, ведь у нее есть дракон, связанный узами.

— И мужчина, что он там делал? — она взглянула на Руфи, та безмятежно пила кофе, не беспокоясь о таком пустяке.

— Слушайте, а, возможно, вы оказались на их связывании или призыве, и всего лишь. Дракон отказал человеку, такое бывает, — служанка встала и начала сгребать крошки со стола.

«*А может, и правда? Может, я попала нечаянно на этот призыв, и потому дракон отказал ему из-за чужака —меня*».

— Спасибо, Руфи, успокоила. Можешь не накрывать, поем в столовой. Тем более, — Анна взглянула на часы и ахнула, — боги мои, уже пора на совет! — она вскочила и, на ходу одевая ботинки, выбежала прямиком в коридор, не закрывая даже двери за собой.

Пробегая по коридору, не останавливаясь, чтобы поздороваться с кем-то этим утром, она столкнулась с Эми.

— Куда мчишься так рано утром? — Эми выглядела вполне проснувшейся, в отличие от сестры.

— Совет, не начался еще? — пытаясь отдышаться, Анна наклонилась и опёрлась на колени кистями рук.

— Начинается. Вот сейчас, идем, — Эми махнула рукой, приглашая Анну за собой.

Сегодня был не совет, как обычно, а собрание капитанов для сбора средне-недельного патруля.

— Итак, без лишних разговоров, — Филипп буквально влетел в залу, и, сев за стол, сверлил всех капитанов взглядом. — Анна, докладывай про вчерашнюю ситуацию в горах. Наши яйца, что с ними? ***ВСЕ ХОЧУ ЗНАТЬ***! — Филипп истерически вскрикнул. Он был зол как никогда, ведь от этих кладок зависит состав нашей армии.

— В общем, могу сказать, эти юноши — наёмники. Для них главная цель — украсть именно красные яйца, но

— Явки были с нашей стороны? — Филипп прервал доклад.

— Нет, ваше величество, — Маркус подал голос. Это его ответственность, его же восточные кладки.

— Да, явок не было, но я не буду утверждать, зачем им эти яйца, — Анна стояла будто побитая овечка. Ей нечего было ответить, ведь заказчика она не увидела в воспоминаниях крови наёмника, а, возможно, его и не было

— Если с нашей стороны не было явок, я склоняюсь к тому, что это были люди извне, мой повелитель, — один из капитанов подал голос.

— Я тоже к этому склоняюсь, — Филипп сквозь зубы процедил вердикт. — Вассилевски, усиль охрану, дай больше людей на кладки и ещё раз допроси тех наёмников. От нас ничего не должно быть скрыто, — Император резко встал и направился к выходу, показывая, что собрание закончилось.

— Хотя, Анна, — он обернулся, смотря прямо в глаза своей подчинённой, — отведи их вниз. Я сегодня присоединюсь к вам, — в его глазах внезапно вспыхнула искорка и так же быстро потухла

— Хорошо, сделаю, — Анна поклонилась, стараясь скрыть выражение опасения на своем лице.

Не понравилась ей эта идея, чтобы Филипп присутствовал на разговоре. Всё также посмотреть память крови она может и сама, зачем ему приходить — было непонятно.

Анна стояла у массивной дубовой двери, ведущей в недра башни. Юношей перевезли в подвал восточной башни этой ночью, поскольку Маки вылечила их быстрее ожидаемого.

Повторный разговор с пленными был неизбежен. А после приказа императора — тем более, их не оставят просто так.

Она сняла с стены факел, зажгла и толкнула дверь. Петли заскрипели, показывая свое вековое преимущество перед молодой девушкой. Лестница вилась вниз. Каждый шаг отзывался эхом в сыром воздухе, пропитанном запахом земли и сырости.

Факел в её руке бросал пляшущие тени на неровные стены, где паутина серебрилась в дрожащем свете. Спуск казался бесконечным: ступени, истертые веками, скользили под ногами, а холодный сквозняк из глубины пронизывал тело насквозь.

Анна сжала рукоять кинжала на поясе – не для защиты, но для спокойствия. Она недолюбливала этот подвал башни, там часто водились пауки и змеи. Здесь ранее находилась

тюрьма для пленных, но вскоре эти камеры с ржавыми решетками были заброшены. Наконец, лестница сузилась, и воздух стал тяжелее, сдавливая легкие.

Дверь в подвал маячила в конце – тяжелая, окованная железом. Двигаясь от лестницы до конца коридора, она остановилась на миг, вслушиваясь в приглушённые голоса за дверью.

Помимо пленных, там находился Маркус; он ожидал Анну в темноте.

— Ну наконец-то явилась, — Зога сидел в углу комнаты, играясь своим топором.

— Тебе бы побольше манер, Маркус. Смотри императору так не скажи, — Анна усмехнулась над дерзостью своего солдата.

— Зачем он хочет прийти? От него толку — тьфу! — парень сплюнул с отвращением в стену.

— Ладно, ты посмотришь на них, или я могу закончить разговор информацией, — он взглянул на кулак и дунул, будто сдувая пылинки с костяшек.

— А Филипп, маг воды, что может?

— Прополощет их, — Анна улыбнулась и повесила факел на стену, озаряя пленных. Они сидели на холодном каменном полу, прислонившись спинами к шершавым стенам. Одетые в рваные, грязные одежды, с цепями на руках. Их раны были излечены, но в глазах не было повиновения.

За разговором Анна не услышала, как к комнате приближался человек. Дверь с грохотом распахнулась, на пороге стоял сам Филипп.

«*Его глаза, ты видишь?*» — Анна услышала голос Маркуса в голове.

«*Утром тоже было, неужели и он?*» — та самая искра, что она заметила в зале совета, переросла в языки пламени в глазах императора.

— Итак, друзья, пообщаемся, — Филипп зашёл внутрь и закрыл дверь. — Думаю, нам есть о чём поговорить, — он повернулся лицом к пленным и засучил рукава.

Дальше всё происходило как в самом страшном сне. Филипп не позволял ни Анне, ни Маркусу вмешиваться в его «*допрос*». Они стояли у другой стены и наблюдали за всеми действиями, что император придумал для пытки пленных.

Не скупясь ни на какие возможные варианты, он совершал акты насилия над бедными юношами, по сути ни в чём не повинными, если судить по памяти крови. В порыве ярости, не получая ответа на свои вопросы, он использовал физическое воздействие, прибегая к раскалённым докрасна прутьям, хлеща ими спины, ноги и ступни пленных, или острым ножам, делая надрезы на теле и капая в них солёную воду, сжигая кожу вокруг раны, или просто грубую силу. Телом он был слаб и сильных ударов совершать не мог.

И спустя почти три часа всех измываний над юношами он вспомнил про Маркуса, что был крупнее и сильнее императора. Вытирая руки от крови и соли, Филипп приказал:

— Маркус, прошу, помоги им разговориться, что-то они молчат долго, — император стряхнул со лба пот и улыбнулся, показывая доброе расположение духа.

Капитан Зога, всё время стоявший у стены, отшатнулся. Делая шаг, он оглянулся назад, на своего генерала. Анна сидела за столом и курила уже четвёртую сигарету, глядя на всё происходящее.

Против императора — против империи.

Вмешиваться она не имела права, точнее — не видела факта для этого вмешательства.

— Ну, чего смотришь на неё? — Филипп повысил голос, медлительность Зоги его нервировала. — Она понимает, это необходимая мера, они враги нам, давай, сделай свою работу, Зога, — император махнул головой в сторону измождённых юношей. Анна отвернулась, полностью отдавая власть над происходящим Филиппу.

— Да, повелитель, — Маркус поставил топор у стены и направился к пленным.

Удар Со всего размаха капитан ударил пленного, что у того пошла кровь изо рта, носа и даже потек глаз, но звука он не издал. Соседний парень с ужасом посмотрел на своего друга, и по щеке покатилась слеза

— Ещё! Он молчит, Зога! Ещё, чёрт возьми! — Филипп вскочил и яростно закричал на капитана, указывая пальцем на пленных. — Ещё, пока не заговорит! — в его глазах были не просто языки пламени, они залились кровью и постепенно стали чернеть.

— Хватит

Между лицом и кулаком осталось всего несколько миллиметров.

В этот критический момент аура Анны, плотная и вязкая, словно тина, заполонила собой всю комнату. Она остановила не только силу удара, но и само течение времени. Стены, ещё недавно серые и холодные, окрасились в густой алый цвет, словно впитав в себя невидимую кровь. Вода, непрестанно капавшая с потолка, тоже изменила свой цвет, превратившись в кровавые капли. Комнату наполнил резкий, металлический запах, а во рту присутствующих, словно по волшебству, появился привкус железа.

Всё это время Анна, сидевшая в углу комнаты, оставалась неподвижной. Она ждала именно этого момента – момента, когда безумие императора достигнет своего пика. Теперь, когда его действия стали откровенно деструктивными, она получила полное моральное право его остановить.

Однако, осознавая свою истинную силу, превосходящую любые возможности Филиппа, она понимала, что не имеет права использовать её во вред империи и самому императору.

Её долг – защита, а не разрушение.

— Я думаю, стоит прекратить это безумие, мой повелитель, — Анна встала, и под её ногами с каждым шагом было слышно хлюпанье, будто пол превратился в сплошное кровавое месиво.

— Достаточно этого ужаса, — она шла прямиком к Филиппу.

Тот стоял, смотря на нее, не смея даже дышать. Да, иногда он может прорвать давление её ауры, как было тем утром перед советом, но это бывает редко, и повторять подобное часто ему не под силу. Но когда Анна полностью держит пространство, тут он бессилен. Ему останется только смотреть, молчать и выполнять её условия.

«*Сейчас ты творишь ужасные вещи, Филипп, не стоит забывать, кто ты, и возможные последствия для себя после подобных действий*».

Анна подошла вплотную, озвучивать вслух подобное она не хотела, так услышат и его подданные, и даже его враги.

— Сядь, —она ткнула пальцем в грудь императора и усадила его на место.

Он всё так же смотрел на неё, и его глаза возвращались в природный серый цвет. Она не могла допустить его безумия, ведь такая вероятность имеет место быть, особенно зная его наследственность.

Маркус уже отошёл от юношей и сидел за столом, вытирая руки о кусок ткани. Анна отпустила его и позволила не чувствовать давление ауры. Ему это было ни к чему. Тем более маг земли, кем был Зога, долго восстанавливается после ауры мага крови.

Вассилевски подошла к пленным и открыла им рот. Филипп всё так же сидел, не двигаясь, делая медленные, короткие вздохи.

— Так и думала, нет языка, — она открыла рот пленного и повернула его голову в сторону императора, втянув в себя ауру, чтобы все спокойно задышали. — Пытать бессмысленно, они не расскажут, а по памяти крови ты знаешь, они не помнят заказчика и даже не помнят, куда надо было нести яйца. Вероятно, они больны.

Филипп встал и вздохнул полной грудью, опрокинув голову назад.

— Хорошо, ты права, — он развернулся спиной к Анне. — Если больны, зачем им жить? — он махнул рукой, делая резкое движение вниз, призывая своё копьё, и лёгким движением отсек сразу обе головы пленных.

— Что ж, это было неожиданно, правда? — Анна с Маркусом стояли уже наверху, возле входа в подвал, наблюдая, как солдаты вытаскивали тела пленных.

— Да, я не думал, что подобное с ним произойдёт, ничего не предвещало беды, — Анна закурила.

— А что ты ожидала от человека, мать которого сожгла около сотни горожан за день, думая, что они все враги империи, хотя ей это лишь показалось? — Маркус забрал сигарету из рук Анны и втянул дым в свои лёгкие.

— Что ты куришь, подруга? — парень сморщился и закашлял.— Мне такое не по душе, спасибо, — он отвернулся и сплюнул горький привкус сигареты.

— Жан был здоров, и если один из родителей болен, редко это передаётся в первом поколении, — Анна смотрела на тела, что выносили из дверей.

— А ведь по сути они не виноваты, и мы сразу не поняли этого Она потёрла лоб, отвернувшись от Маркуса.

— Ладно, я пойду, надо привести себя в порядок, уже через пару дней бал будет, да и охране приказы отдать. Сам тоже сделай, как он просил, хорошо? — она взглянула на Маркуса, тот пинал камень и в ответ лишь кивнул головой.

Без лишних прощаний она стала удаляться от этого злачного места, как услышала вслед крик Маркуса:

— Анна, а ты уверена, что всё хорошо будет после этой ситуации? — вероятно, он намекал на то, как ОНА использовала ауру на императора.

Да, тот мог не простить её, но надежда на понимание со стороны Филиппа теплилась в груди.

— Ну, не казнит же он меня за такое, не смеши, — она отмахнулась, показывая весёлый настрой, хотя в душе скребли кошки.

Она не боялась императора, она боялась лишь потерять себя в этом месте, если начнёт поддакивать безумному повелителю.

То, что так сильно утомляло Анну, так сильно забавляло Эмильду.

— Чего ты такая радостная, Эми? — Анна спускалась по крылу дракона, спрыгивая последний метр над землей.

— А чего грустить? Сейчас совет, потом патруль и на тренировку, — у Эмильды дракон был меньше, и она уже смотрела, как спускается Анна, с земли.

— Там точно будет что-то смешное, возможно, Риуд опять скажет что-то, и Филипп его выгонит из залы, — Эми прищурилась и хитро улыбнулась.

Для Анны такие сборы не предвещали ничего хорошего, в частности из-за новых поручений Филиппа. Он не доверял никому, кроме нее, хотя подручных у него много.

Перед массивными, окованными железом дверями, ведущими в зал совета, собралась группа советников. В воздухе витало напряжение, смешанное с запахом влажного камня и кожи. Шепот, словно шелест осенних листьев, проносился между ними, их голоса были приглушены, но полны скрытого волнения.

— Не понимаю, почему нас задерживают, — пробормотал седобородый старец, его пальцы нервно барабанили по резной рукояти трости. — Его Величество ожидает нас. Важные дела требуют немедленного внимания.

Рядом с ним статная женщина в темно-синем платье, советница по торговым делам, покачала головой:

— Возможно, король принимает кого-то вне очереди. Или же что-то случилось. — Ее взгляд скользнул по бронзовым доспехам двух солдат, стоявших у дверей.

Солдаты, как статуи, невозмутимо стояли на страже. Их лица были скрыты за шлемами, а руки покоились на эфесах мечей. Они не отвечали на вопросы, лишь молчаливо исполняли свой долг, преграждая путь к заветным дверям. Ни один звук, ни одно движение не выдавало в них живых людей; казалось, сами двери обзавелись каменными стражами.

— Я уверен, что мой доклад о северных границах не должен ждать, — настаивал полководец, его кулаки сжались.— Смута может разразиться в любой момент.

Его голос, хоть и тихий, звучал с отсылкой к грому. Советники переглядывались, каждый пытаясь угадать причину задержки, но ни один из них не решался нарушить молчаливое стояние стражи, охраняющей тайны, скрытые за дверями зала совета.

— Госпожа, вы прибыли, как ваш утренний патруль? — раздумья Анны прервал знакомый голос.

— Лукас, странно, что спрашиваешь, ты же должен был лететь со мной вместо Эми, — Анна была недовольна своим солдатом, она редко позволяет им отлынивать от работы, но тут явно был обман, она чуяла.

— Простите меня, я подам сегодня же рапорт о случившемся, — солдат глубоко наклонился в знак извинения и не поднимал голову, пока Анна не дала отмашку.

— Только ты так нагло себя ведешь, Рец.

Продолжать разговор было бессмысленно. На данный момент необходимо понять, почему не пускают, и успокоить блуждающий шепот между советниками.

Проталкиваясь между ними, Анна подошла к дверям, и, как оказалось, перед ними стояли солдаты личных покоев Филиппа.

— Что это значит, время идет, — она подошла ближе, показывая на время.

— Не имеем права пускать, ждите, — отчеканил один, не поднимая забрало шлема и не опуская головы, все так же смотря в потолок.

— *Ты не видишь, с кем говоришь, солдат*? — Анна

От этих слов у всех присутствующих пошли мурашки по коже, а у советников — людей внезапно хлынула кровь из носа, словно тело, не выдержав колоссального напряжения, пыталось избавиться от избытка эмоций.

Это была не просто угроза, а проявление того, чего они боялись больше всего: аура мага крови, достигшего пределов своей высшей ступени.

Воздух в зале стал густым и осязаемым, пропитанный запахом железа и страха. Каждый присутствующий чувствовал, как невидимая сила сдавливает грудь, мешая сделать полный вдох. Те, кто знал природу магии крови, понимали, что это одно из самых разрушительных искусств, способное управлять жизненными силами, подчинять волю и вызывать смерть одним лишь намерением.

От нее не скрыться и не блокировать. Она окутывает всех присутствующих темной, вязкой вуалью, словно болотная трясина, из манны, крови и боли Не каждый маг сдержится и защитит себя от этого давления, а человек — подавно.

Советники, привыкшие к сложным переговорам и холодному расчету, теперь оказались перед существом, чья сила превосходила всякое понимание. Их знания, их опыт — всё казалось ничтожным перед лицом столь концентрированной, первобытной магии.

Солдаты, хоть и были вооружены, ощущали себя беспомощными, их доспехи казались хрупкими скорлупками против такой мощи.

В этот момент тишина, наступившая после произнесенных слов, стала самым громким звуком. Она давила, сводила с ума, заставляя каждого думать лишь о выживании. Перед ними стоял тот, кто не ведал жалости, чья сила была абсолютна, и чьи намерения могли обернуться катастрофой для всего королевства.

— Анна, ты явно ожидаешь больше, чем следует. Извини меня, — сзади подошел человек, он словно разрезал эту вуаль, позволяя людям спокойно вздохнуть и выйти из оцепенения.

Мужчина приказал открыть дверь, и первым вошел в залу.

— Я принимаю твои извинения, Филипп. Надеюсь, это ожидание было оправданным, — она втянула в себя остаток манны и вошла следом за ним.

Мужчина по имени Филипп сел во главе огромного овального стола. По обе стороны от него встали те самые солдаты у дверей.

Следом за Анной вошли советники и стали рассаживаться по своим местам. Анна же подошла к окну и закурила.

— Ты присядешь или позже? — Филипп обернулся на окно. Анна стояла позади него и дымила в открытую форточку белый дым.

— Чтобы слушать ваш совет, мне сначала нужно затуманить разум, — усмехнулась Анна.

Бросив окурок в окно, она села на свободное место, ближайшее от Филиппа, справа. Напротив сидела Эмильда и улыбалась:

— *Снова ты балуешься этими сигаретами*? — ментально отчитала Эми свою сестру.

— *Будешь отчитывать, и про тебя что-то вспомню,* — отчитывать за сигареты — глупость

Как и ожидалось, на совете ничего полезного не произошло. Обсуждение базовых задач, торговля, границы, патрули — скукота

Эмильда с успехом сдала полный утренний и позапрошлый вечерний доклад патруля. Из-за смены патрульных иногда приходится выходить лично Анне и Эмильде, хотя это не их работа.

— Собственно, я вас собрал не из-за этого, — Филипп махнул рукой солдату, и тот достал белый конверт с золотой лентой. Посередине была печать с цветком ромашки. — Уже 5 числа случится ***Бал Весеннего Равноденствия.*** Как никак, уже май месяц. Удивлен, что они решили собраться в начале месяца.

Филипп передал конверт Анне.

— Ты поедешь со мной, ты мне там будешь нужна, — он явно дал понять, что никуда ей не сбежать 5 мая.

— Распоряжения дам в ближайшие дни, будьте внимательны, пришлю письмами, без собраний. На этом все, — он встал из-за стола, двинулся к дверям и, не оборачиваясь, вышел.

****

— Значит, бал будет. Интересно, мне позволят поехать с вами? — весь вечерний патруль после тренировки Эмильда не замолкала.

— Если хочешь, едь вместо меня, — Анна не любитель всех подобных выездов и встреч.

Слухи о ней расходятся по всему континенту, и они, в частности, не добрые.

****

Аннастасия Вассилевски, ближайшая рука нынешнего Филиппа Парга. Маг крови, предел 9 ступени магии.

С самого детства она росла в одном замке с Филиппом и Эмильдой.

Будучи в возрасте 3 лет, ее нашел предыдущий император Парга — Жан, во время вылазки за Море Аморе у берегов Империи Красной Розы. Он нашел мокрого и тощего ребенка, а поблизости кричал младенец — та самая болтушка Эмильда.

Две сестры росли вместе с наследным принцем, и нельзя сказать, что они хорошо ладили, ведь разница в возрасте существенная.

Анна и Филипп = 11 лет. Эмильда и Филипп = 14 лет.

Потому, уже будучи в подростковом периоде Филиппа, его отец явился с двумя подкидышами из-за моря, и, как оказалось впоследствии, еще и магами крови с большим количеством врожденной манны. Он им был не ровня даже в уже более зрелом возрасте, превосходя физически. Они поодиночке могли справиться с дюжиной солдат стихий.

Филипп Парга, будучи магом воды, мало кому мог дать сдачи, но со временем и тренировками с Анной и Эмильдой — он начал поднимать и прокачивать свои умения и расти объем манны.

7 июля 159 года Жан Парга умер. То ли от чахотки, то ли от отравления — никто до сих пор понять не может. Но сгорел он быстро, тихо, ночью во сне ушел.

****

— Да ну, смеешься! Филипп меня за шкирку выкинет с бала, — Эми надула губы и всем видом показала свою боль и грусть.

— А вообще, там явно много разных людей и красивых мужчин приедет. Пригляди кого-нибудь себе, Анна, —когда она вспоминает про мужчин, настроение тотчас меняется, и уже нет тени грусти на лице Эми.

— Ты знаешь, оно мне не надо. Мне бы спокойствия, тихой и мирной жизни, без этих всех эмоциональных потрясений. Мне хватило после смерти Жана и ухода Марии — Анна устремила опустошенный взгляд вдаль.

Они летели над ущельем.

Их путь проходил вдоль границы с Эллиосом, над горами Эвалар. В этих горах, помимо живой растительности, очень много кладок драконьих яиц.

Задача патруля — следить за недобросовестными похитителями кладок, ведь продажа драконов начала набирать обороты, однако не всякий мастер может поладить с только вылупившимся драконом.

Пролетая над основной кладкой, Эмильда заметила движение кустов. В живом лесу это обычное дело, но чутье на человека, которое у магов крови обострено от природы, сыграло роль, и всадница приказала пикировать вниз.

Дракон Эми относится к земляным. Они, в частности, держатся на деревьях с помощью длинных костей и когтей. В бою это самые быстрые и опасные драконы.

Оставив дракона на дереве, где его не сильно было видно, она стала продвигаться вглубь леса, медленно, тихо ступая по еще мокрой земле, частично где-то еще лежал снег.

— *Заметила что-то*? — отозвался голос Анны в голове.

— *Да, чувствую несколько людей. Следи за деревьями сверху, если что, дам сигнал*.

Эми двигалась все дальше, уже стали видеться кладки яиц земляных драконов.

В отличие от металлических драконов, которые прячут свои яйца в пещерах, земляные оставляют яйца на траве или в снегу, согревая их своими телами регулярно.

Однако поблизости не было ни единого дракона. Тишина. Ни звука, ни шелеста, будто кто-то держит пространство

— *Эми, используй покров! Я чувствую манну рядом с тобой*, – отозвался голос Анны.

Покров – техника покрытия пространства своей магией. Маг крови расширяет свою ауру до нужных ему размеров, полностью чувствуя и контролируя то место, где он находится. Это будто локатор и маячок, где маячок – это люди и живые существа вокруг мага.

Эми вздохнула, достала маленький кинжал и порезала указательный палец. Закрыв глаза, она почувствовала, как оболочка вокруг нее начала разрастаться, и, открыв глаза, позволила ауре раскрыться с полной силой.

«***Покров***».

В это время зрение мага крови переходит в режим хищника: он ищет кровь, чувствует сердцебиение существ поблизости и даже слышит движение крови по телу, если объект находится очень близко. Также в этот момент маг крови может перехватить врага, остановив поток крови в его теле.

— *Чувствуешь кого-нибудь*? – Анна кружила над деревьями, четко над тем местом, где стояла Эми.

— *Нет, будто тут только я и яйца это очень подозрительно. Двинусь дальше*, – мягко ступая, она оглядывалась во все стороны, понимая, что даже будучи на 7-й ступени, она не чувствует никого, но ощущение **живого** не дает ей покоя

Шелест деревьев, хоть и не сильно густых листьев для этого времени года, отвлекал Эми.

— ***Чувствую**, наконец-то появилось стойкое ощущение мага, но так мимолетно*

— Ты меня начинаешь пугать, сестра. Неужели твое чутье подводит тебя? – Анна спустилась на драконе прямо возле Эми.

Дракон Анны – белый металлический. Они плохо держатся на деревьях, но быстро летают и пикируют лучше остальных.

Так вот *что* почувствовала Эми – ауру Анны. Она настолько тонкая и вязкая, что сначала создалось ощущение, будто Эми находится в своей ауре, но оказалось, она погрязла в ауре Анны, хотя та еще не окутывала пространство, а лишь приземлилась рядом. Но во время состояния покрова маг крови остро ощущает чье-либо присутствие.

— Я не чувствую ничего и чувствую одновременно, – Эми сняла свое заклинание.

— Хорошо, тогда гляну я, – Анна укусила большой палец до крови. Эми отвернулась и сморщилась, она была против таких увечий, ей уж лучше порезать

«***Покров***»

Вязкая, словно болотная тина, аура Анны окутала все живое и неживое вокруг. Ауру Анны было не перепутать ни с чем. После использования этого заклинания хотелось помыться с ног до головы и даже почистить зубы, настолько она была ощущаемой Но даже после этого Эми никого не видела, будто кто-то сидит и прячется прямо у них перед носом.

«*Хрхрхрх хрхрхгл.. глглгл хррхр*»

— Ну наконец-то, а то я уже начала сомневаться в себе, – Анна облизнула большой палец и свернула покров.

Она направилась в кусты рядом с кладкой яиц. Там извивались два молодых парня в зелено-коричневой форме, видимо, специально для слияния с деревьями. Их вид был ужасен, что неудивительно, ведь Анна не просто использовала покров. Ей надоело ждать, и она решила перекрыть им дыхание, медленно удушая этих парней. Из-за сильнейшего давления, нарастающего внутри их тел, из ушей, носа и глаз начала течь кровь. Набухшие губы, багровые лица, скрюченные конечности – все выдавало агонию. Глаза, широко распахнутые от ужаса и страха, были испещрены красной паутиной полопавшихся сосудов. Они лежали недалеко друг от друга, корчась и извиваясь, словно змеи на раскаленной сковороде, беспомощные перед неведомой силой, что вырывала из них саму жизнь. Анна, окутанная своей магией, наблюдала за этим зрелищем с холодным спокойствием. Покров давал ей полное преимущество: она чувствовала каждое их движение, каждое учащенное биение сердца, каждый предсмертный хрип.

— Что же вас сюда занесло, мальчики? – Анна ослабила давление, чтобы они смогли говорить. Но ни звука, ни писка от них не исходило.

— Давай их до Фреи отвезем, она их разговорит. Что им тут лежать? – Эми стояла рядом, чуть отвернувшись. Такое зрелище было не для нее.

— Эми, не кажется ли тебе, что ты сегодня слишком инициативна? – Анна повернулась к сестре и щелкнула ей по носу. – Разберемся на месте, зачем мне этот мусор тащить в замок?

«*Лукас, северо-восток. Пришли людей проверить кладки, мы кое-кого нашли тут*».

«*Так точно, госпожа. Будут через 7 минут*».

— Ну что ж, начнем разговор, мальчики? – Анна присела на корточки рядом с двумя молчаливыми телами, смахивая каплю крови с лица парня, что лежал ближе к ней, и облизнула палец.

«*Даже не по морщилась, гадость какая*,» – иногда Эми сожалеет, что родилась магом крови, ведь подобные вещи, как облизать кровь врага или чужого человека, вполне себе разумеющееся.

Кровь для мага этого темного искусства была не просто жизненной эссенцией, но настоящим кладезем знаний о человеке. Всего лишь капля, сорванная с пальца или просочившаяся из раны, становилась мостом к прошлому, к мыслям, к самым сокровенным воспоминаниям. Она могла мгновенно показать, врет ли человек, утаивает ли что-то, или же, напротив, обнажить перед магом калейдоскоп событий, которые тот пережил. Маг крови, словно алхимик, погружался в эту таинственную субстанцию, буквально полоская её, просеивая через сито своих магических способностей.

Это был кропотливый, опасный, но до невообразимой степени эффективный метод получения информации, недоступный ни одному другому искусству. В этой жемчужине жизни скрывались ответы на все вопросы. Правда, ложь, страх, любовь, ненависть – всё это отпечатывалось в крови, становясь доступным для тех, кто осмеливался проникнуть в её глубины, в *память крови.*

— Ты чем-то вечно недовольна, Эми, – Анна поднялась и уже вытирала палец об жакет. – Если тебе подобные мероприятия мерзки, не стоило подниматься до 7-й ступени. Оставалась бы на 5-й, 6-й – там такое не под силу, насколько помнишь.

— Спасибо за то, что ты это делаешь вместо меня, Анна, – Эми честно сказала сестре о своих чувствах, но та лишь усмехнулась.

— Я не всегда буду рядом. Знаешь ведь, иногда придется самой справляться. Взрослая уже, – Анна пнула лежащие тела и направилась к дракону.

С запада к ним двигались несколько земляных драконов, видимо, кого-то из патруля отправили.

— Госпожа Вассилевски, рады видеть вас в здравии. Мы с западной заставы, капитан Рец приказал прибыть по вашему запросу, – два юноши приземлились близ кладок и отчитались.

— Да, спасибо, что прибыли. Вы довольно быстро, я только закончила, – Анна повернула голову в сторону двух тел. – Заберите их в свою заставу, пусть Маки их вылечит.

— Так точно, госпожа. Заберем, но зачем их лечить? – Солдаты в недоумении, ведь если Анна их прочла, то смысла в их жизни нет.

— *Вы что-то не поняли?*

— Нет, госпожа. Все ясно, так точно. К Маки, – вытирая кровь из носу, солдаты поспешили забрать скорченные тела.

— Они же ничего плохого не сделали, зачем ты на них используешь ауру? – Эми с Анной направлялись к своим драконам, оставив солдат с теми людьми.

— Солдат не должен спрашивать, тем более меня. Приказ есть приказ, – Анна садилась на своего дракона, перебрасывая ногу через поводья. – Они мне нужны живыми, а эти, – она махнула головой в сторону солдат, – явно хотели их тут же закопать и не везти никуда. Видела их драконов, они маленькие, не уместятся все, дискомфорт всадникам обеспечен.

Драконы прилетевших солдат были и правда очень миниатюрные, там в седле едва один мужчина уместится, а если везти кого-то сверху, придется класть тело себе на колени.

— Я не подумала об этом, прости, — Эми осознала, что защищать этих юношей не стоит. У них был свой мотив, но Анна, как обычно, продумала все наперед.

Во времена царствования мужчин у женщин, которые пытаются выбиться в люди и заполучить признание в обществе, вырабатываются определенные манеры и поведение. Не каждую женщину в наше время может принять общество, тем более если тебе не за 40 лет. Там большую роль играет уважение к возрасту.

Но если тебе от силы 24 года, как на данный момент Анне, приходится искать другие способы поддержания своего авторитета.

В свои 22 года Анна получила признание совета старейшин после победы на Зеленой пустоши.

В ту битву она пересекла предел 8-го уровня и вступила на 9-й, на самую высшую ступень в наше время. Ее отметка количества маны на данный момент переросла в 5.000 единиц, что сопоставимо с 10-й ступенью, но почему-то предел 9 она пересечь пока не может.

Начиная с капитана небольшого отряда магов крови, она поднялась до генерала легиона империи Парга всего за два года. Совет старейшин вместе с военачальниками приняло единогласное решение — назначить ее ответственной за все войска империи.

Чего ей это стоило? Знает только одна она, но то доверие, которое она заслужила, конечно же, не добрым словом, у императора и совета дорогого стоит.

С малого возраста Анна защищала как себя, так и свою младшую сестру Эмильду от нападок Филиппа или других придворных детей. А в уже более осознанном возрасте — от советников и некоторых капитанов. Оттого она научилась продумывать все наперед и тщательно следить за окружающими.

Сестры, словно два полюса одной природы, жили под одним кровом, но их пути в этом мире разительно отличались.

Если Эми, с ее пылким нравом и открытой демонстрацией эмоций, вызывала смешанные чувства – где-то восхищение, а где-то порой и желание ее обуздать, – то Анна была воплощением тихого, но абсолютного превосходства. Ей не нужны были крики или долгие объяснения, чтобы установить свой авторитет. Одного лишь ее взгляда, глубокого и пронзительного, было достаточно, чтобы любому, даже самому дерзкому собеседнику, застыть намертво, проглотив слова обратно.

Анна не любила шумных расправ. Ее сила заключалась в иной форме насилия, более тонкой и мучительной. Без единого крика, без малейшей попытки словесно доказать свою правоту, она медленно, но верно душила оппонента своей аурой. Это было искусство, отточенное до совершенства, искусство, в котором она не знала себе равных.

Во всей империи Парга, от величественного трона до самых отдаленных окраин, не было никого, кто стоял бы выше неё в иерархии силы. Те, кто когда-то могли претендовать на это положение, давно ушли в небытие.

— Ничего страшного, учись, пока я жива, — Анна усмехнулась и сорвалась в небо.

Всю дорогу до дома не было ни ментальных перешептываний, ни каких-либо знаков со стороны Анны. Она была на удивление спокойна и сдержанна.

Закончив патруль, девушки вернулись в замок уже затемно.

Драконы, наконец освободившись от экипировки, улетели в своем направлении. Они не ночевали в замке или где-то поблизости. Все основные гнезда и стаи обитали в горах Эвалар и по зову своего мага, с кем была создана связь, прилетали в любое место, где бы ни был человек. За них не переживали, драконы за себя постоять могут.

— Эми, иди ложись спать, доклад завтра сдам сама лично, не переживай.

Анна направилась прямиком в сторону казарм восточной роты, где в то время спал капитан Маркус Зога.

— И что же мы тут спим, капитан Зога? — Анна влетела в комнату, срывая с него одеяло и скидывая на пол. — Спишь, в то время как наши кладки воруют, а?

Маркус в испуге вскочил на ноги и начал трясти головой, чтобы проснуться. Он стоял в одних портках и, почему-то, только с левым носком.

— Неужели капитану восточной роты, ответственному за восточные кладки Эвалара, так сладко спится? Доноса не было за сегодня, ***Маркус***? — Анна не сдержалась, и тонкая струя вязкой ауры просочилась и поползла по полу прямиком к правой ноге капитана. Тот отскочил на кровать, шустро надевая носок на правую ступню.

— Госпожа, сегодня было много доносов, но если вы про инцидент в горах сегодня, да, я в курсе, — Маркус испуганно натягивал на тело одеяло, пытаясь прикрыть торс от взгляда

Анны. Мужчина, в два раза больше и выше, прикрывался от девушки, что стояла и сверлила его взглядом.

«*Спасибо, что без покрытия*».

«***Ты очень много себе позволяешь, друг мой. Твое отношение к произошедшему меня расстраивает и заставляет думать, не заодно ли ты с ними***»

Голос в голове отбросил все мысли Маркуса. Только ее голос звучал четко, не давая даже сделать глоток воздуха, перекрывая мысли, желание и сознание капитана.

Страх не давал полностью раскрыться легким или даже сглотнуть слюну, что наполнила рот Он забыл, как дышать и даже глотать

Маркус упал на колени перед Анной, перед ее силой и тем давлением, которое она может оказывать на окружающих одним своим желанием, не приказывая и не озвучивая заклинание.

— Молю меня извинить, приму любое наказание, только прошу, воздух — Маркус схватился за грудь, пытаясь сделать хотя бы малюсенький вздох.

«***Дыши глубже, друг мой***»

Давление ушло, будто камень стянули с груди, и юноша сделал глубокий вдох, настолько, насколько могли раскрыться его легкие.

Анна села за стол напротив капитана, который все еще стоял на коленях на полу, рядом лежало одеяло и были разбросаны вещи.

— Давай, вставай и рассказывай, что знаешь, — она достала пачку сигарет и закурила одну из них, пуская тонкую струю белого дыма в потолок.

Наконец-то Маркус смог прийти в себя. Она таки застала его врасплох. Одевшись, он сел за стол и протянул скрепленные бумаги. Только когда приблизился, он заметил красную полоску под носом у Анны. В темноте он плохо видел ее лицо, но под светом свечи на столе все стало четче.

— Тебе сегодня пришлось несладко, вижу, — Маркус указал на свой нос, когда Анна подняла голову в его сторону. — Сама их читала, да?

Между ними были теплые отношения, они были близки. Единственные, кому они доверяли, — это друг другу. Было время, когда их пытались даже поженить. Он красив, молод, блондин, с серыми глазами, высокого роста и крепкого телосложения. Внешне они даже были чем-то схожи.

Удивлялись, что именно Анна и Эми были родня, хотя совершенно не были похожи друг на друга. Одна темно-русая, с голубыми глазами, черными бровями и пухлыми губами. Настоящая принцесса, что не скажешь о младшей сестре: темненькая, с тонкими губами и карими глазами — но все так же прелестна и красива.

— Да, у Лукаса опять проблемы с людьми. Мы летали с Эми в патруль вечером, — Анна читала, не пропуская ни одной строчки, отвлекаясь только на сигарету.

— Я не могу сказать, откуда они там, но в их сумках были яйца только одного вида — огненные — Маркус и правда не имел понятия, зачем похитителям были эти яйца.

— Да, я тоже увидела только красные яйца, но, насколько я помню, никто не рождался еще со стихией огня. Нам бы подали явки, — она откинулась на стуле и уперлась взглядом в потолок, все так же выпуская дым из губ. — Только если это не для наших людей — Анна прищурилась.

Было уже поздно, стемнело, и только свеча озаряла стол и Маркуса. Языки пламени играли с ветром, показывая будто фигурки то ли людей, то ли полноценные сцены, давая некие подсказки для размышлений двух друзей.

— Короче, ложись, никакого наказания не будет, пошутили и хватит. Но в следующий раз — сразу мне докладывай, не жди повтора сцены, а то вдруг там уже и без портков будешь, — Анна усмехнулась, потушила сигарету и направилась к выходу из комнаты Маркуса.

Из казарм вела тропа, заросшая кустами, вплоть до черного входа на кухню придворных. Из-за отношения к правящей семье, даже будучи солдатом, комната Анны находилась в замке, в восточном крыле башни.

Забежав через черный вход, который вел на кухню, Анна сразу свернула на лестницу, что вела прямиком в еекрыло башни, в то время как Эми сидела на кухне с двумя девушками и о чем-то весело перешептывалась. Оттуда пахло невероятно маняще, но усталость была настолько сильна, что желание лечь в постель преобладало над гудением живота.

«*Да уж, использовать в один день столько расширения ауры мне дало по голове*» — Анна поднялась на свой этаж и уже направлялась к комнате. В конце коридора была одна единственная дверь.

Только ее башня и только одна комната — все, как было запрошено у Жана Парга, когда девочка выросла. В 15 лет Анна захотела жить в уединенной стороне замка, тренируясь день и ночь, чтобы не давать себя в обиду. После этого комната все также осталась за ней. За все время проживания произошел невероятное количество ремонта и изменений. Основное, что осталось и по сей день, — выход на покатую крышу башни, где Анна отдыхала, лежала на черепице и смотрела на звезды. Иногда пролетали драконы, обучая своих детенышей летать.

— Госпожа, я думала, вы сегодня не вернетесь уже, — Анна открыла дверь, и на пороге стояла Руфи, еегувернантка.

— Нет, что ты, я всегда стараюсь вернуться, — Анна улыбнулась, видя обеспокоенное выражение лица своей близкой знакомой.

Руфи очень сильно переживала всегда, когда Анна поздно возвращалась. В ее обязанности входили стирка, шитье и подбор одежды, смена постельного и полная уборка только этой комнаты. Некоторые другие гувернантки шептались из-за того, что якобы у Руфи было мало хлопот, но это было обманчиво.

Анна доверяла Руфи очень многое, в том числе разнос различных писем, которые не должны были попадать в руки кого-то из придворных. Хоть она и была не шибко взрослая, к Анне же относилась как к сестре, и соблюдение субординации не считала нужным. Разница в их возрасте была всего 6 лет, и как только Руфи исполнилось 18, ее забрали в покои госпожи. Встретила та ее с улыбкой и всегда помогала, если появлялись вопросы. А вопросов было предостаточно, поскольку одежда Анны была, мягко говоря, странной.

В частности, это были обязательно шорты или брюки. Никаких платьев она не носила, если только юбки, и то поверх шорт или брюк. Далее шли различные «лохмотья», как описывала их Руфи, но для госпожи это была самая комфортная одежда из-за постоянных тренировок, патрулей и езды на драконах.

В платьях не наработаешься

— Да, я помню, но я слышала про нападение в горах, мало ли что бывает, — Руфи принялась развязывать пояс и помогать раздеться госпоже.

— Не волнуйся так, ты же знаешь, кто я. Справлюсь. Ты сама как, удалось зашить те жакеты для езды? — Анна стянула юбку, что была одета поверх шорт.

— Я иногда так удивляюсь, что вы носите. Это же настоящие лохмотья, госпожа, — Руфи подняла юбку и оглядела её.

Многослойная юбка из ткани серо-коричневого цвета, выглядит грубой, с рваными краями и украшена геометрическим узором, что не подходила для дамы высшего сословия.

— Так отдай сюда, — Анна вырвала из рук служанки свою юбку и положила в сундук с вещами. — Уж не тебе тут говорить. У тебя вообще вся грудь нараспашку, того и гляди, — Анна замялась, — вывалится всё, что держится в декольте у тебя, — она указала пальцем на грудь Руфи, что томно поднималась то вверх, то вниз от возмущения.

— Я вас услышала, моя госпожа, — Руфи опустила голову и принялась укладывать всю одежду для постирочной.

Анна отшвырнула от себя ботинки, направляясь к окну, чтобы закурить.

Собрав все необходимое, Руфи откланялась.

— Если я тебя обидела, извини меня, но и ты не оскорбляй мой выбор, пожалуйста, — Анна стояла спиной к служанке, выпуская дым в открытое окошко. — Хотя бы ты — почти шепотом произнесла госпожа.

— Я не обижаюсь, и вы простите. Отдыхайте, пожалуйста. Я приду утром, — Руфи улыбнулась и вышла за дверь.

Анна чувствовала: она не обижается, всё хорошо.

Только положив голову на подушку после горячей ванны, сон забрал госпожу в свои объятия.

****

Сумрак Из-за густых облаков выглядывает струя белоснежной луны

— Что я тут делаю? — Анна шла посреди густого леса, с каждым шагом утопая в тумане, что был повсюду. Она всё так же была одета в спальное платье и босиком, будто её вырвали из постели и отправили гулять по лесу совершенно одной, в неизвестном лесу. Он не был похож на горы Эвалар или Морелия, это был лес, доселе не изученный Анной.

Идя по тропинке из мха босыми ногами, она следила за движением кустов, возможно, где-то здесь будет подсказка в этом сне или

— Вот оно, движение! — кусты справа от нее резко дернулись, и послышался вой.

Анна медленно продвигалась всё ближе и ближе, и наконец, отодвинув пару веток, заглянула на ту сторону

Посреди огромной, освещенной лунным светом поляны, на коленях стоял мужчина, спиной к ней. Он был одет в синий камзол, его оружие лежало рядом, в метре от него — это была то ли секира, то ли посох ярко-алого цвета. Лица его не было видно, но то, кто стоял напротив мужчины — дракон, подобному которому она еще не встречала: огромный, с массивными крыльями и красными глазами.

Слева от дракона, на камне, лежал огромный белый волк, размером буквально чуть ли не с медведя, и облизывал свои лапы, не замечая никого вокруг.

— Вероятно, это был его вой, — Анна посмотрела на дракона.

Дракон подобного цвета — цвета пустыни, с плотной бронированной чешуей, цвета бронзы и шоколада —встречался настолько редко в наше время, что встретить его считалось удачей

— Они разговаривают? — Анна не могла понять смысл этой сцены, то ли это обряд связывания узами, то ли казнь Но в чем виновен тогда этот человек перед драконом?

Немая сцена продолжалась, и человек все не поднимал голову, все преклонял её перед могучим драконом.

Анна прошла вдоль кустов, пытаясь увидеть лицо мужчины, но как только ей удалось пройти ближе, человек упал на землю, выкинув вперед руки — прямо под лапы дракона. Тот не шевельнулся

— Что у него с рукой, это ожог? — Анна не могла разглядеть странные отметины у мужчины на левой кисти.

Пока она вглядывалась, дракон отошел от мужчины, вздохнул и начал удаляться прочь, словно отказывая в любом из возможных действий.

*— «**Не сейчас**», — дракон проговорил голосом, так что слышали все.*

Человек все также находился на коленях, а дракон — уходил, ничего не дав

Волк наконец встал, отряхнулся и пошел в сторону человека, ложась возле его ног.

— Зачем он призвал дракона, или это дракон призвал его

Взгляд

Дракон смотрел четко в сторону, где пряталась Анна, смотрел и не отводил взгляд, немного прищурившись.

Его голос прозвенел в голове: «Не сейчас».

****

Анна вскочила в холодном поту, словно её облили из ведра. Вся подушка, одеяло и постель были мокрые, ровно под её силуэт.

— Госпожа, вы проснулись. Доброе утречко, — в комнату залетела Руфи и принялась раздвигать шторы, пуская лучи солнца в спальню.

— Руфи, подай кофе и посиди со мной, — Анна оде́лась быстро, чтобы поговорить со служанкой перед началом утреннего собрания патруля.

Судорожными руками достала сигарету из пачки и закурила.

— Значит, дракон бронзовый? — Руфи сидела напротив, за столом, попивая кофе. — Ну, мы же знаем, это дракон-прародитель. Но сейчас, в наше время, их осталось ой, — она посмотрела в окно, чуть прищурив глаза, — насколько мне не изменяет память, два на весь континент. И один из них в горах Морелия. Но вот кто он —самка или самец — не буду говорить, не знаю.

Анна не могла осознать, к чему ей приснился прародитель, ведь у нее есть дракон, связанный узами.

— И мужчина, что он там делал? — она взглянула на Руфи, та безмятежно пила кофе, не беспокоясь о таком пустяке.

— Слушайте, а, возможно, вы оказались на их связывании или призыве, и всего лишь. Дракон отказал человеку, такое бывает, — служанка встала и начала сгребать крошки со стола.

«*А может, и правда? Может, я попала нечаянно на этот призыв, и потому дракон отказал ему из-за чужака —меня*».

— Спасибо, Руфи, успокоила. Можешь не накрывать, поем в столовой. Тем более, — Анна взглянула на часы и ахнула, — боги мои, уже пора на совет! — она вскочила и, на ходу одевая ботинки, выбежала прямиком в коридор, не закрывая даже двери за собой.

Пробегая по коридору, не останавливаясь, чтобы поздороваться с кем-то этим утром, она столкнулась с Эми.

— Куда мчишься так рано утром? — Эми выглядела вполне проснувшейся, в отличие от сестры.

— Совет, не начался еще? — пытаясь отдышаться, Анна наклонилась и опёрлась на колени кистями рук.

— Начинается. Вот сейчас, идем, — Эми махнула рукой, приглашая Анну за собой.

Сегодня был не совет, как обычно, а собрание капитанов для сбора средне-недельного патруля.

— Итак, без лишних разговоров, — Филипп буквально влетел в залу, и, сев за стол, сверлил всех капитанов взглядом. — Анна, докладывай про вчерашнюю ситуацию в горах. Наши яйца, что с ними? ***ВСЕ ХОЧУ ЗНАТЬ***! — Филипп истерически вскрикнул. Он был зол как никогда, ведь от этих кладок зависит состав нашей армии.

— В общем, могу сказать, эти юноши — наёмники. Для них главная цель — украсть именно красные яйца, но

— Явки были с нашей стороны? — Филипп прервал доклад.

— Нет, ваше величество, — Маркус подал голос. Это его ответственность, его же восточные кладки.

— Да, явок не было, но я не буду утверждать, зачем им эти яйца, — Анна стояла будто побитая овечка. Ей нечего было ответить, ведь заказчика она не увидела в воспоминаниях крови наёмника, а, возможно, его и не было

— Если с нашей стороны не было явок, я склоняюсь к тому, что это были люди извне, мой повелитель, — один из капитанов подал голос.

— Я тоже к этому склоняюсь, — Филипп сквозь зубы процедил вердикт. — Вассилевски, усиль охрану, дай больше людей на кладки и ещё раз допроси тех наёмников. От нас ничего не должно быть скрыто, — Император резко встал и направился к выходу, показывая, что собрание закончилось.

— Хотя, Анна, — он обернулся, смотря прямо в глаза своей подчинённой, — отведи их вниз. Я сегодня присоединюсь к вам, — в его глазах внезапно вспыхнула искорка и так же быстро потухла

— Хорошо, сделаю, — Анна поклонилась, стараясь скрыть выражение опасения на своем лице.

Не понравилась ей эта идея, чтобы Филипп присутствовал на разговоре. Всё также посмотреть память крови она может и сама, зачем ему приходить — было непонятно.

Анна стояла у массивной дубовой двери, ведущей в недра башни. Юношей перевезли в подвал восточной башни этой ночью, поскольку Маки вылечила их быстрее ожидаемого.

Повторный разговор с пленными был неизбежен. А после приказа императора — тем более, их не оставят просто так.

Она сняла с стены факел, зажгла и толкнула дверь. Петли заскрипели, показывая свое вековое преимущество перед молодой девушкой. Лестница вилась вниз. Каждый шаг отзывался эхом в сыром воздухе, пропитанном запахом земли и сырости.

Факел в её руке бросал пляшущие тени на неровные стены, где паутина серебрилась в дрожащем свете. Спуск казался бесконечным: ступени, истертые веками, скользили под ногами, а холодный сквозняк из глубины пронизывал тело насквозь.

Анна сжала рукоять кинжала на поясе – не для защиты, но для спокойствия. Она недолюбливала этот подвал башни, там часто водились пауки и змеи. Здесь ранее находилась тюрьма для пленных, но вскоре эти камеры с ржавыми решетками были заброшены. Наконец, лестница сузилась, и воздух стал тяжелее, сдавливая легкие.

Дверь в подвал маячила в конце – тяжелая, окованная железом. Двигаясь от лестницы до конца коридора, она остановилась на миг, вслушиваясь в приглушённые голоса за дверью.

Помимо пленных, там находился Маркус; он ожидал Анну в темноте.

— Ну наконец-то явилась, — Зога сидел в углу комнаты, играясь своим топором.

— Тебе бы побольше манер, Маркус. Смотри императору так не скажи, — Анна усмехнулась над дерзостью своего солдата.

— Зачем он хочет прийти? От него толку — тьфу! — парень сплюнул с отвращением в стену.

— Ладно, ты посмотришь на них, или я могу закончить разговор информацией, — он взглянул на кулак и дунул, будто сдувая пылинки с костяшек.

— А Филипп, маг воды, что может?

— Прополощет их, — Анна улыбнулась и повесила факел на стену, озаряя пленных. Они сидели на холодном каменном полу, прислонившись спинами к шершавым стенам. Одетые в рваные, грязные одежды, с цепями на руках. Их раны были излечены, но в глазах не было повиновения.

За разговором Анна не услышала, как к комнате приближался человек. Дверь с грохотом распахнулась, на пороге стоял сам Филипп.

«*Его глаза, ты видишь?*» — Анна услышала голос Маркуса в голове.

«*Утром тоже было, неужели и он?*» — та самая искра, что она заметила в зале совета, переросла в языки пламени в глазах императора.

— Итак, друзья, пообщаемся, — Филипп зашёл внутрь и закрыл дверь. — Думаю, нам есть о чём поговорить, — он повернулся лицом к пленным и засучил рукава.

Дальше всё происходило как в самом страшном сне. Филипп не позволял ни Анне, ни Маркусу вмешиваться в его «*допрос*». Они стояли у другой стены и наблюдали за всеми действиями, что император придумал для пытки пленных.

Не скупясь ни на какие возможные варианты, он совершал акты насилия над бедными юношами, по сути ни в чём не повинными, если судить по памяти крови. В порыве ярости, не получая ответа на свои вопросы, он использовал физическое воздействие, прибегая к раскалённым докрасна прутьям, хлеща ими спины, ноги и ступни пленных, или острым ножам, делая надрезы на теле и капая в них солёную воду, сжигая кожу вокруг раны, или просто грубую силу. Телом он был слаб и сильных ударов совершать не мог.

И спустя почти три часа всех измываний над юношами он вспомнил про Маркуса, что был крупнее и сильнее императора. Вытирая руки от крови и соли, Филипп приказал:

— Маркус, прошу, помоги им разговориться, что-то они молчат долго, — император стряхнул со лба пот и улыбнулся, показывая доброе расположение духа.

Капитан Зога, всё время стоявший у стены, отшатнулся. Делая шаг, он оглянулся назад, на своего генерала. Анна сидела за столом и курила уже четвёртую сигарету, глядя на всё происходящее.

Против императора — против империи.

Вмешиваться она не имела права, точнее — не видела факта для этого вмешательства.

— Ну, чего смотришь на неё? — Филипп повысил голос, медлительность Зоги его нервировала. — Она понимает, это необходимая мера, они враги нам, давай, сделай свою работу, Зога, — император махнул головой в сторону измождённых юношей. Анна отвернулась, полностью отдавая власть над происходящим Филиппу.

— Да, повелитель, — Маркус поставил топор у стены и направился к пленным.

Удар Со всего размаха капитан ударил пленного, что у того пошла кровь изо рта, носа и даже потек глаз, но звука он не издал. Соседний парень с ужасом посмотрел на своего друга, и по щеке покатилась слеза

— Ещё! Он молчит, Зога! Ещё, чёрт возьми! — Филипп вскочил и яростно закричал на капитана, указывая пальцем на пленных. — Ещё, пока не заговорит! — в его глазах были не просто языки пламени, они залились кровью и постепенно стали чернеть.

— Хватит

Между лицом и кулаком осталось всего несколько миллиметров.

В этот критический момент аура Анны, плотная и вязкая, словно тина, заполонила собой всю комнату. Она остановила не только силу удара, но и само течение времени. Стены, ещё недавно серые и холодные, окрасились в густой алый цвет, словно впитав в себя невидимую кровь. Вода, непрестанно капавшая с потолка, тоже изменила свой цвет, превратившись в кровавые капли. Комнату наполнил резкий, металлический запах, а во рту присутствующих, словно по волшебству, появился привкус железа.

Всё это время Анна, сидевшая в углу комнаты, оставалась неподвижной. Она ждала именно этого момента – момента, когда безумие императора достигнет своего пика. Теперь, когда его действия стали откровенно деструктивными, она получила полное моральное право его остановить.

Однако, осознавая свою истинную силу, превосходящую любые возможности Филиппа, она понимала, что не имеет права использовать её во вред империи и самому императору.

Её долг – защита, а не разрушение.

— Я думаю, стоит прекратить это безумие, мой повелитель, — Анна встала, и под её ногами с каждым шагом было слышно хлюпанье, будто пол превратился в сплошное кровавое месиво.

— Достаточно этого ужаса, — она шла прямиком к Филиппу.

Тот стоял, смотря на нее, не смея даже дышать. Да, иногда он может прорвать давление её ауры, как было тем утром перед советом, но это бывает редко, и повторять подобное часто ему не под силу. Но когда Анна полностью держит пространство, тут он бессилен. Ему останется только смотреть, молчать и выполнять её условия.

«*Сейчас ты творишь ужасные вещи, Филипп, не стоит забывать, кто ты, и возможные последствия для себя после подобных действий*».

Анна подошла вплотную, озвучивать вслух подобное она не хотела, так услышат и его подданные, и даже его враги.

— ***Сядь***, —она ткнула пальцем в грудь императора и усадила его на место.

Он всё так же смотрел на неё, и его глаза возвращались в природный серый цвет. Она не могла допустить его безумия, ведь такая вероятность имеет место быть, особенно зная его наследственность.

Маркус уже отошёл от юношей и сидел за столом, вытирая руки о кусок ткани. Анна отпустила его и позволила не чувствовать давление ауры. Ему это было ни к чему. Тем более маг земли, кем был Зога, долго восстанавливается после ауры мага крови.

Вассилевски подошла к пленным и открыла им рот. Филипп всё так же сидел, не двигаясь, делая медленные, короткие вздохи.

— Так и думала, нет языка, — она открыла рот пленного и повернула его голову в сторону императора, втянув в себя ауру, чтобы все спокойно задышали. — Пытать бессмысленно, они не расскажут, а по памяти крови ты знаешь, они не помнят заказчика и даже не помнят, куда надо было нести яйца. Вероятно, они больны.

Филипп встал и вздохнул полной грудью, опрокинув голову назад.

— Хорошо, ты права, — он развернулся спиной к Анне. — Если больны, зачем им жить? — он махнул рукой, делая резкое движение вниз, призывая своё копьё, и лёгким движением отсек сразу обе головы пленных.

— Что ж, это было неожиданно, правда? — Анна с Маркусом стояли уже наверху, возле входа в подвал, наблюдая, как солдаты вытаскивали тела пленных.

— Да, я не думал, что подобное с ним произойдёт, ничего не предвещало беды, — Анна закурила.

— А что ты ожидала от человека, мать которого сожгла около сотни горожан за день, думая, что они все враги империи, хотя ей это лишь показалось? — Маркус забрал сигарету из рук Анны и втянул дым в свои лёгкие.

— Что ты куришь, подруга? — парень сморщился и закашлял.— Мне такое не по душе, спасибо, — он отвернулся и сплюнул горький привкус сигареты.

— Жан был здоров, и если один из родителей болен, редко это передаётся в первом поколении, — Анна смотрела на тела, что выносили из дверей.

— А ведь по сути они не виноваты, и мы сразу не поняли этого Она потёрла лоб, отвернувшись от Маркуса.

— Ладно, я пойду, надо привести себя в порядок, уже через пару дней бал будет, да и охране приказы отдать. Сам тоже сделай, как он просил, хорошо? — она взглянула на Маркуса, тот пинал камень и в ответ лишь кивнул головой.

Без лишних прощаний она стала удаляться от этого злачного места, как услышала вслед крик Маркуса:

— Анна, а ты уверена, что всё хорошо будет после этой ситуации? — вероятно, он намекал на то, как ОНА использовала ауру на императора.

Да, тот мог не простить её, но надежда на понимание со стороны Филиппа теплилась в груди.

— Ну, не казнит же он меня за такое, не смеши, — она отмахнулась, показывая весёлый настрой, хотя в душе скребли кошки.

Она не боялась императора, она боялась лишь потерять себя в этом месте, если начнёт поддакивать безумному повелителю.

То, что так сильно утомляло Анну, так сильно забавляло Эмильду.

— Чего ты такая радостная, Эми? — Анна спускалась по крылу дракона, спрыгивая последний метр над землей.

— А чего грустить? Сейчас совет, потом патруль и на тренировку, — у Эмильды дракон был меньше, и она уже смотрела, как спускается Анна, с земли.

— Там точно будет что-то смешное, возможно, Риуд опять скажет что-то, и Филипп его выгонит из залы, — Эми прищурилась и хитро улыбнулась.

Для Анны такие сборы не предвещали ничего хорошего, в частности из-за новых поручений Филиппа. Он не доверял никому, кроме нее, хотя подручных у него много.

Перед массивными, окованными железом дверями, ведущими в зал совета, собралась группа советников. В воздухе витало напряжение, смешанное с запахом влажного камня и кожи. Шепот, словно шелест осенних листьев, проносился между ними, их голоса были приглушены, но полны скрытого волнения.

— Не понимаю, почему нас задерживают, — пробормотал седобородый старец, его пальцы нервно барабанили по резной рукояти трости. — Его Величество ожидает нас. Важные дела требуют немедленного внимания.

Рядом с ним статная женщина в темно-синем платье, советница по торговым делам, покачала головой:

— Возможно, король принимает кого-то вне очереди. Или же что-то случилось. — Ее взгляд скользнул по бронзовым доспехам двух солдат, стоявших у дверей.

Солдаты, как статуи, невозмутимо стояли на страже. Их лица были скрыты за шлемами, а руки покоились на эфесах мечей. Они не отвечали на вопросы, лишь молчаливо исполняли свой долг, преграждая путь к заветным дверям. Ни один звук, ни одно движение не выдавало в них живых людей; казалось, сами двери обзавелись каменными стражами.

— Я уверен, что мой доклад о северных границах не должен ждать, — настаивал полководец, его кулаки сжались.— Смута может разразиться в любой момент.

Его голос, хоть и тихий, звучал с отсылкой к грому. Советники переглядывались, каждый пытаясь угадать причину задержки, но ни один из них не решался нарушить молчаливое стояние стражи, охраняющей тайны, скрытые за дверями зала совета.

— Госпожа, вы прибыли, как ваш утренний патруль? — раздумья Анны прервал знакомый голос.

— Лукас, странно, что спрашиваешь, ты же должен был лететь со мной вместо Эми, — Анна была недовольна своим солдатом, она редко позволяет им отлынивать от работы, но тут явно был обман, она чуяла.

— Простите меня, я подам сегодня же рапорт о случившемся, — солдат глубоко наклонился в знак извинения и не поднимал голову, пока Анна не дала отмашку.

— Только ты так нагло себя ведешь, Рец.

Продолжать разговор было бессмысленно. На данный момент необходимо понять, почему не пускают, и успокоить блуждающий шепот между советниками.

Проталкиваясь между ними, Анна подошла к дверям, и, как оказалось, перед ними стояли солдаты личных покоев Филиппа.

— Что это значит, время идет, — она подошла ближе, показывая на время.

— Не имеем права пускать, ждите, — отчеканил один, не поднимая забрало шлема и не опуская головы, все так же смотря в потолок.

— *Ты не видишь, с кем говоришь, солдат*? — Анна

От этих слов у всех присутствующих пошли мурашки по коже, а у советников — людей внезапно хлынула кровь из носа, словно тело, не выдержав колоссального напряжения, пыталось избавиться от избытка эмоций.

Это была не просто угроза, а проявление того, чего они боялись больше всего: аура мага крови, достигшего пределов своей высшей ступени.

Воздух в зале стал густым и осязаемым, пропитанный запахом железа и страха. Каждый присутствующий чувствовал, как невидимая сила сдавливает грудь, мешая сделать полный вдох. Те, кто знал природу магии крови, понимали, что это одно из самых разрушительных искусств, способное управлять жизненными силами, подчинять волю и вызывать смерть одним лишь намерением.

От нее не скрыться и не блокировать. Она окутывает всех присутствующих темной, вязкой вуалью, словно болотная трясина, из манны, крови и боли Не каждый маг сдержится и защитит себя от этого давления, а человек — подавно.

Советники, привыкшие к сложным переговорам и холодному расчету, теперь оказались перед существом, чья сила превосходила всякое понимание. Их знания, их опыт — всё казалось ничтожным перед лицом столь концентрированной, первобытной магии.

Солдаты, хоть и были вооружены, ощущали себя беспомощными, их доспехи казались хрупкими скорлупками против такой мощи.

В этот момент тишина, наступившая после произнесенных слов, стала самым громким звуком. Она давила, сводила с ума, заставляя каждого думать лишь о выживании. Перед ними стоял тот, кто не ведал жалости, чья сила была абсолютна, и чьи намерения могли обернуться катастрофой для всего королевства.

— Анна, ты явно ожидаешь больше, чем следует. Извини меня, — сзади подошел человек, он словно разрезал эту вуаль, позволяя людям спокойно вздохнуть и выйти из оцепенения.

Мужчина приказал открыть дверь, и первым вошел в залу.

— Я принимаю твои извинения, Филипп. Надеюсь, это ожидание было оправданным, — она втянула в себя остаток манны и вошла следом за ним.

Мужчина по имени Филипп сел во главе огромного овального стола. По обе стороны от него встали те самые солдаты у дверей.

Следом за Анной вошли советники и стали рассаживаться по своим местам. Анна же подошла к окну и закурила.

— Ты присядешь или позже? — Филипп обернулся на окно. Анна стояла позади него и дымила в открытую форточку белый дым.

— Чтобы слушать ваш совет, мне сначала нужно затуманить разум, — усмехнулась Анна.

Бросив окурок в окно, она села на свободное место, ближайшее от Филиппа, справа. Напротив сидела Эмильда и улыбалась:

— *Снова ты балуешься этими сигаретами*? — ментально отчитала Эми свою сестру.

— *Будешь отчитывать, и про тебя что-то вспомню,* — отчитывать за сигареты — глупость

Как и ожидалось, на совете ничего полезного не произошло. Обсуждение базовых задач, торговля, границы, патрули — скукота

Эмильда с успехом сдала полный утренний и позапрошлый вечерний доклад патруля. Из-за смены патрульных иногда приходится выходить лично Анне и Эмильде, хотя это не их работа.

— Собственно, я вас собрал не из-за этого, — Филипп махнул рукой солдату, и тот достал белый конверт с золотой лентой. Посередине была печать с цветком ромашки. — Уже 5 числа случится ***Бал Весеннего Равноденствия.*** Как никак, уже май месяц. Удивлен, что они решили собраться в начале месяца.

Филипп передал конверт Анне.

— Ты поедешь со мной, ты мне там будешь нужна, — он явно дал понять, что никуда ей не сбежать 5 мая.

— Распоряжения дам в ближайшие дни, будьте внимательны, пришлю письмами, без собраний. На этом все, — он встал из-за стола, двинулся к дверям и, не оборачиваясь, вышел.

****

— Значит, бал будет. Интересно, мне позволят поехать с вами? — весь вечерний патруль после тренировки Эмильда не замолкала.

— Если хочешь, едь вместо меня, — Анна не любитель всех подобных выездов и встреч. Слухи о ней расходятся по всему континенту, и они, в частности, не добрые.

****

Аннастасия Вассилевски, ближайшая рука нынешнего Филиппа Парга. Маг крови, предел 9 ступени магии.

С самого детства она росла в одном замке с Филиппом и Эмильдой.

Будучи в возрасте 3 лет, ее нашел предыдущий император Парга — Жан, во время вылазки за Море Аморе у берегов Империи Красной Розы. Он нашел мокрого и тощего ребенка, а поблизости кричал младенец — та самая болтушка Эмильда.

Две сестры росли вместе с наследным принцем, и нельзя сказать, что они хорошо ладили, ведь разница в возрасте существенная.

Анна и Филипп = 11 лет. Эмильда и Филипп = 14 лет.

Потому, уже будучи в подростковом периоде Филиппа, его отец явился с двумя подкидышами из-за моря, и, как оказалось впоследствии, еще и магами крови с большим количеством врожденной манны. Он им был не ровня даже в уже более зрелом возрасте, превосходя физически. Они поодиночке могли справиться с дюжиной солдат стихий.

Филипп Парга, будучи магом воды, мало кому мог дать сдачи, но со временем и тренировками с Анной и Эмильдой — он начал поднимать и прокачивать свои умения и расти объем манны.

7 июля 159 года Жан Парга умер. То ли от чахотки, то ли от отравления — никто до сих пор понять не может. Но сгорел он быстро, тихо, ночью во сне ушел.

****

— Да ну, смеешься! Филипп меня за шкирку выкинет с бала, — Эми надула губы и всем видом показала свою боль и грусть.

— А вообще, там явно много разных людей и красивых мужчин приедет. Пригляди кого-нибудь себе, Анна, —когда она вспоминает про мужчин, настроение тотчас меняется, и уже нет тени грусти на лице Эми.

— Ты знаешь, оно мне не надо. Мне бы спокойствия, тихой и мирной жизни, без этих всех эмоциональных потрясений. Мне хватило после смерти Жана и ухода Марии — Анна устремила опустошенный взгляд вдаль.

Они летели над ущельем.

Их путь проходил вдоль границы с Эллиосом, над горами Эвалар. В этих горах, помимо живой растительности, очень много кладок драконьих яиц.

Задача патруля — следить за недобросовестными похитителями кладок, ведь продажа драконов начала набирать обороты, однако не всякий мастер может поладить с только вылупившимся драконом.

Пролетая над основной кладкой, Эмильда заметила движение кустов. В живом лесу это обычное дело, но чутье на человека, которое у магов крови обострено от природы, сыграло роль, и всадница приказала пикировать вниз.

Дракон Эми относится к земляным. Они, в частности, держатся на деревьях с помощью длинных костей и когтей. В бою это самые быстрые и опасные драконы.

Оставив дракона на дереве, где его не сильно было видно, она стала продвигаться вглубь леса, медленно, тихо ступая по еще мокрой земле, частично где-то еще лежал снег.

— *Заметила что-то*? — отозвался голос Анны в голове.

— *Да, чувствую несколько людей. Следи за деревьями сверху, если что, дам сигнал*.

Эми двигалась все дальше, уже стали видеться кладки яиц земляных драконов.

В отличие от металлических драконов, которые прячут свои яйца в пещерах, земляные оставляют яйца на траве или в снегу, согревая их своими телами регулярно.

Однако поблизости не было ни единого дракона. Тишина. Ни звука, ни шелеста, будто кто-то держит пространство

— *Эми, используй покров! Я чувствую манну рядом с тобой*, – отозвался голос Анны.

Покров – техника покрытия пространства своей магией. Маг крови расширяет свою ауру до нужных ему размеров, полностью чувствуя и контролируя то место, где он находится. Это будто локатор и маячок, где маячок – это люди и живые существа вокруг мага.

Эми вздохнула, достала маленький кинжал и порезала указательный палец. Закрыв глаза, она почувствовала, как оболочка вокруг нее начала разрастаться, и, открыв глаза, позволила ауре раскрыться с полной силой.

«***Покров***».

В это время зрение мага крови переходит в режим хищника: он ищет кровь, чувствует сердцебиение существ поблизости и даже слышит движение крови по телу, если объект находится очень близко. Также в этот момент маг крови может перехватить врага, остановив поток крови в его теле.

— *Чувствуешь кого-нибудь*? – Анна кружила над деревьями, четко над тем местом, где стояла Эми.

— *Нет, будто тут только я и яйца это очень подозрительно. Двинусь дальше*, – мягко ступая, она оглядывалась во все стороны, понимая, что даже будучи на 7-й ступени, она не чувствует никого, но ощущение **живого** не дает ей покоя

Шелест деревьев, хоть и не сильно густых листьев для этого времени года, отвлекал Эми.

— ***Чувствую**, наконец-то появилось стойкое ощущение мага, но так мимолетно*

— Ты меня начинаешь пугать, сестра. Неужели твое чутье подводит тебя? – Анна спустилась на драконе прямо возле Эми.

Дракон Анны – белый металлический. Они плохо держатся на деревьях, но быстро летают и пикируют лучше остальных.

Так вот *что* почувствовала Эми – ауру Анны. Она настолько тонкая и вязкая, что сначала создалось ощущение, будто Эми находится в своей ауре, но оказалось, она погрязла в ауре Анны, хотя та еще не окутывала пространство, а лишь приземлилась рядом. Но во время состояния покрова маг крови остро ощущает чье-либо присутствие.

— Я не чувствую ничего и чувствую одновременно, – Эми сняла свое заклинание.

— Хорошо, тогда гляну я, – Анна укусила большой палец до крови. Эми отвернулась и сморщилась, она была против таких увечий, ей уж лучше порезать

«***Покров***»

Вязкая, словно болотная тина, аура Анны окутала все живое и неживое вокруг. Ауру Анны было не перепутать ни с чем. После использования этого заклинания хотелось помыться с ног до головы и даже почистить зубы, настолько она была ощущаемой Но даже после этого Эми никого не видела, будто кто-то сидит и прячется прямо у них перед носом.

«*Хрхрхрх хрхрхгл.. глглгл хррхр*»

— Ну наконец-то, а то я уже начала сомневаться в себе, – Анна облизнула большой палец и свернула покров.

Она направилась в кусты рядом с кладкой яиц. Там извивались два молодых парня в зелено-коричневой форме, видимо, специально для слияния с деревьями. Их вид был ужа-

сен, что неудивительно, ведь Анна не просто использовала покров. Ей надоело ждать, и она решила перекрыть им дыхание, медленно удушая этих парней. Из-за сильнейшего давления, нарастающего внутри их тел, из ушей, носа и глаз начала течь кровь. Набухшие губы, багровые лица, скрюченные конечности – все выдавало агонию. Глаза, широко распахнутые от ужаса и страха, были испещрены красной паутиной полопавшихся сосудов. Они лежали недалеко друг от друга, корчась и извиваясь, словно змеи на раскаленной сковороде, беспомощные перед неведомой силой, что вырывала из них саму жизнь. Анна, окутанная своей магией, наблюдала за этим зрелищем с холодным спокойствием. Покров давал ей полное преимущество: она чувствовала каждое их движение, каждое учащенное биение сердца, каждый предсмертный хрип.

— Что же вас сюда занесло, мальчики? – Анна ослабила давление, чтобы они смогли говорить. Но ни звука, ни писка от них не исходило.

— Давай их до Фреи отвезем, она их разговорит. Что им тут лежать? – Эми стояла рядом, чуть отвернувшись. Такое зрелище было не для нее.

— Эми, не кажется ли тебе, что ты сегодня слишком инициативна? – Анна повернулась к сестре и щелкнула ей по носу. – Разберемся на месте, зачем мне этот мусор тащить в замок?

«*Лукас, северо-восток. Пришли людей проверить кладки, мы кое-кого нашли тут*».

«*Так точно, госпожа. Будут через 7 минут*».

— Ну что ж, начнем разговор, мальчики? – Анна присела на корточки рядом с двумя молчаливыми телами, смахивая каплю крови с лица парня, что лежал ближе к ней, и облизнула палец.

«*Даже не по морщилась, гадость какая*,» – иногда Эми сожалеет, что родилась магом крови, ведь подобные вещи, как облизать кровь врага или чужого человека, вполне себе разумеющееся.

Кровь для мага этого темного искусства была не просто жизненной эссенцией, но настоящим кладезем знаний о человеке. Всего лишь капля, сорванная с пальца или просочившаяся из раны, становилась мостом к прошлому, к мыслям, к самым сокровенным воспоминаниям. Она могла мгновенно показать, врет ли человек, утаивает ли что-то, или же, напротив, обнажить перед магом калейдоскоп событий, которые тот пережил. Маг крови, словно алхимик, погружался в эту таинственную субстанцию, буквально полоская её, просеивая через сито своих магических способностей.

Это был кропотливый, опасный, но до невообразимой степени эффективный метод получения информации, недоступный ни одному другому искусству. В этой жемчужине жизни скрывались ответы на все вопросы. Правда, ложь, страх, любовь, ненависть – всё это отпечатывалось в крови, становясь доступным для тех, кто осмеливался проникнуть в её глубины, в *память крови.*

— Ты чем-то вечно недовольна, Эми, – Анна поднялась и уже вытирала палец об жакет. – Если тебе подобные мероприятия мерзки, не стоило подниматься до 7-й ступени. Оставалась бы на 5-й, 6-й – там такое не под силу, насколько помнишь.

— Спасибо за то, что ты это делаешь вместо меня, Анна, – Эми честно сказала сестре о своих чувствах, но та лишь усмехнулась.

— Я не всегда буду рядом. Знаешь ведь, иногда придется самой справляться. Взрослая уже, – Анна пнула лежащие тела и направилась к дракону.

С запада к ним двигались несколько земляных драконов, видимо, кого-то из патруля отправили.

— Госпожа Вассилевски, рады видеть вас в здравии. Мы с западной заставы, капитан Рец приказал прибыть по вашему запросу, – два юноши приземлились близ кладок и отчитались.

— Да, спасибо, что прибыли. Вы довольно быстро, я только закончила, – Анна повернула голову в сторону двух тел. – Заберите их в свою заставу, пусть Маки их вылечит.

— Так точно, госпожа. Заберем, но зачем их лечить? – Солдаты в недоумении, ведь если Анна их прочла, то смысла в их жизни нет.

— *Вы что-то не поняли?*

— Нет, госпожа. Все ясно, так точно. К Маки, – вытирая кровь из носу, солдаты поспешили забрать скорченные тела.

— Они же ничего плохого не сделали, зачем ты на них используешь ауру? – Эми с Анной направлялись к своим драконам, оставив солдат с теми людьми.

— Солдат не должен спрашивать, тем более меня. Приказ есть приказ, – Анна садилась на своего дракона, перебрасывая ногу через поводья. – Они мне нужны живыми, а эти, – она махнула головой в сторону солдат, – явно хотели их тут же закопать и не везти никуда. Видела их драконов, они маленькие, не уместятся все, дискомфорт всадникам обеспечен.

Драконы прилетевших солдат были и правда очень миниатюрные, там в седле едва один мужчина уместится, а если везти кого-то сверху, придется класть тело себе на колени.

— Я не подумала об этом, прости, — Эми осознала, что защищать этих юношей не стоит. У них был свой мотив, но Анна, как обычно, продумала все наперед.

Во времена царствования мужчин у женщин, которые пытаются выбиться в люди и заполучить признание в обществе, вырабатываются определенные манеры и поведение. Не каждую женщину в наше время может принять общество, тем более если тебе не за 40 лет. Там большую роль играет уважение к возрасту.

Но если тебе от силы 24 года, как на данный момент Анне, приходится искать другие способы поддержания своего авторитета.

В свои 22 года Анна получила признание совета старейшин после победы на Зеленой пустоши.

В ту битву она пересекла предел 8-го уровня и вступила на 9-й, на самую высшую ступень в наше время. Ее отметка количества маны на данный момент переросла в 5.000 единиц, что сопоставимо с 10-й ступенью, но почему-то предел 9 она пересечь пока не может.

Начиная с капитана небольшого отряда магов крови, она поднялась до генерала легиона империи Парга всего за два года. Совет старейшин вместе с военачальниками приняло единогласное решение — назначить ее ответственной за все войска империи.

Чего ей это стоило? Знает только одна она, но то доверие, которое она заслужила, конечно же, не добрым словом, у императора и совета дорогого стоит.

С малого возраста Анна защищала как себя, так и свою младшую сестру Эмильду от нападок Филиппа или других придворных детей. А в уже более осознанном возрасте — от советников и некоторых капитанов. Оттого она научилась продумывать все наперед и тщательно следить за окружающими.

Сестры, словно два полюса одной природы, жили под одним кровом, но их пути в этом мире разительно отличались.

Если Эми, с ее пылким нравом и открытой демонстрацией эмоций, вызывала смешанные чувства – где-то восхищение, а где-то порой и желание ее обуздать, – то Анна была воплощением тихого, но абсолютного превосходства. Ей не нужны были крики или долгие объяснения, чтобы установить свой авторитет. Одного лишь ее взгляда, глубокого и пронзительного, было достаточно, чтобы любому, даже самому дерзкому собеседнику, застыть намертво, проглотив слова обратно.

Анна не любила шумных расправ. Ее сила заключалась в иной форме насилия, более тонкой и мучительной. Без единого крика, без малейшей попытки словесно доказать свою правоту, она медленно, но верно душила оппонента своей аурой. Это было искусство, отточенное до совершенства, искусство, в котором она не знала себе равных.

Во всей империи Парга, от величественного трона до самых отдаленных окраин, не было никого, кто стоял бы выше неё в иерархии силы. Те, кто когда-то могли претендовать на это положение, давно ушли в небытие.

— Ничего страшного, учись, пока я жива, — Анна усмехнулась и сорвалась в небо.

Всю дорогу до дома не было ни ментальных перешептываний, ни каких-либо знаков со стороны Анны. Она была на удивление спокойна и сдержанна.

Закончив патруль, девушки вернулись в замок уже затемно.

Драконы, наконец освободившись от экипировки, улетели в своем направлении. Они не ночевали в замке или где-то поблизости. Все основные гнезда и стаи обитали в горах Эвалар и по зову своего мага, с кем была создана связь, прилетали в любое место, где бы ни был человек. За них не переживали, драконы за себя постоять могут.

— Эми, иди ложись спать, доклад завтра сдам сама лично, не переживай.

Анна направилась прямиком в сторону казарм восточной роты, где в то время спал капитан Маркус Зога.

— И что же мы тут спим, капитан Зога? — Анна влетела в комнату, срывая с него одеяло и скидывая на пол. — Спишь, в то время как наши кладки воруют, а?

Маркус в испуге вскочил на ноги и начал трясти головой, чтобы проснуться. Он стоял в одних портках и, почему-то, только с левым носком.

— Неужели капитану восточной роты, ответственному за восточные кладки Эвалара, так сладко спится? Доноса не было за сегодня, ***Маркус***? — Анна не сдержалась, и тонкая струя вязкой ауры просочилась и поползла по полу прямиком к правой ноге капитана. Тот отскочил на кровать, шустро надевая носок на правую ступню.

— Госпожа, сегодня было много доносов, но если вы про инцидент в горах сегодня, да, я в курсе, — Маркус испуганно натягивал на тело одеяло, пытаясь прикрыть торс от взгляда Анны. Мужчина, в два раза больше и выше, прикрывался от девушки, что стояла и сверлила его взглядом.

«*Спасибо, что без покрытия*».

«***Ты очень много себе позволяешь, друг мой. Твое отношение к произошедшему меня расстраивает и заставляет думать, не заодно ли ты с ними***»

Голос в голове отбросил все мысли Маркуса. Только ее голос звучал четко, не давая даже сделать глоток воздуха, перекрывая мысли, желание и сознание капитана.

Страх не давал полностью раскрыться легким или даже сглотнуть слюну, что наполнила рот Он забыл, как дышать и даже глотать

Маркус упал на колени перед Анной, перед ее силой и тем давлением, которое она может оказывать на окружающих одним своим желанием, не приказывая и не озвучивая заклинание.

— Молю меня извинить, приму любое наказание, только прошу, воздух — Маркус схватился за грудь, пытаясь сделать хотя бы малюсенький вздох.

«***Дыши глубже, друг мой***»

Давление ушло, будто камень стянули с груди, и юноша сделал глубокий вдох, настолько, насколько могли раскрыться его легкие.

Анна села за стол напротив капитана, который все еще стоял на коленях на полу, рядом лежало одеяло и были разбросаны вещи.

— Давай, вставай и рассказывай, что знаешь, — она достала пачку сигарет и закурила одну из них, пуская тонкую струю белого дыма в потолок.

Наконец-то Маркус смог прийти в себя. Она таки застала его врасплох. Одевшись, он сел за стол и протянул скрепленные бумаги. Только когда приблизился, он заметил красную полоску под носом у Анны. В темноте он плохо видел ее лицо, но под светом свечи на столе все стало четче.

— Тебе сегодня пришлось несладко, вижу, — Маркус указал на свой нос, когда Анна подняла голову в его сторону. — Сама их читала, да?

Между ними были теплые отношения, они были близки. Единственные, кому они доверяли, — это друг другу. Было время, когда их пытались даже поженить. Он красив, молод, блондин, с серыми глазами, высокого роста и крепкого телосложения. Внешне они даже были чем-то схожи.

Удивлялись, что именно Анна и Эми были родня, хотя совершенно не были похожи друг на друга. Одна темно-русая, с голубыми глазами, черными бровями и пухлыми губами. Настоящая принцесса, что не скажешь о младшей сестре: темненькая, с тонкими губами и карими глазами — но все так же прелестна и красива.

— Да, у Лукаса опять проблемы с людьми. Мы летали с Эми в патруль вечером, — Анна читала, не пропуская ни одной строчки, отвлекаясь только на сигарету.

— Я не могу сказать, откуда они там, но в их сумках были яйца только одного вида — огненные — Маркус и правда не имел понятия, зачем похитителям были эти яйца.

— Да, я тоже увидела только красные яйца, но, насколько я помню, никто не рождался еще со стихией огня. Нам бы подали явки, — она откинулась на стуле и уперлась взглядом в потолок, все так же выпуская дым из губ. — Только если это не для наших людей — Анна прищурилась.

Было уже поздно, стемнело, и только свеча озаряла стол и Маркуса. Языки пламени играли с ветром, показывая будто фигурки то ли людей, то ли полноценные сцены, давая некие подсказки для размышлений двух друзей.

— Короче, ложись, никакого наказания не будет, пошутили и хватит. Но в следующий раз — сразу мне докладывай, не жди повтора сцены, а то вдруг там уже и без портков будешь, — Анна усмехнулась, потушила сигарету и направилась к выходу из комнаты Маркуса.

Из казарм вела тропа, заросшая кустами, вплоть до черного входа на кухню придворных. Из-за отношения к правящей семье, даже будучи солдатом, комната Анны находилась в замке, в восточном крыле башни.

Забежав через черный вход, который вел на кухню, Анна сразу свернула на лестницу, что вела прямиком в еекрыло башни, в то время как Эми сидела на кухне с двумя девушками и о чем-то весело перешептывалась. Оттуда пахло невероятно маняще, но усталость была настолько сильна, что желание лечь в постель преобладало над гудением живота.

«*Да уж, использовать в один день столько расширения ауры мне дало по голове*» — Анна поднялась на свой этаж и уже направлялась к комнате. В конце коридора была одна единственная дверь.

Только ее башня и только одна комната — все, как было запрошено у Жана Парга, когда девочка выросла. В 15 лет Анна захотела жить в уединенной стороне замка, тренируясь день и ночь, чтобы не давать себя в обиду. После этого комната все также осталась за ней. За все время проживания произошел невероятное количество ремонта и изменений. Основное, что осталось и по сей день, — выход на покатую крышу башни, где Анна отдыхала, лежала на черепице и смотрела на звезды. Иногда пролетали драконы, обучая своих детенышей летать.

— Госпожа, я думала, вы сегодня не вернетесь уже, — Анна открыла дверь, и на пороге стояла Руфи, еегувернантка.

— Нет, что ты, я всегда стараюсь вернуться, — Анна улыбнулась, видя обеспокоенное выражение лица своей близкой знакомой.

Руфи очень сильно переживала всегда, когда Анна поздно возвращалась. В ее обязанности входили стирка, шитье и подбор одежды, смена постельного и полная уборка только этой комнаты. Некоторые другие гувернантки шептались из-за того, что якобы у Руфи было мало хлопот, но это было обманчиво.

Анна доверяла Руфи очень многое, в том числе разнос различных писем, которые не должны были попадать в руки кого-то из придворных. Хоть она и была не шибко взрослая, к Анне же относилась как к сестре, и соблюдение субординации не считала нужным. Разница в их возрасте была всего 6 лет, и как только Руфи исполнилось 18, ее забрали в покои госпожи. Встретила та ее с улыбкой и всегда помогала, если появлялись вопросы. А вопросов было предостаточно, поскольку одежда Анны была, мягко говоря, странной.

В частности, это были обязательно шорты или брюки. Никаких платьев она не носила, если только юбки, и то поверх шорт или брюк. Далее шли различные «лохмотья», как описывала их Руфи, но для госпожи это была самая комфортная одежда из-за постоянных тренировок, патрулей и езды на драконах.

В платьях не наработаешься

— Да, я помню, но я слышала про нападение в горах, мало ли что бывает, — Руфи принялась развязывать пояс и помогать раздеться госпоже.

— Не волнуйся так, ты же знаешь, кто я. Справлюсь. Ты сама как, удалось зашить те жакеты для езды? — Анна стянула юбку, что была одета поверх шорт.

— Я иногда так удивляюсь, что вы носите. Это же настоящие лохмотья, госпожа, — Руфи подняла юбку и оглядела её.

Многослойная юбка из ткани серо-коричневого цвета, выглядит грубой, с рваными краями и украшена геометрическим узором, что не подходила для дамы высшего сословия.

— Так отдай сюда, — Анна вырвала из рук служанки свою юбку и положила в сундук с вещами. — Уж не тебе тут говорить. У тебя вообще вся грудь нараспашку, того и гляди, — Анна замялась, — вывалится всё, что держится в декольте у тебя, — она указала пальцем на грудь Руфи, что томно поднималась то вверх, то вниз от возмущения.

— Я вас услышала, моя госпожа, — Руфи опустила голову и принялась укладывать всю одежду для постирочной.

Анна отшвырнула от себя ботинки, направляясь к окну, чтобы закурить.

Собрав все необходимое, Руфи откланялась.

— Если я тебя обидела, извини меня, но и ты не оскорбляй мой выбор, пожалуйста, — Анна стояла спиной к служанке, выпуская дым в открытое окошко. — Хотя бы ты — почти шепотом произнесла госпожа.

— Я не обижаюсь, и вы простите. Отдыхайте, пожалуйста. Я приду утром, — Руфи улыбнулась и вышла за дверь.

Анна чувствовала: она не обижается, всё хорошо.

Только положив голову на подушку после горячей ванны, сон забрал госпожу в свои объятия.

****

Сумрак Из-за густых облаков выглядывает струя белоснежной луны

— Что я тут делаю? — Анна шла посреди густого леса, с каждым шагом утопая в тумане, что был повсюду. Она всё так же была одета в спальное платье и босиком, будто её вырвали из постели и отправили гулять по лесу совершенно одной, в неизвестном лесу. Он не был похож на горы Эвалар или Морелия, это был лес, доселе не изученный Анной.

Идя по тропинке из мха босыми ногами, она следила за движением кустов, возможно, где-то здесь будет подсказка в этом сне или

— Вот оно, движение! — кусты справа от нее резко дернулись, и послышался вой.

Анна медленно продвигалась всё ближе и ближе, и наконец, отодвинув пару веток, заглянула на ту сторону

Посреди огромной, освещенной лунным светом поляны, на коленях стоял мужчина, спиной к ней. Он был одет в синий камзол, его оружие лежало рядом, в метре от него — это была то ли секира, то ли посох ярко-алого цвета. Лица его не было видно, но то, кто стоял

напротив мужчины — дракон, подобному которому она еще не встречала: огромный, с массивными крыльями и красными глазами.

Слева от дракона, на камне, лежал огромный белый волк, размером буквально чуть ли не с медведя, и облизывал свои лапы, не замечая никого вокруг.

— Вероятно, это был его вой, — Анна посмотрела на дракона.

Дракон подобного цвета — цвета пустыни, с плотной бронированной чешуей, цвета бронзы и шоколада —встречался настолько редко в наше время, что встретить его считалось удачей

— Они разговаривают? — Анна не могла понять смысл этой сцены, то ли это обряд связывания узами, то ли казнь Но в чем виновен тогда этот человек перед драконом?

Немая сцена продолжалась, и человек все не поднимал голову, все преклонял её перед могучим драконом.

Анна прошла вдоль кустов, пытаясь увидеть лицо мужчины, но как только ей удалось пройти ближе, человек упал на землю, выкинув вперед руки — прямо под лапы дракона. Тот не шевельнулся

— Что у него с рукой, это ожог? — Анна не могла разглядеть странные отметины у мужчины на левой кисти.

Пока она вглядывалась, дракон отошел от мужчины, вздохнул и начал удаляться прочь, словно отказывая в любом из возможных действий.

*— «**Не сейчас**», — дракон проговорил голосом, так что слышали все.*

Человек все также находился на коленях, а дракон — уходил, ничего не дав

Волк наконец встал, отряхнулся и пошел в сторону человека, ложась возле его ног.

— Зачем он призвал дракона, или это дракон призвал его

Взгляд

Дракон смотрел четко в сторону, где пряталась Анна, смотрел и не отводил взгляд, немного прищурившись.

Его голос прозвенел в голове: «Не сейчас».

****

Анна вскочила в холодном поту, словно её облили из ведра. Вся подушка, одеяло и постель были мокрые, ровно под её силуэт.

— Госпожа, вы проснулись. Доброе утречко, — в комнату залетела Руфи и принялась раздвигать шторы, пуская лучи солнца в спальню.

— Руфи, подай кофе и посиди со мной, — Анна оде́лась быстро, чтобы поговорить со служанкой перед началом утреннего собрания патруля.

Судорожными руками достала сигарету из пачки и закурила.

— Значит, дракон бронзовый? — Руфи сидела напротив, за столом, попивая кофе. — Ну, мы же знаем, это дракон-прародитель. Но сейчас, в наше время, их осталось ой, — она посмотрела в окно, чуть прищурив глаза, — насколько мне не изменяет память, два на весь континент. И один из них в горах Морелия. Но вот кто он —самка или самец — не буду говорить, не знаю.

Анна не могла осознать, к чему ей приснился прародитель, ведь у нее есть дракон, связанный узами.

— И мужчина, что он там делал? — она взглянула на Руфи, та безмятежно пила кофе, не беспокоясь о таком пустяке.

— Слушайте, а, возможно, вы оказались на их связывании или призыве, и всего лишь. Дракон отказал человеку, такое бывает, — служанка встала и начала сгребать крошки со стола.

«*А может, и правда? Может, я попала нечаянно на этот призыв, и потому дракон отказал ему из-за чужака —меня*».

— Спасибо, Руфи, успокоила. Можешь не накрывать, поем в столовой. Тем более, — Анна взглянула на часы и ахнула, — боги мои, уже пора на совет! — она вскочила и, на ходу одевая ботинки, выбежала прямиком в коридор, не закрывая даже двери за собой.

Пробегая по коридору, не останавливаясь, чтобы поздороваться с кем-то этим утром, она столкнулась с Эми.

— Куда мчишься так рано утром? — Эми выглядела вполне проснувшейся, в отличие от сестры.

— Совет, не начался еще? — пытаясь отдышаться, Анна наклонилась и опёрлась на колени кистями рук.

— Начинается. Вот сейчас, идем, — Эми махнула рукой, приглашая Анну за собой.

Сегодня был не совет, как обычно, а собрание капитанов для сбора средне-недельного патруля.

— Итак, без лишних разговоров, — Филипп буквально влетел в залу, и, сев за стол, сверлил всех капитанов взглядом. — Анна, докладывай про вчерашнюю ситуацию в горах. Наши яйца, что с ними? ***ВСЕ ХОЧУ ЗНАТЬ***! — Филипп истерически вскрикнул. Он был зол как никогда, ведь от этих кладок зависит состав нашей армии.

— В общем, могу сказать, эти юноши — наёмники. Для них главная цель — украсть именно красные яйца, но

— Явки были с нашей стороны? — Филипп прервал доклад.

— Нет, ваше величество, — Маркус подал голос. Это его ответственность, его же восточные кладки.

— Да, явок не было, но я не буду утверждать, зачем им эти яйца, — Анна стояла будто побитая овечка. Ей нечего было ответить, ведь заказчика она не увидела в воспоминаниях крови наёмника, а, возможно, его и не было

— Если с нашей стороны не было явок, я склоняюсь к тому, что это были люди извне, мой повелитель, — один из капитанов подал голос.

— Я тоже к этому склоняюсь, — Филипп сквозь зубы процедил вердикт. — Вассилевски, усиль охрану, дай больше людей на кладки и ещё раз допроси тех наёмников. От нас ничего не должно быть скрыто, — Император резко встал и направился к выходу, показывая, что собрание закончилось.

— Хотя, Анна, — он обернулся, смотря прямо в глаза своей подчинённой, — отведи их вниз. Я сегодня присоединюсь к вам, — в его глазах внезапно вспыхнула искорка и так же быстро потухла

— Хорошо, сделаю, — Анна поклонилась, стараясь скрыть выражение опасения на своем лице.

Не понравилась ей эта идея, чтобы Филипп присутствовал на разговоре. Всё также посмотреть память крови она может и сама, зачем ему приходить — было непонятно.

Анна стояла у массивной дубовой двери, ведущей в недра башни. Юношей перевезли в подвал восточной башни этой ночью, поскольку Маки вылечила их быстрее ожидаемого.

Повторный разговор с пленными был неизбежен. А после приказа императора — тем более, их не оставят просто так.

Она сняла с стены факел, зажгла и толкнула дверь. Петли заскрипели, показывая свое вековое преимущество перед молодой девушкой. Лестница вилась вниз. Каждый шаг отзывался эхом в сыром воздухе, пропитанном запахом земли и сырости.

Факел в её руке бросал пляшущие тени на неровные стены, где паутина серебрилась в дрожащем свете. Спуск казался бесконечным: ступени, истертые веками, скользили под ногами, а холодный сквозняк из глубины пронизывал тело насквозь.

Анна сжала рукоять кинжала на поясе – не для защиты, но для спокойствия. Она недолюбливала этот подвал башни, там часто водились пауки и змеи. Здесь ранее находилась

тюрьма для пленных, но вскоре эти камеры с ржавыми решетками были заброшены. Наконец, лестница сузилась, и воздух стал тяжелее, сдавливая легкие.

Дверь в подвал маячила в конце – тяжелая, окованная железом. Двигаясь от лестницы до конца коридора, она остановилась на миг, вслушиваясь в приглушённые голоса за дверью.

Помимо пленных, там находился Маркус; он ожидал Анну в темноте.

— Ну наконец-то явилась, — Зога сидел в углу комнаты, играясь своим топором.

— Тебе бы побольше манер, Маркус. Смотри императору так не скажи, — Анна усмехнулась над дерзостью своего солдата.

— Зачем он хочет прийти? От него толку — тьфу! — парень сплюнул с отвращением в стену.

— Ладно, ты посмотришь на них, или я могу закончить разговор информацией, — он взглянул на кулак и дунул, будто сдувая пылинки с костяшек.

— А Филипп, маг воды, что может?

— Прополощет их, — Анна улыбнулась и повесила факел на стену, озаряя пленных. Они сидели на холодном каменном полу, прислонившись спинами к шершавым стенам. Одетые в рваные, грязные одежды, с цепями на руках. Их раны были излечены, но в глазах не было повиновения.

За разговором Анна не услышала, как к комнате приближался человек. Дверь с грохотом распахнулась, на пороге стоял сам Филипп.

«*Его глаза, ты видишь?*» — Анна услышала голос Маркуса в голове.

«*Утром тоже было, неужели и он?*» — та самая искра, что она заметила в зале совета, переросла в языки пламени в глазах императора.

— Итак, друзья, пообщаемся, — Филипп зашёл внутрь и закрыл дверь. — Думаю, нам есть о чём поговорить, — он повернулся лицом к пленным и засучил рукава.

Дальше всё происходило как в самом страшном сне. Филипп не позволял ни Анне, ни Маркусу вмешиваться в его «*допрос*». Они стояли у другой стены и наблюдали за всеми действиями, что император придумал для пытки пленных.

Не скупясь ни на какие возможные варианты, он совершал акты насилия над бедными юношами, по сути ни в чём не повинными, если судить по памяти крови. В порыве ярости, не получая ответа на свои вопросы, он использовал физическое воздействие, прибегая к раскалённым докрасна прутьям, хлеща ими спины, ноги и ступни пленных, или острым ножам, делая надрезы на теле и капая в них солёную воду, сжигая кожу вокруг раны, или просто грубую силу. Телом он был слаб и сильных ударов совершать не мог.

И спустя почти три часа всех измываний над юношами он вспомнил про Маркуса, что был крупнее и сильнее императора. Вытирая руки от крови и соли, Филипп приказал:

— Маркус, прошу, помоги им разговориться, что-то они молчат долго, — император стряхнул со лба пот и улыбнулся, показывая доброе расположение духа.

Капитан Зога, всё время стоявший у стены, отшатнулся. Делая шаг, он оглянулся назад, на своего генерала. Анна сидела за столом и курила уже четвёртую сигарету, глядя на всё происходящее.

Против императора — против империи.

Вмешиваться она не имела права, точнее — не видела факта для этого вмешательства.

— Ну, чего смотришь на неё? — Филипп повысил голос, медлительность Зоги его нервировала. — Она понимает, это необходимая мера, они враги нам, давай, сделай свою работу, Зога, — император махнул головой в сторону изможденных юношей. Анна отвернулась, полностью отдавая власть над происходящим Филиппу.

— Да, повелитель, — Маркус поставил топор у стены и направился к пленным.

Удар Со всего размаха капитан ударил пленного, что у того пошла кровь изо рта, носа и даже потек глаз, но звука он не издал. Соседний парень с ужасом посмотрел на своего друга, и по щеке покатилась слеза

— Ещё! Он молчит, Зога! Ещё, чёрт возьми! — Филипп вскочил и яростно закричал на капитана, указывая пальцем на пленных. — Ещё, пока не заговорит! — в его глазах были не просто языки пламени, они залились кровью и постепенно стали чернеть.

— Хватит

Между лицом и кулаком осталось всего несколько миллиметров.

В этот критический момент аура Анны, плотная и вязкая, словно тина, заполонила собой всю комнату. Она остановила не только силу удара, но и само течение времени. Стены, ещё недавно серые и холодные, окрасились в густой алый цвет, словно впитав в себя невидимую кровь. Вода, непрестанно капавшая с потолка, тоже изменила свой цвет, превратившись в кровавые капли. Комнату наполнил резкий, металлический запах, а во рту присутствующих, словно по волшебству, появился привкус железа.

Всё это время Анна, сидевшая в углу комнаты, оставалась неподвижной. Она ждала именно этого момента – момента, когда безумие императора достигнет своего пика. Теперь, когда его действия стали откровенно деструктивными, она получила полное моральное право его остановить.

Однако, осознавая свою истинную силу, превосходящую любые возможности Филиппа, она понимала, что не имеет права использовать её во вред империи и самому императору.

Её долг – защита, а не разрушение.

— Я думаю, стоит прекратить это безумие, мой повелитель, — Анна встала, и под её ногами с каждым шагом было слышно хлюпанье, будто пол превратился в сплошное кровавое месиво.

— Достаточно этого ужаса, — она шла прямиком к Филиппу.

Тот стоял, смотря на нее, не смея даже дышать. Да, иногда он может прорвать давление её ауры, как было тем утром перед советом, но это бывает редко, и повторять подобное часто ему не под силу. Но когда Анна полностью держит пространство, тут он бессилен. Ему останется только смотреть, молчать и выполнять её условия.

«*Сейчас ты творишь ужасные вещи, Филипп, не стоит забывать, кто ты, и возможные последствия для себя после подобных действий*».

Анна подошла вплотную, озвучивать вслух подобное она не хотела, так услышат и его подданные, и даже его враги.

— Сядь, —она ткнула пальцем в грудь императора и усадила его на место.

Он всё так же смотрел на неё, и его глаза возвращались в природный серый цвет. Она не могла допустить его безумия, ведь такая вероятность имеет место быть, особенно зная его наследственность.

Маркус уже отошёл от юношей и сидел за столом, вытирая руки о кусок ткани. Анна отпустила его и позволила не чувствовать давление ауры. Ему это было ни к чему. Тем более маг земли, кем был Зога, долго восстанавливается после ауры мага крови.

Вассилевски подошла к пленным и открыла им рот. Филипп всё так же сидел, не двигаясь, делая медленные, короткие вздохи.

— Так и думала, нет языка, — она открыла рот пленного и повернула его голову в сторону императора, втянув в себя ауру, чтобы все спокойно задышали. — Пытать бессмысленно, они не расскажут, а по памяти крови ты знаешь, они не помнят заказчика и даже не помнят, куда надо было нести яйца. Вероятно, они больны.

Филипп встал и вздохнул полной грудью, опрокинув голову назад.

— Хорошо, ты права, — он развернулся спиной к Анне. — Если больны, зачем им жить? — он махнул рукой, делая резкое движение вниз, призывая своё копьё, и лёгким движением отсек сразу обе головы пленных.

— Что ж, это было неожиданно, правда? — Анна с Маркусом стояли уже наверху, возле входа в подвал, наблюдая, как солдаты вытаскивали тела пленных.

— Да, я не думал, что подобное с ним произойдёт, ничего не предвещало беды, — Анна закурила.

— А что ты ожидала от человека, мать которого сожгла около сотни горожан за день, думая, что они все враги империи, хотя ей это лишь показалось? — Маркус забрал сигарету из рук Анны и втянул дым в свои лёгкие.

— Что ты куришь, подруга? — парень сморщился и закашлял.— Мне такое не по душе, спасибо, — он отвернулся и сплюнул горький привкус сигареты.

— Жан был здоров, и если один из родителей болен, редко это передаётся в первом поколении, — Анна смотрела на тела, что выносили из дверей.

— А ведь по сути они не виноваты, и мы сразу не поняли этого Она потёрла лоб, отвернувшись от Маркуса.

— Ладно, я пойду, надо привести себя в порядок, уже через пару дней бал будет, да и охране приказы отдать. Сам тоже сделай, как он просил, хорошо? — она взглянула на Маркуса, тот пинал камень и в ответ лишь кивнул головой.

Без лишних прощаний она стала удаляться от этого злачного места, как услышала вслед крик Маркуса:

— Анна, а ты уверена, что всё хорошо будет после этой ситуации? — вероятно, он намекал на то, как ОНА использовала ауру на императора.

Да, тот мог не простить её, но надежда на понимание со стороны Филиппа теплилась в груди.

— Ну, не казнит же он меня за такое, не смеши, — она отмахнулась, показывая весёлый настрой, хотя в душе скребли кошки.

Она не боялась императора, она боялась лишь потерять себя в этом месте, если начнёт поддакивать безумному повелителю.

То, что так сильно утомляло Анну, так сильно забавляло Эмильду.

— Чего ты такая радостная, Эми? — Анна спускалась по крылу дракона, спрыгивая последний метр над землей.

— А чего грустить? Сейчас совет, потом патруль и на тренировку, — у Эмильды дракон был меньше, и она уже смотрела, как спускается Анна, с земли.

— Там точно будет что-то смешное, возможно, Риуд опять скажет что-то, и Филипп его выгонит из залы, — Эми прищурилась и хитро улыбнулась.

Для Анны такие сборы не предвещали ничего хорошего, в частности из-за новых поручений Филиппа. Он не доверял никому, кроме нее, хотя подручных у него много.

Перед массивными, окованными железом дверями, ведущими в зал совета, собралась группа советников. В воздухе витало напряжение, смешанное с запахом влажного камня и кожи. Шепот, словно шелест осенних листьев, проносился между ними, их голоса были приглушены, но полны скрытого волнения.

— Не понимаю, почему нас задерживают, — пробормотал седобородый старец, его пальцы нервно барабанили по резной рукояти трости. — Его Величество ожидает нас. Важные дела требуют немедленного внимания.

Рядом с ним статная женщина в темно-синем платье, советница по торговым делам, покачала головой:

— Возможно, король принимает кого-то вне очереди. Или же что-то случилось. — Ее взгляд скользнул по бронзовым доспехам двух солдат, стоявших у дверей.

Солдаты, как статуи, невозмутимо стояли на страже. Их лица были скрыты за шлемами, а руки покоились на эфесах мечей. Они не отвечали на вопросы, лишь молчаливо исполняли свой долг, преграждая путь к заветным дверям. Ни один звук, ни одно движение не выдавало в них живых людей; казалось, сами двери обзавелись каменными стражами.

— Я уверен, что мой доклад о северных границах не должен ждать, — настаивал полководец, его кулаки сжались.— Смута может разразиться в любой момент.

Его голос, хоть и тихий, звучал с отсылкой к грому. Советники переглядывались, каждый пытаясь угадать причину задержки, но ни один из них не решался нарушить молчаливое стояние стражи, охраняющей тайны, скрытые за дверями зала совета.

— Госпожа, вы прибыли, как ваш утренний патруль? — раздумья Анны прервал знакомый голос.

— Лукас, странно, что спрашиваешь, ты же должен был лететь со мной вместо Эми, — Анна была недовольна своим солдатом, она редко позволяет им отлынивать от работы, но тут явно был обман, она чуяла.

— Простите меня, я подам сегодня же рапорт о случившемся, — солдат глубоко наклонился в знак извинения и не поднимал голову, пока Анна не дала отмашку.

— Только ты так нагло себя ведешь, Рец.

Продолжать разговор было бессмысленно. На данный момент необходимо понять, почему не пускают, и успокоить блуждающий шепот между советниками.

Проталкиваясь между ними, Анна подошла к дверям, и, как оказалось, перед ними стояли солдаты личных покоев Филиппа.

— Что это значит, время идет, — она подошла ближе, показывая на время.

— Не имеем права пускать, ждите, — отчеканил один, не поднимая забрало шлема и не опуская головы, все так же смотря в потолок.

— *Ты не видишь, с кем говоришь, солдат*? — Анна

От этих слов у всех присутствующих пошли мурашки по коже, а у советников — людей внезапно хлынула кровь из носа, словно тело, не выдержав колоссального напряжения, пыталось избавиться от избытка эмоций.

Это была не просто угроза, а проявление того, чего они боялись больше всего: аура мага крови, достигшего пределов своей высшей ступени.

Воздух в зале стал густым и осязаемым, пропитанный запахом железа и страха. Каждый присутствующий чувствовал, как невидимая сила сдавливает грудь, мешая сделать полный вдох. Те, кто знал природу магии крови, понимали, что это одно из самых разрушительных искусств, способное управлять жизненными силами, подчинять волю и вызывать смерть одним лишь намерением.

От нее не скрыться и не блокировать. Она окутывает всех присутствующих темной, вязкой вуалью, словно болотная трясина, из манны, крови и боли Не каждый маг сдержится и защитит себя от этого давления, а человек — подавно.

Советники, привыкшие к сложным переговорам и холодному расчету, теперь оказались перед существом, чья сила превосходила всякое понимание. Их знания, их опыт — всё казалось ничтожным перед лицом столь концентрированной, первобытной магии.

Солдаты, хоть и были вооружены, ощущали себя беспомощными, их доспехи казались хрупкими скорлупками против такой мощи.

В этот момент тишина, наступившая после произнесенных слов, стала самым громким звуком. Она давила, сводила с ума, заставляя каждого думать лишь о выживании. Перед ними стоял тот, кто не ведал жалости, чья сила была абсолютна, и чьи намерения могли обернуться катастрофой для всего королевства.

— Анна, ты явно ожидаешь больше, чем следует. Извини меня, — сзади подошел человек, он словно разрезал эту вуаль, позволяя людям спокойно вздохнуть и выйти из оцепенения.

Мужчина приказал открыть дверь, и первым вошел в залу.

— Я принимаю твои извинения, Филипп. Надеюсь, это ожидание было оправданным, — она втянула в себя остаток манны и вошла следом за ним.

Мужчина по имени Филипп сел во главе огромного овального стола. По обе стороны от него встали те самые солдаты у дверей.

Следом за Анной вошли советники и стали рассаживаться по своим местам. Анна же подошла к окну и закурила.

— Ты присядешь или позже? — Филипп обернулся на окно. Анна стояла позади него и дымила в открытую форточку белый дым.

— Чтобы слушать ваш совет, мне сначала нужно затуманить разум, — усмехнулась Анна.

Бросив окурок в окно, она села на свободное место, ближайшее от Филиппа, справа. Напротив сидела Эмильда и улыбалась:

— *Снова ты балуешься этими сигаретами*? — ментально отчитала Эми свою сестру.

— *Будешь отчитывать, и про тебя что-то вспомню,* — отчитывать за сигареты — глупость

Как и ожидалось, на совете ничего полезного не произошло. Обсуждение базовых задач, торговля, границы, патрули — скукота

Эмильда с успехом сдала полный утренний и позапрошлый вечерний доклад патруля. Из-за смены патрульных иногда приходится выходить лично Анне и Эмильде, хотя это не их работа.

— Собственно, я вас собрал не из-за этого, — Филипп махнул рукой солдату, и тот достал белый конверт с золотой лентой. Посередине была печать с цветком ромашки. — Уже 5 числа случится ***Бал Весеннего Равноденствия.*** Как никак, уже май месяц. Удивлен, что они решили собраться в начале месяца.

Филипп передал конверт Анне.

— Ты поедешь со мной, ты мне там будешь нужна, — он явно дал понять, что никуда ей не сбежать 5 мая.

— Распоряжения дам в ближайшие дни, будьте внимательны, пришлю письмами, без собраний. На этом все, — он встал из-за стола, двинулся к дверям и, не оборачиваясь, вышел.

****

— Значит, бал будет. Интересно, мне позволят поехать с вами? — весь вечерний патруль после тренировки Эмильда не замолкала.

— Если хочешь, едь вместо меня, — Анна не любитель всех подобных выездов и встреч.

Слухи о ней расходятся по всему континенту, и они, в частности, не добрые.

****

Аннастасия Вассилевски, ближайшая рука нынешнего Филиппа Парга. Маг крови, предел 9 ступени магии.

С самого детства она росла в одном замке с Филиппом и Эмильдой.

Будучи в возрасте 3 лет, ее нашел предыдущий император Парга — Жан, во время вылазки за Море Аморе у берегов Империи Красной Розы. Он нашел мокрого и тощего ребенка, а поблизости кричал младенец — та самая болтушка Эмильда.

Две сестры росли вместе с наследным принцем, и нельзя сказать, что они хорошо ладили, ведь разница в возрасте существенная.

Анна и Филипп = 11 лет. Эмильда и Филипп = 14 лет.

Потому, уже будучи в подростковом периоде Филиппа, его отец явился с двумя подкидышами из-за моря, и, как оказалось впоследствии, еще и магами крови с большим количеством врожденной манны. Он им был не ровня даже в уже более зрелом возрасте, превосходя физически. Они поодиночке могли справиться с дюжиной солдат стихий.

Филипп Парга, будучи магом воды, мало кому мог дать сдачи, но со временем и тренировками с Анной и Эмильдой — он начал поднимать и прокачивать свои умения и расти объем манны.

7 июля 159 года Жан Парга умер. То ли от чахотки, то ли от отравления — никто до сих пор понять не может. Но сгорел он быстро, тихо, ночью во сне ушел.

****

— Да ну, смеешься! Филипп меня за шкирку выкинет с бала, — Эми надула губы и всем видом показала свою боль и грусть.

— А вообще, там явно много разных людей и красивых мужчин приедет. Пригляди кого-нибудь себе, Анна, —когда она вспоминает про мужчин, настроение тотчас меняется, и уже нет тени грусти на лице Эми.

— Ты знаешь, оно мне не надо. Мне бы спокойствия, тихой и мирной жизни, без этих всех эмоциональных потрясений. Мне хватило после смерти Жана и ухода Марии — Анна устремила опустошенный взгляд вдаль.

Они летели над ущельем.

Их путь проходил вдоль границы с Эллиосом, над горами Эвалар. В этих горах, помимо живой растительности, очень много кладок драконьих яиц.

Задача патруля — следить за недобросовестными похитителями кладок, ведь продажа драконов начала набирать обороты, однако не всякий мастер может поладить с только вылупившимся драконом.

Пролетая над основной кладкой, Эмильда заметила движение кустов. В живом лесу это обычное дело, но чутье на человека, которое у магов крови обострено от природы, сыграло роль, и всадница приказала пикировать вниз.

Дракон Эми относится к земляным. Они, в частности, держатся на деревьях с помощью длинных костей и когтей. В бою это самые быстрые и опасные драконы.

Оставив дракона на дереве, где его не сильно было видно, она стала продвигаться вглубь леса, медленно, тихо ступая по еще мокрой земле, частично где-то еще лежал снег.

— *Заметила что-то*? — отозвался голос Анны в голове.

— *Да, чувствую несколько людей. Следи за деревьями сверху, если что, дам сигнал*.

Эми двигалась все дальше, уже стали видеться кладки яиц земляных драконов.

В отличие от металлических драконов, которые прячут свои яйца в пещерах, земляные оставляют яйца на траве или в снегу, согревая их своими телами регулярно.

Однако поблизости не было ни единого дракона. Тишина. Ни звука, ни шелеста, будто кто-то держит пространство

— *Эми, используй покров! Я чувствую манну рядом с тобой*, – отозвался голос Анны.

Покров – техника покрытия пространства своей магией. Маг крови расширяет свою ауру до нужных ему размеров, полностью чувствуя и контролируя то место, где он находится. Это будто локатор и маячок, где маячок – это люди и живые существа вокруг мага.

Эми вздохнула, достала маленький кинжал и порезала указательный палец. Закрыв глаза, она почувствовала, как оболочка вокруг нее начала разрастаться, и, открыв глаза, позволила ауре раскрыться с полной силой.

«***Покров***».

В это время зрение мага крови переходит в режим хищника: он ищет кровь, чувствует сердцебиение существ поблизости и даже слышит движение крови по телу, если объект находится очень близко. Также в этот момент маг крови может перехватить врага, остановив поток крови в его теле.

— *Чувствуешь кого-нибудь*? – Анна кружила над деревьями, четко над тем местом, где стояла Эми.

— *Нет, будто тут только я и яйца это очень подозрительно. Двинусь дальше*, – мягко ступая, она оглядывалась во все стороны, понимая, что даже будучи на 7-й ступени, она не чувствует никого, но ощущение **живого** не дает ей покоя

Шелест деревьев, хоть и не сильно густых листьев для этого времени года, отвлекал Эми.

— ***Чувствую**, наконец-то появилось стойкое ощущение мага, но так мимолетно*

— Ты меня начинаешь пугать, сестра. Неужели твое чутье подводит тебя? – Анна спустилась на драконе прямо возле Эми.

Дракон Анны – белый металлический. Они плохо держатся на деревьях, но быстро летают и пикируют лучше остальных.

Так вот *что* почувствовала Эми – ауру Анны. Она настолько тонкая и вязкая, что сначала создалось ощущение, будто Эми находится в своей ауре, но оказалось, она погрязла в ауре Анны, хотя та еще не окутывала пространство, а лишь приземлилась рядом. Но во время состояния покрова маг крови остро ощущает чье-либо присутствие.

— Я не чувствую ничего и чувствую одновременно, – Эми сняла свое заклинание.

— Хорошо, тогда гляну я, – Анна укусила большой палец до крови. Эми отвернулась и сморщилась, она была против таких увечий, ей уж лучше порезать

«***Покров***»

Вязкая, словно болотная тина, аура Анны окутала все живое и неживое вокруг. Ауру Анны было не перепутать ни с чем. После использования этого заклинания хотелось помыться с ног до головы и даже почистить зубы, настолько она была ощущаемой Но даже после этого Эми никого не видела, будто кто-то сидит и прячется прямо у них перед носом.

«*Хрхрхрх хрхрхгл.. глглгл хррхр*»

— Ну наконец-то, а то я уже начала сомневаться в себе, – Анна облизнула большой палец и свернула покров.

Она направилась в кусты рядом с кладкой яиц. Там извивались два молодых парня в зелено-коричневой форме, видимо, специально для слияния с деревьями. Их вид был ужасен, что неудивительно, ведь Анна не просто использовала покров. Ей надоело ждать, и она решила перекрыть им дыхание, медленно удушая этих парней. Из-за сильнейшего давления, нарастающего внутри их тел, из ушей, носа и глаз начала течь кровь. Набухшие губы, багровые лица, скрюченные конечности – все выдавало агонию. Глаза, широко распахнутые от ужаса и страха, были испещрены красной паутиной полопавшихся сосудов. Они лежали недалеко друг от друга, корчась и извиваясь, словно змеи на раскаленной сковороде, беспомощные перед неведомой силой, что вырывала из них саму жизнь. Анна, окутанная своей магией, наблюдала за этим зрелищем с холодным спокойствием. Покров давал ей полное преимущество: она чувствовала каждое их движение, каждое учащенное биение сердца, каждый предсмертный хрип.

— Что же вас сюда занесло, мальчики? – Анна ослабила давление, чтобы они смогли говорить. Но ни звука, ни писка от них не исходило.

— Давай их до Фреи отвезем, она их разговорит. Что им тут лежать? – Эми стояла рядом, чуть отвернувшись. Такое зрелище было не для нее.

— Эми, не кажется ли тебе, что ты сегодня слишком инициативна? – Анна повернулась к сестре и щелкнула ей по носу. – Разберемся на месте, зачем мне этот мусор тащить в замок?

«*Лукас, северо-восток. Пришли людей проверить кладки, мы кое-кого нашли тут*».

«*Так точно, госпожа. Будут через 7 минут*».

— Ну что ж, начнем разговор, мальчики? – Анна присела на корточки рядом с двумя молчаливыми телами, смахивая каплю крови с лица парня, что лежал ближе к ней, и облизнула палец.

«*Даже не по морщилась, гадость какая*,» – иногда Эми сожалеет, что родилась магом крови, ведь подобные вещи, как облизать кровь врага или чужого человека, вполне себе разумеющееся.

Кровь для мага этого темного искусства была не просто жизненной эссенцией, но настоящим кладезем знаний о человеке. Всего лишь капля, сорванная с пальца или просочившаяся из раны, становилась мостом к прошлому, к мыслям, к самым сокровенным воспоминаниям. Она могла мгновенно показать, врет ли человек, утаивает ли что-то, или же, напротив, обнажить перед магом калейдоскоп событий, которые тот пережил. Маг крови, словно алхимик, погружался в эту таинственную субстанцию, буквально полоская её, просеивая через сито своих магических способностей.

Это был кропотливый, опасный, но до невообразимой степени эффективный метод получения информации, недоступный ни одному другому искусству. В этой жемчужине жизни скрывались ответы на все вопросы. Правда, ложь, страх, любовь, ненависть – всё это отпечатывалось в крови, становясь доступным для тех, кто осмеливался проникнуть в её глубины, в *память крови.*

— Ты чем-то вечно недовольна, Эми, – Анна поднялась и уже вытирала палец об жакет. – Если тебе подобные мероприятия мерзки, не стоило подниматься до 7-й ступени. Оставалась бы на 5-й, 6-й – там такое не под силу, насколько помнишь.

— Спасибо за то, что ты это делаешь вместо меня, Анна, – Эми честно сказала сестре о своих чувствах, но та лишь усмехнулась.

— Я не всегда буду рядом. Знаешь ведь, иногда придется самой справляться. Взрослая уже, – Анна пнула лежащие тела и направилась к дракону.

С запада к ним двигались несколько земляных драконов, видимо, кого-то из патруля отправили.

— Госпожа Вассилевски, рады видеть вас в здравии. Мы с западной заставы, капитан Рец приказал прибыть по вашему запросу, – два юноши приземлились близ кладок и отчитались.

— Да, спасибо, что прибыли. Вы довольно быстро, я только закончила, – Анна повернула голову в сторону двух тел. – Заберите их в свою заставу, пусть Маки их вылечит.

— Так точно, госпожа. Заберем, но зачем их лечить? – Солдаты в недоумении, ведь если Анна их прочла, то смысла в их жизни нет.

— *Вы что-то не поняли?*

— Нет, госпожа. Все ясно, так точно. К Маки, – вытирая кровь из носу, солдаты поспешили забрать скорченные тела.

— Они же ничего плохого не сделали, зачем ты на них используешь ауру? – Эми с Анной направлялись к своим драконам, оставив солдат с теми людьми.

— Солдат не должен спрашивать, тем более меня. Приказ есть приказ, – Анна садилась на своего дракона, перебрасывая ногу через поводья. – Они мне нужны живыми, а эти, – она махнула головой в сторону солдат, – явно хотели их тут же закопать и не везти никуда. Видела их драконов, они маленькие, не уместятся все, дискомфорт всадникам обеспечен.

Драконы прилетевших солдат были и правда очень миниатюрные, там в седле едва один мужчина уместится, а если везти кого-то сверху, придется класть тело себе на колени.

— Я не подумала об этом, прости, — Эми осознала, что защищать этих юношей не стоит. У них был свой мотив, но Анна, как обычно, продумала все наперед.

Во времена царствования мужчин у женщин, которые пытаются выбиться в люди и заполучить признание в обществе, вырабатываются определенные манеры и поведение. Не каждую женщину в наше время может принять общество, тем более если тебе не за 40 лет. Там большую роль играет уважение к возрасту.

Но если тебе от силы 24 года, как на данный момент Анне, приходится искать другие способы поддержания своего авторитета.

В свои 22 года Анна получила признание совета старейшин после победы на Зеленой пустоши.

В ту битву она пересекла предел 8-го уровня и вступила на 9-й, на самую высшую ступень в наше время. Ее отметка количества маны на данный момент переросла в 5.000 единиц, что сопоставимо с 10-й ступенью, но почему-то предел 9 она пересечь пока не может.

Начиная с капитана небольшого отряда магов крови, она поднялась до генерала легиона империи Парга всего за два года. Совет старейшин вместе с военачальниками приняло единогласное решение — назначить ее ответственной за все войска империи.

Чего ей это стоило? Знает только одна она, но то доверие, которое она заслужила, конечно же, не добрым словом, у императора и совета дорогого стоит.

С малого возраста Анна защищала как себя, так и свою младшую сестру Эмильду от нападок Филиппа или других придворных детей. А в уже более осознанном возрасте — от советников и некоторых капитанов. Оттого она научилась продумывать все наперед и тщательно следить за окружающими.

Сестры, словно два полюса одной природы, жили под одним кровом, но их пути в этом мире разительно отличались.

Если Эми, с ее пылким нравом и открытой демонстрацией эмоций, вызывала смешанные чувства – где-то восхищение, а где-то порой и желание ее обуздать, – то Анна была воплощением тихого, но абсолютного превосходства. Ей не нужны были крики или долгие объяснения, чтобы установить свой авторитет. Одного лишь ее взгляда, глубокого и пронзительного, было достаточно, чтобы любому, даже самому дерзкому собеседнику, застыть намертво, проглотив слова обратно.

Анна не любила шумных расправ. Ее сила заключалась в иной форме насилия, более тонкой и мучительной. Без единого крика, без малейшей попытки словесно доказать свою правоту, она медленно, но верно душила оппонента своей аурой. Это было искусство, отточенное до совершенства, искусство, в котором она не знала себе равных.

Во всей империи Парга, от величественного трона до самых отдаленных окраин, не было никого, кто стоял бы выше неё в иерархии силы. Те, кто когда-то могли претендовать на это положение, давно ушли в небытие.

— Ничего страшного, учись, пока я жива, — Анна усмехнулась и сорвалась в небо.

Всю дорогу до дома не было ни ментальных перешептываний, ни каких-либо знаков со стороны Анны. Она была на удивление спокойна и сдержанна.

Закончив патруль, девушки вернулись в замок уже затемно.

Драконы, наконец освободившись от экипировки, улетели в своем направлении. Они не ночевали в замке или где-то поблизости. Все основные гнезда и стаи обитали в горах Эвалар и по зову своего мага, с кем была создана связь, прилетали в любое место, где бы ни был человек. За них не переживали, драконы за себя постоять могут.

— Эми, иди ложись спать, доклад завтра сдам сама лично, не переживай.

Анна направилась прямиком в сторону казарм восточной роты, где в то время спал капитан Маркус Зога.

— И что же мы тут спим, капитан Зога? — Анна влетела в комнату, срывая с него одеяло и скидывая на пол. — Спишь, в то время как наши кладки воруют, а?

Маркус в испуге вскочил на ноги и начал трясти головой, чтобы проснуться. Он стоял в одних портках и, почему-то, только с левым носком.

— Неужели капитану восточной роты, ответственному за восточные кладки Эвалара, так сладко спится? Доноса не было за сегодня, ***Маркус***? — Анна не сдержалась, и тонкая струя вязкой ауры просочилась и поползла по полу прямиком к правой ноге капитана. Тот отскочил на кровать, шустро надевая носок на правую ступню.

— Госпожа, сегодня было много доносов, но если вы про инцидент в горах сегодня, да, я в курсе, — Маркус испуганно натягивал на тело одеяло, пытаясь прикрыть торс от взгляда

Анны. Мужчина, в два раза больше и выше, прикрывался от девушки, что стояла и сверлила его взглядом.

«*Спасибо, что без покрытия*».

«***Ты очень много себе позволяешь, друг мой. Твое отношение к произошедшему меня расстраивает и заставляет думать, не заодно ли ты с ними***»

Голос в голове отбросил все мысли Маркуса. Только ее голос звучал четко, не давая даже сделать глоток воздуха, перекрывая мысли, желание и сознание капитана.

Страх не давал полностью раскрыться легким или даже сглотнуть слюну, что наполнила рот Он забыл, как дышать и даже глотать

Маркус упал на колени перед Анной, перед ее силой и тем давлением, которое она может оказывать на окружающих одним своим желанием, не приказывая и не озвучивая заклинание.

— Молю меня извинить, приму любое наказание, только прошу, воздух — Маркус схватился за грудь, пытаясь сделать хотя бы малюсенький вздох.

«***Дыши глубже, друг мой***»

Давление ушло, будто камень стянули с груди, и юноша сделал глубокий вдох, настолько, насколько могли раскрыться его легкие.

Анна села за стол напротив капитана, который все еще стоял на коленях на полу, рядом лежало одеяло и были разбросаны вещи.

— Давай, вставай и рассказывай, что знаешь, — она достала пачку сигарет и закурила одну из них, пуская тонкую струю белого дыма в потолок.

Наконец-то Маркус смог прийти в себя. Она таки застала его врасплох. Одевшись, он сел за стол и протянул скрепленные бумаги. Только когда приблизился, он заметил красную полоску под носом у Анны. В темноте он плохо видел ее лицо, но под светом свечи на столе все стало четче.

— Тебе сегодня пришлось несладко, вижу, — Маркус указал на свой нос, когда Анна подняла голову в его сторону. — Сама их читала, да?

Между ними были теплые отношения, они были близки. Единственные, кому они доверяли, — это друг другу. Было время, когда их пытались даже поженить. Он красив, молод, блондин, с серыми глазами, высокого роста и крепкого телосложения. Внешне они даже были чем-то схожи.

Удивлялись, что именно Анна и Эми были родня, хотя совершенно не были похожи друг на друга. Одна темно-русая, с голубыми глазами, черными бровями и пухлыми губами. Настоящая принцесса, что не скажешь о младшей сестре: темненькая, с тонкими губами и карими глазами — но все так же прелестна и красива.

— Да, у Лукаса опять проблемы с людьми. Мы летали с Эми в патруль вечером, — Анна читала, не пропуская ни одной строчки, отвлекаясь только на сигарету.

— Я не могу сказать, откуда они там, но в их сумках были яйца только одного вида — огненные — Маркус и правда не имел понятия, зачем похитителям были эти яйца.

— Да, я тоже увидела только красные яйца, но, насколько я помню, никто не рождался еще со стихией огня. Нам бы подали явки, — она откинулась на стуле и уперлась взглядом в потолок, все так же выпуская дым из губ. — Только если это не для наших людей — Анна прищурилась.

Было уже поздно, стемнело, и только свеча озаряла стол и Маркуса. Языки пламени играли с ветром, показывая будто фигурки то ли людей, то ли полноценные сцены, давая некие подсказки для размышлений двух друзей.

— Короче, ложись, никакого наказания не будет, пошутили и хватит. Но в следующий раз — сразу мне докладывай, не жди повтора сцены, а то вдруг там уже и без портков будешь, — Анна усмехнулась, потушила сигарету и направилась к выходу из комнаты Маркуса.

Из казарм вела тропа, заросшая кустами, вплоть до черного входа на кухню придворных. Из-за отношения к правящей семье, даже будучи солдатом, комната Анны находилась в замке, в восточном крыле башни.

Забежав через черный вход, который вел на кухню, Анна сразу свернула на лестницу, что вела прямиком в еекрыло башни, в то время как Эми сидела на кухне с двумя девушками и о чем-то весело перешептывалась. Оттуда пахло невероятно маняще, но усталость была настолько сильна, что желание лечь в постель преобладало над гудением живота.

«*Да уж, использовать в один день столько расширения ауры мне дало по голове*» — Анна поднялась на свой этаж и уже направлялась к комнате. В конце коридора была одна единственная дверь.

Только ее башня и только одна комната — все, как было запрошено у Жана Парга, когда девочка выросла. В 15 лет Анна захотела жить в уединенной стороне замка, тренируясь день и ночь, чтобы не давать себя в обиду. После этого комната все также осталась за ней. За все время проживания произошел невероятное количество ремонта и изменений. Основное, что осталось и по сей день, — выход на покатую крышу башни, где Анна отдыхала, лежала на черепице и смотрела на звезды. Иногда пролетали драконы, обучая своих детенышей летать.

— Госпожа, я думала, вы сегодня не вернетесь уже, — Анна открыла дверь, и на пороге стояла Руфи, еегувернантка.

— Нет, что ты, я всегда стараюсь вернуться, — Анна улыбнулась, видя обеспокоенное выражение лица своей близкой знакомой.

Руфи очень сильно переживала всегда, когда Анна поздно возвращалась. В ее обязанности входили стирка, шитье и подбор одежды, смена постельного и полная уборка только этой комнаты. Некоторые другие гувернантки шептались из-за того, что якобы у Руфи было мало хлопот, но это было обманчиво.

Анна доверяла Руфи очень многое, в том числе разнос различных писем, которые не должны были попадать в руки кого-то из придворных. Хоть она и была не шибко взрослая, к Анне же относилась как к сестре, и соблюдение субординации не считала нужным. Разница в их возрасте была всего 6 лет, и как только Руфи исполнилось 18, ее забрали в покои госпожи. Встретила та ее с улыбкой и всегда помогала, если появлялись вопросы. А вопросов было предостаточно, поскольку одежда Анны была, мягко говоря, странной.

В частности, это были обязательно шорты или брюки. Никаких платьев она не носила, если только юбки, и то поверх шорт или брюк. Далее шли различные «лохмотья», как описывала их Руфи, но для госпожи это была самая комфортная одежда из-за постоянных тренировок, патрулей и езды на драконах.

В платьях не наработаешься

— Да, я помню, но я слышала про нападение в горах, мало ли что бывает, — Руфи принялась развязывать пояс и помогать раздеться госпоже.

— Не волнуйся так, ты же знаешь, кто я. Справлюсь. Ты сама как, удалось зашить те жакеты для езды? — Анна стянула юбку, что была одета поверх шорт.

— Я иногда так удивляюсь, что вы носите. Это же настоящие лохмотья, госпожа, — Руфи подняла юбку и оглядела её.

Многослойная юбка из ткани серо-коричневого цвета, выглядит грубой, с рваными краями и украшена геометрическим узором, что не подходила для дамы высшего сословия.

— Так отдай сюда, — Анна вырвала из рук служанки свою юбку и положила в сундук с вещами. — Уж не тебе тут говорить. У тебя вообще вся грудь нараспашку, того и гляди, — Анна замялась, — вывалится всё, что держится в декольте у тебя, — она указала пальцем на грудь Руфи, что томно поднималась то вверх, то вниз от возмущения.

— Я вас услышала, моя госпожа, — Руфи опустила голову и принялась укладывать всю одежду для постирочной.

Анна отшвырнула от себя ботинки, направляясь к окну, чтобы закурить.

Собрав все необходимое, Руфи откланялась.

— Если я тебя обидела, извини меня, но и ты не оскорбляй мой выбор, пожалуйста, — Анна стояла спиной к служанке, выпуская дым в открытое окошко. — Хотя бы ты — почти шепотом произнесла госпожа.

— Я не обижаюсь, и вы простите. Отдыхайте, пожалуйста. Я приду утром, — Руфи улыбнулась и вышла за дверь.

Анна чувствовала: она не обижается, всё хорошо.

Только положив голову на подушку после горячей ванны, сон забрал госпожу в свои объятия.

****

Сумрак Из-за густых облаков выглядывает струя белоснежной луны

— Что я тут делаю? — Анна шла посреди густого леса, с каждым шагом утопая в тумане, что был повсюду. Она всё так же была одета в спальное платье и босиком, будто её вырвали из постели и отправили гулять по лесу совершенно одной, в неизвестном лесу. Он не был похож на горы Эвалар или Морелия, это был лес, доселе не изученный Анной.

Идя по тропинке из мха босыми ногами, она следила за движением кустов, возможно, где-то здесь будет подсказка в этом сне или

— Вот оно, движение! — кусты справа от нее резко дернулись, и послышался вой.

Анна медленно продвигалась всё ближе и ближе, и наконец, отодвинув пару веток, заглянула на ту сторону

Посреди огромной, освещенной лунным светом поляны, на коленях стоял мужчина, спиной к ней. Он был одет в синий камзол, его оружие лежало рядом, в метре от него — это была то ли секира, то ли посох ярко-алого цвета. Лица его не было видно, но то, кто стоял напротив мужчины — дракон, подобному которому она еще не встречала: огромный, с массивными крыльями и красными глазами.

Слева от дракона, на камне, лежал огромный белый волк, размером буквально чуть ли не с медведя, и облизывал свои лапы, не замечая никого вокруг.

— Вероятно, это был его вой, — Анна посмотрела на дракона.

Дракон подобного цвета — цвета пустыни, с плотной бронированной чешуей, цвета бронзы и шоколада —встречался настолько редко в наше время, что встретить его считалось удачей

— Они разговаривают? — Анна не могла понять смысл этой сцены, то ли это обряд связывания узами, то ли казнь Но в чем виновен тогда этот человек перед драконом?

Немая сцена продолжалась, и человек все не поднимал голову, все преклонял её перед могучим драконом.

Анна прошла вдоль кустов, пытаясь увидеть лицо мужчины, но как только ей удалось пройти ближе, человек упал на землю, выкинув вперед руки — прямо под лапы дракона. Тот не шевельнулся

— Что у него с рукой, это ожог? — Анна не могла разглядеть странные отметины у мужчины на левой кисти.

Пока она вглядывалась, дракон отошел от мужчины, вздохнул и начал удаляться прочь, словно отказывая в любом из возможных действий.

*— «**Не сейчас**», — дракон проговорил голосом, так что слышали все.*

Человек все также находился на коленях, а дракон — уходил, ничего не дав

Волк наконец встал, отряхнулся и пошел в сторону человека, ложась возле его ног.

— Зачем он призвал дракона, или это дракон призвал его

Взгляд

Дракон смотрел четко в сторону, где пряталась Анна, смотрел и не отводил взгляд, немного прищурившись.

Его голос прозвенел в голове: «Не сейчас».

****

Анна вскочила в холодном поту, словно её облили из ведра. Вся подушка, одеяло и постель были мокрые, ровно под её силуэт.

— Госпожа, вы проснулись. Доброе утречко, — в комнату залетела Руфи и принялась раздвигать шторы, пуская лучи солнца в спальню.

— Руфи, подай кофе и посиди со мной, — Анна оде́лась быстро, чтобы поговорить со служанкой перед началом утреннего собрания патруля.

Судорожными руками достала сигарету из пачки и закурила.

— Значит, дракон бронзовый? — Руфи сидела напротив, за столом, попивая кофе. — Ну, мы же знаем, это дракон-прародитель. Но сейчас, в наше время, их осталось ой, — она посмотрела в окно, чуть прищурив глаза, — насколько мне не изменяет память, два на весь континент. И один из них в горах Морелия. Но вот кто он —самка или самец — не буду говорить, не знаю.

Анна не могла осознать, к чему ей приснился прародитель, ведь у нее есть дракон, связанный узами.

— И мужчина, что он там делал? — она взглянула на Руфи, та безмятежно пила кофе, не беспокоясь о таком пустяке.

— Слушайте, а, возможно, вы оказались на их связывании или призыве, и всего лишь. Дракон отказал человеку, такое бывает, — служанка встала и начала сгребать крошки со стола.

«*А может, и правда? Может, я попала нечаянно на этот призыв, и потому дракон отказал ему из-за чужака —меня*».

— Спасибо, Руфи, успокоила. Можешь не накрывать, поем в столовой. Тем более, — Анна взглянула на часы и ахнула, — боги мои, уже пора на совет! — она вскочила и, на ходу одевая ботинки, выбежала прямиком в коридор, не закрывая даже двери за собой.

Пробегая по коридору, не останавливаясь, чтобы поздороваться с кем-то этим утром, она столкнулась с Эми.

— Куда мчишься так рано утром? — Эми выглядела вполне проснувшейся, в отличие от сестры.

— Совет, не начался еще? — пытаясь отдышаться, Анна наклонилась и опёрлась на колени кистями рук.

— Начинается. Вот сейчас, идем, — Эми махнула рукой, приглашая Анну за собой.

Сегодня был не совет, как обычно, а собрание капитанов для сбора средне-недельного патруля.

— Итак, без лишних разговоров, — Филипп буквально влетел в залу, и, сев за стол, сверлил всех капитанов взглядом. — Анна, докладывай про вчерашнюю ситуацию в горах. Наши яйца, что с ними? ***ВСЕ ХОЧУ ЗНАТЬ***! — Филипп истерически вскрикнул. Он был зол как никогда, ведь от этих кладок зависит состав нашей армии.

— В общем, могу сказать, эти юноши — наёмники. Для них главная цель — украсть именно красные яйца, но

— Явки были с нашей стороны? — Филипп прервал доклад.

— Нет, ваше величество, — Маркус подал голос. Это его ответственность, его же восточные кладки.

— Да, явок не было, но я не буду утверждать, зачем им эти яйца, — Анна стояла будто побитая овечка. Ей нечего было ответить, ведь заказчика она не увидела в воспоминаниях крови наёмника, а, возможно, его и не было

— Если с нашей стороны не было явок, я склоняюсь к тому, что это были люди извне, мой повелитель, — один из капитанов подал голос.

— Я тоже к этому склоняюсь, — Филипп сквозь зубы процедил вердикт. — Вассилевски, усиль охрану, дай больше людей на кладки и ещё раз допроси тех наёмников. От нас ничего не должно быть скрыто, — Император резко встал и направился к выходу, показывая, что собрание закончилось.

— Хотя, Анна, — он обернулся, смотря прямо в глаза своей подчинённой, — отведи их вниз. Я сегодня присоединюсь к вам, — в его глазах внезапно вспыхнула искорка и так же быстро потухла

— Хорошо, сделаю, — Анна поклонилась, стараясь скрыть выражение опасения на своем лице.

Не понравилась ей эта идея, чтобы Филипп присутствовал на разговоре. Всё также посмотреть память крови она может и сама, зачем ему приходить — было непонятно.

Анна стояла у массивной дубовой двери, ведущей в недра башни. Юношей перевезли в подвал восточной башни этой ночью, поскольку Маки вылечила их быстрее ожидаемого.

Повторный разговор с пленными был неизбежен. А после приказа императора — тем более, их не оставят просто так.

Она сняла с стены факел, зажгла и толкнула дверь. Петли заскрипели, показывая свое вековое преимущество перед молодой девушкой. Лестница вилась вниз. Каждый шаг отзывался эхом в сыром воздухе, пропитанном запахом земли и сырости.

Факел в её руке бросал пляшущие тени на неровные стены, где паутина серебрилась в дрожащем свете. Спуск казался бесконечным: ступени, истертые веками, скользили под ногами, а холодный сквозняк из глубины пронизывал тело насквозь.

Анна сжала рукоять кинжала на поясе – не для защиты, но для спокойствия. Она недолюбливала этот подвал башни, там часто водились пауки и змеи. Здесь ранее находилась тюрьма для пленных, но вскоре эти камеры с ржавыми решетками были заброшены. Наконец, лестница сузилась, и воздух стал тяжелее, сдавливая легкие.

Дверь в подвал маячила в конце – тяжелая, окованная железом. Двигаясь от лестницы до конца коридора, она остановилась на миг, вслушиваясь в приглушённые голоса за дверью.

Помимо пленных, там находился Маркус; он ожидал Анну в темноте.

— Ну наконец-то явилась, — Зога сидел в углу комнаты, играясь своим топором.

— Тебе бы побольше манер, Маркус. Смотри императору так не скажи, — Анна усмехнулась над дерзостью своего солдата.

— Зачем он хочет прийти? От него толку — тьфу! — парень сплюнул с отвращением в стену.

— Ладно, ты посмотришь на них, или я могу закончить разговор информацией, — он взглянул на кулак и дунул, будто сдувая пылинки с костяшек.

— А Филипп, маг воды, что может?

— Прополощет их, — Анна улыбнулась и повесила факел на стену, озаряя пленных. Они сидели на холодном каменном полу, прислонившись спинами к шершавым стенам. Одетые в рваные, грязные одежды, с цепями на руках. Их раны были излечены, но в глазах не было повиновения.

За разговором Анна не услышала, как к комнате приближался человек. Дверь с грохотом распахнулась, на пороге стоял сам Филипп.

«*Его глаза, ты видишь?*» — Анна услышала голос Маркуса в голове.

«*Утром тоже было, неужели и он?*» — та самая искра, что она заметила в зале совета, переросла в языки пламени в глазах императора.

— Итак, друзья, пообщаемся, — Филипп зашёл внутрь и закрыл дверь. — Думаю, нам есть о чём поговорить, — он повернулся лицом к пленным и засучил рукава.

Дальше всё происходило как в самом страшном сне. Филипп не позволял ни Анне, ни Маркусу вмешиваться в его «*допрос*». Они стояли у другой стены и наблюдали за всеми действиями, что император придумал для пытки пленных.

Не скупясь ни на какие возможные варианты, он совершал акты насилия над бедными юношами, по сути ни в чём не повинными, если судить по памяти крови. В порыве ярости, не получая ответа на свои вопросы, он использовал физическое воздействие, прибегая к раскалённым докрасна прутьям, хлеща ими спины, ноги и ступни пленных, или острым ножам, делая надрезы на теле и капая в них солёную воду, сжигая кожу вокруг раны, или просто грубую силу. Телом он был слаб и сильных ударов совершать не мог.

И спустя почти три часа всех измываний над юношами он вспомнил про Маркуса, что был крупнее и сильнее императора. Вытирая руки от крови и соли, Филипп приказал:

— Маркус, прошу, помоги им разговориться, что-то они молчат долго, — император стряхнул со лба пот и улыбнулся, показывая доброе расположение духа.

Капитан Зога, всё время стоявший у стены, отшатнулся. Делая шаг, он оглянулся назад, на своего генерала. Анна сидела за столом и курила уже четвёртую сигарету, глядя на всё происходящее.

Против императора — против империи.

Вмешиваться она не имела права, точнее — не видела факта для этого вмешательства.

— Ну, чего смотришь на неё? — Филипп повысил голос, медлительность Зоги его нервировала. — Она понимает, это необходимая мера, они враги нам, давай, сделай свою работу, Зога, — император махнул головой в сторону измождённых юношей. Анна отвернулась, полностью отдавая власть над происходящим Филиппу.

— Да, повелитель, — Маркус поставил топор у стены и направился к пленным.

Удар Со всего размаха капитан ударил пленного, что у того пошла кровь изо рта, носа и даже потек глаз, но звука он не издал. Соседний парень с ужасом посмотрел на своего друга, и по щеке покатилась слеза

— Ещё! Он молчит, Зога! Ещё, чёрт возьми! — Филипп вскочил и яростно закричал на капитана, указывая пальцем на пленных. — Ещё, пока не заговорит! — в его глазах были не просто языки пламени, они залились кровью и постепенно стали чернеть.

— Хватит

Между лицом и кулаком осталось всего несколько миллиметров.

В этот критический момент аура Анны, плотная и вязкая, словно тина, заполонила собой всю комнату. Она остановила не только силу удара, но и само течение времени. Стены, ещё недавно серые и холодные, окрасились в густой алый цвет, словно впитав в себя невидимую кровь. Вода, непрестанно капавшая с потолка, тоже изменила свой цвет, превратившись в кровавые капли. Комнату наполнил резкий, металлический запах, а во рту присутствующих, словно по волшебству, появился привкус железа.

Всё это время Анна, сидевшая в углу комнаты, оставалась неподвижной. Она ждала именно этого момента – момента, когда безумие императора достигнет своего пика. Теперь, когда его действия стали откровенно деструктивными, она получила полное моральное право его остановить.

Однако, осознавая свою истинную силу, превосходящую любые возможности Филиппа, она понимала, что не имеет права использовать её во вред империи и самому императору.

Её долг – защита, а не разрушение.

— Я думаю, стоит прекратить это безумие, мой повелитель, — Анна встала, и под её ногами с каждым шагом было слышно хлюпанье, будто пол превратился в сплошное кровавое месиво.

— Достаточно этого ужаса, — она шла прямиком к Филиппу.

Тот стоял, смотря на нее, не смея даже дышать. Да, иногда он может прорвать давление её ауры, как было тем утром перед советом, но это бывает редко, и повторять подобное часто ему не под силу. Но когда Анна полностью держит пространство, тут он бессилен. Ему останется только смотреть, молчать и выполнять её условия.

«*Сейчас ты творишь ужасные вещи, Филипп, не стоит забывать, кто ты, и возможные последствия для себя после подобных действий*».

Анна подошла вплотную, озвучивать вслух подобное она не хотела, так услышат и его подданные, и даже его враги.

— ***Сядь***, —она ткнула пальцем в грудь императора и усадила его на место.

Он всё так же смотрел на неё, и его глаза возвращались в природный серый цвет. Она не могла допустить его безумия, ведь такая вероятность имеет место быть, особенно зная его наследственность.

Маркус уже отошёл от юношей и сидел за столом, вытирая руки о кусок ткани. Анна отпустила его и позволила не чувствовать давление ауры. Ему это было ни к чему. Тем более маг земли, кем был Зога, долго восстанавливается после ауры мага крови.

Вассилевски подошла к пленным и открыла им рот. Филипп всё так же сидел, не двигаясь, делая медленные, короткие вздохи.

— Так и думала, нет языка, — она открыла рот пленного и повернула его голову в сторону императора, втянув в себя ауру, чтобы все спокойно задышали. — Пытать бессмысленно, они не расскажут, а по памяти крови ты знаешь, они не помнят заказчика и даже не помнят, куда надо было нести яйца. Вероятно, они больны.

Филипп встал и вздохнул полной грудью, опрокинув голову назад.

— Хорошо, ты права, — он развернулся спиной к Анне. — Если больны, зачем им жить? — он махнул рукой, делая резкое движение вниз, призывая своё копьё, и лёгким движением отсек сразу обе головы пленных.

— Что ж, это было неожиданно, правда? — Анна с Маркусом стояли уже наверху, возле входа в подвал, наблюдая, как солдаты вытаскивали тела пленных.

— Да, я не думал, что подобное с ним произойдёт, ничего не предвещало беды, — Анна закурила.

— А что ты ожидала от человека, мать которого сожгла около сотни горожан за день, думая, что они все враги империи, хотя ей это лишь показалось? — Маркус забрал сигарету из рук Анны и втянул дым в свои лёгкие.

— Что ты куришь, подруга? — парень сморщился и закашлял.— Мне такое не по душе, спасибо, — он отвернулся и сплюнул горький привкус сигареты.

— Жан был здоров, и если один из родителей болен, редко это передаётся в первом поколении, — Анна смотрела на тела, что выносили из дверей.

— А ведь по сути они не виноваты, и мы сразу не поняли этого Она потёрла лоб, отвернувшись от Маркуса.

— Ладно, я пойду, надо привести себя в порядок, уже через пару дней бал будет, да и охране приказы отдать. Сам тоже сделай, как он просил, хорошо? — она взглянула на Маркуса, тот пинал камень и в ответ лишь кивнул головой.

Без лишних прощаний она стала удаляться от этого злачного места, как услышала вслед крик Маркуса:

— Анна, а ты уверена, что всё хорошо будет после этой ситуации? — вероятно, он намекал на то, как ОНА использовала ауру на императора.

Да, тот мог не простить её, но надежда на понимание со стороны Филиппа теплилась в груди.

— Ну, не казнит же он меня за такое, не смеши, — она отмахнулась, показывая весёлый настрой, хотя в душе скребли кошки.

Она не боялась императора, она боялась лишь потерять себя в этом месте, если начнёт поддакивать безумному повелителю.

Глава 2. Подготовка к балу : письма и драконы

До бала оставалось меньше четырех дней, и за это время Анна должна была разослать письма главам государств, которые не располагали драконами, для сбора количества людей, что полетят в замок.

Если Парга, ближайшая империя, что стояла у подножья гор Эвалар и недалеко от гор Морелия, могла позволить себе держать более трех сотен драконов, то более дальние империи, такие как Грандия или Эллиос, могли содержать не более сотни драконов. Большинство из них были водными, не предназначенными для дальних перелетов, или воздушными, позволявшими перевозить не более одного человека — своего солдата.

Самые подходящие драконы для дальних перелетов были металлические. Самая большая популяция таких драконов была выведена и контролировалась лично Анной Вассилевски в горах Морелия.

И значит, ни Грандия, ни Эллиос не имели достаточного количества этих драконов.

— Ну как дела обстоят с письмами? — Маркус зашел в кабинет Анны, где царила атмосфера спокойствия и сосредоточенности.

Входная дверь кабинета была оформлена массивной дверью из темного дуба, подчеркивающей солидность помещения. Напротив двери, у большого окна, за которым простирался оживленный городской пейзаж, стоял письменный стол. Его полированная поверхность отражала мягкий свет, проникающий сквозь стекло. Классический стул с высокой спинкой, обитый дорогой кожей, был гордостью Анны.

Центральное место в комнате занимал прямоугольный журнальный столик. На нем располагалась стопка журналов и пара свечей. По обеим сторонам от журнального столика стояли уютные диванчики для гостей. Мягкая обивка нейтральных тонов создавала ощущение комфорта и мягкости.

Вдоль стен располагались полки с большим количеством книг, полностью занимая все пространство от дверей до окна.

— Да, заканчиваю. Остались только семья Раху и Овва. Но последние вроде сами могут, их там двое. А вот Раху из Грандии, — Анна вздохнула и откинула волосы с лица. — Тех вроде то ли четверо, то ли трое. Им явно нужно больше одного дракона, а всадника там нет. — она откинулась на спинку стула. — Значит, надо отправлять с нашими

Маркус закрыл дверь и плюхнулся на диванчик вблизи Анны.

— Убери ноги со стола, не наглей, — Вассилевски вскочила со стула от злости.

— Все, все убираю, — юноша поднял руки и медленно убрал ноги с журнального столика. — А Раху зачем так много летят? Кто там вообще прописан?

Зога обошел диван и встал сзади Анны, пытаясь прочесть имена на свитках.

— Пока прописаны: Зульфия Раху, Симона Раху, Томиас Раху и почему-то под вопросом Александр Раху.

— Странный составчик, конечно, — Зога взял в руки свиток. — Но не удивлен. Александр обязан там быть, насколько я помню, он недавно стал новым генералом армии Грандии. Вам бы познакомиться с ним, говорят, загадочная персона. — юноша вернул свиток в руки Анны.

— Ну, в принципе, понятно. Две девушки, два юноши. Надо бы им кого-то из твоих драконов дать, да? — Анна выписала имена в свой блокнот, обводя имена мужчин черным, а женщин — красным.

— Симона — это отец семейства, не девушка, а вполне себе суровый мужчина. — Маркус ткнул пальцем в цвет ручки под именем «*Симона*». — Там их вообще большая компания: Томиас Раху, который будет на балу, вполне себе интересный и добродушный малый. Мы с ним

встречались на западной заставе Эвалар, он тогда приехал своих людей забрать после стычки в лесах, маг воды вроде как был. А вот ещё сестра у них есть, — Маркус растянулся на диване, заложив руки за голову, — Алисента, милая девочка, но помешанная на горах и всём, что с ними связано. Маг земли, собственно.

— Не удивительно, маги земли в принципе странные. — Анна знала, такой камень в свой огород Маркус заметит.

И правда, он резко повернулся и насупился, делая неприятную рожицу.

— Алисента и Томиас вроде на пределе 5 и 7 уровня, они молодые, чуть старше меня. А вот Зульфия и Симона —это тяжёлая артиллерия, они главы семейства и сейчас являются одними из главных советников страны Грандия. Она маг воздуха, он маг земли — мощная парочка. Только вот Зульфия редко куда-то выбирается, странно, что она в списках. — Маркус лежал на диване, не поменяв позы.

— Ты откуда столько знаешь, друг? — Анна сверлила взглядом юношу, а тому было всё равно.

— Так наш Рец оттуда, его же перевели где-то года три назад, вот он всё и рассказывал. Ты тогда в горах Морелия была. — Маркус внезапно вскочил: — Точно, мне же к нему надо, а то я заболтался тут. — Юноша второпях вылетел из кабинета, не закрывая даже дверь.

Да уж, а про Александра не рассказал, дурачок

— Что у вас за привычка у всех? — Руфи зашла в кабинет, закрывая дверь, в руках она несла поднос с графином и чашками с сахаром. — Не закрывать за собой двери.

— Так тебе удобнее, руки-то заняты, а дверь уже открыта. — Анна указала на поднос и улыбнулась.

Руфи в ответ только закатила глаза:

— Присаживайтесь, попейте чайку, отдохните. — Девушка указала на стол и присела на диван.

— Как вы после того сна? Ещё что-нибудь снилось, что можно было бы связать с ним? — Руфи сидела на диване словно струнка, а Анна медленно распивала горячий чай, принесённый служанкой.

— Нет, ничего не снилось, но чувствую, он не к добру. Возможно, нужно слетать в Маракая, поговорить с Аракаем, думаю, он подскажет что-то

— Боги, вы хотите полететь в эту общину волхвов? Они же все там чокнутые. — Руфи сморщилась.

Маракая — община волхвов, созданная Аракаем, старейшим из трех могучих волхвов. С 20 до 22 лет Анна обучалась у него контролю магии крови: из-за быстрого развития ауры и роста манны она не могла ее полностью контролировать. Аракай многому ее научил, он стал ей духовным наставником, и она доверяла ему многое.

«Но то, что они немного странные, Руфи права»

— Какими бы странными они ни были, но мудрее их я не знаю, — Анна поставила чашку с чаем и вернулась за стол. — Разберусь позже, сейчас куча дел с этими Раху .

Послышался скрежет ручки по листку, и Руфи поняла, что Анна продолжает работать. Медленно убрав со стола, она удалилась по своим делам.

В мирное время у Анны не особо много забот. Она смогла за два года выстроить идеальную систему управления.

У нее есть два главных капитана: Маркус Зога, который отвечает за все восточные кладки яиц, а также за обучение всех бойцов в рамках империи, когда те проходят срочную службу в течение года, а далее распределяются по основным линиям защиты и заставам для дальнейшей службы империи.

И Лукас Рец, капитан, который отвечает за заставы и их действия, за тех солдат, которые после обучения попадают по распределению. Также на нем висит полная экипировка всех

военных драконов и их проживание. И на данный момент он единственный ответственен за установление главных капитанов каждой роты в каждом отделении и контроль их работы.

Если проще: Маркус отвечает за войска и солдат внутри столицы, Лукас отвечает за внешних бойцов и заставы защиты границ империи. Вот у них-то работы неимоверно много.

А Анна в свое время следит за каждым: шагом, солдатом, действием и драконом. Ее глаза везде, и каждый шаг ееподчиненных отслеживается. Она не позволила бы себе валять дурака и отдыхать, когда солдаты работают на благо империи. Ее обязанности разносторонние, потому намного сложнее приходится генералу армии.

«Надо отнести списки Филиппу, договориться о распределении»

Анна ступила в коридор, и тишина замка окутала ее, словно бархатный плащ. Стены, сложенные из безупречно белого кирпича, мерцали в приглушенном свете, проникающем сквозь узкие высокие окна. Каждый камень, казалось, хранил эхо веков, шепот прошлых событий и дыхание истории. Пол, покрытый гладкой, отражающей свет белой плиткой, придавал коридору вид бесконечного сияющего пути, ведущего в самое сердце замка.

Вдоль стен, в строгих нишах, застыли рыцари. Их статуи, высеченные из камня, с дотошной точностью передавали каждую деталь доспехов, каждый изгиб меча, каждый суровый взгляд. Они были безмолвными стражами, чьи каменные очи, казалось, следили за каждым движением Анны, напоминая о долге, чести и силе, которые когда-то олицетворяли. Нежный, едва уловимый запах полированного камня и старого воска витал в воздухе, смешиваясь с легкой прохладой, исходящей от массивных стен.

Ее шаги, легкие и размеренные, звучали особенно отчетливо в этой гулкой тишине. Каждый звук отражался от стен, создавая мелодию, сопровождающую ее путь. Мысли Анны были сосредоточены на предстоящей встрече, на словах, которые ей предстояло произнести, ведь после той ситуации в подвале она не успела поговорить с императором и как-то объяснить свое поведение.

Приближаясь к массивным дверям, украшенным витиеватой резьбой, Анна почувствовала, как учащается ее пульс. Огромные дубовые створки, казалось, были созданы для того, чтобы отделить мир обыденный от мира власти. Вокруг дверей, в более глубоких нишах, стояли другие статуи, более крупные и внушительные, изображавшие древних правителей, чьи каменные лица выглядели грозно и непреклонно. Словно сама вечность взирала на нее, оценивая ее намерения.

За дверями, как она знала, ее ждал кабинет императора. Там, за столом из черного дерева, украшенным золотыми инкрустациями, ее будет ждать сам император, человек, чья мудрость в последнее время очень сильно хромала. Он все больше поддавался эмоциям, тем самым портя репутацию доселе ***самой великой империи Парга.***

Воздух здесь, у дверей, был более плотным, насыщенным ожиданием и, возможно, едва уловимым запахом чернил и старой кожи. Анна сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить волнение. Нельзя было выдать ни малейшего признака неуверенности.

Она пришла сюда с определенной целью: обсудить план полета, и спорить или защищать себя она не хотела.

Ее рука потянулась к холодной бронзовой ручке двери, покрытой тонким слоем утренней пыли, свидетельством того, что император не выходил с самого утра. С тихим скрипом, который, тем не менее, показался ей оглушительным в тишине, дверь поддалась.

Перед ней открылся просторный кабинет, залитый мягким светом из огромного окна, выходившего на внутренний двор. Мраморные колонны поддерживали высокий сводчатый потолок, а на стенах висели величественные гобелены, изображавшие сцены давно минувших битв и триумфов.

Император сидел за своим столом, спиной к ней, глядя куда-то вдаль.

Анна остановилась на пороге, ожидая, когда он ее заметит, готовая произнести первые слова.

— Прибыла со свитками? — Филипп все так же сидел спиной к двери, не поворачивая головы. — Не представляешь, насколько меня раздражает этот кабинет, эти гобелены, — он провел рукой, показывая на стены, — но я не могу их снять, они ведь *наследие предков*. — Последние слова Филипп произнес с открытым отвращением.

— Да, повелитель, принесла. — Анна старалась не поддаваться плохому настрою императора. — Вы как просили, я все

— ***Замолчи***! — в ушах эхом отозвалось давление ауры господина.

«Использовал водный покров смешно»

Внезапно закружилась голова и потемнело в глазах. Аура мага воды окутывает свою жертву, создавая пузырь, чтобы человек почувствовал себя на дне океана или впадины, с давлением в ушах и легких, а главное — его зрение, оно становится мутным, будто смотришь в грязную лужу.

Но это лишь ощущения: на самом деле человеку лишь на уровне чувств перекрывают осознание и пугают возможной смертью от удушения и слепоты.

— ***Неприятно, когда используют ауру***? — Филипп подошел вплотную к Анне, поднимая ее лицо за подбородок указательным пальцем. — Или тебе нравится, когда тебя душат? — шепнул на ухо император, сдавливая другой рукой шею Анны.

— Тебе бы на заставу границы защищать, а не со мной хм мериться. — Анна взглянула четко на Филиппа. — Но, видимо, ты сильно осмелел, ***брат***. — Император отпустил шею Анны и отошел на шаг назад.

— Как ты смогла? Я вложил все силы в ***покров*** — было видно, что брат был растерян: его сил и правда не хватило бы долго удерживать свое заклинание на Анне, хотя та даже не сопротивлялась.

Ее аура имела много секретов, и один из них — она подавляет любое давление и заклинание мага, направленное на нее. Некая неприкосновенность, как назвал когда-то эту способность Аракай, и именно с ней они работали в горах Морелии, ведь только обнаружив эту *мощь* внутри девушки, оказалось, что *аура* не может быть в спокойном состоянии при других магах.

Будучи в обществе людей, аура активировалась самостоятельно и атаковала, даже не имея врага поблизости. Аура Анны всегда находилась в режиме защиты и нападения, и пришлось вложить много усилий, чтобы ее контролировать. Только спустя два года в общине удалось полностью подчинить эту *силу*, и Анна смогла вернуться в столицу.

— Не стоит стараться ради меня. — Анна демонстративно отряхнула край темно-серого топа, который чуть съехал с плеча из-за рук Филиппа, оголяя ее грудь. — Твои действия не имеют смысла. Ты знаешь, я даже не напрягалась, а ты, — она указала пальцем на каплю крови, стекающую под носом у Филиппа, — вероятно, использовал достаточно манны, чтобы вот так меня оглушить.

Она его обезоружила своим безразличием. Униженный повторно, но уже, к счастью, без лишних глаз, император смотрел на своего генерала, чуть приоткрыв рот от страха.

А ведь Анна часто вводила людей в страх только своим присутствием. Воздействовать на нее было невозможно, и из-за этого у магов появлялось чувство безысходности во время споров с ней.

Но как таковой агрессивности в ней не было ни капли. Сарказм, ирония и самое главное —самоирония и адекватное отношение к ситуации — было, но не более. Она никогда не унижала и не пыталась доказать свою силу, давя на человека. Она прибегала к воздействию только в случаях необходимости.

Припугнуть — могла, остановить — могла. Но подавлять, дабы показать свое превосходство, — никогда.

Особенно на обычных людей, понимая их малый срок жизни и небольшой запас манны, который позволяет им всего лишь жить среди магов без последствий.

— Если ты успокоился, то давай перейдем к делу. — Анна обошла растерянного мужчину и присела на диван.

Все кабинеты в замке были похожи друг на друга, особенно своими приемными.

Всегда панорамное окно, крепкий дубовый стол и стул, ближе ко входу — два дивана и стол.Это был базовый набор для работы, остальное обустраивал владелец кабинета.

— Как скажешь, — Филипп стер кровь с лица и сел напротив Анны, забирая свитки со стола, которые Анна подготовила для него. — Так значит, с Раху неизвестно, а этот Александр, я с ним не знаком, — император подписал свиток и начал греть сургуч над свечой. — А ты?

Анна подняла взгляд.

Филипп сидел отвернувшись, полностью отдавая свое внимание ложке в руке, в которой уже почти растаял кусочек белого сургуча.

— Нет, я не знакома и даже ничего не слышала о нем, — она отрицательно покачала головой.

— А жаль, — он капнул сургуч на свиток и прижал печатью. — Насколько я знаю, Александр чуть младше меня, года на два, и рожден в начале года, зимой. — Печать застыла, и император слегка подул на нее. — Раху выдающаяся семья, особенно их глава, Симона, но Александр превзошел его. — Филипп отдал свиток Анне в руки.

Анна приняла свиток двумя руками, сворачивая его в трубку:

— Почему превзошел? Что вообще тебе известно про него? — Анна откинулась на спинку дивана и положила ногу на ногу, показывая желание развить разговор.

— Удобно уселась, — он улыбнулся. — Я знаю лишь, что генералом он стал совсем недавно и его приняла община Заякала. — Филипп пересел за стол. — Но тебе стоит быть с ним аккуратно: он маг огня, единственный пока в своей семье.

Маг огня для мага крови означал или друга, ближайшего, с кем можно было создать идеальный симбиоз в войне, или самого могущественного врага, который сожжет кровь внутри мага — ведь кровь и есть сама магия. Поэтому маг крови в частности избегает мага огня.

— Последний маг огня в подобной должности был около ста лет назад, при Эре Ягуара, не так ли? — Анна подошла к окну, закуривая.

— Да, они редко рождаются, но тем не менее. У него еще нет дракона, его аура нестабильна, а зная твою, — Филипп сморщился, — вряд ли ты сможешь спокойно находиться рядом с ним, поэтому будь осторожнее в его присутствии. — Он усмехнулся. — Разрешаю не жать ему руку при встрече.

— Да, два мертвых генерала армии не очень хорошо будет, — она смотрела на внутренний двор, где в это время шла тренировка Эми и Маркуса на клинках.

«Она никак не привыкнет к этой рукоятке, надо будет поменять её»

— Анна, ты слышишь? — Филипп коснулся её руки.

— Ты что-то говорил? — она отвлеклась от окна и взглянула на императора.

Его черные волосы отросли и почти закрывали серые глаза. Он выглядел очень молодо для своих лет.

А ведь этот бал выпадает на его юбилей — 35 лет не маленький возраст, но его черты лица смущали окружающих, которые считали его ровесником Анны.Из-за бала император отказался праздновать свой день рождения: он полетит на остров Равноденствия, отмечая лишь ежегодный праздник весны.

— Да, я сказал, что не желательно умирать вне войны, но насколько я знаю, Александр учтив, он не полезет к тебе. — Филипп убрал свою руку, отступая. — Как я, — еле шевеля губами произнес император, отворачиваясь от нее.

Анна забрала свитки и направилась во внутренний двор. После всего произошедшего ей нужно выдохнуть и отвлечься.

— Как ваша тренировка? — Анна перепрыгнула через ограждение из досок, попадая внутрь тренировочной площадки.

— Ты уже закончила? — Эми остановилась. — Хочешь присоединиться? — она направила острие клинка в сторону Анны.

— Да, думаю, надо развеяться, — она сняла плотные ботинки, утопая в песке босыми ногами, и выдохнула. — Кто готов? — озорная улыбка и её прищур слегка испугали Маркуса.

— Я пас. С тобой сейчас точно не выйду, — обезоруживающе подняв обе руки, он свернул к ограждению. — Бейтесь, дамы, я понаблюдаю, — облокотившись на деревянные доски, Маркус улыбнулся.

— Ну что, сестричка, составишь компанию? — Анна достала два кинжала, ловким движением руки жонглируя лезвиями, показывая своё мастерство.

— С удовольствием, *сестра*, — Эми приготовила свой клинок к бою.

Она не особо умела им управлять, поскольку её основным оружием был лук со стрелами, но в ближнем бою он пригодится больше, и Анна настаивала, чтобы Маркус обучал Эмильду.

Песок взметнулся смерчем, когда Анна, с двумя сверкающими клинками в руках, бросилась вперёд. Её движения были настолько стремительны, что казалось, будто она распадается на десяток теней, каждая из которых стремилась к цели.

Эми, напротив, двигалась плавно, её один клинок рассекал воздух с отточенной точностью. Но Анна была неуловима, словно мотылёк, танцующий на краю пламени. Эми пыталась удержать её в поле зрения, её клинок двигался по широким дугам, пытаясь поймать стремительную противницу. Но Анна уже была где-то ещё.

Она то появлялась сбоку, её кинжалы опасно сверкали, рисуя угрожающие восьмёрки, то исчезала, оставив Эми лишь пустой воздух и нарастающее чувство беспокойства.

Песок под ногами Анны становился её союзником, каждое её перемещение было настолько резким, настолько непредсказуемым, что Эми лишь раз за разом предугадывала её, но не успевала среагировать. Однажды Анна мелькнула перед глазами Эми, и клинок противницы описал широкую дугу, но та уже была за её спиной. Один из её кинжалов легко скользнул по руке Эми, оставляя тонкую астру кровавого следа. Эми вскрикнула, но не от боли, а от ярости. Она снова развернулась, чтобы встретить следующий натиск, но Анна вновь растворилась в развевающемся песке, оставив после себя лишь эхо стремительного боя.

Ярость прилила к лицу Эми, смешиваясь с потом и песочной пылью. Кровоточащая рана на руке разжигала в ней дикую силу, но Анна, казалось, питалась этой энергией, становясь от этого ещё более неуловимой. Эми рассвирепела. Она подняла свой клинок, желая разорвать пыльное покрывало, скрывавшее её противницу, но Анна была тенью, ускользающей от яркого света.

Внезапно Анна издала боевой клич, который, казалось, вырвался из самой пустыни. Она бросилась вперёд, но на этот раз её движения были не только быстрыми, но и предсказуемыми. Эми, почувствовав это, встретила её. Два клинка столкнулись с оглушительным звоном, высекая сноп искр.

— Думаю, достаточно на сегодня. Ты молодец: смогла меня уловить, хотя бы взглядом. — Тяжело дыша, Анна смотрела на Эми, не опуская свои клинки. Они всё ещё стояли, вцепившись друг в друга.

— Спасибо за бой. Редко можно встретиться с таким мастерством, как у тебя. — Эми нежно улыбнулась, хотя недавно они пытались ранить друг друга. — Жаль, что ты редко со мной выходишь в спарринг.

— У тебя вон Маркус-солнышко есть. — Анна отозвала своё оружие, и кинжалы пропали из её рук.

— А что я? Мы тренируемся, но мне с тобой не сравниться. — Юноша подошёл ближе. — Куда убрала? Дай гляну хоть на них. — Маркус протянул руку, желая осмотреть кинжалы.

Анна снова призвала своё оружие.В их сияющих лезвиях, будто в зеркалах, отражалась сама двойственность мира: свет и тьма. Один, словно сотканный из лунного серебра, источал мягкое, призрачное свечение; его гладкая поверхность переливалась отблесками неизвестных созвездий.

Узоры, выгравированные по всей длине клинка, напоминали тончайшие ветви деревьев, покрытых изморозью, или нити паутины, окутавшей спящий мир. Гарда его, выполненная из благородного золота, изгибалась подобно крыльям мифической птицы, готовой воспарить в небо, а навершие представляло собой изящный гребень, устремлённый вверх, словно корона.

Рядом с ним, его антипод, был выкован из ночной тьмы; его клинок поглощал свет, оставляя лишь зловещее огненное зарево у самого острия. Его поверхность была усыпана крошечными мерцающими точками, подобными далёким звёздам, затерянным в космосе. Гарда, чёрная, как сама бездна, повторяла причудливые формы, напоминавшие сплетение колючих лоз или чешую неведомого чудовища. В его изгибах скрывалась угроза, обещание скорого конца, элегантно сдержанное в изящной форме.

Обе рукояти, обмотанные витым металлом, создавали ощущение крепости и надежности. В них чувствовалась древняя сила, мудрость веков, заключённая в столь смертоносный предмет.

Каждый из них — творение искусства, шедевр кузнечного мастерства, предназначенный для тех, кто ценит красоту в силе, а в смерти — изящество. Они были созданы не для того, чтобы просто убивать, а для того, чтобы наносить удар с такой грацией, которая превращала бы акт насилия в мрачный балет, где лезвие — лишь искусно написанная строка в драматической пьесе.

— Они невероятны. Их ковали в Эренгеле, на заказ, как понимаю? — Маркус дрожащими руками держал эти произведения искусств. — Могу я? — Молящими глазами он просил испробовать их в бою.

— Нет, прости, не могу. Они впитывают мою ауру во время боя, они тебе навредят. — Анна забрала кинжалы и снова скрыла их.

— Эх, жаль. Очень жаль. — Понурив голову, юноша удалился.

После боя было решено идти отдыхать, притом что у Маркуса были дела в казарме. Завтра отправляют первых драконов по городам для последующих перелётов на остров.

— Ты мне льстишь. Есть люди и сильнее меня. — Анна и Эми возвращались в комнаты.

— Сильнее тебя я не встречала и не хочу. — Эми обняла сестру и мягко улыбнулась. — Если кто-то есть сильнее тебя – значит, нам недолго быть вместе, и вам с ним не уместиться в этом мире

— Поживём – узнаем. — Анна улыбнулась в ответ. — Иди спать. Завтра уже отправляются первые драконы на перелёт. Возможно, и тебя отправят. — Она подмигнула.

По правде говоря, Эмильду не одобрили на бал, но она сможет хотя бы глазком увидеть замок острова весеннего равноденствия, когда будет перевозить гостей на парящий остров.

Эми на своем драконе будет перевозить одну из семей Эллиоса, насколько помнила Анна, кого-то из придворных дам короля. Не сильно важная персона, а значит, сильного высокомерия не должно быть. Анна уснула с легкой усталостью, хотя день был не из легких, особенно учитывая последние заскоки у Филиппа.

Его странное поведение, желание прогнуть её, показать место было внезапным. Ранее такого отношения не было, они были на равных, хотя по силам Анна превосходила его. Между ними было уважение: он старался не сильно уступать ей, а Анна, в свою очередь, берегла его самооценку и не пыталась лишний раз проявляться. В конечном итоге, он император, хоть и не слишком выдающийся.

В это утро Анна проснулась слишком рано. Быстро одевшись, поспешила отправить первых драконов, в числе которых была Эмильда. Около 20 пар драконов были направлены в разные части континента, чтобы собрать в одном месте более 50 человек для торжества в день весеннего равноденствия.

Каждый из приглашенных ответил согласием на встречу и, подтвердив свитки своими печатями, ожидал почтенных гостей — драконов Парга. В некоторых семьях приглашенных не было всадников, потому они были благодарны, когда император Парга, дружественной страны, предлагал помощь своих людей. Благо, в его империи драконов было достаточно. Анна отправила последних драконов и вернулась в кабинет.

Там её ожидало письмо с рыжей печатью и гербом империи Грандия.

— Госпожа, только что принесли, буквально 10 минут назад, — Руфи стояла возле стола, переминаясь с ноги на ногу.

— А ты чего такая, — Анна не могла понять, в чем дело, её служанка выглядела слишком смущенной, — странная стоишь, будто Маркус голый пробежал перед тобой, — она усмехнулась и направилась к столу.

— Нет, госпожа, Маркуса не было, но мужчина, что принес письмо, — Руфи вся покраснела, — был так галантен, давно я не встречала таких, чтоб и красивый, и учтивый был.

— Ладно уж, видимо, посыльный был слишком для тебя учтивый, — Анна сломала печать и развернула письмо. Там был четкий почерк с острыми буквами и короткими предложениями.

Добрый день, госпожа Аннастасия. Имею право просить прощения за столь несообразное поведение. В связи с некоторыми событиями я не смогу присутствовать на балу. Моя семья по ошибке отправила свиток с неверными данными.

Потому спешу вам сообщить, что дракона на моё имя выписывать необходимости нет.

Ещё раз прошу у вас прощения.

А. Раху

— Говоришь, был учтивый и галантный? — Анна обомлела от прочитанного.

— Да, и очень красивый и высокий, — Руфи мечтательно закатила глаза, вероятно, вспоминая того загадочного человека.

— Как он представился? — Анна почувствовала, как её руки начинают нервно трястись.

— Его имя — Александр, насколько помню, но фамилию не запомнила. Он как зашёл — я забылась, — Руфи всё продолжала щебетать про этого человека, не замечая, что Анна уже стояла у стола.

Она поняла, что генерал армии Грандии лично пришёл к ней в кабинет.

Маг огня разгуливал по замку, там же, где, возможно, проходила она.

А если бы они встретились? А если бы она пришла вовремя, а не опоздала? Как бы отреагировала её аура на столь сильного человека?

Такого восторга, как у Руфи, Анна бы точно не испытывала.

— Он хотел лично вас дождаться, но я сказала, что вы надолго, и он ушёл, — Руфи заглянула в глаза госпожи, возвращая её мысли в настоящее.

— Разминулись, значит, — тихо произнесла Анна, усаживаясь обратно на стул.

— Да, но он так уверенно сказал: «*Думаю, мы ещё увидимся с госпожой, континент маленький*», я даже удивилась, — Руфи присела на диван и положила голову на руки в позе мечтателя.

— Что, удивилась? Почему? — Анна постепенно возвращалась, отодвигая нервное напряжение всё глубже, осознавая, что те сценарии, которые она прописала в своей голове, могли быть совершенно иными.

— Так как же? — Руфи вскинула руками в удивлении. — Континент-то совсем не маленький, потому он меня удивил прям, — она с наивностью говорила так, не понимая, что для магов его силы континент был и правда не большой.

Конечно, возможно, её аура спокойно отнесётся к Раху, но и вероятность, что она может выйти из спящего состояния и перейти в режим защиты, а значит, что *покров* будет полностью подвластен этой самостоятельной единице, очень высока, и рисковать Анна не хотела.

Избегать возможности нет, но минимизировать общение и контакт — возможность есть.

«Раз на то было веление судьбы — не будем противиться случившемуся».

Анна спланировала их встречу и то, как она будет себя вести и контролировать состояние при столь сильном маге. Внезапная встреча испортила бы все возможные планы.

Но иногда люди могут положиться на судьбу — так проще, ведь ответственность тогда несут не люди, совершившие ошибки, а та самая бедная «судьба», берущая на себя эту вину.

— Раз так, я благодарна, что он вовремя принёс это письмо, поскольку их драконы отправляются вечером, во второй перелёт, — Анна сложила письмо и убрала в стол.

— Я думаю, он вам не понравился бы, госпожа, — Руфи всё так же сидела на диване.

— Почему? Он же учтив и галантен, как ты описала, — Анна решила подшутить над мечтательной Руфи. — Как такие могут не нравиться?

— Вам такие не нравятся.

— А какие мне нравятся? — удивилась Анна: неужели служанка знает больше о её предпочтениях, чем она сама?

Руфи глубоко вздохнула и расправила плечи, набираясь то ли воздуха, то ли храбрости.

— Вам нравятся те, кто вас слушает и молчит, делает, как вы говорите, не спорит. Вот такие — ваш типаж.

— Ха-ха-ха, — Анна залилась громким хохотом, — ты с чего такое взяла, милая? Где я такое говорила?

Руфи побледнела:

— Ну как же, мужчины вокруг вас именно такие, — девушка начала загибать пальцы, перечисляя: — Маркус всегда молчит, всегда позади вас, выполняет всё, что вы говорите. И что самое главное, — Руфи подняла указательный палец вверх, — вы позволяете ему общаться с вами неформально, и это только ему, между прочим.

Она продолжила:

— А как же Лукас? Он вообще иногда такое позволяет себе, а вы всё равно не сильно его наказываете. Он тоже никогда не спорит и молчит, — Руфи кивнула в знак согласия, — а на остальных вы смотрите как на врагов, особенно если они начинают спорить или отказываться подчиняться.

Анна задумалась. Ведь верно: она позволяла этим двоим и правда достаточно вольностей, но они были её ближайшими людьми, которым она доверяла как себе.

«***Главное, чтоб не подвели***».

— Руфи, ты заблуждаешься. Не обращай внимания, займись лучше обедом, — Анна отмахнулась от служанки, не желая продолжать разговор.

Она сама знает, где её слабости, и Руфи была права. Анна дорожила этими двумя, как и Эмильдой.

Эми была ей самой близкой из всех. Не имея на этой стороне моря никого из родных, ни отца, ни матери, две сестры стояли друг за друга, понимая ценность жизни каждой.

Сил им было дано предостаточно, особенно старшей Анне, и она выкладывалась максимально из возможного, показывая невероятные результаты в боях и на арене жизни.

Впервые она проявила себя на Зеленой пустоши. Это случилось 23 июня 176 года Эры Дракона.

Тогда ей исполнилось 22 года, и жители города Микаяла решили присвоить себе восточные кладки яиц, которые были созданы лично Анной и Маркусом. Только одно единственное место — восток хребта гор Эвалар —драконы приняли и создали там свои поселения, разложили яйца и бережно охраняли вместе с людьми.

Но жители Микаяла решили, что Парга много на себя берет, и двинулись в их сторону, вооружив почти четыре сотни человек, дабы поставить на колени великую империю.

Они прибыли вечером, когда их совсем не ждали, без объявления войны или предупреждения о нападении. Надеясь на эффект неожиданности, решили, что смогут победить.

Смеркалось. Небо над Парга заливалось кроваво-красными оттенками, предвещая недоброе. На горизонте, словно выползая из тьмы, показались знамена империи Микаяла. Четыре сотни закаленных воинов, облаченных в темную, потертую броню, двигались единой, зловещей массой. Их шаг был тих, но в нём слышался лязг оружия и низкое, угрожающее бормотание — предвестие надвигающейся бури.

Они шли, тихо наговаривая гимн своей страны, дабы не растерять ту злость, что в них сидела, и набраться храбрости.

Их лица были скрыты под стальными шлемами. За спинами колыхались потрепанные стяги с изображением черного ворона — символом их беспощадной силы.Армия Микаяла подошла к стенам города, тенью накрыв окрестности. Воины начали расставлять осадные орудия, их движения были быстрыми и точными.

Но им не хватило ни времени, ни сил, чтобы начать оккупацию города.

Анна поднялась на стены. Одна.

В тот миг, когда её взгляд встретил надвигающееся войско Маякала, из глубин её души хлынула сила, невидимая, но ощутимая. Её аура, цвета густой, свежей крови, начала расширяться, поглощая горизонт. Это было не просто свечение — это была субстанция, пульсирующая первобытной мощью, сотканная из тишины и бесконечного ужаса.

Эта кровавая дымка, подобно живой сущности, медленно, но неумолимо обволакивала всё вокруг, заглушая даже звуки природы. Воины Маякала, гордо стоявшие у своих осадных орудий, замерли. Их глаза, расширенные от ужаса, не могли отвести взгляд от приближающегося кошмара. Орудия, призванные нести разрушение, стали безмолвными свидетелями их собственного скорого конца.

Аура Анны была не просто визуальным устрашением. Она стала физическим воплощением её силы. Она обволакивала каждого врага вязкой, удушающей вуалью, вытягивая из них жизненные силы. Воздух становился густым, словно кровь, разбавленная тысячами эхом страха. Каждый вдох, каждый удар сердца давался с нарастающей мукой.

Один за другим воины Маякала начали падать замертво, их тела испускали последние, хриплые вздохи — их души были вырваны из пут удушающего покрова. Перед глазами потрясенных союзников, а также тех, кто ещёоставался стоять, происходило нечто ужасающее. Глазные яблоки несчастных, не выдерживая чудовищного внутреннего давления, лопались, вытекая из пустых глазниц. Кровь, словно бурлящий поток, хлынула изо рта, носа и ушей, окрашивая землю в кровавые узоры.

Когда предводитель армии Маякала, в ужасе наблюдавший за происходящим, понял, что происходит, он направил всю свою оставшуюся силу, чтобы перекрыть её, Анну, своим собственным защитным покровом.

Он надеялся спасти хоть кого-то из своих воинов, хоть малую часть разбитой армии. Но как только он попытался оказать сопротивление, столкнувшись с неукротимой мощью Анны, её кровавая аура, словно разъяренный зверь, обрушилась на него.

Покров предводителя был разорван в клочья, и сам он, под натиском немыслимой силы, превратился в облако алых брызг, рассеявшееся по ветру, как зловещее напоминание о цене противостояния.

После случившегося Анна около недели восстанавливалась в общине Маракая. Она была крайне истощена; та необузданная сила, которую она выплеснула, и колоссальный объем потерянной маны вытянули из нее все жизненные соки. Каждое утро Анна просыпалась, ощущая давящую слабость, словно тело ее стало чужим. Ее некогда яркие глаза потускнели, под ними залегли темные круги, а кожа приобрела бледный, восковой оттенок. Движения ее были медленны и осторожны, каждое усилие давалось с трудом.

За ней ухаживали волхвы общины – древние, с мудрыми морщинами, исчерченные временем, и добрыми, внимательными глазами. Их руки, покрытые шрамами прошлых битв и опытом целительства, бережно касались ее, накладывая компрессы с ароматными травами и шепча древние слова утешения.

Они приносили ей густые, питательные отвары, приготовленные из редких растений, которые, казалось, возвращали цвет ее бледным губам и разглаживали мелкие морщинки на ее лбу.

Они смогли вытянуть ее из этого состояния, ведь тот объем маны, который она потеряла, используя покров на более чем 400 человек одновременно, был невообразимо большим.

— Ну, госпожа, возможно, я и не права, но это лишь мои наблюдения, — Руфи решила прибраться на столе снова, ища невидимые крошки и сметая их себе в руку.

— Я не обвиняю тебя, наблюдай, ведь это часть твоей работы, — Анна продолжила писать за столом, не поднимая головы.

Руфи скрытно улыбнулась, ведь это было так.

Она принадлежала к числу тех, чья репутация была окутана завесой тайны. Ее мастерство владения кинжалом и другими, куда более изощренными орудиями, было не просто результатом долгих тренировок, оно было отточено до совершенства под руководством самой Анны – легендарной фигуры, чье имя вызывало трепет даже у самых отъявленных головорезов.

Анна, будучи сама непревзойденной в искусстве скрытности, смогла раскрыть Руфи, обучив ее превращаться в невидимку, бесшумно скользящую сквозь самые неприступные крепости и самые бдительные патрули.

На заданиях она была, по сути, призраком. Ее присутствие ощущалось лишь по результатам – выполненная задача, устраненная цель, добытые сведения. Она была той тенью, которая либо мелькнет на периферии сознания, либо вовсе не оставит следа, создавая ощущение, что ее никогда и не было. Никто из ее жертв или свидетелей не мог вспомнить ее лицо, ее голос, ее движения.

Она была эфемерной, неуловимой, как дым, рассеивающийся в воздухе.

Однако стоило ей оказаться вне пределов своих профессиональных обязанностей, как вся ее хладнокровная расчетливость уступала место совершенно иной роли.

В обществе Руфи превращалась в олицетворение наивности и глупости. Ее звонкий, зачастую неуместный смех, ее странная, вычурная манера говорить, ее рассеянный взгляд – все это было тщательно сконструированной маской. Никто и никогда не мог заподозрить в этой очаровательной, но слегка нелепой девчушке смертельно опасного наемника Империи.

Эта двойственность была ее главным оружием, позволяя ей оставаться незамеченной и недооцененной, пока не наступал нужный момент.

— Больше мне твоя помощь на сегодня не пригодится, — Анна закрыла папку с бумагами и направилась к выходу. — Приготовь мне на завтра одежду для полета, что-то свободное, пожалуй. Я не планирую отдыхать на балу, можно не праздное.

Она вышла, не закрыв за собой дверь.

— Да, госпожа, — Руфи поклонилась.

«*Опять не закрыла дверь*», — служанка пошла к двери, когда голос

«*Громко думаешь, Руфи*», — Анна шла спиной к ней, всё дальше по коридору, но её голос зазвенел в голове девушки.

Кровавая нить, исторгнутая из пальцев Анны, заструилась по коридору, словно оживший змей.

«***Путы***»

В тот же миг коридор преобразился.

Потемневший, он начал заливаться алым цветом, будто тысячи ран одновременно открылись на его стенах. Это была не просто краска, а субстанция, живая и тяжелая, несущая в себе отголоски боли и страха. Алый цвет пульсировал, становился то глубже, то светлее, подражая ритму бьющегося сердца.

С треском, который эхом разнесся по и без того пустующему пространству, нить достигла двери и с силой захлопнула её прямо перед лицом служанки.

Анна, казалось, втянула в себя этот новый, ужасающий мир. Приказ, исполненный ею, растворился в ней самой, как будто никогда и не был внешней силой. Всё, что ещё пару мгновений назад казалось реальным — очертания стен, слабый свет, — начало исчезать, словно подвергаясь забвению. Анна словно стирала само своё присутствие, оставляя за собой лишь эхо силы.

Руфи, ставшая невольной свидетельницей этого акта трансформации, застыла, вцепившись в себя. Аура Анны, невидимая, но ощутимая, как ледяное дыхание, сковала её. Страх, холодный и парализующий, пронзил её насквозь, не давая пошевелиться, не давая даже вздохнуть. Она была лишь крошечной песчинкой перед неумолимой мощью, которая только что перекроила реальность по своему приказу.

«*Прошу прощения, госпожа*», — Руфи поклонилась закрытой двери и, услышав в конце коридора еле слышный смех Анны, выдохнула.

— Вот надо было мне языком чесать. Надо бы сходить к Маки, может, мои печати ослабли, — она взглянула на отметины на своих руках — те всё также были ярко выражены. — Вроде нормально, но я схожу всё равно пожалуй, мало ли что — она убрала последние вещи со стола и удалилась из кабинета.

На следующее утро отправлялись драконы Филиппа, Анны и Маркуса на Бал равноденствия.

— С днём рождения, повелитель, — Маркус подошёл к дракону императора и поклонился.

Тот сидел уже верхом и ждал последние приготовления.

У Филиппа был металлический дракон, чуть больше обычных. Такие выходят единично в помёте самки.

Их одежда для полётов была либо удобная, либо праздная. Лёгкая, словно сотканная из ночи, ткань облегала стройное тело Филиппа, не стесняя движений.

Глубокий, угольно-чёрный цвет костюма сочетался с драконом, делая всадника невидимым на спине существа. Шёлк, обработанный особым образом, нежно касался кожи, даря ощущение прохлады и невесомости.

По всей длине брюк тянутся тонкие, серебристые нити, вышитые в виде древних рун. Они мерцают при каждом движении, отражая свет далёких созвездий, словно карта небесных путей.

Свободная туника с широкими рукавами, напоминающими крылья, ниспадает до середины бедра. Она не сковывает, позволяя ветру играть с тканью, создавая призрачный шлейф позади летящей фигуры. Воротник-стойка, отделанный бархатом, добавляет образу благородства и загадочности, скрывая шею, но оставляя лицо открытым для встречного ветра.

На груди вместо тяжелых орденов — изящный кулон в форме стилизованного дракона, выполненный из обсидиана. Его крылья распахнуты, а глаза инкрустированы крошечными изумрудами, сверкающими зелёным огнём. Перчатки из тончайшей кожи, переходящие в длинные

манжеты, плотно облегают руки. Они не мешают управлять драконом, но защищают от ледяного дыхания высоты. На пальцах — кольца с чёрными агатами, усиленные древней магией.

— Благодарю, Маркус, но сегодня мы отмечаем бал, — Филип проверил поводья и крикнул: — Анна, ну наконец-то, долго ждём уже. — Она шла к своему дракону, протирая глаза.

— А ты, смотрю, принарядился, — она кивнула в сторону его перстней, — прямо как богач сидишь, — она усмехнулась. Многие из придворных скрыли свои улыбки.

При выборе одежды на подобные съезды придворная семья одевается в одной цветовой гамме. Потому Анна была одета похоже, но чуть проще, нежели её *брат*. Тёмная облегающая туника, подобно второй коже, с глубоким V-образным вырезом, украшенным замысловатым плетением, открывает ключицы, создавая контраст между нежностью и суровой реальностью.

Её ткань, матовая и мягкая, словно сдержанный шёпот, намекает на свободу движений, необходимую для боя или долгого пути. Из-под туники выглядывают длинные, плотно облегающие нарукавники цвета древесной золы, переходящие в митенки. Они обнимают предплечья, защищая от ветра и холода, но оставляя пальцы на воле — тонкий намёк на ловкость и готовность к действию.

На талии — сложный узел из тёмно-коричневых и терракотовых лент. Они переплетаются, образуя тугой пояс-ремень, который держит на себе несколько слоёв ткани, напоминающих асимметричную юбку или набедренную повязку. Эти слои, грубые и небрежно обвязанные, придают образу оттенок дикости, будто они собраны наскоро из подручных материалов.

Спутанные пряди золотистых волос, заплетённые в объёмную косу, свободно ниспадают на плечо, развеваясь на ветру. Отдельные пряди выбиваются, обрамляя лицо, и теряются в лёгкой дымке, словно отражая непокорный дух своей владелицы. Лёгкий, едва заметный блеск серебряных серёг в ушах, напоминающих перья или острые осколки, добавляет финальный штрих к образу загадочной воительницы.

— Почему так дико одета? Ты идёшь на приём, Анна! — Филипп властно прикрикнул, показывая своё недовольство.

Её внешний вид и правда не подходил на приём, но такова она была.

— Повелитель, я генерал армии, а не придворная принцесса. Пожалуй, это, — она осмотрела себя с ног до головы, — вполне себе разумно выглядит.

Филиппу оставалось только недовольно отвернуть лицо. Его дракон был готов, и тот взмыл в небо, оставляя дым из песка.

— Готово? Всё, погнали тогда, — Маркус и Анна переглянулись и последовали за своим императором. Больше из дворца никто не летел.

Не приглашены. Так решил Филипп.

Если Парга, ближайшая империя, что стояла у подножья гор Эвалар и недалеко от гор Морелия, могла позволить себе держать более трех сотен драконов, то более дальние империи, такие как Грандия или Эллиос, могли содержать не более сотни драконов. Большинство из них были водными, не предназначенными для дальних перелетов, или воздушными, позволявшими перевозить не более одного человека — своего солдата.

Самые подходящие драконы для дальних перелетов были металлические. Самая большая популяция таких драконов была выведена и контролировалась лично Анной Вассилевски в горах Морелия.

И значит, ни Грандия, ни Эллиос не имели достаточного количества этих драконов.

— Ну как дела обстоят с письмами? — Маркус зашел в кабинет Анны, где царила атмосфера спокойствия и сосредоточенности.

Входная дверь кабинета была оформлена массивной дверью из темного дуба, подчеркивающей солидность помещения. Напротив двери, у большого окна, за которым простирался оживленный городской пейзаж, стоял письменный стол. Его полированная поверхность отра-

жала мягкий свет, проникающий сквозь стекло. Классический стул с высокой спинкой, обитый дорогой кожей, был гордостью Анны.

Центральное место в комнате занимал прямоугольный журнальный столик. На нем располагалась стопка журналов и пара свечей. По обеим сторонам от журнального столика стояли уютные диванчики для гостей. Мягкая обивка нейтральных тонов создавала ощущение комфорта и мягкости.

Вдоль стен располагались полки с большим количеством книг, полностью занимая все пространство от дверей до окна.

— Да, заканчиваю. Остались только семья Раху и Овва. Но последние вроде сами могут, их там двое. А вот Раху из Грандии, — Анна вздохнула и откинула волосы с лица. — Тех вроде то ли четверо, то ли трое. Им явно нужно больше одного дракона, а всадника там нет. — она откинулась на спинку стула. — Значит, надо отправлять с нашими

Маркус закрыл дверь и плюхнулся на диванчик вблизи Анны.

— Убери ноги со стола, не наглей, — Вассилевски вскочила со стула от злости.

— Все, все убираю, — юноша поднял руки и медленно убрал ноги с журнального столика. — А Раху зачем так много летят? Кто там вообще прописан?

Зога обошел диван и встал сзади Анны, пытаясь прочесть имена на свитках.

— Пока прописаны: Зульфия Раху, Симона Раху, Томиас Раху и почему-то под вопросом Александр Раху.

— Странный составчик, конечно, — Зога взял в руки свиток. — Но не удивлен. Александр обязан там быть, насколько я помню, он недавно стал новым генералом армии Грандии. Вам бы познакомиться с ним, говорят, загадочная персона. — юноша вернул свиток в руки Анны.

— Ну, в принципе, понятно. Две девушки, два юноши. Надо бы им кого-то из твоих драконов дать, да? — Анна выписала имена в свой блокнот, обводя имена мужчин черным, а женщин — красным.

— Симона — это отец семейства, не девушка, а вполне себе суровый мужчина. — Маркус ткнул пальцем в цвет ручки под именем «*Симона*». — Там их вообще большая компания: Томиас Раху, который будет на балу, вполне себе интересный и добродушный малый. Мы с ним встречались на западной заставе Эвалар, он тогда приехал своих людей забрать после стычки в лесах, маг воды вроде как был. А вот ещё сестра у них есть, — Маркус растянулся на диване, заложив руки за голову, — Алисента, милая девочка, но помешанная на горах и всём, что с ними связано. Маг земли, собственно.

— Не удивительно, маги земли в принципе странные. — Анна знала, такой камень в свой огород Маркус заметит.

И правда, он резко повернулся и насупился, делая неприятную рожицу.

— Алисента и Томиас вроде на пределе 5 и 7 уровня, они молодые, чуть старше меня. А вот Зульфия и Симона —это тяжёлая артиллерия, они главы семейства и сейчас являются одними из главных советников страны Грандия. Она маг воздуха, он маг земли — мощная парочка. Только вот Зульфия редко куда-то выбирается, странно, что она в списках. — Маркус лежал на диване, не поменяв позы.

— Ты откуда столько знаешь, друг? — Анна сверлила взглядом юношу, а тому было всё равно.

— Так наш Рец оттуда, его же перевели где-то года три назад, вот он всё и рассказывал. Ты тогда в горах Морелия была. — Маркус внезапно вскочил: — Точно, мне же к нему надо, а то я заболтался тут. — Юноша второпях вылетел из кабинета, не закрывая даже дверь.

Да уж, а про Александра не рассказал, дурачок

— Что у вас за привычка у всех? — Руфи зашла в кабинет, закрывая дверь, в руках она несла поднос с графином и чашками с сахаром. — Не закрывать за собой двери.

— Так тебе удобнее, руки-то заняты, а дверь уже открыта. — Анна указала на поднос и улыбнулась.

Руфи в ответ только закатила глаза:

— Присаживайтесь, попейте чайку, отдохните. — Девушка указала на стол и присела на диван.

— Как вы после того сна? Ещё что-нибудь снилось, что можно было бы связать с ним? — Руфи сидела на диване словно струнка, а Анна медленно распивала горячий чай, принесённый служанкой.

— Нет, ничего не снилось, но чувствую, он не к добру. Возможно, нужно слетать в Маракая, поговорить с Аракаем, думаю, он подскажет что-то

— Боги, вы хотите полететь в эту общину волхвов? Они же все там чокнутые. — Руфи сморщилась.

Маракая — община волхвов, созданная Аракаем, старейшим из трех могучих волхвов. С 20 до 22 лет Анна обучалась у него контролю магии крови: из-за быстрого развития ауры и роста манны она не могла ее полностью контролировать. Аракай многому ее научил, он стал ей духовным наставником, и она доверяла ему многое.

«Но то, что они немного странные, Руфи права»

— Какими бы странными они ни были, но мудрее их я не знаю, — Анна поставила чашку с чаем и вернулась за стол. — Разберусь позже, сейчас куча дел с этими Раху .

Послышался скрежет ручки по листку, и Руфи поняла, что Анна продолжает работать. Медленно убрав со стола, она удалилась по своим делам.

В мирное время у Анны не особо много забот. Она смогла за два года выстроить идеальную систему управления.

У нее есть два главных капитана: Маркус Зога, который отвечает за все восточные кладки яиц, а также за обучение всех бойцов в рамках империи, когда те проходят срочную службу в течение года, а далее распределяются по основным линиям защиты и заставам для дальнейшей службы империи.

И Лукас Рец, капитан, который отвечает за заставы и их действия, за тех солдат, которые после обучения попадают по распределению. Также на нем висит полная экипировка всех военных драконов и их проживание. И на данный момент он единственный ответственен за установление главных капитанов каждой роты в каждом отделении и контроль их работы.

Если проще: Маркус отвечает за войска и солдат внутри столицы, Лукас отвечает за внешних бойцов и заставы защиты границ империи. Вот у них-то работы неимоверно много.

А Анна в свое время следит за каждым: шагом, солдатом, действием и драконом. Ее глаза везде, и каждый шаг ееподчиненных отслеживается. Она не позволила бы себе валять дурака и отдыхать, когда солдаты работают на благо империи. Ее обязанности разносторонние, потому намного сложнее приходится генералу армии.

«Надо отнести списки Филиппу, договориться о распределении»

Анна ступила в коридор, и тишина замка окутала ее, словно бархатный плащ. Стены, сложенные из безупречно белого кирпича, мерцали в приглушенном свете, проникающем сквозь узкие высокие окна. Каждый камень, казалось, хранил эхо веков, шепот прошлых событий и дыхание истории. Пол, покрытый гладкой, отражающей свет белой плиткой, придавал коридору вид бесконечного сияющего пути, ведущего в самое сердце замка.

Вдоль стен, в строгих нишах, застыли рыцари. Их статуи, высеченные из камня, с дотошной точностью передавали каждую деталь доспехов, каждый изгиб меча, каждый суровый взгляд. Они были безмолвными стражами, чьи каменные очи, казалось, следили за каждым движением Анны, напоминая о долге, чести и силе, которые когда-то олицетворяли. Нежный, едва уловимый запах полированного камня и старого воска витал в воздухе, смешиваясь с легкой прохладой, исходящей от массивных стен.

Ее шаги, легкие и размеренные, звучали особенно отчетливо в этой гулкой тишине. Каждый звук отражался от стен, создавая мелодию, сопровождающую ее путь. Мысли Анны были сосредоточены на предстоящей встрече, на словах, которые ей предстояло произнести, ведь после той ситуации в подвале она не успела поговорить с императором и как-то объяснить свое поведение.

Приближаясь к массивным дверям, украшенным витиеватой резьбой, Анна почувствовала, как учащается ее пульс. Огромные дубовые створки, казалось, были созданы для того, чтобы отделить мир обыденный от мира власти. Вокруг дверей, в более глубоких нишах, стояли другие статуи, более крупные и внушительные, изображавшие древних правителей, чьи каменные лица выглядели грозно и непреклонно. Словно сама вечность взирала на нее, оценивая ее намерения.

За дверями, как она знала, ее ждал кабинет императора. Там, за столом из черного дерева, украшенным золотыми инкрустациями, ее будет ждать сам император, человек, чья мудрость в последнее время очень сильно хромала. Он все больше поддавался эмоциям, тем самым портя репутацию доселе ***самой великой империи Парга.***

Воздух здесь, у дверей, был более плотным, насыщенным ожиданием и, возможно, едва уловимым запахом чернил и старой кожи. Анна сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить волнение. Нельзя было выдать ни малейшего признака неуверенности.

Она пришла сюда с определенной целью: обсудить план полета, и спорить или защищать себя она не хотела.

Ее рука потянулась к холодной бронзовой ручке двери, покрытой тонким слоем утренней пыли, свидетельством того, что император не выходил с самого утра. С тихим скрипом, который, тем не менее, показался ей оглушительным в тишине, дверь поддалась.

Перед ней открылся просторный кабинет, залитый мягким светом из огромного окна, выходившего на внутренний двор. Мраморные колонны поддерживали высокий сводчатый потолок, а на стенах висели величественные гобелены, изображавшие сцены давно минувших битв и триумфов.

Император сидел за своим столом, спиной к ней, глядя куда-то вдаль.

Анна остановилась на пороге, ожидая, когда он ее заметит, готовая произнести первые слова.

— Прибыла со свитками? — Филипп все так же сидел спиной к двери, не поворачивая головы. — Не представляешь, насколько меня раздражает этот кабинет, эти гобелены, — он провел рукой, показывая на стены, — но я не могу их снять, они ведь *наследие предков*. — Последние слова Филипп произнес с открытым отвращением.

— Да, повелитель, принесла. — Анна старалась не поддаваться плохому настрою императора. — Вы как просили, я все

— ***Замолчи***! — в ушах эхом отозвалось давление ауры господина.

«Использовал водный покров смешно»

Внезапно закружилась голова и потемнело в глазах. Аура мага воды окутывает свою жертву, создавая пузырь, чтобы человек почувствовал себя на дне океана или впадины, с давлением в ушах и легких, а главное — его зрение, оно становится мутным, будто смотришь в грязную лужу.

Но это лишь ощущения: на самом деле человеку лишь на уровне чувств перекрывают осознание и пугают возможной смертью от удушения и слепоты.

— ***Неприятно, когда используют ауру***? — Филипп подошел вплотную к Анне, поднимая ее лицо за подбородок указательным пальцем. — Или тебе нравится, когда тебя душат? — шепнул на ухо император, сдавливая другой рукой шею Анны.

— Тебе бы на заставу границы защищать, а не со мной хм мериться. — Анна взглянула четко на Филиппа. — Но, видимо, ты сильно осмелел, ***брат***. — Император отпустил шею Анны и отошел на шаг назад.

— Как ты смогла? Я вложил все силы в ***покров*** — было видно, что брат был растерян: его сил и правда не хватило бы долго удерживать свое заклинание на Анне, хотя та даже не сопротивлялась.

Ее аура имела много секретов, и один из них — она подавляет любое давление и заклинание мага, направленное на нее. Некая неприкосновенность, как назвал когда-то эту способность Аракай, и именно с ней они работали в горах Морелии, ведь только обнаружив эту *мощь* внутри девушки, оказалось, что *аура* не может быть в спокойном состоянии при других магах.

Будучи в обществе людей, аура активировалась самостоятельно и атаковала, даже не имея врага поблизости. Аура Анны всегда находилась в режиме защиты и нападения, и пришлось вложить много усилий, чтобы ее контролировать. Только спустя два года в общине удалось полностью подчинить эту *силу*, и Анна смогла вернуться в столицу.

— Не стоит стараться ради меня. — Анна демонстративно отряхнула край темно-серого топа, который чуть съехал с плеча из-за рук Филиппа, оголяя ее грудь. — Твои действия не имеют смысла. Ты знаешь, я даже не напрягалась, а ты, — она указала пальцем на каплю крови, стекающую под носом у Филиппа, — вероятно, использовал достаточно манны, чтобы вот так меня оглушить.

Она его обезоружила своим безразличием. Униженный повторно, но уже, к счастью, без лишних глаз, император смотрел на своего генерала, чуть приоткрыв рот от страха.

А ведь Анна часто вводила людей в страх только своим присутствием. Воздействовать на нее было невозможно, и из-за этого у магов появлялось чувство безысходности во время споров с ней.

Но как таковой агрессивности в ней не было ни капли. Сарказм, ирония и самое главное —самоирония и адекватное отношение к ситуации — было, но не более. Она никогда не унижала и не пыталась доказать свою силу, давя на человека. Она прибегала к воздействию только в случаях необходимости.

Припугнуть — могла, остановить — могла. Но подавлять, дабы показать свое превосходство, — никогда.

Особенно на обычных людей, понимая их малый срок жизни и небольшой запас манны, который позволяет им всего лишь жить среди магов без последствий.

— Если ты успокоился, то давай перейдем к делу. — Анна обошла растерянного мужчину и присела на диван.

Все кабинеты в замке были похожи друг на друга, особенно своими приемными.

Всегда панорамное окно, крепкий дубовый стол и стул, ближе ко входу — два дивана и стол.Это был базовый набор для работы, остальное обустраивал владелец кабинета.

— Как скажешь, — Филипп стер кровь с лица и сел напротив Анны, забирая свитки со стола, которые Анна подготовила для него. — Так значит, с Раху неизвестно, а этот Александр, я с ним не знаком, — император подписал свиток и начал греть сургуч над свечой. — А ты?

Анна подняла взгляд.

Филипп сидел отвернувшись, полностью отдавая свое внимание ложке в руке, в которой уже почти растаял кусочек белого сургуча.

— Нет, я не знакома и даже ничего не слышала о нем, — она отрицательно покачала головой.

— А жаль, — он капнул сургуч на свиток и прижал печатью. — Насколько я знаю, Александр чуть младше меня, года на два, и рожден в начале года, зимой. — Печать застыла, и император слегка подул на нее. — Раху выдающаяся семья, особенно их глава, Симона, но Александр превзошел его. — Филипп отдал свиток Анне в руки.

Анна приняла свиток двумя руками, сворачивая его в трубку:

— Почему превзошел? Что вообще тебе известно про него? — Анна откинулась на спинку дивана и положила ногу на ногу, показывая желание развить разговор.

— Удобно уселась, — он улыбнулся. — Я знаю лишь, что генералом он стал совсем недавно и его приняла община Заякала. — Филипп пересел за стол. — Но тебе стоит быть с ним аккуратно: он маг огня, единственный пока в своей семье.

Маг огня для мага крови означал или друга, ближайшего, с кем можно было создать идеальный симбиоз в войне, или самого могущественного врага, который сожжет кровь внутри мага — ведь кровь и есть сама магия. Поэтому маг крови в частности избегает мага огня.

— Последний маг огня в подобной должности был около ста лет назад, при Эре Ягуара, не так ли? — Анна подошла к окну, закуривая.

— Да, они редко рождаются, но тем не менее. У него еще нет дракона, его аура нестабильна, а зная твою, — Филипп сморщился, — вряд ли ты сможешь спокойно находиться рядом с ним, поэтому будь осторожнее в его присутствии. — Он усмехнулся. — Разрешаю не жать ему руку при встрече.

— Да, два мертвых генерала армии не очень хорошо будет, — она смотрела на внутренний двор, где в это время шла тренировка Эми и Маркуса на клинках.

«Она никак не привыкнет к этой рукоятке, надо будет поменять её»

— Анна, ты слышишь? — Филипп коснулся её руки.

— Ты что-то говорил? — она отвлеклась от окна и взглянула на императора.

Его черные волосы отросли и почти закрывали серые глаза. Он выглядел очень молодо для своих лет.

А ведь этот бал выпадает на его юбилей — 35 лет не маленький возраст, но его черты лица смущали окружающих, которые считали его ровесником Анны.Из-за бала император отказался праздновать свой день рождения: он полетит на остров Равноденствия, отмечая лишь ежегодный праздник весны.

— Да, я сказал, что не желательно умирать вне войны, но насколько я знаю, Александр учтив, он не полезет к тебе. — Филипп убрал свою руку, отступая. — Как я, — еле шевеля губами произнес император, отворачиваясь от нее.

Анна забрала свитки и направилась во внутренний двор. После всего произошедшего ей нужно выдохнуть и отвлечься.

— Как ваша тренировка? — Анна перепрыгнула через ограждение из досок, попадая внутрь тренировочной площадки.

— Ты уже закончила? — Эми остановилась. — Хочешь присоединиться? — она направила острие клинка в сторону Анны.

— Да, думаю, надо развеяться, — она сняла плотные ботинки, утопая в песке босыми ногами, и выдохнула. — Кто готов? — озорная улыбка и её прищур слегка испугали Маркуса.

— Я пас. С тобой сейчас точно не выйду, — обезоруживающе подняв обе руки, он свернул к ограждению. — Бейтесь, дамы, я понаблюдаю, — облокотившись на деревянные доски, Маркус улыбнулся.

— Ну что, сестричка, составишь компанию? — Анна достала два кинжала, ловким движением руки жонглируя лезвиями, показывая своё мастерство.

— С удовольствием, *сестра*, — Эми приготовила свой клинок к бою.

Она не особо умела им управлять, поскольку её основным оружием был лук со стрелами, но в ближнем бою он пригодится больше, и Анна настаивала, чтобы Маркус обучал Эмильду.

Песок взметнулся смерчем, когда Анна, с двумя сверкающими клинками в руках, бросилась вперёд. Её движения были настолько стремительны, что казалось, будто она распадается на десяток теней, каждая из которых стремилась к цели.

Эми, напротив, двигалась плавно, её один клинок рассекал воздух с отточенной точностью. Но Анна была неуловима, словно мотылёк, танцующий на краю пламени. Эми пыталась удержать её в поле зрения, её клинок двигался по широким дугам, пытаясь поймать стремительную противницу. Но Анна уже была где-то ещё.

Она то появлялась сбоку, её кинжалы опасно сверкали, рисуя угрожающие восьмёрки, то исчезала, оставив Эми лишь пустой воздух и нарастающее чувство беспокойства.

Песок под ногами Анны становился её союзником, каждое её перемещение было настолько резким, настолько непредсказуемым, что Эми лишь раз за разом предугадывала её, но не успевала среагировать. Однажды Анна мелькнула перед глазами Эми, и клинок противницы описал широкую дугу, но та уже была за её спиной. Один из её кинжалов легко скользнул по руке Эми, оставляя тонкую астру кровавого следа. Эми вскрикнула, но не от боли, а от ярости. Она снова развернулась, чтобы встретить следующий натиск, но Анна вновь растворилась в развевающемся песке, оставив после себя лишь эхо стремительного боя.

Ярость прилила к лицу Эми, смешиваясь с потом и песочной пылью. Кровоточащая рана на руке разжигала в ней дикую силу, но Анна, казалось, питалась этой энергией, становясь от этого ещё более неуловимой. Эми рассвирепела. Она подняла свой клинок, желая разорвать пыльное покрывало, скрывавшее её противницу, но Анна была тенью, ускользающей от яркого света.

Внезапно Анна издала боевой клич, который, казалось, вырвался из самой пустыни. Она бросилась вперёд, но на этот раз её движения были не только быстрыми, но и предсказуемыми. Эми, почувствовав это, встретила её. Два клинка столкнулись с оглушительным звоном, высекая сноп искр.

— Думаю, достаточно на сегодня. Ты молодец: смогла меня уловить, хотя бы взглядом. — Тяжело дыша, Анна смотрела на Эми, не опуская свои клинки. Они всё ещё стояли, вцепившись друг в друга.

— Спасибо за бой. Редко можно встретиться с таким мастерством, как у тебя. — Эми нежно улыбнулась, хотя недавно они пытались ранить друг друга. — Жаль, что ты редко со мной выходишь в спарринг.

— У тебя вон Маркус-солнышко есть. — Анна отозвала своё оружие, и кинжалы пропали из её рук.

— А что я? Мы тренируемся, но мне с тобой не сравниться. — Юноша подошёл ближе. — Куда убрала? Дай гляну хоть на них. — Маркус протянул руку, желая осмотреть кинжалы.

Анна снова призвала своё оружие.В их сияющих лезвиях, будто в зеркалах, отражалась сама двойственность мира: свет и тьма. Один, словно сотканный из лунного серебра, источал мягкое, призрачное свечение; его гладкая поверхность переливалась отблесками неизвестных созвездий.

Узоры, выгравированные по всей длине клинка, напоминали тончайшие ветви деревьев, покрытых изморозью, или нити паутины, окутавшей спящий мир. Гарда его, выполненная из благородного золота, изгибалась подобно крыльям мифической птицы, готовой воспарить в небо, а навершие представляло собой изящный гребень, устремлённый вверх, словно корона.

Рядом с ним, его антипод, был выкован из ночной тьмы; его клинок поглощал свет, оставляя лишь зловещее огненное зарево у самого острия. Его поверхность была усыпана крошечными мерцающими точками, подобными далёким звёздам, затерянным в космосе. Гарда, чёрная, как сама бездна, повторяла причудливые формы, напоминавшие сплетение колючих лоз или чешую неведомого чудовища. В его изгибах скрывалась угроза, обещание скорого конца, элегантно сдержанное в изящной форме.

Обе рукояти, обмотанные витым металлом, создавали ощущение крепости и надежности. В них чувствовалась древняя сила, мудрость веков, заключённая в столь смертоносный предмет.

Каждый из них — творение искусства, шедевр кузнечного мастерства, предназначенный для тех, кто ценит красоту в силе, а в смерти — изящество. Они были созданы не для того, чтобы просто убивать, а для того, чтобы наносить удар с такой грацией, которая превращала бы акт насилия в мрачный балет, где лезвие — лишь искусно написанная строка в драматической пьесе.

— Они невероятны. Их ковали в Эренгеле, на заказ, как понимаю? — Маркус дрожащими руками держал эти произведения искусств. — Могу я? — Молящими глазами он просил испробовать их в бою.

— Нет, прости, не могу. Они впитывают мою ауру во время боя, они тебе навредят. — Анна забрала кинжалы и снова скрыла их.

— Эх, жаль. Очень жаль. — Понурив голову, юноша удалился.

После боя было решено идти отдыхать, притом что у Маркуса были дела в казарме. Завтра отправляют первых драконов по городам для последующих перелётов на остров.

— Ты мне льстишь. Есть люди и сильнее меня. — Анна и Эми возвращались в комнаты.

— Сильнее тебя я не встречала и не хочу. — Эми обняла сестру и мягко улыбнулась. — Если кто-то есть сильнее тебя – значит, нам недолго быть вместе, и вам с ним не уместиться в этом мире

— Поживём – узнаем. — Анна улыбнулась в ответ. — Иди спать. Завтра уже отправляются первые драконы на перелёт. Возможно, и тебя отправят. — Она подмигнула.

По правде говоря, Эмильду не одобрили на бал, но она сможет хотя бы глазком увидеть замок острова весеннего равноденствия, когда будет перевозить гостей на парящий остров.

Эми на своем драконе будет перевозить одну из семей Эллиоса, насколько помнила Анна, кого-то из придворных дам короля. Не сильно важная персона, а значит, сильного высокомерия не должно быть. Анна уснула с легкой усталостью, хотя день был не из легких, особенно учитывая последние заскоки у Филиппа.

Его странное поведение, желание прогнуть её, показать место было внезапным. Ранее такого отношения не было, они были на равных, хотя по силам Анна превосходила его. Между ними было уважение: он старался не сильно уступать ей, а Анна, в свою очередь, берегла его самооценку и не пыталась лишний раз проявляться. В конечном итоге, он император, хоть и не слишком выдающийся.

В это утро Анна проснулась слишком рано. Быстро одевшись, поспешила отправить первых драконов, в числе которых была Эмильда. Около 20 пар драконов были направлены в разные части континента, чтобы собрать в одном месте более 50 человек для торжества в день весеннего равноденствия.

Каждый из приглашенных ответил согласием на встречу и, подтвердив свитки своими печатями, ожидал почтенных гостей — драконов Парга. В некоторых семьях приглашенных не было всадников, потому они были благодарны, когда император Парга, дружественной страны, предлагал помощь своих людей. Благо, в его империи драконов было достаточно. Анна отправила последних драконов и вернулась в кабинет.

Там её ожидало письмо с рыжей печатью и гербом империи Грандия.

— Госпожа, только что принесли, буквально 10 минут назад, — Руфи стояла возле стола, переминаясь с ноги на ногу.

— А ты чего такая, — Анна не могла понять, в чем дело, её служанка выглядела слишком смущенной, — странная стоишь, будто Маркус голый пробежал перед тобой, — она усмехнулась и направилась к столу.

— Нет, госпожа, Маркуса не было, но мужчина, что принес письмо, — Руфи вся покраснела, — был так галантен, давно я не встречала таких, чтоб и красивый, и учтивый был.

— Ладно уж, видимо, посыльный был слишком для тебя учтивый, — Анна сломала печать и развернула письмо. Там был четкий почерк с острыми буквами и короткими предложениями.

Добрый день, госпожа Аннастасия. Имею право просить прощения за столь несообразное поведение. В связи с некоторыми событиями я не смогу присутствовать на балу. Моя семья по ошибке отправила свиток с неверными данными.

Потому спешу вам сообщить, что дракона на моё имя выписывать необходимости нет.

Ещё раз прошу у вас прощения.

А. Раху

— Говоришь, был учтивый и галантный? — Анна обомлела от прочитанного.

— Да, и очень красивый и высокий, — Руфи мечтательно закатила глаза, вероятно, вспоминая того загадочного человека.

— Как он представился? — Анна почувствовала, как её руки начинают нервно трястись.

— Его имя — Александр, насколько помню, но фамилию не запомнила. Он как зашёл — я забылась, — Руфи всё продолжала щебетать про этого человека, не замечая, что Анна уже стояла у стола.

Она поняла, что генерал армии Грандии лично пришёл к ней в кабинет.

Маг огня разгуливал по замку, там же, где, возможно, проходила она.

А если бы они встретились? А если бы она пришла вовремя, а не опоздала? Как бы отреагировала её аура на столь сильного человека?

Такого восторга, как у Руфи, Анна бы точно не испытывала.

— Он хотел лично вас дождаться, но я сказала, что вы надолго, и он ушёл, — Руфи заглянула в глаза госпожи, возвращая её мысли в настоящее.

— Разминулись, значит, — тихо произнесла Анна, усаживаясь обратно на стул.

— Да, но он так уверенно сказал: «*Думаю, мы ещё увидимся с госпожой, континент маленький*», я даже удивилась, — Руфи присела на диван и положила голову на руки в позе мечтателя.

— Что, удивилась? Почему? — Анна постепенно возвращалась, отодвигая нервное напряжение всё глубже, осознавая, что те сценарии, которые она прописала в своей голове, могли быть совершенно иными.

— Так как же? — Руфи вскинула руками в удивлении. — Континент-то совсем не маленький, потому он меня удивил прям, — она с наивностью говорила так, не понимая, что для магов его силы континент был и правда не большой.

Конечно, возможно, её аура спокойно отнесётся к Раху, но и вероятность, что она может выйти из спящего состояния и перейти в режим защиты, а значит, что *покров* будет полностью подвластен этой самостоятельной единице, очень высока, и рисковать Анна не хотела.

Избегать возможности нет, но минимизировать общение и контакт — возможность есть.

«Раз на то было веление судьбы — не будем противиться случившемуся».

Анна спланировала их встречу и то, как она будет себя вести и контролировать состояние при столь сильном маге. Внезапная встреча испортила бы все возможные планы.

Но иногда люди могут положиться на судьбу — так проще, ведь ответственность тогда несут не люди, совершившие ошибки, а та самая бедная «судьба», берущая на себя эту вину.

— Раз так, я благодарна, что он вовремя принёс это письмо, поскольку их драконы отправляются вечером, во второй перелёт, — Анна сложила письмо и убрала в стол.

— Я думаю, он вам не понравился бы, госпожа, — Руфи всё так же сидела на диване.

— Почему? Он же учтив и галантен, как ты описала, — Анна решила подшутить над мечтательной Руфи. — Как такие могут не нравиться?

— Вам такие не нравятся.

— А какие мне нравятся? — удивилась Анна: неужели служанка знает больше о её предпочтениях, чем она сама?

Руфи глубоко вздохнула и расправила плечи, набираясь то ли воздуха, то ли храбрости.

— Вам нравятся те, кто вас слушает и молчит, делает, как вы говорите, не спорит. Вот такие — ваш типаж.

— Ха-ха-ха, — Анна залилась громким хохотом, — ты с чего такое взяла, милая? Где я такое говорила?

Руфи побледнела:

— Ну как же, мужчины вокруг вас именно такие, — девушка начала загибать пальцы, перечисляя: — Маркус всегда молчит, всегда позади вас, выполняет всё, что вы говорите. И что самое главное, — Руфи подняла указательный палец вверх, — вы позволяете ему общаться с вами неформально, и это только ему, между прочим.

Она продолжила:

— А как же Лукас? Он вообще иногда такое позволяет себе, а вы всё равно не сильно его наказываете. Он тоже никогда не спорит и молчит, — Руфи кивнула в знак согласия, — а на остальных вы смотрите как на врагов, особенно если они начинают спорить или отказываться подчиняться.

Анна задумалась. Ведь верно: она позволяла этим двоим и правда достаточно вольностей, но они были её ближайшими людьми, которым она доверяла как себе.

«***Главное, чтоб не подвели***».

— Руфи, ты заблуждаешься. Не обращай внимания, займись лучше обедом, — Анна отмахнулась от служанки, не желая продолжать разговор.

Она сама знает, где её слабости, и Руфи была права. Анна дорожила этими двумя, как и Эмильдой.

Эми была ей самой близкой из всех. Не имея на этой стороне моря никого из родных, ни отца, ни матери, две сестры стояли друг за друга, понимая ценность жизни каждой.

Сил им было дано предостаточно, особенно старшей Анне, и она выкладывалась максимально из возможного, показывая невероятные результаты в боях и на арене жизни.

Впервые она проявила себя на Зеленой пустоши. Это случилось 23 июня 176 года Эры Дракона.

Тогда ей исполнилось 22 года, и жители города Микаяла решили присвоить себе восточные кладки яиц, которые были созданы лично Анной и Маркусом. Только одно единственное место — восток хребта гор Эвалар —драконы приняли и создали там свои поселения, разложили яйца и бережно охраняли вместе с людьми.

Но жители Микаяла решили, что Парга много на себя берет, и двинулись в их сторону, вооружив почти четыре сотни человек, дабы поставить на колени великую империю.

Они прибыли вечером, когда их совсем не ждали, без объявления войны или предупреждения о нападении. Надеясь на эффект неожиданности, решили, что смогут победить.

Смеркалось. Небо над Парга заливалось кроваво-красными оттенками, предвещая недоброе. На горизонте, словно выползая из тьмы, показались знамена империи Микаяла. Четыре сотни закаленных воинов, облаченных в темную, потертую броню, двигались единой, зловещей массой. Их шаг был тих, но в нём слышался лязг оружия и низкое, угрожающее бормотание — предвестие надвигающейся бури.

Они шли, тихо наговаривая гимн своей страны, дабы не растерять ту злость, что в них сидела, и набраться храбрости.

Их лица были скрыты под стальными шлемами. За спинами колыхались потрепанные стяги с изображением черного ворона — символом их беспощадной силы. Армия Микаяла подошла к стенам города, тенью накрыв окрестности. Воины начали расставлять осадные орудия, их движения были быстрыми и точными.

Но им не хватило ни времени, ни сил, чтобы начать оккупацию города.

Анна поднялась на стены. Одна.

В тот миг, когда её взгляд встретил надвигающееся войско Маякала, из глубин её души хлынула сила, невидимая, но ощутимая. Её аура, цвета густой, свежей крови, начала расширяться, поглощая горизонт. Это было не просто свечение — это была субстанция, пульсирующая первобытной мощью, сотканная из тишины и бесконечного ужаса.

Эта кровавая дымка, подобно живой сущности, медленно, но неумолимо обволакивала всё вокруг, заглушая даже звуки природы. Воины Маякала, гордо стоявшие у своих осадных орудий, замерли. Их глаза, расширенные от ужаса, не могли отвести взгляд от приближающегося кошмара. Орудия, призванные нести разрушение, стали безмолвными свидетелями их собственного скорого конца.

Аура Анны была не просто визуальным устрашением. Она стала физическим воплощением её силы. Она обволакивала каждого врага вязкой, удушающей вуалью, вытягивая из них жизненные силы. Воздух становился густым, словно кровь, разбавленная тысячами эхом страха. Каждый вдох, каждый удар сердца давался с нарастающей мукой.

Один за другим воины Маякала начали падать замертво, их тела испускали последние, хриплые вздохи — их души были вырваны из пут удушающего покрова. Перед глазами потрясенных союзников, а также тех, кто ещёоставался стоять, происходило нечто ужасающее. Глазные яблоки несчастных, не выдерживая чудовищного внутреннего давления, лопались, вытекая из пустых глазниц. Кровь, словно бурлящий поток, хлынула изо рта, носа и ушей, окрашивая землю в кровавые узоры.

Когда предводитель армии Маякала, в ужасе наблюдавший за происходящим, понял, что происходит, он направил всю свою оставшуюся силу, чтобы перекрыть её, Анну, своим собственным защитным покровом.

Он надеялся спасти хоть кого-то из своих воинов, хоть малую часть разбитой армии. Но как только он попытался оказать сопротивление, столкнувшись с неукротимой мощью Анны, её кровавая аура, словно разъяренный зверь, обрушилась на него.

Покров предводителя был разорван в клочья, и сам он, под натиском немыслимой силы, превратился в облако алых брызг, рассеявшееся по ветру, как зловещее напоминание о цене противостояния.

После случившегося Анна около недели восстанавливалась в общине Маракая. Она была крайне истощена; та необузданная сила, которую она выплеснула, и колоссальный объем потерянной маны вытянули из нее все жизненные соки. Каждое утро Анна просыпалась, ощущая давящую слабость, словно тело ее стало чужим. Ее некогда яркие глаза потускнели, под ними залегли темные круги, а кожа приобрела бледный, восковой оттенок. Движения ее были медленны и осторожны, каждое усилие давалось с трудом.

За ней ухаживали волхвы общины – древние, с мудрыми морщинами, исчерченные временем, и добрыми, внимательными глазами. Их руки, покрытые шрамами прошлых битв и опытом целительства, бережно касались ее, накладывая компрессы с ароматными травами и шепча древние слова утешения.

Они приносили ей густые, питательные отвары, приготовленные из редких растений, которые, казалось, возвращали цвет ее бледным губам и разглаживали мелкие морщинки на ее лбу.

Они смогли вытянуть ее из этого состояния, ведь тот объем маны, который она потеряла, используя покров на более чем 400 человек одновременно, был невообразимо большим.

— Ну, госпожа, возможно, я и не права, но это лишь мои наблюдения, — Руфи решила прибраться на столе снова, ища невидимые крошки и сметая их себе в руку.

— Я не обвиняю тебя, наблюдай, ведь это часть твоей работы, — Анна продолжила писать за столом, не поднимая головы.

Руфи скрытно улыбнулась, ведь это было так.

Она принадлежала к числу тех, чья репутация была окутана завесой тайны. Ее мастерство владения кинжалом и другими, куда более изощренными орудиями, было не просто результатом долгих тренировок, оно было отточено до совершенства под руководством самой Анны – легендарной фигуры, чье имя вызывало трепет даже у самых отъявленных головорезов.

Анна, будучи сама непревзойденной в искусстве скрытности, смогла раскрыть Руфи, обучив ее превращаться в невидимку, бесшумно скользящую сквозь самые неприступные крепости и самые бдительные патрули.

На заданиях она была, по сути, призраком. Ее присутствие ощущалось лишь по результатам – выполненная задача, устраненная цель, добытые сведения. Она была той тенью, которая либо мелькнет на периферии сознания, либо вовсе не оставит следа, создавая ощущение, что ее никогда и не было. Никто из ее жертв или свидетелей не мог вспомнить ее лицо, ее голос, ее движения.

Она была эфемерной, неуловимой, как дым, рассеивающийся в воздухе.

Однако стоило ей оказаться вне пределов своих профессиональных обязанностей, как вся ее хладнокровная расчетливость уступала место совершенно иной роли.

В обществе Руфи превращалась в олицетворение наивности и глупости. Ее звонкий, зачастую неуместный смех, ее странная, вычурная манера говорить, ее рассеянный взгляд – все это было тщательно сконструированной маской. Никто и никогда не мог заподозрить в этой очаровательной, но слегка нелепой девчушке смертельно опасного наемника Империи.

Эта двойственность была ее главным оружием, позволяя ей оставаться незамеченной и недооцененной, пока не наступал нужный момент.

— Больше мне твоя помощь на сегодня не пригодится, — Анна закрыла папку с бумагами и направилась к выходу. — Приготовь мне на завтра одежду для полета, что-то свободное, пожалуй. Я не планирую отдыхать на балу, можно не праздное.

Она вышла, не закрыв за собой дверь.

— Да, госпожа, — Руфи поклонилась.

«*Опять не закрыла дверь*», — служанка пошла к двери, когда голос

«*Громко думаешь, Руфи*», — Анна шла спиной к ней, всё дальше по коридору, но её голос зазвенел в голове девушки.

Кровавая нить, исторгнутая из пальцев Анны, заструилась по коридору, словно оживший змей.

«***Путы***»

В тот же миг коридор преобразился.

Потемневший, он начал заливаться алым цветом, будто тысячи ран одновременно открылись на его стенах. Это была не просто краска, а субстанция, живая и тяжелая, несущая в себе отголоски боли и страха. Алый цвет пульсировал, становился то глубже, то светлее, подражая ритму бьющегося сердца.

С треском, который эхом разнесся по и без того пустующему пространству, нить достигла двери и с силой захлопнула её прямо перед лицом служанки.

Анна, казалось, втянула в себя этот новый, ужасающий мир. Приказ, исполненный ею, растворился в ней самой, как будто никогда и не был внешней силой. Всё, что ещё пару мгновений назад казалось реальным — очертания стен, слабый свет, — начало исчезать, словно подвергаясь забвению. Анна словно стирала само своё присутствие, оставляя за собой лишь эхо силы.

Руфи, ставшая невольной свидетельницей этого акта трансформации, застыла, вцепившись в себя. Аура Анны, невидимая, но ощутимая, как ледяное дыхание, сковала её. Страх, холодный и парализующий, пронзил её насквозь, не давая пошевелиться, не давая даже вздох-

нуть. Она была лишь крошечной песчинкой перед неумолимой мощью, которая только что перекроила реальность по своему приказу.

«*Прошу прощения, госпожа*», — Руфи поклонилась закрытой двери и, услышав в конце коридора еле слышный смех Анны, выдохнула.

— Вот надо было мне языком чесать. Надо бы сходить к Маки, может, мои печати ослабли, — она взглянула на отметины на своих руках — те всё также были ярко выражены. — Вроде нормально, но я схожу всё равно пожалуй, мало ли что — она убрала последние вещи со стола и удалилась из кабинета.

На следующее утро отправлялись драконы Филиппа, Анны и Маркуса на Бал равноденствия.

— С днём рождения, повелитель, — Маркус подошёл к дракону императора и поклонился.

Тот сидел уже верхом и ждал последние приготовления.

У Филиппа был металлический дракон, чуть больше обычных. Такие выходят единично в помёте самки.

Их одежда для полётов была либо удобная, либо праздная. Лёгкая, словно сотканная из ночи, ткань облегала стройное тело Филиппа, не стесняя движений.

Глубокий, угольно-чёрный цвет костюма сочетался с драконом, делая всадника невидимым на спине существа. Шёлк, обработанный особым образом, нежно касался кожи, даря ощущение прохлады и невесомости.

По всей длине брюк тянутся тонкие, серебристые нити, вышитые в виде древних рун. Они мерцают при каждом движении, отражая свет далёких созвездий, словно карта небесных путей.

Свободная туника с широкими рукавами, напоминающими крылья, ниспадает до середины бедра. Она не сковывает, позволяя ветру играть с тканью, создавая призрачный шлейф позади летящей фигуры. Воротник-стойка, отделанный бархатом, добавляет образу благородства и загадочности, скрывая шею, но оставляя лицо открытым для встречного ветра.

На груди вместо тяжелых орденов — изящный кулон в форме стилизованного дракона, выполненный из обсидиана. Его крылья распахнуты, а глаза инкрустированы крошечными изумрудами, сверкающими зелёным огнём. Перчатки из тончайшей кожи, переходящие в длинные манжеты, плотно облегают руки. Они не мешают управлять драконом, но защищают от ледяного дыхания высоты. На пальцах — кольца с чёрными агатами, усиленные древней магией.

— Благодарю, Маркус, но сегодня мы отмечаем бал, — Филип проверил поводья и крикнул: — Анна, ну наконец-то, долго ждём уже. — Она шла к своему дракону, протирая глаза.

— А ты, смотрю, принарядился, — она кивнула в сторону его перстней, — прямо как богач сидишь, — она усмехнулась. Многие из придворных скрыли свои улыбки.

При выборе одежды на подобные съезды придворная семья одевается в одной цветовой гамме. Потому Анна была одета похоже, но чуть проще, нежели её *брат*. Тёмная облегающая туника, подобно второй коже, с глубоким V-образным вырезом, украшенным замысловатым плетением, открывает ключицы, создавая контраст между нежностью и суровой реальностью.

Её ткань, матовая и мягкая, словно сдержанный шёпот, намекает на свободу движений, необходимую для боя или долгого пути. Из-под туники выглядывают длинные, плотно облегающие нарукавники цвета древесной золы, переходящие в митенки. Они обнимают предплечья, защищая от ветра и холода, но оставляя пальцы на воле — тонкий намёк на ловкость и готовность к действию.

На талии — сложный узел из тёмно-коричневых и терракотовых лент. Они переплетаются, образуя тугой пояс-ремень, который держит на себе несколько слоёв ткани, напоминающих асимметричную юбку или набедренную повязку. Эти слои, грубые и небрежно обвязанные, придают образу оттенок дикости, будто они собраны наскоро из подручных материалов.

Спутанные пряди золотистых волос, заплетённые в объёмную косу, свободно ниспадают на плечо, развеваясь на ветру. Отдельные пряди выбиваются, обрамляя лицо, и теряются в лёгкой дымке, словно отражая непокорный дух своей владелицы. Лёгкий, едва заметный блеск серебряных серёг в ушах, напоминающих перья или острые осколки, добавляет финальный штрих к образу загадочной воительницы.

— Почему так дико одета? Ты идёшь на приём, Анна! — Филипп властно прикрикнул, показывая своё недовольство.

Её внешний вид и правда не подходил на приём, но такова она была.

— Повелитель, я генерал армии, а не придворная принцесса. Пожалуй, это, — она осмотрела себя с ног до головы, — вполне себе разумно выглядит.

Филиппу оставалось только недовольно отвернуть лицо. Его дракон был готов, и тот взмыл в небо, оставляя дым из песка.

— Готово? Всё, погнали тогда, — Маркус и Анна переглянулись и последовали за своим императором. Больше из дворца никто не летел.

Не приглашены. Так решил Филипп.

Если Парга, ближайшая империя, что стояла у подножья гор Эвалар и недалеко от гор Морелия, могла позволить себе держать более трех сотен драконов, то более дальние империи, такие как Грандия или Эллиос, могли содержать не более сотни драконов. Большинство из них были водными, не предназначенными для дальних перелетов, или воздушными, позволявшими перевозить не более одного человека — своего солдата.

Самые подходящие драконы для дальних перелетов были металлические. Самая большая популяция таких драконов была выведена и контролировалась лично Анной Вассилевски в горах Морелия.

И значит, ни Грандия, ни Эллиос не имели достаточного количества этих драконов.

— Ну как дела обстоят с письмами? — Маркус зашел в кабинет Анны, где царила атмосфера спокойствия и сосредоточенности.

Входная дверь кабинета была оформлена массивной дверью из темного дуба, подчеркивающей солидность помещения. Напротив двери, у большого окна, за которым простирался оживленный городской пейзаж, стоял письменный стол. Его полированная поверхность отражала мягкий свет, проникающий сквозь стекло. Классический стул с высокой спинкой, обитый дорогой кожей, был гордостью Анны.

Центральное место в комнате занимал прямоугольный журнальный столик. На нем располагалась стопка журналов и пара свечей. По обеим сторонам от журнального столика стояли уютные диванчики для гостей. Мягкая обивка нейтральных тонов создавала ощущение комфорта и мягкости.

Вдоль стен располагались полки с большим количеством книг, полностью занимая все пространство от дверей до окна.

— Да, заканчиваю. Остались только семья Раху и Овва. Но последние вроде сами могут, их там двое. А вот Раху из Грандии, — Анна вздохнула и откинула волосы с лица. — Тех вроде то ли четверо, то ли трое. Им явно нужно больше одного дракона, а всадника там нет. — она откинулась на спинку стула. — Значит, надо отправлять с нашими

Маркус закрыл дверь и плюхнулся на диванчик вблизи Анны.

— Убери ноги со стола, не наглей, — Вассилевски вскочила со стула от злости.

— Все, все убираю, — юноша поднял руки и медленно убрал ноги с журнального столика. — А Раху зачем так много летят? Кто там вообще прописан?

Зога обошел диван и встал сзади Анны, пытаясь прочесть имена на свитках.

— Пока прописаны: Зульфия Раху, Симона Раху, Томиас Раху и почему-то под вопросом Александр Раху.

— Странный составчик, конечно, — Зога взял в руки свиток. — Но не удивлен. Александр обязан там быть, насколько я помню, он недавно стал новым генералом армии Грандии. Вам бы познакомиться с ним, говорят, загадочная персона. — юноша вернул свиток в руки Анны.

— Ну, в принципе, понятно. Две девушки, два юноши. Надо бы им кого-то из твоих драконов дать, да? — Анна выписала имена в свой блокнот, обводя имена мужчин черным, а женщин — красным.

— Симона — это отец семейства, не девушка, а вполне себе суровый мужчина. — Маркус ткнул пальцем в цвет ручки под именем «*Симона*». — Там их вообще большая компания: Томиас Раху, который будет на балу, вполне себе интересный и добродушный малый. Мы с ним встречались на западной заставе Эвалар, он тогда приехал своих людей забрать после стычки в лесах, маг воды вроде как был. А вот ещё сестра у них есть, — Маркус растянулся на диване, заложив руки за голову, — Алисента, милая девочка, но помешанная на горах и всём, что с ними связано. Маг земли, собственно.

— Не удивительно, маги земли в принципе странные. — Анна знала, такой камень в свой огород Маркус заметит.

И правда, он резко повернулся и насупился, делая неприятную рожицу.

— Алисента и Томиас вроде на пределе 5 и 7 уровня, они молодые, чуть старше меня. А вот Зульфия и Симона —это тяжёлая артиллерия, они главы семейства и сейчас являются одними из главных советников страны Грандия. Она маг воздуха, он маг земли — мощная парочка. Только вот Зульфия редко куда-то выбирается, странно, что она в списках. — Маркус лежал на диване, не поменяв позы.

— Ты откуда столько знаешь, друг? — Анна сверлила взглядом юношу, а тому было всё равно.

— Так наш Рец оттуда, его же перевели где-то года три назад, вот он всё и рассказывал. Ты тогда в горах Морелия была. — Маркус внезапно вскочил: — Точно, мне же к нему надо, а то я заболтался тут. — Юноша второпях вылетел из кабинета, не закрывая даже дверь.

Да уж, а про Александра не рассказал, дурачок

— Что у вас за привычка у всех? — Руфи зашла в кабинет, закрывая дверь, в руках она несла поднос с графином и чашками с сахаром. — Не закрывать за собой двери.

— Так тебе удобнее, руки-то заняты, а дверь уже открыта. — Анна указала на поднос и улыбнулась.

Руфи в ответ только закатила глаза:

— Присаживайтесь, попейте чайку, отдохните. — Девушка указала на стол и присела на диван.

— Как вы после того сна? Ещё что-нибудь снилось, что можно было бы связать с ним? — Руфи сидела на диване словно струнка, а Анна медленно распивала горячий чай, принесённый служанкой.

— Нет, ничего не снилось, но чувствую, он не к добру. Возможно, нужно слетать в Маракая, поговорить с Аракаем, думаю, он подскажет что-то

— Боги, вы хотите полететь в эту общину волхвов? Они же все там чокнутые. — Руфи сморщилась.

Маракая — община волхвов, созданная Аракаем, старейшим из трех могучих волхвов. С 20 до 22 лет Анна обучалась у него контролю магии крови: из-за быстрого развития ауры и роста манны она не могла ее полностью контролировать. Аракай многому ее научил, он стал ей духовным наставником, и она доверяла ему многое.

«Но то, что они немного странные, Руфи права»

— Какими бы странными они ни были, но мудрее их я не знаю, — Анна поставила чашку с чаем и вернулась за стол. — Разберусь позже, сейчас куча дел с этими Раху .

Послышался скрежет ручки по листку, и Руфи поняла, что Анна продолжает работать. Медленно убрав со стола, она удалилась по своим делам.

В мирное время у Анны не особо много забот. Она смогла за два года выстроить идеальную систему управления.

У нее есть два главных капитана: Маркус Зога, который отвечает за все восточные кладки яиц, а также за обучение всех бойцов в рамках империи, когда те проходят срочную службу в течение года, а далее распределяются по основным линиям защиты и заставам для дальнейшей службы империи.

И Лукас Рец, капитан, который отвечает за заставы и их действия, за тех солдат, которые после обучения попадают по распределению. Также на нем висит полная экипировка всех военных драконов и их проживание. И на данный момент он единственный ответственен за установление главных капитанов каждой роты в каждом отделении и контроль их работы.

Если проще: Маркус отвечает за войска и солдат внутри столицы, Лукас отвечает за внешних бойцов и заставы защиты границ империи. Вот у них-то работы неимоверно много.

А Анна в свое время следит за каждым: шагом, солдатом, действием и драконом. Ее глаза везде, и каждый шаг ееподчиненных отслеживается. Она не позволила бы себе валять дурака и отдыхать, когда солдаты работают на благо империи. Ее обязанности разносторонние, потому намного сложнее приходится генералу армии.

«Надо отнести списки Филиппу, договориться о распределении»

Анна ступила в коридор, и тишина замка окутала ее, словно бархатный плащ. Стены, сложенные из безупречно белого кирпича, мерцали в приглушенном свете, проникающем сквозь узкие высокие окна. Каждый камень, казалось, хранил эхо веков, шепот прошлых событий и дыхание истории. Пол, покрытый гладкой, отражающей свет белой плиткой, придавал коридору вид бесконечного сияющего пути, ведущего в самое сердце замка.

Вдоль стен, в строгих нишах, застыли рыцари. Их статуи, высеченные из камня, с дотошной точностью передавали каждую деталь доспехов, каждый изгиб меча, каждый суровый взгляд. Они были безмолвными стражами, чьи каменные очи, казалось, следили за каждым движением Анны, напоминая о долге, чести и силе, которые когда-то олицетворяли. Нежный, едва уловимый запах полированного камня и старого воска витал в воздухе, смешиваясь с легкой прохладой, исходящей от массивных стен.

Ее шаги, легкие и размеренные, звучали особенно отчетливо в этой гулкой тишине. Каждый звук отражался от стен, создавая мелодию, сопровождающую ее путь. Мысли Анны были сосредоточены на предстоящей встрече, на словах, которые ей предстояло произнести, ведь после той ситуации в подвале она не успела поговорить с императором и как-то объяснить свое поведение.

Приближаясь к массивным дверям, украшенным витиеватой резьбой, Анна почувствовала, как учащается ее пульс. Огромные дубовые створки, казалось, были созданы для того, чтобы отделить мир обыденный от мира власти. Вокруг дверей, в более глубоких нишах, стояли другие статуи, более крупные и внушительные, изображавшие древних правителей, чьи каменные лица выглядели грозно и непреклонно. Словно сама вечность взирала на нее, оценивая ее намерения.

За дверями, как она знала, ее ждал кабинет императора. Там, за столом из черного дерева, украшенным золотыми инкрустациями, ее будет ждать сам император, человек, чья мудрость в последнее время очень сильно хромала. Он все больше поддавался эмоциям, тем самым портя репутацию доселе ***самой великой империи Парга.***

Воздух здесь, у дверей, был более плотным, насыщенным ожиданием и, возможно, едва уловимым запахом чернил и старой кожи. Анна сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить волнение. Нельзя было выдать ни малейшего признака неуверенности.

Она пришла сюда с определенной целью: обсудить план полета, и спорить или защищать себя она не хотела.

Ее рука потянулась к холодной бронзовой ручке двери, покрытой тонким слоем утренней пыли, свидетельством того, что император не выходил с самого утра. С тихим скрипом, который, тем не менее, показался ей оглушительным в тишине, дверь поддалась.

Перед ней открылся просторный кабинет, залитый мягким светом из огромного окна, выходившего на внутренний двор. Мраморные колонны поддерживали высокий сводчатый потолок, а на стенах висели величественные гобелены, изображавшие сцены давно минувших битв и триумфов.

Император сидел за своим столом, спиной к ней, глядя куда-то вдаль.

Анна остановилась на пороге, ожидая, когда он ее заметит, готовая произнести первые слова.

— Прибыла со свитками? — Филипп все так же сидел спиной к двери, не поворачивая головы. — Не представляешь, насколько меня раздражает этот кабинет, эти гобелены, — он провел рукой, показывая на стены, — но я не могу их снять, они ведь *наследие предков*. — Последние слова Филипп произнес с открытым отвращением.

— Да, повелитель, принесла. — Анна старалась не поддаваться плохому настрою императора. — Вы как просили, я все

— ***Замолчи***! — в ушах эхом отозвалось давление ауры господина.

«Использовал водный покров смешно»

Внезапно закружилась голова и потемнело в глазах. Аура мага воды окутывает свою жертву, создавая пузырь, чтобы человек почувствовал себя на дне океана или впадины, с давлением в ушах и легких, а главное — его зрение, оно становится мутным, будто смотришь в грязную лужу.

Но это лишь ощущения: на самом деле человеку лишь на уровне чувств перекрывают осознание и пугают возможной смертью от удушения и слепоты.

— ***Неприятно, когда используют ауру***? — Филипп подошел вплотную к Анне, поднимая ее лицо за подбородок указательным пальцем. — Или тебе нравится, когда тебя душат? — шепнул на ухо император, сдавливая другой рукой шею Анны.

— Тебе бы на заставу границы защищать, а не со мной хм мериться. — Анна взглянула четко на Филиппа. — Но, видимо, ты сильно осмелел, ***брат***. — Император отпустил шею Анны и отошел на шаг назад.

— Как ты смогла? Я вложил все силы в ***покров*** — было видно, что брат был растерян: его сил и правда не хватило бы долго удерживать свое заклинание на Анне, хотя та даже не сопротивлялась.

Ее аура имела много секретов, и один из них — она подавляет любое давление и заклинание мага, направленное на нее. Некая неприкосновенность, как назвал когда-то эту способность Аракай, и именно с ней они работали в горах Морелии, ведь только обнаружив эту *мощь* внутри девушки, оказалось, что *аура* не может быть в спокойном состоянии при других магах.

Будучи в обществе людей, аура активировалась самостоятельно и атаковала, даже не имея врага поблизости. Аура Анны всегда находилась в режиме защиты и нападения, и пришлось вложить много усилий, чтобы ее контролировать. Только спустя два года в общине удалось полностью подчинить эту *силу*, и Анна смогла вернуться в столицу.

— Не стоит стараться ради меня. — Анна демонстративно отряхнула край темно-серого топа, который чуть съехал с плеча из-за рук Филиппа, оголяя ее грудь. — Твои действия не имеют смысла. Ты знаешь, я даже не напрягалась, а ты, — она указала пальцем на каплю крови, стекающую под носом у Филиппа, — вероятно, использовал достаточно манны, чтобы вот так меня оглушить.

Она его обезоружила своим безразличием. Униженный повторно, но уже, к счастью, без лишних глаз, император смотрел на своего генерала, чуть приоткрыв рот от страха.

А ведь Анна часто вводила людей в страх только своим присутствием. Воздействовать на нее было невозможно, и из-за этого у магов появлялось чувство безысходности во время споров с ней.

Но как таковой агрессивности в ней не было ни капли. Сарказм, ирония и самое главное —самоирония и адекватное отношение к ситуации — было, но не более. Она никогда не унижала и не пыталась доказать свою силу, давя на человека. Она прибегала к воздействию только в случаях необходимости.

Припугнуть — могла, остановить — могла. Но подавлять, дабы показать свое превосходство, — никогда.

Особенно на обычных людей, понимая их малый срок жизни и небольшой запас манны, который позволяет им всего лишь жить среди магов без последствий.

— Если ты успокоился, то давай перейдем к делу. — Анна обошла растерянного мужчину и присела на диван.

Все кабинеты в замке были похожи друг на друга, особенно своими приемными.

Всегда панорамное окно, крепкий дубовый стол и стул, ближе ко входу — два дивана и стол.Это был базовый набор для работы, остальное обустраивал владелец кабинета.

— Как скажешь, — Филипп стер кровь с лица и сел напротив Анны, забирая свитки со стола, которые Анна подготовила для него. — Так значит, с Раху неизвестно, а этот Александр, я с ним не знаком, — император подписал свиток и начал греть сургуч над свечой. — А ты?

Анна подняла взгляд.

Филипп сидел отвернувшись, полностью отдавая свое внимание ложке в руке, в которой уже почти растаял кусочек белого сургуча.

— Нет, я не знакома и даже ничего не слышала о нем, — она отрицательно покачала головой.

— А жаль, — он капнул сургуч на свиток и прижал печатью. — Насколько я знаю, Александр чуть младше меня, года на два, и рожден в начале года, зимой. — Печать застыла, и император слегка подул на нее. — Раху выдающаяся семья, особенно их глава, Симона, но Александр превзошел его. — Филипп отдал свиток Анне в руки.

Анна приняла свиток двумя руками, сворачивая его в трубку:

— Почему превзошел? Что вообще тебе известно про него? — Анна откинулась на спинку дивана и положила ногу на ногу, показывая желание развить разговор.

— Удобно уселась, — он улыбнулся. — Я знаю лишь, что генералом он стал совсем недавно и его приняла община Заякала. — Филипп пересел за стол. — Но тебе стоит быть с ним аккуратно: он маг огня, единственный пока в своей семье.

Маг огня для мага крови означал или друга, ближайшего, с кем можно было создать идеальный симбиоз в войне, или самого могущественного врага, который сожжет кровь внутри мага — ведь кровь и есть сама магия. Поэтому маг крови в частности избегает мага огня.

— Последний маг огня в подобной должности был около ста лет назад, при Эре Ягуара, не так ли? — Анна подошла к окну, закуривая.

— Да, они редко рождаются, но тем не менее. У него еще нет дракона, его аура нестабильна, а зная твою, — Филипп сморщился, — вряд ли ты сможешь спокойно находиться рядом с ним, поэтому будь осторожнее в его присутствии. — Он усмехнулся. — Разрешаю не жать ему руку при встрече.

— Да, два мертвых генерала армии не очень хорошо будет, — она смотрела на внутренний двор, где в это время шла тренировка Эми и Маркуса на клинках.

«Она никак не привыкнет к этой рукоятке, надо будет поменять её»

— Анна, ты слышишь? — Филипп коснулся её руки.

— Ты что-то говорил? — она отвлеклась от окна и взглянула на императора.

Его черные волосы отросли и почти закрывали серые глаза. Он выглядел очень молодо для своих лет.

А ведь этот бал выпадает на его юбилей — 35 лет не маленький возраст, но его черты лица смущали окружающих, которые считали его ровесником Анны.Из-за бала император отказался праздновать свой день рождения: он полетит на остров Равноденствия, отмечая лишь ежегодный праздник весны.

— Да, я сказал, что не желательно умирать вне войны, но насколько я знаю, Александр учтив, он не полезет к тебе. — Филипп убрал свою руку, отступая. — Как я, — еле шевеля губами произнес император, отворачиваясь от нее.

Анна забрала свитки и направилась во внутренний двор. После всего произошедшего ей нужно выдохнуть и отвлечься.

— Как ваша тренировка? — Анна перепрыгнула через ограждение из досок, попадая внутрь тренировочной площадки.

— Ты уже закончила? — Эми остановилась. — Хочешь присоединиться? — она направила острие клинка в сторону Анны.

— Да, думаю, надо развеяться, — она сняла плотные ботинки, утопая в песке босыми ногами, и выдохнула. — Кто готов? — озорная улыбка и её прищур слегка испугали Маркуса.

— Я пас. С тобой сейчас точно не выйду, — обезоруживающе подняв обе руки, он свернул к ограждению. — Бейтесь, дамы, я понаблюдаю, — облокотившись на деревянные доски, Маркус улыбнулся.

— Ну что, сестричка, составишь компанию? — Анна достала два кинжала, ловким движением руки жонглируя лезвиями, показывая своё мастерство.

— С удовольствием, *сестра*, — Эми приготовила свой клинок к бою.

Она не особо умела им управлять, поскольку её основным оружием был лук со стрелами, но в ближнем бою он пригодится больше, и Анна настаивала, чтобы Маркус обучал Эмильду.

Песок взметнулся смерчем, когда Анна, с двумя сверкающими клинками в руках, бросилась вперёд. Её движения были настолько стремительны, что казалось, будто она распадается на десяток теней, каждая из которых стремилась к цели.

Эми, напротив, двигалась плавно, её один клинок рассекал воздух с отточенной точностью. Но Анна была неуловима, словно мотылёк, танцующий на краю пламени. Эми пыталась удержать её в поле зрения, её клинок двигался по широким дугам, пытаясь поймать стремительную противницу. Но Анна уже была где-то ещё.

Она то появлялась сбоку, её кинжалы опасно сверкали, рисуя угрожающие восьмёрки, то исчезала, оставив Эми лишь пустой воздух и нарастающее чувство беспокойства.

Песок под ногами Анны становился её союзником, каждое её перемещение было настолько резким, настолько непредсказуемым, что Эми лишь раз за разом предугадывала её, но не успевала среагировать. Однажды Анна мелькнула перед глазами Эми, и клинок противницы описал широкую дугу, но та уже была за её спиной. Один из её кинжалов легко скользнул по руке Эми, оставляя тонкую астру кровавого следа. Эми вскрикнула, но не от боли, а от ярости. Она снова развернулась, чтобы встретить следующий натиск, но Анна вновь растворилась в развевающемся песке, оставив после себя лишь эхо стремительного боя.

Ярость прилила к лицу Эми, смешиваясь с потом и песочной пылью. Кровоточащая рана на руке разжигала в ней дикую силу, но Анна, казалось, питалась этой энергией, становясь от этого ещё более неуловимой. Эми рассвирепела. Она подняла свой клинок, желая разорвать пыльное покрывало, скрывавшее её противницу, но Анна была тенью, ускользающей от яркого света.

Внезапно Анна издала боевой клич, который, казалось, вырвался из самой пустыни. Она бросилась вперёд, но на этот раз её движения были не только быстрыми, но и предсказуемыми.

Эми, почувствовав это, встретила её. Два клинка столкнулись с оглушительным звоном, высекая сноп искр.

— Думаю, достаточно на сегодня. Ты молодец: смогла меня уловить, хотя бы взглядом. — Тяжело дыша, Анна смотрела на Эми, не опуская свои клинки. Они всё ещё стояли, вцепившись друг в друга.

— Спасибо за бой. Редко можно встретиться с таким мастерством, как у тебя. — Эми нежно улыбнулась, хотя недавно они пытались ранить друг друга. — Жаль, что ты редко со мной выходишь в спарринг.

— У тебя вон Маркус-солнышко есть. — Анна отозвала своё оружие, и кинжалы пропали из её рук.

— А что я? Мы тренируемся, но мне с тобой не сравниться. — Юноша подошёл ближе. — Куда убрала? Дай гляну хоть на них. — Маркус протянул руку, желая осмотреть кинжалы.

Анна снова призвала своё оружие.В их сияющих лезвиях, будто в зеркалах, отражалась сама двойственность мира: свет и тьма. Один, словно сотканный из лунного серебра, источал мягкое, призрачное свечение; его гладкая поверхность переливалась отблесками неизвестных созвездий.

Узоры, выгравированные по всей длине клинка, напоминали тончайшие ветви деревьев, покрытых изморозью, или нити паутины, окутавшей спящий мир. Гарда его, выполненная из благородного золота, изгибалась подобно крыльям мифической птицы, готовой воспарить в небо, а навершие представляло собой изящный гребень, устремлённый вверх, словно корона.

Рядом с ним, его антипод, был выкован из ночной тьмы; его клинок поглощал свет, оставляя лишь зловещее огненное зарево у самого острия. Его поверхность была усыпана крошечными мерцающими точками, подобными далёким звёздам, затерянным в космосе. Гарда, чёрная, как сама бездна, повторяла причудливые формы, напоминавшие сплетение колючих лоз или чешую неведомого чудовища. В его изгибах скрывалась угроза, обещание скорого конца, элегантно сдержанное в изящной форме.

Обе рукояти, обмотанные витым металлом, создавали ощущение крепости и надежности. В них чувствовалась древняя сила, мудрость веков, заключённая в столь смертоносный предмет.

Каждый из них — творение искусства, шедевр кузнечного мастерства, предназначенный для тех, кто ценит красоту в силе, а в смерти — изящество. Они были созданы не для того, чтобы просто убивать, а для того, чтобы наносить удар с такой грацией, которая превращала бы акт насилия в мрачный балет, где лезвие — лишь искусно написанная строка в драматической пьесе.

— Они невероятны. Их ковали в Эренгеле, на заказ, как понимаю? — Маркус дрожащими руками держал эти произведения искусств. — Могу я? — Молящими глазами он просил испробовать их в бою.

— Нет, прости, не могу. Они впитывают мою ауру во время боя, они тебе навредят. — Анна забрала кинжалы и снова скрыла их.

— Эх, жаль. Очень жаль. — Понурив голову, юноша удалился.

После боя было решено идти отдыхать, притом что у Маркуса были дела в казарме. Завтра отправляют первых драконов по городам для последующих перелётов на остров.

— Ты мне льстишь. Есть люди и сильнее меня. — Анна и Эми возвращались в комнаты.

— Сильнее тебя я не встречала и не хочу. — Эми обняла сестру и мягко улыбнулась. — Если кто-то есть сильнее тебя – значит, нам недолго быть вместе, и вам с ним не уместиться в этом мире

— Поживём – узнаем. — Анна улыбнулась в ответ. — Иди спать. Завтра уже отправляются первые драконы на перелёт. Возможно, и тебя отправят. — Она подмигнула.

По правде говоря, Эмильду не одобрили на бал, но она сможет хотя бы глазком увидеть замок острова весеннего равноденствия, когда будет перевозить гостей на парящий остров.

Эми на своем драконе будет перевозить одну из семей Эллиоса, насколько помнила Анна, кого-то из придворных дам короля. Не сильно важная персона, а значит, сильного высокомерия не должно быть. Анна уснула с легкой усталостью, хотя день был не из легких, особенно учитывая последние заскоки у Филиппа.

Его странное поведение, желание прогнуть её, показать место было внезапным. Ранее такого отношения не было, они были на равных, хотя по силам Анна превосходила его. Между ними было уважение: он старался не сильно уступать ей, а Анна, в свою очередь, берегла его самооценку и не пыталась лишний раз проявляться. В конечном итоге, он император, хоть и не слишком выдающийся.

В это утро Анна проснулась слишком рано. Быстро одевшись, поспешила отправить первых драконов, в числе которых была Эмильда. Около 20 пар драконов были направлены в разные части континента, чтобы собрать в одном месте более 50 человек для торжества в день весеннего равноденствия.

Каждый из приглашенных ответил согласием на встречу и, подтвердив свитки своими печатями, ожидал почтенных гостей — драконов Парга. В некоторых семьях приглашенных не было всадников, потому они были благодарны, когда император Парга, дружественной страны, предлагал помощь своих людей. Благо, в его империи драконов было достаточно. Анна отправила последних драконов и вернулась в кабинет.

Там её ожидало письмо с рыжей печатью и гербом империи Грандия.

— Госпожа, только что принесли, буквально 10 минут назад, — Руфи стояла возле стола, переминаясь с ноги на ногу.

— А ты чего такая, — Анна не могла понять, в чем дело, её служанка выглядела слишком смущенной, — странная стоишь, будто Маркус голый пробежал перед тобой, — она усмехнулась и направилась к столу.

— Нет, госпожа, Маркуса не было, но мужчина, что принес письмо, — Руфи вся покраснела, — был так галантен, давно я не встречала таких, чтоб и красивый, и учтивый был.

— Ладно уж, видимо, посыльный был слишком для тебя учтивый, — Анна сломала печать и развернула письмо. Там был четкий почерк с острыми буквами и короткими предложениями.

Добрый день, госпожа Аннастасия. Имею право просить прощения за столь несообразное поведение. В связи с некоторыми событиями я не смогу присутствовать на балу. Моя семья по ошибке отправила свиток с неверными данными.

Потому спешу вам сообщить, что дракона на моё имя выписывать необходимости нет.

Ещё раз прошу у вас прощения.

А. Раху

— Говоришь, был учтивый и галантный? — Анна обомлела от прочитанного.

— Да, и очень красивый и высокий, — Руфи мечтательно закатила глаза, вероятно, вспоминая того загадочного человека.

— Как он представился? — Анна почувствовала, как её руки начинают нервно трястись.

— Его имя — Александр, насколько помню, но фамилию не запомнила. Он как зашёл — я забылась, — Руфи всё продолжала щебетать про этого человека, не замечая, что Анна уже стояла у стола.

Она поняла, что генерал армии Грандии лично пришёл к ней в кабинет.

Маг огня разгуливал по замку, там же, где, возможно, проходила она.

А если бы они встретились? А если бы она пришла вовремя, а не опоздала? Как бы отреагировала её аура на столь сильного человека?

Такого восторга, как у Руфи, Анна бы точно не испытывала.

— Он хотел лично вас дождаться, но я сказала, что вы надолго, и он ушёл, — Руфи заглянула в глаза госпожи, возвращая её мысли в настоящее.

— Разминулись, значит, — тихо произнесла Анна, усаживаясь обратно на стул.

— Да, но он так уверенно сказал: «*Думаю, мы ещё увидимся с госпожой, континент маленький*», я даже удивилась, — Руфи присела на диван и положила голову на руки в позе мечтателя.

— Что, удивилась? Почему? — Анна постепенно возвращалась, отодвигая нервное напряжение всё глубже, осознавая, что те сценарии, которые она прописала в своей голове, могли быть совершенно иными.

— Так как же? — Руфи вскинула руками в удивлении. — Континент-то совсем не маленький, потому он меня удивил прям, — она с наивностью говорила так, не понимая, что для магов его силы континент был и правда не большой.

Конечно, возможно, её аура спокойно отнесётся к Раху, но и вероятность, что она может выйти из спящего состояния и перейти в режим защиты, а значит, что *покров* будет полностью подвластен этой самостоятельной единице, очень высока, и рисковать Анна не хотела.

Избегать возможности нет, но минимизировать общение и контакт — возможность есть.

«Раз на то было веление судьбы — не будем противиться случившемуся».

Анна спланировала их встречу и то, как она будет себя вести и контролировать состояние при столь сильном маге. Внезапная встреча испортила бы все возможные планы.

Но иногда люди могут положиться на судьбу — так проще, ведь ответственность тогда несут не люди, совершившие ошибки, а та самая бедная «судьба», берущая на себя эту вину.

— Раз так, я благодарна, что он вовремя принёс это письмо, поскольку их драконы отправляются вечером, во второй перелёт, — Анна сложила письмо и убрала в стол.

— Я думаю, он вам не понравился бы, госпожа, — Руфи всё так же сидела на диване.

— Почему? Он же учтив и галантен, как ты описала, — Анна решила подшутить над мечтательной Руфи. — Как такие могут не нравиться?

— Вам такие не нравятся.

— А какие мне нравятся? — удивилась Анна: неужели служанка знает больше о её предпочтениях, чем она сама?

Руфи глубоко вздохнула и расправила плечи, набираясь то ли воздуха, то ли храбрости.

— Вам нравятся те, кто вас слушает и молчит, делает, как вы говорите, не спорит. Вот такие — ваш типаж.

— Ха-ха-ха, — Анна залилась громким хохотом, — ты с чего такое взяла, милая? Где я такое говорила?

Руфи побледнела:

— Ну как же, мужчины вокруг вас именно такие, — девушка начала загибать пальцы, перечисляя: — Маркус всегда молчит, всегда позади вас, выполняет всё, что вы говорите. И что самое главное, — Руфи подняла указательный палец вверх, — вы позволяете ему общаться с вами неформально, и это только ему, между прочим.

Она продолжила:

— А как же Лукас? Он вообще иногда такое позволяет себе, а вы всё равно не сильно его наказываете. Он тоже никогда не спорит и молчит, — Руфи кивнула в знак согласия, — а на остальных вы смотрите как на врагов, особенно если они начинают спорить или отказываться подчиняться.

Анна задумалась. Ведь верно: она позволяла этим двоим и правда достаточно вольностей, но они были её ближайшими людьми, которым она доверяла как себе.

«***Главное, чтоб не подвели***».

— Руфи, ты заблуждаешься. Не обращай внимания, займись лучше обедом, — Анна отмахнулась от служанки, не желая продолжать разговор.

Она сама знает, где её слабости, и Руфи была права. Анна дорожила этими двумя, как и Эмильдой.

Эми была ей самой близкой из всех. Не имея на этой стороне моря никого из родных, ни отца, ни матери, две сестры стояли друг за друга, понимая ценность жизни каждой.

Сил им было дано предостаточно, особенно старшей Анне, и она выкладывалась максимально из возможного, показывая невероятные результаты в боях и на арене жизни.

Впервые она проявила себя на Зеленой пустоши. Это случилось 23 июня 176 года Эры Дракона.

Тогда ей исполнилось 22 года, и жители города Микаяла решили присвоить себе восточные кладки яиц, которые были созданы лично Анной и Маркусом. Только одно единственное место — восток хребта гор Эвалар —драконы приняли и создали там свои поселения, разложили яйца и бережно охраняли вместе с людьми.

Но жители Микаяла решили, что Парга много на себя берет, и двинулись в их сторону, вооружив почти четыре сотни человек, дабы поставить на колени великую империю.

Они прибыли вечером, когда их совсем не ждали, без объявления войны или предупреждения о нападении. Надеясь на эффект неожиданности, решили, что смогут победить.

Смеркалось. Небо над Парга заливалось кроваво-красными оттенками, предвещая недоброе. На горизонте, словно выползая из тьмы, показались знамена империи Микаяла. Четыре сотни закаленных воинов, облаченных в темную, потертую броню, двигались единой, зловещей массой. Их шаг был тих, но в нём слышался лязг оружия и низкое, угрожающее бормотание — предвестие надвигающейся бури.

Они шли, тихо наговаривая гимн своей страны, дабы не растерять ту злость, что в них сидела, и набраться храбрости.

Их лица были скрыты под стальными шлемами. За спинами колыхались потрепанные стяги с изображением черного ворона — символом их беспощадной силы.Армия Микаяла подошла к стенам города, тенью накрыв окрестности. Воины начали расставлять осадные орудия, их движения были быстрыми и точными.

Но им не хватило ни времени, ни сил, чтобы начать оккупацию города.

Анна поднялась на стены. Одна.

В тот миг, когда её взгляд встретил надвигающееся войско Маякала, из глубин её души хлынула сила, невидимая, но ощутимая. Её аура, цвета густой, свежей крови, начала расширяться, поглощая горизонт. Это было не просто свечение — это была субстанция, пульсирующая первобытной мощью, сотканная из тишины и бесконечного ужаса.

Эта кровавая дымка, подобно живой сущности, медленно, но неумолимо обволакивала всё вокруг, заглушая даже звуки природы. Воины Маякала, гордо стоявшие у своих осадных орудий, замерли. Их глаза, расширенные от ужаса, не могли отвести взгляд от приближающегося кошмара. Орудия, призванные нести разрушение, стали безмолвными свидетелями их собственного скорого конца.

Аура Анны была не просто визуальным устрашением. Она стала физическим воплощением её силы. Она обволакивала каждого врага вязкой, удушающей вуалью, вытягивая из них жизненные силы. Воздух становился густым, словно кровь, разбавленная тысячами эхом страха. Каждый вдох, каждый удар сердца давался с нарастающей мукой.

Один за другим воины Маякала начали падать замертво, их тела испускали последние, хриплые вздохи — их души были вырваны из пут удушающего покрова. Перед глазами потрясенных союзников, а также тех, кто ещёоставался стоять, происходило нечто ужасающее. Глазные яблоки несчастных, не выдерживая чудовищного внутреннего давления, лопались, вытекая из пустых глазниц. Кровь, словно бурлящий поток, хлынула изо рта, носа и ушей, окрашивая землю в кровавые узоры.

Когда предводитель армии Маякала, в ужасе наблюдавший за происходящим, понял, что происходит, он направил всю свою оставшуюся силу, чтобы перекрыть её, Анну, своим собственным защитным покровом.

Он надеялся спасти хоть кого-то из своих воинов, хоть малую часть разбитой армии. Но как только он попытался оказать сопротивление, столкнувшись с неукротимой мощью Анны, её кровавая аура, словно разъяренный зверь, обрушилась на него.

Покров предводителя был разорван в клочья, и сам он, под натиском немыслимой силы, превратился в облако алых брызг, рассеявшееся по ветру, как зловещее напоминание о цене противостояния.

После случившегося Анна около недели восстанавливалась в общине Маракая. Она была крайне истощена; та необузданная сила, которую она выплеснула, и колоссальный объем потерянной маны вытянули из нее все жизненные соки. Каждое утро Анна просыпалась, ощущая давящую слабость, словно тело ее стало чужим. Ее некогда яркие глаза потускнели, под ними залегли темные круги, а кожа приобрела бледный, восковой оттенок. Движения ее были медленны и осторожны, каждое усилие давалось с трудом.

За ней ухаживали волхвы общины – древние, с мудрыми морщинами, исчерченные временем, и добрыми, внимательными глазами. Их руки, покрытые шрамами прошлых битв и опытом целительства, бережно касались ее, накладывая компрессы с ароматными травами и шепча древние слова утешения.

Они приносили ей густые, питательные отвары, приготовленные из редких растений, которые, казалось, возвращали цвет ее бледным губам и разглаживали мелкие морщинки на ее лбу.

Они смогли вытянуть ее из этого состояния, ведь тот объем маны, который она потеряла, используя покров на более чем 400 человек одновременно, был невообразимо большим.

— Ну, госпожа, возможно, я и не права, но это лишь мои наблюдения, — Руфи решила прибраться на столе снова, ища невидимые крошки и сметая их себе в руку.

— Я не обвиняю тебя, наблюдай, ведь это часть твоей работы, — Анна продолжила писать за столом, не поднимая головы.

Руфи скрытно улыбнулась, ведь это было так.

Она принадлежала к числу тех, чья репутация была окутана завесой тайны. Ее мастерство владения кинжалом и другими, куда более изощренными орудиями, было не просто результатом долгих тренировок, оно было отточено до совершенства под руководством самой Анны – легендарной фигуры, чье имя вызывало трепет даже у самых отъявленных головорезов.

Анна, будучи сама непревзойденной в искусстве скрытности, смогла раскрыть Руфи, обучив ее превращаться в невидимку, бесшумно скользящую сквозь самые неприступные крепости и самые бдительные патрули.

На заданиях она была, по сути, призраком. Ее присутствие ощущалось лишь по результатам – выполненная задача, устраненная цель, добытые сведения. Она была той тенью, которая либо мелькнет на периферии сознания, либо вовсе не оставит следа, создавая ощущение, что ее никогда и не было. Никто из ее жертв или свидетелей не мог вспомнить ее лицо, ее голос, ее движения.

Она была эфемерной, неуловимой, как дым, рассеивающийся в воздухе.

Однако стоило ей оказаться вне пределов своих профессиональных обязанностей, как вся ее хладнокровная расчетливость уступала место совершенно иной роли.

В обществе Руфи превращалась в олицетворение наивности и глупости. Ее звонкий, зачастую неуместный смех, ее странная, вычурная манера говорить, ее рассеянный взгляд – все это было тщательно сконструированной маской. Никто и никогда не мог заподозрить в этой очаровательной, но слегка нелепой девчушке смертельно опасного наемника Империи.

Эта двойственность была ее главным оружием, позволяя ей оставаться незамеченной и недооцененной, пока не наступал нужный момент.

— Больше мне твоя помощь на сегодня не пригодится, — Анна закрыла папку с бумагами и направилась к выходу. — Приготовь мне на завтра одежду для полета, что-то свободное, пожалуй. Я не планирую отдыхать на балу, можно не праздное.

Она вышла, не закрыв за собой дверь.

— Да, госпожа, — Руфи поклонилась.

«*Опять не закрыла дверь*», — служанка пошла к двери, когда голос

«*Громко думаешь, Руфи*», — Анна шла спиной к ней, всё дальше по коридору, но её голос зазвенел в голове девушки.

Кровавая нить, исторгнутая из пальцев Анны, заструилась по коридору, словно оживший змей.

«***Путы***»

В тот же миг коридор преобразился.

Потемневший, он начал заливаться алым цветом, будто тысячи ран одновременно открылись на его стенах. Это была не просто краска, а субстанция, живая и тяжелая, несущая в себе отголоски боли и страха. Алый цвет пульсировал, становился то глубже, то светлее, подражая ритму бьющегося сердца.

С треском, который эхом разнесся по и без того пустующему пространству, нить достигла двери и с силой захлопнула её прямо перед лицом служанки.

Анна, казалось, втянула в себя этот новый, ужасающий мир. Приказ, исполненный ею, растворился в ней самой, как будто никогда и не был внешней силой. Всё, что ещё пару мгновений назад казалось реальным — очертания стен, слабый свет, — начало исчезать, словно подвергаясь забвению. Анна словно стирала само своё присутствие, оставляя за собой лишь эхо силы.

Руфи, ставшая невольной свидетельницей этого акта трансформации, застыла, вцепившись в себя. Аура Анны, невидимая, но ощутимая, как ледяное дыхание, сковала её. Страх, холодный и парализующий, пронзил её насквозь, не давая пошевелиться, не давая даже вздохнуть. Она была лишь крошечной песчинкой перед неумолимой мощью, которая только что перекроила реальность по своему приказу.

«*Прошу прощения, госпожа*», — Руфи поклонилась закрытой двери и, услышав в конце коридора еле слышный смех Анны, выдохнула.

— Вот надо было мне языком чесать. Надо бы сходить к Маки, может, мои печати ослабли, — она взглянула на отметины на своих руках — те всё также были ярко выражены. — Вроде нормально, но я схожу всё равно пожалуй, мало ли что — она убрала последние вещи со стола и удалилась из кабинета.

На следующее утро отправлялись драконы Филиппа, Анны и Маркуса на Бал равноденствия.

— С днём рождения, повелитель, — Маркус подошёл к дракону императора и поклонился.

Тот сидел уже верхом и ждал последние приготовления.

У Филиппа был металлический дракон, чуть больше обычных. Такие выходят единично в помёте самки.

Их одежда для полётов была либо удобная, либо праздная. Лёгкая, словно сотканная из ночи, ткань облегала стройное тело Филиппа, не стесняя движений.

Глубокий, угольно-чёрный цвет костюма сочетался с драконом, делая всадника невидимым на спине существа. Шёлк, обработанный особым образом, нежно касался кожи, даря ощущение прохлады и невесомости.

По всей длине брюк тянутся тонкие, серебристые нити, вышитые в виде древних рун. Они мерцают при каждом движении, отражая свет далёких созвездий, словно карта небесных путей.

Свободная туника с широкими рукавами, напоминающими крылья, ниспадает до середины бедра. Она не сковывает, позволяя ветру играть с тканью, создавая призрачный шлейф позади летящей фигуры. Воротник-стойка, отделанный бархатом, добавляет образу благородства и загадочности, скрывая шею, но оставляя лицо открытым для встречного ветра.

На груди вместо тяжелых орденов — изящный кулон в форме стилизованного дракона, выполненный из обсидиана. Его крылья распахнуты, а глаза инкрустированы крошечными изумрудами, сверкающими зелёным огнём. Перчатки из тончайшей кожи, переходящие в длинные манжеты, плотно облегают руки. Они не мешают управлять драконом, но защищают от ледяного дыхания высоты. На пальцах — кольца с чёрными агатами, усиленные древней магией.

— Благодарю, Маркус, но сегодня мы отмечаем бал, — Филип проверил поводья и крикнул: — Анна, ну наконец-то, долго ждём уже. — Она шла к своему дракону, протирая глаза.

— А ты, смотрю, принарядился, — она кивнула в сторону его перстней, — прямо как богач сидишь, — она усмехнулась. Многие из придворных скрыли свои улыбки.

При выборе одежды на подобные съезды придворная семья одевается в одной цветовой гамме. Потому Анна была одета похоже, но чуть проще, нежели её *брат*. Тёмная облегающая туника, подобно второй коже, с глубоким V-образным вырезом, украшенным замысловатым плетением, открывает ключицы, создавая контраст между нежностью и суровой реальностью.

Её ткань, матовая и мягкая, словно сдержанный шёпот, намекает на свободу движений, необходимую для боя или долгого пути. Из-под туники выглядывают длинные, плотно облегающие нарукавники цвета древесной золы, переходящие в митенки. Они обнимают предплечья, защищая от ветра и холода, но оставляя пальцы на воле — тонкий намёк на ловкость и готовность к действию.

На талии — сложный узел из тёмно-коричневых и терракотовых лент. Они переплетаются, образуя тугой пояс-ремень, который держит на себе несколько слоёв ткани, напоминающих асимметричную юбку или набедренную повязку. Эти слои, грубые и небрежно обвязанные, придают образу оттенок дикости, будто они собраны наскоро из подручных материалов.

Спутанные пряди золотистых волос, заплетённые в объёмную косу, свободно ниспадают на плечо, развеваясь на ветру. Отдельные пряди выбиваются, обрамляя лицо, и теряются в лёгкой дымке, словно отражая непокорный дух своей владелицы. Лёгкий, едва заметный блеск серебряных серёг в ушах, напоминающих перья или острые осколки, добавляет финальный штрих к образу загадочной воительницы.

— Почему так дико одета? Ты идёшь на приём, Анна! — Филипп властно прикрикнул, показывая своё недовольство.

Её внешний вид и правда не подходил на приём, но такова она была.

— Повелитель, я генерал армии, а не придворная принцесса. Пожалуй, это, — она осмотрела себя с ног до головы, — вполне себе разумно выглядит.

Филиппу оставалось только недовольно отвернуть лицо. Его дракон был готов, и тот взмыл в небо, оставляя дым из песка.

— Готово? Всё, погнали тогда, — Маркус и Анна переглянулись и последовали за своим императором. Больше из дворца никто не летел.

Не приглашены. Так решил Филипп.

Если Парга, ближайшая империя, что стояла у подножья гор Эвалар и недалеко от гор Морелия, могла позволить себе держать более трех сотен драконов, то более дальние империи, такие как Грандия или Эллиос, могли содержать не более сотни драконов. Большинство из них были водными, не предназначенными для дальних перелетов, или воздушными, позволявшими перевозить не более одного человека — своего солдата.

Самые подходящие драконы для дальних перелетов были металлические. Самая большая популяция таких драконов была выведена и контролировалась лично Анной Вассилевски в горах Морелия.

И значит, ни Грандия, ни Эллиос не имели достаточного количества этих драконов.

— Ну как дела обстоят с письмами? — Маркус зашел в кабинет Анны, где царила атмосфера спокойствия и сосредоточенности.

Входная дверь кабинета была оформлена массивной дверью из темного дуба, подчеркивающей солидность помещения. Напротив двери, у большого окна, за которым простирался оживленный городской пейзаж, стоял письменный стол. Его полированная поверхность отражала мягкий свет, проникающий сквозь стекло. Классический стул с высокой спинкой, обитый дорогой кожей, был гордостью Анны.

Центральное место в комнате занимал прямоугольный журнальный столик. На нем располагалась стопка журналов и пара свечей. По обеим сторонам от журнального столика стояли уютные диванчики для гостей. Мягкая обивка нейтральных тонов создавала ощущение комфорта и мягкости.

Вдоль стен располагались полки с большим количеством книг, полностью занимая все пространство от дверей до окна.

— Да, заканчиваю. Остались только семья Раху и Овва. Но последние вроде сами могут, их там двое. А вот Раху из Грандии, — Анна вздохнула и откинула волосы с лица. — Тех вроде то ли четверо, то ли трое. Им явно нужно больше одного дракона, а всадника там нет. — она откинулась на спинку стула. — Значит, надо отправлять с нашими

Маркус закрыл дверь и плюхнулся на диванчик вблизи Анны.

— Убери ноги со стола, не наглей, — Вассилевски вскочила со стула от злости.

— Все, все убираю, — юноша поднял руки и медленно убрал ноги с журнального столика. — А Раху зачем так много летят? Кто там вообще прописан?

Зога обошел диван и встал сзади Анны, пытаясь прочесть имена на свитках.

— Пока прописаны: Зульфия Раху, Симона Раху, Томиас Раху и почему-то под вопросом Александр Раху.

— Странный составчик, конечно, — Зога взял в руки свиток. — Но не удивлен. Александр обязан там быть, насколько я помню, он недавно стал новым генералом армии Грандии. Вам бы познакомиться с ним, говорят, загадочная персона. — юноша вернул свиток в руки Анны.

— Ну, в принципе, понятно. Две девушки, два юноши. Надо бы им кого-то из твоих драконов дать, да? — Анна выписала имена в свой блокнот, обводя имена мужчин черным, а женщин — красным.

— Симона — это отец семейства, не девушка, а вполне себе суровый мужчина. — Маркус ткнул пальцем в цвет ручки под именем «*Симона*». — Там их вообще большая компания: Томиас Раху, который будет на балу, вполне себе интересный и добродушный малый. Мы с ним встречались на западной заставе Эвалар, он тогда приехал своих людей забрать после стычки в лесах, маг воды вроде как был. А вот ещё сестра у них есть, — Маркус растянулся на диване, заложив руки за голову, — Алисента, милая девочка, но помешанная на горах и всём, что с ними связано. Маг земли, собственно.

— Не удивительно, маги земли в принципе странные. — Анна знала, такой камень в свой огород Маркус заметит.

И правда, он резко повернулся и насупился, делая неприятную рожицу.

— Алисента и Томиас вроде на пределе 5 и 7 уровня, они молодые, чуть старше меня. А вот Зульфия и Симона —это тяжёлая артиллерия, они главы семейства и сейчас являются одними из главных советников страны Грандия. Она маг воздуха, он маг земли — мощная

парочка. Только вот Зульфия редко куда-то выбирается, странно, что она в списках. — Маркус лежал на диване, не поменяв позы.

— Ты откуда столько знаешь, друг? — Анна сверлила взглядом юношу, а тому было всё равно.

— Так наш Рец оттуда, его же перевели где-то года три назад, вот он всё и рассказывал. Ты тогда в горах Морелия была. — Маркус внезапно вскочил: — Точно, мне же к нему надо, а то я заболтался тут. — Юноша второпях вылетел из кабинета, не закрывая даже дверь.

Да уж, а про Александра не рассказал, дурачок

— Что у вас за привычка у всех? — Руфи зашла в кабинет, закрывая дверь, в руках она несла поднос с графином и чашками с сахаром. — Не закрывать за собой двери.

— Так тебе удобнее, руки-то заняты, а дверь уже открыта. — Анна указала на поднос и улыбнулась.

Руфи в ответ только закатила глаза:

— Присаживайтесь, попейте чайку, отдохните. — Девушка указала на стол и присела на диван.

— Как вы после того сна? Ещё что-нибудь снилось, что можно было бы связать с ним? — Руфи сидела на диване словно струнка, а Анна медленно распивала горячий чай, принесённый служанкой.

— Нет, ничего не снилось, но чувствую, он не к добру. Возможно, нужно слетать в Маракая, поговорить с Аракаем, думаю, он подскажет что-то

— Боги, вы хотите полететь в эту общину волхвов? Они же все там чокнутые. — Руфи сморщилась.

Маракая — община волхвов, созданная Аракаем, старейшим из трех могучих волхвов. С 20 до 22 лет Анна обучалась у него контролю магии крови: из-за быстрого развития ауры и роста манны она не могла ее полностью контролировать. Аракай многому ее научил, он стал ей духовным наставником, и она доверяла ему многое.

«Но то, что они немного странные, Руфи права»

— Какими бы странными они ни были, но мудрее их я не знаю, — Анна поставила чашку с чаем и вернулась за стол. — Разберусь позже, сейчас куча дел с этими Раху .

Послышался скрежет ручки по листку, и Руфи поняла, что Анна продолжает работать. Медленно убрав со стола, она удалилась по своим делам.

В мирное время у Анны не особо много забот. Она смогла за два года выстроить идеальную систему управления.

У нее есть два главных капитана: Маркус Зога, который отвечает за все восточные кладки яиц, а также за обучение всех бойцов в рамках империи, когда те проходят срочную службу в течение года, а далее распределяются по основным линиям защиты и заставам для дальнейшей службы империи.

И Лукас Рец, капитан, который отвечает за заставы и их действия, за тех солдат, которые после обучения попадают по распределению. Также на нем висит полная экипировка всех военных драконов и их проживание. И на данный момент он единственный ответственен за установление главных капитанов каждой роты в каждом отделении и контроль их работы.

Если проще: Маркус отвечает за войска и солдат внутри столицы, Лукас отвечает за внешних бойцов и заставы защиты границ империи. Вот у них-то работы неимоверно много.

А Анна в свое время следит за каждым: шагом, солдатом, действием и драконом. Ее глаза везде, и каждый шаг ееподчиненных отслеживается. Она не позволила бы себе валять дурака и отдыхать, когда солдаты работают на благо империи. Ее обязанности разносторонние, потому намного сложнее приходится генералу армии.

«Надо отнести списки Филиппу, договориться о распределении»

Анна ступила в коридор, и тишина замка окутала ее, словно бархатный плащ. Стены, сложенные из безупречно белого кирпича, мерцали в приглушенном свете, проникающем сквозь узкие высокие окна. Каждый камень, казалось, хранил эхо веков, шепот прошлых событий и дыхание истории. Пол, покрытый гладкой, отражающей свет белой плиткой, придавал коридору вид бесконечного сияющего пути, ведущего в самое сердце замка.

Вдоль стен, в строгих нишах, застыли рыцари. Их статуи, высеченные из камня, с дотошной точностью передавали каждую деталь доспехов, каждый изгиб меча, каждый суровый взгляд. Они были безмолвными стражами, чьи каменные очи, казалось, следили за каждым движением Анны, напоминая о долге, чести и силе, которые когда-то олицетворяли. Нежный, едва уловимый запах полированного камня и старого воска витал в воздухе, смешиваясь с легкой прохладой, исходящей от массивных стен.

Ее шаги, легкие и размеренные, звучали особенно отчетливо в этой гулкой тишине. Каждый звук отражался от стен, создавая мелодию, сопровождающую ее путь. Мысли Анны были сосредоточены на предстоящей встрече, на словах, которые ей предстояло произнести, ведь после той ситуации в подвале она не успела поговорить с императором и как-то объяснить свое поведение.

Приближаясь к массивным дверям, украшенным витиеватой резьбой, Анна почувствовала, как учащается ее пульс. Огромные дубовые створки, казалось, были созданы для того, чтобы отделить мир обыденный от мира власти. Вокруг дверей, в более глубоких нишах, стояли другие статуи, более крупные и внушительные, изображавшие древних правителей, чьи каменные лица выглядели грозно и непреклонно. Словно сама вечность взирала на нее, оценивая ее намерения.

За дверями, как она знала, ее ждал кабинет императора. Там, за столом из черного дерева, украшенным золотыми инкрустациями, ее будет ждать сам император, человек, чья мудрость в последнее время очень сильно хромала. Он все больше поддавался эмоциям, тем самым портя репутацию доселе ***самой великой империи Парга.***

Воздух здесь, у дверей, был более плотным, насыщенным ожиданием и, возможно, едва уловимым запахом чернил и старой кожи. Анна сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить волнение. Нельзя было выдать ни малейшего признака неуверенности.

Она пришла сюда с определенной целью: обсудить план полета, и спорить или защищать себя она не хотела.

Ее рука потянулась к холодной бронзовой ручке двери, покрытой тонким слоем утренней пыли, свидетельством того, что император не выходил с самого утра. С тихим скрипом, который, тем не менее, показался ей оглушительным в тишине, дверь поддалась.

Перед ней открылся просторный кабинет, залитый мягким светом из огромного окна, выходившего на внутренний двор. Мраморные колонны поддерживали высокий сводчатый потолок, а на стенах висели величественные гобелены, изображавшие сцены давно минувших битв и триумфов.

Император сидел за своим столом, спиной к ней, глядя куда-то вдаль.

Анна остановилась на пороге, ожидая, когда он ее заметит, готовая произнести первые слова.

— Прибыла со свитками? — Филипп все так же сидел спиной к двери, не поворачивая головы. — Не представляешь, насколько меня раздражает этот кабинет, эти гобелены, — он провел рукой, показывая на стены, — но я не могу их снять, они ведь *наследие предков*. — Последние слова Филипп произнес с открытым отвращением.

— Да, повелитель, принесла. — Анна старалась не поддаваться плохому настрою императора. — Вы как просили, я все

— ***Замолчи***! — в ушах эхом отозвалось давление ауры господина.

«Использовал водный покров смешно»

Внезапно закружилась голова и потемнело в глазах. Аура мага воды окутывает свою жертву, создавая пузырь, чтобы человек почувствовал себя на дне океана или впадины, с давлением в ушах и легких, а главное — его зрение, оно становится мутным, будто смотришь в грязную лужу.

Но это лишь ощущения: на самом деле человеку лишь на уровне чувств перекрывают осознание и пугают возможной смертью от удушения и слепоты.

— ***Неприятно, когда используют ауру***? — Филипп подошел вплотную к Анне, поднимая ее лицо за подбородок указательным пальцем. — Или тебе нравится, когда тебя душат? — шепнул на ухо император, сдавливая другой рукой шею Анны.

— Тебе бы на заставу границы защищать, а не со мной хм мериться. — Анна взглянула четко на Филиппа. — Но, видимо, ты сильно осмелел, ***брат***. — Император отпустил шею Анны и отошел на шаг назад.

— Как ты смогла? Я вложил все силы в ***покров*** — было видно, что брат был растерян: его сил и правда не хватило бы долго удерживать свое заклинание на Анне, хотя та даже не сопротивлялась.

Ее аура имела много секретов, и один из них — она подавляет любое давление и заклинание мага, направленное на нее. Некая неприкосновенность, как назвал когда-то эту способность Аракай, и именно с ней они работали в горах Морелии, ведь только обнаружив эту *мощь* внутри девушки, оказалось, что *аура* не может быть в спокойном состоянии при других магах.

Будучи в обществе людей, аура активировалась самостоятельно и атаковала, даже не имея врага поблизости. Аура Анны всегда находилась в режиме защиты и нападения, и пришлось вложить много усилий, чтобы ее контролировать. Только спустя два года в общине удалось полностью подчинить эту *силу*, и Анна смогла вернуться в столицу.

— Не стоит стараться ради меня. — Анна демонстративно отряхнула край темно-серого топа, который чуть съехал с плеча из-за рук Филиппа, оголяя ее грудь. — Твои действия не имеют смысла. Ты знаешь, я даже не напрягалась, а ты, — она указала пальцем на каплю крови, стекающую под носом у Филиппа, — вероятно, использовал достаточно манны, чтобы вот так меня оглушить.

Она его обезоружила своим безразличием. Униженный повторно, но уже, к счастью, без лишних глаз, император смотрел на своего генерала, чуть приоткрыв рот от страха.

А ведь Анна часто вводила людей в страх только своим присутствием. Воздействовать на нее было невозможно, и из-за этого у магов появлялось чувство безысходности во время споров с ней.

Но как таковой агрессивности в ней не было ни капли. Сарказм, ирония и самое главное —самоирония и адекватное отношение к ситуации — было, но не более. Она никогда не унижала и не пыталась доказать свою силу, давя на человека. Она прибегала к воздействию только в случаях необходимости.

Припугнуть — могла, остановить — могла. Но подавлять, дабы показать свое превосходство, — никогда.

Особенно на обычных людей, понимая их малый срок жизни и небольшой запас манны, который позволяет им всего лишь жить среди магов без последствий.

— Если ты успокоился, то давай перейдем к делу. — Анна обошла растерянного мужчину и присела на диван.

Все кабинеты в замке были похожи друг на друга, особенно своими приемными.

Всегда панорамное окно, крепкий дубовый стол и стул, ближе ко входу — два дивана и стол.Это был базовый набор для работы, остальное обустраивал владелец кабинета.

— Как скажешь, — Филипп стер кровь с лица и сел напротив Анны, забирая свитки со стола, которые Анна подготовила для него. — Так значит, с Раху неизвестно, а этот Александр, я с ним не знаком, — император подписал свиток и начал греть сургуч над свечой. — А ты?

Анна подняла взгляд.

Филипп сидел отвернувшись, полностью отдавая свое внимание ложке в руке, в которой уже почти растаял кусочек белого сургуча.

— Нет, я не знакома и даже ничего не слышала о нем, — она отрицательно покачала головой.

— А жаль, — он капнул сургуч на свиток и прижал печатью. — Насколько я знаю, Александр чуть младше меня, года на два, и рожден в начале года, зимой. — Печать застыла, и император слегка подул на нее. — Раху выдающаяся семья, особенно их глава, Симона, но Александр превзошел его. — Филипп отдал свиток Анне в руки.

Анна приняла свиток двумя руками, сворачивая его в трубку:

— Почему превзошел? Что вообще тебе известно про него? — Анна откинулась на спинку дивана и положила ногу на ногу, показывая желание развить разговор.

— Удобно уселась, — он улыбнулся. — Я знаю лишь, что генералом он стал совсем недавно и его приняла община Заякала. — Филипп пересел за стол. — Но тебе стоит быть с ним аккуратно: он маг огня, единственный пока в своей семье.

Маг огня для мага крови означал или друга, ближайшего, с кем можно было создать идеальный симбиоз в войне, или самого могущественного врага, который сожжет кровь внутри мага — ведь кровь и есть сама магия. Поэтому маг крови в частности избегает мага огня.

— Последний маг огня в подобной должности был около ста лет назад, при Эре Ягуара, не так ли? — Анна подошла к окну, закуривая.

— Да, они редко рождаются, но тем не менее. У него еще нет дракона, его аура нестабильна, а зная твою, — Филипп сморщился, — вряд ли ты сможешь спокойно находиться рядом с ним, поэтому будь осторожнее в его присутствии. — Он усмехнулся. — Разрешаю не жать ему руку при встрече.

— Да, два мертвых генерала армии не очень хорошо будет, — она смотрела на внутренний двор, где в это время шла тренировка Эми и Маркуса на клинках.

«Она никак не привыкнет к этой рукоятке, надо будет поменять её»

— Анна, ты слышишь? — Филипп коснулся её руки.

— Ты что-то говорил? — она отвлеклась от окна и взглянула на императора.

Его черные волосы отросли и почти закрывали серые глаза. Он выглядел очень молодо для своих лет.

А ведь этот бал выпадает на его юбилей — 35 лет не маленький возраст, но его черты лица смущали окружающих, которые считали его ровесником Анны.Из-за бала император отказался праздновать свой день рождения: он полетит на остров Равноденствия, отмечая лишь ежегодный праздник весны.

— Да, я сказал, что не желательно умирать вне войны, но насколько я знаю, Александр учтив, он не полезет к тебе. — Филипп убрал свою руку, отступая. — Как я, — еле шевеля губами произнес император, отворачиваясь от нее.

Анна забрала свитки и направилась во внутренний двор. После всего произошедшего ей нужно выдохнуть и отвлечься.

— Как ваша тренировка? — Анна перепрыгнула через ограждение из досок, попадая внутрь тренировочной площадки.

— Ты уже закончила? — Эми остановилась. — Хочешь присоединиться? — она направила острие клинка в сторону Анны.

— Да, думаю, надо развеяться, — она сняла плотные ботинки, утопая в песке босыми ногами, и выдохнула. — Кто готов? — озорная улыбка и её прищур слегка испугали Маркуса.

— Я пас. С тобой сейчас точно не выйду, — обезоруживающе подняв обе руки, он свернул к ограждению. — Бейтесь, дамы, я понаблюдаю, — облокотившись на деревянные доски, Маркус улыбнулся.

— Ну что, сестричка, составишь компанию? — Анна достала два кинжала, ловким движением руки жонглируя лезвиями, показывая своё мастерство.

— С удовольствием, *сестра*, — Эми приготовила свой клинок к бою.

Она не особо умела им управлять, поскольку её основным оружием был лук со стрелами, но в ближнем бою он пригодится больше, и Анна настаивала, чтобы Маркус обучал Эмильду.

Песок взметнулся смерчем, когда Анна, с двумя сверкающими клинками в руках, бросилась вперёд. Её движения были настолько стремительны, что казалось, будто она распадается на десяток теней, каждая из которых стремилась к цели.

Эми, напротив, двигалась плавно, её один клинок рассекал воздух с отточенной точностью. Но Анна была неуловима, словно мотылёк, танцующий на краю пламени. Эми пыталась удержать её в поле зрения, её клинок двигался по широким дугам, пытаясь поймать стремительную противницу. Но Анна уже была где-то ещё.

Она то появлялась сбоку, её кинжалы опасно сверкали, рисуя угрожающие восьмёрки, то исчезала, оставив Эми лишь пустой воздух и нарастающее чувство беспокойства.

Песок под ногами Анны становился её союзником, каждое её перемещение было настолько резким, настолько непредсказуемым, что Эми лишь раз за разом предугадывала её, но не успевала среагировать. Однажды Анна мелькнула перед глазами Эми, и клинок противницы описал широкую дугу, но та уже была за её спиной. Один из её кинжалов легко скользнул по руке Эми, оставляя тонкую астру кровавого следа. Эми вскрикнула, но не от боли, а от ярости. Она снова развернулась, чтобы встретить следующий натиск, но Анна вновь растворилась в развевающемся песке, оставив после себя лишь эхо стремительного боя.

Ярость прилила к лицу Эми, смешиваясь с потом и песочной пылью. Кровоточащая рана на руке разжигала в ней дикую силу, но Анна, казалось, питалась этой энергией, становясь от этого ещё более неуловимой. Эми рассвирепела. Она подняла свой клинок, желая разорвать пыльное покрывало, скрывавшее её противницу, но Анна была тенью, ускользающей от яркого света.

Внезапно Анна издала боевой клич, который, казалось, вырвался из самой пустыни. Она бросилась вперёд, но на этот раз её движения были не только быстрыми, но и предсказуемыми. Эми, почувствовав это, встретила её. Два клинка столкнулись с оглушительным звоном, высекая сноп искр.

— Думаю, достаточно на сегодня. Ты молодец: смогла меня уловить, хотя бы взглядом. — Тяжело дыша, Анна смотрела на Эми, не опуская свои клинки. Они всё ещё стояли, вцепившись друг в друга.

— Спасибо за бой. Редко можно встретиться с таким мастерством, как у тебя. — Эми нежно улыбнулась, хотя недавно они пытались ранить друг друга. — Жаль, что ты редко со мной выходишь в спарринг.

— У тебя вон Маркус-солнышко есть. — Анна отозвала своё оружие, и кинжалы пропали из её рук.

— А что я? Мы тренируемся, но мне с тобой не сравниться. — Юноша подошёл ближе. — Куда убрала? Дай гляну хоть на них. — Маркус протянул руку, желая осмотреть кинжалы.

Анна снова призвала своё оружие.В их сияющих лезвиях, будто в зеркалах, отражалась сама двойственность мира: свет и тьма. Один, словно сотканный из лунного серебра, источал мягкое, призрачное свечение; его гладкая поверхность переливалась отблесками неизвестных созвездий.

Узоры, выгравированные по всей длине клинка, напоминали тончайшие ветви деревьев, покрытых изморозью, или нити паутины, окутавшей спящий мир. Гарда его, выполненная из благородного золота, изгибалась подобно крыльям мифической птицы, готовой воспарить в небо, а навершие представляло собой изящный гребень, устремлённый вверх, словно корона.

Рядом с ним, его антипод, был выкован из ночной тьмы; его клинок поглощал свет, оставляя лишь зловещее огненное зарево у самого острия. Его поверхность была усыпана крошечными мерцающими точками, подобными далёким звёздам, затерянным в космосе. Гарда, чёрная, как сама бездна, повторяла причудливые формы, напоминавшие сплетение колючих лоз или чешую неведомого чудовища. В его изгибах скрывалась угроза, обещание скорого конца, элегантно сдержанное в изящной форме.

Обе рукояти, обмотанные витым металлом, создавали ощущение крепости и надежности. В них чувствовалась древняя сила, мудрость веков, заключённая в столь смертоносный предмет.

Каждый из них — творение искусства, шедевр кузнечного мастерства, предназначенный для тех, кто ценит красоту в силе, а в смерти — изящество. Они были созданы не для того, чтобы просто убивать, а для того, чтобы наносить удар с такой грацией, которая превращала бы акт насилия в мрачный балет, где лезвие — лишь искусно написанная строка в драматической пьесе.

— Они невероятны. Их ковали в Эренгеле, на заказ, как понимаю? — Маркус дрожащими руками держал эти произведения искусств. — Могу я? — Молящими глазами он просил испробовать их в бою.

— Нет, прости, не могу. Они впитывают мою ауру во время боя, они тебе навредят. — Анна забрала кинжалы и снова скрыла их.

— Эх, жаль. Очень жаль. — Понурив голову, юноша удалился.

После боя было решено идти отдыхать, притом что у Маркуса были дела в казарме. Завтра отправляют первых драконов по городам для последующих перелётов на остров.

— Ты мне льстишь. Есть люди и сильнее меня. — Анна и Эми возвращались в комнаты.

— Сильнее тебя я не встречала и не хочу. — Эми обняла сестру и мягко улыбнулась. — Если кто-то есть сильнее тебя – значит, нам недолго быть вместе, и вам с ним не уместиться в этом мире

— Поживём – узнаем. — Анна улыбнулась в ответ. — Иди спать. Завтра уже отправляются первые драконы на перелёт. Возможно, и тебя отправят. — Она подмигнула.

По правде говоря, Эмильду не одобрили на бал, но она сможет хотя бы глазком увидеть замок острова весеннего равноденствия, когда будет перевозить гостей на парящий остров.

Эми на своем драконе будет перевозить одну из семей Эллиоса, насколько помнила Анна, кого-то из придворных дам короля. Не сильно важная персона, а значит, сильного высокомерия не должно быть. Анна уснула с легкой усталостью, хотя день был не из легких, особенно учитывая последние заскоки у Филиппа.

Его странное поведение, желание прогнуть её, показать место было внезапным. Ранее такого отношения не было, они были на равных, хотя по силам Анна превосходила его. Между ними было уважение: он старался не сильно уступать ей, а Анна, в свою очередь, берегла его самооценку и не пыталась лишний раз проявляться. В конечном итоге, он император, хоть и не слишком выдающийся.

В это утро Анна проснулась слишком рано. Быстро одевшись, поспешила отправить первых драконов, в числе которых была Эмильда. Около 20 пар драконов были направлены в разные части континента, чтобы собрать в одном месте более 50 человек для торжества в день весеннего равноденствия.

Каждый из приглашенных ответил согласием на встречу и, подтвердив свитки своими печатями, ожидал почтенных гостей — драконов Парга. В некоторых семьях приглашенных не было всадников, потому они были благодарны, когда император Парга, дружественной страны, предлагал помощь своих людей. Благо, в его империи драконов было достаточно. Анна отправила последних драконов и вернулась в кабинет.

Там её ожидало письмо с рыжей печатью и гербом империи Грандия.

— Госпожа, только что принесли, буквально 10 минут назад, — Руфи стояла возле стола, переминаясь с ноги на ногу.

— А ты чего такая, — Анна не могла понять, в чем дело, её служанка выглядела слишком смущенной, — странная стоишь, будто Маркус голый пробежал перед тобой, — она усмехнулась и направилась к столу.

— Нет, госпожа, Маркуса не было, но мужчина, что принес письмо, — Руфи вся покраснела, — был так галантен, давно я не встречала таких, чтоб и красивый, и учтивый был.

— Ладно уж, видимо, посыльный был слишком для тебя учтивый, — Анна сломала печать и развернула письмо. Там был четкий почерк с острыми буквами и короткими предложениями.

Добрый день, госпожа Аннастасия. Имею право просить прощения за столь несообразное поведение. В связи с некоторыми событиями я не смогу присутствовать на балу. Моя семья по ошибке отправила свиток с неверными данными.

Потому спешу вам сообщить, что дракона на моё имя выписывать необходимости нет.

Ещё раз прошу у вас прощения.

А. Раху

— Говоришь, был учтивый и галантный? — Анна обомлела от прочитанного.

— Да, и очень красивый и высокий, — Руфи мечтательно закатила глаза, вероятно, вспоминая того загадочного человека.

— Как он представился? — Анна почувствовала, как её руки начинают нервно трястись.

— Его имя — Александр, насколько помню, но фамилию не запомнила. Он как зашёл — я забылась, — Руфи всё продолжала щебетать про этого человека, не замечая, что Анна уже стояла у стола.

Она поняла, что генерал армии Грандии лично пришёл к ней в кабинет.

Маг огня разгуливал по замку, там же, где, возможно, проходила она.

А если бы они встретились? А если бы она пришла вовремя, а не опоздала? Как бы отреагировала её аура на столь сильного человека?

Такого восторга, как у Руфи, Анна бы точно не испытывала.

— Он хотел лично вас дождаться, но я сказала, что вы надолго, и он ушёл, — Руфи заглянула в глаза госпожи, возвращая её мысли в настоящее.

— Разминулись, значит, — тихо произнесла Анна, усаживаясь обратно на стул.

— Да, но он так уверенно сказал: «*Думаю, мы ещё увидимся с госпожой, континент маленький*», я даже удивилась, — Руфи присела на диван и положила голову на руки в позе мечтателя.

— Что, удивилась? Почему? — Анна постепенно возвращалась, отодвигая нервное напряжение всё глубже, осознавая, что те сценарии, которые она прописала в своей голове, могли быть совершенно иными.

— Так как же? — Руфи вскинула руками в удивлении. — Континент-то совсем не маленький, потому он меня удивил прям, — она с наивностью говорила так, не понимая, что для магов его силы континент был и правда не большой.

Конечно, возможно, её аура спокойно отнесётся к Раху, но и вероятность, что она может выйти из спящего состояния и перейти в режим защиты, а значит, что *покров* будет полностью подвластен этой самостоятельной единице, очень высока, и рисковать Анна не хотела.

Избегать возможности нет, но минимизировать общение и контакт — возможность есть.

«Раз на то было веление судьбы — не будем противиться случившемуся».

Анна спланировала их встречу и то, как она будет себя вести и контролировать состояние при столь сильном маге. Внезапная встреча испортила бы все возможные планы.

Но иногда люди могут положиться на судьбу — так проще, ведь ответственность тогда несут не люди, совершившие ошибки, а та самая бедная «судьба», берущая на себя эту вину.

— Раз так, я благодарна, что он вовремя принёс это письмо, поскольку их драконы отправляются вечером, во второй перелёт, — Анна сложила письмо и убрала в стол.

— Я думаю, он вам не понравился бы, госпожа, — Руфи всё так же сидела на диване.

— Почему? Он же учтив и галантен, как ты описала, — Анна решила подшутить над мечтательной Руфи. — Как такие могут не нравиться?

— Вам такие не нравятся.

— А какие мне нравятся? — удивилась Анна: неужели служанка знает больше о её предпочтениях, чем она сама?

Руфи глубоко вздохнула и расправила плечи, набираясь то ли воздуха, то ли храбрости.

— Вам нравятся те, кто вас слушает и молчит, делает, как вы говорите, не спорит. Вот такие — ваш типаж.

— Ха-ха-ха, — Анна залилась громким хохотом, — ты с чего такое взяла, милая? Где я такое говорила?

Руфи побледнела:

— Ну как же, мужчины вокруг вас именно такие, — девушка начала загибать пальцы, перечисляя: — Маркус всегда молчит, всегда позади вас, выполняет всё, что вы говорите. И что самое главное, — Руфи подняла указательный палец вверх, — вы позволяете ему общаться с вами неформально, и это только ему, между прочим.

Она продолжила:

— А как же Лукас? Он вообще иногда такое позволяет себе, а вы всё равно не сильно его наказываете. Он тоже никогда не спорит и молчит, — Руфи кивнула в знак согласия, — а на остальных вы смотрите как на врагов, особенно если они начинают спорить или отказываться подчиняться.

Анна задумалась. Ведь верно: она позволяла этим двоим и правда достаточно вольностей, но они были её ближайшими людьми, которым она доверяла как себе.

«***Главное, чтоб не подвели***».

— Руфи, ты заблуждаешься. Не обращай внимания, займись лучше обедом, — Анна отмахнулась от служанки, не желая продолжать разговор.

Она сама знает, где её слабости, и Руфи была права. Анна дорожила этими двумя, как и Эмильдой.

Эми была ей самой близкой из всех. Не имея на этой стороне моря никого из родных, ни отца, ни матери, две сестры стояли друг за друга, понимая ценность жизни каждой.

Сил им было дано предостаточно, особенно старшей Анне, и она выкладывалась максимально из возможного, показывая невероятные результаты в боях и на арене жизни.

Впервые она проявила себя на Зеленой пустоши. Это случилось 23 июня 176 года Эры Дракона.

Тогда ей исполнилось 22 года, и жители города Микаяла решили присвоить себе восточные кладки яиц, которые были созданы лично Анной и Маркусом. Только одно единственное место — восток хребта гор Эвалар —драконы приняли и создали там свои поселения, разложили яйца и бережно охраняли вместе с людьми.

Но жители Микаяла решили, что Парга много на себя берет, и двинулись в их сторону, вооружив почти четыре сотни человек, дабы поставить на колени великую империю.

Они прибыли вечером, когда их совсем не ждали, без объявления войны или предупреждения о нападении. Надеясь на эффект неожиданности, решили, что смогут победить.

Смеркалось. Небо над Парга заливалось кроваво-красными оттенками, предвещая недоброе. На горизонте, словно выползая из тьмы, показались знамена империи Микаяла. Четыре сотни закаленных воинов, облаченных в темную, потертую броню, двигались единой, зловещей массой. Их шаг был тих, но в нём слышался лязг оружия и низкое, угрожающее бормотание — предвестие надвигающейся бури.

Они шли, тихо наговаривая гимн своей страны, дабы не растерять ту злость, что в них сидела, и набраться храбрости.

Их лица были скрыты под стальными шлемами. За спинами колыхались потрепанные стяги с изображением черного ворона — символом их беспощадной силы. Армия Микаяла подошла к стенам города, тенью накрыв окрестности. Воины начали расставлять осадные орудия, их движения были быстрыми и точными.

Но им не хватило ни времени, ни сил, чтобы начать оккупацию города.

Анна поднялась на стены. Одна.

В тот миг, когда её взгляд встретил надвигающееся войско Маякала, из глубин её души хлынула сила, невидимая, но ощутимая. Её аура, цвета густой, свежей крови, начала расширяться, поглощая горизонт. Это было не просто свечение — это была субстанция, пульсирующая первобытной мощью, сотканная из тишины и бесконечного ужаса.

Эта кровавая дымка, подобно живой сущности, медленно, но неумолимо обволакивала всё вокруг, заглушая даже звуки природы. Воины Маякала, гордо стоявшие у своих осадных орудий, замерли. Их глаза, расширенные от ужаса, не могли отвести взгляд от приближающегося кошмара. Орудия, призванные нести разрушение, стали безмолвными свидетелями их собственного скорого конца.

Аура Анны была не просто визуальным устрашением. Она стала физическим воплощением её силы. Она обволакивала каждого врага вязкой, удушающей вуалью, вытягивая из них жизненные силы. Воздух становился густым, словно кровь, разбавленная тысячами эхом страха. Каждый вдох, каждый удар сердца давался с нарастающей мукой.

Один за другим воины Маякала начали падать замертво, их тела испускали последние, хриплые вздохи — их души были вырваны из пут удушающего покрова. Перед глазами потрясенных союзников, а также тех, кто ещёоставался стоять, происходило нечто ужасающее. Глазные яблоки несчастных, не выдерживая чудовищного внутреннего давления, лопались, вытекая из пустых глазниц. Кровь, словно бурлящий поток, хлынула изо рта, носа и ушей, окрашивая землю в кровавые узоры.

Когда предводитель армии Маякала, в ужасе наблюдавший за происходящим, понял, что происходит, он направил всю свою оставшуюся силу, чтобы перекрыть её, Анну, своим собственным защитным покровом.

Он надеялся спасти хоть кого-то из своих воинов, хоть малую часть разбитой армии. Но как только он попытался оказать сопротивление, столкнувшись с неукротимой мощью Анны, её кровавая аура, словно разъяренный зверь, обрушилась на него.

Покров предводителя был разорван в клочья, и сам он, под натиском немыслимой силы, превратился в облако алых брызг, рассеявшееся по ветру, как зловещее напоминание о цене противостояния.

После случившегося Анна около недели восстанавливалась в общине Маракая. Она была крайне истощена; та необузданная сила, которую она выплеснула, и колоссальный объем потерянной маны вытянули из нее все жизненные соки. Каждое утро Анна просыпалась, ощущая давящую слабость, словно тело ее стало чужим. Ее некогда яркие глаза потускнели, под ними залегли темные круги, а кожа приобрела бледный, восковой оттенок. Движения ее были медленны и осторожны, каждое усилие давалось с трудом.

За ней ухаживали волхвы общины – древние, с мудрыми морщинами, исчерченные временем, и добрыми, внимательными глазами. Их руки, покрытые шрамами прошлых битв и опытом целительства, бережно касались ее, накладывая компрессы с ароматными травами и шепча древние слова утешения.

Они приносили ей густые, питательные отвары, приготовленные из редких растений, которые, казалось, возвращали цвет ее бледным губам и разглаживали мелкие морщинки на ее лбу.

Они смогли вытянуть ее из этого состояния, ведь тот объем маны, который она потеряла, используя покров на более чем 400 человек одновременно, был невообразимо большим.

— Ну, госпожа, возможно, я и не права, но это лишь мои наблюдения, — Руфи решила прибраться на столе снова, ища невидимые крошки и сметая их себе в руку.

— Я не обвиняю тебя, наблюдай, ведь это часть твоей работы, — Анна продолжила писать за столом, не поднимая головы.

Руфи скрытно улыбнулась, ведь это было так.

Она принадлежала к числу тех, чья репутация была окутана завесой тайны. Ее мастерство владения кинжалом и другими, куда более изощренными орудиями, было не просто результатом долгих тренировок, оно было отточено до совершенства под руководством самой Анны – легендарной фигуры, чье имя вызывало трепет даже у самых отъявленных головорезов.

Анна, будучи сама непревзойденной в искусстве скрытности, смогла раскрыть Руфи, обучив ее превращаться в невидимку, бесшумно скользящую сквозь самые неприступные крепости и самые бдительные патрули.

На заданиях она была, по сути, призраком. Ее присутствие ощущалось лишь по результатам – выполненная задача, устраненная цель, добытые сведения. Она была той тенью, которая либо мелькнет на периферии сознания, либо вовсе не оставит следа, создавая ощущение, что ее никогда и не было. Никто из ее жертв или свидетелей не мог вспомнить ее лицо, ее голос, ее движения.

Она была эфемерной, неуловимой, как дым, рассеивающийся в воздухе.

Однако стоило ей оказаться вне пределов своих профессиональных обязанностей, как вся ее хладнокровная расчетливость уступала место совершенно иной роли.

В обществе Руфи превращалась в олицетворение наивности и глупости. Ее звонкий, зачастую неуместный смех, ее странная, вычурная манера говорить, ее рассеянный взгляд – все это было тщательно сконструированной маской. Никто и никогда не мог заподозрить в этой очаровательной, но слегка нелепой девчушке смертельно опасного наемника Империи.

Эта двойственность была ее главным оружием, позволяя ей оставаться незамеченной и недооцененной, пока не наступал нужный момент.

— Больше мне твоя помощь на сегодня не пригодится, — Анна закрыла папку с бумагами и направилась к выходу. — Приготовь мне на завтра одежду для полета, что-то свободное, пожалуй. Я не планирую отдыхать на балу, можно не праздное.

Она вышла, не закрыв за собой дверь.

— Да, госпожа, — Руфи поклонилась.

«*Опять не закрыла дверь*», — служанка пошла к двери, когда голос

«*Громко думаешь, Руфи*», — Анна шла спиной к ней, всё дальше по коридору, но её голос зазвенел в голове девушки.

Кровавая нить, исторгнутая из пальцев Анны, заструилась по коридору, словно оживший змей.

«***Путы***»

В тот же миг коридор преобразился.

Потемневший, он начал заливаться алым цветом, будто тысячи ран одновременно открылись на его стенах. Это была не просто краска, а субстанция, живая и тяжелая, несущая в себе отголоски боли и страха. Алый цвет пульсировал, становился то глубже, то светлее, подражая ритму бьющегося сердца.

С треском, который эхом разнесся по и без того пустующему пространству, нить достигла двери и с силой захлопнула её прямо перед лицом служанки.

Анна, казалось, втянула в себя этот новый, ужасающий мир. Приказ, исполненный ею, растворился в ней самой, как будто никогда и не был внешней силой. Всё, что ещё пару мгновений назад казалось реальным — очертания стен, слабый свет, — начало исчезать, словно

подвергаясь забвению. Анна словно стирала само своё присутствие, оставляя за собой лишь эхо силы.

Руфи, ставшая невольной свидетельницей этого акта трансформации, застыла, вцепившись в себя. Аура Анны, невидимая, но ощутимая, как ледяное дыхание, сковала её. Страх, холодный и парализующий, пронзил её насквозь, не давая пошевелиться, не давая даже вздохнуть. Она была лишь крошечной песчинкой перед неумолимой мощью, которая только что перекроила реальность по своему приказу.

«*Прошу прощения, госпожа*», — Руфи поклонилась закрытой двери и, услышав в конце коридора еле слышный смех Анны, выдохнула.

— Вот надо было мне языком чесать. Надо бы сходить к Маки, может, мои печати ослабли, — она взглянула на отметины на своих руках — те всё также были ярко выражены. — Вроде нормально, но я схожу всё равно пожалуй, мало ли что — она убрала последние вещи со стола и удалилась из кабинета.

На следующее утро отправлялись драконы Филиппа, Анны и Маркуса на Бал равноденствия.

— С днём рождения, повелитель, — Маркус подошёл к дракону императора и поклонился.

Тот сидел уже верхом и ждал последние приготовления.

У Филиппа был металлический дракон, чуть больше обычных. Такие выходят единично в помёте самки.

Их одежда для полётов была либо удобная, либо праздная. Лёгкая, словно сотканная из ночи, ткань облегала стройное тело Филиппа, не стесняя движений.

Глубокий, угольно-чёрный цвет костюма сочетался с драконом, делая всадника невидимым на спине существа. Шёлк, обработанный особым образом, нежно касался кожи, даря ощущение прохлады и невесомости.

По всей длине брюк тянутся тонкие, серебристые нити, вышитые в виде древних рун. Они мерцают при каждом движении, отражая свет далёких созвездий, словно карта небесных путей.

Свободная туника с широкими рукавами, напоминающими крылья, ниспадает до середины бедра. Она не сковывает, позволяя ветру играть с тканью, создавая призрачный шлейф позади летящей фигуры. Воротник-стойка, отделанный бархатом, добавляет образу благородства и загадочности, скрывая шею, но оставляя лицо открытым для встречного ветра.

На груди вместо тяжелых орденов — изящный кулон в форме стилизованного дракона, выполненный из обсидиана. Его крылья распахнуты, а глаза инкрустированы крошечными изумрудами, сверкающими зелёным огнём. Перчатки из тончайшей кожи, переходящие в длинные манжеты, плотно облегают руки. Они не мешают управлять драконом, но защищают от ледяного дыхания высоты. На пальцах — кольца с чёрными агатами, усиленные древней магией.

— Благодарю, Маркус, но сегодня мы отмечаем бал, — Филип проверил поводья и крикнул: — Анна, ну наконец-то, долго ждём уже. — Она шла к своему дракону, протирая глаза.

— А ты, смотрю, принарядился, — она кивнула в сторону его перстней, — прямо как богач сидишь, — она усмехнулась. Многие из придворных скрыли свои улыбки.

При выборе одежды на подобные съезды придворная семья одевается в одной цветовой гамме. Потому Анна была одета похоже, но чуть проще, нежели её *брат*. Тёмная облегающая туника, подобно второй коже, с глубоким V-образным вырезом, украшенным замысловатым плетением, открывает ключицы, создавая контраст между нежностью и суровой реальностью.

Её ткань, матовая и мягкая, словно сдержанный шёпот, намекает на свободу движений, необходимую для боя или долгого пути. Из-под туники выглядывают длинные, плотно облегающие нарукавники цвета древесной золы, переходящие в митенки. Они обнимают предпле-

чья, защищая от ветра и холода, но оставляя пальцы на воле — тонкий намёк на ловкость и готовность к действию.

На талии — сложный узел из тёмно-коричневых и терракотовых лент. Они переплетаются, образуя тугой пояс-ремень, который держит на себе несколько слоёв ткани, напоминающих асимметричную юбку или набедренную повязку. Эти слои, грубые и небрежно обвязанные, придают образу оттенок дикости, будто они собраны наскоро из подручных материалов.

Спутанные пряди золотистых волос, заплетённые в объёмную косу, свободно ниспадают на плечо, развеваясь на ветру. Отдельные пряди выбиваются, обрамляя лицо, и теряются в лёгкой дымке, словно отражая непокорный дух своей владелицы. Лёгкий, едва заметный блеск серебряных серёг в ушах, напоминающих перья или острые осколки, добавляет финальный штрих к образу загадочной воительницы.

— Почему так дико одета? Ты идёшь на приём, Анна! — Филипп властно прикрикнул, показывая своё недовольство.

Её внешний вид и правда не подходил на приём, но такова она была.

— Повелитель, я генерал армии, а не придворная принцесса. Пожалуй, это, — она осмотрела себя с ног до головы, — вполне себе разумно выглядит.

Филиппу оставалось только недовольно отвернуть лицо. Его дракон был готов, и тот взмыл в небо, оставляя дым из песка.

— Готово? Всё, погнали тогда, — Маркус и Анна переглянулись и последовали за своим императором. Больше из дворца никто не летел.

Не приглашены. Так решил Филипп.

Глава 3. Под покровом праздника

В бескрайнем небе, над зубчатыми вершинами горного хребта, три могучих дракона рассекали воздух. Их крылья, широкие и мощные, вздымали облака пыли и камня, а их рев вторил ветру, гуляющему в ущельях. Каждый из этих исполинов нес на своей спине всадника.

Металлические драконы, с чешуей, сверкающей, как полированная сталь, стремительно преодолевали горные пики. Их глаза, два изумруда, жадно вглядывались в даль, а из ноздрей вырывались клубы пара, предвещая жару и мощь.

Рядом с ними, словно отражение земной мощи, парил третий дракон. Его шкура цвета свежих листьев отличалась от своих собратьев: она была тонкая и уязвимая.

Неподалеку, словно рой перелетных птиц, двигалась стая драконов, принадлежащих другим империям. Их было множество, эти крылатые создания самых разных размеров и расцветок, несущие на своих широких спинах гостей. Их присутствие нарушало безмятежность небес, создавая пеструю мозаику из разнообразных форм и отблесков.

Вдалеке виднелся остров. Парящая громадина над землей. В былые времена императоры всех империй континента соорудили на нем великолепный замок, что поражал всех своим убранством.

Остров передвигался с места на место из-за разницы фаз луны. Тем самым его местоположение становилось известно только в определенный день — когда день и ночь становятся равны.

Империи выпускают драконов для поиска этого места, и в последнюю неделю перед собранием обустраивали замок для прибытия гостей и празднования сего дня.

У многих прибывающих вызывал трепет величественный зал аудиенций. Потолок, расписанный звездным небом, где туманности переливались невиданными цветами, казалось, скрывал в себе тайны мироздания. На полу, выложенном мозаикой из осколков небесных кристаллов, отражались блики от люстр, свисающих с невидимых нитей.

Так, на парящем острове, где небеса сливались с землей, переплетались судьбы империй и теснились великие тайны.

Каждый прибывающий, каждый взмах крыла могучего дракона, каждый шепот ветра, несущийся над изумрудными склонами, становился частью грандиозной симфонии, звучащей в сердце мира.

В этом месте они все были равны. Не было короля или императора, царила атмосфера уважения и радости.

Люди собирались в кучки для обсуждения тем или просто, чтобы похихикать над кем-то из присутствующих.

На острове том, утопающем в изумрудной траве, величественно возвышался замок. Его древние стены, украшенные могучими колоннами, казалось, хранили в себе отголоски веков, олицетворяя собой забытое могущество. Солнце лило свои золотые лучи, освещая этот райский уголок, и в его сиянии, словно величественные тени прошлого, приземлились драконы.

Нежные, но гордые, они мягко опускались на специально подготовленные поляны перед замком, их чешуя переливалась всеми оттенками радуги, а в глазах таилась мудрость тысячелетий.

Увидев прибытие гостей, слуги, облаченные в строгие, но элегантные одежды, поспешили навстречу. Склоняя головы в знак уважения, они с достоинством встречали каждого дракона, предлагая свою помощь.

После приветствия слуги провели гостей внутрь. Замок распахнул свои двери, приглашая путников в свои просторные залы. Высокие своды, украшенные искусной резьбой, отражали

мягкий свет, проникающий сквозь витражные окна. Воздух был наполнен ароматами трав и легким дуновением ветра, доносящимся с моря.

— Достаточно, я и сам могу слезть. — Анна услышала чье-то щебетание.

— Ну наконец-то, как ты? — Маркус подошел к ней. Он знал: долгие поездки не для нее. После боя на пустоши ее ноги не до конца восстановились.

— Нормально, Ирвис сегодня хорошо летела. — Анна слезла с дракона и, закинув поводья наверх, обошла ее. — Молодец, горжусь. — Она погладила переносицу дракона и прижалась лбом, благодаря своего друга.

— Да, а мой Геран будто играть вышел, спокойствия от него не дождаться. — Маркус фыркнул в сторону своего дракона. — Невозможно с ним

Анна отпустила дракона.

— Твой молодой, сколько вы вместе? — Она следила, как Ирвис улетала от нее прочь.

— Полгода. — Маркус отпустил Герана, тот в свою очередь дернулся с места, оставляя после себя клубок пыли.

— Не волнуйся, привыкнете. — Она похлопала юношу по плечу и взглянула в сторону замка. Там уже начали сгущаться гости. Каждому обязательно нужно поздороваться, обменяться любезностями.

— Смотри, это из Эллиоса прилетели. — Маркус указал в сторону двух людей. Светлые волосы девушки, собранные в свободную косу, переливались на солнце, а голубой костюм верховой езды, словно сотканный из небесной лазури, подчеркивал ее юность и грацию. На ее лице играла легкая улыбка, предвкушая предстоящее приключение. Рядом с ней шел отец – могучий мужчина с густой бородой, в которой, казалось, запутались солнечные лучи. Его зеленые глаза светились мудростью и добротой, а волосы, собранные в аккуратный хвост, не мешали ему наслаждаться прогулкой. Его одежда, выполненная в тех же нежно-голубых тонах, что и у дочери, гармонично дополняла их облик, создавая единое, целостное впечатление.

— По одежде понял? — Анна улыбнулась.

— А то. — Маркус подмигнул. — Ой, они сюда идут. — Юноша вышел вперед, чтобы поздороваться первым с гостями.

Анна отвернулась и направилась в сторону склона. Оттуда был виден весь континент, вплоть до моря Аморе, и виднелся даже кусочек Империи Красной Розы.

— Как думаете, оттуда кто-нибудь прилетел сегодня? — Анна вздрогнула. Сзади стояла та самая девушка из пары Эллиоса. Ее взгляд был настолько наивный, что Анне стало не по себе.

— Вряд ли, туда не отправляют письма. — Она отрицательно помотала головой. — Хотя я думаю, если бы и прислали, вряд ли бы нам ответили. — Предупреждая другие вопросы, Анна закончила.

— Согласна, там очень странный народ. — Девушка все стояла и уходить не планировала. — Нас не представили.— Она протянула руку для рукопожатия. — Эмилия Овва, из Эллиоса.

Анна встретила ее руку с некой осторожностью.

— Принцесса Эллиоса, очень приятно. — Игнорируя руку, она поклонилась. — Почему вы сразу не говорите, кто вы? — Анна поднялась.

Эмилия убрала руку, сложив их на груди.

— А вы не блещете манерами, госпожа. — Принцесса, вероятно, обиделась.

— Прошу прощения, но я не жму руки в целях вашей же безопасности. — Анна сняла перчатки, показывая порезы, намекая на то, какой она маг.

— Маг крови — Эмилия открыла рот от удивления.

— Госпожа, моя дочь вас утомила? — Император Эллиоса подошел к девушкам.

— Нет, ваше величество, мы мило общались. — Анна вновь поклонилась, оказывая уважение уже ему. — Вероятно, госпожа Овва просто не поняла, кто я. — Она слегка улыбнулась.

— Да, вас так мало кто видит, только император Парга, и все, что другие придворные не сразу могут признать в вас генерала армии столь великой империи. — Оббиусс Овва заулыбался. Его белоснежные зубы выглядывали из-под усов, а глаза мягко смотрели на Анну.

— Да, господин, вы правы. По долгу службы я редко выезжаю из столицы.

— Надо бы исправить это. — Оббиусс распахнул руки. — Скоро фестиваль в Грандии, мы тоже приедем. Приглашаю, будем рады вашему приезду. — Император так широко улыбался, казалось, у него порвется рот.

— С благодарностью принимаю ваше приглашение. Если не будет срочных вопросов, обязательно прибудем. — Анна указала на Маркуса, тот кивнул.

— Вы как двое из ларца, одинаковые с лица. — Принцесса слегка улыбнулась и прикрыла улыбку пальцами.

— Да, нас часто считают родственниками. — Маркус почесал затылок. — Но мы лишь друзья.

— Всего друзья? — Глаза Эмилии широко распахнулись. — Вероятно, я надумала себе, прошу меня простить. — Она резко отвернулась и побежала прочь, прямиком в главный зал замка.

— Госпожа. — Голос Овва изменился, стал более спокойным и уверенным. — Я очень рад с вами наконец-то познакомиться. На Зеленой Пустоши вы нас всех спасли, и империя Эллиос в необъятном долгу перед вами. — Император поклонился. — Не знаю, как Парга, но мы помним все благие дела для нашей империи.

Анна смотрела, как император второй по величине империи после Парга стоял в наклоне перед обычным генералом. Но для него это был жест благодарности, который она должна принять.

— Я с благодарностью принимаю ваши слова. Мой долг — помогать каждому, кто остается в беде, и неважно, чья это страна. — Она склонилась в ответ на его поклон.

— Я рад высказать вам слова благодарности. — Оббиус поднялся. — Скоро начнется приветствие, нам нужно быть в зале замка. Вы идете?

— Да, чуть позже подойдем. — Маркус подал руку императору, тот удалился.

«*Я удивлена, что Оббиусс высказал уважение, ведь я по сути мало что сделала чисто для них*», — Анна решила говорить ментально, чтобы никто не услышал подобные речи.

«*Ты спасла половину континента, ведь после нас Маякала двинулся бы в сторону Эллиоса. А у них нет подобной мощи. Точнее, тогда не было*», — Маркус посчитал такой способ общения более оптимальным.

«*Да, после того сражения они присоединили много ближних городов, например Грандия — вполне сильный город*». Они уже направлялись в сторону замка, как внезапно прибыли последние три дракона.

— Это кто? Опаздывает — Слуга в дверях недовольно пошел встречать только прибывших.

— Раху прибыли. — Маркус обернулся. И Анна тоже. С драконов, чьи чешуйки отливали бронзой в лучах солнца, спускались гости.

Четыре фигуры, каждая со своей аурой, одна интереснее другой, и это ощущалось с каждым их шагом.

Первой с драконьей спины ступила на землю женщина старшего возраста. В её облике читались достоинство и мудрость, накопленные за долгие годы. Статная, с прямой осанкой, она излучала спокойствие и авторитет, словно древняя статуя. Ее лицо, испещренное тонкими морщинками, было свидетельством пройденного пути, а взгляд, глубокий и проницательный, казалось, видел насквозь.

Рядом с ней оказалась молодая женщина, чья красота, хоть и явная, была омрачена легкой усталостью. Ее наряд, как и у спутников, был выдержан в теплых, землистых тонах —

оттенках коричневого, охры и терракоты. Праздничный, но при этом практичный, он был идеально приспособлен для верховой езды. В ее глазах читались смесь решимости и некоторой тревоги, потерянный взгляд, как у загнанной овечки.

С другой стороны спускались мужчины. Один из них, взрослый, обладал внушительной внешностью. Густая проседь в бороде придавала ему суровый, но благородный вид. Его плечи были широки, а движения — размеренны и полны уверенности. Ему в пару, или, скорее, в контраст, был юноша. Бодрый, с горящими глазами, он излучал энергию и юношеский задор. Его молодость ощущалась в каждом движении, полном легкости и оптимизма.

— Самый взрослый — Симона, с ним Томиас, — Маркус начал нашептывать на ухо Анне. — Далее, потеряшка — Алисента, а рядом — Зульфия. — Он отодвинулся.

— Опоздали, — протянула Анна, развернулась и направилась внутрь замка, отдаляясь все дальше от внезапных гостей.

Просторный зал, облицованный мрамором и украшенный величественными колоннами, гудел от многоголосия. Каждый уголок этого пространства был заполнен жизнью: смехом, оживленными беседами, звоном бокалов.

Гости, облаченные в наряды, сияющие драгоценностями и вышитые золотом, перемещались между группами, обмениваясь любезностями и новостями. Вдоль стен тянулись длинные столы, уставленные изобилием. Благоухающие блюда — дичь, запеченная с травами, изысканные рыбные деликатесы, горы фруктов и сладких пирогов — манили своим видом.

Кубки с вином, медом и ароматными напитками переливались под светом факелов, ожидая своих ценителей. Воздух был насыщен запахами специй, цветов и дорогого парфюма.

В одном из таких мест, где колонна отбрасывала глубокую тень, Анна решила найти временное укрытие. Она подошла к одному из столов, не привлекая к себе излишнего внимания, и, немного отстранившись от основной суеты, позволила себе перевести дух. Взяв в руки изящный кубок с напитком и небольшой кусочек медового пирога, она откусила, позволяя сладкому вкусу развеять легкую усталость. Оглядываясь на шумное веселье, она наблюдала за тем, как люди, забыв о повседневных заботах, наслаждаются моментом, погруженные в свои разговоры и легкое опьянение праздником.

— Скучаете, небось, — впереди показалась женская фигура.

— Нет, что вы, я всего лишь отошла от шума, — Анна подняла кубок, указывая на свою занятость.

— А мне показалось, вы прячетесь от людей, — фигура стала приближаться, выходя из тени колонны, обретая знакомые черты.

Зульфия Раху

По мере того, как она приближалась, Анна начала ощущать давление ауры Зульфии. Словно место, где она стояла, окуталось легкой дымкой, и голос госпожи доносился до неё будто издалека.

Она почувствовала, как её собственная аура, доселе спящая, начала пробуждаться. Она потянулась, словно после долгого сна, и её биение стало синхронизироваться с ритмом неизвестного, но мощного источника. Это было ощущение, которое невозможно игнорировать. В попытке сдержать этот нарастающий поток Анна склонилась, приближаясь к коленям.

Её движения были медленными, выверенными, направленными на то, чтобы не дать ауре вырваться наружу, чтобы хоть как-то её приглушить. Каждый вдох, который она брала, казался усилием, направленным против неудержимой силы, рвущейся изнутри.

Она знала, что если потеряет контроль, последствия могут быть непредсказуемыми.

«*Здесь много людей, вы хотите, чтобы я встала?*» — Анна взглянула на нее и ментально оказала давление на госпожу, что медленно приближалась.

Зульфия остановилась. Но не от давления. Она стояла и смотрела на Анну.

«*Я хочу увидеть, что внутри тебя, девочка*».

Анна, чувствуя, как первозданные силы пытаются вырваться из-под контроля, сделала глубокий вдох и направила всю свою энергию внутрь себя. Она боролась с натиском, подчиняя то, что стремилось просочиться наружу. Затем, медленно поднявшись с колен, она сосредоточила свой взор исключительно на Зульфии. Вся тяжесть её давления, вся мощь её ауры была сконцентрирована только на ней.

Покров

Теперь он окутывал только Зульфию. Анна показала ей ту мощь магии крови, которой все так боялись. Алая дымка, обычно окутывающая всё пространство, сжалась, превратившись в тугой кокон вокруг фигуры Зульфии. Внутри этого кокона, словно в вакууме, разворачивалась битва.

Анна не просто сдерживала, она исследовала, проникала в самую суть ауры Зульфии, изучая её структуру, её слабости, её силу. Это был не акт нападения, а демонстрация превосходства, урок, который Анна не желала никому другому видеть. Она давала Зульфии понять, что даже её, казалось бы, непоколебимая сила находилась под её полным контролем.

Зульфия застыла, словно изваяние, высеченное из камня. Вены на её лбу вздулись, пульсируя в унисон с нарастающей паникой, искажая черты её, казалось бы, невозмутимого лица. Оно покраснело, приобретая болезненный оттенок, словно кровь, вместо того чтобы питать, разрывала её изнутри. Давление внутри головы стало невыносимым, не давая ни единому вздоху проникнуть в легкие. Дыхание было перехвачено, оставив её в состоянии удушья, в тисках собственного страха.

Её собственное давление, её неумолимый натиск, тот покров, которым она с такой самоуверенностью накрыла Анну, теперь обернулся против неё самой. Он разорвался, словно хрупкая паутина, не выдержав контр-магии. Зульфия оказалась в собственной ловушке, в собственной игре, где правила внезапно изменились, а фигуры поменялись местами. Её замысел, задуманный как демонстрация превосходства, стал её личной клеткой, а собственная сила – инструментом её заточения.

Анна, напротив, казалась воплощением спокойствия. Она стояла ровно, не снижая напора, и смотрела четко в глаза Зульфии. Молчание Анны было тяжелее любых слов, оно давило на Зульфию, усугубляя её отчаяние. Та попыталась пошевелиться, но тело, казалось, её не слушалось. Каждая мышца была скована, каждый нерв напряжен до предела.

Паника, которая ещё недавно была лишь предчувствием, теперь захлестнула её целиком, словно цунами, смывая последние остатки самообладания. Ей хотелось кричать, молить о прощении, но из горла не вырывалось ни звука. Она была пленницей собственного страха, жертвой собственной самоуверенности.

На мгновение Зульфии показалось, что она видит Анну из другого мира, мира, где правили справедливость и истина. В этом мире Анна была символом непоколебимой силы, той силы, которую Зульфия тщетно пыталась имитировать. И теперь, лицом к лицу с этой подлинной силой, Зульфия ощущала лишь свою ничтожность, свою абсолютную беспомощность. И единственным свидетелем её падения была Анна, чьё молчание было красноречивее всяких слов.

«*Прошу меня простить, госпожа Вассилевски*», — Зульфия ментально просила прощения за поступок.

«*Зачем ты извиняешься?*»

Анна заглянула внутрь Зульфии, и её взгляд, острый, как клинок, проник сквозь слои плоти и магии.

Там, в самом сердце, она увидела не просто бьющееся сердце, но пульсацию новой жизни. Зульфия была беременна. Совсем малый срок, от силы несколько месяцев. Удивительное открытие, которое мгновенно изменило ход их противостояния.

Перед Анной встал выбор: продолжать ли своё вторжение, рискуя навредить невинному существу, или отступить, оставив Зульфию с её тайной. Но Анна не была из тех, кто действует бездумно. Понимая, насколько опасна может быть её магия для ещё не рождённого младенца, она тотчас свернула свой покров.

Намерение было мгновенным: очистить Зульфию от последних капель давления и той тяжести, что ещё недавно сковывала её.

— Вы беременны? – Анна вопросительно взглянула на Зульфию.

— Как ты узнала? — госпожа всё так же стояла, однако теперь пыталась надышаться вдоволь.

— Вы удивительны, – Вассилевски усмехнулась, – я чувствую пульсацию у вас в утробе, там явно есть жизнь, и вы пошли на меня, чтобы почувствовать на себе мою силу?

Шок Анны был немым, оглушающим. Осознание того, что Зульфия, находясь в таком уязвимом положении, осмелилась бросить вызов магу крови, это было за гранью её понимания. Бездумность её поступка поражала. В то время как Анна, обладая колоссальной силой, сдерживала себя, руководствуясь принципами защиты и ответственности, Зульфия, казалось, шла на поводу у чистого любопытства, игнорируя все возможные последствия.

Эта беременность, которая для Анны стала поводом для сдержанности и осторожности, для Зульфии, судя по всему, была лишь ещё одним фактором, который можно было включить в свою рискованную игру. Прочувствовать силу мага крови, будучи носителем новой жизни – это не просто безрассудство, это было преступлением против самой природы, против будущего, которое она носила под сердцем.

Анна ощутила, как внутри неё поднимается волна не гнева, но скорее глубокого разочарования в человеческой глупости, которая могла поставить под удар не только себя, но и ни в чём не повинное дитя.

— Я знала, что вы мудры, даже в столь юном возрасте, — госпожа обошла колонну и взяла кубок с водой.

В это время в центре зала, словно по волшебству, начались танцы народов. Атмосфера наполнилась музыкой, и люди, словно ведомые невидимым дирижёром, стали собираться в пары.

Каждая пара, взявшись за руки, закружилась в вихре своих традиционных танцев, рассказывая на языке движений древние истории и передавая из поколения в поколение культурное наследие.

Слышались звуки неведомых инструментов: где-то переливались струны лютни, где-то стучали барабаны, а где-то разливалась нежная мелодия флейты. Под этот многоголосый аккомпанемент зародились первые движения. Пары, состоящие из представителей разных уголков этого мира, начали свою импровизацию.

Гости в ярких костюмах, чья одежда мерцала в свете сотен свечей, закружились в стремительном, радостном танце, полном задорного топтания и взмахов руками. Рядом с ними, в более медленном и грациозном ритме, двигались другие пары. Их движения были плавными, почти медитативными, отражая века спокойствия и размеренности.

Мужчины вели, их шаги были уверенными и сильными, а женщины следовали за ними, словно лепестки цветка, раскрывающиеся под ласковым солнцем. В каждом движении, в каждой улыбке, в каждом взгляде, которым обменивались партнеры, чувствовалась глубокая связь, понимание и уважение к традициям своих предков.

Зал превратился в калейдоскоп культур, где каждый танец был маленькой вселенной, полной своих особых символов и значений. Толпа, собравшаяся вокруг, наблюдала с восхищением, ощущая себя частью чего-то большего, чем просто праздник. Это было единение душ, воплощенное в завораживающем ритме танца.

— Вы хотели меня проверить? — Анна улыбнулась, — но вы должны понимать, что это дурная затея.

— Согласна, но вы невероятны, и это прекрасно, — Зульфия подняла кубок в знак примирения.

Как оказалось, их с Зульфией объединяло куда больше, чем Анна могла предположить изначально. За внешней сдержанностью и, возможно, некоторой отстраненностью скрывался истинный стержень – глубокая семейственность.

Зульфия оказалась той редкой женщиной, для которой дом, семья и близкие – не просто слова, а основа мироздания. Ее мудрость, выраженная не столько в громких декларациях, сколько в тонких, ненавязчивых замечаниях, в умении уловить суть вещей, произвела на Анну огромное впечатление.

Встреча с Зульфией стала для Анны настоящим откровением. Каждый ее ответ, каждое движение, каждый взгляд, казалось, несли в себе отпечаток прожитых лет, наполненных как радостями, так и невзгодами, из которых она извлекла лишь самое ценное.

Анна почувствовала, как сама, под влиянием этой удивительной женщины, начинает смотреть на мир иначе, отбрасывая суетное и сосредотачиваясь на главном. С каждым словом, с каждым мгновением, проведенным в беседе, Анна все больше проникалась к Зульфии.

Это было не просто уважение, а скорее глубокое, искреннее восхищение. Она видела в ней не просто собеседницу, а образец той стойкости, той внутренней силы и той незыблемой женской мудрости, к которой сама стремилась.

После общения она поняла, что тот поступок по отношению к Анне был лишь из желания понять своего возможного противника и ощутить эту силу, если вдруг придется с ней столкнуться не в дружеской атмосфере.

Их разговор прервал внезапный громкий скандал в самом центре зала.

Золотой свет люстр отражался в тысячах граней хрусталя, эхом отзываясь в наполненном музыкой зале.

Среди аристократии, порхающей в вальсе, выделялась она – Эмилия, словно нежный цветок, потерявшийся в вихре страстей. Её тонкий стан, облаченный в струящееся серебро, казался хрупким, а глаза, цвета летнего неба, смотрели куда-то вдаль, не замечая ничего вокруг.

— Какая эфемерная, — прошептал Филипп, его голос, бархатный и глубокий, как вечерняя тень, был полон восхищения.

Он, мужчина, привыкший получать всё, чего желал, почувствовал, как его властное самолюбие, обычно несокрушимое, дрогнуло перед этой невинной красотой.

— Пожалуй, вы правы, ваше императорское величество, — вмешался он, юноша, чьи черты были так же резко очерчены, как и его пылкий темперамент. Он был нетерпелив, импульсивен, и в этот момент каждая клеточка его тела требовала уважения к этой девушке, — но её эфемерность не означает, что она игрушка для ваших опытных рук.

— Ты слишком молод, *Томиас*, чтобы рассуждать о моих руках, — Парга презрительно усмехнулся, взгляд его приковался к Эмилии, игнорируя нахального юнца, — тебе бы ещё детские сказки читать, а не пытаться участвовать в разговорах взрослых мужчин.

— Прекратите! — внезапно воскликнул Раху, его голос сорвался на высокой ноте. — Вы так говорите, будто ваша жизнь – это одна большая победа, а моя – жалкое недоразумение, которое можно просто отбросить! Это вас, должны учить манерам, а не меня!

— Мальчишка, ты переходишь все границы! — император сделал шаг вперёд, его кулаки сжались, — ты смеешь оскорблять меня? Меня, чьё имя знает весь континент! Ты никто, просто избалованный наследник, который думает, что всё может купить!

— Я, по крайней мере, не прячу свою трусость за золотом и титулами! — Томиас выплюнул слова, как ядовитые стрелы. — А ваши «победы» – это лишь доказательство вашей ничтожности, ведь вы и боя не выиграли за всю свою жизнь, прячась за спиной своего генерала!

Эмилия, словно ожившая из сна, обернулась. Её взгляд, мягкий и печальный, скользнул по враждующим мужчинам, и в нём не было ни страха, ни осуждения, лишь тихая скорбь. Она молча вытянула руку, и её пальцы легли на руку Томиаса, призывая к покою.

Он считал своим долгом защитить принцессу от похотливых глаз императора Парга и потому вступил с ним в конфликт, не следя за своими словами. Младший Раху никогда не был склонен к дипломатии, предпочитая прямоту и решительность, которые, как он полагал, всегда служили ему верой и правдой.

В этот раз, однако, его самоуверенность сыграла с ним злую шутку.

Последствия не заставили себя долго ждать. Слова, брошенные им в пылу гнева, подобно бумерангу, вернулись, принеся с собой лишь горечь и сожаление. Он увидел, как лицо императора, доселе казавшееся просто презрительным, исказилось от ярости, как в его глазах зажёгся холодный огонь, предвещающий немилость.

Чувство тщеславия, которое так долго давало Томиасу силы, теперь обернулось против него. Он понял, что его пылкая речь, направленная на защиту, лишь подстегнула императора, выставив самого Томиаса в уязвимом свете.

Защитить свою принцессу? Он только что поставил под удар не только её, но и, возможно, всю его семью, его земли, его собственную жизнь. Он почувствовал, как холодный озноб пробежал по спине.

Это было не то сражение, которое он себе представлял.

Это было столкновение, где его оружие – храбрость и верность – оказалось бесполезным против безграничной власти и безжалостности.

Томиас понял, что совершил ужасную ошибку, недооценив противника и переоценив свою собственную способность влиять на ход событий.

«*Что же делать?*»

Из-за спины Филиппа показалась фигура женщины. Её рука, нежно, но властно, легла на плечо императора.

Тонкие пальцы, украшенные узорами рун, едва ощутимо сжали ткань его камзола.

Она не произнесла ни слова, но её присутствие перекрывало весь шум и суету придворной толпы.

Зульфия же, будто тень, обошла их. Её путь был бесшумен, как движение хищника. Она остановилась позади Томиаса, её силуэт вырисовывался на фоне гобеленов, украшавших стену. Жемчужное ожерелье, обвивавшее её шею, мерцало в свете канделябров, отбрасывая призрачные блики. Её лицо, обычно непроницаемое, сейчас выражало холодное спокойствие, за которым, как знали лишь самые близкие, таилась сталь. Она мать, она защитница, она самая могущественная союзница своему сыну – Зульфия была готова к любому исходу.

Филипп почувствовал прикосновение Анны.

— *Я думаю, достаточно, Филипп.*

Она слегка придавила Филиппа своей аурой, укрощая его строптивый пыл. Её взгляд, спокойный и вдумчивый, был полон силы, которая останавливала его мысли и движения.

В воздухе повисло едва уловимое напряжение, сотканное из невысказанных слов и взглядов, которыми они обменивались. Филипп почувствовал, как привычный ритм его сердца успокаивается, а привычные мысли начинают ложиться в ровном порядке.

Он попытался уловить момент, когда эта перемена произошла, но как ни старался, не мог найти точную точку. Возможно, это было в тот миг, когда её рука коснулась его плеча. Аура Анны, о которой он всегда думал как о чём-то подавляющем, теперь обрела грани, о которых он не подозревал.

Это было не подавление, а скорее трансформация, которая делала саму сущность Филиппа более спокойной, будто она усыпляла его пыл, то, что он сам сделать не в состоянии.

Он чувствовал, как его собственный пыл, обычно стремящийся вырваться наружу, теперь оказался в изящной оправе её присутствия.

— Да, ты права, думаю, достаточно мы провели на этом празднике жизни, — Филипп сбросил её руку и яростно направился к выходу.

Анна взглянула на Раху. Они стояли чуть поодаль, слегка перешёптываясь. Данный конфликт разгорелся.

— Госпожа, я бы хотел извиниться за своего мага, — император Овва подошёл к ней, чуть кланяясь.

— Не стоит извинений, — Анна вытянула руку, останавливая его. — Самолюбие Филиппа было задето. Если и извиняться, то не так, и, — она покачала головой, — вряд ли я смогу что-то сделать.

Оббиус понял её слова. Она имела в виду лишь одно: этот конфликт повлечёт за собой явные последствия, но для кого какие — придумать сложно.

Ведь Филипп непредсказуем.

Домой они возвращались в полной тишине. Не прощаясь, разошлись по комнатам.

Лунный свет, пробиваясь сквозь высокие окна, рисовал на полу причудливые узоры, словно пытаясь утешить их, но утешение не приходило.

На следующий день, когда солнце только поднялось, Филипп ворвался в комнату Анны.

— Анна! — он сидел на краю кровати, теребя её за плечи, пытаясь разбудить.

Ещё не до конца осознав происходящее после сна, Анна вызвала свои кинжалы.

Холодная сталь легла в ладони, словно продолжение её самой. Её движения были быстрыми, отточенными, лишёнными колебаний. В одно стремительное движение она подняла лезвия, прижимая их к горлу Филиппа, который сидел рядом на кровати.

Его глаза, широко распахнутые от внезапного ужаса, отражали утренний свет. Застывший на его лице ужас сменился яростью. Это была не просто злость, а обжигающий, всепоглощающий гнев.

В глубине его зрачков, казалось, вспыхнули чёрные языки пламени, разгораясь от обиды и ощущения предательства. Он почувствовал, как ледяные кончики клинков впиваются в нежную кожу, и лишь дрогнувшая мышца выдавала его попытку сделать глоток воздуха.

— Что ты делаешь тут утром, Филипп!? — она опустила оружие, скрывая его в руках.

Он сидел, яростно глядя в её глаза.

— Я здесь не для того, чтобы ты мне указывала, Анна, — он покинул своё место. — Вспомни, кто ты и кто я, чтобы так со мной говорить.

Филипп уже стоял у окна и вглядывался вдаль.

— Прошу меня простить, повелитель, — Анна начала было вставать, как он резко её одёрнул.

— Да как ты смеешь подшучивать надо мной?! Ничтожество! Ты обычный генерал моей армии и смеешь называть меня повелителем?! Я император! Император! — выкрикивая слова, его слюна разлеталась повсюду от злости, брызгая в разные стороны, и образуя пену у уголков рта.

Глаза его почернели, и даже проблеска родного цвета не было.

— ты не посмеешь использовать против меня свою магию, девка, — он поднял в руках кулон из черного обсидиана в серебряной оправе, камня, что являлся мощным источником защиты от психического воздействия, того самого, что направляет Анна на Филиппа.

— я бы не посмела, ваше императорское величество, — Анна сползла на колени с кровати, — я выполню любой ваш приказ, мой господин.

Обсидиан, мощный артефакт. Этого камня на континенте осталось невыносимо мало, и найти целый, да ещё почти с ладонь, было настоящим чудом.

Да, он мог блокировать атаку мага крови, но только одну.

«*Видимо, специально искал, чтобы меня прогнуть*».

— так-то лучше, Анна, — Филипп надел на шею кулон с камнем и сел за стол. — есть для тебя дельце, и для твоей Руфи, — он сидел, потирая ладони, предвкушая свой приказ.

— да, господин, приказывайте, мы с благодарностью примем его и выполним в кратчайшие сроки, — Анна не поднимала головы, ощущая лишь его пристальный взгляд.

— этот выскочка на балу, Раху. Его мать — убей её.

Анна резко подняла глаза.

«*Как, убить Зульфию?*»

Филипп сидел и уже разглядывал свои пальцы.

Его невозмутимость, вероятно, он всю ночь об этом думал, его план мести.

— и не смей мне перечить, или твоя голова, или её. Запомни, *девка*. — он ушёл.

Убить беременную главу семьи Раху, Зульфию Раху.

Металлические драконы, с чешуей, сверкающей, как полированная сталь, стремительно преодолевали горные пики. Их глаза, два изумруда, жадно вглядывались в даль, а из ноздрей вырывались клубы пара, предвещая жару и мощь.

Рядом с ними, словно отражение земной мощи, парил третий дракон. Его шкура цвета свежих листьев отличалась от своих собратьев: она была тонкая и уязвимая.

Неподалеку, словно рой перелетных птиц, двигалась стая драконов, принадлежащих другим империям. Их было множество, эти крылатые создания самых разных размеров и расцветок, несущие на своих широких спинах гостей. Их присутствие нарушало безмятежность небес, создавая пеструю мозаику из разнообразных форм и отблесков.

Вдалеке виднелся остров. Парящая громадина над землей. В былые времена императоры всех империй континента соорудили на нем великолепный замок, что поражал всех своим убранством.

Остров передвигался с места на место из-за разницы фаз луны. Тем самым его местоположение становилось известно только в определенный день — когда день и ночь становятся равны.

Империи выпускают драконов для поиска этого места, и в последнюю неделю перед собранием обустраивали замок для прибытия гостей и празднования сего дня.

У многих прибывающих вызывал трепет величественный зал аудиенций. Потолок, расписанный звездным небом, где туманности переливались невиданными цветами, казалось, скрывал в себе тайны мироздания. На полу, выложенном мозаикой из осколков небесных кристаллов, отражались блики от люстр, свисающих с невидимых нитей.

Так, на парящем острове, где небеса сливались с землей, переплетались судьбы империй и теснились великие тайны.

Каждый прибывающий, каждый взмах крыла могучего дракона, каждый шепот ветра, несущийся над изумрудными склонами, становился частью грандиозной симфонии, звучащей в сердце мира.

В этом месте они все были равны. Не было короля или императора, царила атмосфера уважения и радости.

Люди собирались в кучки для обсуждения тем или просто, чтобы похихикать над кем-то из присутствующих.

На острове том, утопающем в изумрудной траве, величественно возвышался замок. Его древние стены, украшенные могучими колоннами, казалось, хранили в себе отголоски веков, олицетворяя собой забытое могущество. Солнце лило свои золотые лучи, освещая этот райский уголок, и в его сиянии, словно величественные тени прошлого, приземлились драконы.

Нежные, но гордые, они мягко опускались на специально подготовленные поляны перед замком, их чешуя переливалась всеми оттенками радуги, а в глазах таилась мудрость тысячелетий.

Увидев прибытие гостей, слуги, облаченные в строгие, но элегантные одежды, поспешили навстречу. Склоняя головы в знак уважения, они с достоинством встречали каждого дракона, предлагая свою помощь.

После приветствия слуги провели гостей внутрь. Замок распахнул свои двери, приглашая путников в свои просторные залы. Высокие своды, украшенные искусной резьбой, отражали мягкий свет, проникающий сквозь витражные окна. Воздух был наполнен ароматами трав и легким дуновением ветра, доносящимся с моря.

— Достаточно, я и сам могу слезть. — Анна услышала чье-то щебетание.

— Ну наконец-то, как ты? — Маркус подошел к ней. Он знал: долгие поездки не для нее. После боя на пустоши ее ноги не до конца восстановились.

— Нормально, Ирвис сегодня хорошо летела. — Анна слезла с дракона и, закинув поводья наверх, обошла ее. — Молодец, горжусь. — Она погладила переносицу дракона и прижалась лбом, благодаря своего друга.

— Да, а мой Геран будто играть вышел, спокойствия от него не дождаться. — Маркус фыркнул в сторону своего дракона. — Невозможно с ним

Анна отпустила дракона.

— Твой молодой, сколько вы вместе? — Она следила, как Ирвис улетала от нее прочь.

— Полгода. — Маркус отпустил Герана, тот в свою очередь дернулся с места, оставляя после себя клубок пыли.

— Не волнуйся, привыкнете. — Она похлопала юношу по плечу и взглянула в сторону замка. Там уже начали сгущаться гости. Каждому обязательно нужно поздороваться, обменяться любезностями.

— Смотри, это из Эллиоса прилетели. — Маркус указал в сторону двух людей. Светлые волосы девушки, собранные в свободную косу, переливались на солнце, а голубой костюм верховой езды, словно сотканный из небесной лазури, подчеркивал ее юность и грацию. На ее лице играла легкая улыбка, предвкушая предстоящее приключение. Рядом с ней шел отец – могучий мужчина с густой бородой, в которой, казалось, запутались солнечные лучи. Его зеленые глаза светились мудростью и добротой, а волосы, собранные в аккуратный хвост, не мешали ему наслаждаться прогулкой. Его одежда, выполненная в тех же нежно-голубых тонах, что и у дочери, гармонично дополняла их облик, создавая единое, целостное впечатление.

— По одежде понял? — Анна улыбнулась.

— А то. — Маркус подмигнул. — Ой, они сюда идут. — Юноша вышел вперед, чтобы поздороваться первым с гостями.

Анна отвернулась и направилась в сторону склона. Оттуда был виден весь континент, вплоть до моря Аморе, и виднелся даже кусочек Империи Красной Розы.

— Как думаете, оттуда кто-нибудь прилетел сегодня? — Анна вздрогнула. Сзади стояла та самая девушка из пары Эллиоса. Ее взгляд был настолько наивный, что Анне стало не по себе.

— Вряд ли, туда не отправляют письма. — Она отрицательно помотала головой. — Хотя я думаю, если бы и прислали, вряд ли бы нам ответили. — Предупреждая другие вопросы, Анна закончила.

— Согласна, там очень странный народ. — Девушка все стояла и уходить не планировала. — Нас не представили.— Она протянула руку для рукопожатия. — Эмилия Овва, из Эллиоса.

Анна встретила ее руку с некой осторожностью.

— Принцесса Эллиоса, очень приятно. — Игнорируя руку, она поклонилась. — Почему вы сразу не говорите, кто вы? — Анна поднялась.

Эмилия убрала руку, сложив их на груди.

— А вы не блещете манерами, госпожа. — Принцесса, вероятно, обиделась.

— Прошу прощения, но я не жму руки в целях вашей же безопасности. — Анна сняла перчатки, показывая порезы, намекая на то, какой она маг.

— Маг крови — Эмилия открыла рот от удивления.

— Госпожа, моя дочь вас утомила? — Император Эллиоса подошел к девушкам.

— Нет, ваше величество, мы мило общались. — Анна вновь поклонилась, оказывая уважение уже ему. — Вероятно, госпожа Овва просто не поняла, кто я. — Она слегка улыбнулась.

— Да, вас так мало кто видит, только император Парга, и все, что другие придворные не сразу могут признать в вас генерала армии столь великой империи. — Оббиусс Овва заулыбался. Его белоснежные зубы выглядывали из-под усов, а глаза мягко смотрели на Анну.

— Да, господин, вы правы. По долгу службы я редко выезжаю из столицы.

— Надо бы исправить это. — Оббиусс распахнул руки. — Скоро фестиваль в Грандии, мы тоже приедем. Приглашаю, будем рады вашему приезду. — Император так широко улыбался, казалось, у него порвется рот.

— С благодарностью принимаю ваше приглашение. Если не будет срочных вопросов, обязательно прибудем. — Анна указала на Маркуса, тот кивнул.

— Вы как двое из ларца, одинаковые с лица. — Принцесса слегка улыбнулась и прикрыла улыбку пальцами.

— Да, нас часто считают родственниками. — Маркус почесал затылок. — Но мы лишь друзья.

— Всего друзья? — Глаза Эмилии широко распахнулись. — Вероятно, я надумала себе, прошу меня простить. — Она резко отвернулась и побежала прочь, прямиком в главный зал замка.

— Госпожа. — Голос Овва изменился, стал более спокойным и уверенным. — Я очень рад с вами наконец-то познакомиться. На Зеленой Пустоши вы нас всех спасли, и империя Эллиос в необъятном долгу перед вами. — Император поклонился. — Не знаю, как Парга, но мы помним все благие дела для нашей империи.

Анна смотрела, как император второй по величине империи после Парга стоял в наклоне перед обычным генералом. Но для него это был жест благодарности, который она должна принять.

— Я с благодарностью принимаю ваши слова. Мой долг — помогать каждому, кто остается в беде, и неважно, чья это страна. — Она склонилась в ответ на его поклон.

— Я рад высказать вам слова благодарности. — Оббиус поднялся. — Скоро начнется приветствие, нам нужно быть в зале замка. Вы идете?

— Да, чуть позже подойдем. — Маркус подал руку императору, тот удалился.

«*Я удивлена, что Оббиусс высказал уважение, ведь я по сути мало что сделала чисто для них*», — Анна решила говорить ментально, чтобы никто не услышал подобные речи.

«*Ты спасла половину континента, ведь после нас Маякала двинулся бы в сторону Эллиоса. А у них нет подобной мощи. Точнее, тогда не было*», — Маркус посчитал такой способ общения более оптимальным.

«*Да, после того сражения они присоединили много ближних городов, например Грандия — вполне сильный город*». Они уже направлялись в сторону замка, как внезапно прибыли последние три дракона.

— Это кто? Опаздывает — Слуга в дверях недовольно пошел встречать только прибывших.

— Раху прибыли. — Маркус обернулся. И Анна тоже. С драконов, чьи чешуйки отливали бронзой в лучах солнца, спускались гости.

Четыре фигуры, каждая со своей аурой, одна интереснее другой, и это ощущалось с каждым их шагом.

Первой с драконьей спины ступила на землю женщина старшего возраста. В её облике читались достоинство и мудрость, накопленные за долгие годы. Статная, с прямой осанкой, она излучала спокойствие и авторитет, словно древняя статуя. Ее лицо, испещренное тонкими морщинками, было свидетельством пройденного пути, а взгляд, глубокий и проницательный, казалось, видел насквозь.

Рядом с ней оказалась молодая женщина, чья красота, хоть и явная, была омрачена легкой усталостью. Ее наряд, как и у спутников, был выдержан в теплых, землистых тонах — оттенках коричневого, охры и терракоты. Праздничный, но при этом практичный, он был идеально приспособлен для верховой езды. В ее глазах читались смесь решимости и некоторой тревоги, потерянный взгляд, как у загнанной овечки.

С другой стороны спускались мужчины. Один из них, взрослый, обладал внушительной внешностью. Густая проседь в бороде придавала ему суровый, но благородный вид. Его плечи были широки, а движения — размеренны и полны уверенности. Ему в пару, или, скорее, в контраст, был юноша. Бодрый, с горящими глазами, он излучал энергию и юношеский задор. Его молодость ощущалась в каждом движении, полном легкости и оптимизма.

— Самый взрослый — Симона, с ним Томиас, — Маркус начал нашептывать на ухо Анне. — Далее, потеряшка — Алисента, а рядом — Зульфия. — Он отодвинулся.

— Опоздали, — протянула Анна, развернулась и направилась внутрь замка, отдаляясь все дальше от внезапных гостей.

Просторный зал, облицованный мрамором и украшенный величественными колоннами, гудел от многоголосия. Каждый уголок этого пространства был заполнен жизнью: смехом, оживленными беседами, звоном бокалов.

Гости, облаченные в наряды, сияющие драгоценностями и вышитые золотом, перемещались между группами, обмениваясь любезностями и новостями. Вдоль стен тянулись длинные столы, уставленные изобилием. Благоухающие блюда — дичь, запеченная с травами, изысканные рыбные деликатесы, горы фруктов и сладких пирогов — манили своим видом.

Кубки с вином, медом и ароматными напитками переливались под светом факелов, ожидая своих ценителей. Воздух был насыщен запахами специй, цветов и дорогого парфюма.

В одном из таких мест, где колонна отбрасывала глубокую тень, Анна решила найти временное укрытие. Она подошла к одному из столов, не привлекая к себе излишнего внимания, и, немного отстранившись от основной суеты, позволила себе перевести дух. Взяв в руки изящный кубок с напитком и небольшой кусочек медового пирога, она откусила, позволяя сладкому вкусу развеять легкую усталость. Оглядываясь на шумное веселье, она наблюдала за тем, как люди, забыв о повседневных заботах, наслаждаются моментом, погруженные в свои разговоры и легкое опьянение праздником.

— Скучаете, небось, — впереди показалась женская фигура.

— Нет, что вы, я всего лишь отошла от шума, — Анна подняла кубок, указывая на свою занятость.

— А мне показалось, вы прячетесь от людей, — фигура стала приближаться, выходя из тени колонны, обретая знакомые черты.

Зульфия Раху

По мере того, как она приближалась, Анна начала ощущать давление ауры Зульфии. Словно место, где она стояла, окуталось легкой дымкой, и голос госпожи доносился до неё будто издалека.

Она почувствовала, как её собственная аура, доселе спящая, начала пробуждаться. Она потянулась, словно после долгого сна, и её биение стало синхронизироваться с ритмом неиз-

вестного, но мощного источника. Это было ощущение, которое невозможно игнорировать. В попытке сдержать этот нарастающий поток Анна склонилась, приближаясь к коленям.

Её движения были медленными, выверенными, направленными на то, чтобы не дать ауре вырваться наружу, чтобы хоть как-то её приглушить. Каждый вдох, который она брала, казался усилием, направленным против неудержимой силы, рвущейся изнутри.

Она знала, что если потеряет контроль, последствия могут быть непредсказуемыми.

«*Здесь много людей, вы хотите, чтобы я встала?*» — Анна взглянула на нее и ментально оказала давление на госпожу, что медленно приближалась.

Зульфия остановилась. Но не от давления. Она стояла и смотрела на Анну.

«*Я хочу увидеть, что внутри тебя, девочка*».

Анна, чувствуя, как первозданные силы пытаются вырваться из-под контроля, сделала глубокий вдох и направила всю свою энергию внутрь себя. Она боролась с натиском, подчиняя то, что стремилось просочиться наружу. Затем, медленно поднявшись с колен, она сосредоточила свой взор исключительно на Зульфии. Вся тяжесть её давления, вся мощь её ауры была сконцентрирована только на ней.

Покров

Теперь он окутывал только Зульфию. Анна показала ей ту мощь магии крови, которой все так боялись. Алая дымка, обычно окутывающая всё пространство, сжалась, превратившись в тугой кокон вокруг фигуры Зульфии. Внутри этого кокона, словно в вакууме, разворачивалась битва.

Анна не просто сдерживала, она исследовала, проникала в самую суть ауры Зульфии, изучая её структуру, её слабости, её силу. Это был не акт нападения, а демонстрация превосходства, урок, который Анна не желала никому другому видеть. Она давала Зульфии понять, что даже её, казалось бы, непоколебимая сила находилась под её полным контролем.

Зульфия застыла, словно изваяние, высеченное из камня. Вены на её лбу вздулись, пульсируя в унисон с нарастающей паникой, искажая черты её, казалось бы, невозмутимого лица. Оно покраснело, приобретая болезненный оттенок, словно кровь, вместо того чтобы питать, разрывала её изнутри. Давление внутри головы стало невыносимым, не давая ни единому вздоху проникнуть в легкие. Дыхание было перехвачено, оставив её в состоянии удушья, в тисках собственного страха.

Её собственное давление, её неумолимый натиск, тот покров, которым она с такой самоуверенностью накрыла Анну, теперь обернулся против неё самой. Он разорвался, словно хрупкая паутина, не выдержав контр-магии. Зульфия оказалась в собственной ловушке, в собственной игре, где правила внезапно изменились, а фигуры поменялись местами. Её замысел, задуманный как демонстрация превосходства, стал её личной клеткой, а собственная сила – инструментом её заточения.

Анна, напротив, казалась воплощением спокойствия. Она стояла ровно, не снижая напора, и смотрела четко в глаза Зульфии. Молчание Анны было тяжелее любых слов, оно давило на Зульфию, усугубляя её отчаяние. Та попыталась пошевелиться, но тело, казалось, её не слушалось. Каждая мышца была скована, каждый нерв напряжен до предела.

Паника, которая ещё недавно была лишь предчувствием, теперь захлестнула её целиком, словно цунами, смывая последние остатки самообладания. Ей хотелось кричать, молить о прощении, но из горла не вырывалось ни звука. Она была пленницей собственного страха, жертвой собственной самоуверенности.

На мгновение Зульфии показалось, что она видит Анну из другого мира, мира, где правили справедливость и истина. В этом мире Анна была символом непоколебимой силы, той силы, которую Зульфия тщетно пыталась имитировать. И теперь, лицом к лицу с этой подлинной силой, Зульфия ощущала лишь свою ничтожность, свою абсолютную беспомощность. И

единственным свидетелем её падения была Анна, чьё молчание было красноречивее всяких слов.

«*Прошу меня простить, госпожа Вассилевски*», — Зульфия ментально просила прощения за поступок.

«*Зачем ты извиняешься?*»

Анна заглянула внутрь Зульфии, и её взгляд, острый, как клинок, проник сквозь слои плоти и магии.

Там, в самом сердце, она увидела не просто бьющееся сердце, но пульсацию новой жизни. Зульфия была беременна. Совсем малый срок, от силы несколько месяцев. Удивительное открытие, которое мгновенно изменило ход их противостояния.

Перед Анной встал выбор: продолжать ли своё вторжение, рискуя навредить невинному существу, или отступить, оставив Зульфию с её тайной. Но Анна не была из тех, кто действует бездумно. Понимая, насколько опасна может быть её магия для ещё не рождённого младенца, она тотчас свернула свой покров.

Намерение было мгновенным: очистить Зульфию от последних капель давления и той тяжести, что ещё недавно сковывала её.

— Вы беременны? – Анна вопросительно взглянула на Зульфию.

— Как ты узнала? — госпожа всё так же стояла, однако теперь пыталась надышаться вдоволь.

— Вы удивительны, – Вассилевски усмехнулась, – я чувствую пульсацию у вас в утробе, там явно есть жизнь, и вы пошли на меня, чтобы почувствовать на себе мою силу?

Шок Анны был немым, оглушающим. Осознание того, что Зульфия, находясь в таком уязвимом положении, осмелилась бросить вызов магу крови, это было за гранью её понимания. Бездумность её поступка поражала. В то время как Анна, обладая колоссальной силой, сдерживала себя, руководствуясь принципами защиты и ответственности, Зульфия, казалось, шла на поводу у чистого любопытства, игнорируя все возможные последствия.

Эта беременность, которая для Анны стала поводом для сдержанности и осторожности, для Зульфии, судя по всему, была лишь ещё одним фактором, который можно было включить в свою рискованную игру. Прочувствовать силу мага крови, будучи носителем новой жизни – это не просто безрассудство, это было преступлением против самой природы, против будущего, которое она носила под сердцем.

Анна ощутила, как внутри неё поднимается волна не гнева, но скорее глубокого разочарования в человеческой глупости, которая могла поставить под удар не только себя, но и ни в чём не повинное дитя.

— Я знала, что вы мудры, даже в столь юном возрасте, — госпожа обошла колонну и взяла кубок с водой.

В это время в центре зала, словно по волшебству, начались танцы народов. Атмосфера наполнилась музыкой, и люди, словно ведомые невидимым дирижёром, стали собираться в пары.

Каждая пара, взявшись за руки, закружилась в вихре своих традиционных танцев, рассказывая на языке движений древние истории и передавая из поколения в поколение культурное наследие.

Слышались звуки неведомых инструментов: где-то переливались струны лютни, где-то стучали барабаны, а где-то разливалась нежная мелодия флейты. Под этот многоголосый аккомпанемент зародились первые движения. Пары, состоящие из представителей разных уголков этого мира, начали свою импровизацию.

Гости в ярких костюмах, чья одежда мерцала в свете сотен свечей, закружились в стремительном, радостном танце, полном задорного топтания и взмахов руками. Рядом с ними, в

более медленном и грациозном ритме, двигались другие пары. Их движения были плавными, почти медитативными, отражая века спокойствия и размеренности.

Мужчины вели, их шаги были уверенными и сильными, а женщины следовали за ними, словно лепестки цветка, раскрывающиеся под ласковым солнцем. В каждом движении, в каждой улыбке, в каждом взгляде, которым обменивались партнеры, чувствовалась глубокая связь, понимание и уважение к традициям своих предков.

Зал превратился в калейдоскоп культур, где каждый танец был маленькой вселенной, полной своих особых символов и значений. Толпа, собравшаяся вокруг, наблюдала с восхищением, ощущая себя частью чего-то большего, чем просто праздник. Это было единение душ, воплощенное в завораживающем ритме танца.

— Вы хотели меня проверить? — Анна улыбнулась, — но вы должны понимать, что это дурная затея.

— Согласна, но вы невероятны, и это прекрасно, — Зульфия подняла кубок в знак примирения.

Как оказалось, их с Зульфией объединяло куда больше, чем Анна могла предположить изначально. За внешней сдержанностью и, возможно, некоторой отстраненностью скрывался истинный стержень – глубокая семейственность.

Зульфия оказалась той редкой женщиной, для которой дом, семья и близкие – не просто слова, а основа мироздания. Ее мудрость, выраженная не столько в громких декларациях, сколько в тонких, ненавязчивых замечаниях, в умении уловить суть вещей, произвела на Анну огромное впечатление.

Встреча с Зульфией стала для Анны настоящим откровением. Каждый ее ответ, каждое движение, каждый взгляд, казалось, несли в себе отпечаток прожитых лет, наполненных как радостями, так и невзгодами, из которых она извлекла лишь самое ценное.

Анна почувствовала, как сама, под влиянием этой удивительной женщины, начинает смотреть на мир иначе, отбрасывая суетное и сосредотачиваясь на главном. С каждым словом, с каждым мгновением, проведенным в беседе, Анна все больше проникалась к Зульфии.

Это было не просто уважение, а скорее глубокое, искреннее восхищение. Она видела в ней не просто собеседницу, а образец той стойкости, той внутренней силы и той незыблемой женской мудрости, к которой сама стремилась.

После общения она поняла, что тот поступок по отношению к Анне был лишь из желания понять своего возможного противника и ощутить эту силу, если вдруг придется с ней столкнуться не в дружеской атмосфере.

Их разговор прервал внезапный громкий скандал в самом центре зала.

Золотой свет люстр отражался в тысячах граней хрусталя, эхом отзываясь в наполненном музыкой зале.

Среди аристократии, порхающей в вальсе, выделялась она – Эмилия, словно нежный цветок, потерявшийся в вихре страстей. Её тонкий стан, облаченный в струящееся серебро, казался хрупким, а глаза, цвета летнего неба, смотрели куда-то вдаль, не замечая ничего вокруг.

— Какая эфемерная, — прошептал Филипп, его голос, бархатный и глубокий, как вечерняя тень, был полон восхищения.

Он, мужчина, привыкший получать всё, чего желал, почувствовал, как его властное самолюбие, обычно несокрушимое, дрогнуло перед этой невинной красотой.

— Пожалуй, вы правы, ваше императорское величество, — вмешался он, юноша, чьи черты были так же резко очерчены, как и его пылкий темперамент. Он был нетерпелив, импульсивен, и в этот момент каждая клеточка его тела требовала уважения к этой девушке, — но её эфемерность не означает, что она игрушка для ваших опытных рук.

— Ты слишком молод, *Томиас*, чтобы рассуждать о моих руках, — Парга презрительно усмехнулся, взгляд его приковался к Эмилии, игнорируя нахального юнца, — тебе бы ещё детские сказки читать, а не пытаться участвовать в разговорах взрослых мужчин.

— Прекратите! — внезапно воскликнул Раху, его голос сорвался на высокой ноте. — Вы так говорите, будто ваша жизнь – это одна большая победа, а моя – жалкое недоразумение, которое можно просто отбросить! Это вас, должны учить манерам, а не меня!

— Мальчишка, ты переходишь все границы! — император сделал шаг вперёд, его кулаки сжались, — ты смеешь оскорблять меня? Меня, чьё имя знает весь континент! Ты никто, просто избалованный наследник, который думает, что всё может купить!

— Я, по крайней мере, не прячу свою трусость за золотом и титулами! — Томиас выплюнул слова, как ядовитые стрелы. — А ваши «победы» – это лишь доказательство вашей ничтожности, ведь вы и боя не выиграли за всю свою жизнь, прячась за спиной своего генерала!

Эмилия, словно ожившая из сна, обернулась. Её взгляд, мягкий и печальный, скользнул по враждующим мужчинам, и в нём не было ни страха, ни осуждения, лишь тихая скорбь. Она молча вытянула руку, и её пальцы легли на руку Томиаса, призывая к покою.

Он считал своим долгом защитить принцессу от похотливых глаз императора Парга и потому вступил с ним в конфликт, не следя за своими словами. Младший Раху никогда не был склонен к дипломатии, предпочитая прямоту и решительность, которые, как он полагал, всегда служили ему верой и правдой.

В этот раз, однако, его самоуверенность сыграла с ним злую шутку.

Последствия не заставили себя долго ждать. Слова, брошенные им в пылу гнева, подобно бумерангу, вернулись, принеся с собой лишь горечь и сожаление. Он увидел, как лицо императора, доселе казавшееся просто презрительным, исказилось от ярости, как в его глазах зажёгся холодный огонь, предвещающий немилость.

Чувство тщеславия, которое так долго давало Томиасу силы, теперь обернулось против него. Он понял, что его пылкая речь, направленная на защиту, лишь подстегнула императора, выставив самого Томиаса в уязвимом свете.

Защитить свою принцессу? Он только что поставил под удар не только её, но и, возможно, всю его семью, его земли, его собственную жизнь. Он почувствовал, как холодный озноб пробежал по спине.

Это было не то сражение, которое он себе представлял.

Это было столкновение, где его оружие – храбрость и верность – оказалось бесполезным против безграничной власти и безжалостности.

Томиас понял, что совершил ужасную ошибку, недооценив противника и переоценив свою собственную способность влиять на ход событий.

«*Что же делать?*»

Из-за спины Филиппа показалась фигура женщины. Её рука, нежно, но властно, легла на плечо императора.

Тонкие пальцы, украшенные узорами рун, едва ощутимо сжали ткань его камзола.

Она не произнесла ни слова, но её присутствие перекрывало весь шум и суету придворной толпы.

Зульфия же, будто тень, обошла их. Её путь был бесшумен, как движение хищника. Она остановилась позади Томиаса, её силуэт вырисовывался на фоне гобеленов, украшавших стену. Жемчужное ожерелье, обвивавшее её шею, мерцало в свете канделябров, отбрасывая призрачные блики. Её лицо, обычно непроницаемое, сейчас выражало холодное спокойствие, за которым, как знали лишь самые близкие, таилась сталь. Она мать, она защитница, она самая могущественная союзница своему сыну – Зульфия была готова к любому исходу.

Филипп почувствовал прикосновение Анны.

— *Я думаю, достаточно, Филипп.*

Она слегка придавила Филиппа своей аурой, укрощая его строптивый пыл. Её взгляд, спокойный и вдумчивый, был полон силы, которая останавливала его мысли и движения.

В воздухе повисло едва уловимое напряжение, сотканное из невысказанных слов и взглядов, которыми они обменивались. Филипп почувствовал, как привычный ритм его сердца успокаивается, а привычные мысли начинают ложиться в ровном порядке.

Он попытался уловить момент, когда эта перемена произошла, но как ни старался, не мог найти точную точку. Возможно, это было в тот миг, когда её рука коснулась его плеча. Аура Анны, о которой он всегда думал как о чём-то подавляющем, теперь обрела грани, о которых он не подозревал.

Это было не подавление, а скорее трансформация, которая делала саму сущность Филиппа более спокойной, будто она усыпляла его пыл, то, что он сам сделать не в состоянии.

Он чувствовал, как его собственный пыл, обычно стремящийся вырваться наружу, теперь оказался в изящной оправе её присутствия.

— Да, ты права, думаю, достаточно мы провели на этом празднике жизни, — Филипп сбросил её руку и яростно направился к выходу.

Анна взглянула на Раху. Они стояли чуть поодаль, слегка перешёптываясь. Данный конфликт разгорелся.

— Госпожа, я бы хотел извиниться за своего мага, — император Оввa подошёл к ней, чуть кланяясь.

— Не стоит извинений, — Анна вытянула руку, останавливая его. — Самолюбие Филиппа было задето. Если и извиняться, то не так, и, — она покачала головой, — вряд ли я смогу что-то сделать.

Оббиус понял её слова. Она имела в виду лишь одно: этот конфликт повлечёт за собой явные последствия, но для кого какие — придумать сложно.

Ведь Филипп непредсказуем.

Домой они возвращались в полной тишине. Не прощаясь, разошлись по комнатам.

Лунный свет, пробиваясь сквозь высокие окна, рисовал на полу причудливые узоры, словно пытаясь утешить их, но утешение не приходило.

На следующий день, когда солнце только поднялось, Филипп ворвался в комнату Анны.

— Анна! — он сидел на краю кровати, теребя её за плечи, пытаясь разбудить.

Ещё не до конца осознав происходящее после сна, Анна вызвала свои кинжалы.

Холодная сталь легла в ладони, словно продолжение её самой. Её движения были быстрыми, отточенными, лишёнными колебаний. В одно стремительное движение она подняла лезвия, прижимая их к горлу Филиппа, который сидел рядом на кровати.

Его глаза, широко распахнутые от внезапного ужаса, отражали утренний свет. Застывший на его лице ужас сменился яростью. Это была не просто злость, а обжигающий, всепоглощающий гнев.

В глубине его зрачков, казалось, вспыхнули чёрные языки пламени, разгораясь от обиды и ощущения предательства. Он почувствовал, как ледяные кончики клинков впиваются в нежную кожу, и лишь дрогнувшая мышца выдавала его попытку сделать глоток воздуха.

— Что ты делаешь тут утром, Филипп!? — она опустила оружие, скрывая его в руках.

Он сидел, яростно глядя в её глаза.

— Я здесь не для того, чтобы ты мне указывала, Анна, — он покинул своё место. — Вспомни, кто ты и кто я, чтобы так со мной говорить.

Филипп уже стоял у окна и вглядывался вдаль.

— Прошу меня простить, повелитель, — Анна начала было вставать, как он резко её одёрнул.

— Да как ты смеешь подшучивать надо мной?! Ничтожество! Ты обычный генерал моей армии и смеешь называть меня повелителем?! Я император! Император! — выкрикивая слова,

его слюна разлеталась повсюду от злости, брызгая в разные стороны, и образуя пену у уголков рта.

Глаза его почернели, и даже проблеска родного цвета не было.

— ты не посмеешь использовать против меня свою магию, девка, — он поднял в руках кулон из черного обсидиана в серебряной оправе, камня, что являлся мощным источником защиты от психического воздействия, того самого, что направляет Анна на Филиппа.

— я бы не посмела, ваше императорское величество, — Анна сползла на колени с кровати, — я выполню любой ваш приказ, мой господин.

Обсидиан, мощный артефакт. Этого камня на континенте осталось невыносимо мало, и найти целый, да ещё почти с ладонь, было настоящим чудом.

Да, он мог блокировать атаку мага крови, но только одну.

«*Видимо, специально искал, чтобы меня прогнуть*».

— так-то лучше, Анна, — Филипп надел на шею кулон с камнем и сел за стол. — есть для тебя дельце, и для твоей Руфи, — он сидел, потирая ладони, предвкушая свой приказ.

— да, господин, приказывайте, мы с благодарностью примем его и выполним в кратчайшие сроки, — Анна не поднимала головы, ощущая лишь его пристальный взгляд.

— этот выскочка на балу, Раху. Его мать — убей её.

Анна резко подняла глаза.

«*Как, убить Зульфию?*»

Филипп сидел и уже разглядывал свои пальцы.

Его невозмутимость, вероятно, он всю ночь об этом думал, его план мести.

— и не смей мне перечить, или твоя голова, или её. Запомни, *девка*. — он ушёл.

Убить беременную главу семьи Раху, Зульфию Раху.

Металлические драконы, с чешуей, сверкающей, как полированная сталь, стремительно преодолевали горные пики. Их глаза, два изумруда, жадно вглядывались в даль, а из ноздрей вырывались клубы пара, предвещая жару и мощь.

Рядом с ними, словно отражение земной мощи, парил третий дракон. Его шкура цвета свежих листьев отличалась от своих собратьев: она была тонкая и уязвимая.

Неподалеку, словно рой перелетных птиц, двигалась стая драконов, принадлежащих другим империям. Их было множество, эти крылатые создания самых разных размеров и расцветок, несущие на своих широких спинах гостей. Их присутствие нарушало безмятежность небес, создавая пеструю мозаику из разнообразных форм и отблесков.

Вдалеке виднелся остров. Парящая громадина над землей. В былые времена императоры всех империй континента соорудили на нем великолепный замок, что поражал всех своим убранством.

Остров передвигался с места на место из-за разницы фаз луны. Тем самым его местоположение становилось известно только в определенный день — когда день и ночь становятся равны.

Империи выпускают драконов для поиска этого места, и в последнюю неделю перед собранием обустраивали замок для прибытия гостей и празднования сего дня.

У многих прибывающих вызывал трепет величественный зал аудиенций. Потолок, расписанный звездным небом, где туманности переливались невиданными цветами, казалось, скрывал в себе тайны мироздания. На полу, выложенном мозаикой из осколков небесных кристаллов, отражались блики от люстр, свисающих с невидимых нитей.

Так, на парящем острове, где небеса сливались с землей, переплетались судьбы империй и теснились великие тайны.

Каждый прибывающий, каждый взмах крыла могучего дракона, каждый шепот ветра, несущийся над изумрудными склонами, становился частью грандиозной симфонии, звучащей в сердце мира.

В этом месте они все были равны. Не было короля или императора, царила атмосфера уважения и радости.

Люди собирались в кучки для обсуждения тем или просто, чтобы похихикать над кем-то из присутствующих.

На острове том, утопающем в изумрудной траве, величественно возвышался замок. Его древние стены, украшенные могучими колоннами, казалось, хранили в себе отголоски веков, олицетворяя собой забытое могущество. Солнце лило свои золотые лучи, освещая этот райский уголок, и в его сиянии, словно величественные тени прошлого, приземлились драконы.

Нежные, но гордые, они мягко опускались на специально подготовленные поляны перед замком, их чешуя переливалась всеми оттенками радуги, а в глазах таилась мудрость тысячелетий.

Увидев прибытие гостей, слуги, облаченные в строгие, но элегантные одежды, поспешили навстречу. Склоняя головы в знак уважения, они с достоинством встречали каждого дракона, предлагая свою помощь.

После приветствия слуги провели гостей внутрь. Замок распахнул свои двери, приглашая путников в свои просторные залы. Высокие своды, украшенные искусной резьбой, отражали мягкий свет, проникающий сквозь витражные окна. Воздух был наполнен ароматами трав и легким дуновением ветра, доносящимся с моря.

— Достаточно, я и сам могу слезть. — Анна услышала чье-то щебетание.

— Ну наконец-то, как ты? — Маркус подошел к ней. Он знал: долгие поездки не для нее. После боя на пустоши ее ноги не до конца восстановились.

— Нормально, Ирвис сегодня хорошо летела. — Анна слезла с дракона и, закинув поводья наверх, обошла ее. — Молодец, горжусь. — Она погладила переносицу дракона и прижалась лбом, благодаря своего друга.

— Да, а мой Геран будто играть вышел, спокойствия от него не дождаться. — Маркус фыркнул в сторону своего дракона. — Невозможно с ним

Анна отпустила дракона.

— Твой молодой, сколько вы вместе? — Она следила, как Ирвис улетала от нее прочь.

— Полгода. — Маркус отпустил Герана, тот в свою очередь дернулся с места, оставляя после себя клубок пыли.

— Не волнуйся, привыкнете. — Она похлопала юношу по плечу и взглянула в сторону замка. Там уже начали сгущаться гости. Каждому обязательно нужно поздороваться, обменяться любезностями.

— Смотри, это из Эллиоса прилетели. — Маркус указал в сторону двух людей. Светлые волосы девушки, собранные в свободную косу, переливались на солнце, а голубой костюм верховой езды, словно сотканный из небесной лазури, подчеркивал ее юность и грацию. На ее лице играла легкая улыбка, предвкушая предстоящее приключение. Рядом с ней шел отец – могучий мужчина с густой бородой, в которой, казалось, запутались солнечные лучи. Его зеленые глаза светились мудростью и добротой, а волосы, собранные в аккуратный хвост, не мешали ему наслаждаться прогулкой. Его одежда, выполненная в тех же нежно-голубых тонах, что и у дочери, гармонично дополняла их облик, создавая единое, целостное впечатление.

— По одежде понял? — Анна улыбнулась.

— А то. — Маркус подмигнул. — Ой, они сюда идут. — Юноша вышел вперед, чтобы поздороваться первым с гостями.

Анна отвернулась и направилась в сторону склона. Оттуда был виден весь континент, вплоть до моря Аморе, и виднелся даже кусочек Империи Красной Розы.

— Как думаете, оттуда кто-нибудь прилетел сегодня? — Анна вздрогнула. Сзади стояла та самая девушка из пары Эллиоса. Ее взгляд был настолько наивный, что Анне стало не по себе.

— Вряд ли, туда не отправляют письма. — Она отрицательно помотала головой. — Хотя я думаю, если бы и прислали, вряд ли бы нам ответили. — Предупреждая другие вопросы, Анна закончила.

— Согласна, там очень странный народ. — Девушка все стояла и уходить не планировала. — Нас не представили.— Она протянула руку для рукопожатия. — Эмилия Овва, из Эллиоса.

Анна встретила ее руку с некой осторожностью.

— Принцесса Эллиоса, очень приятно. — Игнорируя руку, она поклонилась. — Почему вы сразу не говорите, кто вы? — Анна поднялась.

Эмилия убрала руку, сложив их на груди.

— А вы не блещете манерами, госпожа. — Принцесса, вероятно, обиделась.

— Прошу прощения, но я не жму руки в целях вашей же безопасности. — Анна сняла перчатки, показывая порезы, намекая на то, какой она маг.

— Маг крови — Эмилия открыла рот от удивления.

— Госпожа, моя дочь вас утомила? — Император Эллиоса подошел к девушкам.

— Нет, ваше величество, мы мило общались. — Анна вновь поклонилась, оказывая уважение уже ему. — Вероятно, госпожа Овва просто не поняла, кто я. — Она слегка улыбнулась.

— Да, вас так мало кто видит, только император Парга, и все, что другие придворные не сразу могут признать в вас генерала армии столь великой империи. — Оббиусс Овва заулыбался. Его белоснежные зубы выглядывали из-под усов, а глаза мягко смотрели на Анну.

— Да, господин, вы правы. По долгу службы я редко выезжаю из столицы.

— Надо бы исправить это. — Оббиусс распахнул руки. — Скоро фестиваль в Грандии, мы тоже приедем. Приглашаю, будем рады вашему приезду. — Император так широко улыбался, казалось, у него порвется рот.

— С благодарностью принимаю ваше приглашение. Если не будет срочных вопросов, обязательно прибудем. — Анна указала на Маркуса, тот кивнул.

— Вы как двое из ларца, одинаковые с лица. — Принцесса слегка улыбнулась и прикрыла улыбку пальцами.

— Да, нас часто считают родственниками. — Маркус почесал затылок. — Но мы лишь друзья.

— Всего друзья? — Глаза Эмилии широко распахнулись. — Вероятно, я надумала себе, прошу меня простить. — Она резко отвернулась и побежала прочь, прямиком в главный зал замка.

— Госпожа. — Голос Овва изменился, стал более спокойным и уверенным. — Я очень рад с вами наконец-то познакомиться. На Зеленой Пустоши вы нас всех спасли, и империя Эллиос в необъятном долгу перед вами. — Император поклонился. — Не знаю, как Парга, но мы помним все благие дела для нашей империи.

Анна смотрела, как император второй по величине империи после Парга стоял в наклоне перед обычным генералом. Но для него это был жест благодарности, который она должна принять.

— Я с благодарностью принимаю ваши слова. Мой долг — помогать каждому, кто остается в беде, и неважно, чья это страна. — Она склонилась в ответ на его поклон.

— Я рад высказать вам слова благодарности. — Оббиус поднялся. — Скоро начнется приветствие, нам нужно быть в зале замка. Вы идете?

— Да, чуть позже подойдем. — Маркус подал руку императору, тот удалился.

«*Я удивлена, что Оббиусс высказал уважение, ведь я по сути мало что сделала чисто для них*», — Анна решила говорить ментально, чтобы никто не услышал подобные речи.

«*Ты спасла половину континента, ведь после нас Маякала двинулся бы в сторону Эллиоса. А у них нет подобной мощи. Точнее, тогда не было*», — Маркус посчитал такой способ общения более оптимальным.

«*Да, после того сражения они присоединили много ближних городов, например Грандия — вполне сильный город*». Они уже направлялись в сторону замка, как внезапно прибыли последние три дракона.

— Это кто? Опаздывает — Слуга в дверях недовольно пошел встречать только прибывших.

— Раху прибыли. — Маркус обернулся. И Анна тоже. С драконов, чьи чешуйки отливали бронзой в лучах солнца, спускались гости.

Четыре фигуры, каждая со своей аурой, одна интереснее другой, и это ощущалось с каждым их шагом.

Первой с драконьей спины ступила на землю женщина старшего возраста. В её облике читались достоинство и мудрость, накопленные за долгие годы. Статная, с прямой осанкой, она излучала спокойствие и авторитет, словно древняя статуя. Ее лицо, испещренное тонкими морщинками, было свидетельством пройденного пути, а взгляд, глубокий и проницательный, казалось, видел насквозь.

Рядом с ней оказалась молодая женщина, чья красота, хоть и явная, была омрачена легкой усталостью. Ее наряд, как и у спутников, был выдержан в теплых, землистых тонах — оттенках коричневого, охры и терракоты. Праздничный, но при этом практичный, он был идеально приспособлен для верховой езды. В ее глазах читались смесь решимости и некоторой тревоги, потерянный взгляд, как у загнанной овечки.

С другой стороны спускались мужчины. Один из них, взрослый, обладал внушительной внешностью. Густая проседь в бороде придавала ему суровый, но благородный вид. Его плечи были широки, а движения — размеренны и полны уверенности. Ему в пару, или, скорее, в контраст, был юноша. Бодрый, с горящими глазами, он излучал энергию и юношеский задор. Его молодость ощущалась в каждом движении, полном легкости и оптимизма.

— Самый взрослый — Симона, с ним Томиас, — Маркус начал нашептывать на ухо Анне. — Далее, потеряшка — Алисента, а рядом — Зульфия. — Он отодвинулся.

— Опоздали, — протянула Анна, развернулась и направилась внутрь замка, отдаляясь все дальше от внезапных гостей.

Просторный зал, облицованный мрамором и украшенный величественными колоннами, гудел от многоголосия. Каждый уголок этого пространства был заполнен жизнью: смехом, оживленными беседами, звоном бокалов.

Гости, облаченные в наряды, сияющие драгоценностями и вышитые золотом, перемещались между группами, обмениваясь любезностями и новостями. Вдоль стен тянулись длинные столы, уставленные изобилием. Благоухающие блюда — дичь, запеченная с травами, изысканные рыбные деликатесы, горы фруктов и сладких пирогов — манили своим видом.

Кубки с вином, медом и ароматными напитками переливались под светом факелов, ожидая своих ценителей. Воздух был насыщен запахами специй, цветов и дорогого парфюма.

В одном из таких мест, где колонна отбрасывала глубокую тень, Анна решила найти временное укрытие. Она подошла к одному из столов, не привлекая к себе излишнего внимания, и, немного отстранившись от основной суеты, позволила себе перевести дух. Взяв в руки изящный кубок с напитком и небольшой кусочек медового пирога, она откусила, позволяя сладкому вкусу развеять легкую усталость. Оглядываясь на шумное веселье, она наблюдала за тем, как люди, забыв о повседневных заботах, наслаждаются моментом, погруженные в свои разговоры и легкое опьянение праздником.

— Скучаете, небось, — впереди показалась женская фигура.

— Нет, что вы, я всего лишь отошла от шума, — Анна подняла кубок, указывая на свою занятость.

— А мне показалось, вы прячетесь от людей, — фигура стала приближаться, выходя из тени колонны, обретая знакомые черты.

Зульфия Раху

По мере того, как она приближалась, Анна начала ощущать давление ауры Зульфии. Словно место, где она стояла, окуталось легкой дымкой, и голос госпожи доносился до неё будто издалека.

Она почувствовала, как её собственная аура, доселе спящая, начала пробуждаться. Она потянулась, словно после долгого сна, и её биение стало синхронизироваться с ритмом неизвестного, но мощного источника. Это было ощущение, которое невозможно игнорировать. В попытке сдержать этот нарастающий поток Анна склонилась, приближаясь к коленям.

Её движения были медленными, выверенными, направленными на то, чтобы не дать ауре вырваться наружу, чтобы хоть как-то её приглушить. Каждый вдох, который она брала, казался усилием, направленным против неудержимой силы, рвущейся изнутри.

Она знала, что если потеряет контроль, последствия могут быть непредсказуемыми.

«*Здесь много людей, вы хотите, чтобы я встала?*» — Анна взглянула на нее и ментально оказала давление на госпожу, что медленно приближалась.

Зульфия остановилась. Но не от давления. Она стояла и смотрела на Анну.

«*Я хочу увидеть, что внутри тебя, девочка*».

Анна, чувствуя, как первозданные силы пытаются вырваться из-под контроля, сделала глубокий вдох и направила всю свою энергию внутрь себя. Она боролась с натиском, подчиняя то, что стремилось просочиться наружу. Затем, медленно поднявшись с колен, она сосредоточила свой взор исключительно на Зульфии. Вся тяжесть её давления, вся мощь её ауры была сконцентрирована только на ней.

Покров

Теперь он окутывал только Зульфию. Анна показала ей ту мощь магии крови, которой все так боялись. Алая дымка, обычно окутывающая всё пространство, сжалась, превратившись в тугой кокон вокруг фигуры Зульфии. Внутри этого кокона, словно в вакууме, разворачивалась битва.

Анна не просто сдерживала, она исследовала, проникала в самую суть ауры Зульфии, изучая её структуру, её слабости, её силу. Это был не акт нападения, а демонстрация превосходства, урок, который Анна не желала никому другому видеть. Она давала Зульфии понять, что даже её, казалось бы, непоколебимая сила находилась под её полным контролем.

Зульфия застыла, словно изваяние, высеченное из камня. Вены на её лбу вздулись, пульсируя в унисон с нарастающей паникой, искажая черты её, казалось бы, невозмутимого лица. Оно покраснело, приобретая болезненный оттенок, словно кровь, вместо того чтобы питать, разрывала её изнутри. Давление внутри головы стало невыносимым, не давая ни единому вздоху проникнуть в легкие. Дыхание было перехвачено, оставив её в состоянии удушья, в тисках собственного страха.

Её собственное давление, её неумолимый натиск, тот покров, которым она с такой самоуверенностью накрыла Анну, теперь обернулся против неё самой. Он разорвался, словно хрупкая паутина, не выдержав контр-магии. Зульфия оказалась в собственной ловушке, в собственной игре, где правила внезапно изменились, а фигуры поменялись местами. Её замысел, задуманный как демонстрация превосходства, стал её личной клеткой, а собственная сила – инструментом её заточения.

Анна, напротив, казалась воплощением спокойствия. Она стояла ровно, не снижая напора, и смотрела четко в глаза Зульфии. Молчание Анны было тяжелее любых слов, оно давило на Зульфию, усугубляя её отчаяние. Та попыталась пошевелиться, но тело, казалось, её не слушалось. Каждая мышца была скована, каждый нерв напряжен до предела.

Паника, которая ещё недавно была лишь предчувствием, теперь захлестнула её целиком, словно цунами, смывая последние остатки самообладания. Ей хотелось кричать, молить о про-

щении, но из горла не вырывалось ни звука. Она была пленницей собственного страха, жертвой собственной самоуверенности.

На мгновение Зульфии показалось, что она видит Анну из другого мира, мира, где правили справедливость и истина. В этом мире Анна была символом непоколебимой силы, той силы, которую Зульфия тщетно пыталась имитировать. И теперь, лицом к лицу с этой подлинной силой, Зульфия ощущала лишь свою ничтожность, свою абсолютную беспомощность. И единственным свидетелем её падения была Анна, чьё молчание было красноречивее всяких слов.

«*Прошу меня простить, госпожа Вассилевски*», — Зульфия ментально просила прощения за поступок.

«*Зачем ты извиняешься?*»

Анна заглянула внутрь Зульфии, и её взгляд, острый, как клинок, проник сквозь слои плоти и магии.

Там, в самом сердце, она увидела не просто бьющееся сердце, но пульсацию новой жизни. Зульфия была беременна. Совсем малый срок, от силы несколько месяцев. Удивительное открытие, которое мгновенно изменило ход их противостояния.

Перед Анной встал выбор: продолжать ли своё вторжение, рискуя навредить невинному существу, или отступить, оставив Зульфию с её тайной. Но Анна не была из тех, кто действует бездумно. Понимая, насколько опасна может быть её магия для ещё не рождённого младенца, она тотчас свернула свой покров.

Намерение было мгновенным: очистить Зульфию от последних капель давления и той тяжести, что ещё недавно сковывала её.

— Вы беременны? – Анна вопросительно взглянула на Зульфию.

— Как ты узнала? — госпожа всё так же стояла, однако теперь пыталась надышаться вдоволь.

— Вы удивительны, – Вассилевски усмехнулась, – я чувствую пульсацию у вас в утробе, там явно есть жизнь, и вы пошли на меня, чтобы почувствовать на себе мою силу?

Шок Анны был немым, оглушающим. Осознание того, что Зульфия, находясь в таком уязвимом положении, осмелилась бросить вызов магу крови, это было за гранью её понимания. Бездумность её поступка поражала. В то время как Анна, обладая колоссальной силой, сдерживала себя, руководствуясь принципами защиты и ответственности, Зульфия, казалось, шла на поводу у чистого любопытства, игнорируя все возможные последствия.

Эта беременность, которая для Анны стала поводом для сдержанности и осторожности, для Зульфии, судя по всему, была лишь ещё одним фактором, который можно было включить в свою рискованную игру. Прочувствовать силу мага крови, будучи носителем новой жизни – это не просто безрассудство, это было преступлением против самой природы, против будущего, которое она носила под сердцем.

Анна ощутила, как внутри неё поднимается волна не гнева, но скорее глубокого разочарования в человеческой глупости, которая могла поставить под удар не только себя, но и ни в чём не повинное дитя.

— Я знала, что вы мудры, даже в столь юном возрасте, — госпожа обошла колонну и взяла кубок с водой.

В это время в центре зала, словно по волшебству, начались танцы народов. Атмосфера наполнилась музыкой, и люди, словно ведомые невидимым дирижёром, стали собираться в пары.

Каждая пара, взявшись за руки, закружилась в вихре своих традиционных танцев, рассказывая на языке движений древние истории и передавая из поколения в поколение культурное наследие.

Слышались звуки неведомых инструментов: где-то переливались струны лютни, где-то стучали барабаны, а где-то разливалась нежная мелодия флейты. Под этот многоголосый аккомпанемент зародились первые движения. Пары, состоящие из представителей разных уголков этого мира, начали свою импровизацию.

Гости в ярких костюмах, чья одежда мерцала в свете сотен свечей, закружились в стремительном, радостном танце, полном задорного топтания и взмахов руками. Рядом с ними, в более медленном и грациозном ритме, двигались другие пары. Их движения были плавными, почти медитативными, отражая века спокойствия и размеренности.

Мужчины вели, их шаги были уверенными и сильными, а женщины следовали за ними, словно лепестки цветка, раскрывающиеся под ласковым солнцем. В каждом движении, в каждой улыбке, в каждом взгляде, которым обменивались партнеры, чувствовалась глубокая связь, понимание и уважение к традициям своих предков.

Зал превратился в калейдоскоп культур, где каждый танец был маленькой вселенной, полной своих особых символов и значений. Толпа, собравшаяся вокруг, наблюдала с восхищением, ощущая себя частью чего-то большего, чем просто праздник. Это было единение душ, воплощенное в завораживающем ритме танца.

— Вы хотели меня проверить? — Анна улыбнулась, — но вы должны понимать, что это дурная затея.

— Согласна, но вы невероятны, и это прекрасно, — Зульфия подняла кубок в знак примирения.

Как оказалось, их с Зульфией объединяло куда больше, чем Анна могла предположить изначально. За внешней сдержанностью и, возможно, некоторой отстраненностью скрывался истинный стержень – глубокая семейственность.

Зульфия оказалась той редкой женщиной, для которой дом, семья и близкие – не просто слова, а основа мироздания. Ее мудрость, выраженная не столько в громких декларациях, сколько в тонких, ненавязчивых замечаниях, в умении уловить суть вещей, произвела на Анну огромное впечатление.

Встреча с Зульфией стала для Анны настоящим откровением. Каждый ее ответ, каждое движение, каждый взгляд, казалось, несли в себе отпечаток прожитых лет, наполненных как радостями, так и невзгодами, из которых она извлекла лишь самое ценное.

Анна почувствовала, как сама, под влиянием этой удивительной женщины, начинает смотреть на мир иначе, отбрасывая суетное и сосредотачиваясь на главном. С каждым словом, с каждым мгновением, проведенным в беседе, Анна все больше проникалась к Зульфии.

Это было не просто уважение, а скорее глубокое, искреннее восхищение. Она видела в ней не просто собеседницу, а образец той стойкости, той внутренней силы и той незыблемой женской мудрости, к которой сама стремилась.

После общения она поняла, что тот поступок по отношению к Анне был лишь из желания понять своего возможного противника и ощутить эту силу, если вдруг придется с ней столкнуться не в дружеской атмосфере.

Их разговор прервал внезапный громкий скандал в самом центре зала.

Золотой свет люстр отражался в тысячах граней хрусталя, эхом отзываясь в наполненном музыкой зале.

Среди аристократии, порхающей в вальсе, выделялась она – Эмилия, словно нежный цветок, потерявшийся в вихре страстей. Её тонкий стан, облаченный в струящееся серебро, казался хрупким, а глаза, цвета летнего неба, смотрели куда-то вдаль, не замечая ничего вокруг.

— Какая эфемерная, — прошептал Филипп, его голос, бархатный и глубокий, как вечерняя тень, был полон восхищения.

Он, мужчина, привыкший получать всё, чего желал, почувствовал, как его властное самолюбие, обычно несокрушимое, дрогнуло перед этой невинной красотой.

— Пожалуй, вы правы, ваше императорское величество, — вмешался он, юноша, чьи черты были так же резко очерчены, как и его пылкий темперамент. Он был нетерпелив, импульсивен, и в этот момент каждая клеточка его тела требовала уважения к этой девушке, — но её эфемерность не означает, что она игрушка для ваших опытных рук.

— Ты слишком молод, *Томиас*, чтобы рассуждать о моих руках, — Парга презрительно усмехнулся, взгляд его приковался к Эмилии, игнорируя нахального юнца, — тебе бы ещё детские сказки читать, а не пытаться участвовать в разговорах взрослых мужчин.

— Прекратите! — внезапно воскликнул Раху, его голос сорвался на высокой ноте. — Вы так говорите, будто ваша жизнь – это одна большая победа, а моя – жалкое недоразумение, которое можно просто отбросить! Это вас, должны учить манерам, а не меня!

— Мальчишка, ты переходишь все границы! — император сделал шаг вперёд, его кулаки сжались, — ты смеешь оскорблять меня? Меня, чьё имя знает весь континент! Ты никто, просто избалованный наследник, который думает, что всё может купить!

— Я, по крайней мере, не прячу свою трусость за золотом и титулами! — Томиас выплюнул слова, как ядовитые стрелы. — А ваши «победы» – это лишь доказательство вашей ничтожности, ведь вы и боя не выиграли за всю свою жизнь, прячась за спиной своего генерала!

Эмилия, словно ожившая из сна, обернулась. Её взгляд, мягкий и печальный, скользнул по враждующим мужчинам, и в нём не было ни страха, ни осуждения, лишь тихая скорбь. Она молча вытянула руку, и её пальцы легли на руку Томиаса, призывая к покою.

Он считал своим долгом защитить принцессу от похотливых глаз императора Парга и потому вступил с ним в конфликт, не следя за своими словами. Младший Раху никогда не был склонен к дипломатии, предпочитая прямоту и решительность, которые, как он полагал, всегда служили ему верой и правдой.

В этот раз, однако, его самоуверенность сыграла с ним злую шутку.

Последствия не заставили себя долго ждать. Слова, брошенные им в пылу гнева, подобно бумерангу, вернулись, принеся с собой лишь горечь и сожаление. Он увидел, как лицо императора, доселе казавшееся просто презрительным, исказилось от ярости, как в его глазах зажёгся холодный огонь, предвещающий немилость.

Чувство тщеславия, которое так долго давало Томиасу силы, теперь обернулось против него. Он понял, что его пылкая речь, направленная на защиту, лишь подстегнула императора, выставив самого Томиаса в уязвимом свете.

Защитить свою принцессу? Он только что поставил под удар не только её, но и, возможно, всю его семью, его земли, его собственную жизнь. Он почувствовал, как холодный озноб пробежал по спине.

Это было не то сражение, которое он себе представлял.

Это было столкновение, где его оружие – храбрость и верность – оказалось бесполезным против безграничной власти и безжалостности.

Томиас понял, что совершил ужасную ошибку, недооценив противника и переоценив свою собственную способность влиять на ход событий.

«*Что же делать?*»

Из-за спины Филиппа показалась фигура женщины. Её рука, нежно, но властно, легла на плечо императора.

Тонкие пальцы, украшенные узорами рун, едва ощутимо сжали ткань его камзола.

Она не произнесла ни слова, но её присутствие перекрывало весь шум и суету придворной толпы.

Зульфия же, будто тень, обошла их. Её путь был бесшумен, как движение хищника. Она остановилась позади Томиаса, её силуэт вырисовывался на фоне гобеленов, украшавших стену.

Жемчужное ожерелье, обвивавшее её шею, мерцало в свете канделябров, отбрасывая призрачные блики. Её лицо, обычно непроницаемое, сейчас выражало холодное спокойствие, за которым, как знали лишь самые близкие, таилась сталь. Она мать, она защитница, она самая могущественная союзница своему сыну – Зульфия была готова к любому исходу.

Филипп почувствовал прикосновение Анны.

— *Я думаю, достаточно, Филипп.*

Она слегка придавила Филиппа своей аурой, укрощая его строптивый пыл. Её взгляд, спокойный и вдумчивый, был полон силы, которая останавливала его мысли и движения.

В воздухе повисло едва уловимое напряжение, сотканное из невысказанных слов и взглядов, которыми они обменивались. Филипп почувствовал, как привычный ритм его сердца успокаивается, а привычные мысли начинают ложиться в ровном порядке.

Он попытался уловить момент, когда эта перемена произошла, но как ни старался, не мог найти точную точку. Возможно, это было в тот миг, когда её рука коснулась его плеча. Аура Анны, о которой он всегда думал как о чём-то подавляющем, теперь обрела грани, о которых он не подозревал.

Это было не подавление, а скорее трансформация, которая делала саму сущность Филиппа более спокойной, будто она усыпляла его пыл, то, что он сам сделать не в состоянии.

Он чувствовал, как его собственный пыл, обычно стремящийся вырваться наружу, теперь оказался в изящной оправе её присутствия.

— Да, ты права, думаю, достаточно мы провели на этом празднике жизни, — Филипп сбросил её руку и яростно направился к выходу.

Анна взглянула на Раху. Они стояли чуть поодаль, слегка перешёптываясь. Данный конфликт разгорелся.

— Госпожа, я бы хотел извиниться за своего мага, — император Овва подошёл к ней, чуть кланяясь.

— Не стоит извинений, — Анна вытянула руку, останавливая его. — Самолюбие Филиппа было задето. Если и извиняться, то не так, и, — она покачала головой, — вряд ли я смогу что-то сделать.

Оббиус понял её слова. Она имела в виду лишь одно: этот конфликт повлечёт за собой явные последствия, но для кого какие — придумать сложно.

Ведь Филипп непредсказуем.

Домой они возвращались в полной тишине. Не прощаясь, разошлись по комнатам.

Лунный свет, пробиваясь сквозь высокие окна, рисовал на полу причудливые узоры, словно пытаясь утешить их, но утешение не приходило.

На следующий день, когда солнце только поднялось, Филипп ворвался в комнату Анны.

— Анна! — он сидел на краю кровати, теребя её за плечи, пытаясь разбудить.

Ещё не до конца осознав происходящее после сна, Анна вызвала свои кинжалы.

Холодная сталь легла в ладони, словно продолжение её самой. Её движения были быстрыми, отточенными, лишёнными колебаний. В одно стремительное движение она подняла лезвия, прижимая их к горлу Филиппа, который сидел рядом на кровати.

Его глаза, широко распахнутые от внезапного ужаса, отражали утренний свет. Застывший на его лице ужас сменился яростью. Это была не просто злость, а обжигающий, всепоглощающий гнев.

В глубине его зрачков, казалось, вспыхнули чёрные языки пламени, разгораясь от обиды и ощущения предательства. Он почувствовал, как ледяные кончики клинков впиваются в нежную кожу, и лишь дрогнувшая мышца выдавала его попытку сделать глоток воздуха.

— Что ты делаешь тут утром, Филипп!? — она опустила оружие, скрывая его в руках.

Он сидел, яростно глядя в её глаза.

— Я здесь не для того, чтобы ты мне указывала, Анна, — он покинул своё место. — Вспомни, кто ты и кто я, чтобы так со мной говорить.

Филипп уже стоял у окна и вглядывался вдаль.

— Прошу меня простить, повелитель, — Анна начала было вставать, как он резко её одёрнул.

— Да как ты смеешь подшучивать надо мной?! Ничтожество! Ты обычный генерал моей армии и смеешь называть меня повелителем?! Я император! Император! — выкрикивая слова, его слюна разлеталась повсюду от злости, брызгая в разные стороны, и образуя пену у уголков рта.

Глаза его почернели, и даже проблеска родного цвета не было.

— ты не посмеешь использовать против меня свою магию, девка, — он поднял в руках кулон из черного обсидиана в серебряной оправе, камня, что являлся мощным источником защиты от психического воздействия, того самого, что направляет Анна на Филиппа.

— я бы не посмела, ваше императорское величество, — Анна сползла на колени с кровати, — я выполню любой ваш приказ, мой господин.

Обсидиан, мощный артефакт. Этого камня на континенте осталось невыносимо мало, и найти целый, да ещё почти с ладонь, было настоящим чудом.

Да, он мог блокировать атаку мага крови, но только одну.

«*Видимо, специально искал, чтобы меня прогнуть*».

— так-то лучше, Анна, — Филипп надел на шею кулон с камнем и сел за стол. — есть для тебя дельце, и для твоей Руфи, — он сидел, потирая ладони, предвкушая свой приказ.

— да, господин, приказывайте, мы с благодарностью примем его и выполним в кратчайшие сроки, — Анна не поднимала головы, ощущая лишь его пристальный взгляд.

— этот выскочка на балу, Раху. Его мать — убей её.

Анна резко подняла глаза.

«*Как, убить Зульфию?*»

Филипп сидел и уже разглядывал свои пальцы.

Его невозмутимость, вероятно, он всю ночь об этом думал, его план мести.

— и не смей мне перечить, или твоя голова, или её. Запомни, *девка*. — он ушёл.

Убить беременную главу семьи Раху, Зульфию Раху.

Металлические драконы, с чешуей, сверкающей, как полированная сталь, стремительно преодолевали горные пики. Их глаза, два изумруда, жадно вглядывались в даль, а из ноздрей вырывались клубы пара, предвещая жару и мощь.

Рядом с ними, словно отражение земной мощи, парил третий дракон. Его шкура цвета свежих листьев отличалась от своих собратьев: она была тонкая и уязвимая.

Неподалеку, словно рой перелетных птиц, двигалась стая драконов, принадлежащих другим империям. Их было множество, эти крылатые создания самых разных размеров и расцветок, несущие на своих широких спинах гостей. Их присутствие нарушало безмятежность небес, создавая пеструю мозаику из разнообразных форм и отблесков.

Вдалеке виднелся остров. Парящая громадина над землей. В былые времена императоры всех империй континента соорудили на нем великолепный замок, что поражал всех своим убранством.

Остров передвигался с места на место из-за разницы фаз луны. Тем самым его местоположение становилось известно только в определенный день — когда день и ночь становятся равны.

Империи выпускают драконов для поиска этого места, и в последнюю неделю перед собранием обустраивали замок для прибытия гостей и празднования сего дня.

У многих прибывающих вызывал трепет величественный зал аудиенций. Потолок, расписанный звездным небом, где туманности переливались невиданными цветами, казалось, скры-

вал в себе тайны мироздания. На полу, выложенном мозаикой из осколков небесных кристаллов, отражались блики от люстр, свисающих с невидимых нитей.

Так, на парящем острове, где небеса сливались с землей, переплетались судьбы империй и теснились великие тайны.

Каждый прибывающий, каждый взмах крыла могучего дракона, каждый шепот ветра, несущийся над изумрудными склонами, становился частью грандиозной симфонии, звучащей в сердце мира.

В этом месте они все были равны. Не было короля или императора, царила атмосфера уважения и радости.

Люди собирались в кучки для обсуждения тем или просто, чтобы похихикать над кем-то из присутствующих.

На острове том, утопающем в изумрудной траве, величественно возвышался замок. Его древние стены, украшенные могучими колоннами, казалось, хранили в себе отголоски веков, олицетворяя собой забытое могущество. Солнце лило свои золотые лучи, освещая этот райский уголок, и в его сиянии, словно величественные тени прошлого, приземлились драконы.

Нежные, но гордые, они мягко опускались на специально подготовленные поляны перед замком, их чешуя переливалась всеми оттенками радуги, а в глазах таилась мудрость тысячелетий.

Увидев прибытие гостей, слуги, облаченные в строгие, но элегантные одежды, поспешили навстречу. Склоняя головы в знак уважения, они с достоинством встречали каждого дракона, предлагая свою помощь.

После приветствия слуги провели гостей внутрь. Замок распахнул свои двери, приглашая путников в свои просторные залы. Высокие своды, украшенные искусной резьбой, отражали мягкий свет, проникающий сквозь витражные окна. Воздух был наполнен ароматами трав и легким дуновением ветра, доносящимся с моря.

— Достаточно, я и сам могу слезть. — Анна услышала чье-то щебетание.

— Ну наконец-то, как ты? — Маркус подошел к ней. Он знал: долгие поездки не для нее. После боя на пустоши ее ноги не до конца восстановились.

— Нормально, Ирвис сегодня хорошо летела. — Анна слезла с дракона и, закинув поводья наверх, обошла ее. — Молодец, горжусь. — Она погладила переносицу дракона и прижалась лбом, благодаря своего друга.

— Да, а мой Геран будто играть вышел, спокойствия от него не дождаться. — Маркус фыркнул в сторону своего дракона. — Невозможно с ним

Анна отпустила дракона.

— Твой молодой, сколько вы вместе? — Она следила, как Ирвис улетала от нее прочь.

— Полгода. — Маркус отпустил Герана, тот в свою очередь дернулся с места, оставляя после себя клубок пыли.

— Не волнуйся, привыкнете. — Она похлопала юношу по плечу и взглянула в сторону замка. Там уже начали сгущаться гости. Каждому обязательно нужно поздороваться, обменяться любезностями.

— Смотри, это из Эллиоса прилетели. — Маркус указал в сторону двух людей. Светлые волосы девушки, собранные в свободную косу, переливались на солнце, а голубой костюм верховой езды, словно сотканный из небесной лазури, подчеркивал ее юность и грацию. На ее лице играла легкая улыбка, предвкушая предстоящее приключение. Рядом с ней шел отец – могучий мужчина с густой бородой, в которой, казалось, запутались солнечные лучи. Его зеленые глаза светились мудростью и добротой, а волосы, собранные в аккуратный хвост, не мешали ему наслаждаться прогулкой. Его одежда, выполненная в тех же нежно-голубых тонах, что и у дочери, гармонично дополняла их облик, создавая единое, целостное впечатление.

— По одежде понял? — Анна улыбнулась.

— А то. — Маркус подмигнул. — Ой, они сюда идут. — Юноша вышел вперед, чтобы поздороваться первым с гостями.

Анна отвернулась и направилась в сторону склона. Оттуда был виден весь континент, вплоть до моря Аморе, и виднелся даже кусочек Империи Красной Розы.

— Как думаете, оттуда кто-нибудь прилетел сегодня? — Анна вздрогнула. Сзади стояла та самая девушка из пары Эллиоса. Ее взгляд был настолько наивный, что Анне стало не по себе.

— Вряд ли, туда не отправляют письма. — Она отрицательно помотала головой. — Хотя я думаю, если бы и прислали, вряд ли бы нам ответили. — Предупреждая другие вопросы, Анна закончила.

— Согласна, там очень странный народ. — Девушка все стояла и уходить не планировала. — Нас не представили.— Она протянула руку для рукопожатия. — Эмилия Овва, из Эллиоса.

Анна встретила ее руку с некой осторожностью.

— Принцесса Эллиоса, очень приятно. — Игнорируя руку, она поклонилась. — Почему вы сразу не говорите, кто вы? — Анна поднялась.

Эмилия убрала руку, сложив их на груди.

— А вы не блещете манерами, госпожа. — Принцесса, вероятно, обиделась.

— Прошу прощения, но я не жму руки в целях вашей же безопасности. — Анна сняла перчатки, показывая порезы, намекая на то, какой она маг.

— Маг крови — Эмилия открыла рот от удивления.

— Госпожа, моя дочь вас утомила? — Император Эллиоса подошел к девушкам.

— Нет, ваше величество, мы мило общались. — Анна вновь поклонилась, оказывая уважение уже ему. — Вероятно, госпожа Овва просто не поняла, кто я. — Она слегка улыбнулась.

— Да, вас так мало кто видит, только император Парга, и все, что другие придворные не сразу могут признать в вас генерала армии столь великой империи. — Оббиусс Овва заулыбался. Его белоснежные зубы выглядывали из-под усов, а глаза мягко смотрели на Анну.

— Да, господин, вы правы. По долгу службы я редко выезжаю из столицы.

— Надо бы исправить это. — Оббиусс распахнул руки. — Скоро фестиваль в Грандии, мы тоже приедем. Приглашаю, будем рады вашему приезду. — Император так широко улыбался, казалось, у него порвется рот.

— С благодарностью принимаю ваше приглашение. Если не будет срочных вопросов, обязательно прибудем. — Анна указала на Маркуса, тот кивнул.

— Вы как двое из ларца, одинаковые с лица. — Принцесса слегка улыбнулась и прикрыла улыбку пальцами.

— Да, нас часто считают родственниками. — Маркус почесал затылок. — Но мы лишь друзья.

— Всего друзья? — Глаза Эмилии широко распахнулись. — Вероятно, я надумала себе, прошу меня простить. — Она резко отвернулась и побежала прочь, прямиком в главный зал замка.

— Госпожа. — Голос Овва изменился, стал более спокойным и уверенным. — Я очень рад с вами наконец-то познакомиться. На Зеленой Пустоши вы нас всех спасли, и империя Эллиос в необъятном долгу перед вами. — Император поклонился. — Не знаю, как Парга, но мы помним все благие дела для нашей империи.

Анна смотрела, как император второй по величине империи после Парга стоял в наклоне перед обычным генералом. Но для него это был жест благодарности, который она должна принять.

— Я с благодарностью принимаю ваши слова. Мой долг — помогать каждому, кто остается в беде, и неважно, чья это страна. — Она склонилась в ответ на его поклон.

— Я рад высказать вам слова благодарности. — Оббиус поднялся. — Скоро начнется приветствие, нам нужно быть в зале замка. Вы идете?

— Да, чуть позже подойдем. — Маркус подал руку императору, тот удалился.

«*Я удивлена, что Оббиусс высказал уважение, ведь я по сути мало что сделала чисто для них*», — Анна решила говорить ментально, чтобы никто не услышал подобные речи.

«*Ты спасла половину континента, ведь после нас Маякала двинулся бы в сторону Эллиоса. А у них нет подобной мощи. Точнее, тогда не было*», — Маркус посчитал такой способ общения более оптимальным.

«*Да, после того сражения они присоединили много ближних городов, например Грандия — вполне сильный город*». Они уже направлялись в сторону замка, как внезапно прибыли последние три дракона.

— Это кто? Опаздывает — Слуга в дверях недовольно пошел встречать только прибывших.

— Раху прибыли. — Маркус обернулся. И Анна тоже. С драконов, чьи чешуйки отливали бронзой в лучах солнца, спускались гости.

Четыре фигуры, каждая со своей аурой, одна интереснее другой, и это ощущалось с каждым их шагом.

Первой с драконьей спины ступила на землю женщина старшего возраста. В её облике читались достоинство и мудрость, накопленные за долгие годы. Статная, с прямой осанкой, она излучала спокойствие и авторитет, словно древняя статуя. Ее лицо, испещренное тонкими морщинками, было свидетельством пройденного пути, а взгляд, глубокий и проницательный, казалось, видел насквозь.

Рядом с ней оказалась молодая женщина, чья красота, хоть и явная, была омрачена легкой усталостью. Ее наряд, как и у спутников, был выдержан в теплых, землистых тонах — оттенках коричневого, охры и терракоты. Праздничный, но при этом практичный, он был идеально приспособлен для верховой езды. В ее глазах читались смесь решимости и некоторой тревоги, потерянный взгляд, как у загнанной овечки.

С другой стороны спускались мужчины. Один из них, взрослый, обладал внушительной внешностью. Густая проседь в бороде придавала ему суровый, но благородный вид. Его плечи были широки, а движения — размеренны и полны уверенности. Ему в пару, или, скорее, в контраст, был юноша. Бодрый, с горящими глазами, он излучал энергию и юношеский задор. Его молодость ощущалась в каждом движении, полном легкости и оптимизма.

— Самый взрослый — Симона, с ним Томиас, — Маркус начал нашептывать на ухо Анне. — Далее, потеряшка — Алисента, а рядом — Зульфия. — Он отодвинулся.

— Опоздали, — протянула Анна, развернулась и направилась внутрь замка, отдаляясь все дальше от внезапных гостей.

Просторный зал, облицованный мрамором и украшенный величественными колоннами, гудел от многоголосия. Каждый уголок этого пространства был заполнен жизнью: смехом, оживленными беседами, звоном бокалов.

Гости, облаченные в наряды, сияющие драгоценностями и вышитые золотом, перемещались между группами, обмениваясь любезностями и новостями. Вдоль стен тянулись длинные столы, уставленные изобилием. Благоухающие блюда — дичь, запеченная с травами, изысканные рыбные деликатесы, горы фруктов и сладких пирогов — манили своим видом.

Кубки с вином, медом и ароматными напитками переливались под светом факелов, ожидая своих ценителей. Воздух был насыщен запахами специй, цветов и дорогого парфюма.

В одном из таких мест, где колонна отбрасывала глубокую тень, Анна решила найти временное укрытие. Она подошла к одному из столов, не привлекая к себе излишнего внимания, и, немного отстранившись от основной суеты, позволила себе перевести дух. Взяв в руки изящный кубок с напитком и небольшой кусочек медового пирога, она откусила, позволяя сладкому

вкусу развеять легкую усталость. Оглядываясь на шумное веселье, она наблюдала за тем, как люди, забыв о повседневных заботах, наслаждаются моментом, погруженные в свои разговоры и легкое опьянение праздником.

— Скучаете, небось, — впереди показалась женская фигура.

— Нет, что вы, я всего лишь отошла от шума, — Анна подняла кубок, указывая на свою занятость.

— А мне показалось, вы прячетесь от людей, — фигура стала приближаться, выходя из тени колонны, обретая знакомые черты.

Зульфия Раху

По мере того, как она приближалась, Анна начала ощущать давление ауры Зульфии. Словно место, где она стояла, окуталось легкой дымкой, и голос госпожи доносился до неё будто издалека.

Она почувствовала, как её собственная аура, доселе спящая, начала пробуждаться. Она потянулась, словно после долгого сна, и её биение стало синхронизироваться с ритмом неизвестного, но мощного источника. Это было ощущение, которое невозможно игнорировать. В попытке сдержать этот нарастающий поток Анна склонилась, приближаясь к коленям.

Её движения были медленными, выверенными, направленными на то, чтобы не дать ауре вырваться наружу, чтобы хоть как-то её приглушить. Каждый вдох, который она брала, казался усилием, направленным против неудержимой силы, рвущейся изнутри.

Она знала, что если потеряет контроль, последствия могут быть непредсказуемыми.

«*Здесь много людей, вы хотите, чтобы я встала?*» — Анна взглянула на нее и ментально оказала давление на госпожу, что медленно приближалась.

Зульфия остановилась. Но не от давления. Она стояла и смотрела на Анну.

«*Я хочу увидеть, что внутри тебя, девочка*».

Анна, чувствуя, как первозданные силы пытаются вырваться из-под контроля, сделала глубокий вдох и направила всю свою энергию внутрь себя. Она боролась с натиском, подчиняя то, что стремилось просочиться наружу. Затем, медленно поднявшись с колен, она сосредоточила свой взор исключительно на Зульфии. Вся тяжесть её давления, вся мощь её ауры была сконцентрирована только на ней.

Покров

Теперь он окутывал только Зульфию. Анна показала ей ту мощь магии крови, которой все так боялись. Алая дымка, обычно окутывающая всё пространство, сжалась, превратившись в тугой кокон вокруг фигуры Зульфии. Внутри этого кокона, словно в вакууме, разворачивалась битва.

Анна не просто сдерживала, она исследовала, проникала в самую суть ауры Зульфии, изучая её структуру, её слабости, её силу. Это был не акт нападения, а демонстрация превосходства, урок, который Анна не желала никому другому видеть. Она давала Зульфии понять, что даже её, казалось бы, непоколебимая сила находилась под её полным контролем.

Зульфия застыла, словно изваяние, высеченное из камня. Вены на её лбу вздулись, пульсируя в унисон с нарастающей паникой, искажая черты её, казалось бы, невозмутимого лица. Оно покраснело, приобретая болезненный оттенок, словно кровь, вместо того чтобы питать, разрывала её изнутри. Давление внутри головы стало невыносимым, не давая ни единому вздоху проникнуть в легкие. Дыхание было перехвачено, оставив её в состоянии удушья, в тисках собственного страха.

Её собственное давление, её неумолимый натиск, тот покров, которым она с такой самоуверенностью накрыла Анну, теперь обернулся против неё самой. Он разорвался, словно хрупкая паутина, не выдержав контр-магии. Зульфия оказалась в собственной ловушке, в собственной игре, где правила внезапно изменились, а фигуры поменялись местами. Её замысел,

задуманный как демонстрация превосходства, стал её личной клеткой, а собственная сила – инструментом её заточения.

Анна, напротив, казалась воплощением спокойствия. Она стояла ровно, не снижая напора, и смотрела четко в глаза Зульфии. Молчание Анны было тяжелее любых слов, оно давило на Зульфию, усугубляя её отчаяние. Та попыталась пошевелиться, но тело, казалось, её не слушалось. Каждая мышца была скована, каждый нерв напряжен до предела.

Паника, которая ещё недавно была лишь предчувствием, теперь захлестнула её целиком, словно цунами, смывая последние остатки самообладания. Ей хотелось кричать, молить о прощении, но из горла не вырывалось ни звука. Она была пленницей собственного страха, жертвой собственной самоуверенности.

На мгновение Зульфии показалось, что она видит Анну из другого мира, мира, где правили справедливость и истина. В этом мире Анна была символом непоколебимой силы, той силы, которую Зульфия тщетно пыталась имитировать. И теперь, лицом к лицу с этой подлинной силой, Зульфия ощущала лишь свою ничтожность, свою абсолютную беспомощность. И единственным свидетелем её падения была Анна, чьё молчание было красноречивее всяких слов.

«*Прошу меня простить, госпожа Вассилевски*», — Зульфия ментально просила прощения за поступок.

«*Зачем ты извиняешься?*»

Анна заглянула внутрь Зульфии, и её взгляд, острый, как клинок, проник сквозь слои плоти и магии.

Там, в самом сердце, она увидела не просто бьющееся сердце, но пульсацию новой жизни. Зульфия была беременна. Совсем малый срок, от силы несколько месяцев. Удивительное открытие, которое мгновенно изменило ход их противостояния.

Перед Анной встал выбор: продолжать ли своё вторжение, рискуя навредить невинному существу, или отступить, оставив Зульфию с её тайной. Но Анна не была из тех, кто действует бездумно. Понимая, насколько опасна может быть её магия для ещё не рождённого младенца, она тотчас свернула свой покров.

Намерение было мгновенным: очистить Зульфию от последних капель давления и той тяжести, что ещё недавно сковывала её.

— Вы беременны? – Анна вопросительно взглянула на Зульфию.

— Как ты узнала? — госпожа всё так же стояла, однако теперь пыталась надышаться вдоволь.

— Вы удивительны, – Вассилевски усмехнулась, – я чувствую пульсацию у вас в утробе, там явно есть жизнь, и вы пошли на меня, чтобы почувствовать на себе мою силу?

Шок Анны был немым, оглушающим. Осознание того, что Зульфия, находясь в таком уязвимом положении, осмелилась бросить вызов магу крови, это было за гранью её понимания. Бездумность её поступка поражала. В то время как Анна, обладая колоссальной силой, сдерживала себя, руководствуясь принципами защиты и ответственности, Зульфия, казалось, шла на поводу у чистого любопытства, игнорируя все возможные последствия.

Эта беременность, которая для Анны стала поводом для сдержанности и осторожности, для Зульфии, судя по всему, была лишь ещё одним фактором, который можно было включить в свою рискованную игру. Прочувствовать силу мага крови, будучи носителем новой жизни – это не просто безрассудство, это было преступлением против самой природы, против будущего, которое она носила под сердцем.

Анна ощутила, как внутри неё поднимается волна не гнева, но скорее глубокого разочарования в человеческой глупости, которая могла поставить под удар не только себя, но и ни в чём не повинное дитя.

— Я знала, что вы мудры, даже в столь юном возрасте, — госпожа обошла колонну и взяла кубок с водой.

В это время в центре зала, словно по волшебству, начались танцы народов. Атмосфера наполнилась музыкой, и люди, словно ведомые невидимым дирижёром, стали собираться в пары.

Каждая пара, взявшись за руки, закружилась в вихре своих традиционных танцев, рассказывая на языке движений древние истории и передавая из поколения в поколение культурное наследие.

Слышались звуки неведомых инструментов: где-то переливались струны лютни, где-то стучали барабаны, а где-то разливалась нежная мелодия флейты. Под этот многоголосый аккомпанемент зародились первые движения. Пары, состоящие из представителей разных уголков этого мира, начали свою импровизацию.

Гости в ярких костюмах, чья одежда мерцала в свете сотен свечей, закружились в стремительном, радостном танце, полном задорного топтания и взмахов руками. Рядом с ними, в более медленном и грациозном ритме, двигались другие пары. Их движения были плавными, почти медитативными, отражая века спокойствия и размеренности.

Мужчины вели, их шаги были уверенными и сильными, а женщины следовали за ними, словно лепестки цветка, раскрывающиеся под ласковым солнцем. В каждом движении, в каждой улыбке, в каждом взгляде, которым обменивались партнеры, чувствовалась глубокая связь, понимание и уважение к традициям своих предков.

Зал превратился в калейдоскоп культур, где каждый танец был маленькой вселенной, полной своих особых символов и значений. Толпа, собравшаяся вокруг, наблюдала с восхищением, ощущая себя частью чего-то большего, чем просто праздник. Это было единение душ, воплощенное в завораживающем ритме танца.

— Вы хотели меня проверить? — Анна улыбнулась, — но вы должны понимать, что это дурная затея.

— Согласна, но вы невероятны, и это прекрасно, — Зульфия подняла кубок в знак примирения.

Как оказалось, их с Зульфией объединяло куда больше, чем Анна могла предположить изначально. За внешней сдержанностью и, возможно, некоторой отстраненностью скрывался истинный стержень – глубокая семейственность.

Зульфия оказалась той редкой женщиной, для которой дом, семья и близкие – не просто слова, а основа мироздания. Ее мудрость, выраженная не столько в громких декларациях, сколько в тонких, ненавязчивых замечаниях, в умении уловить суть вещей, произвела на Анну огромное впечатление.

Встреча с Зульфией стала для Анны настоящим откровением. Каждый ее ответ, каждое движение, каждый взгляд, казалось, несли в себе отпечаток прожитых лет, наполненных как радостями, так и невзгодами, из которых она извлекла лишь самое ценное.

Анна почувствовала, как сама, под влиянием этой удивительной женщины, начинает смотреть на мир иначе, отбрасывая суетное и сосредотачиваясь на главном. С каждым словом, с каждым мгновением, проведенным в беседе, Анна все больше проникалась к Зульфии.

Это было не просто уважение, а скорее глубокое, искреннее восхищение. Она видела в ней не просто собеседницу, а образец той стойкости, той внутренней силы и той незыблемой женской мудрости, к которой сама стремилась.

После общения она поняла, что тот поступок по отношению к Анне был лишь из желания понять своего возможного противника и ощутить эту силу, если вдруг придется с ней столкнуться не в дружеской атмосфере.

Их разговор прервал внезапный громкий скандал в самом центре зала.

Золотой свет люстр отражался в тысячах граней хрусталя, эхом отзываясь в наполненном музыкой зале.

Среди аристократии, порхающей в вальсе, выделялась она – Эмилия, словно нежный цветок, потерявшийся в вихре страстей. Её тонкий стан, облаченный в струящееся серебро, казался хрупким, а глаза, цвета летнего неба, смотрели куда-то вдаль, не замечая ничего вокруг.

— Какая эфемерная, — прошептал Филипп, его голос, бархатный и глубокий, как вечерняя тень, был полон восхищения.

Он, мужчина, привыкший получать всё, чего желал, почувствовал, как его властное самолюбие, обычно несокрушимое, дрогнуло перед этой невинной красотой.

— Пожалуй, вы правы, ваше императорское величество, — вмешался он, юноша, чьи черты были так же резко очерчены, как и его пылкий темперамент. Он был нетерпелив, импульсивен, и в этот момент каждая клеточка его тела требовала уважения к этой девушке, — но её эфемерность не означает, что она игрушка для ваших опытных рук.

— Ты слишком молод, *Томиас*, чтобы рассуждать о моих руках, — Парга презрительно усмехнулся, взгляд его приковался к Эмилии, игнорируя нахального юнца, — тебе бы ещё детские сказки читать, а не пытаться участвовать в разговорах взрослых мужчин.

— Прекратите! — внезапно воскликнул Раху, его голос сорвался на высокой ноте. — Вы так говорите, будто ваша жизнь – это одна большая победа, а моя – жалкое недоразумение, которое можно просто отбросить! Это вас, должны учить манерам, а не меня!

— Мальчишка, ты переходишь все границы! — император сделал шаг вперёд, его кулаки сжались, — ты смеешь оскорблять меня? Меня, чьё имя знает весь континент! Ты никто, просто избалованный наследник, который думает, что всё может купить!

— Я, по крайней мере, не прячу свою трусость за золотом и титулами! — Томиас выплюнул слова, как ядовитые стрелы. — А ваши «победы» – это лишь доказательство вашей ничтожности, ведь вы и боя не выиграли за всю свою жизнь, прячась за спиной своего генерала!

Эмилия, словно ожившая из сна, обернулась. Её взгляд, мягкий и печальный, скользнул по враждующим мужчинам, и в нём не было ни страха, ни осуждения, лишь тихая скорбь. Она молча вытянула руку, и её пальцы легли на руку Томиаса, призывая к покою.

Он считал своим долгом защитить принцессу от похотливых глаз императора Парга и потому вступил с ним в конфликт, не следя за своими словами. Младший Раху никогда не был склонен к дипломатии, предпочитая прямоту и решительность, которые, как он полагал, всегда служили ему верой и правдой.

В этот раз, однако, его самоуверенность сыграла с ним злую шутку.

Последствия не заставили себя долго ждать. Слова, брошенные им в пылу гнева, подобно бумерангу, вернулись, принеся с собой лишь горечь и сожаление. Он увидел, как лицо императора, доселе казавшееся просто презрительным, исказилось от ярости, как в его глазах зажёгся холодный огонь, предвещающий немилость.

Чувство тщеславия, которое так долго давало Томиасу силы, теперь обернулось против него. Он понял, что его пылкая речь, направленная на защиту, лишь подстегнула императора, выставив самого Томиаса в уязвимом свете.

Защитить свою принцессу? Он только что поставил под удар не только её, но и, возможно, всю его семью, его земли, его собственную жизнь. Он почувствовал, как холодный озноб пробежал по спине.

Это было не то сражение, которое он себе представлял.

Это было столкновение, где его оружие – храбрость и верность – оказалось бесполезным против безграничной власти и безжалостности.

Томиас понял, что совершил ужасную ошибку, недооценив противника и переоценив свою собственную способность влиять на ход событий.

«*Что же делать?*»

Из-за спины Филиппа показалась фигура женщины. Её рука, нежно, но властно, легла на плечо императора.

Тонкие пальцы, украшенные узорами рун, едва ощутимо сжали ткань его камзола.

Она не произнесла ни слова, но её присутствие перекрывало весь шум и суету придворной толпы.

Зульфия же, будто тень, обошла их. Её путь был бесшумен, как движение хищника. Она остановилась позади Томиаса, её силуэт вырисовывался на фоне гобеленов, украшавших стену. Жемчужное ожерелье, обвивавшее её шею, мерцало в свете канделябров, отбрасывая призрачные блики. Её лицо, обычно непроницаемое, сейчас выражало холодное спокойствие, за которым, как знали лишь самые близкие, таилась сталь. Она мать, она защитница, она самая могущественная союзница своему сыну – Зульфия была готова к любому исходу.

Филипп почувствовал прикосновение Анны.

— *Я думаю, достаточно, Филипп.*

Она слегка придавила Филиппа своей аурой, укрощая его строптивый пыл. Её взгляд, спокойный и вдумчивый, был полон силы, которая останавливала его мысли и движения.

В воздухе повисло едва уловимое напряжение, сотканное из невысказанных слов и взглядов, которыми они обменивались. Филипп почувствовал, как привычный ритм его сердца успокаивается, а привычные мысли начинают ложиться в ровном порядке.

Он попытался уловить момент, когда эта перемена произошла, но как ни старался, не мог найти точную точку. Возможно, это было в тот миг, когда её рука коснулась его плеча. Аура Анны, о которой он всегда думал как о чём-то подавляющем, теперь обрела грани, о которых он не подозревал.

Это было не подавление, а скорее трансформация, которая делала саму сущность Филиппа более спокойной, будто она усыпляла его пыл, то, что он сам сделать не в состоянии.

Он чувствовал, как его собственный пыл, обычно стремящийся вырваться наружу, теперь оказался в изящной оправе её присутствия.

— Да, ты права, думаю, достаточно мы провели на этом празднике жизни, — Филипп сбросил её руку и яростно направился к выходу.

Анна взглянула на Раху. Они стояли чуть поодаль, слегка перешёптываясь. Данный конфликт разгорелся.

— Госпожа, я бы хотел извиниться за своего мага, — император Овва подошёл к ней, чуть кланяясь.

— Не стоит извинений, — Анна вытянула руку, останавливая его. — Самолюбие Филиппа было задето. Если и извиняться, то не так, и, — она покачала головой, — вряд ли я смогу что-то сделать.

Оббиус понял её слова. Она имела в виду лишь одно: этот конфликт повлечёт за собой явные последствия, но для кого какие — придумать сложно.

Ведь Филипп непредсказуем.

Домой они возвращались в полной тишине. Не прощаясь, разошлись по комнатам.

Лунный свет, пробиваясь сквозь высокие окна, рисовал на полу причудливые узоры, словно пытаясь утешить их, но утешение не приходило.

На следующий день, когда солнце только поднялось, Филипп ворвался в комнату Анны.

— Анна! — он сидел на краю кровати, теребя её за плечи, пытаясь разбудить.

Ещё не до конца осознав происходящее после сна, Анна вызвала свои кинжалы.

Холодная сталь легла в ладони, словно продолжение её самой. Её движения были быстрыми, отточенными, лишёнными колебаний. В одно стремительное движение она подняла лезвия, прижимая их к горлу Филиппа, который сидел рядом на кровати.

Его глаза, широко распахнутые от внезапного ужаса, отражали утренний свет. Застывший на его лице ужас сменился яростью. Это была не просто злость, а обжигающий, всепоглощающий гнев.

В глубине его зрачков, казалось, вспыхнули чёрные языки пламени, разгораясь от обиды и ощущения предательства. Он почувствовал, как ледяные кончики клинков впиваются в нежную кожу, и лишь дрогнувшая мышца выдавала его попытку сделать глоток воздуха.

— Что ты делаешь тут утром, Филипп!? — она опустила оружие, скрывая его в руках.

Он сидел, яростно глядя в её глаза.

— Я здесь не для того, чтобы ты мне указывала, Анна, — он покинул своё место. — Вспомни, кто ты и кто я, чтобы так со мной говорить.

Филипп уже стоял у окна и вглядывался вдаль.

— Прошу меня простить, повелитель, — Анна начала было вставать, как он резко её одёрнул.

— Да как ты смеешь подшучивать надо мной?! Ничтожество! Ты обычный генерал моей армии и смеешь называть меня повелителем?! Я император! Император! — выкрикивая слова, его слюна разлеталась повсюду от злости, брызгая в разные стороны, и образуя пену у уголков рта.

Глаза его почернели, и даже проблеска родного цвета не было.

— ты не посмеешь использовать против меня свою магию, девка, — он поднял в руках кулон из черного обсидиана в серебряной оправе, камня, что являлся мощным источником защиты от психического воздействия, того самого, что направляет Анна на Филиппа.

— я бы не посмела, ваше императорское величество, — Анна сползла на колени с кровати, — я выполню любой ваш приказ, мой господин.

Обсидиан, мощный артефакт. Этого камня на континенте осталось невыносимо мало, и найти целый, да ещё почти с ладонь, было настоящим чудом.

Да, он мог блокировать атаку мага крови, но только одну.

«*Видимо, специально искал, чтобы меня прогнуть*».

— так-то лучше, Анна, — Филипп надел на шею кулон с камнем и сел за стол. — есть для тебя дельце, и для твоей Руфи, — он сидел, потирая ладони, предвкушая свой приказ.

— да, господин, приказывайте, мы с благодарностью примем его и выполним в кратчайшие сроки, — Анна не поднимала головы, ощущая лишь его пристальный взгляд.

— этот выскочка на балу, Раху. Его мать — убей её.

Анна резко подняла глаза.

«*Как, убить Зульфию?*»

Филипп сидел и уже разглядывал свои пальцы.

Его невозмутимость, вероятно, он всю ночь об этом думал, его план мести.

— и не смей мне перечить, или твоя голова, или её. Запомни, *девка*. — он ушёл.

Убить беременную главу семьи Раху, Зульфию Раху.

Глава 4. Тупик совести

Филипп ушел, оставив Анну сидящей на полу в полной растерянности, слегка прикрыв ноги одеялом.

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь гулким эхом шагов Филиппа, удаляющихся по коридору. Каждый звук казался ей преувеличенно громким, словно природа осмысливала произошедшее вместе с ней. Её глаза, широко раскрытые, смотрели в никуда, а рот был чуть приоткрыт. Мысли роились в голове, переплетаясь в клубок неразрешимых противоречий.

Она должна убить Зульфию. Зульфию, которая носит ребенка.

Внутренний голос отчаянно кричал против этой мысли, но голос разума, закаленный годами службы, напротив, требовал исполнения. Исполнить приказ. Это было её предназначением. Её работой.

В мире, где существование таких, как она, определялось лишь способностью выполнять поставленные задачи, любое колебание было равносильно слабости, а слабость – смерти. Она должна была стать инструментом, безликим и эффективным.

Но как можно отнять жизнь у матери? Как уничтожить то, что только готовится появиться на свет? Перед её внутренним взором мелькали образы детей, теплая улыбка матери, нежное прикосновение.

Эти образы, столь далекие от её нынешней реальности, вызывали острую боль. Она подняла дрожащую руку, посмотрев на свои пальцы, будто не узнавая их. Именно эти руки должны были прервать чью-то жизнь.

Убить Зульфию. Убить нерожденное дитя. Холодный пот выступил на лбу.

Ответственность тяжелым грузом сдавила грудь, лишая возможности дышать. Ей предстояло принять решение, которое разделит её жизнь на «до» и «после». Решение, которое определит, кто она на самом деле: исполнитель чужой воли или человек, способный на сострадание.

— Анна, что с тобой? — Маркус вбежал в комнату, падая перед ней на колени.

— Ты можешь встать? Тебе плохо? — он был настолько испуган, что начал заикаться. Анна сидела, не слыша его, осознавая только свою никчемность, как и сказал Филипп, ведь она не может противиться его приказу, только исполнять. Маркус все суетился вокруг нее, пытаясь найти одежду или что-то подобное, чтобы Анна смогла одеться и прийти в себя.

— Госпожа, что с вами? — Руфи забежала в комнату.

Она села рядом с Анной, тряся её за плечи, но та уже была далеко в своих размышлениях.

Мысли её —бездонная дыра, с многочисленными рассуждениями и внутренними страданиями, ведь вся её суть — это сила и *ответственность*.

Но если эта сила становится бедой для людей — ответственность начинает давить на саму суть Анны, её мысли и её сознание. Обычные люди называют это ***совестью***, но у людей, чья сила невероятна, — ответственность бесконечна.

— Перестаньте, — Анна пришла в себя. Она отбросила одеяло в сторону, медленно вздохнула, принимая свою судьбу, и направилась к окну. Закурить.

— Ты сама не своя, что-то произошло? —Маркус подошел сзади, чуть прикасаясь к её плечу, боясь спугнуть.

Анна не дрогнула. Его рука коснулась, чуть сжимая, показывая свою близость с ней. Движения были аккуратными, медленными. Дыхание становилось все громче, словно сердце указывало на приближающуюся опасность. Но он всего лишь дотронулся до нее. А она не оттолкнула его

— Я в тупике, — она наклонилась и уткнулась в его руку своей щекой, закрыв глаза.

Маркус оцепенел от этой близости с Анной. Ранее он никогда не позволял себе подобных движений, даже малейшее прикосновение было для него проявлением неодолимой слабости, выдававшей его тайную, глубоко спрятанную *привязанность*. Он всегда держал дистанцию, воздвигая вокруг себя невидимые стены, чтобы никто, и прежде всего сама Анна, не догадались о бушующем в его груди океане чувств. Он был её верным другом, опорой, но всегда лишь другом. Но сейчас, когда Анна сидела на холодном полу своей комнаты, хрупкая, сломленная, с глазами, полными необузданного страха, все его предосторожности испарились, как дым. Его сердце забилось чаще, отражая её собственную боль. Он хотел обнять её, прижать к себе, стать её щитом от всего ужаса, который она переживала. Но страх быть отвергнутым, страх разрушить их хрупкое равновесие, страх, что она увидит его больше, чем друга, сковал его. Ему казалось, что любая попытка утешения будет неуместной, недостаточной. Все, на что он был способен, — дотронуться до нее, с опаской, но с желанием помочь. Он был готов пройти сквозь огонь, чтобы забрать её боль, спасти её от любого приказа, сделать любую грязную работу, если она говорила про этот *тупик*.

— О чем ты, Анна? — еле слышно он приблизился к её лицу, шепча на ухо. Взгляд. Она смотрит на него так близко, словно между ними нет никого. В комнате только он и она, близко, их отделяло парасантиметров. Пара сантиметров до его возможности

— Я в тупике, Маркус, и помочь мне никто не сможет, — она убрала его руку с плеча и закрыла окно.

Руфи, все время стоявшая в дверях, не говорила ни слова. Молчала, ждала вердикта или приказа своей госпожи, ведь её слова были ясны — она опять на *побегушках истеричного императора*.

— Госпожа, я жду приказа, — она склонилась в знак повиновения. Анна осознавала безысходность всей ситуации.

У нее не было выбора: либо она убивает Зульфию, либо Филипп заберет её жизнь в отместку. Эти две ужасные перспективы кружились в её голове, как хищные птицы, готовые растерзать её душу.

Она присела на диван, пытаясь успокоить дрожащие руки. Холодные пальцы легли на гладкое стекло графина, наполненного водой. Каждый глоток казался горьким, словно она пила яд.

Маркус стоял напротив, молча смотря на нее. Его присутствие было одновременно и поддержкой, и пыткой.

Он видел ее муки, но не мог вмешаться, не мог предложить решения, которое не стало бы еще одним тупиком. Его взгляд, полный беспокойства и нежности, только усиливал ее внутренний разлад.

Каковы ее дальнейшие действия? Она не понимала.

Убить Зульфию – это означало предать все, во что она верила, стать той, кем она никогда не хотела быть. Но если она не сделает этого, ее собственная жизнь оборвется, оборвется так же безжалостно и внезапно. Мысли метались, как птица в клетке. Каждый поворот приводил к новой стене. Она чувствовала себя загнанной в угол, без единого шанса на спасение.

— Сядьте, нужно обсудить, – Анна откинулась на спинку дивана, пряча дрожащие руки под мышки, — пока без приказов.

Маркус и Руфи сели на диван одновременно, их тела напряглись в предвкушении. Воздух в комнате казался густым, пропитанным невысказанным страхом.

Они слушали, затаив дыхание, что же Филипп приказал Анне. Каждый звук, каждый вздох казался увеличенным, усиливая гнетущую тишину. В глазах этих двух ребят отражался целый спектр эмоций: смятение, ужас, неверие.

Маркус сжимал кулаки, его лицо было бледным, а губы плотно сжаты. Руфи же, казалось, застыла, ее зрачки расширились, отражая весь тот кошмар, который разворачивался перед

ними. Они были молоды, но уже успели вкусить горечь судьбы, и теперь перед ними маячила еще одна, еще более страшная тень.

Анна же, напротив, уже говорила с неким безразличием, словно ее душа уже покинула тело, а на ее месте осталась лишь оболочка, выполняющая чужую волю. Она рассказала о приказе холодно, без тени эмоций, как будто говорила о погоде, а не о смертном приговоре. Казалось, она уже смирилась с неизбежным, приняла свою участь, и в ее взгляде читалось лишь бесконечное опустошение.

Когда она закончила, в комнате воцарилась мертвая тишина. Маркус медленно потер руки, словно пытаясь смыть с них невидимую грязь. Руфи, наконец, обрела способность двигаться. Она потянулась до графина и налила себе стакан воды, ее рука слегка дрожала.

— Так, значит, за ошибки детей будут отвечать родители? – Маркус с открытым отвращением выплюнул эти слова.

— Вероятно, да, – Анна понимала, *какая это глупость.*

— Спор, будто малолетки поругались, – Руфи наконец пришла в себя, ее рука слегка успокоилась.

— Но если так пойдет дело, ведь действительно нам придется организовать это *убийство*, не так ли, или ты думаешь иначе, Анна?

Она смотрела на Маркуса, тот слегка надеялся, что обойти этот приказ есть возможность, но ее нет, к великому сожалению.

— Для начала, мне нужно переодеться, а далее встретимся в моем кабинете, я пока обдумаю, – Анна выпроводила этих двух из спальни. Анна начала одеваться, ее движения были механическими, лишенными всякой грации.

Каждый предмет одежды, который она брала, казался чужим, как будто предназначался не ей. В голове роились мысли, хаотичные и противоречивые.

Что делать дальше? Этот вопрос эхом отдавался в опустевшем пространстве ее сознания.

«*Возможно, нужно и правда распланировать этот приказ*», — подумала она, но тут же споткнулась о следующую мысль: «*Но с чего начать?*».

Замок казался лабиринтом, полным ловушек и скрытых углов. «*Надо начать со всего*», — пришло ей решение, столь же пугающее, сколь и необходимое.

Она должна была понять всю сложность ситуации, всю глубину этой паутины, в которую она попала. Планировка замка, изучение его секретов, расположение комнат и солдат у дверей – все было важно в данный момент. Она посмотрела на свое отражение в зеркале.

Перед ней стояла незнакомка с потухшими глазами и застывшей маской на лице. Но под этой маской билось сердце, которое еще не сдалось. Она чувствовала, прежняя Анна не откликается на ее зов, та, что не боялась бросить вызов судьбе. Эта решимость, этот холодный расчет, что был раньше – испарился. Она не знала, что ее ждет, но знала одно: она не позволит страху парализовать ее.

Она будет бороться. За свою жизнь.

— Ну что, собрались с мыслями? – Анна зашла в кабинет, где уже сидел Маркус. Руфи не оказалось.

— Где она?

— Ее призвала старшая служанка, что-то с постельным, – Маркус сидел на диване, потирая ладони.

Она обошла стол и закурила у окна, рассматривая бойцов, что тренировались на площадке.

— Хорошо, я обдумала, что нам необходимо сделать.

— Мы его выполняем? Маркус подошел ближе к Анне, слегка присаживаясь на край стола.

— Ты нет, как и Руфи. Ваше дело – помочь мне в планировании, но не в участии. – Использовать их как подручные средства можно, но направлять исполнять приказ точно не в ее стиле.

— Ты же знаешь, как бы нибыло, я исполню любой твой приказ, – Маркус был настроен решительно.

Она подошла ближе, чуть расставив его ноги в стороны, проникая между ними.

— Я знаю, Маркус, но, – Анна наклонилась к нему, прикасаясь губами к уху, — не забывай наше с тобой положение, в особенности – свое.

Отойдя, ее взгляд совершенно не был тем, что этим утром. В этом взгляде была решимость, была хладнокровность и явное осознание происходящего, без прикрас.

— Приказ есть приказ, – он встал, отдаляясь. Анна дала понять: *она понимает его чувства*, но взаимности там нет. Есть долг службы, есть долг дружбы, но не более.

— Итак, какие твои приказания будут? – он стоял ровно по струнке, принимая приказ госпожи.

— Начнем с плана постройки их замка. Последующие действия были таковы, что необходимо найти план замка, понимая, какие есть пути для отхода при неудачном исходе.

Задача казалась титанической, ведь замок был не просто крепостью, а лабиринтом из камня, где каждая стена могла скрывать опасность или, наоборот, служить спасением. Маркус знал, что спешка здесь неуместна.

Хладнокровие и трезвый расчет – вот что было ему сейчас необходимо. Ему необходимо было отыскать человека, что был причастен к постройке или планировке стен и комнат этого замка. Такой индивид, если он еще жив, мог обладать бесценными знаниями о скрытых проходах, тайных комнатах и, самое главное, о слабостях оборонительных сооружений.

Поиск такого человека требовал осторожности и изворотливости, ведь не каждый мог довериться незнакомцу, особенно в таком подозрительном месте.

Необходимо найти комнату Зульфии, понять, где окно и выход, есть ли потайной ход. Это было не просто желание, а насущная необходимость.

Зная расположение ее покоев, Маркус мог бы спланировать как проникновение, так и, в случае необходимости, ее эвакуацию.

Особое внимание уделялось окнам и выходам — это были потенциальные точки входа и, что еще важнее, пути к спасению. А наличие потайного хода могло оказаться решающим фактором, позволяющим не дать сбежать жертве.

— Я постараюсь найти или архитектора, или тех, кто видел своими глазами план замка, – Маркус понял свое дело, осталось его выполнить.

— Отлично, тогда иди выполняй, – Анна кивнула и принялась искать документы родословной семьи Раху.

Итак, семья Раху предстала перед Анной в её мысленном взоре, расставленная по приоритетам опасности. Симона, глава семейства, излучал ауру уверенности и силы. Его описание как мужественного и довольно сильного мага не предвещало ничего хорошего. Анна знала, что при нападении именно он станет главной преградой. Его магические способности, усиленные боевым духом, требовали особого подхода. Анна решила, что главная её задача — его нейтрализация, возможно, путём изоляции или отвлечения.

Томиас, юный мальчуган, не представлял никакой угрозы. Его детская наивность и неопытность делали его абсолютно незначительным фактором в предстоящем плане. Он был не более чем фоновым шумом, который можно было легко проигнорировать.

Алисента, девушка, вечно пребывающая в грёзах, была ещё меньшим препятствием. Её отстранённость от реального мира гарантировала, что она не доставит непосредственно Анне никакого дискомфорта во время выполнения задания. Её можно было обойти стороной, не тратя на неё ни единого магического заряда.

Единственным, кто вызывал действительно серьёзное беспокойство, был Александр. Если описания его способностей оказались правдивыми, его огненная магия могла стать настоящим бедствием. Маг огня — это сила, способная сметать всё на своём пути, и его присутствие несло в себе потенциал полного провала. Анна была уверена, что именно Александр потребует максимального внимания и самой изощрённой тактики. Если, конечно, он будет в замке в момент нападения.

— Чем вы тут занимались? — в кабинет забежала Эмильда, – не хотите потренироваться?

Маркус с Анной резко остановились в своих разговорах. Эмильда не должна быть замешана никоим образом, тем более помочь она не в силах, а рисковать её жизнью Анна не позволит себе.

— С удовольствием, Эми, там уже народ собрался? – Анна, потирая руки вплоть до локтя, направилась к выходу, где стояла её сестра.

«*Ты понял свое задание, у тебя есть две недели.*»

«*Да, госпожа.*»

Они поняли друг друга. В это время на тренировочной площадке уже собрались новоиспеченные солдаты, только прибывшие с призыва.

И среди них оказался Лукас.

— О, вот это люди, ты чего тут забыл, солдат? — Анна поспешила встретить дорогого друга, тот в свою очередь перепрыгнул ограду площадки и пошел навстречу.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Анна, — Лукас глубоко поклонился.

— Не стоит, встань, – она подняла его за плечи, — ты привез их с южного набора? – Юноши, что стояли перед ней, были загорелые или совсем смуглые.

— Верно, как ты угадала? – он улыбался во все 32 зуба, не скрывая своего шаловливого настроения.

— Постыдись, – она ткнула его в плечо.

— Да ладно, извини, – его взгляд изменился, — подскажи лучше, что происходит? У нас в войсках шепчут, что Филипп последнее время сам не свой, неужели и его не обошло это? — Лукас затронул темную и страшную тему семьи Парга.

— И ты туда же? Неймется вам все с Маркусом, — Анна была недовольна таким вопросом.

Да, вероятность безумия Филиппа есть, но она старается отгонять подобные мысли из своей головы.

— Хорошо, не будем о подобном рассуждать, ведь почвы нет, верно? – Лукас вопросительно взглянул на госпожу.

Анна кивнула. Лишний раз доказывать адекватность императора ей не хотелось, особенно после утреннего приказа.

Верит ли она сама в это? Вопрос на засыпку.

— Госпожа, Вы столь юны, но столь устрашающе держите клинок, не хотите выйти со мной в спарринг?

Сзади к Эмильде подошел молодой юноша из нового южного состава, весьма сильный и очень приятный на вид.

— Да, конечно, с удовольствием, — Эми остановила назревающий внутри Лукаса командный тон, который остановил бы юношу.

Вместе под руку с ним она вошла на тренировочную площадку. Вокруг возвышалось крепкое деревянное ограждение, у которого с внешней стороны выстроилась внушительная толпа солдат.

Едва завидев даму, они разом подняли гвалт, подобный крику стаи чаек, но их шум был преждевременен и ошибочен.

Эмильда была одной из самых умелых воительниц Империи, и этот юноша, несмотря на свою ловкость, будет повержен ею в считанные минуты, особенно после изнурительных тренировок под руководством Маркуса.

Эмильда заняла позицию, выжидая первого движения противника. Юноша, с тонким мечом в руке, двинулся плавно и стремительно, его клинок, остро заточенный, сверкал в солнечном свете.

Каждый удар был точным и быстрым, но Эмильда, словно ураган, парировала их, неуклонно отступая, но не теряя ни сантиметра контроля. Затем, поймав момент, она перешла в контратаку. Три молниеносных движения, и юноша оказался обезоружен, его меч вылетел из пальцев, а сам он, застыв в элегантной стойке, поднял руки в знак капитуляции.

На его лице играла довольная улыбка, а толпа за оградой, пораженная увиденным, затихла, с изумлением глядя на искусную воительницу. Анна, наблюдавшая за поединком с небольшой трибуны, удовлетворенно кивнула.

Она видела, как юноша, несмотря на поражение, выглядел совершенно не сломленным.

— Хороший признак достойного солдата в будущем, – Анна кивнула на юношу, что стоял уже в полный рост на площадке.

Она знала, что будущий солдат, как и его противница, станет великим воином, если продолжит в том же духе. Эмильда подошла к поверженному противнику и протянула ему руку. Юноша с благодарностью принял её.

— Спасибо за урок, госпожа, –проговорил он, его голос звучал твердо и уверенно. – Я буду тренироваться еще упорнее, чтобы однажды превзойти вас.

Эмильда лишь улыбнулась в ответ:

— Продолжай в том же духе, и ты обязательно достигнешь своей цели, – сказала она. – Сегодня ты сражался достойно. Но помни, что истинная сила заключается не только в скорости и ловкости, но и в мудрости и стойкости духа. И лучше тренироваться так, чтобы превзойти нашего генерала, – она подмигнула Анне, едва показывая это солдатам.

Юноша, всё ещё в изящной позе, с поднятыми руками, засмеялся. Это был смех победителя, смех того, кто познал предел своих сил и не стыдился этого. Он знал, что проиграл. Но это поражение было для него лишь ступенью на пути к совершенству.

Солдатская толпа, ещё минуту назад ревевшая от предвкушения зрелища, смолкла, словно по команде. Лица, искаженные азартом и ожиданием, теперь выражали чистое изумление.

Эмильда, спокойно встав во весь рост, окинула взглядом остолбеневших солдат. Её дыхание было ровным, а взгляд – острым, словно клинок её меча. Она не произнесла ни слова, не сделала ни одного лишнего движения. Её присутствие само по себе было красноречивее любой речи. В каждом её жесте, в каждом взгляде сквозила сила, которую не могли заглушить ни говор толпы, ни грохот боя. Когда Эмильда повернулась и направилась к воротам, толпа расступилась, очищая ей путь. Никто не осмелился произнести ни звука. В их глазах, ещё недавно полных желания зрелища, теперь читалось уважение, смешанное с благоговением.

— Да, я не удивлена, – Анна подошла к сестре, чуть задев её плечом. – Всё ещё хочешь со мной сразиться?

— Рядом с этой толпой? Неееет, – Эми убрала клинок в ножны и отдала слуге.

— Ты молодец. Маркус обучает? – Лукас начал подходить к девушкам, как внезапно с верхней взлетной площадки взмыл дракон, оглушая всех присутствующих своим криком.

— Филипп улетел. Был приказ? – Анна поспешила к слугам, те стояли в полном непонимании происходящего.

— Император решил нас покинуть? – веселое настроение Лукаса не омрачилось даже от понимания, что Филипп один улетел в неизвестном направлении. А это император. Анна начала суетиться.

Император один улетел в неизвестном направлении на драконе. После утреннего приказа не решил ли он исполнить его самостоятельно?

Она шла в личные покои Филиппа, но дверь была закрыта. У входа стояли солдаты, их лица были непроницаемы. Анна попробовала выяснить, есть ли какие-либо распоряжения, касающиеся отбытия императора, или его предполагаемого маршрута.

Любой намек, любое уклончивое слово – всё могло бы успокоить её терзающуюся душу. Но стража была нема. Нигде не было ни подсказок, ни информации.

Он не сообщил, куда улетел. Её опасения, сначала робкие, теперь перерастали в настоящий страх. Страх его возможной ошибки, страх перед неизведанным, что могло таиться там, куда он направился. Что, если его решение, принятое столь импульсивно, было продиктовано не мудростью, а минутным порывом? И она ничем не может ему помочь или остановить, чтобы не произошло невозвратного.

— Не волнуйся так, возможно, он улетел проветриться, – Эми нашла её в коридоре возле открытого окна. – Всё не можешь бросить? – она указала на сигарету.

— Ты знаешь, что это. Не дави на меня! – Анна ответила сестре с открытой злостью, срываясь на неё из-за бессилия перед проблемами, которые её окружили. – Ты так спокойно рассуждаешь о его полете, не зная, *что* с ним творится и ***что*** он творит!

Слова, полные горечи и отчаяния, обрушились на несчастную сестру, будто лавина, сошедшая с горной вершины.

— Ты думаешь, мне легко?! – выкрикнула Анна, её голос дрожал от невыносимой боли. – Ты сидишь здесь, в безопасности, пока я одна вынуждена разгребать весь этот хаос! Ты даже не представляешь, через что мне приходится проходить!

Каждое слово было подобно удару, ранящему двоих.

Сестра, бледная и растерянная, не смела поднять глаз, принимая на себя гнев, который на самом деле был направлен на невидимых врагов, на обстоятельства, на судьбу, ставшую столь жестокой.

Анна чувствовала, как последние крохи самообладания ускользают, оставляя лишь пустоту, где раньше была надежда.

— Ты обвиняешь меня в моей слабости из-за этих сигарет, при любом удобном случае напоминаешь! Но ты не знаешь, какая сила требуется, чтобы просто вставать каждое утро и делать вид, что всё в порядке!

— Так почему ты мне ничего не рассказываешь?! Я ведь хочу помочь тебе, я не хочу, чтобы ты травила себя, чтобы ты страдала! Ведь я люблю тебя, ты для меня всё!

Эмильда не смогла сдержаться и в ответ начала кричать на Анну, обливаясь слезами обиды. Её хрупкие плечи сотрясались от рыданий, а голос, обычно тихий и мелодичный, теперь рвался от отчаяния и боли.

— Как ты можешь так со мной говорить?! – воскликнула она, с трудом выговаривая слова сквозь всхлипы. – Ты считаешь, что я не хочу помочь? Что мне безразличны твои проблемы?

Анна, в её глазах, строила вокруг себя стену, не пуская никого, даже самого близкого человека, в свой мир страданий.

— Я твоя сестра, Анна! Я здесь, рядом! Но ты не позволяешь мне даже протянуть руку помощи! Ты отталкиваешь меня, как будто я – причина твоих несчастий, а не тот, кто готов разделить твоё бремя!

Эмильда пыталась подойти ближе, но Анна, казалось, ещё больше ощетинилась, глядя на сестру с прежней злостью, теперь смешанной с болью.

— Я не могу выносить этого молчания, этой стены между нами! Неужели ты думаешь, что одна справишься со всем этим? Неужели ты думаешь, что твоё страдание – это твоя личная ноша, которую никто другой не должен нести?

Она не хотела быть обузой, она хотела быть опорой. И это невозможно было сделать: то, что казалось ей естественным – помочь сестре – ранило её глубже, чем любая другая беда, что могла её постичь.

Анна резко бросилась к Эмильде, её стремительное движение было полно раскаяния. Она обняла сестру крепко-крепко, уткнувшись лицом в её плечо, словно пытаясь спрятаться от всего мира, от своих необдуманных слов, от навалившихся проблем. В этом объятии, сотканном из боли и отчаяния, они обе находили слабое утешение.

— Ты права, – прошептала Анна. – Ты хочешь помочь, а я отталкиваю тебя. Я становлюсь слепой от этой ужасной неопределенности.

Анна, пропитанная чувством долга и предвидением грядущих опасностей, сознательно отстраняла свою молодую сестру Эми от хитросплетений дворцовой жизни. Интриги, плетущиеся в тёмных углах замка, да и постоянные тревоги, омрачающие существование Филиппа, казались Анне непосильной ношей для хрупкой души Эми.

Она же, в свою очередь, взяла на себя всю полноту ответственности, стремясь стать щитом и мечом для своей сестры, исправляя ошибки, разрешая конфликты и спасая всех от надвигающихся невзгод.

Но время неумолимо. Эми, словно росток, пробившийся сквозь камень, росла и менялась, обретая собственные мысли и желания. Её детская наивность уступала место юношеской пытливости, а взгляд наполнялся неясными мечтами.

Увы, Анна, поглощённая своими заботами и вечной тревогой, подобно тени, следовала за прошлым, не замечая, как перед ней стоит уже совсем другая девушка. В еёглазах Эми попрежнему оставалась той, кого нужно оберегать, а не той, кто способна разделить бремя мира. Это слепое, хотя и искреннее, стремление Анны контролировать всё и вся, спасать всех за всех, стало невидимым, но непреодолимым барьером между сёстрами.

Анна, пытаясь укрыть Эми от бурь, создала вокруг неё герметичный кокон, лишив сестру возможности закалиться в житейских битвах.

Стена, воздвигнутая Анной, скрывала Эми от бед, но одновременно и отдаляла её от настоящей жизни, от опыта, который делает человека сильнее. Так, в попытке спасти, Анна лишь изолировала, оставив Эми в тени, за стеной, где покой соседствовал с неопытностью, а безопасность – с полной неприспособленностью к реальному миру.

— Тогда нам следует дойти до кабинета, я хочу поделиться с тобой своими мыслями, – Анна посмотрела на Эми в надежде, что та откажется.

— Конечно, идём, – но вместо отказа Эми согласилась.

Улыбнувшись, она последовала за Анной в кабинет. Приглашать кого-то ещё, помимо них, желание не возникло. Итак, все, кто должен был быть в курсе происходящего, уже знали необходимую информацию.

— Мои опасения за Филиппа не пустой звук, – Анна наполнила стакан водой. – Его последние приказы, мягко говоря, удивляют меня, – она села напротив Эми.

— Ты не делишься со мной его приказами. Сейчас что-то совсем из ряда вон выходящее? – Эми довольно редко участвует в советах или обсуждениях каких-либо планов по отношению к работе Анны.

— его мысли меня пугают, его состояние разума — пугает, – Анна не хотела вдаваться в подробности, — потому я сейчас в очень непростом положении, да и следить за ним не охота, не маленький уже ведь

Эмильда насупилась, она понимала: Анна её запутывает и не хочет рассказывать всё, что творится у неё в душе и на работе.

— Я хочу помочь тебе, почему не хочешь поделиться своей проблемой? — Эми не выдержала: отношение к ней как к ребёнку, которого надо защищать, – её бесило.

— Поделиться? Я хочу поделиться, но я могу лишь рассказать, помощи я твоей не прошу, не стоит в подобное ввязываться *тебе*, – для Анны Эми была самым близким и самым дорогим.

И, к сожалению, ничем помочь она не сможет, даже если захочет.

— Хорошо, хотя бы расскажи, что заставляет тебя так часто переживать, – Эми указала на сигареты в руках у Анны. Анна поделилась с Эми тем приказом, что отдал Филипп, максимально сухо, давая ей понять, что это обычный рядовой приказ.

— Для тебя это обычное дело, не так ли? — Эми, однако, чувствовала, что за внешним спокойствием скрывается нечто большее, какое-то переживание сестры.

— Да. — Хорошо, но запомни: ты всегда можешь обратиться ко мне, я всегда тебя поддержу и помогу, чем смогу конечно, – Эми слегка улыбнулась.

Анна сидела напротив Эми, её лицо было спокойно, с неким безразличием, и не выражало никаких эмоций. Воздух в комнате казался густым, наполненным невысказанными словами и молчанием.

Солнечный свет, проникающий сквозь оконные жалюзи, рисовал на полу причудливые узоры, но они не могли развеять эту гнетущую атмосферу. Эми, почувствовав напряжение, медленно протянула руку и слегка коснулась сестры кончиками пальцев. Это было робкое, почти невесомое прикосновение, попытка пробиться сквозь стену отчуждения, которую Анна возвела между ними.

Момент замер, казалось, даже тиканье старых часов на стене замедлилось. Анна, словно почувствовав тепло сестринской руки, медленно, но уверенно, накрыла их своей. Её пальцы сомкнулись вокруг тонких запястий Эми, и в этом простом жесте было больше, чем в любых словах. Это было признание, мост, перекинутый через пропасть непонимания, обещание того, что, несмотря на всё грядущее, они всё ещё есть друг у друга.

— Конечно, я это помню, – Анна слегка улыбнулась.

Последующие дни Анна ходила словно в тумане, погруженная в свои мысли.

Реальность казалась призрачной, а настоящее сливалось с тревожным предчувствием грядущего. Мысли роились в её голове, словно стая испуганных птиц, рождая бесконечные варианты возможного исхода будущего нападения.

Она полностью отказалась от патрулей, предпочитая проводить всё своё свободное время за планированием. Это было больше, чем просто подготовка; это был ритуал, почти священнодействие, к которому Анна подошла с невероятной, почти фанатичной внимательностью.

Каждый шаг, каждая возможная угроза, каждая контратака – всё было просчитано до мельчайших деталей. Её разум был полем битвы, где она сражалась с возможным врагом, прорабатывая сценарии, которые несли в себе как опасность, так и спасение.

Эми, наблюдая за сестрой, чувствовала её внутреннюю борьбу, но не вмешивалась. Она видела, как Анна ушла в себя, как её глаза наполнились сталью и решимостью. Эми понимала, что сейчас не время для слов или утешений.

Она сама была погружена в свои тренировки, оттачивая навыки, необходимые для будущих сражений. Иногда она вылетала на патруль одна, без поддержки, осознавая, что постепенно из-за этого приказа она теряет связь с сестрой. Анна находилась в таком состоянии больше недели.

Из-за погружённости сестры в свои мысли и некоторой отстранённости все письма, адресованные лично ей, Руфи, как верный страж, передавала Эми. Та, в свою очередь, аккуратно складывала их, надеясь, что когда-нибудь сможет передать их сестре, когда Анна будет готова вернуться к ним.

В один из таких дней, когда солнечный луч игриво скользил по столу, украшенному аккуратной стопкой корреспонденции, Эми заметила среди обычных посланий особенное, отличающееся гербовой печатью с ярко выраженным небесно-голубым голубем.

Это было письмо от самого Императора Эллиоса. Сердце Эми забилось быстрее, когда она развернула плотный пергамент. В письме содержалось личное приглашение посетить знаменитый Фестиваль Красок и Маскарада, который проходил в столице раз в год.

Император, известный своей любовью к ярким зрелищам и тайным интригам, предлагал гостям окунуться в атмосферу праздника, где каждый мог стать кем угодно, скрыв свою истинную личность за таинственной маской.

Особо было отмечено, что на маскараде никто не узнает, кто есть кто, что давало возможность скрытно посетить столь пышное торжество, оставаясь незамеченным. Эми задумалась, не станет ли это для Анны шансом вырваться из своего тревожного плена, возможностью увидеть что-то новое, а может быть, и обрести ответы, которые она так долго искала.

Она тут же направилась прямиком в кабинет сестры.

— Анна, прибыло письмо из – распахнув дверь, Эми замолчала, не договорив.

В кабинете Анна была не одна. Склонившись над столом, Маркус что-то показывал ей, указывая пальцем на карту или свиток – Эми не могла распознать, но как только она зашла за порог, юноша резко свернул бумагу и удалился из кабинета.

— Эми, что-то случилось? Какое письмо прибыло? – Анна осторожно подошла к Эми, забрав у той свиток.

«*Дражайшая госпожа Вассилевски, с великим удовольствием приглашаем вас на фестиваль красок и маскарада*».

— Нет, точно не сейчас, – Анна сложила письмо пополам и кинула на журнальный столик перед диванчиком.

— Как же? Тебя пригласили, и пишут, что можно позвать с собой сопровождающего, – Эми поспешила подобрать письмо, – вот смотри, мы можем вместе слетать, никто нас не узнает! – она развернула письмо и с мольбой в глазах смотрела на сестру.

Эми подошла ближе и ужаснулась. Анна сидела за столом, её бледная кожа казалась почти прозрачной, а глубокие синяки под глазами говорили о бессонных ночах, растянувшихся на несколько суток. Воздух в комнате был густым и неподвижным.

Каждый вдох, казалось, давался ей с трудом, будто лёгкие сопротивлялись, наполняясь этим удушливым покоем. Анна протянула дрожащую руку к чашке с остывшим чаем, но пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности, так и не достигнув цели.

Слабость была всепоглощающей, вытягивающей последние силы.

— Так не пойдёт, ты выглядишь как живой труп, Анна, – Эми подошла к столику и взяла маленькое зеркало, направляя его на лицо Анны, – посмотри на себя, это ужасно, ты не щадишь себя! – Эми перешла на писк.

То, что она видела, было не просто усталостью – это было полное истощение, граничащее с увяданием. Последние несколько дней, проведённых в кабинете за работой, явно выбили из неё жизнь.

Сердце Эми сжалось от беспокойства. Где та Анна, которую она знала? Где её жизнерадостные глаза, её звонкий смех? Сейчас перед ней сидела лишь бледная тень, сломленная и измученная. Невозможно было поверить, что это её сестра, её кровинушка. Каждая черта на лице Анны, каждый взгляд, полный боли и усталости, вызывали у Эми приступ ужаса. Она не видела сестру несколько дней, и, видимо, Анна провела эти дни за бесконечной работой, забыв о базовых потребностях. Это состояние было не просто болезненным – оно было пугающим.

— Неужели твоя работа и этот приказ настолько важны для тебя? – Эми не могла выдержать молчание сестры.

— Не указывай мне, я в порядке, – Анна дотянулась до чая и сделала глоток, чуть морщась, – холодный

Анна и вправду забыла, что такое сон, и не могла понять, какой сегодня день. Реальность смазалась, превратившись в нескончаемый поток мыслей, кружащихся вокруг одного-единственного, всепоглощающего приказа.

Её разум, подобно искусному ювелиру, неустанно огранял и шлифовал план, стремясь к идеалу – осуществить всё задуманное так, чтобы не оставить ни единого следа, который мог бы вызвать подозрение у самой империи. Каждая следующая ночь лишь усиливала её погружение в этот лабиринт стратегий.

Внешний мир терял своё значение, уступая место внутренней игре, где каждая деталь была важна, каждый шаг просчитан. Она чувствовала, как эта работа отнимает у неё силы, но одновременно и питает, давая ощущение цели, смысла, которого так остро не хватало.

Приказ требовал тонкости, скрытности и абсолютной уверенности. Анна понимала, что любое неверное движение может привести к хаосу, которого она так стремилась избежать. Войны никто не хотел. Империя, мощная и обширная, не нуждалась в новых конфликтах. Её сила заключалась в стабильности, в её незыблемых законах и традициях.

Поэтому любая операция должна была пройти гладко, незаметно, словно тень, скользнувшая в ночи. Эти мысли превратились в её постоянных спутников, вытесняя всё остальное. Сон стал роскошью, которую она не могла себе позволить, да и не хотела.

Сейчас её целью было не отдохнуть, а добиться того, чтобы приказ был выполнен безупречно. Она чувствовала себя на грани, но эта грань была столь тонкой, что лишь придавала ей решимости.

— Эми, когда будет фестиваль? – Анна подняла глаза на сестру.

Она понимала: если всё продолжится в том же духе, от неё самой ничего не останется. Эта мысль, словно холодный душ, на мгновение вернула её к реальности. Образ собственной тени, бледной и изможднной, заставил её вздрогнуть.

Что она делает с собой? Погружаясь с головой в заботы империи, она забывала о себе, о своём собственном существовании. Нужен был глоток свежего воздуха, и фестиваль казался идеальной возможностью.

Отвлечься, сменить обстановку, окунуться в атмосферу праздника и беззаботности — это было именно то, что ей сейчас нужно. Пребывание среди людей, шум и музыка могли бы стать настоящим спасением, лазейкой от всепоглощающих мыслей.

Она надеялась, что смена обстановки, яркие впечатления, что-то совершенно другое, отличное от её текущих размышлений, смогут подарить ей новые, свежие мысли. Возможно, именно в атмосфере праздника, вдали от строгости приказов и тяжести ответственности, придёт решение её сложной дилеммы.

Где-то там, среди смеха и танцев, среди мимолётных встреч и ярких красок, мог таиться ключ к разрешению ситуации, который ускользал от неё в тишине её кабинета.

— 20 мая, уже через 2 дня, — Эми с надеждой смотрела на тень своей сестры. Анна слегка провела рукой по лбу, стирая якобы невидимые капли пота.

— Значит, идем. Я отправлю письмо, что мы прибудем, так что подбери нам подходящие маски, — она смотрела на Эми, та улыбнулась.

— Конечно, самые красивые и удобные найду! — она выбежала из кабинета, оставив Анну в одиночестве.

«Да и правда, надо бы отдохнуть».

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь гулким эхом шагов Филиппа, удаляющихся по коридору. Каждый звук казался ей преувеличенно громким, словно природа осмысливала произошедшее вместе с ней. Её глаза, широко раскрытые, смотрели в никуда, а рот был чуть приоткрыт. Мысли роились в голове, переплетаясь в клубок неразрешимых противоречий.

Она должна убить Зульфию. Зульфию, которая носит ребенка.

Внутренний голос отчаянно кричал против этой мысли, но голос разума, закаленный годами службы, напротив, требовал исполнения. Исполнить приказ. Это было её предназначением. Её работой.

В мире, где существование таких, как она, определялось лишь способностью выполнять поставленные задачи, любое колебание было равносильно слабости, а слабость – смерти. Она должна была стать инструментом, безликим и эффективным.

Но как можно отнять жизнь у матери? Как уничтожить то, что только готовится появиться на свет? Перед её внутренним взором мелькали образы детей, теплая улыбка матери, нежное прикосновение.

Эти образы, столь далекие от её нынешней реальности, вызывали острую боль. Она подняла дрожащую руку, посмотрев на свои пальцы, будто не узнавая их. Именно эти руки должны были прервать чью-то жизнь.

Убить Зульфию. Убить нерожденное дитя. Холодный пот выступил на лбу.

Ответственность тяжелым грузом сдавила грудь, лишая возможности дышать. Ей предстояло принять решение, которое разделит её жизнь на «до» и «после». Решение, которое определит, кто она на самом деле: исполнитель чужой воли или человек, способный на сострадание.

— Анна, что с тобой? — Маркус вбежал в комнату, падая перед ней на колени.

— Ты можешь встать? Тебе плохо? — он был настолько испуган, что начал заикаться. Анна сидела, не слыша его, осознавая только свою никчемность, как и сказал Филипп, ведь она не может противиться его приказу, только исполнять. Маркус все суетился вокруг нее, пытаясь найти одежду или что-то подобное, чтобы Анна смогла одеться и прийти в себя.

— Госпожа, что с вами? — Руфи забежала в комнату.

Она села рядом с Анной, тряся её за плечи, но та уже была далеко в своих размышлениях.

Мысли её —бездонная дыра, с многочисленными рассуждениями и внутренними страданиями, ведь вся её суть — это сила и *ответственность*.

Но если эта сила становится бедой для людей — ответственность начинает давить на саму суть Анны, её мысли и её сознание. Обычные люди называют это ***совестью***, но у людей, чья сила невероятна, — ответственность бесконечна.

— Перестаньте, — Анна пришла в себя. Она отбросила одеяло в сторону, медленно вздохнула, принимая свою судьбу, и направилась к окну. Закурить.

— Ты сама не своя, что-то произошло? —Маркус подошел сзади, чуть прикасаясь к её плечу, боясь спугнуть.

Анна не дрогнула. Его рука коснулась, чуть сжимая, показывая свою близость с ней. Движения были аккуратными, медленными. Дыхание становилось все громче, словно сердце указывало на приближающуюся опасность. Но он всего лишь дотронулся до нее. А она не оттолкнула его

— Я в тупике, — она наклонилась и уткнулась в его руку своей щекой, закрыв глаза.

Маркус оцепенел от этой близости с Анной. Ранее он никогда не позволял себе подобных движений, даже малейшее прикосновение было для него проявлением неодолимой слабости, выдававшей его тайную, глубоко спрятанную *привязанность*. Он всегда держал дистанцию, воздвигая вокруг себя невидимые стены, чтобы никто, и прежде всего сама Анна, не догадались о бушующем в его груди океане чувств. Он был её верным другом, опорой, но всегда лишь другом. Но сейчас, когда Анна сидела на холодном полу своей комнаты, хрупкая, сломленная, с глазами, полными необузданного страха, все его предосторожности испарились, как дым. Его сердце забилось чаще, отражая её собственную боль. Он хотел обнять её, прижать к себе, стать её щитом от всего ужаса, который она переживала. Но страх быть отвергнутым, страх разрушить их хрупкое равновесие, страх, что она увидит его больше, чем друга, сковал его. Ему казалось, что любая попытка утешения будет неуместной, недостаточной. Все, на что он был способен, — дотронуться до нее, с опаской, но с желанием помочь. Он был готов пройти сквозь

огонь, чтобы забрать её боль, спасти её от любого приказа, сделать любую грязную работу, если она говорила про этот *тупик*.

— О чем ты, Анна? — еле слышно он приблизился к её лицу, шепча на ухо. Взгляд. Она смотрит на него так близко, словно между ними нет никого. В комнате только он и она, близко, их отделяло парасантиметров. Пара сантиметров до его возможности

— Я в тупике, Маркус, и помочь мне никто не сможет, — она убрала его руку с плеча и закрыла окно.

Руфи, все время стоявшая в дверях, не говорила ни слова. Молчала, ждала вердикта или приказа своей госпожи, ведь её слова были ясны — она опять на *побегушках истеричного императора*.

— Госпожа, я жду приказа, — она склонилась в знак повиновения. Анна осознавала безысходность всей ситуации.

У нее не было выбора: либо она убивает Зульфию, либо Филипп заберет её жизнь в отместку. Эти две ужасные перспективы кружились в её голове, как хищные птицы, готовые растерзать её душу.

Она присела на диван, пытаясь успокоить дрожащие руки. Холодные пальцы легли на гладкое стекло графина, наполненного водой. Каждый глоток казался горьким, словно она пила яд.

Маркус стоял напротив, молча смотря на нее. Его присутствие было одновременно и поддержкой, и пыткой.

Он видел ее муки, но не мог вмешаться, не мог предложить решения, которое не стало бы еще одним тупиком. Его взгляд, полный беспокойства и нежности, только усиливал ее внутренний разлад.

Каковы ее дальнейшие действия? Она не понимала.

Убить Зульфию – это означало предать все, во что она верила, стать той, кем она никогда не хотела быть. Но если она не сделает этого, ее собственная жизнь оборвется, оборвется так же безжалостно и внезапно. Мысли метались, как птица в клетке. Каждый поворот приводил к новой стене. Она чувствовала себя загнанной в угол, без единого шанса на спасение.

— Сядьте, нужно обсудить, – Анна откинулась на спинку дивана, пряча дрожащие руки под мышки, — пока без приказов.

Маркус и Руфи сели на диван одновременно, их тела напряглись в предвкушении. Воздух в комнате казался густым, пропитанным невысказанным страхом.

Они слушали, затаив дыхание, что же Филипп приказал Анне. Каждый звук, каждый вздох казался увеличенным, усиливая гнетущую тишину. В глазах этих двух ребят отражался целый спектр эмоций: смятение, ужас, неверие.

Маркус сжимал кулаки, его лицо было бледным, а губы плотно сжаты. Руфи же, казалось, застыла, ее зрачки расширились, отражая весь тот кошмар, который разворачивался перед ними. Они были молоды, но уже успели вкусить горечь судьбы, и теперь перед ними маячила еще одна, еще более страшная тень.

Анна же, напротив, уже говорила с неким безразличием, словно ее душа уже покинула тело, а на ее месте осталась лишь оболочка, выполняющая чужую волю. Она рассказала о приказе холодно, без тени эмоций, как будто говорила о погоде, а не о смертном приговоре. Казалось, она уже смирилась с неизбежным, приняла свою участь, и в ее взгляде читалось лишь бесконечное опустошение.

Когда она закончила, в комнате воцарилась мертвая тишина. Маркус медленно потер руки, словно пытаясь смыть с них невидимую грязь. Руфи, наконец, обрела способность двигаться. Она потянулась до графина и налила себе стакан воды, ее рука слегка дрожала.

— Так, значит, за ошибки детей будут отвечать родители? – Маркус с открытым отвращением выплюнул эти слова.

— Вероятно, да, – Анна понимала, *какая это глупость.*

— Спор, будто малолетки поругались, – Руфи наконец пришла в себя, ее рука слегка успокоилась.

— Но если так пойдет дело, ведь действительно нам придется организовать это *убийство*, не так ли, или ты думаешь иначе, Анна?

Она смотрела на Маркуса, тот слегка надеялся, что обойти этот приказ есть возможность, но ее нет, к великому сожалению.

— Для начала, мне нужно переодеться, а далее встретимся в моем кабинете, я пока обдумаю, – Анна выпроводила этих двух из спальни. Анна начала одеваться, ее движения были механическими, лишенными всякой грации.

Каждый предмет одежды, который она брала, казался чужим, как будто предназначался не ей. В голове роились мысли, хаотичные и противоречивые.

Что делать дальше? Этот вопрос эхом отдавался в опустевшем пространстве ее сознания.

«*Возможно, нужно и правда распланировать этот приказ*», — подумала она, но тут же споткнулась о следующую мысль: «*Но с чего начать?*».

Замок казался лабиринтом, полным ловушек и скрытых углов. «*Надо начать со всего*», — пришло ей решение, столь же пугающее, сколь и необходимое.

Она должна была понять всю сложность ситуации, всю глубину этой паутины, в которую она попала. Планировка замка, изучение его секретов, расположение комнат и солдат у дверей – все было важно в данный момент. Она посмотрела на свое отражение в зеркале.

Перед ней стояла незнакомка с потухшими глазами и застывшей маской на лице. Но под этой маской билось сердце, которое еще не сдалось. Она чувствовала, прежняя Анна не откликается на ее зов, та, что не боялась бросить вызов судьбе. Эта решимость, этот холодный расчет, что был раньше – испарился. Она не знала, что ее ждет, но знала одно: она не позволит страху парализовать ее.

Она будет бороться. За свою жизнь.

— Ну что, собрались с мыслями? – Анна зашла в кабинет, где уже сидел Маркус. Руфи не оказалось.

— Где она?

— Ее призвала старшая служанка, что-то с постельным, – Маркус сидел на диване, потирая ладони.

Она обошла стол и закурила у окна, рассматривая бойцов, что тренировались на площадке.

— Хорошо, я обдумала, что нам необходимо сделать.

— Мы его выполняем? Маркус подошел ближе к Анне, слегка присаживаясь на край стола.

— Ты нет, как и Руфи. Ваше дело – помочь мне в планировании, но не в участии. – Использовать их как подручные средства можно, но направлять исполнять приказ точно не в ее стиле.

— Ты же знаешь, как бы нибыло, я исполню любой твой приказ, – Маркус был настроен решительно.

Она подошла ближе, чуть расставив его ноги в стороны, проникая между ними.

— Я знаю, Маркус, но, – Анна наклонилась к нему, прикасаясь губами к уху, — не забывай наше с тобой положение, в особенности – свое.

Отойдя, ее взгляд совершенно не был тем, что этим утром. В этом взгляде была решимость, была хладнокровность и явное осознание происходящего, без прикрас.

— Приказ есть приказ, – он встал, отдаляясь. Анна дала понять: *она понимает его чувства*, но взаимности там нет. Есть долг службы, есть долг дружбы, но не более.

— Итак, какие твои приказания будут? – он стоял ровно по струнке, принимая приказ госпожи.

— Начнем с плана постройки их замка. Последующие действия были таковы, что необходимо найти план замка, понимая, какие есть пути для отхода при неудачном исходе.

Задача казалась титанической, ведь замок был не просто крепостью, а лабиринтом из камня, где каждая стена могла скрывать опасность или, наоборот, служить спасением. Маркус знал, что спешка здесь неуместна.

Хладнокровие и трезвый расчет – вот что было ему сейчас необходимо. Ему необходимо было отыскать человека, что был причастен к постройке или планировке стен и комнат этого замка. Такой индивид, если он еще жив, мог обладать бесценными знаниями о скрытых проходах, тайных комнатах и, самое главное, о слабостях оборонительных сооружений.

Поиск такого человека требовал осторожности и изворотливости, ведь не каждый мог довериться незнакомцу, особенно в таком подозрительном месте.

Необходимо найти комнату Зульфии, понять, где окно и выход, есть ли потайной ход. Это было не просто желание, а насущная необходимость.

Зная расположение ее покоев, Маркус мог бы спланировать как проникновение, так и, в случае необходимости, ее эвакуацию.

Особое внимание уделялось окнам и выходам — это были потенциальные точки входа и, что еще важнее, пути к спасению. А наличие потайного хода могло оказаться решающим фактором, позволяющим не дать сбежать жертве.

— Я постараюсь найти или архитектора, или тех, кто видел своими глазами план замка, – Маркус понял свое дело, осталось его выполнить.

— Отлично, тогда иди выполняй, – Анна кивнула и принялась искать документы родословной семьи Раху.

Итак, семья Раху предстала перед Анной в её мысленном взоре, расставленная по приоритетам опасности. Симона, глава семейства, излучал ауру уверенности и силы. Его описание как мужественного и довольно сильного мага не предвещало ничего хорошего. Анна знала, что при нападении именно он станет главной преградой. Его магические способности, усиленные боевым духом, требовали особого подхода. Анна решила, что главная её задача — его нейтрализация, возможно, путём изоляции или отвлечения.

Томиас, юный мальчуган, не представлял никакой угрозы. Его детская наивность и неопытность делали его абсолютно незначительным фактором в предстоящем плане. Он был не более чем фоновым шумом, который можно было легко проигнорировать.

Алисента, девушка, вечно пребывающая в грёзах, была ещё меньшим препятствием. Её отстранённость от реального мира гарантировала, что она не доставит непосредственно Анне никакого дискомфорта во время выполнения задания. Её можно было обойти стороной, не тратя на неё ни единого магического заряда.

Единственным, кто вызывал действительно серьёзное беспокойство, был Александр. Если описания его способностей оказались правдивыми, его огненная магия могла стать настоящим бедствием. Маг огня — это сила, способная сметать всё на своём пути, и его присутствие несло в себе потенциал полного провала. Анна была уверена, что именно Александр потребует максимального внимания и самой изощрённой тактики. Если, конечно, он будет в замке в момент нападения.

— Чем вы тут занимались? — в кабинет забежала Эмильда, – не хотите потренироваться?

Маркус с Анной резко остановились в своих разговорах. Эмильда не должна быть замешана никоим образом, тем более помочь она не в силах, а рисковать её жизнью Анна не позволит себе.

— С удовольствием, Эми, там уже народ собрался? – Анна, потирая руки вплоть до локтя, направилась к выходу, где стояла её сестра.

«*Ты понял свое задание, у тебя есть две недели.*»

«*Да, госпожа.*»

Они поняли друг друга. В это время на тренировочной площадке уже собрались новоиспеченные солдаты, только прибывшие с призыва.

И среди них оказался Лукас.

— О, вот это люди, ты чего тут забыл, солдат? — Анна поспешила встретить дорогого друга, тот в свою очередь перепрыгнул ограду площадки и пошел навстречу.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Анна, — Лукас глубоко поклонился.

— Не стоит, встань, – она подняла его за плечи, — ты привез их с южного набора? – Юноши, что стояли перед ней, были загорелые или совсем смуглые.

— Верно, как ты угадала? – он улыбался во все 32 зуба, не скрывая своего шаловливого настроения.

— Постыдись, – она ткнула его в плечо.

— Да ладно, извини, – его взгляд изменился, — подскажи лучше, что происходит? У нас в войсках шепчут, что Филипп последнее время сам не свой, неужели и его не обошло это? — Лукас затронул темную и страшную тему семьи Парга.

— И ты туда же? Неймется вам все с Маркусом, — Анна была недовольна таким вопросом.

Да, вероятность безумия Филиппа есть, но она старается отгонять подобные мысли из своей головы.

— Хорошо, не будем о подобном рассуждать, ведь почвы нет, верно? – Лукас вопросительно взглянул на госпожу.

Анна кивнула. Лишний раз доказывать адекватность императора ей не хотелось, особенно после утреннего приказа.

Верит ли она сама в это? Вопрос на засыпку.

— Госпожа, Вы столь юны, но столь устрашающе держите клинок, не хотите выйти со мной в спарринг?

Сзади к Эмильде подошел молодой юноша из нового южного состава, весьма сильный и очень приятный на вид.

— Да, конечно, с удовольствием, — Эми остановила назревающий внутри Лукаса командный тон, который остановил бы юношу.

Вместе под руку с ним она вошла на тренировочную площадку. Вокруг возвышалось крепкое деревянное ограждение, у которого с внешней стороны выстроилась внушительная толпа солдат.

Едва завидев даму, они разом подняли гвалт, подобный крику стаи чаек, но их шум был преждевременен и ошибочен.

Эмильда была одной из самых умелых воительниц Империи, и этот юноша, несмотря на свою ловкость, будет повержен ею в считанные минуты, особенно после изнурительных тренировок под руководством Маркуса.

Эмильда заняла позицию, выжидая первого движения противника. Юноша, с тонким мечом в руке, двинулся плавно и стремительно, его клинок, остро заточенный, сверкал в солнечном свете.

Каждый удар был точным и быстрым, но Эмильда, словно ураган, парировала их, неуклонно отступая, но не теряя ни сантиметра контроля. Затем, поймав момент, она перешла в контратаку. Три молниеносных движения, и юноша оказался обезоружен, его меч вылетел из пальцев, а сам он, застыв в элегантной стойке, поднял руки в знак капитуляции.

На его лице играла довольная улыбка, а толпа за оградой, пораженная увиденным, затихла, с изумлением глядя на искусную воительницу. Анна, наблюдавшая за поединком с небольшой трибуны, удовлетворенно кивнула.

Она видела, как юноша, несмотря на поражение, выглядел совершенно не сломленным.

— Хороший признак достойного солдата в будущем, – Анна кивнула на юношу, что стоял уже в полный рост на площадке.

Она знала, что будущий солдат, как и его противница, станет великим воином, если продолжит в том же духе. Эмильда подошла к поверженному противнику и протянула ему руку. Юноша с благодарностью принял её.

— Спасибо за урок, госпожа, –проговорил он, его голос звучал твердо и уверенно. – Я буду тренироваться еще упорнее, чтобы однажды превзойти вас.

Эмильда лишь улыбнулась в ответ:

— Продолжай в том же духе, и ты обязательно достигнешь своей цели, – сказала она. – Сегодня ты сражался достойно. Но помни, что истинная сила заключается не только в скорости и ловкости, но и в мудрости и стойкости духа. И лучше тренироваться так, чтобы превзойти нашего генерала, – она подмигнула Анне, едва показывая это солдатам.

Юноша, всё ещё в изящной позе, с поднятыми руками, засмеялся. Это был смех победителя, смех того, кто познал предел своих сил и не стыдился этого. Он знал, что проиграл. Но это поражение было для него лишь ступенью на пути к совершенству.

Солдатская толпа, ещё минуту назад ревевшая от предвкушения зрелища, смолкла, словно по команде. Лица, искаженные азартом и ожиданием, теперь выражали чистое изумление.

Эмильда, спокойно встав во весь рост, окинула взглядом остолбеневших солдат. Её дыхание было ровным, а взгляд – острым, словно клинок её меча. Она не произнесла ни слова, не сделала ни одного лишнего движения. Её присутствие само по себе было красноречивее любой речи. В каждом её жесте, в каждом взгляде сквозила сила, которую не могли заглушить ни говор толпы, ни грохот боя. Когда Эмильда повернулась и направилась к воротам, толпа расступилась, очищая ей путь. Никто не осмелился произнести ни звука. В их глазах, ещё недавно полных желания зрелища, теперь читалось уважение, смешанное с благоговением.

— Да, я не удивлена, – Анна подошла к сестре, чуть задев её плечом. – Всё ещё хочешь со мной сразиться?

— Рядом с этой толпой? Неееет, – Эми убрала клинок в ножны и отдала слуге.

— Ты молодец. Маркус обучает? – Лукас начал подходить к девушкам, как внезапно с верхней взлетной площадки взмыл дракон, оглушая всех присутствующих своим криком.

— Филипп улетел. Был приказ? – Анна поспешила к слугам, те стояли в полном непонимании происходящего.

— Император решил нас покинуть? – веселое настроение Лукаса не омрачилось даже от понимания, что Филипп один улетел в неизвестном направлении. А это император. Анна начала суетиться.

Император один улетел в неизвестном направлении на драконе. После утреннего приказа не решил ли он исполнить его самостоятельно?

Она шла в личные покои Филиппа, но дверь была закрыта. У входа стояли солдаты, их лица были непроницаемы. Анна попробовала выяснить, есть ли какие-либо распоряжения, касающиеся отбытия императора, или его предполагаемого маршрута.

Любой намек, любое уклончивое слово – всё могло бы успокоить её терзающуюся душу. Но стража была нема. Нигде не было ни подсказок, ни информации.

Он не сообщил, куда улетел. Её опасения, сначала робкие, теперь перерастали в настоящий страх. Страх его возможной ошибки, страх перед неизведанным, что могло таиться там, куда он направился. Что, если его решение, принятое столь импульсивно, было продиктовано не мудростью, а минутным порывом? И она ничем не может ему помочь или остановить, чтобы не произошло невозвратного.

— Не волнуйся так, возможно, он улетел проветриться, – Эми нашла её в коридоре возле открытого окна. – Всё не можешь бросить? – она указала на сигарету.

— Ты знаешь, что это. Не дави на меня! – Анна ответила сестре с открытой злостью, срываясь на неё из-за бессилия перед проблемами, которые её окружили. – Ты так спокойно рассуждаешь о его полете, не зная, *что* с ним творится и ***что*** он творит!

Слова, полные горечи и отчаяния, обрушились на несчастную сестру, будто лавина, сошедшая с горной вершины.

— Ты думаешь, мне легко?! – выкрикнула Анна, её голос дрожал от невыносимой боли. – Ты сидишь здесь, в безопасности, пока я одна вынуждена разгребать весь этот хаос! Ты даже не представляешь, через что мне приходится проходить!

Каждое слово было подобно удару, ранящему двоих.

Сестра, бледная и растерянная, не смела поднять глаз, принимая на себя гнев, который на самом деле был направлен на невидимых врагов, на обстоятельства, на судьбу, ставшую столь жестокой.

Анна чувствовала, как последние крохи самообладания ускользают, оставляя лишь пустоту, где раньше была надежда.

— Ты обвиняешь меня в моей слабости из-за этих сигарет, при любом удобном случае напоминаешь! Но ты не знаешь, какая сила требуется, чтобы просто вставать каждое утро и делать вид, что всё в порядке!

— Так почему ты мне ничего не рассказываешь?! Я ведь хочу помочь тебе, я не хочу, чтобы ты травила себя, чтобы ты страдала! Ведь я люблю тебя, ты для меня всё!

Эмильда не смогла сдержаться и в ответ начала кричать на Анну, обливаясь слезами обиды. Её хрупкие плечи сотрясались от рыданий, а голос, обычно тихий и мелодичный, теперь рвался от отчаяния и боли.

— Как ты можешь так со мной говорить?! – воскликнула она, с трудом выговаривая слова сквозь всхлипы. – Ты считаешь, что я не хочу помочь? Что мне безразличны твои проблемы?

Анна, в её глазах, строила вокруг себя стену, не пуская никого, даже самого близкого человека, в свой мир страданий.

— Я твоя сестра, Анна! Я здесь, рядом! Но ты не позволяешь мне даже протянуть руку помощи! Ты отталкиваешь меня, как будто я – причина твоих несчастий, а не тот, кто готов разделить твоё бремя!

Эмильда пыталась подойти ближе, но Анна, казалось, ещё больше ощетинилась, глядя на сестру с прежней злостью, теперь смешанной с болью.

— Я не могу выносить этого молчания, этой стены между нами! Неужели ты думаешь, что одна справишься со всем этим? Неужели ты думаешь, что твоё страдание – это твоя личная ноша, которую никто другой не должен нести?

Она не хотела быть обузой, она хотела быть опорой. И это невозможно было сделать: то, что казалось ей естественным – помочь сестре – ранило её глубже, чем любая другая беда, что могла её постичь.

Анна резко бросилась к Эмильде, её стремительное движение было полно раскаяния. Она обняла сестру крепко-крепко, уткнувшись лицом в её плечо, словно пытаясь спрятаться от всего мира, от своих необдуманных слов, от навалившихся проблем. В этом объятии, сотканном из боли и отчаяния, они обе находили слабое утешение.

— Ты права, – прошептала Анна. – Ты хочешь помочь, а я отталкиваю тебя. Я становлюсь слепой от этой ужасной неопределенности.

Анна, пропитанная чувством долга и предвидением грядущих опасностей, сознательно отстраняла свою молодую сестру Эми от хитросплетений дворцовой жизни. Интриги, плетущиеся в тёмных углах замка, да и постоянные тревоги, омрачающие существование Филиппа, казались Анне непосильной ношей для хрупкой души Эми.

Она же, в свою очередь, взяла на себя всю полноту ответственности, стремясь стать щитом и мечом для своей сестры, исправляя ошибки, разрешая конфликты и спасая всех от надвигающихся невзгод.

Но время неумолимо. Эми, словно росток, пробившийся сквозь камень, росла и менялась, обретая собственные мысли и желания. Её детская наивность уступала место юношеской пытливости, а взгляд наполнялся неясными мечтами.

Увы, Анна, поглощённая своими заботами и вечной тревогой, подобно тени, следовала за прошлым, не замечая, как перед ней стоит уже совсем другая девушка. В еёглазах Эми по-прежнему оставалась той, кого нужно оберегать, а не той, кто способна разделить бремя мира. Это слепое, хотя и искреннее, стремление Анны контролировать всё и вся, спасать всех за всех, стало невидимым, но непреодолимым барьером между сёстрами.

Анна, пытаясь укрыть Эми от бурь, создала вокруг неё герметичный кокон, лишив сестру возможности закалиться в житейских битвах.

Стена, воздвигнутая Анной, скрывала Эми от бед, но одновременно и отдаляла её от настоящей жизни, от опыта, который делает человека сильнее. Так, в попытке спасти, Анна лишь изолировала, оставив Эми в тени, за стеной, где покой соседствовал с неопытностью, а безопасность – с полной неприспособленностью к реальному миру.

— Тогда нам следует дойти до кабинета, я хочу поделиться с тобой своими мыслями, – Анна посмотрела на Эми в надежде, что та откажется.

— Конечно, идём, – но вместо отказа Эми согласилась.

Улыбнувшись, она последовала за Анной в кабинет. Приглашать кого-то ещё, помимо них, желание не возникло. Итак, все, кто должен был быть в курсе происходящего, уже знали необходимую информацию.

— Мои опасения за Филиппа не пустой звук, – Анна наполнила стакан водой. – Его последние приказы, мягко говоря, удивляют меня, – она села напротив Эми.

— Ты не делишься со мной его приказами. Сейчас что-то совсем из ряда вон выходящее? – Эми довольно редко участвует в советах или обсуждениях каких-либо планов по отношению к работе Анны.

— его мысли меня пугают, его состояние разума — пугает, – Анна не хотела вдаваться в подробности, — потому я сейчас в очень непростом положении, да и следить за ним не охота, не маленький уже ведь

Эмильда насупилась, она понимала: Анна её запутывает и не хочет рассказывать всё, что творится у неё в душе и на работе.

— Я хочу помочь тебе, почему не хочешь поделиться своей проблемой? — Эми не выдержала: отношение к ней как к ребёнку, которого надо защищать, – её бесило.

— Поделиться? Я хочу поделиться, но я могу лишь рассказать, помощи я твоей не прошу, не стоит в подобное ввязываться *тебе*, – для Анны Эми была самым близким и самым дорогим.

И, к сожалению, ничем помочь она не сможет, даже если захочет.

— Хорошо, хотя бы расскажи, что заставляет тебя так часто переживать, – Эми указала на сигареты в руках у Анны. Анна поделилась с Эми тем приказом, что отдал Филипп, максимально сухо, давая ей понять, что это обычный рядовой приказ.

— Для тебя это обычное дело, не так ли? — Эми, однако, чувствовала, что за внешним спокойствием скрывается нечто большее, какое-то переживание сестры.

— Да. — Хорошо, но запомни: ты всегда можешь обратиться ко мне, я всегда тебя поддержу и помогу, чем смогу конечно, – Эми слегка улыбнулась.

Анна сидела напротив Эми, её лицо было спокойно, с неким безразличием, и не выражало никаких эмоций. Воздух в комнате казался густым, наполненным невысказанными словами и молчанием.

Солнечный свет, проникающий сквозь оконные жалюзи, рисовал на полу причудливые узоры, но они не могли развеять эту гнетущую атмосферу. Эми, почувствовав напряжение, медленно протянула руку и слегка коснулась сестры кончиками пальцев. Это было робкое, почти невесомое прикосновение, попытка пробиться сквозь стену отчуждения, которую Анна возвела между ними.

Момент замер, казалось, даже тиканье старых часов на стене замедлилось. Анна, словно почувствовав тепло сестринской руки, медленно, но уверенно, накрыла их своей. Её пальцы сомкнулись вокруг тонких запястий Эми, и в этом простом жесте было больше, чем в любых словах. Это было признание, мост, перекинутый через пропасть непонимания, обещание того, что, несмотря на всё грядущее, они всё ещё есть друг у друга.

— Конечно, я это помню, – Анна слегка улыбнулась.

Последующие дни Анна ходила словно в тумане, погруженная в свои мысли.

Реальность казалась призрачной, а настоящее сливалось с тревожным предчувствием грядущего. Мысли роились в её голове, словно стая испуганных птиц, рождая бесконечные варианты возможного исхода будущего нападения.

Она полностью отказалась от патрулей, предпочитая проводить всё своё свободное время за планированием. Это было больше, чем просто подготовка; это был ритуал, почти священнодействие, к которому Анна подошла с невероятной, почти фанатичной внимательностью.

Каждый шаг, каждая возможная угроза, каждая контратака – всё было просчитано до мельчайших деталей. Её разум был полем битвы, где она сражалась с возможным врагом, прорабатывая сценарии, которые несли в себе как опасность, так и спасение.

Эми, наблюдая за сестрой, чувствовала её внутреннюю борьбу, но не вмешивалась. Она видела, как Анна ушла в себя, как её глаза наполнились сталью и решимостью. Эми понимала, что сейчас не время для слов или утешений.

Она сама была погружена в свои тренировки, оттачивая навыки, необходимые для будущих сражений. Иногда она вылетала на патруль одна, без поддержки, осознавая, что постепенно из-за этого приказа она теряет связь с сестрой. Анна находилась в таком состоянии больше недели.

Из-за погружённости сестры в свои мысли и некоторой отстранённости все письма, адресованные лично ей, Руфи, как верный страж, передавала Эми. Та, в свою очередь, аккуратно складывала их, надеясь, что когда-нибудь сможет передать их сестре, когда Анна будет готова вернуться к ним.

В один из таких дней, когда солнечный луч игриво скользил по столу, украшенному аккуратной стопкой корреспонденции, Эми заметила среди обычных посланий особенное, отличающееся гербовой печатью с ярко выраженным небесно-голубым голубем.

Это было письмо от самого Императора Эллиоса. Сердце Эми забилось быстрее, когда она развернула плотный пергамент. В письме содержалось личное приглашение посетить знаменитый Фестиваль Красок и Маскарада, который проходил в столице раз в год.

Император, известный своей любовью к ярким зрелищам и тайным интригам, предлагал гостям окунуться в атмосферу праздника, где каждый мог стать кем угодно, скрыв свою истинную личность за таинственной маской.

Особо было отмечено, что на маскараде никто не узнает, кто есть кто, что давало возможность скрытно посетить столь пышное торжество, оставаясь незамеченным. Эми задумалась, не станет ли это для Анны шансом вырваться из своего тревожного плена, возможностью увидеть что-то новое, а может быть, и обрести ответы, которые она так долго искала.

Она тут же направилась прямиком в кабинет сестры.

— Анна, прибыло письмо из – распахнув дверь, Эми замолчала, не договорив.

В кабинете Анна была не одна. Склонившись над столом, Маркус что-то показывал ей, указывая пальцем на карту или свиток – Эми не могла распознать, но как только она зашла за порог, юноша резко свернул бумагу и удалился из кабинета.

— Эми, что-то случилось? Какое письмо прибыло? – Анна осторожно подошла к Эми, забрав у той свиток.

«*Дражайшая госпожа Вассилевски, с великим удовольствием приглашаем вас на фестиваль красок и маскарада*».

— Нет, точно не сейчас, – Анна сложила письмо пополам и кинула на журнальный столик перед диванчиком.

— Как же? Тебя пригласили, и пишут, что можно позвать с собой сопровождающего, – Эми поспешила подобрать письмо, – вот смотри, мы можем вместе слетать, никто нас не узнает! – она развернула письмо и с мольбой в глазах смотрела на сестру.

Эми подошла ближе и ужаснулась. Анна сидела за столом, её бледная кожа казалась почти прозрачной, а глубокие синяки под глазами говорили о бессонных ночах, растянувшихся на несколько суток. Воздух в комнате был густым и неподвижным.

Каждый вдох, казалось, давался ей с трудом, будто лёгкие сопротивлялись, наполняясь этим удушливым покоем. Анна протянула дрожащую руку к чашке с остывшим чаем, но пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности, так и не достигнув цели.

Слабость была всепоглощающей, вытягивающей последние силы.

— Так не пойдёт, ты выглядишь как живой труп, Анна, – Эми подошла к столику и взяла маленькое зеркало, направляя его на лицо Анны, – посмотри на себя, это ужасно, ты не щадишь себя! – Эми перешла на писк.

То, что она видела, было не просто усталостью – это было полное истощение, граничащее с увяданием. Последние несколько дней, проведённых в кабинете за работой, явно выбили из неё жизнь.

Сердце Эми сжалось от беспокойства. Где та Анна, которую она знала? Где её жизнерадостные глаза, её звонкий смех? Сейчас перед ней сидела лишь бледная тень, сломленная и измученная. Невозможно было поверить, что это её сестра, её кровинушка. Каждая черта на лице Анны, каждый взгляд, полный боли и усталости, вызывали у Эми приступ ужаса. Она не видела сестру несколько дней, и, видимо, Анна провела эти дни за бесконечной работой, забыв о базовых потребностях. Это состояние было не просто болезненным – оно было пугающим.

— Неужели твоя работа и этот приказ настолько важны для тебя? – Эми не могла выдержать молчание сестры.

— Не указывай мне, я в порядке, – Анна дотянулась до чая и сделала глоток, чуть морщась, – холодный

Анна и вправду забыла, что такое сон, и не могла понять, какой сегодня день. Реальность смазалась, превратившись в нескончаемый поток мыслей, кружащихся вокруг одного-единственного, всепоглощающего приказа.

Её разум, подобно искусному ювелиру, неустанно огранял и шлифовал план, стремясь к идеалу – осуществить всё задуманное так, чтобы не оставить ни единого следа, который мог бы вызвать подозрение у самой империи. Каждая следующая ночь лишь усиливала её погружение в этот лабиринт стратегий.

Внешний мир терял своё значение, уступая место внутренней игре, где каждая деталь была важна, каждый шаг просчитан. Она чувствовала, как эта работа отнимает у неё силы, но одновременно и питает, давая ощущение цели, смысла, которого так остро не хватало.

Приказ требовал тонкости, скрытности и абсолютной уверенности. Анна понимала, что любое неверное движение может привести к хаосу, которого она так стремилась избежать. Войны никто не хотел. Империя, мощная и обширная, не нуждалась в новых конфликтах. Её сила заключалась в стабильности, в её незыблемых законах и традициях.

Поэтому любая операция должна была пройти гладко, незаметно, словно тень, скользнувшая в ночи. Эти мысли превратились в её постоянных спутников, вытесняя всё остальное. Сон стал роскошью, которую она не могла себе позволить, да и не хотела.

Сейчас её целью было не отдохнуть, а добиться того, чтобы приказ был выполнен безупречно. Она чувствовала себя на грани, но эта грань была столь тонкой, что лишь придавала ей решимости.

— Эми, когда будет фестиваль? – Анна подняла глаза на сестру.

Она понимала: если всё продолжится в том же духе, от неё самой ничего не останется. Эта мысль, словно холодный душ, на мгновение вернула её к реальности. Образ собственной тени, бледной и изможднной, заставил её вздрогнуть.

Что она делает с собой? Погружаясь с головой в заботы империи, она забывала о себе, о своём собственном существовании. Нужен был глоток свежего воздуха, и фестиваль казался идеальной возможностью.

Отвлечься, сменить обстановку, окунуться в атмосферу праздника и беззаботности — это было именно то, что ей сейчас нужно. Пребывание среди людей, шум и музыка могли бы стать настоящим спасением, лазейкой от всепоглощающих мыслей.

Она надеялась, что смена обстановки, яркие впечатления, что-то совершенно другое, отличное от её текущих размышлений, смогут подарить ей новые, свежие мысли. Возможно, именно в атмосфере праздника, вдали от строгости приказов и тяжести ответственности, придёт решение её сложной дилеммы.

Где-то там, среди смеха и танцев, среди мимолётных встреч и ярких красок, мог таиться ключ к разрешению ситуации, который ускользал от неё в тишине её кабинета.

— 20 мая, уже через 2 дня, — Эми с надеждой смотрела на тень своей сестры. Анна слегка провела рукой по лбу, стирая якобы невидимые капли пота.

— Значит, идем. Я отправлю письмо, что мы прибудем, так что подбери нам подходящие маски, — она смотрела на Эми, та улыбнулась.

— Конечно, самые красивые и удобные найду! — она выбежала из кабинета, оставив Анну в одиночестве.

«Да и правда, надо бы отдохнуть».

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь гулким эхом шагов Филиппа, удаляющихся по коридору. Каждый звук казался ей преувеличенно громким, словно природа осмысливала произошедшее вместе с ней. Её глаза, широко раскрытые, смотрели в никуда, а рот был чуть приоткрыт. Мысли роились в голове, переплетаясь в клубок неразрешимых противоречий.

Она должна убить Зульфию. Зульфию, которая носит ребенка.

Внутренний голос отчаянно кричал против этой мысли, но голос разума, закаленный годами службы, напротив, требовал исполнения. Исполнить приказ. Это было её предназначением. Её работой.

В мире, где существование таких, как она, определялось лишь способностью выполнять поставленные задачи, любое колебание было равносильно слабости, а слабость – смерти. Она должна была стать инструментом, безликим и эффективным.

Но как можно отнять жизнь у матери? Как уничтожить то, что только готовится появиться на свет? Перед её внутренним взором мелькали образы детей, теплая улыбка матери, нежное прикосновение.

Эти образы, столь далекие от её нынешней реальности, вызывали острую боль. Она подняла дрожащую руку, посмотрев на свои пальцы, будто не узнавая их. Именно эти руки должны были прервать чью-то жизнь.

Убить Зульфию. Убить нерожденное дитя. Холодный пот выступил на лбу.

Ответственность тяжелым грузом сдавила грудь, лишая возможности дышать. Ей предстояло принять решение, которое разделит её жизнь на «до» и «после». Решение, которое определит, кто она на самом деле: исполнитель чужой воли или человек, способный на сострадание.

— Анна, что с тобой? — Маркус вбежал в комнату, падая перед ней на колени.

— Ты можешь встать? Тебе плохо? — он был настолько испуган, что начал заикаться. Анна сидела, не слыша его, осознавая только свою никчемность, как и сказал Филипп, ведь она не может противиться его приказу, только исполнять. Маркус все суетился вокруг нее, пытаясь найти одежду или что-то подобное, чтобы Анна смогла одеться и прийти в себя.

— Госпожа, что с вами? — Руфи забежала в комнату.

Она села рядом с Анной, тряся её за плечи, но та уже была далеко в своих размышлениях.

Мысли её —бездонная дыра, с многочисленными рассуждениями и внутренними страданиями, ведь вся её суть — это сила и *ответственность*.

Но если эта сила становится бедой для людей — ответственность начинает давить на саму суть Анны, её мысли и её сознание. Обычные люди называют это ***совестью***, но у людей, чья сила невероятна, — ответственность бесконечна.

— Перестаньте, — Анна пришла в себя. Она отбросила одеяло в сторону, медленно вздохнула, принимая свою судьбу, и направилась к окну. Закурить.

— Ты сама не своя, что-то произошло? —Маркус подошел сзади, чуть прикасаясь к её плечу, боясь спугнуть.

Анна не дрогнула. Его рука коснулась, чуть сжимая, показывая свою близость с ней. Движения были аккуратными, медленными. Дыхание становилось все громче, словно сердце указывало на приближающуюся опасность. Но он всего лишь дотронулся до нее. А она не оттолкнула его

— Я в тупике, — она наклонилась и уткнулась в его руку своей щекой, закрыв глаза.

Маркус оцепенел от этой близости с Анной. Ранее он никогда не позволял себе подобных движений, даже малейшее прикосновение было для него проявлением неодолимой слабости, выдававшей его тайную, глубоко спрятанную *привязанность*. Он всегда держал дистанцию, воздвигая вокруг себя невидимые стены, чтобы никто, и прежде всего сама Анна, не догадались о бушующем в его груди океане чувств. Он был её верным другом, опорой, но всегда лишь другом. Но сейчас, когда Анна сидела на холодном полу своей комнаты, хрупкая, сломленная, с глазами, полными необузданного страха, все его предосторожности испарились, как дым. Его сердце забилось чаще, отражая её собственную боль. Он хотел обнять её, прижать к себе, стать её щитом от всего ужаса, который она переживала. Но страх быть отвергнутым, страх разрушить их хрупкое равновесие, страх, что она увидит его больше, чем друга, сковал его. Ему казалось, что любая попытка утешения будет неуместной, недостаточной. Все, на что он был способен, — дотронуться до нее, с опаской, но с желанием помочь. Он был готов пройти сквозь огонь, чтобы забрать её боль, спасти её от любого приказа, сделать любую грязную работу, если она говорила про этот *тупик*.

— О чем ты, Анна? — еле слышно он приблизился к её лицу, шепча на ухо. Взгляд. Она смотрит на него так близко, словно между ними нет никого. В комнате только он и она, близко, их отделяло парасантиметров. Пара сантиметров до его возможности

— Я в тупике, Маркус, и помочь мне никто не сможет, — она убрала его руку с плеча и закрыла окно.

Руфи, все время стоявшая в дверях, не говорила ни слова. Молчала, ждала вердикта или приказа своей госпожи, ведь её слова были ясны — она опять на *побегушках истеричного императора.*

— Госпожа, я жду приказа, — она склонилась в знак повиновения. Анна осознавала безысходность всей ситуации.

У нее не было выбора: либо она убивает Зульфию, либо Филипп заберет её жизнь в отместку. Эти две ужасные перспективы кружились в её голове, как хищные птицы, готовые растерзать её душу.

Она присела на диван, пытаясь успокоить дрожащие руки. Холодные пальцы легли на гладкое стекло графина, наполненного водой. Каждый глоток казался горьким, словно она пила яд.

Маркус стоял напротив, молча смотря на нее. Его присутствие было одновременно и поддержкой, и пыткой.

Он видел ее муки, но не мог вмешаться, не мог предложить решения, которое не стало бы еще одним тупиком. Его взгляд, полный беспокойства и нежности, только усиливал ее внутренний разлад.

Каковы ее дальнейшие действия? Она не понимала.

Убить Зульфию – это означало предать все, во что она верила, стать той, кем она никогда не хотела быть. Но если она не сделает этого, ее собственная жизнь оборвется, оборвется так же безжалостно и внезапно. Мысли метались, как птица в клетке. Каждый поворот приводил к новой стене. Она чувствовала себя загнанной в угол, без единого шанса на спасение.

— Сядьте, нужно обсудить, – Анна откинулась на спинку дивана, пряча дрожащие руки под мышки, — пока без приказов.

Маркус и Руфи сели на диван одновременно, их тела напряглись в предвкушении. Воздух в комнате казался густым, пропитанным невысказанным страхом.

Они слушали, затаив дыхание, что же Филипп приказал Анне. Каждый звук, каждый вздох казался увеличенным, усиливая гнетущую тишину. В глазах этих двух ребят отражался целый спектр эмоций: смятение, ужас, неверие.

Маркус сжимал кулаки, его лицо было бледным, а губы плотно сжаты. Руфи же, казалось, застыла, ее зрачки расширились, отражая весь тот кошмар, который разворачивался перед ними. Они были молоды, но уже успели вкусить горечь судьбы, и теперь перед ними маячила еще одна, еще более страшная тень.

Анна же, напротив, уже говорила с неким безразличием, словно ее душа уже покинула тело, а на ее месте осталась лишь оболочка, выполняющая чужую волю. Она рассказала о приказе холодно, без тени эмоций, как будто говорила о погоде, а не о смертном приговоре. Казалось, она уже смирилась с неизбежным, приняла свою участь, и в ее взгляде читалось лишь бесконечное опустошение.

Когда она закончила, в комнате воцарилась мертвая тишина. Маркус медленно потер руки, словно пытаясь смыть с них невидимую грязь. Руфи, наконец, обрела способность двигаться. Она потянулась до графина и налила себе стакан воды, ее рука слегка дрожала.

— Так, значит, за ошибки детей будут отвечать родители? – Маркус с открытым отвращением выплюнул эти слова.

— Вероятно, да, – Анна понимала, *какая это глупость.*

— Спор, будто малолетки поругались, – Руфи наконец пришла в себя, ее рука слегка успокоилась.

— Но если так пойдет дело, ведь действительно нам придется организовать это *убийство*, не так ли, или ты думаешь иначе, Анна?

Она смотрела на Маркуса, тот слегка надеялся, что обойти этот приказ есть возможность, но ее нет, к великому сожалению.

— Для начала, мне нужно переодеться, а далее встретимся в моем кабинете, я пока обдумаю, – Анна выпроводила этих двух из спальни. Анна начала одеваться, ее движения были механическими, лишенными всякой грации.

Каждый предмет одежды, который она брала, казался чужим, как будто предназначался не ей. В голове роились мысли, хаотичные и противоречивые.

Что делать дальше? Этот вопрос эхом отдавался в опустевшем пространстве ее сознания.

«*Возможно, нужно и правда распланировать этот приказ*», — подумала она, но тут же споткнулась о следующую мысль: «*Но с чего начать?*».

Замок казался лабиринтом, полным ловушек и скрытых углов. «*Надо начать со всего*», — пришло ей решение, столь же пугающее, сколь и необходимое.

Она должна была понять всю сложность ситуации, всю глубину этой паутины, в которую она попала. Планировка замка, изучение его секретов, расположение комнат и солдат у дверей – все было важно в данный момент. Она посмотрела на свое отражение в зеркале.

Перед ней стояла незнакомка с потухшими глазами и застывшей маской на лице. Но под этой маской билось сердце, которое еще не сдалось. Она чувствовала, прежняя Анна не откликается на ее зов, та, что не боялась бросить вызов судьбе. Эта решимость, этот холодный расчет, что был раньше – испарился. Она не знала, что ее ждет, но знала одно: она не позволит страху парализовать ее.

Она будет бороться. За свою жизнь.

— Ну что, собрались с мыслями? – Анна зашла в кабинет, где уже сидел Маркус. Руфи не оказалось.

— Где она?

— Ее призвала старшая служанка, что-то с постельным, – Маркус сидел на диване, потирая ладони.

Она обошла стол и закурила у окна, рассматривая бойцов, что тренировались на площадке.

— Хорошо, я обдумала, что нам необходимо сделать.

— Мы его выполняем? Маркус подошел ближе к Анне, слегка присаживаясь на край стола.

— Ты нет, как и Руфи. Ваше дело – помочь мне в планировании, но не в участии. – Использовать их как подручные средства можно, но направлять исполнять приказ точно не в ее стиле.

— Ты же знаешь, как бы нибыло, я исполню любой твой приказ, – Маркус был настроен решительно.

Она подошла ближе, чуть расставив его ноги в стороны, проникая между ними.

— Я знаю, Маркус, но, – Анна наклонилась к нему, прикасаясь губами к уху, — не забывай наше с тобой положение, в особенности – свое.

Отойдя, ее взгляд совершенно не был тем, что этим утром. В этом взгляде была решимость, была хладнокровность и явное осознание происходящего, без прикрас.

— Приказ есть приказ, – он встал, отдаляясь. Анна дала понять: *она понимает его чувства*, но взаимности там нет. Есть долг службы, есть долг дружбы, но не более.

— Итак, какие твои приказания будут? – он стоял ровно по струнке, принимая приказ госпожи.

— Начнем с плана постройки их замка. Последующие действия были таковы, что необходимо найти план замка, понимая, какие есть пути для отхода при неудачном исходе.

Задача казалась титанической, ведь замок был не просто крепостью, а лабиринтом из камня, где каждая стена могла скрывать опасность или, наоборот, служить спасением. Маркус знал, что спешка здесь неуместна.

Хладнокровие и трезвый расчет – вот что было ему сейчас необходимо. Ему необходимо было отыскать человека, что был причастен к постройке или планировке стен и комнат этого замка. Такой индивид, если он еще жив, мог обладать бесценными знаниями о скрытых проходах, тайных комнатах и, самое главное, о слабостях оборонительных сооружений.

Поиск такого человека требовал осторожности и изворотливости, ведь не каждый мог довериться незнакомцу, особенно в таком подозрительном месте.

Необходимо найти комнату Зульфии, понять, где окно и выход, есть ли потайной ход. Это было не просто желание, а насущная необходимость.

Зная расположение ее покоев, Маркус мог бы спланировать как проникновение, так и, в случае необходимости, ее эвакуацию.

Особое внимание уделялось окнам и выходам — это были потенциальные точки входа и, что еще важнее, пути к спасению. А наличие потайного хода могло оказаться решающим фактором, позволяющим не дать сбежать жертве.

— Я постараюсь найти или архитектора, или тех, кто видел своими глазами план замка, – Маркус понял свое дело, осталось его выполнить.

— Отлично, тогда иди выполняй, – Анна кивнула и принялась искать документы родословной семьи Раху.

Итак, семья Раху предстала перед Анной в её мысленном взоре, расставленная по приоритетам опасности. Симона, глава семейства, излучал ауру уверенности и силы. Его описание как мужественного и довольно сильного мага не предвещало ничего хорошего. Анна знала, что при нападении именно он станет главной преградой. Его магические способности, усиленные боевым духом, требовали особого подхода. Анна решила, что главная её задача — его нейтрализация, возможно, путём изоляции или отвлечения.

Томиас, юный мальчуган, не представлял никакой угрозы. Его детская наивность и неопытность делали его абсолютно незначительным фактором в предстоящем плане. Он был не более чем фоновым шумом, который можно было легко проигнорировать.

Алисента, девушка, вечно пребывающая в грёзах, была ещё меньшим препятствием. Её отстранённость от реального мира гарантировала, что она не доставит непосредственно Анне никакого дискомфорта во время выполнения задания. Её можно было обойти стороной, не тратя на неё ни единого магического заряда.

Единственным, кто вызывал действительно серьёзное беспокойство, был Александр. Если описания его способностей оказались правдивыми, его огненная магия могла стать настоящим бедствием. Маг огня — это сила, способная сметать всё на своём пути, и его присутствие несло в себе потенциал полного провала. Анна была уверена, что именно Александр потребует максимального внимания и самой изощрённой тактики. Если, конечно, он будет в замке в момент нападения.

— Чем вы тут занимались? — в кабинет забежала Эмильда, – не хотите потренироваться?

Маркус с Анной резко остановились в своих разговорах. Эмильда не должна быть замешана никоим образом, тем более помочь она не в силах, а рисковать её жизнью Анна не позволит себе.

— С удовольствием, Эми, там уже народ собрался? – Анна, потирая руки вплоть до локтя, направилась к выходу, где стояла её сестра.

«*Ты понял свое задание, у тебя есть две недели.*»

«*Да, госпожа.*»

Они поняли друг друга. В это время на тренировочной площадке уже собрались новоиспеченные солдаты, только прибывшие с призыва.

И среди них оказался Лукас.

— О, вот это люди, ты чего тут забыл, солдат? — Анна поспешила встретить дорогого друга, тот в свою очередь перепрыгнул ограду площадки и пошел навстречу.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Анна, — Лукас глубоко поклонился.

— Не стоит, встань, – она подняла его за плечи, — ты привез их с южного набора? – Юноши, что стояли перед ней, были загорелые или совсем смуглые.

— Верно, как ты угадала? – он улыбался во все 32 зуба, не скрывая своего шаловливого настроения.

— Постыдись, – она ткнула его в плечо.

— Да ладно, извини, – его взгляд изменился, — подскажи лучше, что происходит? У нас в войсках шепчут, что Филипп последнее время сам не свой, неужели и его не обошло это? — Лукас затронул темную и страшную тему семьи Парга.

— И ты туда же? Неймется вам все с Маркусом, — Анна была недовольна таким вопросом.

Да, вероятность безумия Филиппа есть, но она старается отгонять подобные мысли из своей головы.

— Хорошо, не будем о подобном рассуждать, ведь почвы нет, верно? – Лукас вопросительно взглянул на госпожу.

Анна кивнула. Лишний раз доказывать адекватность императора ей не хотелось, особенно после утреннего приказа.

Верит ли она сама в это? Вопрос на засыпку.

— Госпожа, Вы столь юны, но столь устрашающе держите клинок, не хотите выйти со мной в спарринг?

Сзади к Эмильде подошел молодой юноша из нового южного состава, весьма сильный и очень приятный на вид.

— Да, конечно, с удовольствием, — Эми остановила назревающий внутри Лукаса командный тон, который остановил бы юношу.

Вместе под руку с ним она вошла на тренировочную площадку. Вокруг возвышалось крепкое деревянное ограждение, у которого с внешней стороны выстроилась внушительная толпа солдат.

Едва завидев даму, они разом подняли гвалт, подобный крику стаи чаек, но их шум был преждевременен и ошибочен.

Эмильда была одной из самых умелых воительниц Империи, и этот юноша, несмотря на свою ловкость, будет повержен ею в считанные минуты, особенно после изнурительных тренировок под руководством Маркуса.

Эмильда заняла позицию, выжидая первого движения противника. Юноша, с тонким мечом в руке, двинулся плавно и стремительно, его клинок, остро заточенный, сверкал в солнечном свете.

Каждый удар был точным и быстрым, но Эмильда, словно ураган, парировала их, неуклонно отступая, но не теряя ни сантиметра контроля. Затем, поймав момент, она перешла в контратаку. Три молниеносных движения, и юноша оказался обезоружен, его меч вылетел из пальцев, а сам он, застыв в элегантной стойке, поднял руки в знак капитуляции.

На его лице играла довольная улыбка, а толпа за оградой, пораженная увиденным, затихла, с изумлением глядя на искусную воительницу. Анна, наблюдавшая за поединком с небольшой трибуны, удовлетворенно кивнула.

Она видела, как юноша, несмотря на поражение, выглядел совершенно не сломленным.

— Хороший признак достойного солдата в будущем, – Анна кивнула на юношу, что стоял уже в полный рост на площадке.

Она знала, что будущий солдат, как и его противница, станет великим воином, если продолжит в том же духе. Эмильда подошла к поверженному противнику и протянула ему руку. Юноша с благодарностью принял её.

— Спасибо за урок, госпожа, –проговорил он, его голос звучал твердо и уверенно. – Я буду тренироваться еще упорнее, чтобы однажды превзойти вас.

Эмильда лишь улыбнулась в ответ:

— Продолжай в том же духе, и ты обязательно достигнешь своей цели, – сказала она. – Сегодня ты сражался достойно. Но помни, что истинная сила заключается не только в скорости и ловкости, но и в мудрости и стойкости духа. И лучше тренироваться так, чтобы превзойти нашего генерала, – она подмигнула Анне, едва показывая это солдатам.

Юноша, всё ещё в изящной позе, с поднятыми руками, засмеялся. Это был смех победителя, смех того, кто познал предел своих сил и не стыдился этого. Он знал, что проиграл. Но это поражение было для него лишь ступенью на пути к совершенству.

Солдатская толпа, ещё минуту назад ревевшая от предвкушения зрелища, смолкла, словно по команде. Лица, искаженные азартом и ожиданием, теперь выражали чистое изумление.

Эмильда, спокойно встав во весь рост, окинула взглядом остолбеневших солдат. Её дыхание было ровным, а взгляд – острым, словно клинок её меча. Она не произнесла ни слова, не сделала ни одного лишнего движения. Её присутствие само по себе было красноречивее любой речи. В каждом её жесте, в каждом взгляде сквозила сила, которую не могли заглушить ни говор толпы, ни грохот боя. Когда Эмильда повернулась и направилась к воротам, толпа расступилась, очищая ей путь. Никто не осмелился произнести ни звука. В их глазах, ещё недавно полных желания зрелища, теперь читалось уважение, смешанное с благоговением.

— Да, я не удивлена, – Анна подошла к сестре, чуть задев её плечом. – Всё ещё хочешь со мной сразиться?

— Рядом с этой толпой? Нееет, – Эми убрала клинок в ножны и отдала слуге.

— Ты молодец. Маркус обучает? – Лукас начал подходить к девушкам, как внезапно с верхней взлетной площадки взмыл дракон, оглушая всех присутствующих своим криком.

— Филипп улетел. Был приказ? – Анна поспешила к слугам, те стояли в полном непонимании происходящего.

— Император решил нас покинуть? – веселое настроение Лукаса не омрачилось даже от понимания, что Филипп один улетел в неизвестном направлении. А это император. Анна начала суетиться.

Император один улетел в неизвестном направлении на драконе. После утреннего приказа не решил ли он исполнить его самостоятельно?

Она шла в личные покои Филиппа, но дверь была закрыта. У входа стояли солдаты, их лица были непроницаемы. Анна попробовала выяснить, есть ли какие-либо распоряжения, касающиеся отбытия императора, или его предполагаемого маршрута.

Любой намек, любое уклончивое слово – всё могло бы успокоить её терзающуюся душу. Но стража была нема. Нигде не было ни подсказок, ни информации.

Он не сообщил, куда улетел. Её опасения, сначала робкие, теперь перерастали в настоящий страх. Страх его возможной ошибки, страх перед неизведанным, что могло таиться там, куда он направился. Что, если его решение, принятое столь импульсивно, было продиктовано не мудростью, а минутным порывом? И она ничем не может ему помочь или остановить, чтобы не произошло невозвратного.

— Не волнуйся так, возможно, он улетел проветриться, – Эми нашла её в коридоре возле открытого окна. – Всё не можешь бросить? – она указала на сигарету.

— Ты знаешь, что это. Не дави на меня! – Анна ответила сестре с открытой злостью, срываясь на неё из-за бессилия перед проблемами, которые её окружили. – Ты так спокойно рассуждаешь о его полете, не зная, *что* с ним творится и ***что*** он творит!

Слова, полные горечи и отчаяния, обрушились на несчастную сестру, будто лавина, сошедшая с горной вершины.

— Ты думаешь, мне легко?! – выкрикнула Анна, её голос дрожал от невыносимой боли. – Ты сидишь здесь, в безопасности, пока я одна вынуждена разгребать весь этот хаос! Ты даже не представляешь, через что мне приходится проходить!

Каждое слово было подобно удару, ранящему двоих.

Сестра, бледная и растерянная, не смела поднять глаз, принимая на себя гнев, который на самом деле был направлен на невидимых врагов, на обстоятельства, на судьбу, ставшую столь жестокой.

Анна чувствовала, как последние крохи самообладания ускользают, оставляя лишь пустоту, где раньше была надежда.

— Ты обвиняешь меня в моей слабости из-за этих сигарет, при любом удобном случае напоминаешь! Но ты не знаешь, какая сила требуется, чтобы просто вставать каждое утро и делать вид, что всё в порядке!

— Так почему ты мне ничего не рассказываешь?! Я ведь хочу помочь тебе, я не хочу, чтобы ты травила себя, чтобы ты страдала! Ведь я люблю тебя, ты для меня всё!

Эмильда не смогла сдержаться и в ответ начала кричать на Анну, обливаясь слезами обиды. Её хрупкие плечи сотрясались от рыданий, а голос, обычно тихий и мелодичный, теперь рвался от отчаяния и боли.

— Как ты можешь так со мной говорить?! – воскликнула она, с трудом выговаривая слова сквозь всхлипы. – Ты считаешь, что я не хочу помочь? Что мне безразличны твои проблемы?

Анна, в её глазах, строила вокруг себя стену, не пуская никого, даже самого близкого человека, в свой мир страданий.

— Я твоя сестра, Анна! Я здесь, рядом! Но ты не позволяешь мне даже протянуть руку помощи! Ты отталкиваешь меня, как будто я – причина твоих несчастий, а не тот, кто готов разделить твоё бремя!

Эмильда пыталась подойти ближе, но Анна, казалось, ещё больше ощетинилась, глядя на сестру с прежней злостью, теперь смешанной с болью.

— Я не могу выносить этого молчания, этой стены между нами! Неужели ты думаешь, что одна справишься со всем этим? Неужели ты думаешь, что твоё страдание – это твоя личная ноша, которую никто другой не должен нести?

Она не хотела быть обузой, она хотела быть опорой. И это невозможно было сделать: то, что казалось ей естественным – помочь сестре – ранило её глубже, чем любая другая беда, что могла её постичь.

Анна резко бросилась к Эмильде, её стремительное движение было полно раскаяния. Она обняла сестру крепко-крепко, уткнувшись лицом в её плечо, словно пытаясь спрятаться от всего мира, от своих необдуманных слов, от навалившихся проблем. В этом объятии, сотканном из боли и отчаяния, они обе находили слабое утешение.

— Ты права, – прошептала Анна. – Ты хочешь помочь, а я отталкиваю тебя. Я становлюсь слепой от этой ужасной неопределенности.

Анна, пропитанная чувством долга и предвидением грядущих опасностей, сознательно отстраняла свою молодую сестру Эми от хитросплетений дворцовой жизни. Интриги, плетущиеся в тёмных углах замка, да и постоянные тревоги, омрачающие существование Филиппа, казались Анне непосильной ношей для хрупкой души Эми.

Она же, в свою очередь, взяла на себя всю полноту ответственности, стремясь стать щитом и мечом для своей сестры, исправляя ошибки, разрешая конфликты и спасая всех от надвигающихся невзгод.

Но время неумолимо. Эми, словно росток, пробившийся сквозь камень, росла и менялась, обретая собственные мысли и желания. Её детская наивность уступала место юношеской пытливости, а взгляд наполнялся неясными мечтами.

Увы, Анна, поглощённая своими заботами и вечной тревогой, подобно тени, следовала за прошлым, не замечая, как перед ней стоит уже совсем другая девушка. В еёглазах Эми по-прежнему оставалась той, кого нужно оберегать, а не той, кто способна разделить бремя мира. Это слепое, хотя и искреннее, стремление Анны контролировать всё и вся, спасать всех за всех, стало невидимым, но непреодолимым барьером между сёстрами.

Анна, пытаясь укрыть Эми от бурь, создала вокруг неё герметичный кокон, лишив сестру возможности закалиться в житейских битвах.

Стена, воздвигнутая Анной, скрывала Эми от бед, но одновременно и отдаляла её от настоящей жизни, от опыта, который делает человека сильнее. Так, в попытке спасти, Анна лишь изолировала, оставив Эми в тени, за стеной, где покой соседствовал с неопытностью, а безопасность – с полной неприспособленностью к реальному миру.

— Тогда нам следует дойти до кабинета, я хочу поделиться с тобой своими мыслями, – Анна посмотрела на Эми в надежде, что та откажется.

— Конечно, идём, – но вместо отказа Эми согласилась.

Улыбнувшись, она последовала за Анной в кабинет. Приглашать кого-то ещё, помимо них, желание не возникло. Итак, все, кто должен был быть в курсе происходящего, уже знали необходимую информацию.

— Мои опасения за Филиппа не пустой звук, – Анна наполнила стакан водой. – Его последние приказы, мягко говоря, удивляют меня, – она села напротив Эми.

— Ты не делишься со мной его приказами. Сейчас что-то совсем из ряда вон выходящее? – Эми довольно редко участвует в советах или обсуждениях каких-либо планов по отношению к работе Анны.

— его мысли меня пугают, его состояние разума — пугает, – Анна не хотела вдаваться в подробности, — потому я сейчас в очень непростом положении, да и следить за ним не охота, не маленький уже ведь

Эмильда насупилась, она понимала: Анна её запутывает и не хочет рассказывать всё, что творится у неё в душе и на работе.

— Я хочу помочь тебе, почему не хочешь поделиться своей проблемой? — Эми не выдержала: отношение к ней как к ребёнку, которого надо защищать, – её бесило.

— Поделиться? Я хочу поделиться, но я могу лишь рассказать, помощи я твоей не прошу, не стоит в подобное ввязываться *тебе*, – для Анны Эми была самым близким и самым дорогим.

И, к сожалению, ничем помочь она не сможет, даже если захочет.

— Хорошо, хотя бы расскажи, что заставляет тебя так часто переживать, – Эми указала на сигареты в руках у Анны. Анна поделилась с Эми тем приказом, что отдал Филипп, максимально сухо, давая ей понять, что это обычный рядовой приказ.

— Для тебя это обычное дело, не так ли? — Эми, однако, чувствовала, что за внешним спокойствием скрывается нечто большее, какое-то переживание сестры.

— Да. — Хорошо, но запомни: ты всегда можешь обратиться ко мне, я всегда тебя поддержу и помогу, чем смогу конечно, – Эми слегка улыбнулась.

Анна сидела напротив Эми, её лицо было спокойно, с неким безразличием, и не выражало никаких эмоций. Воздух в комнате казался густым, наполненным невысказанными словами и молчанием.

Солнечный свет, проникающий сквозь оконные жалюзи, рисовал на полу причудливые узоры, но они не могли развеять эту гнетущую атмосферу. Эми, почувствовав напряжение, медленно протянула руку и слегка коснулась сестры кончиками пальцев. Это было робкое, почти невесомое прикосновение, попытка пробиться сквозь стену отчуждения, которую Анна возвела между ними.

Момент замер, казалось, даже тиканье старых часов на стене замедлилось. Анна, словно почувствовав тепло сестринской руки, медленно, но уверенно, накрыла их своей. Её пальцы сомкнулись вокруг тонких запястий Эми, и в этом простом жесте было больше, чем в любых словах. Это было признание, мост, перекинутый через пропасть непонимания, обещание того, что, несмотря на всё грядущее, они всё ещё есть друг у друга.

— Конечно, я это помню, – Анна слегка улыбнулась.

Последующие дни Анна ходила словно в тумане, погруженная в свои мысли.

Реальность казалась призрачной, а настоящее сливалось с тревожным предчувствием грядущего. Мысли роились в её голове, словно стая испуганных птиц, рождая бесконечные варианты возможного исхода будущего нападения.

Она полностью отказалась от патрулей, предпочитая проводить всё своё свободное время за планированием. Это было больше, чем просто подготовка; это был ритуал, почти священнодействие, к которому Анна подошла с невероятной, почти фанатичной внимательностью.

Каждый шаг, каждая возможная угроза, каждая контратака – всё было просчитано до мельчайших деталей. Её разум был полем битвы, где она сражалась с возможным врагом, прорабатывая сценарии, которые несли в себе как опасность, так и спасение.

Эми, наблюдая за сестрой, чувствовала её внутреннюю борьбу, но не вмешивалась. Она видела, как Анна ушла в себя, как её глаза наполнились сталью и решимостью. Эми понимала, что сейчас не время для слов или утешений.

Она сама была погружена в свои тренировки, оттачивая навыки, необходимые для будущих сражений. Иногда она вылетала на патруль одна, без поддержки, осознавая, что постепенно из-за этого приказа она теряет связь с сестрой. Анна находилась в таком состоянии больше недели.

Из-за погружённости сестры в свои мысли и некоторой отстранённости все письма, адресованные лично ей, Руфи, как верный страж, передавала Эми. Та, в свою очередь, аккуратно складывала их, надеясь, что когда-нибудь сможет передать их сестре, когда Анна будет готова вернуться к ним.

В один из таких дней, когда солнечный луч игриво скользил по столу, украшенному аккуратной стопкой корреспонденции, Эми заметила среди обычных посланий особенное, отличающееся гербовой печатью с ярко выраженным небесно-голубым голубем.

Это было письмо от самого Императора Эллиоса. Сердце Эми забилось быстрее, когда она развернула плотный пергамент. В письме содержалось личное приглашение посетить знаменитый Фестиваль Красок и Маскарада, который проходил в столице раз в год.

Император, известный своей любовью к ярким зрелищам и тайным интригам, предлагал гостям окунуться в атмосферу праздника, где каждый мог стать кем угодно, скрыв свою истинную личность за таинственной маской.

Особо было отмечено, что на маскараде никто не узнает, кто есть кто, что давало возможность скрытно посетить столь пышное торжество, оставаясь незамеченным. Эми задумалась, не станет ли это для Анны шансом вырваться из своего тревожного плена, возможностью увидеть что-то новое, а может быть, и обрести ответы, которые она так долго искала.

Она тут же направилась прямиком в кабинет сестры.

— Анна, прибыло письмо из – распахнув дверь, Эми замолчала, не договорив.

В кабинете Анна была не одна. Склонившись над столом, Маркус что-то показывал ей, указывая пальцем на карту или свиток – Эми не могла распознать, но как только она зашла за порог, юноша резко свернул бумагу и удалился из кабинета.

— Эми, что-то случилось? Какое письмо прибыло? – Анна осторожно подошла к Эми, забрав у той свиток.

«*Дражайшая госпожа Вассилевски, с великим удовольствием приглашаем вас на фестиваль красок и маскарада*».

— Нет, точно не сейчас, – Анна сложила письмо пополам и кинула на журнальный столик перед диванчиком.

— Как же? Тебя пригласили, и пишут, что можно позвать с собой сопровождающего, – Эми поспешила подобрать письмо, – вот смотри, мы можем вместе слетать, никто нас не узнает! – она развернула письмо и с мольбой в глазах смотрела на сестру.

Эми подошла ближе и ужаснулась. Анна сидела за столом, её бледная кожа казалась почти прозрачной, а глубокие синяки под глазами говорили о бессонных ночах, растянувшихся на несколько суток. Воздух в комнате был густым и неподвижным.

Каждый вдох, казалось, давался ей с трудом, будто лёгкие сопротивлялись, наполняясь этим удушливым покоем. Анна протянула дрожащую руку к чашке с остывшим чаем, но пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности, так и не достигнув цели.

Слабость была всепоглощающей, вытягивающей последние силы.

— Так не пойдёт, ты выглядишь как живой труп, Анна, – Эми подошла к столику и взяла маленькое зеркало, направляя его на лицо Анны, – посмотри на себя, это ужасно, ты не щадишь себя! – Эми перешла на писк.

То, что она видела, было не просто усталостью – это было полное истощение, граничащее с увяданием. Последние несколько дней, проведённых в кабинете за работой, явно выбили из неё жизнь.

Сердце Эми сжалось от беспокойства. Где та Анна, которую она знала? Где её жизнерадостные глаза, её звонкий смех? Сейчас перед ней сидела лишь бледная тень, сломленная и измученная. Невозможно было поверить, что это её сестра, её кровинушка. Каждая черта на лице Анны, каждый взгляд, полный боли и усталости, вызывали у Эми приступ ужаса. Она не видела сестру несколько дней, и, видимо, Анна провела эти дни за бесконечной работой, забыв о базовых потребностях. Это состояние было не просто болезненным – оно было пугающим.

— Неужели твоя работа и этот приказ настолько важны для тебя? – Эми не могла выдержать молчание сестры.

— Не указывай мне, я в порядке, – Анна дотянулась до чая и сделала глоток, чуть морщась, – холодный

Анна и вправду забыла, что такое сон, и не могла понять, какой сегодня день. Реальность смазалась, превратившись в нескончаемый поток мыслей, кружащихся вокруг одного-единственного, всепоглощающего приказа.

Её разум, подобно искусному ювелиру, неустанно огранял и шлифовал план, стремясь к идеалу – осуществить всё задуманное так, чтобы не оставить ни единого следа, который мог бы вызвать подозрение у самой империи. Каждая следующая ночь лишь усиливала её погружение в этот лабиринт стратегий.

Внешний мир терял своё значение, уступая место внутренней игре, где каждая деталь была важна, каждый шаг просчитан. Она чувствовала, как эта работа отнимает у неё силы, но одновременно и питает, давая ощущение цели, смысла, которого так остро не хватало.

Приказ требовал тонкости, скрытности и абсолютной уверенности. Анна понимала, что любое неверное движение может привести к хаосу, которого она так стремилась избежать. Войны никто не хотел. Империя, мощная и обширная, не нуждалась в новых конфликтах. Её сила заключалась в стабильности, в её незыблемых законах и традициях.

Поэтому любая операция должна была пройти гладко, незаметно, словно тень, скользнувшая в ночи. Эти мысли превратились в её постоянных спутников, вытесняя всё остальное. Сон стал роскошью, которую она не могла себе позволить, да и не хотела.

Сейчас её целью было не отдохнуть, а добиться того, чтобы приказ был выполнен безупречно. Она чувствовала себя на грани, но эта грань была столь тонкой, что лишь придавала ей решимости.

— Эми, когда будет фестиваль? – Анна подняла глаза на сестру.

Она понимала: если всё продолжится в том же духе, от неё самой ничего не останется. Эта мысль, словно холодный душ, на мгновение вернула её к реальности. Образ собственной тени, бледной и изможденной, заставил её вздрогнуть.

Что она делает с собой? Погружаясь с головой в заботы империи, она забывала о себе, о своём собственном существовании. Нужен был глоток свежего воздуха, и фестиваль казался идеальной возможностью.

Отвлечься, сменить обстановку, окунуться в атмосферу праздника и беззаботности — это было именно то, что ей сейчас нужно. Пребывание среди людей, шум и музыка могли бы стать настоящим спасением, лазейкой от всепоглощающих мыслей.

Она надеялась, что смена обстановки, яркие впечатления, что-то совершенно другое, отличное от её текущих размышлений, смогут подарить ей новые, свежие мысли. Возможно, именно в атмосфере праздника, вдали от строгости приказов и тяжести ответственности, придёт решение её сложной дилеммы.

Где-то там, среди смеха и танцев, среди мимолётных встреч и ярких красок, мог таиться ключ к разрешению ситуации, который ускользал от неё в тишине её кабинета.

— 20 мая, уже через 2 дня, — Эми с надеждой смотрела на тень своей сестры. Анна слегка провела рукой по лбу, стирая якобы невидимые капли пота.

— Значит, идем. Я отправлю письмо, что мы прибудем, так что подбери нам подходящие маски, — она смотрела на Эми, та улыбнулась.

— Конечно, самые красивые и удобные найду! — она выбежала из кабинета, оставив Анну в одиночестве.

«Да и правда, надо бы отдохнуть».

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь гулким эхом шагов Филиппа, удаляющихся по коридору. Каждый звук казался ей преувеличенно громким, словно природа осмысливала произошедшее вместе с ней. Её глаза, широко раскрытые, смотрели в никуда, а рот был чуть приоткрыт. Мысли роились в голове, переплетаясь в клубок неразрешимых противоречий.

Она должна убить Зульфию. Зульфию, которая носит ребенка.

Внутренний голос отчаянно кричал против этой мысли, но голос разума, закаленный годами службы, напротив, требовал исполнения. Исполнить приказ. Это было её предназначением. Её работой.

В мире, где существование таких, как она, определялось лишь способностью выполнять поставленные задачи, любое колебание было равносильно слабости, а слабость – смерти. Она должна была стать инструментом, безликим и эффективным.

Но как можно отнять жизнь у матери? Как уничтожить то, что только готовится появиться на свет? Перед её внутренним взором мелькали образы детей, теплая улыбка матери, нежное прикосновение.

Эти образы, столь далекие от её нынешней реальности, вызывали острую боль. Она подняла дрожащую руку, посмотрев на свои пальцы, будто не узнавая их. Именно эти руки должны были прервать чью-то жизнь.

Убить Зульфию. Убить нерожденное дитя. Холодный пот выступил на лбу.

Ответственность тяжелым грузом сдавила грудь, лишая возможности дышать. Ей предстояло принять решение, которое разделит её жизнь на «до» и «после». Решение, которое определит, кто она на самом деле: исполнитель чужой воли или человек, способный на сострадание.

— Анна, что с тобой? — Маркус вбежал в комнату, падая перед ней на колени.

— Ты можешь встать? Тебе плохо? — он был настолько испуган, что начал заикаться. Анна сидела, не слыша его, осознавая только свою никчемность, как и сказал Филипп, ведь она не может противиться его приказу, только исполнять. Маркус все суетился вокруг нее, пытаясь найти одежду или что-то подобное, чтобы Анна смогла одеться и прийти в себя.

— Госпожа, что с вами? — Руфи забежала в комнату.

Она села рядом с Анной, тряся её за плечи, но та уже была далеко в своих размышлениях.

Мысли её —бездонная дыра, с многочисленными рассуждениями и внутренними страданиями, ведь вся её суть — это сила и *ответственность*.

Но если эта сила становится бедой для людей — ответственность начинает давить на саму суть Анны, её мысли и её сознание. Обычные люди называют это ***совестью***, но у людей, чья сила невероятна, — ответственность бесконечна.

— Перестаньте, — Анна пришла в себя. Она отбросила одеяло в сторону, медленно вздохнула, принимая свою судьбу, и направилась к окну. Закурить.

— Ты сама не своя, что-то произошло? —Маркус подошел сзади, чуть прикасаясь к её плечу, боясь спугнуть.

Анна не дрогнула. Его рука коснулась, чуть сжимая, показывая свою близость с ней. Движения были аккуратными, медленными. Дыхание становилось все громче, словно сердце указывало на приближающуюся опасность. Но он всего лишь дотронулся до нее. А она не оттолкнула его

— Я в тупике, — она наклонилась и уткнулась в его руку своей щекой, закрыв глаза.

Маркус оцепенел от этой близости с Анной. Ранее он никогда не позволял себе подобных движений, даже малейшее прикосновение было для него проявлением неодолимой слабости, выдававшей его тайную, глубоко спрятанную *привязанность*. Он всегда держал дистанцию, воздвигая вокруг себя невидимые стены, чтобы никто, и прежде всего сама Анна, не догадались о бушующем в его груди океане чувств. Он был её верным другом, опорой, но всегда лишь другом. Но сейчас, когда Анна сидела на холодном полу своей комнаты, хрупкая, сломленная, с глазами, полными необузданного страха, все его предосторожности испарились, как дым. Его сердце забилось чаще, отражая её собственную боль. Он хотел обнять её, прижать к себе, стать её щитом от всего ужаса, который она переживала. Но страх быть отвергнутым, страх разрушить их хрупкое равновесие, страх, что она увидит его больше, чем друга, сковал его. Ему казалось, что любая попытка утешения будет неуместной, недостаточной. Все, на что он был способен, — дотронуться до нее, с опаской, но с желанием помочь. Он был готов пройти сквозь огонь, чтобы забрать её боль, спасти её от любого приказа, сделать любую грязную работу, если она говорила про этот *тупик*.

— О чем ты, Анна? — еле слышно он приблизился к её лицу, шепча на ухо. Взгляд. Она смотрит на него так близко, словно между ними нет никого. В комнате только он и она, близко, их отделяло парасантиметров. Пара сантиметров до его возможности

— Я в тупике, Маркус, и помочь мне никто не сможет, — она убрала его руку с плеча и закрыла окно.

Руфи, все время стоявшая в дверях, не говорила ни слова. Молчала, ждала вердикта или приказа своей госпожи, ведь её слова были ясны — она опять на *побегушках истеричного императора*.

— Госпожа, я жду приказа, — она склонилась в знак повиновения. Анна осознавала безысходность всей ситуации.

У нее не было выбора: либо она убивает Зульфию, либо Филипп заберет её жизнь в отместку. Эти две ужасные перспективы кружились в её голове, как хищные птицы, готовые растерзать её душу.

Она присела на диван, пытаясь успокоить дрожащие руки. Холодные пальцы легли на гладкое стекло графина, наполненного водой. Каждый глоток казался горьким, словно она пила яд.

Маркус стоял напротив, молча смотря на нее. Его присутствие было одновременно и поддержкой, и пыткой.

Он видел ее муки, но не мог вмешаться, не мог предложить решения, которое не стало бы еще одним тупиком. Его взгляд, полный беспокойства и нежности, только усиливал ее внутренний разлад.

Каковы ее дальнейшие действия? Она не понимала.

Убить Зульфию – это означало предать все, во что она верила, стать той, кем она никогда не хотела быть. Но если она не сделает этого, ее собственная жизнь оборвется, оборвется так же безжалостно и внезапно. Мысли метались, как птица в клетке. Каждый поворот приводил к новой стене. Она чувствовала себя загнанной в угол, без единого шанса на спасение.

— Сядьте, нужно обсудить, – Анна откинулась на спинку дивана, пряча дрожащие руки под мышки, — пока без приказов.

Маркус и Руфи сели на диван одновременно, их тела напряглись в предвкушении. Воздух в комнате казался густым, пропитанным невысказанным страхом.

Они слушали, затаив дыхание, что же Филипп приказал Анне. Каждый звук, каждый вздох казался увеличенным, усиливая гнетущую тишину. В глазах этих двух ребят отражался целый спектр эмоций: смятение, ужас, неверие.

Маркус сжимал кулаки, его лицо было бледным, а губы плотно сжаты. Руфи же, казалось, застыла, ее зрачки расширились, отражая весь тот кошмар, который разворачивался перед ними. Они были молоды, но уже успели вкусить горечь судьбы, и теперь перед ними маячила еще одна, еще более страшная тень.

Анна же, напротив, уже говорила с неким безразличием, словно ее душа уже покинула тело, а на ее месте осталась лишь оболочка, выполняющая чужую волю. Она рассказала о приказе холодно, без тени эмоций, как будто говорила о погоде, а не о смертном приговоре. Казалось, она уже смирилась с неизбежным, приняла свою участь, и в ее взгляде читалось лишь бесконечное опустошение.

Когда она закончила, в комнате воцарилась мертвая тишина. Маркус медленно потер руки, словно пытаясь смыть с них невидимую грязь. Руфи, наконец, обрела способность двигаться. Она потянулась до графина и налила себе стакан воды, ее рука слегка дрожала.

— Так, значит, за ошибки детей будут отвечать родители? – Маркус с открытым отвращением выплюнул эти слова.

— Вероятно, да, – Анна понимала, *какая это глупость.*

— Спор, будто малолетки поругались, – Руфи наконец пришла в себя, ее рука слегка успокоилась.

— Но если так пойдет дело, ведь действительно нам придется организовать это *убийство*, не так ли, или ты думаешь иначе, Анна?

Она смотрела на Маркуса, тот слегка надеялся, что обойти этот приказ есть возможность, но ее нет, к великому сожалению.

— Для начала, мне нужно переодеться, а далее встретимся в моем кабинете, я пока обдумаю, – Анна выпроводила этих двух из спальни. Анна начала одеваться, ее движения были механическими, лишенными всякой грации.

Каждый предмет одежды, который она брала, казался чужим, как будто предназначался не ей. В голове роились мысли, хаотичные и противоречивые.

Что делать дальше? Этот вопрос эхом отдавался в опустевшем пространстве ее сознания.

«*Возможно, нужно и правда распланировать этот приказ*», — подумала она, но тут же споткнулась о следующую мысль: «*Но с чего начать?*».

Замок казался лабиринтом, полным ловушек и скрытых углов. «*Надо начать со всего*», — пришло ей решение, столь же пугающее, сколь и необходимое.

Она должна была понять всю сложность ситуации, всю глубину этой паутины, в которую она попала. Планировка замка, изучение его секретов, расположение комнат и солдат у дверей – все было важно в данный момент. Она посмотрела на свое отражение в зеркале.

Перед ней стояла незнакомка с потухшими глазами и застывшей маской на лице. Но под этой маской билось сердце, которое еще не сдалось. Она чувствовала, прежняя Анна не откликается на ее зов, та, что не боялась бросить вызов судьбе. Эта решимость, этот холодный

расчет, что был раньше – испарился. Она не знала, что ее ждет, но знала одно: она не позволит страху парализовать ее.

Она будет бороться. За свою жизнь.

— Ну что, собрались с мыслями? – Анна зашла в кабинет, где уже сидел Маркус. Руфи не оказалось.

— Где она?

— Ее призвала старшая служанка, что-то с постельным, – Маркус сидел на диване, потирая ладони.

Она обошла стол и закурила у окна, рассматривая бойцов, что тренировались на площадке.

— Хорошо, я обдумала, что нам необходимо сделать.

— Мы его выполняем? Маркус подошел ближе к Анне, слегка присаживаясь на край стола.

— Ты нет, как и Руфи. Ваше дело – помочь мне в планировании, но не в участии. – Использовать их как подручные средства можно, но направлять исполнять приказ точно не в ее стиле.

— Ты же знаешь, как бы нибыло, я исполню любой твой приказ, – Маркус был настроен решительно.

Она подошла ближе, чуть расставив его ноги в стороны, проникая между ними.

— Я знаю, Маркус, но, – Анна наклонилась к нему, прикасаясь губами к уху, — не забывай наше с тобой положение, в особенности – свое.

Отойдя, ее взгляд совершенно не был тем, что этим утром. В этом взгляде была решимость, была хладнокровность и явное осознание происходящего, без прикрас.

— Приказ есть приказ, – он встал, отдаляясь. Анна дала понять: *она понимает его чувства*, но взаимности там нет. Есть долг службы, есть долг дружбы, но не более.

— Итак, какие твои приказания будут? – он стоял ровно по струнке, принимая приказ госпожи.

— Начнем с плана постройки их замка. Последующие действия были таковы, что необходимо найти план замка, понимая, какие есть пути для отхода при неудачном исходе.

Задача казалась титанической, ведь замок был не просто крепостью, а лабиринтом из камня, где каждая стена могла скрывать опасность или, наоборот, служить спасением. Маркус знал, что спешка здесь неуместна.

Хладнокровие и трезвый расчет – вот что было ему сейчас необходимо. Ему необходимо было отыскать человека, что был причастен к постройке или планировке стен и комнат этого замка. Такой индивид, если он еще жив, мог обладать бесценными знаниями о скрытых проходах, тайных комнатах и, самое главное, о слабостях оборонительных сооружений.

Поиск такого человека требовал осторожности и изворотливости, ведь не каждый мог довериться незнакомцу, особенно в таком подозрительном месте.

Необходимо найти комнату Зульфии, понять, где окно и выход, есть ли потайной ход. Это было не просто желание, а насущная необходимость.

Зная расположение ее покоев, Маркус мог бы спланировать как проникновение, так и, в случае необходимости, ее эвакуацию.

Особое внимание уделялось окнам и выходам — это были потенциальные точки входа и, что еще важнее, пути к спасению. А наличие потайного хода могло оказаться решающим фактором, позволяющим не дать сбежать жертве.

— Я постараюсь найти или архитектора, или тех, кто видел своими глазами план замка, – Маркус понял свое дело, осталось его выполнить.

— Отлично, тогда иди выполняй, – Анна кивнула и принялась искать документы родословной семьи Раху.

Итак, семья Раху предстала перед Анной в её мысленном взоре, расставленная по приоритетам опасности. Симона, глава семейства, излучал ауру уверенности и силы. Его описание как мужественного и довольно сильного мага не предвещало ничего хорошего. Анна знала, что при нападении именно он станет главной преградой. Его магические способности, усиленные боевым духом, требовали особого подхода. Анна решила, что главная её задача — его нейтрализация, возможно, путём изоляции или отвлечения.

Томиас, юный мальчуган, не представлял никакой угрозы. Его детская наивность и неопытность делали его абсолютно незначительным фактором в предстоящем плане. Он был не более чем фоновым шумом, который можно было легко проигнорировать.

Алисента, девушка, вечно пребывающая в грёзах, была ещё меньшим препятствием. Её отстранённость от реального мира гарантировала, что она не доставит непосредственно Анне никакого дискомфорта во время выполнения задания. Её можно было обойти стороной, не тратя на неё ни единого магического заряда.

Единственным, кто вызывал действительно серьёзное беспокойство, был Александр. Если описания его способностей оказались правдивыми, его огненная магия могла стать настоящим бедствием. Маг огня — это сила, способная сметать всё на своём пути, и его присутствие несло в себе потенциал полного провала. Анна была уверена, что именно Александр потребует максимального внимания и самой изощрённой тактики. Если, конечно, он будет в замке в момент нападения.

— Чем вы тут занимались? — в кабинет забежала Эмильда, – не хотите потренироваться?

Маркус с Анной резко остановились в своих разговорах. Эмильда не должна быть замешана никоим образом, тем более помочь она не в силах, а рисковать её жизнью Анна не позволит себе.

— С удовольствием, Эми, там уже народ собрался? – Анна, потирая руки вплоть до локтя, направилась к выходу, где стояла её сестра.

«*Ты понял свое задание, у тебя есть две недели.*»

«*Да, госпожа.*»

Они поняли друг друга. В это время на тренировочной площадке уже собрались новоиспеченные солдаты, только прибывшие с призыва.

И среди них оказался Лукас.

— О, вот это люди, ты чего тут забыл, солдат? — Анна поспешила встретить дорогого друга, тот в свою очередь перепрыгнул ограду площадки и пошел навстречу.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Анна, — Лукас глубоко поклонился.

— Не стоит, встань, – она подняла его за плечи, — ты привез их с южного набора? – Юноши, что стояли перед ней, были загорелые или совсем смуглые.

— Верно, как ты угадала? – он улыбался во все 32 зуба, не скрывая своего шаловливого настроения.

— Постыдись, – она ткнула его в плечо.

— Да ладно, извини, – его взгляд изменился, — подскажи лучше, что происходит? У нас в войсках шепчут, что Филипп последнее время сам не свой, неужели и его не обошло это? — Лукас затронул темную и страшную тему семьи Парга.

— И ты туда же? Неймется вам все с Маркусом, — Анна была недовольна таким вопросом.

Да, вероятность безумия Филиппа есть, но она старается отгонять подобные мысли из своей головы.

— Хорошо, не будем о подобном рассуждать, ведь почвы нет, верно? – Лукас вопросительно взглянул на госпожу.

Анна кивнула. Лишний раз доказывать адекватность императора ей не хотелось, особенно после утреннего приказа.

Верит ли она сама в это? Вопрос на засыпку.

— Госпожа, Вы столь юны, но столь устрашающе держите клинок, не хотите выйти со мной в спарринг?

Сзади к Эмильде подошел молодой юноша из нового южного состава, весьма сильный и очень приятный на вид.

— Да, конечно, с удовольствием, — Эми остановила назревающий внутри Лукаса командный тон, который остановил бы юношу.

Вместе под руку с ним она вошла на тренировочную площадку. Вокруг возвышалось крепкое деревянное ограждение, у которого с внешней стороны выстроилась внушительная толпа солдат.

Едва завидев даму, они разом подняли гвалт, подобный крику стаи чаек, но их шум был преждевременен и ошибочен.

Эмильда была одной из самых умелых воительниц Империи, и этот юноша, несмотря на свою ловкость, будет повержен ею в считанные минуты, особенно после изнурительных тренировок под руководством Маркуса.

Эмильда заняла позицию, выжидая первого движения противника. Юноша, с тонким мечом в руке, двинулся плавно и стремительно, его клинок, остро заточенный, сверкал в солнечном свете.

Каждый удар был точным и быстрым, но Эмильда, словно ураган, парировала их, неуклонно отступая, но не теряя ни сантиметра контроля. Затем, поймав момент, она перешла в контратаку. Три молниеносных движения, и юноша оказался обезоружен, его меч вылетел из пальцев, а сам он, застыв в элегантной стойке, поднял руки в знак капитуляции.

На его лице играла довольная улыбка, а толпа за оградой, пораженная увиденным, затихла, с изумлением глядя на искусную воительницу. Анна, наблюдавшая за поединком с небольшой трибуны, удовлетворенно кивнула.

Она видела, как юноша, несмотря на поражение, выглядел совершенно не сломленным.

— Хороший признак достойного солдата в будущем, – Анна кивнула на юношу, что стоял уже в полный рост на площадке.

Она знала, что будущий солдат, как и его противница, станет великим воином, если продолжит в том же духе. Эмильда подошла к поверженному противнику и протянула ему руку. Юноша с благодарностью принял её.

— Спасибо за урок, госпожа, –проговорил он, его голос звучал твердо и уверенно. – Я буду тренироваться еще упорнее, чтобы однажды превзойти вас.

Эмильда лишь улыбнулась в ответ:

— Продолжай в том же духе, и ты обязательно достигнешь своей цели, – сказала она. – Сегодня ты сражался достойно. Но помни, что истинная сила заключается не только в скорости и ловкости, но и в мудрости и стойкости духа. И лучше тренироваться так, чтобы превзойти нашего генерала, – она подмигнула Анне, едва показывая это солдатам.

Юноша, всё ещё в изящной позе, с поднятыми руками, засмеялся. Это был смех победителя, смех того, кто познал предел своих сил и не стыдился этого. Он знал, что проиграл. Но это поражение было для него лишь ступенью на пути к совершенству.

Солдатская толпа, ещё минуту назад ревевшая от предвкушения зрелища, смолкла, словно по команде. Лица, искаженные азартом и ожиданием, теперь выражали чистое изумление.

Эмильда, спокойно встав во весь рост, окинула взглядом остолбеневших солдат. Её дыхание было ровным, а взгляд – острым, словно клинок её меча. Она не произнесла ни слова, не сделала ни одного лишнего движения. Её присутствие само по себе было красноречивее любой речи. В каждом её жесте, в каждом взгляде сквозила сила, которую не могли заглушить ни говор толпы, ни грохот боя. Когда Эмильда повернулась и направилась к воротам, толпа рас-

ступилась, очищая ей путь. Никто не осмелился произнести ни звука. В их глазах, ещё недавно полных желания зрелища, теперь читалось уважение, смешанное с благоговением.

— Да, я не удивлена, – Анна подошла к сестре, чуть задев её плечом. – Всё ещё хочешь со мной сразиться?

— Рядом с этой толпой? Неееет, – Эми убрала клинок в ножны и отдала слуге.

— Ты молодец. Маркус обучает? – Лукас начал подходить к девушкам, как внезапно с верхней взлетной площадки взмыл дракон, оглушая всех присутствующих своим криком.

— Филипп улетел. Был приказ? – Анна поспешила к слугам, те стояли в полном непонимании происходящего.

— Император решил нас покинуть? – веселое настроение Лукаса не омрачилось даже от понимания, что Филипп один улетел в неизвестном направлении. А это император. Анна начала суетиться.

Император один улетел в неизвестном направлении на драконе. После утреннего приказа не решил ли он исполнить его самостоятельно?

Она шла в личные покои Филиппа, но дверь была закрыта. У входа стояли солдаты, их лица были непроницаемы. Анна попробовала выяснить, есть ли какие-либо распоряжения, касающиеся отбытия императора, или его предполагаемого маршрута.

Любой намек, любое уклончивое слово – всё могло бы успокоить её терзающуюся душу. Но стража была нема. Нигде не было ни подсказок, ни информации.

Он не сообщил, куда улетел. Её опасения, сначала робкие, теперь перерастали в настоящий страх. Страх его возможной ошибки, страх перед неизведанным, что могло таиться там, куда он направился. Что, если его решение, принятое столь импульсивно, было продиктовано не мудростью, а минутным порывом? И она ничем не может ему помочь или остановить, чтобы не произошло невозвратного.

— Не волнуйся так, возможно, он улетел проветриться, – Эми нашла её в коридоре возле открытого окна. – Всё не можешь бросить? – она указала на сигарету.

— Ты знаешь, что это. Не дави на меня! – Анна ответила сестре с открытой злостью, срываясь на неё из-за бессилия перед проблемами, которые её окружили. – Ты так спокойно рассуждаешь о его полете, не зная, *что* с ним творится и ***что*** он творит!

Слова, полные горечи и отчаяния, обрушились на несчастную сестру, будто лавина, сошедшая с горной вершины.

— Ты думаешь, мне легко?! – выкрикнула Анна, её голос дрожал от невыносимой боли. – Ты сидишь здесь, в безопасности, пока я одна вынуждена разгребать весь этот хаос! Ты даже не представляешь, через что мне приходится проходить!

Каждое слово было подобно удару, ранящему двоих.

Сестра, бледная и растерянная, не смела поднять глаз, принимая на себя гнев, который на самом деле был направлен на невидимых врагов, на обстоятельства, на судьбу, ставшую столь жестокой.

Анна чувствовала, как последние крохи самообладания ускользают, оставляя лишь пустоту, где раньше была надежда.

— Ты обвиняешь меня в моей слабости из-за этих сигарет, при любом удобном случае напоминаешь! Но ты не знаешь, какая сила требуется, чтобы просто вставать каждое утро и делать вид, что всё в порядке!

— Так почему ты мне ничего не рассказываешь?! Я ведь хочу помочь тебе, я не хочу, чтобы ты травила себя, чтобы ты страдала! Ведь я люблю тебя, ты для меня всё!

Эмильда не смогла сдержаться и в ответ начала кричать на Анну, обливаясь слезами обиды. Её хрупкие плечи сотрясались от рыданий, а голос, обычно тихий и мелодичный, теперь рвался от отчаяния и боли.

— Как ты можешь так со мной говорить?! – воскликнула она, с трудом выговаривая слова сквозь всхлипы. – Ты считаешь, что я не хочу помочь? Что мне безразличны твои проблемы?

Анна, в её глазах, строила вокруг себя стену, не пуская никого, даже самого близкого человека, в свой мир страданий.

— Я твоя сестра, Анна! Я здесь, рядом! Но ты не позволяешь мне даже протянуть руку помощи! Ты отталкиваешь меня, как будто я – причина твоих несчастий, а не тот, кто готов разделить твоё бремя!

Эмильда пыталась подойти ближе, но Анна, казалось, ещё больше ощетинилась, глядя на сестру с прежней злостью, теперь смешанной с болью.

— Я не могу выносить этого молчания, этой стены между нами! Неужели ты думаешь, что одна справишься со всем этим? Неужели ты думаешь, что твоё страдание – это твоя личная ноша, которую никто другой не должен нести?

Она не хотела быть обузой, она хотела быть опорой. И это невозможно было сделать: то, что казалось ей естественным – помочь сестре – ранило её глубже, чем любая другая беда, что могла её постичь.

Анна резко бросилась к Эмильде, её стремительное движение было полно раскаяния. Она обняла сестру крепко-крепко, уткнувшись лицом в её плечо, словно пытаясь спрятаться от всего мира, от своих необдуманных слов, от навалившихся проблем. В этом объятии, сотканном из боли и отчаяния, они обе находили слабое утешение.

— Ты права, – прошептала Анна. – Ты хочешь помочь, а я отталкиваю тебя. Я становлюсь слепой от этой ужасной неопределенности.

Анна, пропитанная чувством долга и предвидением грядущих опасностей, сознательно отстраняла свою молодую сестру Эми от хитросплетений дворцовой жизни. Интриги, плетущиеся в тёмных углах замка, да и постоянные тревоги, омрачающие существование Филиппа, казались Анне непосильной ношей для хрупкой души Эми.

Она же, в свою очередь, взяла на себя всю полноту ответственности, стремясь стать щитом и мечом для своей сестры, исправляя ошибки, разрешая конфликты и спасая всех от надвигающихся невзгод.

Но время неумолимо. Эми, словно росток, пробившийся сквозь камень, росла и менялась, обретая собственные мысли и желания. Её детская наивность уступала место юношеской пытливости, а взгляд наполнялся неясными мечтами.

Увы, Анна, поглощённая своими заботами и вечной тревогой, подобно тени, следовала за прошлым, не замечая, как перед ней стоит уже совсем другая девушка. В еёглазах Эми попрежнему оставалась той, кого нужно оберегать, а не той, кто способна разделить бремя мира. Это слепое, хотя и искреннее, стремление Анны контролировать всё и вся, спасать всех за всех, стало невидимым, но непреодолимым барьером между сёстрами.

Анна, пытаясь укрыть Эми от бурь, создала вокруг неё герметичный кокон, лишив сестру возможности закалиться в житейских битвах.

Стена, воздвигнутая Анной, скрывала Эми от бед, но одновременно и отдаляла её от настоящей жизни, от опыта, который делает человека сильнее. Так, в попытке спасти, Анна лишь изолировала, оставив Эми в тени, за стеной, где покой соседствовал с неопытностью, а безопасность – с полной неприспособленностью к реальному миру.

— Тогда нам следует дойти до кабинета, я хочу поделиться с тобой своими мыслями, – Анна посмотрела на Эми в надежде, что та откажется.

— Конечно, идём, – но вместо отказа Эми согласилась.

Улыбнувшись, она последовала за Анной в кабинет. Приглашать кого-то ещё, помимо них, желание не возникло. Итак, все, кто должен был быть в курсе происходящего, уже знали необходимую информацию.

— Мои опасения за Филиппа не пустой звук, – Анна наполнила стакан водой. – Его последние приказы, мягко говоря, удивляют меня, – она села напротив Эми.

— Ты не делишься со мной его приказами. Сейчас что-то совсем из ряда вон выходящее? – Эми довольно редко участвует в советах или обсуждениях каких-либо планов по отношению к работе Анны.

— его мысли меня пугают, его состояние разума — пугает, – Анна не хотела вдаваться в подробности, — потому я сейчас в очень непростом положении, да и следить за ним не охота, не маленький уже ведь

Эмильда насупилась, она понимала: Анна её запутывает и не хочет рассказывать всё, что творится у неё в душе и на работе.

— Я хочу помочь тебе, почему не хочешь поделиться своей проблемой? — Эми не выдержала: отношение к ней как к ребёнку, которого надо защищать, – её бесило.

— Поделиться? Я хочу поделиться, но я могу лишь рассказать, помощи я твоей не прошу, не стоит в подобное ввязываться *тебе*, – для Анны Эми была самым близким и самым дорогим.

И, к сожалению, ничем помочь она не сможет, даже если захочет.

— Хорошо, хотя бы расскажи, что заставляет тебя так часто переживать, – Эми указала на сигареты в руках у Анны. Анна поделилась с Эми тем приказом, что отдал Филипп, максимально сухо, давая ей понять, что это обычный рядовой приказ.

— Для тебя это обычное дело, не так ли? — Эми, однако, чувствовала, что за внешним спокойствием скрывается нечто большее, какое-то переживание сестры.

— Да. — Хорошо, но запомни: ты всегда можешь обратиться ко мне, я всегда тебя поддержу и помогу, чем смогу конечно, – Эми слегка улыбнулась.

Анна сидела напротив Эми, её лицо было спокойно, с неким безразличием, и не выражало никаких эмоций. Воздух в комнате казался густым, наполненным невысказанными словами и молчанием.

Солнечный свет, проникающий сквозь оконные жалюзи, рисовал на полу причудливые узоры, но они не могли развеять эту гнетущую атмосферу. Эми, почувствовав напряжение, медленно протянула руку и слегка коснулась сестры кончиками пальцев. Это было робкое, почти невесомое прикосновение, попытка пробиться сквозь стену отчуждения, которую Анна возвела между ними.

Момент замер, казалось, даже тиканье старых часов на стене замедлилось. Анна, словно почувствовав тепло сестринской руки, медленно, но уверенно, накрыла их своей. Её пальцы сомкнулись вокруг тонких запястий Эми, и в этом простом жесте было больше, чем в любых словах. Это было признание, мост, перекинутый через пропасть непонимания, обещание того, что, несмотря на всё грядущее, они всё ещё есть друг у друга.

— Конечно, я это помню, – Анна слегка улыбнулась.

Последующие дни Анна ходила словно в тумане, погруженная в свои мысли.

Реальность казалась призрачной, а настоящее сливалось с тревожным предчувствием грядущего. Мысли роились в её голове, словно стая испуганных птиц, рождая бесконечные варианты возможного исхода будущего нападения.

Она полностью отказалась от патрулей, предпочитая проводить всё своё свободное время за планированием. Это было больше, чем просто подготовка; это был ритуал, почти священнодействие, к которому Анна подошла с невероятной, почти фанатичной внимательностью.

Каждый шаг, каждая возможная угроза, каждая контратака – всё было просчитано до мельчайших деталей. Её разум был полем битвы, где она сражалась с возможным врагом, прорабатывая сценарии, которые несли в себе как опасность, так и спасение.

Эми, наблюдая за сестрой, чувствовала её внутреннюю борьбу, но не вмешивалась. Она видела, как Анна ушла в себя, как её глаза наполнились сталью и решимостью. Эми понимала, что сейчас не время для слов или утешений.

Она сама была погружена в свои тренировки, оттачивая навыки, необходимые для будущих сражений. Иногда она вылетала на патруль одна, без поддержки, осознавая, что постепенно из-за этого приказа она теряет связь с сестрой. Анна находилась в таком состоянии больше недели.

Из-за погружённости сестры в свои мысли и некоторой отстранённости все письма, адресованные лично ей, Руфи, как верный страж, передавала Эми. Та, в свою очередь, аккуратно складывала их, надеясь, что когда-нибудь сможет передать их сестре, когда Анна будет готова вернуться к ним.

В один из таких дней, когда солнечный луч игриво скользил по столу, украшенному аккуратной стопкой корреспонденции, Эми заметила среди обычных посланий особенное, отличающееся гербовой печатью с ярко выраженным небесно-голубым голубем.

Это было письмо от самого Императора Эллиоса. Сердце Эми забилось быстрее, когда она развернула плотный пергамент. В письме содержалось личное приглашение посетить знаменитый Фестиваль Красок и Маскарада, который проходил в столице раз в год.

Император, известный своей любовью к ярким зрелищам и тайным интригам, предлагал гостям окунуться в атмосферу праздника, где каждый мог стать кем угодно, скрыв свою истинную личность за таинственной маской.

Особо было отмечено, что на маскараде никто не узнает, кто есть кто, что давало возможность скрытно посетить столь пышное торжество, оставаясь незамеченным. Эми задумалась, не станет ли это для Анны шансом вырваться из своего тревожного плена, возможностью увидеть что-то новое, а может быть, и обрести ответы, которые она так долго искала.

Она тут же направилась прямиком в кабинет сестры.

— Анна, прибыло письмо из – распахнув дверь, Эми замолчала, не договорив.

В кабинете Анна была не одна. Склонившись над столом, Маркус что-то показывал ей, указывая пальцем на карту или свиток – Эми не могла распознать, но как только она зашла за порог, юноша резко свернул бумагу и удалился из кабинета.

— Эми, что-то случилось? Какое письмо прибыло? – Анна осторожно подошла к Эми, забрав у той свиток.

«Дражайшая госпожа Вассилевски, с великим удовольствием приглашаем вас на фестиваль красок и маскарада».

— Нет, точно не сейчас, – Анна сложила письмо пополам и кинула на журнальный столик перед диванчиком.

— Как же? Тебя пригласили, и пишут, что можно позвать с собой сопровождающего, – Эми поспешила подобрать письмо, – вот смотри, мы можем вместе слетать, никто нас не узнает! – она развернула письмо и с мольбой в глазах смотрела на сестру.

Эми подошла ближе и ужаснулась. Анна сидела за столом, её бледная кожа казалась почти прозрачной, а глубокие синяки под глазами говорили о бессонных ночах, растянувшихся на несколько суток. Воздух в комнате был густым и неподвижным.

Каждый вдох, казалось, давался ей с трудом, будто лёгкие сопротивлялись, наполняясь этим удушливым покоем. Анна протянула дрожащую руку к чашке с остывшим чаем, но пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности, так и не достигнув цели.

Слабость была всепоглощающей, вытягивающей последние силы.

— Так не пойдёт, ты выглядишь как живой труп, Анна, – Эми подошла к столику и взяла маленькое зеркало, направляя его на лицо Анны, – посмотри на себя, это ужасно, ты не щадишь себя! – Эми перешла на писк.

То, что она видела, было не просто усталостью – это было полное истощение, граничащее с увяданием. Последние несколько дней, проведённых в кабинете за работой, явно выбили из неё жизнь.

Сердце Эми сжалось от беспокойства. Где та Анна, которую она знала? Где её жизнерадостные глаза, её звонкий смех? Сейчас перед ней сидела лишь бледная тень, сломленная и измученная. Невозможно было поверить, что это её сестра, её кровинушка. Каждая черта на лице Анны, каждый взгляд, полный боли и усталости, вызывали у Эми приступ ужаса. Она не видела сестру несколько дней, и, видимо, Анна провела эти дни за бесконечной работой, забыв о базовых потребностях. Это состояние было не просто болезненным – оно было пугающим.

— Неужели твоя работа и этот приказ настолько важны для тебя? – Эми не могла выдержать молчание сестры.

— Не указывай мне, я в порядке, – Анна дотянулась до чая и сделала глоток, чуть морщась, – холодный

Анна и вправду забыла, что такое сон, и не могла понять, какой сегодня день. Реальность смазалась, превратившись в нескончаемый поток мыслей, кружащихся вокруг одного-единственного, всепоглощающего приказа.

Её разум, подобно искусному ювелиру, неустанно огранял и шлифовал план, стремясь к идеалу – осуществить всё задуманное так, чтобы не оставить ни единого следа, который мог бы вызвать подозрение у самой империи. Каждая следующая ночь лишь усиливала её погружение в этот лабиринт стратегий.

Внешний мир терял своё значение, уступая место внутренней игре, где каждая деталь была важна, каждый шаг просчитан. Она чувствовала, как эта работа отнимает у неё силы, но одновременно и питает, давая ощущение цели, смысла, которого так остро не хватало.

Приказ требовал тонкости, скрытности и абсолютной уверенности. Анна понимала, что любое неверное движение может привести к хаосу, которого она так стремилась избежать. Войны никто не хотел. Империя, мощная и обширная, не нуждалась в новых конфликтах. Её сила заключалась в стабильности, в её незыблемых законах и традициях.

Поэтому любая операция должна была пройти гладко, незаметно, словно тень, скользнувшая в ночи. Эти мысли превратились в её постоянных спутников, вытесняя всё остальное. Сон стал роскошью, которую она не могла себе позволить, да и не хотела.

Сейчас её целью было не отдохнуть, а добиться того, чтобы приказ был выполнен безупречно. Она чувствовала себя на грани, но эта грань была столь тонкой, что лишь придавала ей решимости.

— Эми, когда будет фестиваль? – Анна подняла глаза на сестру.

Она понимала: если всё продолжится в том же духе, от неё самой ничего не останется. Эта мысль, словно холодный душ, на мгновение вернула её к реальности. Образ собственной тени, бледной и изможднённой, заставил её вздрогнуть.

Что она делает с собой? Погружаясь с головой в заботы империи, она забывала о себе, о своём собственном существовании. Нужен был глоток свежего воздуха, и фестиваль казался идеальной возможностью.

Отвлечься, сменить обстановку, окунуться в атмосферу праздника и беззаботности — это было именно то, что ей сейчас нужно. Пребывание среди людей, шум и музыка могли бы стать настоящим спасением, лазейкой от всепоглощающих мыслей.

Она надеялась, что смена обстановки, яркие впечатления, что-то совершенно другое, отличное от её текущих размышлений, смогут подарить ей новые, свежие мысли. Возможно, именно в атмосфере праздника, вдали от строгости приказов и тяжести ответственности, придёт решение её сложной дилеммы.

Где-то там, среди смеха и танцев, среди мимолётных встреч и ярких красок, мог таиться ключ к разрешению ситуации, который ускользал от неё в тишине её кабинета.

— 20 мая, уже через 2 дня, — Эми с надеждой смотрела на тень своей сестры. Анна слегка провела рукой по лбу, стирая якобы невидимые капли пота.

— Значит, идем. Я отправлю письмо, что мы прибудем, так что подбери нам подходящие маски, — она смотрела на Эми, та улыбнулась.

— Конечно, самые красивые и удобные найду! — она выбежала из кабинета, оставив Анну в одиночестве.

«Да и правда, надо бы отдохнуть».

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь гулким эхом шагов Филиппа, удаляющихся по коридору. Каждый звук казался ей преувеличенно громким, словно природа осмысливала произошедшее вместе с ней. Её глаза, широко раскрытые, смотрели в никуда, а рот был чуть приоткрыт. Мысли роились в голове, переплетаясь в клубок неразрешимых противоречий.

Она должна убить Зульфию. Зульфию, которая носит ребенка.

Внутренний голос отчаянно кричал против этой мысли, но голос разума, закаленный годами службы, напротив, требовал исполнения. Исполнить приказ. Это было её предназначением. Её работой.

В мире, где существование таких, как она, определялось лишь способностью выполнять поставленные задачи, любое колебание было равносильно слабости, а слабость – смерти. Она должна была стать инструментом, безликим и эффективным.

Но как можно отнять жизнь у матери? Как уничтожить то, что только готовится появиться на свет? Перед её внутренним взором мелькали образы детей, теплая улыбка матери, нежное прикосновение.

Эти образы, столь далекие от её нынешней реальности, вызывали острую боль. Она подняла дрожащую руку, посмотрев на свои пальцы, будто не узнавая их. Именно эти руки должны были прервать чью-то жизнь.

Убить Зульфию. Убить нерожденное дитя. Холодный пот выступил на лбу.

Ответственность тяжелым грузом сдавила грудь, лишая возможности дышать. Ей предстояло принять решение, которое разделит её жизнь на «до» и «после». Решение, которое определит, кто она на самом деле: исполнитель чужой воли или человек, способный на сострадание.

— Анна, что с тобой? — Маркус вбежал в комнату, падая перед ней на колени.

— Ты можешь встать? Тебе плохо? — он был настолько испуган, что начал заикаться. Анна сидела, не слыша его, осознавая только свою никчемность, как и сказал Филипп, ведь она не может противиться его приказу, только исполнять. Маркус все суетился вокруг нее, пытаясь найти одежду или что-то подобное, чтобы Анна смогла одеться и прийти в себя.

— Госпожа, что с вами? — Руфи забежала в комнату.

Она села рядом с Анной, тряся её за плечи, но та уже была далеко в своих размышлениях.

Мысли её —бездонная дыра, с многочисленными рассуждениями и внутренними страданиями, ведь вся её суть — это сила и *ответственность*.

Но если эта сила становится бедой для людей — ответственность начинает давить на саму суть Анны, её мысли и её сознание. Обычные люди называют это ***совестью***, но у людей, чья сила невероятна, — ответственность бесконечна.

— Перестаньте, — Анна пришла в себя. Она отбросила одеяло в сторону, медленно вздохнула, принимая свою судьбу, и направилась к окну. Закурить.

— Ты сама не своя, что-то произошло? —Маркус подошел сзади, чуть прикасаясь к её плечу, боясь спугнуть.

Анна не дрогнула. Его рука коснулась, чуть сжимая, показывая свою близость с ней. Движения были аккуратными, медленными. Дыхание становилось все громче, словно сердце указывало на приближающуюся опасность. Но он всего лишь дотронулся до нее. А она не оттолкнула его

— Я в тупике, — она наклонилась и уткнулась в его руку своей щекой, закрыв глаза.

Маркус оцепенел от этой близости с Анной. Ранее он никогда не позволял себе подобных движений, даже малейшее прикосновение было для него проявлением неодолимой слабости, выдававшей его тайную, глубоко спрятанную *привязанность*. Он всегда держал дистанцию, воздвигая вокруг себя невидимые стены, чтобы никто, и прежде всего сама Анна, не догадались о бушующем в его груди океане чувств. Он был её верным другом, опорой, но всегда лишь другом. Но сейчас, когда Анна сидела на холодном полу своей комнаты, хрупкая, сломленная, с глазами, полными необузданного страха, все его предосторожности испарились, как дым. Его сердце забилось чаще, отражая её собственную боль. Он хотел обнять её, прижать к себе, стать её щитом от всего ужаса, который она переживала. Но страх быть отвергнутым, страх разрушить их хрупкое равновесие, страх, что она увидит его больше, чем друга, сковал его. Ему казалось, что любая попытка утешения будет неуместной, недостаточной. Все, на что он был способен, — дотронуться до нее, с опаской, но с желанием помочь. Он был готов пройти сквозь огонь, чтобы забрать её боль, спасти её от любого приказа, сделать любую грязную работу, если она говорила про этот *тупик*.

— О чем ты, Анна? — еле слышно он приблизился к её лицу, шепча на ухо. Взгляд. Она смотрит на него так близко, словно между ними нет никого. В комнате только он и она, близко, их отделяло парасантиметров. Пара сантиметров до его возможности

— Я в тупике, Маркус, и помочь мне никто не сможет, — она убрала его руку с плеча и закрыла окно.

Руфи, все время стоявшая в дверях, не говорила ни слова. Молчала, ждала вердикта или приказа своей госпожи, ведь её слова были ясны — она опять на *побегушках истеричного императора*.

— Госпожа, я жду приказа, — она склонилась в знак повиновения. Анна осознавала безысходность всей ситуации.

У нее не было выбора: либо она убивает Зульфию, либо Филипп заберет её жизнь в отместку. Эти две ужасные перспективы кружились в её голове, как хищные птицы, готовые растерзать её душу.

Она присела на диван, пытаясь успокоить дрожащие руки. Холодные пальцы легли на гладкое стекло графина, наполненного водой. Каждый глоток казался горьким, словно она пила яд.

Маркус стоял напротив, молча смотря на нее. Его присутствие было одновременно и поддержкой, и пыткой.

Он видел ее муки, но не мог вмешаться, не мог предложить решения, которое не стало бы еще одним тупиком. Его взгляд, полный беспокойства и нежности, только усиливал ее внутренний разлад.

Каковы ее дальнейшие действия? Она не понимала.

Убить Зульфию – это означало предать все, во что она верила, стать той, кем она никогда не хотела быть. Но если она не сделает этого, ее собственная жизнь оборвется, оборвется так же безжалостно и внезапно. Мысли метались, как птица в клетке. Каждый поворот приводил к новой стене. Она чувствовала себя загнанной в угол, без единого шанса на спасение.

— Сядьте, нужно обсудить, – Анна откинулась на спинку дивана, пряча дрожащие руки под мышки, — пока без приказов.

Маркус и Руфи сели на диван одновременно, их тела напряглись в предвкушении. Воздух в комнате казался густым, пропитанным невысказанным страхом.

Они слушали, затаив дыхание, что же Филипп приказал Анне. Каждый звук, каждый вздох казался увеличенным, усиливая гнетущую тишину. В глазах этих двух ребят отражался целый спектр эмоций: смятение, ужас, неверие.

Маркус сжимал кулаки, его лицо было бледным, а губы плотно сжаты. Руфи же, казалось, застыла, ее зрачки расширились, отражая весь тот кошмар, который разворачивался перед

ними. Они были молоды, но уже успели вкусить горечь судьбы, и теперь перед ними маячила еще одна, еще более страшная тень.

Анна же, напротив, уже говорила с неким безразличием, словно ее душа уже покинула тело, а на ее месте осталась лишь оболочка, выполняющая чужую волю. Она рассказала о приказе холодно, без тени эмоций, как будто говорила о погоде, а не о смертном приговоре. Казалось, она уже смирилась с неизбежным, приняла свою участь, и в ее взгляде читалось лишь бесконечное опустошение.

Когда она закончила, в комнате воцарилась мертвая тишина. Маркус медленно потер руки, словно пытаясь смыть с них невидимую грязь. Руфи, наконец, обрела способность двигаться. Она потянулась до графина и налила себе стакан воды, ее рука слегка дрожала.

— Так, значит, за ошибки детей будут отвечать родители? – Маркус с открытым отвращением выплюнул эти слова.

— Вероятно, да, – Анна понимала, *какая это глупость.*

— Спор, будто малолетки поругались, – Руфи наконец пришла в себя, ее рука слегка успокоилась.

— Но если так пойдет дело, ведь действительно нам придется организовать это *убийство*, не так ли, или ты думаешь иначе, Анна?

Она смотрела на Маркуса, тот слегка надеялся, что обойти этот приказ есть возможность, но ее нет, к великому сожалению.

— Для начала, мне нужно переодеться, а далее встретимся в моем кабинете, я пока обдумаю, – Анна выпроводила этих двух из спальни. Анна начала одеваться, ее движения были механическими, лишенными всякой грации.

Каждый предмет одежды, который она брала, казался чужим, как будто предназначался не ей. В голове роились мысли, хаотичные и противоречивые.

Что делать дальше? Этот вопрос эхом отдавался в опустевшем пространстве ее сознания.

«*Возможно, нужно и правда распланировать этот приказ*», — подумала она, но тут же споткнулась о следующую мысль: «*Но с чего начать?*».

Замок казался лабиринтом, полным ловушек и скрытых углов. «*Надо начать со всего*», — пришло ей решение, столь же пугающее, сколь и необходимое.

Она должна была понять всю сложность ситуации, всю глубину этой паутины, в которую она попала. Планировка замка, изучение его секретов, расположение комнат и солдат у дверей – все было важно в данный момент. Она посмотрела на свое отражение в зеркале.

Перед ней стояла незнакомка с потухшими глазами и застывшей маской на лице. Но под этой маской билось сердце, которое еще не сдалось. Она чувствовала, прежняя Анна не откликается на ее зов, та, что не боялась бросить вызов судьбе. Эта решимость, этот холодный расчет, что был раньше – испарился. Она не знала, что ее ждет, но знала одно: она не позволит страху парализовать ее.

Она будет бороться. За свою жизнь.

— Ну что, собрались с мыслями? – Анна зашла в кабинет, где уже сидел Маркус. Руфи не оказалось.

— Где она?

— Ее призвала старшая служанка, что-то с постельным, – Маркус сидел на диване, потирая ладони.

Она обошла стол и закурила у окна, рассматривая бойцов, что тренировались на площадке.

— Хорошо, я обдумала, что нам необходимо сделать.

— Мы его выполняем? Маркус подошел ближе к Анне, слегка присаживаясь на край стола.

— Ты нет, как и Руфи. Ваше дело – помочь мне в планировании, но не в участии. – Использовать их как подручные средства можно, но направлять исполнять приказ точно не в ее стиле.

— Ты же знаешь, как бы нибыло, я исполню любой твой приказ, – Маркус был настроен решительно.

Она подошла ближе, чуть расставив его ноги в стороны, проникая между ними.

— Я знаю, Маркус, но, – Анна наклонилась к нему, прикасаясь губами к уху, — не забывай наше с тобой положение, в особенности – свое.

Отойдя, ее взгляд совершенно не был тем, что этим утром. В этом взгляде была решимость, была хладнокровность и явное осознание происходящего, без прикрас.

— Приказ есть приказ, – он встал, отдаляясь. Анна дала понять: *она понимает его чувства*, но взаимности там нет. Есть долг службы, есть долг дружбы, но не более.

— Итак, какие твои приказания будут? – он стоял ровно по струнке, принимая приказ госпожи.

— Начнем с плана постройки их замка. Последующие действия были таковы, что необходимо найти план замка, понимая, какие есть пути для отхода при неудачном исходе.

Задача казалась титанической, ведь замок был не просто крепостью, а лабиринтом из камня, где каждая стена могла скрывать опасность или, наоборот, служить спасением. Маркус знал, что спешка здесь неуместна.

Хладнокровие и трезвый расчет – вот что было ему сейчас необходимо. Ему необходимо было отыскать человека, что был причастен к постройке или планировке стен и комнат этого замка. Такой индивид, если он еще жив, мог обладать бесценными знаниями о скрытых проходах, тайных комнатах и, самое главное, о слабостях оборонительных сооружений.

Поиск такого человека требовал осторожности и изворотливости, ведь не каждый мог довериться незнакомцу, особенно в таком подозрительном месте.

Необходимо найти комнату Зульфии, понять, где окно и выход, есть ли потайной ход. Это было не просто желание, а насущная необходимость.

Зная расположение ее покоев, Маркус мог бы спланировать как проникновение, так и, в случае необходимости, ее эвакуацию.

Особое внимание уделялось окнам и выходам — это были потенциальные точки входа и, что еще важнее, пути к спасению. А наличие потайного хода могло оказаться решающим фактором, позволяющим не дать сбежать жертве.

— Я постараюсь найти или архитектора, или тех, кто видел своими глазами план замка, – Маркус понял свое дело, осталось его выполнить.

— Отлично, тогда иди выполняй, – Анна кивнула и принялась искать документы родословной семьи Раху.

Итак, семья Раху предстала перед Анной в её мысленном взоре, расставленная по приоритетам опасности. Симона, глава семейства, излучал ауру уверенности и силы. Его описание как мужественного и довольно сильного мага не предвещало ничего хорошего. Анна знала, что при нападении именно он станет главной преградой. Его магические способности, усиленные боевым духом, требовали особого подхода. Анна решила, что главная её задача — его нейтрализация, возможно, путём изоляции или отвлечения.

Томиас, юный мальчуган, не представлял никакой угрозы. Его детская наивность и неопытность делали его абсолютно незначительным фактором в предстоящем плане. Он был не более чем фоновым шумом, который можно было легко проигнорировать.

Алисента, девушка, вечно пребывающая в грёзах, была ещё меньшим препятствием. Её отстранённость от реального мира гарантировала, что она не доставит непосредственно Анне никакого дискомфорта во время выполнения задания. Её можно было обойти стороной, не тратя на неё ни единого магического заряда.

Единственным, кто вызывал действительно серьёзное беспокойство, был Александр. Если описания его способностей оказались правдивыми, его огненная магия могла стать настоящим бедствием. Маг огня — это сила, способная сметать всё на своём пути, и его присутствие несло в себе потенциал полного провала. Анна была уверена, что именно Александр потребует максимального внимания и самой изощрённой тактики. Если, конечно, он будет в замке в момент нападения.

— Чем вы тут занимались? — в кабинет забежала Эмильда, – не хотите потренироваться?

Маркус с Анной резко остановились в своих разговорах. Эмильда не должна быть замешана никоим образом, тем более помочь она не в силах, а рисковать её жизнью Анна не позволит себе.

— С удовольствием, Эми, там уже народ собрался? – Анна, потирая руки вплоть до локтя, направилась к выходу, где стояла её сестра.

«*Ты понял свое задание, у тебя есть две недели.*»

«*Да, госпожа.*»

Они поняли друг друга. В это время на тренировочной площадке уже собрались новоиспеченные солдаты, только прибывшие с призыва.

И среди них оказался Лукас.

— О, вот это люди, ты чего тут забыл, солдат? — Анна поспешила встретить дорогого друга, тот в свою очередь перепрыгнул ограду площадки и пошел навстречу.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Анна, — Лукас глубоко поклонился.

— Не стоит, встань, – она подняла его за плечи, — ты привез их с южного набора? – Юноши, что стояли перед ней, были загорелые или совсем смуглые.

— Верно, как ты угадала? – он улыбался во все 32 зуба, не скрывая своего шаловливого настроения.

— Постыдись, – она ткнула его в плечо.

— Да ладно, извини, – его взгляд изменился, — подскажи лучше, что происходит? У нас в войсках шепчут, что Филипп последнее время сам не свой, неужели и его не обошло это? — Лукас затронул темную и страшную тему семьи Парга.

— И ты туда же? Неймется вам все с Маркусом, — Анна была недовольна таким вопросом.

Да, вероятность безумия Филиппа есть, но она старается отгонять подобные мысли из своей головы.

— Хорошо, не будем о подобном рассуждать, ведь почвы нет, верно? – Лукас вопросительно взглянул на госпожу.

Анна кивнула. Лишний раз доказывать адекватность императора ей не хотелось, особенно после утреннего приказа.

Верит ли она сама в это? Вопрос на засыпку.

— Госпожа, Вы столь юны, но столь устрашающе держите клинок, не хотите выйти со мной в спарринг?

Сзади к Эмильде подошел молодой юноша из нового южного состава, весьма сильный и очень приятный на вид.

— Да, конечно, с удовольствием, — Эми остановила назревающий внутри Лукаса командный тон, который остановил бы юношу.

Вместе под руку с ним она вошла на тренировочную площадку. Вокруг возвышалось крепкое деревянное ограждение, у которого с внешней стороны выстроилась внушительная толпа солдат.

Едва завидев даму, они разом подняли гвалт, подобный крику стаи чаек, но их шум был преждевременен и ошибочен.

Эмильда была одной из самых умелых воительниц Империи, и этот юноша, несмотря на свою ловкость, будет повержен ею в считанные минуты, особенно после изнурительных тренировок под руководством Маркуса.

Эмильда заняла позицию, выжидая первого движения противника. Юноша, с тонким мечом в руке, двинулся плавно и стремительно, его клинок, остро заточенный, сверкал в солнечном свете.

Каждый удар был точным и быстрым, но Эмильда, словно ураган, парировала их, неуклонно отступая, но не теряя ни сантиметра контроля. Затем, поймав момент, она перешла в контратаку. Три молниеносных движения, и юноша оказался обезоружен, его меч вылетел из пальцев, а сам он, застыв в элегантной стойке, поднял руки в знак капитуляции.

На его лице играла довольная улыбка, а толпа за оградой, пораженная увиденным, затихла, с изумлением глядя на искусную воительницу. Анна, наблюдавшая за поединком с небольшой трибуны, удовлетворенно кивнула.

Она видела, как юноша, несмотря на поражение, выглядел совершенно не сломленным.

— Хороший признак достойного солдата в будущем, – Анна кивнула на юношу, что стоял уже в полный рост на площадке.

Она знала, что будущий солдат, как и его противница, станет великим воином, если продолжит в том же духе. Эмильда подошла к поверженному противнику и протянула ему руку. Юноша с благодарностью принял её.

— Спасибо за урок, госпожа, –проговорил он, его голос звучал твердо и уверенно. – Я буду тренироваться еще упорнее, чтобы однажды превзойти вас.

Эмильда лишь улыбнулась в ответ:

— Продолжай в том же духе, и ты обязательно достигнешь своей цели, – сказала она. – Сегодня ты сражался достойно. Но помни, что истинная сила заключается не только в скорости и ловкости, но и в мудрости и стойкости духа. И лучше тренироваться так, чтобы превзойти нашего генерала, – она подмигнула Анне, едва показывая это солдатам.

Юноша, всё ещё в изящной позе, с поднятыми руками, засмеялся. Это был смех победителя, смех того, кто познал предел своих сил и не стыдился этого. Он знал, что проиграл. Но это поражение было для него лишь ступенью на пути к совершенству.

Солдатская толпа, ещё минуту назад ревевшая от предвкушения зрелища, смолкла, словно по команде. Лица, искаженные азартом и ожиданием, теперь выражали чистое изумление.

Эмильда, спокойно встав во весь рост, окинула взглядом остолбеневших солдат. Её дыхание было ровным, а взгляд – острым, словно клинок её меча. Она не произнесла ни слова, не сделала ни одного лишнего движения. Её присутствие само по себе было красноречивее любой речи. В каждом её жесте, в каждом взгляде сквозила сила, которую не могли заглушить ни говор толпы, ни грохот боя. Когда Эмильда повернулась и направилась к воротам, толпа расступилась, очищая ей путь. Никто не осмелился произнести ни звука. В их глазах, ещё недавно полных желания зрелища, теперь читалось уважение, смешанное с благоговением.

— Да, я не удивлена, – Анна подошла к сестре, чуть задев её плечом. – Всё ещё хочешь со мной сразиться?

— Рядом с этой толпой? Неееет, – Эми убрала клинок в ножны и отдала слуге.

— Ты молодец. Маркус обучает? – Лукас начал подходить к девушкам, как внезапно с верхней взлетной площадки взмыл дракон, оглушая всех присутствующих своим криком.

— Филипп улетел. Был приказ? – Анна поспешила к слугам, те стояли в полном непонимании происходящего.

— Император решил нас покинуть? – веселое настроение Лукаса не омрачилось даже от понимания, что Филипп один улетел в неизвестном направлении. А это император. Анна начала суетиться.

Император один улетел в неизвестном направлении на драконе. После утреннего приказа не решил ли он исполнить его самостоятельно?

Она шла в личные покои Филиппа, но дверь была закрыта. У входа стояли солдаты, их лица были непроницаемы. Анна попробовала выяснить, есть ли какие-либо распоряжения, касающиеся отбытия императора, или его предполагаемого маршрута.

Любой намек, любое уклончивое слово – всё могло бы успокоить её терзающуюся душу. Но стража была нема. Нигде не было ни подсказок, ни информации.

Он не сообщил, куда улетел. Её опасения, сначала робкие, теперь перерастали в настоящий страх. Страх его возможной ошибки, страх перед неизведанным, что могло таиться там, куда он направился. Что, если его решение, принятое столь импульсивно, было продиктовано не мудростью, а минутным порывом? И она ничем не может ему помочь или остановить, чтобы не произошло невозвратного.

— Не волнуйся так, возможно, он улетел проветриться, – Эми нашла её в коридоре возле открытого окна. – Всё не можешь бросить? – она указала на сигарету.

— Ты знаешь, что это. Не дави на меня! – Анна ответила сестре с открытой злостью, срываясь на неё из-за бессилия перед проблемами, которые её окружили. – Ты так спокойно рассуждаешь о его полете, не зная, *что* с ним творится и ***что*** он творит!

Слова, полные горечи и отчаяния, обрушились на несчастную сестру, будто лавина, сошедшая с горной вершины.

— Ты думаешь, мне легко?! – выкрикнула Анна, её голос дрожал от невыносимой боли. – Ты сидишь здесь, в безопасности, пока я одна вынуждена разгребать весь этот хаос! Ты даже не представляешь, через что мне приходится проходить!

Каждое слово было подобно удару, ранящему двоих.

Сестра, бледная и растерянная, не смела поднять глаз, принимая на себя гнев, который на самом деле был направлен на невидимых врагов, на обстоятельства, на судьбу, ставшую столь жестокой.

Анна чувствовала, как последние крохи самообладания ускользают, оставляя лишь пустоту, где раньше была надежда.

— Ты обвиняешь меня в моей слабости из-за этих сигарет, при любом удобном случае напоминаешь! Но ты не знаешь, какая сила требуется, чтобы просто вставать каждое утро и делать вид, что всё в порядке!

— Так почему ты мне ничего не рассказываешь?! Я ведь хочу помочь тебе, я не хочу, чтобы ты травила себя, чтобы ты страдала! Ведь я люблю тебя, ты для меня всё!

Эмильда не смогла сдержаться и в ответ начала кричать на Анну, обливаясь слезами обиды. Её хрупкие плечи сотрясались от рыданий, а голос, обычно тихий и мелодичный, теперь рвался от отчаяния и боли.

— Как ты можешь так со мной говорить?! – воскликнула она, с трудом выговаривая слова сквозь всхлипы. – Ты считаешь, что я не хочу помочь? Что мне безразличны твои проблемы?

Анна, в её глазах, строила вокруг себя стену, не пуская никого, даже самого близкого человека, в свой мир страданий.

— Я твоя сестра, Анна! Я здесь, рядом! Но ты не позволяешь мне даже протянуть руку помощи! Ты отталкиваешь меня, как будто я – причина твоих несчастий, а не тот, кто готов разделить твоё бремя!

Эмильда пыталась подойти ближе, но Анна, казалось, ещё больше ощетинилась, глядя на сестру с прежней злостью, теперь смешанной с болью.

— Я не могу выносить этого молчания, этой стены между нами! Неужели ты думаешь, что одна справишься со всем этим? Неужели ты думаешь, что твоё страдание – это твоя личная ноша, которую никто другой не должен нести?

Она не хотела быть обузой, она хотела быть опорой. И это невозможно было сделать: то, что казалось ей естественным – помочь сестре – ранило её глубже, чем любая другая беда, что могла её постичь.

Анна резко бросилась к Эмильде, её стремительное движение было полно раскаяния. Она обняла сестру крепко-крепко, уткнувшись лицом в её плечо, словно пытаясь спрятаться от всего мира, от своих необдуманных слов, от навалившихся проблем. В этом объятии, сотканном из боли и отчаяния, они обе находили слабое утешение.

— Ты права, – прошептала Анна. – Ты хочешь помочь, а я отталкиваю тебя. Я становлюсь слепой от этой ужасной неопределенности.

Анна, пропитанная чувством долга и предвидением грядущих опасностей, сознательно отстраняла свою молодую сестру Эми от хитросплетений дворцовой жизни. Интриги, плетущиеся в тёмных углах замка, да и постоянные тревоги, омрачающие существование Филиппа, казались Анне непосильной ношей для хрупкой души Эми.

Она же, в свою очередь, взяла на себя всю полноту ответственности, стремясь стать щитом и мечом для своей сестры, исправляя ошибки, разрешая конфликты и спасая всех от надвигающихся невзгод.

Но время неумолимо. Эми, словно росток, пробившийся сквозь камень, росла и менялась, обретая собственные мысли и желания. Её детская наивность уступала место юношеской пытливости, а взгляд наполнялся неясными мечтами.

Увы, Анна, поглощённая своими заботами и вечной тревогой, подобно тени, следовала за прошлым, не замечая, как перед ней стоит уже совсем другая девушка. В еёглазах Эми попрежнему оставалась той, кого нужно оберегать, а не той, кто способна разделить бремя мира. Это слепое, хотя и искреннее, стремление Анны контролировать всё и вся, спасать всех за всех, стало невидимым, но непреодолимым барьером между сёстрами.

Анна, пытаясь укрыть Эми от бурь, создала вокруг неё герметичный кокон, лишив сестру возможности закалиться в житейских битвах.

Стена, воздвигнутая Анной, скрывала Эми от бед, но одновременно и отдаляла её от настоящей жизни, от опыта, который делает человека сильнее. Так, в попытке спасти, Анна лишь изолировала, оставив Эми в тени, за стеной, где покой соседствовал с неопытностью, а безопасность – с полной неприспособленностью к реальному миру.

— Тогда нам следует дойти до кабинета, я хочу поделиться с тобой своими мыслями, – Анна посмотрела на Эми в надежде, что та откажется.

— Конечно, идём, – но вместо отказа Эми согласилась.

Улыбнувшись, она последовала за Анной в кабинет. Приглашать кого-то ещё, помимо них, желание не возникло. Итак, все, кто должен был быть в курсе происходящего, уже знали необходимую информацию.

— Мои опасения за Филиппа не пустой звук, – Анна наполнила стакан водой. – Его последние приказы, мягко говоря, удивляют меня, – она села напротив Эми.

— Ты не делишься со мной его приказами. Сейчас что-то совсем из ряда вон выходящее? – Эми довольно редко участвует в советах или обсуждениях каких-либо планов по отношению к работе Анны.

— его мысли меня пугают, его состояние разума — пугает, – Анна не хотела вдаваться в подробности, — потому я сейчас в очень непростом положении, да и следить за ним не охота, не маленький уже ведь

Эмильда насупилась, она понимала: Анна её запутывает и не хочет рассказывать всё, что творится у неё в душе и на работе.

— Я хочу помочь тебе, почему не хочешь поделиться своей проблемой? — Эми не выдержала: отношение к ней как к ребёнку, которого надо защищать, – её бесило.

— Поделиться? Я хочу поделиться, но я могу лишь рассказать, помощи я твоей не прошу, не стоит в подобное ввязываться *тебе*, – для Анны Эми была самым близким и самым дорогим.

И, к сожалению, ничем помочь она не сможет, даже если захочет.

— Хорошо, хотя бы расскажи, что заставляет тебя так часто переживать, – Эми указала на сигареты в руках у Анны. Анна поделилась с Эми тем приказом, что отдал Филипп, максимально сухо, давая ей понять, что это обычный рядовой приказ.

— Для тебя это обычное дело, не так ли? — Эми, однако, чувствовала, что за внешним спокойствием скрывается нечто большее, какое-то переживание сестры.

— Да. — Хорошо, но запомни: ты всегда можешь обратиться ко мне, я всегда тебя поддержу и помогу, чем смогу конечно, – Эми слегка улыбнулась.

Анна сидела напротив Эми, её лицо было спокойно, с неким безразличием, и не выражало никаких эмоций. Воздух в комнате казался густым, наполненным невысказанными словами и молчанием.

Солнечный свет, проникающий сквозь оконные жалюзи, рисовал на полу причудливые узоры, но они не могли развеять эту гнетущую атмосферу. Эми, почувствовав напряжение, медленно протянула руку и слегка коснулась сестры кончиками пальцев. Это было робкое, почти невесомое прикосновение, попытка пробиться сквозь стену отчуждения, которую Анна возвела между ними.

Момент замер, казалось, даже тиканье старых часов на стене замедлилось. Анна, словно почувствовав тепло сестринской руки, медленно, но уверенно, накрыла их своей. Её пальцы сомкнулись вокруг тонких запястий Эми, и в этом простом жесте было больше, чем в любых словах. Это было признание, мост, перекинутый через пропасть непонимания, обещание того, что, несмотря на всё грядущее, они всё ещё есть друг у друга.

— Конечно, я это помню, – Анна слегка улыбнулась.

Последующие дни Анна ходила словно в тумане, погруженная в свои мысли.

Реальность казалась призрачной, а настоящее сливалось с тревожным предчувствием грядущего. Мысли роились в её голове, словно стая испуганных птиц, рождая бесконечные варианты возможного исхода будущего нападения.

Она полностью отказалась от патрулей, предпочитая проводить всё своё свободное время за планированием. Это было больше, чем просто подготовка; это был ритуал, почти священнодействие, к которому Анна подошла с невероятной, почти фанатичной внимательностью.

Каждый шаг, каждая возможная угроза, каждая контратака – всё было просчитано до мельчайших деталей. Её разум был полем битвы, где она сражалась с возможным врагом, прорабатывая сценарии, которые несли в себе как опасность, так и спасение.

Эми, наблюдая за сестрой, чувствовала её внутреннюю борьбу, но не вмешивалась. Она видела, как Анна ушла в себя, как её глаза наполнились сталью и решимостью. Эми понимала, что сейчас не время для слов или утешений.

Она сама была погружена в свои тренировки, оттачивая навыки, необходимые для будущих сражений. Иногда она вылетала на патруль одна, без поддержки, осознавая, что постепенно из-за этого приказа она теряет связь с сестрой. Анна находилась в таком состоянии больше недели.

Из-за погружённости сестры в свои мысли и некоторой отстранённости все письма, адресованные лично ей, Руфи, как верный страж, передавала Эми. Та, в свою очередь, аккуратно складывала их, надеясь, что когда-нибудь сможет передать их сестре, когда Анна будет готова вернуться к ним.

В один из таких дней, когда солнечный луч игриво скользил по столу, украшенному аккуратной стопкой корреспонденции, Эми заметила среди обычных посланий особенное, отличающееся гербовой печатью с ярко выраженным небесно-голубым голубем.

Это было письмо от самого Императора Эллиоса. Сердце Эми забилось быстрее, когда она развернула плотный пергамент. В письме содержалось личное приглашение посетить знаменитый Фестиваль Красок и Маскарада, который проходил в столице раз в год.

Император, известный своей любовью к ярким зрелищам и тайным интригам, предлагал гостям окунуться в атмосферу праздника, где каждый мог стать кем угодно, скрыв свою истинную личность за таинственной маской.

Особо было отмечено, что на маскараде никто не узнает, кто есть кто, что давало возможность скрытно посетить столь пышное торжество, оставаясь незамеченным. Эми задумалась, не станет ли это для Анны шансом вырваться из своего тревожного плена, возможностью увидеть что-то новое, а может быть, и обрести ответы, которые она так долго искала.

Она тут же направилась прямиком в кабинет сестры.

— Анна, прибыло письмо из – распахнув дверь, Эми замолчала, не договорив.

В кабинете Анна была не одна. Склонившись над столом, Маркус что-то показывал ей, указывая пальцем на карту или свиток – Эми не могла распознать, но как только она зашла за порог, юноша резко свернул бумагу и удалился из кабинета.

— Эми, что-то случилось? Какое письмо прибыло? – Анна осторожно подошла к Эми, забрав у той свиток.

«*Дражайшая госпожа Вассилевски, с великим удовольствием приглашаем вас на фестиваль красок и маскарада*».

— Нет, точно не сейчас, – Анна сложила письмо пополам и кинула на журнальный столик перед диванчиком.

— Как же? Тебя пригласили, и пишут, что можно позвать с собой сопровождающего, – Эми поспешила подобрать письмо, – вот смотри, мы можем вместе слетать, никто нас не узнает! – она развернула письмо и с мольбой в глазах смотрела на сестру.

Эми подошла ближе и ужаснулась. Анна сидела за столом, её бледная кожа казалась почти прозрачной, а глубокие синяки под глазами говорили о бессонных ночах, растянувшихся на несколько суток. Воздух в комнате был густым и неподвижным.

Каждый вдох, казалось, давался ей с трудом, будто лёгкие сопротивлялись, наполняясь этим удушливым покоем. Анна протянула дрожащую руку к чашке с остывшим чаем, но пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности, так и не достигнув цели.

Слабость была всепоглощающей, вытягивающей последние силы.

— Так не пойдёт, ты выглядишь как живой труп, Анна, – Эми подошла к столику и взяла маленькое зеркало, направляя его на лицо Анны, – посмотри на себя, это ужасно, ты не щадишь себя! – Эми перешла на писк.

То, что она видела, было не просто усталостью – это было полное истощение, граничащее с увяданием. Последние несколько дней, проведённых в кабинете за работой, явно выбили из неё жизнь.

Сердце Эми сжалось от беспокойства. Где та Анна, которую она знала? Где её жизнерадостные глаза, её звонкий смех? Сейчас перед ней сидела лишь бледная тень, сломленная и измученная. Невозможно было поверить, что это её сестра, её кровинушка. Каждая черта на лице Анны, каждый взгляд, полный боли и усталости, вызывали у Эми приступ ужаса. Она не видела сестру несколько дней, и, видимо, Анна провела эти дни за бесконечной работой, забыв о базовых потребностях. Это состояние было не просто болезненным – оно было пугающим.

— Неужели твоя работа и этот приказ настолько важны для тебя? – Эми не могла выдержать молчание сестры.

— Не указывай мне, я в порядке, – Анна дотянулась до чая и сделала глоток, чуть морщась, – холодный

Анна и вправду забыла, что такое сон, и не могла понять, какой сегодня день. Реальность смазалась, превратившись в нескончаемый поток мыслей, кружащихся вокруг одного-единственного, всепоглощающего приказа.

Её разум, подобно искусному ювелиру, неустанно огранял и шлифовал план, стремясь к идеалу – осуществить всё задуманное так, чтобы не оставить ни единого следа, который мог бы вызвать подозрение у самой империи. Каждая следующая ночь лишь усиливала её погружение в этот лабиринт стратегий.

Внешний мир терял своё значение, уступая место внутренней игре, где каждая деталь была важна, каждый шаг просчитан. Она чувствовала, как эта работа отнимает у неё силы, но одновременно и питает, давая ощущение цели, смысла, которого так остро не хватало.

Приказ требовал тонкости, скрытности и абсолютной уверенности. Анна понимала, что любое неверное движение может привести к хаосу, которого она так стремилась избежать. Войны никто не хотел. Империя, мощная и обширная, не нуждалась в новых конфликтах. Её сила заключалась в стабильности, в её незыблемых законах и традициях.

Поэтому любая операция должна была пройти гладко, незаметно, словно тень, скользнувшая в ночи. Эти мысли превратились в её постоянных спутников, вытесняя всё остальное. Сон стал роскошью, которую она не могла себе позволить, да и не хотела.

Сейчас её целью было не отдохнуть, а добиться того, чтобы приказ был выполнен безупречно. Она чувствовала себя на грани, но эта грань была столь тонкой, что лишь придавала ей решимости.

— Эми, когда будет фестиваль? – Анна подняла глаза на сестру.

Она понимала: если всё продолжится в том же духе, от неё самой ничего не останется. Эта мысль, словно холодный душ, на мгновение вернула её к реальности. Образ собственной тени, бледной и изможднной, заставил её вздрогнуть.

Что она делает с собой? Погружаясь с головой в заботы империи, она забывала о себе, о своём собственном существовании. Нужен был глоток свежего воздуха, и фестиваль казался идеальной возможностью.

Отвлечься, сменить обстановку, окунуться в атмосферу праздника и беззаботности — это было именно то, что ей сейчас нужно. Пребывание среди людей, шум и музыка могли бы стать настоящим спасением, лазейкой от всепоглощающих мыслей.

Она надеялась, что смена обстановки, яркие впечатления, что-то совершенно другое, отличное от её текущих размышлений, смогут подарить ей новые, свежие мысли. Возможно, именно в атмосфере праздника, вдали от строгости приказов и тяжести ответственности, придёт решение её сложной дилеммы.

Где-то там, среди смеха и танцев, среди мимолётных встреч и ярких красок, мог таиться ключ к разрешению ситуации, который ускользал от неё в тишине её кабинета.

— 20 мая, уже через 2 дня, — Эми с надеждой смотрела на тень своей сестры. Анна слегка провела рукой по лбу, стирая якобы невидимые капли пота.

— Значит, идем. Я отправлю письмо, что мы прибудем, так что подбери нам подходящие маски, — она смотрела на Эми, та улыбнулась.

— Конечно, самые красивые и удобные найду! — она выбежала из кабинета, оставив Анну в одиночестве.

«Да и правда, надо бы отдохнуть».

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь гулким эхом шагов Филиппа, удаляющихся по коридору. Каждый звук казался ей преувеличенно громким, словно природа осмысливала произошедшее вместе с ней. Её глаза, широко раскрытые, смотрели в никуда, а рот был чуть приоткрыт. Мысли роились в голове, переплетаясь в клубок неразрешимых противоречий.

Она должна убить Зульфию. Зульфию, которая носит ребенка.

Внутренний голос отчаянно кричал против этой мысли, но голос разума, закаленный годами службы, напротив, требовал исполнения. Исполнить приказ. Это было её предназначением. Её работой.

В мире, где существование таких, как она, определялось лишь способностью выполнять поставленные задачи, любое колебание было равносильно слабости, а слабость – смерти. Она должна была стать инструментом, безликим и эффективным.

Но как можно отнять жизнь у матери? Как уничтожить то, что только готовится появиться на свет? Перед её внутренним взором мелькали образы детей, теплая улыбка матери, нежное прикосновение.

Эти образы, столь далекие от её нынешней реальности, вызывали острую боль. Она подняла дрожащую руку, посмотрев на свои пальцы, будто не узнавая их. Именно эти руки должны были прервать чью-то жизнь.

Убить Зульфию. Убить нерожденное дитя. Холодный пот выступил на лбу.

Ответственность тяжелым грузом сдавила грудь, лишая возможности дышать. Ей предстояло принять решение, которое разделит её жизнь на «до» и «после». Решение, которое определит, кто она на самом деле: исполнитель чужой воли или человек, способный на сострадание.

— Анна, что с тобой? — Маркус вбежал в комнату, падая перед ней на колени.

— Ты можешь встать? Тебе плохо? — он был настолько испуган, что начал заикаться. Анна сидела, не слыша его, осознавая только свою никчемность, как и сказал Филипп, ведь она не может противиться его приказу, только исполнять. Маркус все суетился вокруг нее, пытаясь найти одежду или что-то подобное, чтобы Анна смогла одеться и прийти в себя.

— Госпожа, что с вами? — Руфи забежала в комнату.

Она села рядом с Анной, тряся её за плечи, но та уже была далеко в своих размышлениях.

Мысли её —бездонная дыра, с многочисленными рассуждениями и внутренними страданиями, ведь вся её суть — это сила и *ответственность*.

Но если эта сила становится бедой для людей — ответственность начинает давить на саму суть Анны, её мысли и её сознание. Обычные люди называют это ***совестью***, но у людей, чья сила невероятна, — ответственность бесконечна.

— Перестаньте, — Анна пришла в себя. Она отбросила одеяло в сторону, медленно вздохнула, принимая свою судьбу, и направилась к окну. Закурить.

— Ты сама не своя, что-то произошло? —Маркус подошел сзади, чуть прикасаясь к её плечу, боясь спугнуть.

Анна не дрогнула. Его рука коснулась, чуть сжимая, показывая свою близость с ней. Движения были аккуратными, медленными. Дыхание становилось все громче, словно сердце указывало на приближающуюся опасность. Но он всего лишь дотронулся до нее. А она не оттолкнула его

— Я в тупике, — она наклонилась и уткнулась в его руку своей щекой, закрыв глаза.

Маркус оцепенел от этой близости с Анной. Ранее он никогда не позволял себе подобных движений, даже малейшее прикосновение было для него проявлением неодолимой слабости, выдававшей его тайную, глубоко спрятанную *привязанность*. Он всегда держал дистанцию, воздвигая вокруг себя невидимые стены, чтобы никто, и прежде всего сама Анна, не догадались о бушующем в его груди океане чувств. Он был её верным другом, опорой, но всегда лишь другом. Но сейчас, когда Анна сидела на холодном полу своей комнаты, хрупкая, сломленная, с глазами, полными необузданного страха, все его предосторожности испарились, как дым. Его сердце забилось чаще, отражая её собственную боль. Он хотел обнять её, прижать к себе, стать её щитом от всего ужаса, который она переживала. Но страх быть отвергнутым, страх разрушить их хрупкое равновесие, страх, что она увидит его больше, чем друга, сковал его. Ему казалось, что любая попытка утешения будет неуместной, недостаточной. Все, на что он был способен, — дотронуться до нее, с опаской, но с желанием помочь. Он был готов пройти сквозь

огонь, чтобы забрать её боль, спасти её от любого приказа, сделать любую грязную работу, если она говорила про этот *тупик*.

— О чем ты, Анна? — еле слышно он приблизился к её лицу, шепча на ухо. Взгляд. Она смотрит на него так близко, словно между ними нет никого. В комнате только он и она, близко, их отделяло парасантиметров. Пара сантиметров до его возможности

— Я в тупике, Маркус, и помочь мне никто не сможет, — она убрала его руку с плеча и закрыла окно.

Руфи, все время стоявшая в дверях, не говорила ни слова. Молчала, ждала вердикта или приказа своей госпожи, ведь её слова были ясны — она опять на *побегушках истеричного императора*.

— Госпожа, я жду приказа, — она склонилась в знак повиновения. Анна осознавала безысходность всей ситуации.

У нее не было выбора: либо она убивает Зульфию, либо Филипп заберет её жизнь в отместку. Эти две ужасные перспективы кружились в её голове, как хищные птицы, готовые растерзать её душу.

Она присела на диван, пытаясь успокоить дрожащие руки. Холодные пальцы легли на гладкое стекло графина, наполненного водой. Каждый глоток казался горьким, словно она пила яд.

Маркус стоял напротив, молча смотря на нее. Его присутствие было одновременно и поддержкой, и пыткой.

Он видел ее муки, но не мог вмешаться, не мог предложить решения, которое не стало бы еще одним тупиком. Его взгляд, полный беспокойства и нежности, только усиливал ее внутренний разлад.

Каковы ее дальнейшие действия? Она не понимала.

Убить Зульфию – это означало предать все, во что она верила, стать той, кем она никогда не хотела быть. Но если она не сделает этого, ее собственная жизнь оборвется, оборвется так же безжалостно и внезапно. Мысли метались, как птица в клетке. Каждый поворот приводил к новой стене. Она чувствовала себя загнанной в угол, без единого шанса на спасение.

— Сядьте, нужно обсудить, – Анна откинулась на спинку дивана, пряча дрожащие руки под мышки, — пока без приказов.

Маркус и Руфи сели на диван одновременно, их тела напряглись в предвкушении. Воздух в комнате казался густым, пропитанным невысказанным страхом.

Они слушали, затаив дыхание, что же Филипп приказал Анне. Каждый звук, каждый вздох казался увеличенным, усиливая гнетущую тишину. В глазах этих двух ребят отражался целый спектр эмоций: смятение, ужас, неверие.

Маркус сжимал кулаки, его лицо было бледным, а губы плотно сжаты. Руфи же, казалось, застыла, ее зрачки расширились, отражая весь тот кошмар, который разворачивался перед ними. Они были молоды, но уже успели вкусить горечь судьбы, и теперь перед ними маячила еще одна, еще более страшная тень.

Анна же, напротив, уже говорила с неким безразличием, словно ее душа уже покинула тело, а на ее месте осталась лишь оболочка, выполняющая чужую волю. Она рассказала о приказе холодно, без тени эмоций, как будто говорила о погоде, а не о смертном приговоре. Казалось, она уже смирилась с неизбежным, приняла свою участь, и в ее взгляде читалось лишь бесконечное опустошение.

Когда она закончила, в комнате воцарилась мертвая тишина. Маркус медленно потер руки, словно пытаясь смыть с них невидимую грязь. Руфи, наконец, обрела способность двигаться. Она потянулась до графина и налила себе стакан воды, ее рука слегка дрожала.

— Так, значит, за ошибки детей будут отвечать родители? – Маркус с открытым отвращением выплюнул эти слова.

— Вероятно, да, – Анна понимала, *какая это глупость.*

— Спор, будто малолетки поругались, – Руфи наконец пришла в себя, ее рука слегка успокоилась.

— Но если так пойдет дело, ведь действительно нам придется организовать это *убийство*, не так ли, или ты думаешь иначе, Анна?

Она смотрела на Маркуса, тот слегка надеялся, что обойти этот приказ есть возможность, но ее нет, к великому сожалению.

— Для начала, мне нужно переодеться, а далее встретимся в моем кабинете, я пока обдумаю, – Анна выпроводила этих двух из спальни. Анна начала одеваться, ее движения были механическими, лишенными всякой грации.

Каждый предмет одежды, который она брала, казался чужим, как будто предназначался не ей. В голове роились мысли, хаотичные и противоречивые.

Что делать дальше? Этот вопрос эхом отдавался в опустевшем пространстве ее сознания.

«*Возможно, нужно и правда распланировать этот приказ*», — подумала она, но тут же споткнулась о следующую мысль: «*Но с чего начать?*».

Замок казался лабиринтом, полным ловушек и скрытых углов. «*Надо начать со всего*», — пришло ей решение, столь же пугающее, сколь и необходимое.

Она должна была понять всю сложность ситуации, всю глубину этой паутины, в которую она попала. Планировка замка, изучение его секретов, расположение комнат и солдат у дверей – все было важно в данный момент. Она посмотрела на свое отражение в зеркале.

Перед ней стояла незнакомка с потухшими глазами и застывшей маской на лице. Но под этой маской билось сердце, которое еще не сдалось. Она чувствовала, прежняя Анна не откликается на ее зов, та, что не боялась бросить вызов судьбе. Эта решимость, этот холодный расчет, что был раньше – испарился. Она не знала, что ее ждет, но знала одно: она не позволит страху парализовать ее.

Она будет бороться. За свою жизнь.

— Ну что, собрались с мыслями? – Анна зашла в кабинет, где уже сидел Маркус. Руфи не оказалось.

— Где она?

— Ее призвала старшая служанка, что-то с постельным, – Маркус сидел на диване, потирая ладони.

Она обошла стол и закурила у окна, рассматривая бойцов, что тренировались на площадке.

— Хорошо, я обдумала, что нам необходимо сделать.

— Мы его выполняем? Маркус подошел ближе к Анне, слегка присаживаясь на край стола.

— Ты нет, как и Руфи. Ваше дело – помочь мне в планировании, но не в участии. – Использовать их как подручные средства можно, но направлять исполнять приказ точно не в ее стиле.

— Ты же знаешь, как бы нибыло, я исполню любой твой приказ, – Маркус был настроен решительно.

Она подошла ближе, чуть расставив его ноги в стороны, проникая между ними.

— Я знаю, Маркус, но, – Анна наклонилась к нему, прикасаясь губами к уху, — не забывай наше с тобой положение, в особенности – свое.

Отойдя, ее взгляд совершенно не был тем, что этим утром. В этом взгляде была решимость, была хладнокровность и явное осознание происходящего, без прикрас.

— Приказ есть приказ, – он встал, отдаляясь. Анна дала понять: *она понимает его чувства*, но взаимности там нет. Есть долг службы, есть долг дружбы, но не более.

— Итак, какие твои приказания будут? – он стоял ровно по струнке, принимая приказ госпожи.

— Начнем с плана постройки их замка. Последующие действия были таковы, что необходимо найти план замка, понимая, какие есть пути для отхода при неудачном исходе.

Задача казалась титанической, ведь замок был не просто крепостью, а лабиринтом из камня, где каждая стена могла скрывать опасность или, наоборот, служить спасением. Маркус знал, что спешка здесь неуместна.

Хладнокровие и трезвый расчет – вот что было ему сейчас необходимо. Ему необходимо было отыскать человека, что был причастен к постройке или планировке стен и комнат этого замка. Такой индивид, если он еще жив, мог обладать бесценными знаниями о скрытых проходах, тайных комнатах и, самое главное, о слабостях оборонительных сооружений.

Поиск такого человека требовал осторожности и изворотливости, ведь не каждый мог довериться незнакомцу, особенно в таком подозрительном месте.

Необходимо найти комнату Зульфии, понять, где окно и выход, есть ли потайной ход. Это было не просто желание, а насущная необходимость.

Зная расположение ее покоев, Маркус мог бы спланировать как проникновение, так и, в случае необходимости, ее эвакуацию.

Особое внимание уделялось окнам и выходам — это были потенциальные точки входа и, что еще важнее, пути к спасению. А наличие потайного хода могло оказаться решающим фактором, позволяющим не дать сбежать жертве.

— Я постараюсь найти или архитектора, или тех, кто видел своими глазами план замка, – Маркус понял свое дело, осталось его выполнить.

— Отлично, тогда иди выполняй, – Анна кивнула и принялась искать документы родословной семьи Раху.

Итак, семья Раху предстала перед Анной в её мысленном взоре, расставленная по приоритетам опасности. Симона, глава семейства, излучал ауру уверенности и силы. Его описание как мужественного и довольно сильного мага не предвещало ничего хорошего. Анна знала, что при нападении именно он станет главной преградой. Его магические способности, усиленные боевым духом, требовали особого подхода. Анна решила, что главная её задача — его нейтрализация, возможно, путём изоляции или отвлечения.

Томиас, юный мальчуган, не представлял никакой угрозы. Его детская наивность и неопытность делали его абсолютно незначительным фактором в предстоящем плане. Он был не более чем фоновым шумом, который можно было легко проигнорировать.

Алисента, девушка, вечно пребывающая в грёзах, была ещё меньшим препятствием. Её отстранённость от реального мира гарантировала, что она не доставит непосредственно Анне никакого дискомфорта во время выполнения задания. Её можно было обойти стороной, не тратя на неё ни единого магического заряда.

Единственным, кто вызывал действительно серьёзное беспокойство, был Александр. Если описания его способностей оказались правдивыми, его огненная магия могла стать настоящим бедствием. Маг огня — это сила, способная сметать всё на своём пути, и его присутствие несло в себе потенциал полного провала. Анна была уверена, что именно Александр потребует максимального внимания и самой изощрённой тактики. Если, конечно, он будет в замке в момент нападения.

— Чем вы тут занимались? — в кабинет забежала Эмильда, – не хотите потренироваться?

Маркус с Анной резко остановились в своих разговорах. Эмильда не должна быть замешана никоим образом, тем более помочь она не в силах, а рисковать её жизнью Анна не позволит себе.

— С удовольствием, Эми, там уже народ собрался? – Анна, потирая руки вплоть до локтя, направилась к выходу, где стояла её сестра.

«*Ты понял свое задание, у тебя есть две недели.*»

«*Да, госпожа.*»

Они поняли друг друга. В это время на тренировочной площадке уже собрались новоиспеченные солдаты, только прибывшие с призыва.

И среди них оказался Лукас.

— О, вот это люди, ты чего тут забыл, солдат? — Анна поспешила встретить дорогого друга, тот в свою очередь перепрыгнул ограду площадки и пошел навстречу.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Анна, — Лукас глубоко поклонился.

— Не стоит, встань, – она подняла его за плечи, — ты привез их с южного набора? – Юноши, что стояли перед ней, были загорелые или совсем смуглые.

— Верно, как ты угадала? – он улыбался во все 32 зуба, не скрывая своего шаловливого настроения.

— Постыдись, – она ткнула его в плечо.

— Да ладно, извини, – его взгляд изменился, — подскажи лучше, что происходит? У нас в войсках шепчут, что Филипп последнее время сам не свой, неужели и его не обошло это? — Лукас затронул темную и страшную тему семьи Парга.

— И ты туда же? Неймется вам все с Маркусом, — Анна была недовольна таким вопросом.

Да, вероятность безумия Филиппа есть, но она старается отгонять подобные мысли из своей головы.

— Хорошо, не будем о подобном рассуждать, ведь почвы нет, верно? – Лукас вопросительно взглянул на госпожу.

Анна кивнула. Лишний раз доказывать адекватность императора ей не хотелось, особенно после утреннего приказа.

Верит ли она сама в это? Вопрос на засыпку.

— Госпожа, Вы столь юны, но столь устрашающе держите клинок, не хотите выйти со мной в спарринг?

Сзади к Эмильде подошел молодой юноша из нового южного состава, весьма сильный и очень приятный на вид.

— Да, конечно, с удовольствием, — Эми остановила назревающий внутри Лукаса командный тон, который остановил бы юношу.

Вместе под руку с ним она вошла на тренировочную площадку. Вокруг возвышалось крепкое деревянное ограждение, у которого с внешней стороны выстроилась внушительная толпа солдат.

Едва завидев даму, они разом подняли гвалт, подобный крику стаи чаек, но их шум был преждевременен и ошибочен.

Эмильда была одной из самых умелых воительниц Империи, и этот юноша, несмотря на свою ловкость, будет повержен ею в считанные минуты, особенно после изнурительных тренировок под руководством Маркуса.

Эмильда заняла позицию, выжидая первого движения противника. Юноша, с тонким мечом в руке, двинулся плавно и стремительно, его клинок, остро заточенный, сверкал в солнечном свете.

Каждый удар был точным и быстрым, но Эмильда, словно ураган, парировала их, неуклонно отступая, но не теряя ни сантиметра контроля. Затем, поймав момент, она перешла в контратаку. Три молниеносных движения, и юноша оказался обезоружен, его меч вылетел из пальцев, а сам он, застыв в элегантной стойке, поднял руки в знак капитуляции.

На его лице играла довольная улыбка, а толпа за оградой, пораженная увиденным, затихла, с изумлением глядя на искусную воительницу. Анна, наблюдавшая за поединком с небольшой трибуны, удовлетворенно кивнула.

Она видела, как юноша, несмотря на поражение, выглядел совершенно не сломленным.

— Хороший признак достойного солдата в будущем, – Анна кивнула на юношу, что стоял уже в полный рост на площадке.

Она знала, что будущий солдат, как и его противница, станет великим воином, если продолжит в том же духе. Эмильда подошла к поверженному противнику и протянула ему руку. Юноша с благодарностью принял её.

— Спасибо за урок, госпожа, –проговорил он, его голос звучал твердо и уверенно. – Я буду тренироваться еще упорнее, чтобы однажды превзойти вас.

Эмильда лишь улыбнулась в ответ:

— Продолжай в том же духе, и ты обязательно достигнешь своей цели, – сказала она. – Сегодня ты сражался достойно. Но помни, что истинная сила заключается не только в скорости и ловкости, но и в мудрости и стойкости духа. И лучше тренироваться так, чтобы превзойти нашего генерала, – она подмигнула Анне, едва показывая это солдатам.

Юноша, всё ещё в изящной позе, с поднятыми руками, засмеялся. Это был смех победителя, смех того, кто познал предел своих сил и не стыдился этого. Он знал, что проиграл. Но это поражение было для него лишь ступенью на пути к совершенству.

Солдатская толпа, ещё минуту назад ревевшая от предвкушения зрелища, смолкла, словно по команде. Лица, искаженные азартом и ожиданием, теперь выражали чистое изумление.

Эмильда, спокойно встав во весь рост, окинула взглядом остолбеневших солдат. Её дыхание было ровным, а взгляд – острым, словно клинок её меча. Она не произнесла ни слова, не сделала ни одного лишнего движения. Её присутствие само по себе было красноречивее любой речи. В каждом её жесте, в каждом взгляде сквозила сила, которую не могли заглушить ни говор толпы, ни грохот боя. Когда Эмильда повернулась и направилась к воротам, толпа расступилась, очищая ей путь. Никто не осмелился произнести ни звука. В их глазах, ещё недавно полных желания зрелища, теперь читалось уважение, смешанное с благоговением.

— Да, я не удивлена, – Анна подошла к сестре, чуть задев её плечом. – Всё ещё хочешь со мной сразиться?

— Рядом с этой толпой? Неееет, – Эми убрала клинок в ножны и отдала слуге.

— Ты молодец. Маркус обучает? – Лукас начал подходить к девушкам, как внезапно с верхней взлетной площадки взмыл дракон, оглушая всех присутствующих своим криком.

— Филипп улетел. Был приказ? – Анна поспешила к слугам, те стояли в полном непонимании происходящего.

— Император решил нас покинуть? – веселое настроение Лукаса не омрачилось даже от понимания, что Филипп один улетел в неизвестном направлении. А это император. Анна начала суетиться.

Император один улетел в неизвестном направлении на драконе. После утреннего приказа не решил ли он исполнить его самостоятельно?

Она шла в личные покои Филиппа, но дверь была закрыта. У входа стояли солдаты, их лица были непроницаемы. Анна попробовала выяснить, есть ли какие-либо распоряжения, касающиеся отбытия императора, или его предполагаемого маршрута.

Любой намек, любое уклончивое слово – всё могло бы успокоить её терзающуюся душу. Но стража была нема. Нигде не было ни подсказок, ни информации.

Он не сообщил, куда улетел. Её опасения, сначала робкие, теперь перерастали в настоящий страх. Страх его возможной ошибки, страх перед неизведанным, что могло таиться там, куда он направился. Что, если его решение, принятое столь импульсивно, было продиктовано не мудростью, а минутным порывом? И она ничем не может ему помочь или остановить, чтобы не произошло невозвратного.

— Не волнуйся так, возможно, он улетел проветриться, – Эми нашла её в коридоре возле открытого окна. – Всё не можешь бросить? – она указала на сигарету.

— Ты знаешь, что это. Не дави на меня! – Анна ответила сестре с открытой злостью, срываясь на неё из-за бессилия перед проблемами, которые её окружили. – Ты так спокойно рассуждаешь о его полете, не зная, *что* с ним творится и ***что*** он творит!

Слова, полные горечи и отчаяния, обрушились на несчастную сестру, будто лавина, сошедшая с горной вершины.

— Ты думаешь, мне легко?! – выкрикнула Анна, её голос дрожал от невыносимой боли. – Ты сидишь здесь, в безопасности, пока я одна вынуждена разгребать весь этот хаос! Ты даже не представляешь, через что мне приходится проходить!

Каждое слово было подобно удару, ранящему двоих.

Сестра, бледная и растерянная, не смела поднять глаз, принимая на себя гнев, который на самом деле был направлен на невидимых врагов, на обстоятельства, на судьбу, ставшую столь жестокой.

Анна чувствовала, как последние крохи самообладания ускользают, оставляя лишь пустоту, где раньше была надежда.

— Ты обвиняешь меня в моей слабости из-за этих сигарет, при любом удобном случае напоминаешь! Но ты не знаешь, какая сила требуется, чтобы просто вставать каждое утро и делать вид, что всё в порядке!

— Так почему ты мне ничего не рассказываешь?! Я ведь хочу помочь тебе, я не хочу, чтобы ты травила себя, чтобы ты страдала! Ведь я люблю тебя, ты для меня всё!

Эмильда не смогла сдержаться и в ответ начала кричать на Анну, обливаясь слезами обиды. Её хрупкие плечи сотрясались от рыданий, а голос, обычно тихий и мелодичный, теперь рвался от отчаяния и боли.

— Как ты можешь так со мной говорить?! – воскликнула она, с трудом выговаривая слова сквозь всхлипы. – Ты считаешь, что я не хочу помочь? Что мне безразличны твои проблемы?

Анна, в её глазах, строила вокруг себя стену, не пуская никого, даже самого близкого человека, в свой мир страданий.

— Я твоя сестра, Анна! Я здесь, рядом! Но ты не позволяешь мне даже протянуть руку помощи! Ты отталкиваешь меня, как будто я – причина твоих несчастий, а не тот, кто готов разделить твоё бремя!

Эмильда пыталась подойти ближе, но Анна, казалось, ещё больше ощетинилась, глядя на сестру с прежней злостью, теперь смешанной с болью.

— Я не могу выносить этого молчания, этой стены между нами! Неужели ты думаешь, что одна справишься со всем этим? Неужели ты думаешь, что твоё страдание – это твоя личная ноша, которую никто другой не должен нести?

Она не хотела быть обузой, она хотела быть опорой. И это невозможно было сделать: то, что казалось ей естественным – помочь сестре – ранило её глубже, чем любая другая беда, что могла её постичь.

Анна резко бросилась к Эмильде, её стремительное движение было полно раскаяния. Она обняла сестру крепко-крепко, уткнувшись лицом в её плечо, словно пытаясь спрятаться от всего мира, от своих необдуманных слов, от навалившихся проблем. В этом объятии, сотканном из боли и отчаяния, они обе находили слабое утешение.

— Ты права, – прошептала Анна. – Ты хочешь помочь, а я отталкиваю тебя. Я становлюсь слепой от этой ужасной неопределенности.

Анна, пропитанная чувством долга и предвидением грядущих опасностей, сознательно отстраняла свою молодую сестру Эми от хитросплетений дворцовой жизни. Интриги, плетущиеся в тёмных углах замка, да и постоянные тревоги, омрачающие существование Филиппа, казались Анне непосильной ношей для хрупкой души Эми.

Она же, в свою очередь, взяла на себя всю полноту ответственности, стремясь стать щитом и мечом для своей сестры, исправляя ошибки, разрешая конфликты и спасая всех от надвигающихся невзгод.

Но время неумолимо. Эми, словно росток, пробившийся сквозь камень, росла и менялась, обретая собственные мысли и желания. Её детская наивность уступала место юношеской пытливости, а взгляд наполнялся неясными мечтами.

Увы, Анна, поглощённая своими заботами и вечной тревогой, подобно тени, следовала за прошлым, не замечая, как перед ней стоит уже совсем другая девушка. В еёглазах Эми по-прежнему оставалась той, кого нужно оберегать, а не той, кто способна разделить бремя мира. Это слепое, хотя и искреннее, стремление Анны контролировать всё и вся, спасать всех за всех, стало невидимым, но непреодолимым барьером между сёстрами.

Анна, пытаясь укрыть Эми от бурь, создала вокруг неё герметичный кокон, лишив сестру возможности закалиться в житейских битвах.

Стена, воздвигнутая Анной, скрывала Эми от бед, но одновременно и отдаляла её от настоящей жизни, от опыта, который делает человека сильнее. Так, в попытке спасти, Анна лишь изолировала, оставив Эми в тени, за стеной, где покой соседствовал с неопытностью, а безопасность – с полной неприспособленностью к реальному миру.

— Тогда нам следует дойти до кабинета, я хочу поделиться с тобой своими мыслями, – Анна посмотрела на Эми в надежде, что та откажется.

— Конечно, идём, – но вместо отказа Эми согласилась.

Улыбнувшись, она последовала за Анной в кабинет. Приглашать кого-то ещё, помимо них, желание не возникло. Итак, все, кто должен был быть в курсе происходящего, уже знали необходимую информацию.

— Мои опасения за Филиппа не пустой звук, – Анна наполнила стакан водой. – Его последние приказы, мягко говоря, удивляют меня, – она села напротив Эми.

— Ты не делишься со мной его приказами. Сейчас что-то совсем из ряда вон выходящее? – Эми довольно редко участвует в советах или обсуждениях каких-либо планов по отношению к работе Анны.

— его мысли меня пугают, его состояние разума — пугает, – Анна не хотела вдаваться в подробности, — потому я сейчас в очень непростом положении, да и следить за ним не охота, не маленький уже ведь

Эмильда насупилась, она понимала: Анна её запутывает и не хочет рассказывать всё, что творится у неё в душе и на работе.

— Я хочу помочь тебе, почему не хочешь поделиться своей проблемой? — Эми не выдержала: отношение к ней как к ребёнку, которого надо защищать, – её бесило.

— Поделиться? Я хочу поделиться, но я могу лишь рассказать, помощи я твоей не прошу, не стоит в подобное ввязываться *тебе*, – для Анны Эми была самым близким и самым дорогим.

И, к сожалению, ничем помочь она не сможет, даже если захочет.

— Хорошо, хотя бы расскажи, что заставляет тебя так часто переживать, – Эми указала на сигареты в руках у Анны. Анна поделилась с Эми тем приказом, что отдал Филипп, максимально сухо, давая ей понять, что это обычный рядовой приказ.

— Для тебя это обычное дело, не так ли? — Эми, однако, чувствовала, что за внешним спокойствием скрывается нечто большее, какое-то переживание сестры.

— Да. — Хорошо, но запомни: ты всегда можешь обратиться ко мне, я всегда тебя поддержу и помогу, чем смогу конечно, – Эми слегка улыбнулась.

Анна сидела напротив Эми, её лицо было спокойно, с неким безразличием, и не выражало никаких эмоций. Воздух в комнате казался густым, наполненным невысказанными словами и молчанием.

Солнечный свет, проникающий сквозь оконные жалюзи, рисовал на полу причудливые узоры, но они не могли развеять эту гнетущую атмосферу. Эми, почувствовав напряжение, медленно протянула руку и слегка коснулась сестры кончиками пальцев. Это было робкое, почти невесомое прикосновение, попытка пробиться сквозь стену отчуждения, которую Анна возвела между ними.

Момент замер, казалось, даже тиканье старых часов на стене замедлилось. Анна, словно почувствовав тепло сестринской руки, медленно, но уверенно, накрыла их своей. Её пальцы сомкнулись вокруг тонких запястий Эми, и в этом простом жесте было больше, чем в любых словах. Это было признание, мост, перекинутый через пропасть непонимания, обещание того, что, несмотря на всё грядущее, они всё ещё есть друг у друга.

— Конечно, я это помню, – Анна слегка улыбнулась.

Последующие дни Анна ходила словно в тумане, погруженная в свои мысли.

Реальность казалась призрачной, а настоящее сливалось с тревожным предчувствием грядущего. Мысли роились в её голове, словно стая испуганных птиц, рождая бесконечные варианты возможного исхода будущего нападения.

Она полностью отказалась от патрулей, предпочитая проводить всё своё свободное время за планированием. Это было больше, чем просто подготовка; это был ритуал, почти священнодействие, к которому Анна подошла с невероятной, почти фанатичной внимательностью.

Каждый шаг, каждая возможная угроза, каждая контратака – всё было просчитано до мельчайших деталей. Её разум был полем битвы, где она сражалась с возможным врагом, прорабатывая сценарии, которые несли в себе как опасность, так и спасение.

Эми, наблюдая за сестрой, чувствовала её внутреннюю борьбу, но не вмешивалась. Она видела, как Анна ушла в себя, как её глаза наполнились сталью и решимостью. Эми понимала, что сейчас не время для слов или утешений.

Она сама была погружена в свои тренировки, оттачивая навыки, необходимые для будущих сражений. Иногда она вылетала на патруль одна, без поддержки, осознавая, что постепенно из-за этого приказа она теряет связь с сестрой. Анна находилась в таком состоянии больше недели.

Из-за погружённости сестры в свои мысли и некоторой отстранённости все письма, адресованные лично ей, Руфи, как верный страж, передавала Эми. Та, в свою очередь, аккуратно складывала их, надеясь, что когда-нибудь сможет передать их сестре, когда Анна будет готова вернуться к ним.

В один из таких дней, когда солнечный луч игриво скользил по столу, украшенному аккуратной стопкой корреспонденции, Эми заметила среди обычных посланий особенное, отличающееся гербовой печатью с ярко выраженным небесно-голубым голубем.

Это было письмо от самого Императора Эллиоса. Сердце Эми забилось быстрее, когда она развернула плотный пергамент. В письме содержалось личное приглашение посетить знаменитый Фестиваль Красок и Маскарада, который проходил в столице раз в год.

Император, известный своей любовью к ярким зрелищам и тайным интригам, предлагал гостям окунуться в атмосферу праздника, где каждый мог стать кем угодно, скрыв свою истинную личность за таинственной маской.

Особо было отмечено, что на маскараде никто не узнает, кто есть кто, что давало возможность скрытно посетить столь пышное торжество, оставаясь незамеченным. Эми задумалась, не станет ли это для Анны шансом вырваться из своего тревожного плена, возможностью увидеть что-то новое, а может быть, и обрести ответы, которые она так долго искала.

Она тут же направилась прямиком в кабинет сестры.

— Анна, прибыло письмо из – распахнув дверь, Эми замолчала, не договорив.

В кабинете Анна была не одна. Склонившись над столом, Маркус что-то показывал ей, указывая пальцем на карту или свиток – Эми не могла распознать, но как только она зашла за порог, юноша резко свернул бумагу и удалился из кабинета.

— Эми, что-то случилось? Какое письмо прибыло? – Анна осторожно подошла к Эми, забрав у той свиток.

«*Дражайшая госпожа Вассилевски, с великим удовольствием приглашаем вас на фестиваль красок и маскарада*».

— Нет, точно не сейчас, – Анна сложила письмо пополам и кинула на журнальный столик перед диванчиком.

— Как же? Тебя пригласили, и пишут, что можно позвать с собой сопровождающего, – Эми поспешила подобрать письмо, – вот смотри, мы можем вместе слетать, никто нас не узнает! – она развернула письмо и с мольбой в глазах смотрела на сестру.

Эми подошла ближе и ужаснулась. Анна сидела за столом, её бледная кожа казалась почти прозрачной, а глубокие синяки под глазами говорили о бессонных ночах, растянувшихся на несколько суток. Воздух в комнате был густым и неподвижным.

Каждый вдох, казалось, давался ей с трудом, будто лёгкие сопротивлялись, наполняясь этим удушливым покоем. Анна протянула дрожащую руку к чашке с остывшим чаем, но пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности, так и не достигнув цели.

Слабость была всепоглощающей, вытягивающей последние силы.

— Так не пойдёт, ты выглядишь как живой труп, Анна, – Эми подошла к столику и взяла маленькое зеркало, направляя его на лицо Анны, – посмотри на себя, это ужасно, ты не щадишь себя! – Эми перешла на писк.

То, что она видела, было не просто усталостью – это было полное истощение, граничащее с увяданием. Последние несколько дней, проведённых в кабинете за работой, явно выбили из неё жизнь.

Сердце Эми сжалось от беспокойства. Где та Анна, которую она знала? Где её жизнерадостные глаза, её звонкий смех? Сейчас перед ней сидела лишь бледная тень, сломленная и измученная. Невозможно было поверить, что это её сестра, её кровинушка. Каждая черта на лице Анны, каждый взгляд, полный боли и усталости, вызывали у Эми приступ ужаса. Она не видела сестру несколько дней, и, видимо, Анна провела эти дни за бесконечной работой, забыв о базовых потребностях. Это состояние было не просто болезненным – оно было пугающим.

— Неужели твоя работа и этот приказ настолько важны для тебя? – Эми не могла выдержать молчание сестры.

— Не указывай мне, я в порядке, – Анна дотянулась до чая и сделала глоток, чуть морщась, – холодный

Анна и вправду забыла, что такое сон, и не могла понять, какой сегодня день. Реальность смазалась, превратившись в нескончаемый поток мыслей, кружащихся вокруг одного-единственного, всепоглощающего приказа.

Её разум, подобно искусному ювелиру, неустанно огранял и шлифовал план, стремясь к идеалу – осуществить всё задуманное так, чтобы не оставить ни единого следа, который мог бы вызвать подозрение у самой империи. Каждая следующая ночь лишь усиливала её погружение в этот лабиринт стратегий.

Внешний мир терял своё значение, уступая место внутренней игре, где каждая деталь была важна, каждый шаг просчитан. Она чувствовала, как эта работа отнимает у неё силы, но одновременно и питает, давая ощущение цели, смысла, которого так остро не хватало.

Приказ требовал тонкости, скрытности и абсолютной уверенности. Анна понимала, что любое неверное движение может привести к хаосу, которого она так стремилась избежать. Войны никто не хотел. Империя, мощная и обширная, не нуждалась в новых конфликтах. Её сила заключалась в стабильности, в её незыблемых законах и традициях.

Поэтому любая операция должна была пройти гладко, незаметно, словно тень, скользнувшая в ночи. Эти мысли превратились в её постоянных спутников, вытесняя всё остальное. Сон стал роскошью, которую она не могла себе позволить, да и не хотела.

Сейчас её целью было не отдохнуть, а добиться того, чтобы приказ был выполнен безупречно. Она чувствовала себя на грани, но эта грань была столь тонкой, что лишь придавала ей решимости.

— Эми, когда будет фестиваль? – Анна подняла глаза на сестру.

Она понимала: если всё продолжится в том же духе, от неё самой ничего не останется. Эта мысль, словно холодный душ, на мгновение вернула её к реальности. Образ собственной тени, бледной и изможднной, заставил её вздрогнуть.

Что она делает с собой? Погружаясь с головой в заботы империи, она забывала о себе, о своём собственном существовании. Нужен был глоток свежего воздуха, и фестиваль казался идеальной возможностью.

Отвлечься, сменить обстановку, окунуться в атмосферу праздника и беззаботности — это было именно то, что ей сейчас нужно. Пребывание среди людей, шум и музыка могли бы стать настоящим спасением, лазейкой от всепоглощающих мыслей.

Она надеялась, что смена обстановки, яркие впечатления, что-то совершенно другое, отличное от её текущих размышлений, смогут подарить ей новые, свежие мысли. Возможно, именно в атмосфере праздника, вдали от строгости приказов и тяжести ответственности, придёт решение её сложной дилеммы.

Где-то там, среди смеха и танцев, среди мимолётных встреч и ярких красок, мог таиться ключ к разрешению ситуации, который ускользал от неё в тишине её кабинета.

— 20 мая, уже через 2 дня, — Эми с надеждой смотрела на тень своей сестры. Анна слегка провела рукой по лбу, стирая якобы невидимые капли пота.

— Значит, идем. Я отправлю письмо, что мы прибудем, так что подбери нам подходящие маски, — она смотрела на Эми, та улыбнулась.

— Конечно, самые красивые и удобные найду! — она выбежала из кабинета, оставив Анну в одиночестве.

«Да и правда, надо бы отдохнуть».

Глава 5. Дыхание свободы

Утро встретило Анну щедрым солнечным светом, ласково проникающим сквозь шторы и пробуждающим её от долгого, желанного сна.

Наконец-то она выспалась.

Чувство лёгкости и восстановления наполняло каждую клеточку её тела, даря заряд бодрости и небывалой энергии. Казалось, прошлая бессонница и тяжелые мысли остались где-то далеко позади, как дурной сон, рассеявшийся с первыми лучами солнца. Быстро собравшись, Анна почувствовала непреодолимое желание вывести эту новую энергию наружу.

Идеальным способом для этого стала утренняя пробежка. Надев спортивную одежду, она вышла на улицу, наслаждаясь свежим, прохладным воздухом. Её путь лежал через тренировочные площадки, где уже раздавались первые звуки утренних тренировок, затем мимо живописных садов, утопающих в зелени, и, наконец, к прачкам, занятым своим нелёгким трудом во внутреннем дворе; их мерное покачивание и плеск воды создавали умиротворяющий фон. Именно там, среди этой будничной суеты, Анна встретила свою сестру.

Радостное возбуждение освещало лицо Эми, когда она показала Анне выбранные маски для предстоящего маскарада. Это были великолепные парные маски: одна – оттенка тёплого светло-коричневого дерева, другая – изящная, светло-серая, украшенная тончайшими вставками из золота и серебра. Сестра протягивала ей одну из масок, сверкающую в утренних лучах.

Анна взяла эту маску. Тяжёлая, словно вырезанная из цельного куска тёмного дерева, она казалась произведением искусства. Резные узоры, напоминающие переплетающиеся ветви, добавляли ей таинственности.

— А эта тогда для меня, – решила Эми, указывая на более лёгкую серую маску, мерцающую золотыми и серебряными нитями. Анна редко бывает на подобных фестивалях.

Наряды решили выбрать похожие, без ярких акцентов, чтобы не привлекать внимание. Костюмы, без явных юбок и платьев, подходящие для полёта.

— Нам лететь уже завтра утром. Ты готова? — Эми боялась, что сестра передумает и не полетит.

— Конечно, – Анна слегка приобняла сестру за талию. — Не бойся, не передумаю. Меня и правда засосало это дело, я слишком сильно увлеклась, надо отдохнуть. — Она выглядела иначе, чуть бодрее, чем в последние недели.

— Я рада, – Эми сильно прижала к себе Анну, будто прощаясь.

— Задушишь, – они засмеялись.

Так давно они не смеялись вместе.

Утром следующего дня им приготовили драконов. Огромные, чешуйчатые существа уже ждали их, нервно переступая когтистыми лапами по каменному плацу. Воздух был наполнен их низким, утробным рыком, предвещающим скорое путешествие.

Девушки, которые ещё вчера были облачены в изысканные одежды, теперь носили удобные, прочные костюмы, сшитые из тёмной плотной ткани.

Она не стесняла движений и была идеально приспособлена для полёта. В сумках, перекинутых через плечо, лежали маски, призванные скрыть их лица от любопытных глаз на фестивале. Каждая заняла своё место за спиной наездника. Взмывая в небо, они почувствовали, как ветер свистит в ушах, а мир внизу стремительно уменьшается.

Под ними проносились скалы, покрытые ковром вековых сосен, а затем показалось глубокое, извилистое ущелье, пересекающее острые пики гор.

Солнце, поднявшись выше, заливало всё вокруг золотистым светом, делая полёт ещё более захватывающим.

Через несколько часов полёта, сквозь разреженный воздух, показался долгожданный город.

Это была Грандия, величественная крепость, выросшая из скалы. Приземлившись на широкой террасе, девушки почувствовали под ногами твердую землю после долгих часов полета. Город шумел, наполненный звуками жизни, а над ним возвышались шпили дворцов и башни стражи, охраняющие его покой. Вся центральная площадь была украшена к фестивалю маскарада и красок. Воздух наполнился ароматами специй и жареного мяса, доносившимися из многочисленных ларьков с едой. Разноцветные гирлянды переливались на солнце, а между толпами зевак сновали шуты и клоуны; их яркие костюмы и забавные выходки мгновенно привлекали внимание детей, вызывая у них неудержимый смех. Веселая, задорная музыка лилась отовсюду, подгоняя народ собираться ближе к импровизированной сцене, где выступали музыканты.

Люди, составлявшие основную массу собравшихся, были одеты как обычные горожане: простая одежда, удобные штаны и рубахи, платья и юбки. Но среди этой обычной толпы уже чувствовалось предвкушение грядущего праздника. Некоторые, желая начать игру раньше остальных, уже носили маски, скрывая свою личность. Они сияли всеми цветами радуги, украшенные перьями, блестками и замысловатыми узорами, придавая своим владельцам загадочный и интригующий вид.

По мере того как солнце начинало клониться к закату, площадь становилась все более оживленной. Клоуны теперь жонглировали огненными факелами, а шутов сменяли танцоры в экстравагантных костюмах. Музыка становилась громче, ритмичнее, побуждая даже самых скромных присоединиться к общему веселью. На лицах людей, у кого еще не было оно скрыто масками, читалась радость предвкушения, предвкушения ночи, которая обещала быть полной тайн, превращений и ярких впечатлений.

Весь день девушки провели, растворившись в атмосфере праздника. Они методично обходили один ларек за другим, прислушиваясь к мелодиям, льющимся со сцены. В этот день звучали самые разные мотивы: от зажигательных плясовых, заставляющих притопывать ногой, до нежных, лирических баллад, вызывавших легкую меланхолию. Их смех, чистый и звонкий, разносился над шумной площадью, отражаясь от стен домов, словно маленький колокольчик, возвещающий о безмятежности и счастье. Они с удовольствием пробовали все предложенные угощения: пышные пироги с начинками, ароматные фрукты, тягучие сладости, острые закуски. Каждый новый вкус приносил удовольствие, отодвигая на второй план тревожные мысли и заботы, которые, казалось, остались где-то там, далеко, за пределами этого шумного, красочного праздника. Время текло незаметно, наполняя их легкими, приятными моментами, питая не только тело, но и душу.

Ближе к вечеру, когда солнце стало окрашивать небо в багровые тона, их взгляд привлекло огороженное пространство на краю площади. Здесь, в центре, разворачивались настоящие поединки. Смелые бойцы, облаченные в маски, которые, казалось, слились с их лицами благодаря какой-то неведомой магии, демонстрировали свое мастерство. Их движения были стремительны и точны, каждый удар, каждый блок исполнялся с невероятной грацией. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за зрелищем, а гул толпы нарастал с каждым удачным приемом.

Анна с Эми, привлеченные азартом схватки, подошли к самому ограждению, чтобы лучше разглядеть поединки. Толпа бурлила, поддерживая своих фаворитов, и воздух дрожал от выкриков и одобрительных возгласов. Вдруг, словно ураганом, одного из мужчин, стоявших в первых рядах, вытолкнули прямо в центр арены. Он очутился на площадке, покрытой мягким, утоптанным песком, окруженной грубыми деревянными ограждениями.

Мужчина, оказавшийся в центре внимания совершенно неожиданно, выглядел несколько смущенным. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам, словно не

понимая, как он здесь очутился. Затем, глубоко вздохнув, он принялся разминать руки и ноги, ощущая, как напряжение медленно покидает его тело. Каждый сустав, каждая мышца готовились к предстоящему испытанию, и в его глазах появился огонек решимости. Толпа вокруг затихла в ожидании, предчувствуя, что этот незапланированный поединок может оказаться одним из самых зрелищных.

Навстречу ему вышел противник, казалось, вдвое больше и гораздо сильнее. Его мускулы перекатывались под закаленной кожей, а взгляд был наполнен хищной решимостью.

Взмахнув рукой, он призвал свое оружие — огромный двуручный топор, сверкнувший в тусклом свете вечерних фонарей. С боевым кличем, сотрясшим публику, он бросился в атаку на ошеломленного мужчину.

Однако молодой боец, к удивлению многих, не стал призывать в ответ свое оружие. Вместо этого он начал мягко, но стремительно двигаться, словно танцор, уворачиваясь от разрушительных ударов топора. Каждый его шаг был выверен, каждое движение — элегантно.

Он умудрялся ускользать от смертоносных взмахов, словно призрак, и даже ловко парировать некоторые из них, гася их силу и направляя энергию в сторону. Зрители, еще миг назад ожидавшие быстрой победы гиганта, теперь с изумлением наблюдали за этим непривычным зрелищем.

— Как думаешь, какой он маг? – Эми с изумлением смотрела за поединком, указывая на парня без оружия. – Думаю, маг воздуха. Так уворачиваться надо уметь, – Эми была поражена им.

Анна же видела нечто, что ускользало от взора большинства. Тонкие, едва заметные огненные нити исходили от мужчины, пульсируя в такт его резким, стремительным движениям. Они таяли, словно дымка на уходящем солнце, с каждым его шагом, с каждым уклонением.

Это было так быстро, так мимолетно, что лишь самые внимательные могли уловить этот изящный танец стихий. Но Анна чувствовала это своим нутром – он был магом огня. Эта уверенность была неоспоримой, интуитивной. Однако, несмотря на это знание, одна вещь оставалась для нее загадкой: какова истинная мощь этого человека?

Он двигался с такой грацией и скоростью, что казалось, будто он больше уворачивается, чем сражается. Его техника была не грубой силой, а скорее искусным танцем, где каждое движение было рассчитано до миллиметра.

Он был как будто живым воплощением пламени – неуловимым, переменчивым и потенциально разрушительным. Анна пыталась оценить глубину его магической силы, но каждый раз, когда ей казалось, что она подходит к разгадке, он вновь ускользал, оставляя ее в недоумении. Он был силен, это было очевидно, но насколько именно – оставалось неясным.

— Не буду загадывать, но он явно силен, – Анна лишь намекнула, давая Эми самой додумать. Он двигался так быстро, что его оппонент, несмотря на свою внушительную комплекцию, начал выдыхаться. Каждый следующий взмах топора становился медленнее, каждый выпад – менее точным.

Огромный воин, привыкший полагаться на грубую силу, оказался не готов к такой изворотливости и скорости. В этот критический момент, когда противник уже не мог эффективно парировать, мужчина нанес точный, молниеносный удар под дых. Получив такой удар, гигант отшатнулся, тяжело дыша. Его лицо исказилось от боли и неожиданности. Он попытался поднять свой топор, но руки его не слушались. Силы оставили его, и он, не имея возможности продолжать схватку, упал на песок, задыхаясь. Поняв, что больше не может стоять на ногах, он с трудом поднял одну руку, подавая знак сдаться.

Толпа взорвалась одобрительными криками, пораженная ловкостью и мастерством молодого бойца, сумевшего одолеть противника, который казался несокрушимым.

Парень, чей смущенный поклон означал победу, уже собирался пойти прочь, чтобы перевести дух и немного восстановиться после напряженного поединка. Однако отдохнуть ему не

дали. Толпа, ощутившая вкус зрелища, требовала продолжения, и, увидев, что кто-то снова не пускает его отдохнуть, начала ликовать.

— А кто же выйдет к нему? Все опасаются: он сильный, и даже оружие не достал. – Анна слушала шепот, что проходил по толпе зевак.

Наступила неловкая пауза. Зрители, ожидавшие увидеть новых бойцов, замельтешили, перешептываясь между собой. На лицах читалось разочарование и недоумение.

Кто-то из толпы неуверенно выкрикнул вопрос, но ответа не последовало. В воздухе повисло напряженное ожидание, смешанное с легким недовольством.

Казалось, фестиваль, окутанный предвкушением маскарада и красок, рискует захлебнуться в этой тишине, если никто не осмелится выйти на песок.

— Не хочет проветриться? Может, он достоин твоего внимания? – У Эми загорелись глаза, она знала: сестра справится, даже не вспотев.

— Что? Я? Да неее – Анна не успела договорить, как перед ней упало ограждение, и она вывалилась в центр арены.

— Оно магическое! Не нужно было говорить «***я***»! – крикнул ей кто-то из толпы.

«*Черт*». Анна понимала: сейчас надо сражаться так, будто он враг, иначе она опозорится.

— Госпожа, я удивлен, – голос мужчины был спокойный, будто не было поединка до этого. – Я постараюсь не сильно атаковать. Если захотите удалиться, всего лишь скажите «*сдаюсь*», и поединок кончится. – Он смотрел на нее чуть сверху, но от этого сильнее он ей не казался.

— Да, я услышала, благодарю. Вы тоже не забывайте это слово. – Анна отряхнула ткань от песка и приготовилась.

Она не стала нападать. Вместо резких, агрессивных движений, она начала медленно и размеренно обходить мужчину, словно хищница, изучающая свою добычу. Каждый ее шаг был выверен, каждое движение – исполнено спокойствия. Она не проявляла враждебности, но ее присутствие само по себе оказывало давление.

Он, в свою очередь, слегка двигался, пытаясь ее устрашить. Его взгляд был прикован к ней, он ждал малейшего признака атаки, чтобы мгновенно отреагировать. Он пытался казаться уверенным, даже вызывающим, но легкая дрожь в его руке выдавала внутреннее напряжение.

Но Анна была словно тень. Она исчезала из поля его зрения, словно растворяясь в воздухе, и тут же появлялась в другом месте, всегда на шаг впереди, всегда вне досягаемости. Ее движения были плавными, текучими, не позволяя ему предугадать ее следующий маневр. Это было элегантное кружение, танец, исполненный напряжения и ожидания.

Ни он, ни она не доставали орудие. Поединок проходил без единого удара, без видимой агрессии. Это была битва умов, битва воли, битва терпения.

Они оба понимали, что первый, кто совершит неосторожный шаг, кто поддастся искушению атаковать, может оказаться проигравшим.

Поэтому они продолжали свой безмолвный танец, окутанные аурой взаимного уважения и скрытой угрозы.

Внезапно мужчина не выдержал. Терпение его иссякло, и, преодолев призрачные оковы сомнений, он рванул на Анну.

Его атака была стремительной, отчаянной, направленной на то, чтобы захватить ее, разорвать, поглотить. Но она была тенью, неуловимой, ускользающей. Ее движения были столь же быстры, сколь его натиск был яростен.

Какое-то время она лишь уворачивалась, играя с ним, подобно кошке с мышью. Она искусно тратила его силы, заставляя его удары проходить мимо.

Он тяжело дышал, его тело начинало подводить, а гнев сменялся досадой.

Внезапно, словно в порыве озарения, он поймал ее взглядом. В этот миг, когда ее внимание было рассеяно, из его рук материализовалось орудие – секира. Она была чудовищным

творением. Ее лезвие, выкованное из металла, напоминающего закаленное в горниле пламя, искрилось неестественным багровым светом. По всей его поверхности витиевато извивались узоры, словно застывшие языки пламени или сплетенные кости. Каждое зубчатое окончание лезвия казалось выточенным для того, чтобы рвать и терзать, не оставляя противнику ни единого шанса.

Рукоять топора, также украшенная замысловатой резьбой, переходила в навершие, напоминающее череп или какую-то мифическую тварь с острыми отростками. Металл испускал едва уловимое тепло, и казалось, что вместе с секирой призвана была сама стихия огня, сжимающаяся в холодном, смертоносном оружии.

«*Так и думала, маг огня, черт тебя возьми. Потому и оружие не доставал, маги огня хитрецы.*»

Удар был неминуем. Чтобы отразить этот смертоносный выпад, Анна призвала свои кинжалы. Два лезвия, тонкие и острые, появились в ее руках, готовые к встрече.

И вот, с оглушительным скрежетом, сталь соприкоснулась со сталью. Ослепительные искры брызнули во все стороны, освещая арену их поединка.

— Думаю, на этом закончить. — Анна смотрела в глаза магу огня, слегка пустив кровавые нити по его рукам, указывая, что их бой закончился.

Мужчина увидел тонкие, пульсирующие нити крови, тянущиеся вдоль его рук. Они были не просто ранами, а живыми, извивающимися нитями, питающимися его жизненной силой. С ужасом он осознал: он сражается не с обычным воином, а с магом крови.

Его противница, Анна, стояла перед ним, не касаясь его, но ее присутствие окутывало его ледяным холодом. В ееглазах не было ярости, лишь холодное, расчетливое спокойствие, которое пугало больше, чем любая открытая агрессия.

Он почувствовал, как тонкие нити крови начинают стягиваться, словно петля, готовясь окончательно задушить его.

— Согласен, госпожа. — Мужчина отошел, отзывая свое оружие. — ***Сдаюсь***. — Он произнес слова поражения с честью, осознавая свое положение.

Конечно, продолжить можно было бы, но вокруг были люди, они не хотели бы разгара боя.

Толпа резко загудела, показывая свое недовольство. Зрители, жаждавшие увидеть кровавую схватку, были обмануты в своих ожиданиях. Воздух наполнился гулом разочарования, перешептываниями и недовольными возгласами.

Казалось, праздничное настроение, которое еще недавно царило на арене, начало угасать.

Но Анна и мужчина, стоявшие друг напротив друга, лишь обменялись взглядами. В этом молчаливом обмене не было враждебности, лишь взаимное уважение и понимание. Они оба были мастерами, понимающими, что истинная сила заключается не в разрушении, а в контроле.

Они видели, куда мог привести начавшийся поединок, к чему могла привести их магия крови и огня, сплетенная в смертельном танце. И оба предпочли избежать этой участи.

Они разошлись в разные стороны, словно два хищника, которые, оценив друг друга, решили не вступать в бой. Толпа продолжала гудеть, но их решение было принято.

Они поблагодарили друг друга молчанием за не начавшуюся резню, за проявленное мастерство, за мудрость, позволившую им сохранить жизни – свою и чужие.

— Почему ты не закончила с ним? — Эми шла от арены, расстроенная.

— Потому что он маг огня, сестра. — Анна шла и смотрела в небо, усеянное тысячами звезд. Пока шло сражение, успело потемнеть, и они ярко светили.

Она не хотела сегодня проблем, потому и ушла.

— Маг огня, жуть конечно. — Сильно Эми не расстроилась, что не угадала мага, но его магия вызывала в ней смесь чувств, от ужаса до восхищения. — Хорошо, что вы друг друга поняли.

И правда, хорошо это

Анна и Эми продолжили свое гастрономическое путешествие, исследуя кухни разных народов. Город манил их своими ароматами и вкусами, каждый новый прилавок обещал открыть для себя что-то удивительное.

Но их мирное исследование было прервано шумом и весельем, разносившимся с центральной площади. Там начался фестиваль красок, зрелище, которое всегда привлекало толпы. Люди с энтузиазмом набирали в мешочки сухие смеси всевозможных цветов, готовясь окунуться в атмосферу праздника. Сестры, поддавшись общему настроению, тоже взяли себе по паре ярких мешочков.

Смех и крики наполняли воздух, когда они начали весело осыпать друг друга разноцветной пылью. Зеленый, синий, красный, желтый – все смешивалось в радужном вихре.

Внезапно, словно из ниоткуда, сзади прилетел мешочек с зеленой краской. Он не долетел, распахнувшись буквально в сантиметре от Анны, и развеял в воздухе облачко мелких частиц.

Когда дымка начала рассеиваться, сквозь нее Анна увидела ту самую маску, которую уже видела на арене. Те же глаза, бездонно-серые, с холодными отблесками синевы, смотрели прямо на нее. Они проникали ей в душу, будто знали ее насквозь, как будто читали ее прошлое и знали, кто она на самом деле.

Анна застыла, ее сердце учащенно забилось. Серые глаза, обрамленные черными ресницами, приковывали ее внимание, словно магнит.

Она попыталась встряхнуть головой, но взгляд незнакомца словно удерживал ее, не давая вырваться из его плена.

Эми, не замечая замешательства сестры, продолжала смеяться, осыпая Анну розовыми и оранжевыми красками. Но Анна уже не слышала ее. Все ее внимание было приковано к человеку в маске, который, казалось, не двигался, лишь его глаза гипнотизировали ее.

Другие люди на площади теперь казались размытыми пятнами, их смех и веселье отступили на второй план. Мир сжался до пространства между ней и человеком в маске. Ей хотелось подойти, спросить, узнать, кто он, но ноги словно приросли к месту.

Страх и необъяснимое влечение боролись в ее душе.

Внезапно, как по команде, человек в маске повернулся и растворился в толпе. Анна моргнула, и реальность вернулась. Люди вокруг продолжали веселиться, а она стояла, покрытая красками, с колотящимся сердцем и ощущением, что что-то важное только что упустила.

— Ты чего застыла, будто мертвого увидела? – Эми весело похлопала Анну по плечу, призывая веселиться

— Явно живого, – она хотела рассказать Эми, кого увидела, однако передумала, – но, думаю, показалось.

Закончив игру, Анна и Эми направились передохнуть к ларьку с сухофруктами. Воздух был пропитан ароматом нагретых солнцем дынь, инжира и абрикосов, создавая сладкое, тягучее облако, которое приятно щекотало ноздри. Девушки прислонились к деревянной, слегка облупившейся столешнице, наблюдая за оживленной толпой. Вокруг сидели кучками молодые люди, громко смеясь. Их голоса сливались в общий гул, перемешиваясь с музыкой, доносившейся откуда-то издалека.

Глаза Анны скользили по лицам, выхватывая яркие детали: блеск в глазах, широкие улыбки, энергичные жесты. Эми, казалось, была более погружена в свои мысли, слегка нахмурив брови, но и на её губах играла лёгкая, задумчивая улыбка. Наконец, продавец, пожилой мужчина с добрыми морщинками вокруг глаз, предложил им отведать фиников. Анна откусила кусочек, и сладость, смешанная с лёгкой терпкостью, разлилась по языку.

— Невероятно, – прошептала она, и Эми, подхватив её настроение, взяла себе горсть изюма, который приятно поскрипывал на зубах.

Они не произнесли ни слова, но чувствовалось, что этот краткий отдых, наполненный ароматами и звуками праздника, был для них обоих желанным. Игра, хоть и приносила радость, требовала сил, и теперь, с полными ртами сладких, натуральных сокровищ, они чувствовали, как к ним возвращается энергия.

— Я, верно, вас напугал, госпожа, – сзади подошел мужчина, слегка окружая их своим шлейфом парфюма. Его голос, низкий и бархатный, казалось, проникал сквозь шум окружающего мира, создавая вокруг них уютный кокон.

Анна повернулась и снова встретилась с теми глазами с арены боя. Те манящие глаза серого цвета, с прожилками синевы, которые смотрели на нее с легким прищуром. Серые бездонные глаза с легкой игривостью тянули её в свои сети, поглощая её мысли, её желания и чувства. Она смотрела словно завороженная, ощущая на себе магию его глаз, что полностью подчинили её.

Мужчина что-то говорил, слегка улыбался, но Анна ничего не могла разобрать. Её мысли и слух были будто в тумане.

— Сестра, господин спрашивает, где ты училась сражаться, – Эми не стала называть имя Анны и слегка толкнула её, чтобы та пришла в себя.

Анна встряхнула головой, пытаясь вернуть мысли на место: — Горы Морелия, община Маракая, они мои учителя, – Анна впервые столкнулась с таким магнетизмом от мужчины. Ранее в её окружении были люди, которые не могли каким-либо образом привлечь её внимание. Каким бы красивым он ни был, Анна не смотрела в его сторону. Но тут она не видит его лица, только глаза

— Община волхвов, вы, вероятно, сильны, раз вас там обучали, – мужчина поклонился в знак уважения.

Внезапно Эми дернулась с места и слилась с толпой, оставляя сестру наедине с этим загадочным человеком. Он подошел ближе, занимая место Эми, и, взяв финик в руку, начал рассматривать его.

— Я благодарю вас за ваше благоразумие там, на арене, – он снова смотрел на нее.

— Мы с вами оба понимаем, чем бы всё кончилось, – Анна взяла финик из его руки и вскрыла, доставая косточку, – вы всегда ходите в перчатках?

Она вернула чистый финик, вложив его в перчатку мужчины. Тот резким движением закинул фрукт в рот, сладко пережевывая.

— Хах, а вдруг он отравлен? Вы так доверяете незнакомке? – Анна слегка улыбнулась.

— Ваши глаза чисты, вы бы не стали меня травить, госпожа, – его взгляд прожигал Анну изнутри, создавая впечатление, что она задыхается от своих же эмоций.

— Друг, нам пора, ты занят? – к мужчине подошел парень и дернул того за плечо, отвлекая от любопытного разговора.

— Да, очень. Пожалуй, я присоединюсь к вам позднее, – мужчина, не оборачиваясь, откинул руку с плеча и всё смотрел в глаза Анны, не теряя зрительный контакт.

Юноша что-то поворчал и направился прочь.

— Не хотите прогуляться по набережной? – мужчина протянул руку, приглашая к прогулке под ночным небом.

— С удовольствием, – Анна с легким опасением протянула руку и коснулась его перчатки.

Сквозь перчатку она почувствовала лишь жаркое пламя его магии, но не обжигающее, а скорее согревающее, будто древний костер, разведенный в самую холодную ночь. — Позвольте, я сниму перчатку, – он было начал стягивать с руки плотную ткань, но Анна его перехватила: она не хотела спугнуть этот момент.

— Не стоит, – она взглянула на него, он остановился, понимая её опасения. Магия из его рук пульсировала мягко, словно биение могучего, но доброго сердца.

Ее собственная магия, скованная страхом и неопределенностью, начала откликаться на это зовущее тепло. Тонкие нити ее силы, до этого спящие и холодные, стали распрямляться, набирать цвет, словно семена, пробуждающиеся после долгой зимы под ласковым солнцем. Она почувствовала, что те её опасения насчет связи с магом огня были глупостью. Её магия внутри словно согревалась от его внутреннего огня, начала двигаться в легком ритме, без желания напасть, желая лишь дальше согреваться об этот огонь.

В этот момент мир сузился до одного единственного ощущения: ее ладонь, сжатая в его, и пульсирующий в нем жар магической энергии.

Он, казалось, почувствовал ее ответный отклик. Напряжение в его хватке ослабло, но тепло не ушло. Напротив, оно усилилось, стало более уверенным, словно он нашел отклик и теперь мог позволить себе полностью раскрыть свою силу, зная, что она не оттолкнет, а примет.

— Вы маг огня, удивительно встретить кого-то из ваших, – Анна нехотя отпустила его руку, и та сила внутри нее словно взывала к повторению тепла.

Они шли вдоль набережной, где, словно застывшие в вечности величественные тени, дрейфовали корабли. Их силуэты, вычерченные на фоне вечернего неба, казались порталами в иные миры, полные тайн и забытых историй. Воздух был напоен запахом соли, смолы и несбывшихся надежд, которые, казалось, навечно осели в этих старых портовых стенах. Он шел размеренно, делая шаги в такт с ней, не стремясь убежать вперед и не топчась на месте.

Его присутствие было словно тихая гавань в бушующем море жизни. От него исходила аура спокойствия и умиротворения, но в то же время ощущалась некая скрытая сила, подобная мощи спящего вулкана, чье дыхание едва заметно. Эта двойственность притягивала, завораживала, создавая загадочный ореол вокруг его персоны.

Они много рассуждали про империи, про силу, общаясь на сторонние темы, словно два искусных мастера шахмат, каждый из которых просчитывал ходы противника, не раскрывая своей конечной цели. Слова сплетались в узор, где каждый намек, каждое недосказанное слово было частью более сложной игры. Они вели диалог, который позволял им узнать друг друга, но в то же время искусно скрывать истинную суть своей личности, сохраняя покров тайны.

— Верно, в наше время маги огня — редкость, но жаль, что нас все так боятся, – он шел рядом, иногда подавая руку на ступеньках.

— Среди вас много безумных, что сжигали людей из-за одного лишь недоброго взгляда, – Анна шла, стараясь не глазеть на него, но у нее это плохо получалось.

— Вы правы, поэтому я стараюсь при встрече с людьми менять их восприятие, – он и правда производил впечатление достаточно разумного человека, — однако в истории есть люди, что творили ужасы, не имея силы магии.

— Соглашусь с вами, – они стояли у пристани, вглядываясь в ночную даль, – я и сама была свидетелем этого. – Анна потерла глаза, перед ней всплывали картины того дня.

— Вы про что именно? В мире множество таких случаев. – Мужчина присел на ступени, вытягивая ноги, – поделитесь со мной, если хотите конечно, и я поделюсь с вами.

Он взглянул на Анну, глаза сверкнули за маской, призывая к доверию. Но Анна не хотела ни вспоминать тот день, ни тем более говорить про него.

— Тогда начну я, – он слегка откашлялся и начал свой рассказ, – я тогда был маленьким мальчиком и иногда доносил письма из империи в империю.

Необходимо было доставить некие свитки до императора Парга, Жана. По слухам он был великим императором, но его жена, мать нынешнего императора, была слегка не в себе. Ее вечное чувство, будто за ней следят, что караулят у покоев, и мысли о нападении на её сына, Филиппа, роились в её голове. По крайней мере, все так шептались между собой.

— Вы были в тот день, когда она сожгла тех людей? – Анна прервала рассказ мужчины, понимая, про кого он говорит, ведь она помнила тот день.

Ужасающий и самый запоминающийся момент в её жизни, ведь она не просто наблюдала за этим, она находилась на той же площади, что и Мария, а Анне тогда исполнилось только 5 лет.

— Да, я был тогда там, я видел тот ужас в глазах людей, – мужчина потер руки, – но в глазах императрицы сожаления *не было,* она их жгла, будто они не живые, оглашая вокруг лишь то, что они все враги империи.

— Какая глупость, – он с ненавистью выплюнул эти слова в воздух. Воспоминания начали всплывать перед глазами Анны.

Тот день, когда Мария утром приказала выстроить на площади некие приспособления, вызвал у слуг немой вопрос, но полное понимание её замысла.

Воздух наполнился запахом сырого дерева и предвкушением чего-то ужасного. Она, воплощение власти и жестокости, с самого утра лично контролировала процесс. Каждый установленный столб, каждое приготовленное бревно – всё было под её неусыпным надзором. Её лицо, обычно скрытое под маской благородства, теперь выражало лишь холодную решимость, а глаза метались, словно у хищника, выслеживающего добычу.

Создавая некие кострища, она с самого утра следила за правильностью выполнения. Это было не просто строительство, это было ритуальное приготовление к жертвоприношению, где жертвами должны были стать люди. Она сама двигала бревна, сама указывала, как укладывать их, словно опытный палач, готовящий свои орудия.

После полудня, когда солнце начало клониться к закату, Мария приказала поймать людей, которых считала врагами империи. Ими оказались простые горожане, те, кто, по её мнению, был каким-то образом причастен к заговорам против императора. Их загнали на площадь, где уже дымились костры, готовые поглотить их души. Её безумие переросло в массовую казнь людей. Более ста человек она сожгла менее чем за сутки, и всё это – на глазах у Анны и Филиппа.

Она держала сына, Филиппа, за руку; его детские глаза расширились от ужаса, когда пламя начало лизать тела.

Анна помнила, что Мария шептала на ухо своему малолетнему сыну: — Видишь, сын мой, – прошептала она, – я делаю это ради твоей безопасности. Ради нашего будущего. Враги будут уничтожены, и ты будешь править в мире, свободном от страха.

В её словах звучало безумие, но в глазах Филиппа отражался лишь страх, который, казалось, был намного сильнее пламени, пожирающего невинных.

— Люди настолько слабы, что их страх заставляет делать немыслимые поступки, – Анна была согласна, это была невероятная глупость.

— Императоры должны защищать нас, но точно не уничтожать свой же народ, – она решила прикинуться одной из горожан, чтобы отмести возможные подозрения.

— Вы правы, я видел тот ужас и те костры, этот огонь, всепоглощающий, что забирал невинные жизни. В тот день я для себя решил – моя магия не принесет этому миру зло, я направлю её на благие намерения, или же, – он глубоко вздохнул и откинулся на ступеньки, – я никогда ей не воспользуюсь.

Последние его слова означали лишь, что он готов полностью отречься от своей силы, дабы не использовать её против людей.

— Достойно, очень благородно, я бы сказала, – Анна присела чуть выше него. — Думаете, волхвы одобрят ваш отказ в случае чего? – Только после дозволения общины маг может отречься от своей силы.

— Думаю, да; вряд ли, если я совершу нечто ужасное, они меня похвалят, – мужчина слабо улыбнулся.

— Значит, не совершайте. Сильных магов не так много в наше время, а в особенности с трезвым умом, – Анна вспоминала слова Филиппа, осознавая, что то безумие его матери, возможно, постигло и его.

— А вы бы согласились отказаться от своей силы, чтобы спасти невинных? – он взглянул на неё, задавая по сути вполне адекватный вопрос.

Но для Анны это было больше, чем просто ответить, ведь сейчас она и так находилась в состоянии решения подобного рода дилеммы.

— Я? – Анна задумалась, а может ли она отречься от своей силы, спасая невинных, сможет ли она отказаться от убийства Зульфии, дабы спасти их жизни? — Сила, что дана нам, должна служить для чего-то впрок, и лишь мы определяем, на какой мы стороне, верно? – она взглянула на мужчину; тот смотрел на её лицо не двигаясь.

— Так значит, если сила – это ответственность, мы не имеем права на ошибку, особенно в отношении слабых, – она взглянула на звезды.

— Тогда да, я откажусь от своей силы, чтобы спасти их, да Последние слова были точкой в их разговоре.

Довольно откровенно два сильных мага мира, которые доселе не знали друг друга и не узнают из-за фестиваля, обсуждали интересные темы, не подходящие для подобных прогулок.

— Как интересно завернулся наш разговор, не так ли? – мужчина встал и подал руку Анне.

— Не стоит, – к своему удивлению, она отказалась от его руки, и не попрощавшись удалилась, оставив его в полном замешательстве. Мысли в голове сложились в одну плоскость, словно жемчуг на нить; Анна старательно нанизывала факты.

Она знала – отрицать очевидное бессмысленно. Филипп сошел с ума; его безумие, подобно ядовитому плющу, оплетало здравый смысл, переходя все мыслимые и немыслимые границы. Мирно решить конфликт, увы, не получится. Филипп был слишком увлечен своей навязчивой идеей, чтобы прислушаться к голосу разума. Однако убить ничем не повинную Зульфию и её нерожденного ребенка – это была бы не просто глупость, а чудовищное преступление, которое легло бы несмываемым пятном на её совесть.

Анна не могла допустить такого исхода. Сердце сжималось от отчаяния, но разум не сдавался. Отказаться от приказа, отданного лично Филиппом, она не могла – последствия были бы слишком серьезными, как для неё самой, так и для тех, кто ей доверял. Оставался лишь один, единственный вариант, тонкая нить надежды в бездонной пучине отчаяния – обмануть Филиппа.

Это был рискованный, отчаянный шаг, но порой только ложь может спасти от еще большей беды.

Анна с Эми рассекали небесную синь, летя на драконах, возвращаясь в Парга. В голове Анны, как рой пчел, вились непрошеные идеи, ни одна из которых не казалась жизнеспособной.

Как обмануть Филиппа? Этот вопрос камнем лег на сердце, но отступать было некуда. Филипп доверял ей

Он видел в ней верного исполнителя, не способного на предательство. Это доверие, закаленное годами, теперь стало её единственным оружием и одновременно самой уязвимой точкой.

Он знал, что Анна выполнит приказ, особенно когда на кону стояла угроза расправы над теми, кто ей дорог. Но именно это знание давало ему силу, позволяя манипулировать ею, как марионеткой. Полет казался бесконечным, а решение – неуловимым.

Ей нужен был план, безупречный, хитроумный, который позволил бы обойти прямолинейность Филиппа, его слепую веру в собственную правоту. Нужно было найти лазейку в его безумии, соломинку, за которую она могла бы ухватиться, чтобы спасти Зульфию и её ребенка.

— Пригласите мне Маркуса, срочно, – как только они приземлились дома, Анна отдала приказ слугам. Те бегом отправились за капитаном в его покои. Маркус влетел в кабинет госпожи, одевая на ходу рубаху.

— Анна, что-то случилось? – он резко вошел в комнату и сел на диван перед ней. — Да, я решила, – она курила, снова, осознавая, какой выбор она сделала.

— Я не буду убивать Зульфию. Мы обманем его, – она выпустила клубок дыма прямо в лицо Маркуса; тот закашлял.

— Но как? – он был удивлен, но еще больше рад, что Анне не придется брать такой грех на сердце.

— А это нам с тобой предстоит только придумать, – мыслей о варианте обмана императора не было.

Анна рассчитывала на помощь своего друга, который был профи в этом деле.

Наконец-то она выспалась.

Чувство лёгкости и восстановления наполняло каждую клеточку её тела, даря заряд бодрости и небывалой энергии. Казалось, прошлая бессонница и тяжелые мысли остались где-то далеко позади, как дурной сон, рассеявшийся с первыми лучами солнца. Быстро собравшись, Анна почувствовала непреодолимое желание вывести эту новую энергию наружу.

Идеальным способом для этого стала утренняя пробежка. Надев спортивную одежду, она вышла на улицу, наслаждаясь свежим, прохладным воздухом. Её путь лежал через тренировочные площадки, где уже раздавались первые звуки утренних тренировок, затем мимо живописных садов, утопающих в зелени, и, наконец, к прачкам, занятым своим нелёгким трудом во внутреннем дворе; их мерное покачивание и плеск воды создавали умиротворяющий фон. Именно там, среди этой будничной суеты, Анна встретила свою сестру.

Радостное возбуждение освещало лицо Эми, когда она показала Анне выбранные маски для предстоящего маскарада. Это были великолепные парные маски: одна – оттенка тёплого светло-коричневого дерева, другая – изящная, светло-серая, украшенная тончайшими вставками из золота и серебра. Сестра протягивала ей одну из масок, сверкающую в утренних лучах.

Анна взяла эту маску. Тяжёлая, словно вырезанная из цельного куска тёмного дерева, она казалась произведением искусства. Резные узоры, напоминающие переплетающиеся ветви, добавляли ей таинственности.

— А эта тогда для меня, – решила Эми, указывая на более лёгкую серую маску, мерцающую золотыми и серебряными нитями. Анна редко бывает на подобных фестивалях.

Наряды решили выбрать похожие, без ярких акцентов, чтобы не привлекать внимание. Костюмы, без явных юбок и платьев, подходящие для полёта.

— Нам лететь уже завтра утром. Ты готова? — Эми боялась, что сестра передумает и не полетит.

— Конечно, – Анна слегка приобняла сестру за талию. — Не бойся, не передумаю. Меня и правда засосало это дело, я слишком сильно увлеклась, надо отдохнуть. — Она выглядела иначе, чуть бодрее, чем в последние недели.

— Я рада, – Эми сильно прижала к себе Анну, будто прощаясь.

— Задушишь, – они засмеялись.

Так давно они не смеялись вместе.

Утром следующего дня им приготовили драконов. Огромные, чешуйчатые существа уже ждали их, нервно переступая когтистыми лапами по каменному плацу. Воздух был наполнен их низким, утробным рыком, предвещающим скорое путешествие.

Девушки, которые ещё вчера были облачены в изысканные одежды, теперь носили удобные, прочные костюмы, сшитые из тёмной плотной ткани.

Она не стесняла движений и была идеально приспособлена для полёта. В сумках, перекинутых через плечо, лежали маски, призванные скрыть их лица от любопытных глаз на фести-

вале. Каждая заняла своё место за спиной наездника. Взмывая в небо, они почувствовали, как ветер свистит в ушах, а мир внизу стремительно уменьшается.

Под ними проносились скалы, покрытые ковром вековых сосен, а затем показалось глубокое, извилистое ущелье, пересекающее острые пики гор.

Солнце, поднявшись выше, заливало всё вокруг золотистым светом, делая полёт ещё более захватывающим.

Через несколько часов полёта, сквозь разреженный воздух, показался долгожданный город.

Это была Грандия, величественная крепость, выросшая из скалы. Приземлившись на широкой террасе, девушки почувствовали под ногами твердую землю после долгих часов полета. Город шумел, наполненный звуками жизни, а над ним возвышались шпили дворцов и башни стражи, охраняющие его покой. Вся центральная площадь была украшена к фестивалю маскарада и красок. Воздух наполнился ароматами специй и жареного мяса, доносившимися из многочисленных ларьков с едой. Разноцветные гирлянды переливались на солнце, а между толпами зевак сновали шуты и клоуны; их яркие костюмы и забавные выходки мгновенно привлекали внимание детей, вызывая у них неудержимый смех. Веселая, задорная музыка лилась отовсюду, подгоняя народ собираться ближе к импровизированной сцене, где выступали музыканты.

Люди, составлявшие основную массу собравшихся, были одеты как обычные горожане: простая одежда, удобные штаны и рубахи, платья и юбки. Но среди этой обычной толпы уже чувствовалось предвкушение грядущего праздника. Некоторые, желая начать игру раньше остальных, уже носили маски, скрывая свою личность. Они сияли всеми цветами радуги, украшенные перьями, блестками и замысловатыми узорами, придавая своим владельцам загадочный и интригующий вид.

По мере того как солнце начинало клониться к закату, площадь становилась все более оживленной. Клоуны теперь жонглировали огненными факелами, а шутов сменяли танцоры в экстравагантных костюмах. Музыка становилась громче, ритмичнее, побуждая даже самых скромных присоединиться к общему веселью. На лицах людей, у кого еще не было оно скрыто масками, читалась радость предвкушения, предвкушения ночи, которая обещала быть полной тайн, превращений и ярких впечатлений.

Весь день девушки провели, растворившись в атмосфере праздника. Они методично обходили один ларек за другим, прислушиваясь к мелодиям, льющимся со сцены. В этот день звучали самые разные мотивы: от зажигательных плясовых, заставляющих притопывать ногой, до нежных, лирических баллад, вызывавших легкую меланхолию. Их смех, чистый и звонкий, разносился над шумной площадью, отражаясь от стен домов, словно маленький колокольчик, возвещающий о безмятежности и счастье. Они с удовольствием пробовали все предложенные угощения: пышные пироги с начинками, ароматные фрукты, тягучие сладости, острые закуски. Каждый новый вкус приносил удовольствие, отодвигая на второй план тревожные мысли и заботы, которые, казалось, остались где-то там, далеко, за пределами этого шумного, красочного праздника. Время текло незаметно, наполняя их легкими, приятными моментами, питая не только тело, но и душу.

Ближе к вечеру, когда солнце стало окрашивать небо в багровые тона, их взгляд привлекло огороженное пространство на краю площади. Здесь, в центре, разворачивались настоящие поединки. Смелые бойцы, облаченные в маски, которые, казалось, слились с их лицами благодаря какой-то неведомой магии, демонстрировали свое мастерство. Их движения были стремительны и точны, каждый удар, каждый блок исполнялся с невероятной грацией. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за зрелищем, а гул толпы нарастал с каждым удачным приемом.

Анна с Эми, привлеченные азартом схватки, подошли к самому ограждению, чтобы лучше разглядеть поединки. Толпа бурлила, поддерживая своих фаворитов, и воздух дрожал от выкриков и одобрительных возгласов. Вдруг, словно ураганом, одного из мужчин, стоявших в первых рядах, вытолкнули прямо в центр арены. Он очутился на площадке, покрытой мягким, утоптанным песком, окруженной грубыми деревянными ограждениями.

Мужчина, оказавшийся в центре внимания совершенно неожиданно, выглядел несколько смущенным. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам, словно не понимая, как он здесь очутился. Затем, глубоко вздохнув, он принялся разминать руки и ноги, ощущая, как напряжение медленно покидает его тело. Каждый сустав, каждая мышца готовились к предстоящему испытанию, и в его глазах появился огонек решимости. Толпа вокруг затихла в ожидании, предчувствуя, что этот незапланированный поединок может оказаться одним из самых зрелищных.

Навстречу ему вышел противник, казалось, вдвое больше и гораздо сильнее. Его мускулы перекатывались под закаленной кожей, а взгляд был наполнен хищной решимостью.

Взмахнув рукой, он призвал свое оружие — огромный двуручный топор, сверкнувший в тусклом свете вечерних фонарей. С боевым кличем, сотрясшим публику, он бросился в атаку на ошеломленного мужчину.

Однако молодой боец, к удивлению многих, не стал призывать в ответ свое оружие. Вместо этого он начал мягко, но стремительно двигаться, словно танцор, уворачиваясь от разрушительных ударов топора. Каждый его шаг был выверен, каждое движение — элегантно.

Он умудрялся ускользать от смертоносных взмахов, словно призрак, и даже ловко парировать некоторые из них, гася их силу и направляя энергию в сторону. Зрители, еще миг назад ожидавшие быстрой победы гиганта, теперь с изумлением наблюдали за этим непривычным зрелищем.

— Как думаешь, какой он маг? – Эми с изумлением смотрела за поединком, указывая на парня без оружия. – Думаю, маг воздуха. Так уворачиваться надо уметь, – Эми была поражена им.

Анна же видела нечто, что ускользало от взора большинства. Тонкие, едва заметные огненные нити исходили от мужчины, пульсируя в такт его резким, стремительным движениям. Они таяли, словно дымка на уходящем солнце, с каждым его шагом, с каждым уклонением.

Это было так быстро, так мимолетно, что лишь самые внимательные могли уловить этот изящный танец стихий. Но Анна чувствовала это своим нутром – он был магом огня. Эта уверенность была неоспоримой, интуитивной. Однако, несмотря на это знание, одна вещь оставалась для нее загадкой: какова истинная мощь этого человека?

Он двигался с такой грацией и скоростью, что казалось, будто он больше уворачивается, чем сражается. Его техника была не грубой силой, а скорее искусным танцем, где каждое движение было рассчитано до миллиметра.

Он был как будто живым воплощением пламени – неуловимым, переменчивым и потенциально разрушительным. Анна пыталась оценить глубину его магической силы, но каждый раз, когда ей казалось, что она подходит к разгадке, он вновь ускользал, оставляя ее в недоумении. Он был силен, это было очевидно, но насколько именно – оставалось неясным.

— Не буду загадывать, но он явно силен, – Анна лишь намекнула, давая Эми самой додумать. Он двигался так быстро, что его оппонент, несмотря на свою внушительную комплекцию, начал выдыхаться. Каждый следующий взмах топора становился медленнее, каждый выпад – менее точным.

Огромный воин, привыкший полагаться на грубую силу, оказался не готов к такой изворотливости и скорости. В этот критический момент, когда противник уже не мог эффективно парировать, мужчина нанес точный, молниеносный удар под дых. Получив такой удар, гигант отшатнулся, тяжело дыша. Его лицо исказилось от боли и неожиданности. Он попытался под-

нять свой топор, но руки его не слушались. Силы оставили его, и он, не имея возможности продолжать схватку, упал на песок, задыхаясь. Поняв, что больше не может стоять на ногах, он с трудом поднял одну руку, подавая знак сдаться.

Толпа взорвалась одобрительными криками, пораженная ловкостью и мастерством молодого бойца, сумевшего одолеть противника, который казался несокрушимым.

Парень, чей смущенный поклон означал победу, уже собирался пойти прочь, чтобы перевести дух и немного восстановиться после напряженного поединка. Однако отдохнуть ему не дали. Толпа, ощутившая вкус зрелища, требовала продолжения, и, увидев, что кто-то снова не пускает его отдохнуть, начала ликовать.

— А кто же выйдет к нему? Все опасаются: он сильный, и даже оружие не достал. – Анна слушала шепот, что проходил по толпе зевак.

Наступила неловкая пауза. Зрители, ожидавшие увидеть новых бойцов, замельтешили, перешептываясь между собой. На лицах читалось разочарование и недоумение.

Кто-то из толпы неуверенно выкрикнул вопрос, но ответа не последовало. В воздухе повисло напряженное ожидание, смешанное с легким недовольством.

Казалось, фестиваль, окутанный предвкушением маскарада и красок, рискует захлебнуться в этой тишине, если никто не осмелится выйти на песок.

— Не хочет проветриться? Может, он достоин твоего внимания? – У Эми загорелись глаза, она знала: сестра справится, даже не вспотев.

— Что? Я? Да неее – Анна не успела договорить, как перед ней упало ограждение, и она вывалилась в центр арены.

— Оно магическое! Не нужно было говорить «***я***»! – крикнул ей кто-то из толпы.

«*Черт*». Анна понимала: сейчас надо сражаться так, будто он враг, иначе она опозорится.

— Госпожа, я удивлен, – голос мужчины был спокойный, будто не было поединка до этого. – Я постараюсь не сильно атаковать. Если захотите удалиться, всего лишь скажите «*сдаюсь*», и поединок кончится. – Он смотрел на нее чуть сверху, но от этого сильнее он ей не казался.

— Да, я услышала, благодарю. Вы тоже не забывайте это слово. – Анна отряхнула ткань от песка и приготовилась.

Она не стала нападать. Вместо резких, агрессивных движений, она начала медленно и размеренно обходить мужчину, словно хищница, изучающая свою добычу. Каждый ее шаг был выверен, каждое движение – исполнено спокойствия. Она не проявляла враждебности, но ее присутствие само по себе оказывало давление.

Он, в свою очередь, слегка двигался, пытаясь ее устрашить. Его взгляд был прикован к ней, он ждал малейшего признака атаки, чтобы мгновенно отреагировать. Он пытался казаться уверенным, даже вызывающим, но легкая дрожь в его руке выдавала внутреннее напряжение.

Но Анна была словно тень. Она исчезала из поля его зрения, словно растворяясь в воздухе, и тут же появлялась в другом месте, всегда на шаг впереди, всегда вне досягаемости. Ее движения были плавными, текучими, не позволяя ему предугадать ее следующий маневр. Это было элегантное кружение, танец, исполненный напряжения и ожидания.

Ни он, ни она не доставали орудие. Поединок проходил без единого удара, без видимой агрессии. Это была битва умов, битва воли, битва терпения.

Они оба понимали, что первый, кто совершит неосторожный шаг, кто поддастся искушению атаковать, может оказаться проигравшим.

Поэтому они продолжали свой безмолвный танец, окутанные аурой взаимного уважения и скрытой угрозы.

Внезапно мужчина не выдержал. Терпение его иссякло, и, преодолев призрачные оковы сомнений, он рванул на Анну.

Его атака была стремительной, отчаянной, направленной на то, чтобы захватить ее, разорвать, поглотить. Но она была тенью, неуловимой, ускользающей. Ее движения были столь же быстры, сколь его натиск был яростен.

Какое-то время она лишь уворачивалась, играя с ним, подобно кошке с мышью. Она искусно тратила его силы, заставляя его удары проходить мимо.

Он тяжело дышал, его тело начинало подводить, а гнев сменялся досадой.

Внезапно, словно в порыве озарения, он поймал ее взглядом. В этот миг, когда ее внимание было рассеяно, из его рук материализовалось орудие – секира. Она была чудовищным творением. Ее лезвие, выкованное из металла, напоминающего закаленное в горниле пламя, искрилось неестественным багровым светом. По всей его поверхности витиевато извивались узоры, словно застывшие языки пламени или сплетенные кости. Каждое зубчатое окончание лезвия казалось выточенным для того, чтобы рвать и терзать, не оставляя противнику ни единого шанса.

Рукоять топора, также украшенная замысловатой резьбой, переходила в навершие, напоминающее череп или какую-то мифическую тварь с острыми отростками. Металл испускал едва уловимое тепло, и казалось, что вместе с секирой призвана была сама стихия огня, сжимающаяся в холодном, смертоносном оружии.

«*Так и думала, маг огня, черт тебя возьми. Потому и оружие не доставал, маги огня хитрецы.*»

Удар был неминуем. Чтобы отразить этот смертоносный выпад, Анна призвала свои кинжалы. Два лезвия, тонкие и острые, появились в ее руках, готовые к встрече.

И вот, с оглушительным скрежетом, сталь соприкоснулась со сталью. Ослепительные искры брызнули во все стороны, освещая арену их поединка.

— Думаю, на этом закончить. — Анна смотрела в глаза магу огня, слегка пустив кровавые нити по его рукам, указывая, что их бой закончился.

Мужчина увидел тонкие, пульсирующие нити крови, тянущиеся вдоль его рук. Они были не просто ранами, а живыми, извивающимися нитями, питающимися его жизненной силой. С ужасом он осознал: он сражается не с обычным воином, а с магом крови.

Его противница, Анна, стояла перед ним, не касаясь его, но ее присутствие окутывало его ледяным холодом. В ееглазах не было ярости, лишь холодное, расчетливое спокойствие, которое пугало больше, чем любая открытая агрессия.

Он почувствовал, как тонкие нити крови начинают стягиваться, словно петля, готовясь окончательно задушить его.

— Согласен, госпожа. — Мужчина отошел, отзывая свое оружие. — ***Сдаюсь***. — Он произнес слова поражения с честью, осознавая свое положение.

Конечно, продолжить можно было бы, но вокруг были люди, они не хотели бы разгара боя.

Толпа резко загудела, показывая свое недовольство. Зрители, жаждавшие увидеть кровавую схватку, были обмануты в своих ожиданиях. Воздух наполнился гулом разочарования, перешептываниями и недовольными возгласами.

Казалось, праздничное настроение, которое еще недавно царило на арене, начало угасать.

Но Анна и мужчина, стоявшие друг напротив друга, лишь обменялись взглядами. В этом молчаливом обмене не было враждебности, лишь взаимное уважение и понимание. Они оба были мастерами, понимающими, что истинная сила заключается не в разрушении, а в контроле.

Они видели, куда мог привести начавшийся поединок, к чему могла привести их магия крови и огня, сплетенная в смертельном танце. И оба предпочли избежать этой участи.

Они разошлись в разные стороны, словно два хищника, которые, оценив друг друга, решили не вступать в бой. Толпа продолжала гудеть, но их решение было принято.

Они поблагодарили друг друга молчанием за не начавшуюся резню, за проявленное мастерство, за мудрость, позволившую им сохранить жизни – свою и чужие.

— Почему ты не закончила с ним? — Эми шла от арены, расстроенная.

— Потому что он маг огня, сестра. — Анна шла и смотрела в небо, усеянное тысячами звезд. Пока шло сражение, успело потемнеть, и они ярко светили.

Она не хотела сегодня проблем, потому и ушла.

— Маг огня, жуть конечно. — Сильно Эми не расстроилась, что не угадала мага, но его магия вызывала в ней смесь чувств, от ужаса до восхищения. — Хорошо, что вы друг друга поняли.

И правда, хорошо это

Анна и Эми продолжили свое гастрономическое путешествие, исследуя кухни разных народов. Город манил их своими ароматами и вкусами, каждый новый прилавок обещал открыть для себя что-то удивительное.

Но их мирное исследование было прервано шумом и весельем, разносившимся с центральной площади. Там начался фестиваль красок, зрелище, которое всегда привлекало толпы. Люди с энтузиазмом набирали в мешочки сухие смеси всевозможных цветов, готовясь окунуться в атмосферу праздника. Сестры, поддавшись общему настроению, тоже взяли себе по паре ярких мешочков.

Смех и крики наполняли воздух, когда они начали весело осыпать друг друга разноцветной пылью. Зеленый, синий, красный, желтый – все смешивалось в радужном вихре.

Внезапно, словно из ниоткуда, сзади прилетел мешочек с зеленой краской. Он не долетел, распахнувшись буквально в сантиметре от Анны, и развеял в воздухе облачко мелких частиц.

Когда дымка начала рассеиваться, сквозь нее Анна увидела ту самую маску, которую уже видела на арене. Те же глаза, бездонно-серые, с холодными отблесками синевы, смотрели прямо на нее. Они проникали ей в душу, будто знали ее насквозь, как будто читали ее прошлое и знали, кто она на самом деле.

Анна застыла, ее сердце учащенно забилось. Серые глаза, обрамленные черными ресницами, приковывали ее внимание, словно магнит.

Она попыталась встряхнуть головой, но взгляд незнакомца словно удерживал ее, не давая вырваться из его плена.

Эми, не замечая замешательства сестры, продолжала смеяться, осыпая Анну розовыми и оранжевыми красками. Но Анна уже не слышала ее. Все ее внимание было приковано к человеку в маске, который, казалось, не двигался, лишь его глаза гипнотизировали ее.

Другие люди на площади теперь казались размытыми пятнами, их смех и веселье отступили на второй план. Мир сжался до пространства между ней и человеком в маске. Ей хотелось подойти, спросить, узнать, кто он, но ноги словно приросли к месту.

Страх и необъяснимое влечение боролись в ее душе.

Внезапно, как по команде, человек в маске повернулся и растворился в толпе. Анна моргнула, и реальность вернулась. Люди вокруг продолжали веселиться, а она стояла, покрытая красками, с колотящимся сердцем и ощущением, что что-то важное только что упустила.

— Ты чего застыла, будто мертвого увидела? – Эми весело похлопала Анну по плечу, призывая веселиться

— Явно живого, – она хотела рассказать Эми, кого увидела, однако передумала, – но, думаю, показалось.

Закончив игру, Анна и Эми направились передохнуть к ларьку с сухофруктами. Воздух был пропитан ароматом нагретых солнцем дынь, инжира и абрикосов, создавая сладкое, тягучее облако, которое приятно щекотало ноздри. Девушки прислонились к деревянной, слегка облупившейся столешнице, наблюдая за оживленной толпой. Вокруг сидели кучками молодые

люди, громко смеясь. Их голоса сливались в общий гул, перемешиваясь с музыкой, доносившейся откуда-то издалека.

Глаза Анны скользили по лицам, выхватывая яркие детали: блеск в глазах, широкие улыбки, энергичные жесты. Эми, казалось, была более погружена в свои мысли, слегка нахмурив брови, но и на её губах играла лёгкая, задумчивая улыбка. Наконец, продавец, пожилой мужчина с добрыми морщинками вокруг глаз, предложил им отведать фиников. Анна откусила кусочек, и сладость, смешанная с лёгкой терпкостью, разлилась по языку.

— Невероятно, – прошептала она, и Эми, подхватив её настроение, взяла себе горсть изюма, который приятно поскрипывал на зубах.

Они не произнесли ни слова, но чувствовалось, что этот краткий отдых, наполненный ароматами и звуками праздника, был для них обоих желанным. Игра, хоть и приносила радость, требовала сил, и теперь, с полными ртами сладких, натуральных сокровищ, они чувствовали, как к ним возвращается энергия.

— Я, верно, вас напугал, госпожа, – сзади подошел мужчина, слегка окружая их своим шлейфом парфюма. Его голос, низкий и бархатный, казалось, проникал сквозь шум окружающего мира, создавая вокруг них уютный кокон.

Анна повернулась и снова встретилась с теми глазами с арены боя. Те манящие глаза серого цвета, с прожилками синевы, которые смотрели на нее с легким прищуром. Серые бездонные глаза с легкой игривостью тянули её в свои сети, поглощая её мысли, её желания и чувства. Она смотрела словно завороженная, ощущая на себе магию его глаз, что полностью подчинили её.

Мужчина что-то говорил, слегка улыбался, но Анна ничего не могла разобрать. Её мысли и слух были будто в тумане.

— Сестра, господин спрашивает, где ты училась сражаться, – Эми не стала называть имя Анны и слегка толкнула её, чтобы та пришла в себя.

Анна встряхнула головой, пытаясь вернуть мысли на место: — Горы Морелия, община Маракая, они мои учителя, – Анна впервые столкнулась с таким магнетизмом от мужчины. Ранее в её окружении были люди, которые не могли каким-либо образом привлечь её внимание. Каким бы красивым он ни был, Анна не смотрела в его сторону. Но тут она не видит его лица, только глаза

— Община волхвов, вы, вероятно, сильны, раз вас там обучали, – мужчина поклонился в знак уважения.

Внезапно Эми дернулась с места и слилась с толпой, оставляя сестру наедине с этим загадочным человеком. Он подошел ближе, занимая место Эми, и, взяв финик в руку, начал рассматривать его.

— Я благодарю вас за ваше благоразумие там, на арене, – он снова смотрел на нее.

— Мы с вами оба понимаем, чем бы всё кончилось, – Анна взяла финик из его руки и вскрыла, доставая косточку, – вы всегда ходите в перчатках?

Она вернула чистый финик, вложив его в перчатку мужчины. Тот резким движением закинул фрукт в рот, сладко пережевывая.

— Хах, а вдруг он отравлен? Вы так доверяете незнакомке? – Анна слегка улыбнулась.

— Ваши глаза чисты, вы бы не стали меня травить, госпожа, – его взгляд прожигал Анну изнутри, создавая впечатление, что она задыхается от своих же эмоций.

— Друг, нам пора, ты занят? – к мужчине подошел парень и дернул того за плечо, отвлекая от любопытного разговора.

— Да, очень. Пожалуй, я присоединюсь к вам позднее, – мужчина, не оборачиваясь, откинул руку с плеча и всё смотрел в глаза Анны, не теряя зрительный контакт.

Юноша что-то поворчал и направился прочь.

— Не хотите прогуляться по набережной? – мужчина протянул руку, приглашая к прогулке под ночным небом.

— С удовольствием, – Анна с легким опасением протянула руку и коснулась его перчатки.

Сквозь перчатку она почувствовала лишь жаркое пламя его магии, но не обжигающее, а скорее согревающее, будто древний костер, разведенный в самую холодную ночь. — Позвольте, я сниму перчатку, – он было начал стягивать с руки плотную ткань, но Анна его перехватила: она не хотела спугнуть этот момент.

— Не стоит, – она взглянула на него, он остановился, понимая её опасения. Магия из его рук пульсировала мягко, словно биение могучего, но доброго сердца.

Ее собственная магия, скованная страхом и неопределенностью, начала откликаться на это зовущее тепло. Тонкие нити ее силы, до этого спящие и холодные, стали распрямляться, набирать цвет, словно семена, пробуждающиеся после долгой зимы под ласковым солнцем. Она почувствовала, что те её опасения насчет связи с магом огня были глупостью. Её магия внутри словно согревалась от его внутреннего огня, начала двигаться в легком ритме, без желания напасть, желая лишь дальше согреваться об этот огонь.

В этот момент мир сузился до одного единственного ощущения: ее ладонь, сжатая в его, и пульсирующий в нем жар магической энергии.

Он, казалось, почувствовал ее ответный отклик. Напряжение в его хватке ослабло, но тепло не ушло. Напротив, оно усилилось, стало более уверенным, словно он нашел отклик и теперь мог позволить себе полностью раскрыть свою силу, зная, что она не оттолкнет, а примет.

— Вы маг огня, удивительно встретить кого-то из ваших, – Анна нехотя отпустила его руку, и та сила внутри нее словно взывала к повторению тепла.

Они шли вдоль набережной, где, словно застывшие в вечности величественные тени, дрейфовали корабли. Их силуэты, вычерченные на фоне вечернего неба, казались порталами в иные миры, полные тайн и забытых историй. Воздух был напоен запахом соли, смолы и несбывшихся надежд, которые, казалось, навечно осели в этих старых портовых стенах. Он шел размеренно, делая шаги в такт с ней, не стремясь убежать вперед и не топчась на месте.

Его присутствие было словно тихая гавань в бушующем море жизни. От него исходила аура спокойствия и умиротворения, но в то же время ощущалась некая скрытая сила, подобная мощи спящего вулкана, чье дыхание едва заметно. Эта двойственность притягивала, завораживала, создавая загадочный ореол вокруг его персоны.

Они много рассуждали про империи, про силу, общаясь на сторонние темы, словно два искусных мастера шахмат, каждый из которых просчитывал ходы противника, не раскрывая своей конечной цели. Слова сплетались в узор, где каждый намек, каждое недосказанное слово было частью более сложной игры. Они вели диалог, который позволял им узнать друг друга, но в то же время искусно скрывать истинную суть своей личности, сохраняя покров тайны.

— Верно, в наше время маги огня — редкость, но жаль, что нас все так боятся, – он шел рядом, иногда подавая руку на ступеньках.

— Среди вас много безумных, что сжигали людей из-за одного лишь недоброго взгляда, – Анна шла, стараясь не глазеть на него, но у нее это плохо получалось.

— Вы правы, поэтому я стараюсь при встрече с людьми менять их восприятие, – он и правда производил впечатление достаточно разумного человека, — однако в истории есть люди, что творили ужасы, не имея силы магии.

— Соглашусь с вами, – они стояли у пристани, вглядываясь в ночную даль, – я и сама была свидетелем этого. – Анна потерла глаза, перед ней всплывали картины того дня.

— Вы про что именно? В мире множество таких случаев. – Мужчина присел на ступени, вытягивая ноги, – поделитесь со мной, если хотите конечно, и я поделюсь с вами.

Он взглянул на Анну, глаза сверкнули за маской, призывая к доверию. Но Анна не хотела ни вспоминать тот день, ни тем более говорить про него.

— Тогда начну я, – он слегка откашлялся и начал свой рассказ, – я тогда был маленьким мальчиком и иногда доносил письма из империи в империю.

Необходимо было доставить некие свитки до императора Парга, Жана. По слухам он был великим императором, но его жена, мать нынешнего императора, была слегка не в себе. Ее вечное чувство, будто за ней следят, что караулят у покоев, и мысли о нападении на её сына, Филиппа, роились в её голове. По крайней мере, все так шептались между собой.

— Вы были в тот день, когда она сожгла тех людей? – Анна прервала рассказ мужчины, понимая, про кого он говорит, ведь она помнила тот день.

Ужасающий и самый запоминающийся момент в её жизни, ведь она не просто наблюдала за этим, она находилась на той же площади, что и Мария, а Анне тогда исполнилось только 5 лет.

— Да, я был тогда там, я видел тот ужас в глазах людей, – мужчина потер руки, – но в глазах императрицы сожаления *не было,* она их жгла, будто они не живые, оглашая вокруг лишь то, что они все враги империи.

— Какая глупость, – он с ненавистью выплюнул эти слова в воздух. Воспоминания начали всплывать перед глазами Анны.

Тот день, когда Мария утром приказала выстроить на площади некие приспособления, вызвал у слуг немой вопрос, но полное понимание её замысла.

Воздух наполнился запахом сырого дерева и предвкушением чего-то ужасного. Она, воплощение власти и жестокости, с самого утра лично контролировала процесс. Каждый установленный столб, каждое приготовленное бревно – всё было под её неусыпным надзором. Её лицо, обычно скрытое под маской благородства, теперь выражало лишь холодную решимость, а глаза метались, словно у хищника, выслеживающего добычу.

Создавая некие кострища, она с самого утра следила за правильностью выполнения. Это было не просто строительство, это было ритуальное приготовление к жертвоприношению, где жертвами должны были стать люди. Она сама двигала бревна, сама указывала, как укладывать их, словно опытный палач, готовящий свои орудия.

После полудня, когда солнце начало клониться к закату, Мария приказала поймать людей, которых считала врагами империи. Ими оказались простые горожане, те, кто, по её мнению, был каким-то образом причастен к заговорам против императора. Их загнали на площадь, где уже дымились костры, готовые поглотить их души. Её безумие переросло в массовую казнь людей. Более ста человек она сожгла менее чем за сутки, и всё это – на глазах у Анны и Филиппа.

Она держала сына, Филиппа, за руку; его детские глаза расширились от ужаса, когда пламя начало лизать тела.

Анна помнила, что Мария шептала на ухо своему малолетнему сыну: — Видишь, сын мой, – прошептала она, – я делаю это ради твоей безопасности. Ради нашего будущего. Враги будут уничтожены, и ты будешь править в мире, свободном от страха.

В её словах звучало безумие, но в глазах Филиппа отражался лишь страх, который, казалось, был намного сильнее пламени, пожирающего невинных.

— Люди настолько слабы, что их страх заставляет делать немыслимые поступки, – Анна была согласна, это была невероятная глупость.

— Императоры должны защищать нас, но точно не уничтожать свой же народ, – она решила прикинуться одной из горожан, чтобы отмести возможные подозрения.

— Вы правы, я видел тот ужас и те костры, этот огонь, всепоглощающий, что забирал невинные жизни. В тот день я для себя решил – моя магия не принесет этому миру зло, я

направлю её на благие намерения, или же, – он глубоко вздохнул и откинулся на ступеньки, – я никогда ей не воспользуюсь.

Последние его слова означали лишь, что он готов полностью отречься от своей силы, дабы не использовать её против людей.

— Достойно, очень благородно, я бы сказала, – Анна присела чуть выше него. — Думаете, волхвы одобрят ваш отказ в случае чего? – Только после дозволения общины маг может отречься от своей силы.

— Думаю, да; вряд ли, если я совершу нечто ужасное, они меня похвалят, – мужчина слабо улыбнулся.

— Значит, не совершайте. Сильных магов не так много в наше время, а в особенности с трезвым умом, – Анна вспоминала слова Филиппа, осознавая, что то безумие его матери, возможно, постигло и его.

— А вы бы согласились отказаться от своей силы, чтобы спасти невинных? – он взглянул на неё, задавая по сути вполне адекватный вопрос.

Но для Анны это было больше, чем просто ответить, ведь сейчас она и так находилась в состоянии решения подобного рода дилеммы.

— Я? – Анна задумалась, а может ли она отречься от своей силы, спасая невинных, сможет ли она отказаться от убийства Зульфии, дабы спасти их жизни? — Сила, что дана нам, должна служить для чего-то впрок, и лишь мы определяем, на какой мы стороне, верно? – она взглянула на мужчину; тот смотрел на её лицо не двигаясь.

— Так значит, если сила – это ответственность, мы не имеем права на ошибку, особенно в отношении слабых, – она взглянула на звезды.

— Тогда да, я откажусь от своей силы, чтобы спасти их, да Последние слова были точкой в их разговоре.

Довольно откровенно два сильных мага мира, которые доселе не знали друг друга и не узнают из-за фестиваля, обсуждали интересные темы, не подходящие для подобных прогулок.

— Как интересно завернулся наш разговор, не так ли? – мужчина встал и подал руку Анне.

— Не стоит, – к своему удивлению, она отказалась от его руки, и не попрощавшись удалилась, оставив его в полном замешательстве. Мысли в голове сложились в одну плоскость, словно жемчуг на нить; Анна старательно нанизывала факты.

Она знала – отрицать очевидное бессмысленно. Филипп сошел с ума; его безумие, подобно ядовитому плющу, оплетало здравый смысл, переходя все мыслимые и немыслимые границы. Мирно решить конфликт, увы, не получится. Филипп был слишком увлечен своей навязчивой идеей, чтобы прислушаться к голосу разума. Однако убить ничем не повинную Зульфию и её нерожденного ребенка – это была бы не просто глупость, а чудовищное преступление, которое легло бы несмываемым пятном на её совесть.

Анна не могла допустить такого исхода. Сердце сжималось от отчаяния, но разум не сдавался. Отказаться от приказа, отданного лично Филиппом, она не могла – последствия были бы слишком серьезными, как для неё самой, так и для тех, кто ей доверял. Оставался лишь один, единственный вариант, тонкая нить надежды в бездонной пучине отчаяния – обмануть Филиппа.

Это был рискованный, отчаянный шаг, но порой только ложь может спасти от еще большей беды.

Анна с Эми рассекали небесную синь, летя на драконах, возвращаясь в Парга. В голове Анны, как рой пчел, вились непрошеные идеи, ни одна из которых не казалась жизнеспособной.

Как обмануть Филиппа? Этот вопрос камнем лег на сердце, но отступать было некуда. Филипп доверял ей

Он видел в ней верного исполнителя, не способного на предательство. Это доверие, закаленное годами, теперь стало её единственным оружием и одновременно самой уязвимой точкой.

Он знал, что Анна выполнит приказ, особенно когда на кону стояла угроза расправы над теми, кто ей дорог. Но именно это знание давало ему силу, позволяя манипулировать ею, как марионеткой. Полет казался бесконечным, а решение – неуловимым.

Ей нужен был план, безупречный, хитроумный, который позволил бы обойти прямолинейность Филиппа, его слепую веру в собственную правоту. Нужно было найти лазейку в его безумии, соломинку, за которую она могла бы ухватиться, чтобы спасти Зульфию и её ребенка.

— Пригласите мне Маркуса, срочно, – как только они приземлились дома, Анна отдала приказ слугам. Те бегом отправились за капитаном в его покои. Маркус влетел в кабинет госпожи, одевая на ходу рубаху.

— Анна, что-то случилось? – он резко вошел в комнату и сел на диван перед ней. — Да, я решила, – она курила, снова, осознавая, какой выбор она сделала.

— Я не буду убивать Зульфию. Мы обманем его, – она выпустила клубок дыма прямо в лицо Маркуса; тот закашлял.

— Но как? – он был удивлен, но еще больше рад, что Анне не придется брать такой грех на сердце.

— А это нам с тобой предстоит только придумать, – мыслей о варианте обмана императора не было.

Анна рассчитывала на помощь своего друга, который был профи в этом деле.

Наконец-то она выспалась.

Чувство лёгкости и восстановления наполняло каждую клеточку её тела, даря заряд бодрости и небывалой энергии. Казалось, прошлая бессонница и тяжелые мысли остались где-то далеко позади, как дурной сон, рассеявшийся с первыми лучами солнца. Быстро собравшись, Анна почувствовала непреодолимое желание вывести эту новую энергию наружу.

Идеальным способом для этого стала утренняя пробежка. Надев спортивную одежду, она вышла на улицу, наслаждаясь свежим, прохладным воздухом. Её путь лежал через тренировочные площадки, где уже раздавались первые звуки утренних тренировок, затем мимо живописных садов, утопающих в зелени, и, наконец, к прачкам, занятым своим нелёгким трудом во внутреннем дворе; их мерное покачивание и плеск воды создавали умиротворяющий фон. Именно там, среди этой будничной суеты, Анна встретила свою сестру.

Радостное возбуждение освещало лицо Эми, когда она показала Анне выбранные маски для предстоящего маскарада. Это были великолепные парные маски: одна – оттенка тёплого светло-коричневого дерева, другая – изящная, светло-серая, украшенная тончайшими вставками из золота и серебра. Сестра протягивала ей одну из масок, сверкающую в утренних лучах.

Анна взяла эту маску. Тяжёлая, словно вырезанная из цельного куска тёмного дерева, она казалась произведением искусства. Резные узоры, напоминающие переплетающиеся ветви, добавляли ей таинственности.

— А эта тогда для меня, – решила Эми, указывая на более лёгкую серую маску, мерцающую золотыми и серебряными нитями. Анна редко бывает на подобных фестивалях.

Наряды решили выбрать похожие, без ярких акцентов, чтобы не привлекать внимание. Костюмы, без явных юбок и платьев, подходящие для полёта.

— Нам лететь уже завтра утром. Ты готова? — Эми боялась, что сестра передумает и не полетит.

— Конечно, – Анна слегка приобняла сестру за талию. — Не бойся, не передумаю. Меня и правда засосало это дело, я слишком сильно увлеклась, надо отдохнуть. — Она выглядела иначе, чуть бодрее, чем в последние недели.

— Я рада, – Эми сильно прижала к себе Анну, будто прощаясь.

— Задушишь, – они засмеялись.

Так давно они не смеялись вместе.

Утром следующего дня им приготовили драконов. Огромные, чешуйчатые существа уже ждали их, нервно переступая когтистыми лапами по каменному плацу. Воздух был наполнен их низким, утробным рыком, предвещающим скорое путешествие.

Девушки, которые ещё вчера были облачены в изысканные одежды, теперь носили удобные, прочные костюмы, сшитые из тёмной плотной ткани.

Она не стесняла движений и была идеально приспособлена для полёта. В сумках, перекинутых через плечо, лежали маски, призванные скрыть их лица от любопытных глаз на фестивале. Каждая заняла своё место за спиной наездника. Взмывая в небо, они почувствовали, как ветер свистит в ушах, а мир внизу стремительно уменьшается.

Под ними проносились скалы, покрытые ковром вековых сосен, а затем показалось глубокое, извилистое ущелье, пересекающее острые пики гор.

Солнце, поднявшись выше, заливало всё вокруг золотистым светом, делая полёт ещё более захватывающим.

Через несколько часов полёта, сквозь разреженный воздух, показался долгожданный город.

Это была Грандия, величественная крепость, выросшая из скалы. Приземлившись на широкой террасе, девушки почувствовали под ногами твердую землю после долгих часов полета. Город шумел, наполненный звуками жизни, а над ним возвышались шпили дворцов и башни стражи, охраняющие его покой. Вся центральная площадь была украшена к фестивалю маскарада и красок. Воздух наполнился ароматами специй и жареного мяса, доносившимися из многочисленных ларьков с едой. Разноцветные гирлянды переливались на солнце, а между толпами зевак сновали шуты и клоуны; их яркие костюмы и забавные выходки мгновенно привлекали внимание детей, вызывая у них неудержимый смех. Веселая, задорная музыка лилась отовсюду, подгоняя народ собираться ближе к импровизированной сцене, где выступали музыканты.

Люди, составлявшие основную массу собравшихся, были одеты как обычные горожане: простая одежда, удобные штаны и рубахи, платья и юбки. Но среди этой обычной толпы уже чувствовалось предвкушение грядущего праздника. Некоторые, желая начать игру раньше остальных, уже носили маски, скрывая свою личность. Они сияли всеми цветами радуги, украшенные перьями, блестками и замысловатыми узорами, придавая своим владельцам загадочный и интригующий вид.

По мере того как солнце начинало клониться к закату, площадь становилась все более оживленной. Клоуны теперь жонглировали огненными факелами, а шутов сменяли танцоры в экстравагантных костюмах. Музыка становилась громче, ритмичнее, побуждая даже самых скромных присоединиться к общему веселью. На лицах людей, у кого еще не было оно скрыто масками, читалась радость предвкушения, предвкушения ночи, которая обещала быть полной тайн, превращений и ярких впечатлений.

Весь день девушки провели, растворившись в атмосфере праздника. Они методично обходили один ларек за другим, прислушиваясь к мелодиям, льющимся со сцены. В этот день звучали самые разные мотивы: от зажигательных плясовых, заставляющих притопывать ногой, до нежных, лирических баллад, вызывавших легкую меланхолию. Их смех, чистый и звонкий, разносился над шумной площадью, отражаясь от стен домов, словно маленький колокольчик, возвещающий о безмятежности и счастье. Они с удовольствием пробовали все предложенные угощения: пышные пироги с начинками, ароматные фрукты, тягучие сладости, острые закуски. Каждый новый вкус приносил удовольствие, отодвигая на второй план тревожные мысли и заботы, которые, казалось, остались где-то там, далеко, за пределами этого шумного, красоч-

ного праздника. Время текло незаметно, наполняя их легкими, приятными моментами, питая не только тело, но и душу.

Ближе к вечеру, когда солнце стало окрашивать небо в багровые тона, их взгляд привлекло огороженное пространство на краю площади. Здесь, в центре, разворачивались настоящие поединки. Смелые бойцы, облаченные в маски, которые, казалось, слились с их лицами благодаря какой-то неведомой магии, демонстрировали свое мастерство. Их движения были стремительны и точны, каждый удар, каждый блок исполнялся с невероятной грацией. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за зрелищем, а гул толпы нарастал с каждым удачным приемом.

Анна с Эми, привлеченные азартом схватки, подошли к самому ограждению, чтобы лучше разглядеть поединки. Толпа бурлила, поддерживая своих фаворитов, и воздух дрожал от выкриков и одобрительных возгласов. Вдруг, словно ураганом, одного из мужчин, стоявших в первых рядах, вытолкнули прямо в центр арены. Он очутился на площадке, покрытой мягким, утоптанным песком, окруженной грубыми деревянными ограждениями.

Мужчина, оказавшийся в центре внимания совершенно неожиданно, выглядел несколько смущенным. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам, словно не понимая, как он здесь очутился. Затем, глубоко вздохнув, он принялся разминать руки и ноги, ощущая, как напряжение медленно покидает его тело. Каждый сустав, каждая мышца готовились к предстоящему испытанию, и в его глазах появился огонек решимости. Толпа вокруг затихла в ожидании, предчувствуя, что этот незапланированный поединок может оказаться одним из самых зрелищных.

Навстречу ему вышел противник, казалось, вдвое больше и гораздо сильнее. Его мускулы перекатывались под закаленной кожей, а взгляд был наполнен хищной решимостью.

Взмахнув рукой, он призвал свое оружие — огромный двуручный топор, сверкнувший в тусклом свете вечерних фонарей. С боевым кличем, сотрясшим публику, он бросился в атаку на ошеломленного мужчину.

Однако молодой боец, к удивлению многих, не стал призывать в ответ свое оружие. Вместо этого он начал мягко, но стремительно двигаться, словно танцор, уворачиваясь от разрушительных ударов топора. Каждый его шаг был выверен, каждое движение — элегантно.

Он умудрялся ускользать от смертоносных взмахов, словно призрак, и даже ловко парировать некоторые из них, гася их силу и направляя энергию в сторону. Зрители, еще миг назад ожидавшие быстрой победы гиганта, теперь с изумлением наблюдали за этим непривычным зрелищем.

— Как думаешь, какой он маг? – Эми с изумлением смотрела за поединком, указывая на парня без оружия. – Думаю, маг воздуха. Так уворачиваться надо уметь, – Эми была поражена им.

Анна же видела нечто, что ускользало от взора большинства. Тонкие, едва заметные огненные нити исходили от мужчины, пульсируя в такт его резким, стремительным движениям. Они таяли, словно дымка на уходящем солнце, с каждым его шагом, с каждым уклонением.

Это было так быстро, так мимолетно, что лишь самые внимательные могли уловить этот изящный танец стихий. Но Анна чувствовала это своим нутром – он был магом огня. Эта уверенность была неоспоримой, интуитивной. Однако, несмотря на это знание, одна вещь оставалась для нее загадкой: какова истинная мощь этого человека?

Он двигался с такой грацией и скоростью, что казалось, будто он больше уворачивается, чем сражается. Его техника была не грубой силой, а скорее искусным танцем, где каждое движение было рассчитано до миллиметра.

Он был как будто живым воплощением пламени – неуловимым, переменчивым и потенциально разрушительным. Анна пыталась оценить глубину его магической силы, но каждый

раз, когда ей казалось, что она подходит к разгадке, он вновь ускользал, оставляя ее в недоумении. Он был силен, это было очевидно, но насколько именно – оставалось неясным.

— Не буду загадывать, но он явно силен, – Анна лишь намекнула, давая Эми самой додумать. Он двигался так быстро, что его оппонент, несмотря на свою внушительную комплекцию, начал выдыхаться. Каждый следующий взмах топора становился медленнее, каждый выпад – менее точным.

Огромный воин, привыкший полагаться на грубую силу, оказался не готов к такой изворотливости и скорости. В этот критический момент, когда противник уже не мог эффективно парировать, мужчина нанес точный, молниеносный удар под дых. Получив такой удар, гигант отшатнулся, тяжело дыша. Его лицо исказилось от боли и неожиданности. Он попытался поднять свой топор, но руки его не слушались. Силы оставили его, и он, не имея возможности продолжать схватку, упал на песок, задыхаясь. Поняв, что больше не может стоять на ногах, он с трудом поднял одну руку, подавая знак сдаться.

Толпа взорвалась одобрительными криками, пораженная ловкостью и мастерством молодого бойца, сумевшего одолеть противника, который казался несокрушимым.

Парень, чей смущенный поклон означал победу, уже собирался пойти прочь, чтобы перевести дух и немного восстановиться после напряженного поединка. Однако отдохнуть ему не дали. Толпа, ощутившая вкус зрелища, требовала продолжения, и, увидев, что кто-то снова не пускает его отдохнуть, начала ликовать.

— А кто же выйдет к нему? Все опасаются: он сильный, и даже оружие не достал. – Анна слушала шепот, что проходил по толпе зевак.

Наступила неловкая пауза. Зрители, ожидавшие увидеть новых бойцов, замельтешили, перешептываясь между собой. На лицах читалось разочарование и недоумение.

Кто-то из толпы неуверенно выкрикнул вопрос, но ответа не последовало. В воздухе повисло напряженное ожидание, смешанное с легким недовольством.

Казалось, фестиваль, окутанный предвкушением маскарада и красок, рискует захлебнуться в этой тишине, если никто не осмелится выйти на песок.

— Не хочет проветриться? Может, он достоин твоего внимания? – У Эми загорелись глаза, она знала: сестра справится, даже не вспотев.

— Что? Я? Да неее – Анна не успела договорить, как перед ней упало ограждение, и она вывалилась в центр арены.

— Оно магическое! Не нужно было говорить «***я***»! – крикнул ей кто-то из толпы.

«*Черт*». Анна понимала: сейчас надо сражаться так, будто он враг, иначе она опозорится.

— Госпожа, я удивлен, – голос мужчины был спокойный, будто не было поединка до этого. – Я постараюсь не сильно атаковать. Если захотите удалиться, всего лишь скажите «*сдаюсь*», и поединок кончится. – Он смотрел на нее чуть сверху, но от этого сильнее он ей не казался.

— Да, я услышала, благодарю. Вы тоже не забывайте это слово. – Анна отряхнула ткань от песка и приготовилась.

Она не стала нападать. Вместо резких, агрессивных движений, она начала медленно и размеренно обходить мужчину, словно хищница, изучающая свою добычу. Каждый ее шаг был выверен, каждое движение – исполнено спокойствия. Она не проявляла враждебности, но ее присутствие само по себе оказывало давление.

Он, в свою очередь, слегка двигался, пытаясь ее устрашить. Его взгляд был прикован к ней, он ждал малейшего признака атаки, чтобы мгновенно отреагировать. Он пытался казаться уверенным, даже вызывающим, но легкая дрожь в его руке выдавала внутреннее напряжение.

Но Анна была словно тень. Она исчезала из поля его зрения, словно растворяясь в воздухе, и тут же появлялась в другом месте, всегда на шаг впереди, всегда вне досягаемости. Ее

движения были плавными, текучими, не позволяя ему предугадать ее следующий маневр. Это было элегантное кружение, танец, исполненный напряжения и ожидания.

Ни он, ни она не доставали орудие. Поединок проходил без единого удара, без видимой агрессии. Это была битва умов, битва воли, битва терпения.

Они оба понимали, что первый, кто совершит неосторожный шаг, кто поддастся искушению атаковать, может оказаться проигравшим.

Поэтому они продолжали свой безмолвный танец, окутанные аурой взаимного уважения и скрытой угрозы.

Внезапно мужчина не выдержал. Терпение его иссякло, и, преодолев призрачные оковы сомнений, он рванул на Анну.

Его атака была стремительной, отчаянной, направленной на то, чтобы захватить ее, разорвать, поглотить. Но она была тенью, неуловимой, ускользающей. Ее движения были столь же быстры, сколь его натиск был яростен.

Какое-то время она лишь уворачивалась, играя с ним, подобно кошке с мышью. Она искусно тратила его силы, заставляя его удары проходить мимо.

Он тяжело дышал, его тело начинало подводить, а гнев сменялся досадой.

Внезапно, словно в порыве озарения, он поймал ее взглядом. В этот миг, когда ее внимание было рассеяно, из его рук материализовалось орудие – секира. Она была чудовищным творением. Ее лезвие, выкованное из металла, напоминающего закаленное в горниле пламя, искрилось неестественным багровым светом. По всей его поверхности витиевато извивались узоры, словно застывшие языки пламени или сплетенные кости. Каждое зубчатое окончание лезвия казалось выточенным для того, чтобы рвать и терзать, не оставляя противнику ни единого шанса.

Рукоять топора, также украшенная замысловатой резьбой, переходила в навершие, напоминающее череп или какую-то мифическую тварь с острыми отростками. Металл испускал едва уловимое тепло, и казалось, что вместе с секирой призвана была сама стихия огня, сжимающаяся в холодном, смертоносном оружии.

«*Так и думала, маг огня, черт тебя возьми. Потому и оружие не доставал, маги огня хитрецы.*»

Удар был неминуем. Чтобы отразить этот смертоносный выпад, Анна призвала свои кинжалы. Два лезвия, тонкие и острые, появились в ее руках, готовые к встрече.

И вот, с оглушительным скрежетом, сталь соприкоснулась со сталью. Ослепительные искры брызнули во все стороны, освещая арену их поединка.

— Думаю, на этом закончить. — Анна смотрела в глаза магу огня, слегка пустив кровавые нити по его рукам, указывая, что их бой закончился.

Мужчина увидел тонкие, пульсирующие нити крови, тянущиеся вдоль его рук. Они были не просто ранами, а живыми, извивающимися нитями, питающимися его жизненной силой. С ужасом он осознал: он сражается не с обычным воином, а с магом крови.

Его противница, Анна, стояла перед ним, не касаясь его, но ее присутствие окутывало его ледяным холодом. В ееглазах не было ярости, лишь холодное, расчетливое спокойствие, которое пугало больше, чем любая открытая агрессия.

Он почувствовал, как тонкие нити крови начинают стягиваться, словно петля, готовясь окончательно задушить его.

— Согласен, госпожа. — Мужчина отошел, отзывая свое оружие. — ***Сдаюсь***. — Он произнес слова поражения с честью, осознавая свое положение.

Конечно, продолжить можно было бы, но вокруг были люди, они не хотели бы разгара боя.

Толпа резко загудела, показывая свое недовольство. Зрители, жаждавшие увидеть кровавую схватку, были обмануты в своих ожиданиях. Воздух наполнился гулом разочарования, перешептываниями и недовольными возгласами.

Казалось, праздничное настроение, которое еще недавно царило на арене, начало угасать.

Но Анна и мужчина, стоявшие друг напротив друга, лишь обменялись взглядами. В этом молчаливом обмене не было враждебности, лишь взаимное уважение и понимание. Они оба были мастерами, понимающими, что истинная сила заключается не в разрушении, а в контроле.

Они видели, куда мог привести начавшийся поединок, к чему могла привести их магия крови и огня, сплетенная в смертельном танце. И оба предпочли избежать этой участи.

Они разошлись в разные стороны, словно два хищника, которые, оценив друг друга, решили не вступать в бой. Толпа продолжала гудеть, но их решение было принято.

Они поблагодарили друг друга молчанием за не начавшуюся резню, за проявленное мастерство, за мудрость, позволившую им сохранить жизни – свою и чужие.

— Почему ты не закончила с ним? — Эми шла от арены, расстроенная.

— Потому что он маг огня, сестра. — Анна шла и смотрела в небо, усеянное тысячами звезд. Пока шло сражение, успело потемнеть, и они ярко светили.

Она не хотела сегодня проблем, потому и ушла.

— Маг огня, жуть конечно. — Сильно Эми не расстроилась, что не угадала мага, но его магия вызывала в ней смесь чувств, от ужаса до восхищения. — Хорошо, что вы друг друга поняли.

И правда, хорошо это

Анна и Эми продолжили свое гастрономическое путешествие, исследуя кухни разных народов. Город манил их своими ароматами и вкусами, каждый новый прилавок обещал открыть для себя что-то удивительное.

Но их мирное исследование было прервано шумом и весельем, разносившимся с центральной площади. Там начался фестиваль красок, зрелище, которое всегда привлекало толпы. Люди с энтузиазмом набирали в мешочки сухие смеси всевозможных цветов, готовясь окунуться в атмосферу праздника. Сестры, поддавшись общему настроению, тоже взяли себе по паре ярких мешочков.

Смех и крики наполняли воздух, когда они начали весело осыпать друг друга разноцветной пылью. Зеленый, синий, красный, желтый – все смешивалось в радужном вихре.

Внезапно, словно из ниоткуда, сзади прилетел мешочек с зеленой краской. Он не долетел, распахнувшись буквально в сантиметре от Анны, и развеял в воздухе облачко мелких частиц.

Когда дымка начала рассеиваться, сквозь нее Анна увидела ту самую маску, которую уже видела на арене. Те же глаза, бездонно-серые, с холодными отблесками синевы, смотрели прямо на нее. Они проникали ей в душу, будто знали ее насквозь, как будто читали ее прошлое и знали, кто она на самом деле.

Анна застыла, ее сердце учащенно забилось. Серые глаза, обрамленные черными ресницами, приковывали ее внимание, словно магнит.

Она попыталась встряхнуть головой, но взгляд незнакомца словно удерживал ее, не давая вырваться из его плена.

Эми, не замечая замешательства сестры, продолжала смеяться, осыпая Анну розовыми и оранжевыми красками. Но Анна уже не слышала ее. Все ее внимание было приковано к человеку в маске, который, казалось, не двигался, лишь его глаза гипнотизировали ее.

Другие люди на площади теперь казались размытыми пятнами, их смех и веселье отступили на второй план. Мир сжался до пространства между ней и человеком в маске. Ей хотелось подойти, спросить, узнать, кто он, но ноги словно приросли к месту.

Страх и необъяснимое влечение боролись в ее душе.

Внезапно, как по команде, человек в маске повернулся и растворился в толпе. Анна моргнула, и реальность вернулась. Люди вокруг продолжали веселиться, а она стояла, покрытая красками, с колотящимся сердцем и ощущением, что что-то важное только что упустила.

— Ты чего застыла, будто мертвого увидела? – Эми весело похлопала Анну по плечу, призывая веселиться

— Явно живого, – она хотела рассказать Эми, кого увидела, однако передумала, – но, думаю, показалось.

Закончив игру, Анна и Эми направились передохнуть к ларьку с сухофруктами. Воздух был пропитан ароматом нагретых солнцем дынь, инжира и абрикосов, создавая сладкое, тягучее облако, которое приятно щекотало ноздри. Девушки прислонились к деревянной, слегка облупившейся столешнице, наблюдая за оживленной толпой. Вокруг сидели кучками молодые люди, громко смеясь. Их голоса сливались в общий гул, перемешиваясь с музыкой, доносившейся откуда-то издалека.

Глаза Анны скользили по лицам, выхватывая яркие детали: блеск в глазах, широкие улыбки, энергичные жесты. Эми, казалось, была более погружена в свои мысли, слегка нахмурив брови, но и на её губах играла лёгкая, задумчивая улыбка. Наконец, продавец, пожилой мужчина с добрыми морщинками вокруг глаз, предложил им отведать фиников. Анна откусила кусочек, и сладость, смешанная с лёгкой терпкостью, разлилась по языку.

— Невероятно, – прошептала она, и Эми, подхватив её настроение, взяла себе горсть изюма, который приятно поскрипывал на зубах.

Они не произнесли ни слова, но чувствовалось, что этот краткий отдых, наполненный ароматами и звуками праздника, был для них обоих желанным. Игра, хоть и приносила радость, требовала сил, и теперь, с полными ртами сладких, натуральных сокровищ, они чувствовали, как к ним возвращается энергия.

— Я, верно, вас напугал, госпожа, – сзади подошел мужчина, слегка окружая их своим шлейфом парфюма. Его голос, низкий и бархатный, казалось, проникал сквозь шум окружающего мира, создавая вокруг них уютный кокон.

Анна повернулась и снова встретилась с теми глазами с арены боя. Те манящие глаза серого цвета, с прожилками синевы, которые смотрели на нее с легким прищуром. Серые бездонные глаза с легкой игривостью тянули её в свои сети, поглощая её мысли, её желания и чувства. Она смотрела словно завороженная, ощущая на себе магию его глаз, что полностью подчинили её.

Мужчина что-то говорил, слегка улыбался, но Анна ничего не могла разобрать. Её мысли и слух были будто в тумане.

— Сестра, господин спрашивает, где ты училась сражаться, – Эми не стала называть имя Анны и слегка толкнула её, чтобы та пришла в себя.

Анна встряхнула головой, пытаясь вернуть мысли на место: — Горы Морелия, община Маракая, они мои учителя, – Анна впервые столкнулась с таким магнетизмом от мужчины. Ранее в её окружении были люди, которые не могли каким-либо образом привлечь её внимание. Каким бы красивым он ни был, Анна не смотрела в его сторону. Но тут она не видит его лица, только глаза

— Община волхвов, вы, вероятно, сильны, раз вас там обучали, – мужчина поклонился в знак уважения.

Внезапно Эми дернулась с места и слилась с толпой, оставляя сестру наедине с этим загадочным человеком. Он подошел ближе, занимая место Эми, и, взяв финик в руку, начал рассматривать его.

— Я благодарю вас за ваше благоразумие там, на арене, – он снова смотрел на нее.

— Мы с вами оба понимаем, чем бы всё кончилось, – Анна взяла финик из его руки и вскрыла, доставая косточку, – вы всегда ходите в перчатках?

Она вернула чистый финик, вложив его в перчатку мужчины. Тот резким движением закинул фрукт в рот, сладко пережевывая.

— Хах, а вдруг он отравлен? Вы так доверяете незнакомке? – Анна слегка улыбнулась.

— Ваши глаза чисты, вы бы не стали меня травить, госпожа, – его взгляд прожигал Анну изнутри, создавая впечатление, что она задыхается от своих же эмоций.

— Друг, нам пора, ты занят? – к мужчине подошел парень и дернул того за плечо, отвлекая от любопытного разговора.

— Да, очень. Пожалуй, я присоединюсь к вам позднее, – мужчина, не оборачиваясь, откинул руку с плеча и всё смотрел в глаза Анны, не теряя зрительный контакт.

Юноша что-то поворчал и направился прочь.

— Не хотите прогуляться по набережной? – мужчина протянул руку, приглашая к прогулке под ночным небом.

— С удовольствием, – Анна с легким опасением протянула руку и коснулась его перчатки.

Сквозь перчатку она почувствовала лишь жаркое пламя его магии, но не обжигающее, а скорее согревающее, будто древний костер, разведенный в самую холодную ночь. — Позвольте, я сниму перчатку, – он было начал стягивать с руки плотную ткань, но Анна его перехватила: она не хотела спугнуть этот момент.

— Не стоит, – она взглянула на него, он остановился, понимая её опасения. Магия из его рук пульсировала мягко, словно биение могучего, но доброго сердца.

Ее собственная магия, скованная страхом и неопределенностью, начала откликаться на это зовущее тепло. Тонкие нити ее силы, до этого спящие и холодные, стали распрямляться, набирать цвет, словно семена, пробуждающиеся после долгой зимы под ласковым солнцем. Она почувствовала, что те её опасения насчет связи с магом огня были глупостью. Её магия внутри словно согревалась от его внутреннего огня, начала двигаться в легком ритме, без желания напасть, желая лишь дальше согреваться об этот огонь.

В этот момент мир сузился до одного единственного ощущения: ее ладонь, сжатая в его, и пульсирующий в нем жар магической энергии.

Он, казалось, почувствовал ее ответный отклик. Напряжение в его хватке ослабло, но тепло не ушло. Напротив, оно усилилось, стало более уверенным, словно он нашел отклик и теперь мог позволить себе полностью раскрыть свою силу, зная, что она не оттолкнет, а примет.

— Вы маг огня, удивительно встретить кого-то из ваших, – Анна нехотя отпустила его руку, и та сила внутри нее словно взывала к повторению тепла.

Они шли вдоль набережной, где, словно застывшие в вечности величественные тени, дрейфовали корабли. Их силуэты, вычерченные на фоне вечернего неба, казались порталами в иные миры, полные тайн и забытых историй. Воздух был напоен запахом соли, смолы и несбывшихся надежд, которые, казалось, навечно осели в этих старых портовых стенах. Он шел размеренно, делая шаги в такт с ней, не стремясь убежать вперед и не топчась на месте.

Его присутствие было словно тихая гавань в бушующем море жизни. От него исходила аура спокойствия и умиротворения, но в то же время ощущалась некая скрытая сила, подобная мощи спящего вулкана, чье дыхание едва заметно. Эта двойственность притягивала, завораживала, создавая загадочный ореол вокруг его персоны.

Они много рассуждали про империи, про силу, общаясь на сторонние темы, словно два искусных мастера шахмат, каждый из которых просчитывал ходы противника, не раскрывая своей конечной цели. Слова сплетались в узор, где каждый намек, каждое недосказанное слово было частью более сложной игры. Они вели диалог, который позволял им узнать друг друга, но в то же время искусно скрывать истинную суть своей личности, сохраняя покров тайны.

— Верно, в наше время маги огня — редкость, но жаль, что нас все так боятся, – он шел рядом, иногда подавая руку на ступеньках.

— Среди вас много безумных, что сжигали людей из-за одного лишь недоброго взгляда, – Анна шла, стараясь не глазеть на него, но у нее это плохо получалось.

— Вы правы, поэтому я стараюсь при встрече с людьми менять их восприятие, – он и правда производил впечатление достаточно разумного человека, — однако в истории есть люди, что творили ужасы, не имея силы магии.

— Соглашусь с вами, – они стояли у пристани, вглядываясь в ночную даль, – я и сама была свидетелем этого. – Анна потерла глаза, перед ней всплывали картины того дня.

— Вы про что именно? В мире множество таких случаев. – Мужчина присел на ступени, вытягивая ноги, – поделитесь со мной, если хотите конечно, и я поделюсь с вами.

Он взглянул на Анну, глаза сверкнули за маской, призывая к доверию. Но Анна не хотела ни вспоминать тот день, ни тем более говорить про него.

— Тогда начну я, – он слегка откашлялся и начал свой рассказ, – я тогда был маленьким мальчиком и иногда доносил письма из империи в империю.

Необходимо было доставить некие свитки до императора Парга, Жана. По слухам он был великим императором, но его жена, мать нынешнего императора, была слегка не в себе. Ее вечное чувство, будто за ней следят, что караулят у покоев, и мысли о нападении на её сына, Филиппа, роились в её голове. По крайней мере, все так шептались между собой.

— Вы были в тот день, когда она сожгла тех людей? – Анна прервала рассказ мужчины, понимая, про кого он говорит, ведь она помнила тот день.

Ужасающий и самый запоминающийся момент в её жизни, ведь она не просто наблюдала за этим, она находилась на той же площади, что и Мария, а Анне тогда исполнилось только 5 лет.

— Да, я был тогда там, я видел тот ужас в глазах людей, – мужчина потер руки, – но в глазах императрицы сожаления *не было,* она их жгла, будто они не живые, оглашая вокруг лишь то, что они все враги империи.

— Какая глупость, – он с ненавистью выплюнул эти слова в воздух. Воспоминания начали всплывать перед глазами Анны.

Тот день, когда Мария утром приказала выстроить на площади некие приспособления, вызвал у слуг немой вопрос, но полное понимание её замысла.

Воздух наполнился запахом сырого дерева и предвкушением чего-то ужасного. Она, воплощение власти и жестокости, с самого утра лично контролировала процесс. Каждый установленный столб, каждое приготовленное бревно – всё было под её неусыпным надзором. Её лицо, обычно скрытое под маской благородства, теперь выражало лишь холодную решимость, а глаза метались, словно у хищника, выслеживающего добычу.

Создавая некие кострища, она с самого утра следила за правильностью выполнения. Это было не просто строительство, это было ритуальное приготовление к жертвоприношению, где жертвами должны были стать люди. Она сама двигала бревна, сама указывала, как укладывать их, словно опытный палач, готовящий свои орудия.

После полудня, когда солнце начало клониться к закату, Мария приказала поймать людей, которых считала врагами империи. Ими оказались простые горожане, те, кто, по её мнению, был каким-то образом причастен к заговорам против императора. Их загнали на площадь, где уже дымились костры, готовые поглотить их души. Её безумие переросло в массовую казнь людей. Более ста человек она сожгла менее чем за сутки, и всё это – на глазах у Анны и Филиппа.

Она держала сына, Филиппа, за руку; его детские глаза расширились от ужаса, когда пламя начало лизать тела.

Анна помнила, что Мария шептала на ухо своему малолетнему сыну: — Видишь, сын мой, – прошептала она, – я делаю это ради твоей безопасности. Ради нашего будущего. Враги будут уничтожены, и ты будешь править в мире, свободном от страха.

В её словах звучало безумие, но в глазах Филиппа отражался лишь страх, который, казалось, был намного сильнее пламени, пожирающего невинных.

— Люди настолько слабы, что их страх заставляет делать немыслимые поступки, – Анна была согласна, это была невероятная глупость.

— Императоры должны защищать нас, но точно не уничтожать свой же народ, – она решила прикинуться одной из горожан, чтобы отмести возможные подозрения.

— Вы правы, я видел тот ужас и те костры, этот огонь, всепоглощающий, что забирал невинные жизни. В тот день я для себя решил – моя магия не принесет этому миру зло, я направлю её на благие намерения, или же, – он глубоко вздохнул и откинулся на ступеньки, – я никогда ей не воспользуюсь.

Последние его слова означали лишь, что он готов полностью отречься от своей силы, дабы не использовать её против людей.

— Достойно, очень благородно, я бы сказала, – Анна присела чуть выше него. — Думаете, волхвы одобрят ваш отказ в случае чего? – Только после дозволения общины маг может отречься от своей силы.

— Думаю, да; вряд ли, если я совершу нечто ужасное, они меня похвалят, – мужчина слабо улыбнулся.

— Значит, не совершайте. Сильных магов не так много в наше время, а в особенности с трезвым умом, – Анна вспоминала слова Филиппа, осознавая, что то безумие его матери, возможно, постигло и его.

— А вы бы согласились отказаться от своей силы, чтобы спасти невинных? – он взглянул на неё, задавая по сути вполне адекватный вопрос.

Но для Анны это было больше, чем просто ответить, ведь сейчас она и так находилась в состоянии решения подобного рода дилеммы.

— Я? – Анна задумалась, а может ли она отречься от своей силы, спасая невинных, сможет ли она отказаться от убийства Зульфии, дабы спасти их жизни? — Сила, что дана нам, должна служить для чего-то впрок, и лишь мы определяем, на какой мы стороне, верно? – она взглянула на мужчину; тот смотрел на её лицо не двигаясь.

— Так значит, если сила – это ответственность, мы не имеем права на ошибку, особенно в отношении слабых, – она взглянула на звезды.

— Тогда да, я откажусь от своей силы, чтобы спасти их, да Последние слова были точкой в их разговоре.

Довольно откровенно два сильных мага мира, которые доселе не знали друг друга и не узнают из-за фестиваля, обсуждали интересные темы, не подходящие для подобных прогулок.

— Как интересно завернулся наш разговор, не так ли? – мужчина встал и подал руку Анне.

— Не стоит, – к своему удивлению, она отказалась от его руки, и не попрощавшись удалилась, оставив его в полном замешательстве. Мысли в голове сложились в одну плоскость, словно жемчуг на нить; Анна старательно нанизывала факты.

Она знала – отрицать очевидное бессмысленно. Филипп сошел с ума; его безумие, подобно ядовитому плющу, оплетало здравый смысл, переходя все мыслимые и немыслимые границы. Мирно решить конфликт, увы, не получится. Филипп был слишком увлечен своей навязчивой идеей, чтобы прислушаться к голосу разума. Однако убить ничем не повинную Зульфию и её нерожденного ребенка – это была бы не просто глупость, а чудовищное преступление, которое легло бы несмываемым пятном на её совесть.

Анна не могла допустить такого исхода. Сердце сжималось от отчаяния, но разум не сдавался. Отказаться от приказа, отданного лично Филиппом, она не могла – последствия были бы слишком серьезными, как для неё самой, так и для тех, кто ей доверял. Оставался лишь

один, единственный вариант, тонкая нить надежды в бездонной пучине отчаяния – обмануть Филиппа.

Это был рискованный, отчаянный шаг, но порой только ложь может спасти от еще большей беды.

Анна с Эми рассекали небесную синь, летя на драконах, возвращаясь в Парга. В голове Анны, как рой пчел, вились непрошеные идеи, ни одна из которых не казалась жизнеспособной.

Как обмануть Филиппа? Этот вопрос камнем лег на сердце, но отступать было некуда. Филипп доверял ей

Он видел в ней верного исполнителя, не способного на предательство. Это доверие, закаленное годами, теперь стало её единственным оружием и одновременно самой уязвимой точкой.

Он знал, что Анна выполнит приказ, особенно когда на кону стояла угроза расправы над теми, кто ей дорог. Но именно это знание давало ему силу, позволяя манипулировать ею, как марионеткой. Полет казался бесконечным, а решение – неуловимым.

Ей нужен был план, безупречный, хитроумный, который позволил бы обойти прямолинейность Филиппа, его слепую веру в собственную правоту. Нужно было найти лазейку в его безумии, соломинку, за которую она могла бы ухватиться, чтобы спасти Зульфию и её ребенка.

— Пригласите мне Маркуса, срочно, – как только они приземлились дома, Анна отдала приказ слугам. Те бегом отправились за капитаном в его покои. Маркус влетел в кабинет госпожи, одевая на ходу рубаху.

— Анна, что-то случилось? – он резко вошел в комнату и сел на диван перед ней. — Да, я решила, – она курила, снова, осознавая, какой выбор она сделала.

— Я не буду убивать Зульфию. Мы обманем его, – она выпустила клубок дыма прямо в лицо Маркуса; тот закашлял.

— Но как? – он был удивлен, но еще больше рад, что Анне не придется брать такой грех на сердце.

— А это нам с тобой предстоит только придумать, – мыслей о варианте обмана императора не было.

Анна рассчитывала на помощь своего друга, который был профи в этом деле.

Наконец-то она выспалась.

Чувство лёгкости и восстановления наполняло каждую клеточку её тела, даря заряд бодрости и небывалой энергии. Казалось, прошлая бессонница и тяжелые мысли остались где-то далеко позади, как дурной сон, рассеявшийся с первыми лучами солнца. Быстро собравшись, Анна почувствовала непреодолимое желание вывести эту новую энергию наружу.

Идеальным способом для этого стала утренняя пробежка. Надев спортивную одежду, она вышла на улицу, наслаждаясь свежим, прохладным воздухом. Её путь лежал через тренировочные площадки, где уже раздавались первые звуки утренних тренировок, затем мимо живописных садов, утопающих в зелени, и, наконец, к прачкам, занятым своим нелёгким трудом во внутреннем дворе; их мерное покачивание и плеск воды создавали умиротворяющий фон. Именно там, среди этой будничной суеты, Анна встретила свою сестру.

Радостное возбуждение освещало лицо Эми, когда она показала Анне выбранные маски для предстоящего маскарада. Это были великолепные парные маски: одна – оттенка тёплого светло-коричневого дерева, другая – изящная, светло-серая, украшенная тончайшими вставками из золота и серебра. Сестра протягивала ей одну из масок, сверкающую в утренних лучах.

Анна взяла эту маску. Тяжёлая, словно вырезанная из цельного куска тёмного дерева, она казалась произведением искусства. Резные узоры, напоминающие переплетающиеся ветви, добавляли ей таинственности.

— А эта тогда для меня, – решила Эми, указывая на более лёгкую серую маску, мерцающую золотыми и серебряными нитями. Анна редко бывает на подобных фестивалях.

Наряды решили выбрать похожие, без ярких акцентов, чтобы не привлекать внимание. Костюмы, без явных юбок и платьев, подходящие для полёта.

— Нам лететь уже завтра утром. Ты готова? — Эми боялась, что сестра передумает и не полетит.

— Конечно, – Анна слегка приобняла сестру за талию. — Не бойся, не передумаю. Меня и правда засосало это дело, я слишком сильно увлеклась, надо отдохнуть. — Она выглядела иначе, чуть бодрее, чем в последние недели.

— Я рада, – Эми сильно прижала к себе Анну, будто прощаясь.

— Задушишь, – они засмеялись.

Так давно они не смеялись вместе.

Утром следующего дня им приготовили драконов. Огромные, чешуйчатые существа уже ждали их, нервно переступая когтистыми лапами по каменному плацу. Воздух был наполнен их низким, утробным рыком, предвещающим скорое путешествие.

Девушки, которые ещё вчера были облачены в изысканные одежды, теперь носили удобные, прочные костюмы, сшитые из тёмной плотной ткани.

Она не стесняла движений и была идеально приспособлена для полёта. В сумках, перекинутых через плечо, лежали маски, призванные скрыть их лица от любопытных глаз на фестивале. Каждая заняла своё место за спиной наездника. Взмывая в небо, они почувствовали, как ветер свистит в ушах, а мир внизу стремительно уменьшается.

Под ними проносились скалы, покрытые ковром вековых сосен, а затем показалось глубокое, извилистое ущелье, пересекающее острые пики гор.

Солнце, поднявшись выше, заливало всё вокруг золотистым светом, делая полёт ещё более захватывающим.

Через несколько часов полёта, сквозь разреженный воздух, показался долгожданный город.

Это была Грандия, величественная крепость, выросшая из скалы. Приземлившись на широкой террасе, девушки почувствовали под ногами твердую землю после долгих часов полета. Город шумел, наполненный звуками жизни, а над ним возвышались шпили дворцов и башни стражи, охраняющие его покой. Вся центральная площадь была украшена к фестивалю маскарада и красок. Воздух наполнился ароматами специй и жареного мяса, доносившимися из многочисленных ларьков с едой. Разноцветные гирлянды переливались на солнце, а между толпами зевак сновали шуты и клоуны; их яркие костюмы и забавные выходки мгновенно привлекали внимание детей, вызывая у них неудержимый смех. Веселая, задорная музыка лилась отовсюду, подгоняя народ собираться ближе к импровизированной сцене, где выступали музыканты.

Люди, составлявшие основную массу собравшихся, были одеты как обычные горожане: простая одежда, удобные штаны и рубахи, платья и юбки. Но среди этой обычной толпы уже чувствовалось предвкушение грядущего праздника. Некоторые, желая начать игру раньше остальных, уже носили маски, скрывая свою личность. Они сияли всеми цветами радуги, украшенные перьями, блестками и замысловатыми узорами, придавая своим владельцам загадочный и интригующий вид.

По мере того как солнце начинало клониться к закату, площадь становилась все более оживленной. Клоуны теперь жонглировали огненными факелами, а шутов сменяли танцоры в экстравагантных костюмах. Музыка становилась громче, ритмичнее, побуждая даже самых скромных присоединиться к общему веселью. На лицах людей, у кого еще не было оно скрыто масками, читалась радость предвкушения, предвкушения ночи, которая обещала быть полной тайн, превращений и ярких впечатлений.

Весь день девушки провели, растворившись в атмосфере праздника. Они методично обходили один ларек за другим, прислушиваясь к мелодиям, льющимся со сцены. В этот день звучали самые разные мотивы: от зажигательных плясовых, заставляющих притопывать ногой, до нежных, лирических баллад, вызывавших легкую меланхолию. Их смех, чистый и звонкий, разносился над шумной площадью, отражаясь от стен домов, словно маленький колокольчик, возвещающий о безмятежности и счастье. Они с удовольствием пробовали все предложенные угощения: пышные пироги с начинками, ароматные фрукты, тягучие сладости, острые закуски. Каждый новый вкус приносил удовольствие, отодвигая на второй план тревожные мысли и заботы, которые, казалось, остались где-то там, далеко, за пределами этого шумного, красочного праздника. Время текло незаметно, наполняя их легкими, приятными моментами, питая не только тело, но и душу.

Ближе к вечеру, когда солнце стало окрашивать небо в багровые тона, их взгляд привлекло огороженное пространство на краю площади. Здесь, в центре, разворачивались настоящие поединки. Смелые бойцы, облаченные в маски, которые, казалось, слились с их лицами благодаря какой-то неведомой магии, демонстрировали свое мастерство. Их движения были стремительны и точны, каждый удар, каждый блок исполнялся с невероятной грацией. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за зрелищем, а гул толпы нарастал с каждым удачным приемом.

Анна с Эми, привлеченные азартом схватки, подошли к самому ограждению, чтобы лучше разглядеть поединки. Толпа бурлила, поддерживая своих фаворитов, и воздух дрожал от выкриков и одобрительных возгласов. Вдруг, словно ураганом, одного из мужчин, стоявших в первых рядах, вытолкнули прямо в центр арены. Он очутился на площадке, покрытой мягким, утоптанным песком, окруженной грубыми деревянными ограждениями.

Мужчина, оказавшийся в центре внимания совершенно неожиданно, выглядел несколько смущенным. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам, словно не понимая, как он здесь очутился. Затем, глубоко вздохнув, он принялся разминать руки и ноги, ощущая, как напряжение медленно покидает его тело. Каждый сустав, каждая мышца готовились к предстоящему испытанию, и в его глазах появился огонек решимости. Толпа вокруг затихла в ожидании, предчувствуя, что этот незапланированный поединок может оказаться одним из самых зрелищных.

Навстречу ему вышел противник, казалось, вдвое больше и гораздо сильнее. Его мускулы перекатывались под закаленной кожей, а взгляд был наполнен хищной решимостью.

Взмахнув рукой, он призвал свое оружие — огромный двуручный топор, сверкнувший в тусклом свете вечерних фонарей. С боевым кличем, сотрясшим публику, он бросился в атаку на ошеломленного мужчину.

Однако молодой боец, к удивлению многих, не стал призывать в ответ свое оружие. Вместо этого он начал мягко, но стремительно двигаться, словно танцор, уворачиваясь от разрушительных ударов топора. Каждый его шаг был выверен, каждое движение — элегантно.

Он умудрялся ускользать от смертоносных взмахов, словно призрак, и даже ловко парировать некоторые из них, гася их силу и направляя энергию в сторону. Зрители, еще миг назад ожидавшие быстрой победы гиганта, теперь с изумлением наблюдали за этим непривычным зрелищем.

— Как думаешь, какой он маг? – Эми с изумлением смотрела за поединком, указывая на парня без оружия. – Думаю, маг воздуха. Так уворачиваться надо уметь, – Эми была поражена им.

Анна же видела нечто, что ускользало от взора большинства. Тонкие, едва заметные огненные нити исходили от мужчины, пульсируя в такт его резким, стремительным движениям. Они таяли, словно дымка на уходящем солнце, с каждым его шагом, с каждым уклонением.

Это было так быстро, так мимолетно, что лишь самые внимательные могли уловить этот изящный танец стихий. Но Анна чувствовала это своим нутром – он был магом огня. Эта уверенность была неоспоримой, интуитивной. Однако, несмотря на это знание, одна вещь оставалась для нее загадкой: какова истинная мощь этого человека?

Он двигался с такой грацией и скоростью, что казалось, будто он больше уворачивается, чем сражается. Его техника была не грубой силой, а скорее искусным танцем, где каждое движение было рассчитано до миллиметра.

Он был как будто живым воплощением пламени – неуловимым, переменчивым и потенциально разрушительным. Анна пыталась оценить глубину его магической силы, но каждый раз, когда ей казалось, что она подходит к разгадке, он вновь ускользал, оставляя ее в недоумении. Он был силен, это было очевидно, но насколько именно – оставалось неясным.

— Не буду загадывать, но он явно силен, – Анна лишь намекнула, давая Эми самой додумать. Он двигался так быстро, что его оппонент, несмотря на свою внушительную комплекцию, начал выдыхаться. Каждый следующий взмах топора становился медленнее, каждый выпад – менее точным.

Огромный воин, привыкший полагаться на грубую силу, оказался не готов к такой изворотливости и скорости. В этот критический момент, когда противник уже не мог эффективно парировать, мужчина нанес точный, молниеносный удар под дых. Получив такой удар, гигант отшатнулся, тяжело дыша. Его лицо исказилось от боли и неожиданности. Он попытался поднять свой топор, но руки его не слушались. Силы оставили его, и он, не имея возможности продолжать схватку, упал на песок, задыхаясь. Поняв, что больше не может стоять на ногах, он с трудом поднял одну руку, подавая знак сдаться.

Толпа взорвалась одобрительными криками, пораженная ловкостью и мастерством молодого бойца, сумевшего одолеть противника, который казался несокрушимым.

Парень, чей смущенный поклон означал победу, уже собирался пойти прочь, чтобы перевести дух и немного восстановиться после напряженного поединка. Однако отдохнуть ему не дали. Толпа, ощутившая вкус зрелища, требовала продолжения, и, увидев, что кто-то снова не пускает его отдохнуть, начала ликовать.

— А кто же выйдет к нему? Все опасаются: он сильный, и даже оружие не достал. – Анна слушала шепот, что проходил по толпе зевак.

Наступила неловкая пауза. Зрители, ожидавшие увидеть новых бойцов, замельтешили, перешептываясь между собой. На лицах читалось разочарование и недоумение.

Кто-то из толпы неуверенно выкрикнул вопрос, но ответа не последовало. В воздухе повисло напряженное ожидание, смешанное с легким недовольством.

Казалось, фестиваль, окутанный предвкушением маскарада и красок, рискует захлебнуться в этой тишине, если никто не осмелится выйти на песок.

— Не хочет проветриться? Может, он достоин твоего внимания? – У Эми загорелись глаза, она знала: сестра справится, даже не вспотев.

— Что? Я? Да неее – Анна не успела договорить, как перед ней упало ограждение, и она вывалилась в центр арены.

— Оно магическое! Не нужно было говорить «***я***»! – крикнул ей кто-то из толпы.

«*Черт*». Анна понимала: сейчас надо сражаться так, будто он враг, иначе она опозорится.

— Госпожа, я удивлен, – голос мужчины был спокойный, будто не было поединка до этого. – Я постараюсь не сильно атаковать. Если захотите удалиться, всего лишь скажите «*сдаюсь*», и поединок кончится. – Он смотрел на нее чуть сверху, но от этого сильнее он ей не казался.

— Да, я услышала, благодарю. Вы тоже не забывайте это слово. – Анна отряхнула ткань от песка и приготовилась.

Она не стала нападать. Вместо резких, агрессивных движений, она начала медленно и размеренно обходить мужчину, словно хищница, изучающая свою добычу. Каждый ее шаг был выверен, каждое движение – исполнено спокойствия. Она не проявляла враждебности, но ее присутствие само по себе оказывало давление.

Он, в свою очередь, слегка двигался, пытаясь ее устрашить. Его взгляд был прикован к ней, он ждал малейшего признака атаки, чтобы мгновенно отреагировать. Он пытался казаться уверенным, даже вызывающим, но легкая дрожь в его руке выдавала внутреннее напряжение.

Но Анна была словно тень. Она исчезала из поля его зрения, словно растворяясь в воздухе, и тут же появлялась в другом месте, всегда на шаг впереди, всегда вне досягаемости. Ее движения были плавными, текучими, не позволяя ему предугадать ее следующий маневр. Это было элегантное кружение, танец, исполненный напряжения и ожидания.

Ни он, ни она не доставали орудие. Поединок проходил без единого удара, без видимой агрессии. Это была битва умов, битва воли, битва терпения.

Они оба понимали, что первый, кто совершит неосторожный шаг, кто поддастся искушению атаковать, может оказаться проигравшим.

Поэтому они продолжали свой безмолвный танец, окутанные аурой взаимного уважения и скрытой угрозы.

Внезапно мужчина не выдержал. Терпение его иссякло, и, преодолев призрачные оковы сомнений, он рванул на Анну.

Его атака была стремительной, отчаянной, направленной на то, чтобы захватить ее, разорвать, поглотить. Но она была тенью, неуловимой, ускользающей. Ее движения были столь же быстры, сколь его натиск был яростен.

Какое-то время она лишь уворачивалась, играя с ним, подобно кошке с мышью. Она искусно тратила его силы, заставляя его удары проходить мимо.

Он тяжело дышал, его тело начинало подводить, а гнев сменялся досадой.

Внезапно, словно в порыве озарения, он поймал ее взглядом. В этот миг, когда ее внимание было рассеяно, из его рук материализовалось орудие – секира. Она была чудовищным творением. Ее лезвие, выкованное из металла, напоминающего закаленное в горниле пламя, искрилось неестественным багровым светом. По всей его поверхности витиевато извивались узоры, словно застывшие языки пламени или сплетенные кости. Каждое зубчатое окончание лезвия казалось выточенным для того, чтобы рвать и терзать, не оставляя противнику ни единого шанса.

Рукоять топора, также украшенная замысловатой резьбой, переходила в навершие, напоминающее череп или какую-то мифическую тварь с острыми отростками. Металл испускал едва уловимое тепло, и казалось, что вместе с секирой призвана была сама стихия огня, сжимающаяся в холодном, смертоносном оружии.

«*Так и думала, маг огня, черт тебя возьми. Потому и оружие не доставал, маги огня хитрецы.*»

Удар был неминуем. Чтобы отразить этот смертоносный выпад, Анна призвала свои кинжалы. Два лезвия, тонкие и острые, появились в ее руках, готовые к встрече.

И вот, с оглушительным скрежетом, сталь соприкоснулась со сталью. Ослепительные искры брызнули во все стороны, освещая арену их поединка.

— Думаю, на этом закончить. — Анна смотрела в глаза магу огня, слегка пустив кровавые нити по его рукам, указывая, что их бой закончился.

Мужчина увидел тонкие, пульсирующие нити крови, тянущиеся вдоль его рук. Они были не просто ранами, а живыми, извивающимися нитями, питающимися его жизненной силой. С ужасом он осознал: он сражается не с обычным воином, а с магом крови.

Его противница, Анна, стояла перед ним, не касаясь его, но ее присутствие окутывало его ледяным холодом. В ееглазах не было ярости, лишь холодное, расчетливое спокойствие, которое пугало больше, чем любая открытая агрессия.

Он почувствовал, как тонкие нити крови начинают стягиваться, словно петля, готовясь окончательно задушить его.

— Согласен, госпожа. — Мужчина отошел, отзывая свое оружие. — ***Сдаюсь***. — Он произнес слова поражения с честью, осознавая свое положение.

Конечно, продолжить можно было бы, но вокруг были люди, они не хотели бы разгара боя.

Толпа резко загудела, показывая свое недовольство. Зрители, жаждавшие увидеть кровавую схватку, были обмануты в своих ожиданиях. Воздух наполнился гулом разочарования, перешептываниями и недовольными возгласами.

Казалось, праздничное настроение, которое еще недавно царило на арене, начало угасать.

Но Анна и мужчина, стоявшие друг напротив друга, лишь обменялись взглядами. В этом молчаливом обмене не было враждебности, лишь взаимное уважение и понимание. Они оба были мастерами, понимающими, что истинная сила заключается не в разрушении, а в контроле.

Они видели, куда мог привести начавшийся поединок, к чему могла привести их магия крови и огня, сплетенная в смертельном танце. И оба предпочли избежать этой участи.

Они разошлись в разные стороны, словно два хищника, которые, оценив друг друга, решили не вступать в бой. Толпа продолжала гудеть, но их решение было принято.

Они поблагодарили друг друга молчанием за не начавшуюся резню, за проявленное мастерство, за мудрость, позволившую им сохранить жизни – свою и чужие.

— Почему ты не закончила с ним? — Эми шла от арены, расстроенная.

— Потому что он маг огня, сестра. — Анна шла и смотрела в небо, усеянное тысячами звезд. Пока шло сражение, успело потемнеть, и они ярко светили.

Она не хотела сегодня проблем, потому и ушла.

— Маг огня, жуть конечно. — Сильно Эми не расстроилась, что не угадала мага, но его магия вызывала в ней смесь чувств, от ужаса до восхищения. — Хорошо, что вы друг друга поняли.

И правда, хорошо это

Анна и Эми продолжили свое гастрономическое путешествие, исследуя кухни разных народов. Город манил их своими ароматами и вкусами, каждый новый прилавок обещал открыть для себя что-то удивительное.

Но их мирное исследование было прервано шумом и весельем, разносившимся с центральной площади. Там начался фестиваль красок, зрелище, которое всегда привлекало толпы. Люди с энтузиазмом набирали в мешочки сухие смеси всевозможных цветов, готовясь окунуться в атмосферу праздника. Сестры, поддавшись общему настроению, тоже взяли себе по паре ярких мешочков.

Смех и крики наполняли воздух, когда они начали весело осыпать друг друга разноцветной пылью. Зеленый, синий, красный, желтый – все смешивалось в радужном вихре.

Внезапно, словно из ниоткуда, сзади прилетел мешочек с зеленой краской. Он не долетел, распахнувшись буквально в сантиметре от Анны, и развеял в воздухе облачко мелких частиц.

Когда дымка начала рассеиваться, сквозь нее Анна увидела ту самую маску, которую уже видела на арене. Те же глаза, бездонно-серые, с холодными отблесками синевы, смотрели прямо на нее. Они проникали ей в душу, будто знали ее насквозь, как будто читали ее прошлое и знали, кто она на самом деле.

Анна застыла, ее сердце учащенно забилось. Серые глаза, обрамленные черными ресницами, приковывали ее внимание, словно магнит.

Она попыталась встряхнуть головой, но взгляд незнакомца словно удерживал ее, не давая вырваться из его плена.

Эми, не замечая замешательства сестры, продолжала смеяться, осыпая Анну розовыми и оранжевыми красками. Но Анна уже не слышала ее. Все ее внимание было приковано к человеку в маске, который, казалось, не двигался, лишь его глаза гипнотизировали ее.

Другие люди на площади теперь казались размытыми пятнами, их смех и веселье отступили на второй план. Мир сжался до пространства между ней и человеком в маске. Ей хотелось подойти, спросить, узнать, кто он, но ноги словно приросли к месту.

Страх и необъяснимое влечение боролись в ее душе.

Внезапно, как по команде, человек в маске повернулся и растворился в толпе. Анна моргнула, и реальность вернулась. Люди вокруг продолжали веселиться, а она стояла, покрытая красками, с колотящимся сердцем и ощущением, что что-то важное только что упустила.

— Ты чего застыла, будто мертвого увидела? – Эми весело похлопала Анну по плечу, призывая веселиться

— Явно живого, – она хотела рассказать Эми, кого увидела, однако передумала, – но, думаю, показалось.

Закончив игру, Анна и Эми направились передохнуть к ларьку с сухофруктами. Воздух был пропитан ароматом нагретых солнцем дынь, инжира и абрикосов, создавая сладкое, тягучее облако, которое приятно щекотало ноздри. Девушки прислонились к деревянной, слегка облупившейся столешнице, наблюдая за оживленной толпой. Вокруг сидели кучками молодые люди, громко смеясь. Их голоса сливались в общий гул, перемешиваясь с музыкой, доносившейся откуда-то издалека.

Глаза Анны скользили по лицам, выхватывая яркие детали: блеск в глазах, широкие улыбки, энергичные жесты. Эми, казалось, была более погружена в свои мысли, слегка нахмурив брови, но и на её губах играла лёгкая, задумчивая улыбка. Наконец, продавец, пожилой мужчина с добрыми морщинками вокруг глаз, предложил им отведать фиников. Анна откусила кусочек, и сладость, смешанная с лёгкой терпкостью, разлилась по языку.

— Невероятно, – прошептала она, и Эми, подхватив её настроение, взяла себе горсть изюма, который приятно поскрипывал на зубах.

Они не произнесли ни слова, но чувствовалось, что этот краткий отдых, наполненный ароматами и звуками праздника, был для них обоих желанным. Игра, хоть и приносила радость, требовала сил, и теперь, с полными ртами сладких, натуральных сокровищ, они чувствовали, как к ним возвращается энергия.

— Я, верно, вас напугал, госпожа, – сзади подошел мужчина, слегка окружая их своим шлейфом парфюма. Его голос, низкий и бархатный, казалось, проникал сквозь шум окружающего мира, создавая вокруг них уютный кокон.

Анна повернулась и снова встретилась с теми глазами с арены боя. Те манящие глаза серого цвета, с прожилками синевы, которые смотрели на нее с легким прищуром. Серые бездонные глаза с легкой игривостью тянули её в свои сети, поглощая её мысли, её желания и чувства. Она смотрела словно завороженная, ощущая на себе магию его глаз, что полностью подчинили её.

Мужчина что-то говорил, слегка улыбался, но Анна ничего не могла разобрать. Её мысли и слух были будто в тумане.

— Сестра, господин спрашивает, где ты училась сражаться, – Эми не стала называть имя Анны и слегка толкнула её, чтобы та пришла в себя.

Анна встряхнула головой, пытаясь вернуть мысли на место: — Горы Морелия, община Маракая, они мои учителя, – Анна впервые столкнулась с таким магнетизмом от мужчины. Ранее в её окружении были люди, которые не могли каким-либо образом привлечь её внима-

ние. Каким бы красивым он ни был, Анна не смотрела в его сторону. Но тут она не видит его лица, только глаза

— Община волхвов, вы, вероятно, сильны, раз вас там обучали, – мужчина поклонился в знак уважения.

Внезапно Эми дернулась с места и слилась с толпой, оставляя сестру наедине с этим загадочным человеком. Он подошел ближе, занимая место Эми, и, взяв финик в руку, начал рассматривать его.

— Я благодарю вас за ваше благоразумие там, на арене, – он снова смотрел на нее.

— Мы с вами оба понимаем, чем бы всё кончилось, – Анна взяла финик из его руки и вскрыла, доставая косточку, – вы всегда ходите в перчатках?

Она вернула чистый финик, вложив его в перчатку мужчины. Тот резким движением закинул фрукт в рот, сладко пережевывая.

— Хах, а вдруг он отравлен? Вы так доверяете незнакомке? – Анна слегка улыбнулась.

— Ваши глаза чисты, вы бы не стали меня травить, госпожа, – его взгляд прожигал Анну изнутри, создавая впечатление, что она задыхается от своих же эмоций.

— Друг, нам пора, ты занят? – к мужчине подошел парень и дернул того за плечо, отвлекая от любопытного разговора.

— Да, очень. Пожалуй, я присоединюсь к вам позднее, – мужчина, не оборачиваясь, откинул руку с плеча и всё смотрел в глаза Анны, не теряя зрительный контакт.

Юноша что-то поворчал и направился прочь.

— Не хотите прогуляться по набережной? – мужчина протянул руку, приглашая к прогулке под ночным небом.

— С удовольствием, – Анна с легким опасением протянула руку и коснулась его перчатки.

Сквозь перчатку она почувствовала лишь жаркое пламя его магии, но не обжигающее, а скорее согревающее, будто древний костер, разведенный в самую холодную ночь. — Позвольте, я сниму перчатку, – он было начал стягивать с руки плотную ткань, но Анна его перехватила: она не хотела спугнуть этот момент.

— Не стоит, – она взглянула на него, он остановился, понимая её опасения. Магия из его рук пульсировала мягко, словно биение могучего, но доброго сердца.

Ее собственная магия, скованная страхом и неопределенностью, начала откликаться на это зовущее тепло. Тонкие нити ее силы, до этого спящие и холодные, стали распрямляться, набирать цвет, словно семена, пробуждающиеся после долгой зимы под ласковым солнцем. Она почувствовала, что те её опасения насчет связи с магом огня были глупостью. Её магия внутри словно согревалась от его внутреннего огня, начала двигаться в легком ритме, без желания напасть, желая лишь дальше согреваться об этот огонь.

В этот момент мир сузился до одного единственного ощущения: ее ладонь, сжатая в его, и пульсирующий в нем жар магической энергии.

Он, казалось, почувствовал ее ответный отклик. Напряжение в его хватке ослабло, но тепло не ушло. Напротив, оно усилилось, стало более уверенным, словно он нашел отклик и теперь мог позволить себе полностью раскрыть свою силу, зная, что она не оттолкнет, а примет.

— Вы маг огня, удивительно встретить кого-то из ваших, – Анна нехотя отпустила его руку, и та сила внутри нее словно взывала к повторению тепла.

Они шли вдоль набережной, где, словно застывшие в вечности величественные тени, дрейфовали корабли. Их силуэты, вычерченные на фоне вечернего неба, казались порталами в иные миры, полные тайн и забытых историй. Воздух был напоен запахом соли, смолы и несбывшихся надежд, которые, казалось, навечно осели в этих старых портовых стенах. Он шел размеренно, делая шаги в такт с ней, не стремясь убежать вперед и не топчась на месте.

Его присутствие было словно тихая гавань в бушующем море жизни. От него исходила аура спокойствия и умиротворения, но в то же время ощущалась некая скрытая сила, подобная мощи спящего вулкана, чье дыхание едва заметно. Эта двойственность притягивала, завораживала, создавая загадочный ореол вокруг его персоны.

Они много рассуждали про империи, про силу, общаясь на сторонние темы, словно два искусных мастера шахмат, каждый из которых просчитывал ходы противника, не раскрывая своей конечной цели. Слова сплетались в узор, где каждый намек, каждое недосказанное слово было частью более сложной игры. Они вели диалог, который позволял им узнать друг друга, но в то же время искусно скрывать истинную суть своей личности, сохраняя покров тайны.

— Верно, в наше время маги огня — редкость, но жаль, что нас все так боятся, – он шел рядом, иногда подавая руку на ступеньках.

— Среди вас много безумных, что сжигали людей из-за одного лишь недоброго взгляда, – Анна шла, стараясь не глазеть на него, но у нее это плохо получалось.

— Вы правы, поэтому я стараюсь при встрече с людьми менять их восприятие, – он и правда производил впечатление достаточно разумного человека, — однако в истории есть люди, что творили ужасы, не имея силы магии.

— Соглашусь с вами, – они стояли у пристани, вглядываясь в ночную даль, – я и сама была свидетелем этого. – Анна потерла глаза, перед ней всплывали картины того дня.

— Вы про что именно? В мире множество таких случаев. – Мужчина присел на ступени, вытягивая ноги, – поделитесь со мной, если хотите конечно, и я поделюсь с вами.

Он взглянул на Анну, глаза сверкнули за маской, призывая к доверию. Но Анна не хотела ни вспоминать тот день, ни тем более говорить про него.

— Тогда начну я, – он слегка откашлялся и начал свой рассказ, – я тогда был маленьким мальчиком и иногда доносил письма из империи в империю.

Необходимо было доставить некие свитки до императора Парга, Жана. По слухам он был великим императором, но его жена, мать нынешнего императора, была слегка не в себе. Ее вечное чувство, будто за ней следят, что караулят у покоев, и мысли о нападении на её сына, Филиппа, роились в её голове. По крайней мере, все так шептались между собой.

— Вы были в тот день, когда она сожгла тех людей? – Анна прервала рассказ мужчины, понимая, про кого он говорит, ведь она помнила тот день.

Ужасающий и самый запоминающийся момент в её жизни, ведь она не просто наблюдала за этим, она находилась на той же площади, что и Мария, а Анне тогда исполнилось только 5 лет.

— Да, я был тогда там, я видел тот ужас в глазах людей, – мужчина потер руки, – но в глазах императрицы сожаления *не было,* она их жгла, будто они не живые, оглашая вокруг лишь то, что они все враги империи.

— Какая глупость, – он с ненавистью выплюнул эти слова в воздух. Воспоминания начали всплывать перед глазами Анны.

Тот день, когда Мария утром приказала выстроить на площади некие приспособления, вызвал у слуг немой вопрос, но полное понимание её замысла.

Воздух наполнился запахом сырого дерева и предвкушением чего-то ужасного. Она, воплощение власти и жестокости, с самого утра лично контролировала процесс. Каждый установленный столб, каждое приготовленное бревно – всё было под её неусыпным надзором. Её лицо, обычно скрытое под маской благородства, теперь выражало лишь холодную решимость, а глаза метались, словно у хищника, выслеживающего добычу.

Создавая некие кострища, она с самого утра следила за правильностью выполнения. Это было не просто строительство, это было ритуальное приготовление к жертвоприношению, где жертвами должны были стать люди. Она сама двигала бревна, сама указывала, как укладывать их, словно опытный палач, готовящий свои орудия.

После полудня, когда солнце начало клониться к закату, Мария приказала поймать людей, которых считала врагами империи. Ими оказались простые горожане, те, кто, по её мнению, был каким-то образом причастен к заговорам против императора. Их загнали на площадь, где уже дымились костры, готовые поглотить их души. Её безумие переросло в массовую казнь людей. Более ста человек она сожгла менее чем за сутки, и всё это – на глазах у Анны и Филиппа.

Она держала сына, Филиппа, за руку; его детские глаза расширились от ужаса, когда пламя начало лизать тела.

Анна помнила, что Мария шептала на ухо своему малолетнему сыну: — Видишь, сын мой, – прошептала она, – я делаю это ради твоей безопасности. Ради нашего будущего. Враги будут уничтожены, и ты будешь править в мире, свободном от страха.

В её словах звучало безумие, но в глазах Филиппа отражался лишь страх, который, казалось, был намного сильнее пламени, пожирающего невинных.

— Люди настолько слабы, что их страх заставляет делать немыслимые поступки, – Анна была согласна, это была невероятная глупость.

— Императоры должны защищать нас, но точно не уничтожать свой же народ, – она решила прикинуться одной из горожан, чтобы отмести возможные подозрения.

— Вы правы, я видел тот ужас и те костры, этот огонь, всепоглощающий, что забирал невинные жизни. В тот день я для себя решил – моя магия не принесет этому миру зло, я направлю её на благие намерения, или же, – он глубоко вздохнул и откинулся на ступеньки, – я никогда ей не воспользуюсь.

Последние его слова означали лишь, что он готов полностью отречься от своей силы, дабы не использовать её против людей.

— Достойно, очень благородно, я бы сказала, – Анна присела чуть выше него. — Думаете, волхвы одобрят ваш отказ в случае чего? – Только после дозволения общины маг может отречься от своей силы.

— Думаю, да; вряд ли, если я совершу нечто ужасное, они меня похвалят, – мужчина слабо улыбнулся.

— Значит, не совершайте. Сильных магов не так много в наше время, а в особенности с трезвым умом, – Анна вспоминала слова Филиппа, осознавая, что то безумие его матери, возможно, постигло и его.

— А вы бы согласились отказаться от своей силы, чтобы спасти невинных? – он взглянул на неё, задавая по сути вполне адекватный вопрос.

Но для Анны это было больше, чем просто ответить, ведь сейчас она и так находилась в состоянии решения подобного рода дилеммы.

— Я? – Анна задумалась, а может ли она отречься от своей силы, спасая невинных, сможет ли она отказаться от убийства Зульфии, дабы спасти их жизни? — Сила, что дана нам, должна служить для чего-то впрок, и лишь мы определяем, на какой мы стороне, верно? – она взглянула на мужчину; тот смотрел на её лицо не двигаясь.

— Так значит, если сила – это ответственность, мы не имеем права на ошибку, особенно в отношении слабых, – она взглянула на звезды.

— Тогда да, я откажусь от своей силы, чтобы спасти их, да Последние слова были точкой в их разговоре.

Довольно откровенно два сильных мага мира, которые доселе не знали друг друга и не узнают из-за фестиваля, обсуждали интересные темы, не подходящие для подобных прогулок.

— Как интересно завернулся наш разговор, не так ли? – мужчина встал и подал руку Анне.

— Не стоит, – к своему удивлению, она отказалась от его руки, и не попрощавшись удалилась, оставив его в полном замешательстве. Мысли в голове сложились в одну плоскость, словно жемчуг на нить; Анна старательно нанизывала факты.

Она знала – отрицать очевидное бессмысленно. Филипп сошел с ума; его безумие, подобно ядовитому плющу, оплетало здравый смысл, переходя все мыслимые и немыслимые границы. Мирно решить конфликт, увы, не получится. Филипп был слишком увлечен своей навязчивой идеей, чтобы прислушаться к голосу разума. Однако убить ничем не повинную Зульфию и её нерожденного ребенка – это была бы не просто глупость, а чудовищное преступление, которое легло бы несмываемым пятном на её совесть.

Анна не могла допустить такого исхода. Сердце сжималось от отчаяния, но разум не сдавался. Отказаться от приказа, отданного лично Филиппом, она не могла – последствия были бы слишком серьезными, как для неё самой, так и для тех, кто ей доверял. Оставался лишь один, единственный вариант, тонкая нить надежды в бездонной пучине отчаяния – обмануть Филиппа.

Это был рискованный, отчаянный шаг, но порой только ложь может спасти от еще большей беды.

Анна с Эми рассекали небесную синь, летя на драконах, возвращаясь в Парга. В голове Анны, как рой пчел, вились непрошеные идеи, ни одна из которых не казалась жизнеспособной.

Как обмануть Филиппа? Этот вопрос камнем лег на сердце, но отступать было некуда. Филипп доверял ей

Он видел в ней верного исполнителя, не способного на предательство. Это доверие, закаленное годами, теперь стало её единственным оружием и одновременно самой уязвимой точкой.

Он знал, что Анна выполнит приказ, особенно когда на кону стояла угроза расправы над теми, кто ей дорог. Но именно это знание давало ему силу, позволяя манипулировать ею, как марионеткой. Полет казался бесконечным, а решение – неуловимым.

Ей нужен был план, безупречный, хитроумный, который позволил бы обойти прямолинейность Филиппа, его слепую веру в собственную правоту. Нужно было найти лазейку в его безумии, соломинку, за которую она могла бы ухватиться, чтобы спасти Зульфию и её ребенка.

— Пригласите мне Маркуса, срочно, – как только они приземлились дома, Анна отдала приказ слугам. Те бегом отправились за капитаном в его покои. Маркус влетел в кабинет госпожи, одевая на ходу рубаху.

— Анна, что-то случилось? – он резко вошел в комнату и сел на диван перед ней. — Да, я решила, – она курила, снова, осознавая, какой выбор она сделала.

— Я не буду убивать Зульфию. Мы обманем его, – она выпустила клубок дыма прямо в лицо Маркуса; тот закашлял.

— Но как? – он был удивлен, но еще больше рад, что Анне не придется брать такой грех на сердце.

— А это нам с тобой предстоит только придумать, – мыслей о варианте обмана императора не было.

Анна рассчитывала на помощь своего друга, который был профи в этом деле.

Наконец-то она выспалась.

Чувство лёгкости и восстановления наполняло каждую клеточку её тела, даря заряд бодрости и небывалой энергии. Казалось, прошлая бессонница и тяжелые мысли остались где-то далеко позади, как дурной сон, рассеявшийся с первыми лучами солнца. Быстро собравшись, Анна почувствовала непреодолимое желание вывести эту новую энергию наружу.

Идеальным способом для этого стала утренняя пробежка. Надев спортивную одежду, она вышла на улицу, наслаждаясь свежим, прохладным воздухом. Её путь лежал через трениро-

вочные площадки, где уже раздавались первые звуки утренних тренировок, затем мимо живописных садов, утопающих в зелени, и, наконец, к прачкам, занятым своим нелёгким трудом во внутреннем дворе; их мерное покачивание и плеск воды создавали умиротворяющий фон. Именно там, среди этой будничной суеты, Анна встретила свою сестру.

Радостное возбуждение освещало лицо Эми, когда она показала Анне выбранные маски для предстоящего маскарада. Это были великолепные парные маски: одна – оттенка тёплого светло-коричневого дерева, другая – изящная, светло-серая, украшенная тончайшими вставками из золота и серебра. Сестра протягивала ей одну из масок, сверкающую в утренних лучах.

Анна взяла эту маску. Тяжёлая, словно вырезанная из цельного куска тёмного дерева, она казалась произведением искусства. Резные узоры, напоминающие переплетающиеся ветви, добавляли ей таинственности.

— А эта тогда для меня, – решила Эми, указывая на более лёгкую серую маску, мерцающую золотыми и серебряными нитями. Анна редко бывает на подобных фестивалях.

Наряды решили выбрать похожие, без ярких акцентов, чтобы не привлекать внимание. Костюмы, без явных юбок и платьев, подходящие для полёта.

— Нам лететь уже завтра утром. Ты готова? — Эми боялась, что сестра передумает и не полетит.

— Конечно, – Анна слегка приобняла сестру за талию. — Не бойся, не передумаю. Меня и правда засосало это дело, я слишком сильно увлеклась, надо отдохнуть. — Она выглядела иначе, чуть бодрее, чем в последние недели.

— Я рада, – Эми сильно прижала к себе Анну, будто прощаясь.

— Задушишь, – они засмеялись.

Так давно они не смеялись вместе.

Утром следующего дня им приготовили драконов. Огромные, чешуйчатые существа уже ждали их, нервно переступая когтистыми лапами по каменному плацу. Воздух был наполнен их низким, утробным рыком, предвещающим скорое путешествие.

Девушки, которые ещё вчера были облачены в изысканные одежды, теперь носили удобные, прочные костюмы, сшитые из тёмной плотной ткани.

Она не стесняла движений и была идеально приспособлена для полёта. В сумках, перекинутых через плечо, лежали маски, призванные скрыть их лица от любопытных глаз на фестивале. Каждая заняла своё место за спиной наездника. Взмывая в небо, они почувствовали, как ветер свистит в ушах, а мир внизу стремительно уменьшается.

Под ними проносились скалы, покрытые ковром вековых сосен, а затем показалось глубокое, извилистое ущелье, пересекающее острые пики гор.

Солнце, поднявшись выше, заливало всё вокруг золотистым светом, делая полёт ещё более захватывающим.

Через несколько часов полёта, сквозь разреженный воздух, показался долгожданный город.

Это была Грандия, величественная крепость, выросшая из скалы. Приземлившись на широкой террасе, девушки почувствовали под ногами твердую землю после долгих часов полета. Город шумел, наполненный звуками жизни, а над ним возвышались шпили дворцов и башни стражи, охраняющие его покой. Вся центральная площадь была украшена к фестивалю маскарада и красок. Воздух наполнился ароматами специй и жареного мяса, доносившимися из многочисленных ларьков с едой. Разноцветные гирлянды переливались на солнце, а между толпами зевак сновали шуты и клоуны; их яркие костюмы и забавные выходки мгновенно привлекали внимание детей, вызывая у них неудержимый смех. Веселая, задорная музыка лилась отовсюду, подгоняя народ собираться ближе к импровизированной сцене, где выступали музыканты.

Люди, составлявшие основную массу собравшихся, были одеты как обычные горожане: простая одежда, удобные штаны и рубахи, платья и юбки. Но среди этой обычной толпы уже чувствовалось предвкушение грядущего праздника. Некоторые, желая начать игру раньше остальных, уже носили маски, скрывая свою личность. Они сияли всеми цветами радуги, украшенные перьями, блестками и замысловатыми узорами, придавая своим владельцам загадочный и интригующий вид.

По мере того как солнце начинало клониться к закату, площадь становилась все более оживленной. Клоуны теперь жонглировали огненными факелами, а шутов сменяли танцоры в экстравагантных костюмах. Музыка становилась громче, ритмичнее, побуждая даже самых скромных присоединиться к общему веселью. На лицах людей, у кого еще не было оно скрыто масками, читалась радость предвкушения, предвкушения ночи, которая обещала быть полной тайн, превращений и ярких впечатлений.

Весь день девушки провели, растворившись в атмосфере праздника. Они методично обходили один ларек за другим, прислушиваясь к мелодиям, льющимся со сцены. В этот день звучали самые разные мотивы: от зажигательных плясовых, заставляющих притопывать ногой, до нежных, лирических баллад, вызывавших легкую меланхолию. Их смех, чистый и звонкий, разносился над шумной площадью, отражаясь от стен домов, словно маленький колокольчик, возвещающий о безмятежности и счастье. Они с удовольствием пробовали все предложенные угощения: пышные пироги с начинками, ароматные фрукты, тягучие сладости, острые закуски. Каждый новый вкус приносил удовольствие, отодвигая на второй план тревожные мысли и заботы, которые, казалось, остались где-то там, далеко, за пределами этого шумного, красочного праздника. Время текло незаметно, наполняя их легкими, приятными моментами, питая не только тело, но и душу.

Ближе к вечеру, когда солнце стало окрашивать небо в багровые тона, их взгляд привлекло огороженное пространство на краю площади. Здесь, в центре, разворачивались настоящие поединки. Смелые бойцы, облаченные в маски, которые, казалось, слились с их лицами благодаря какой-то неведомой магии, демонстрировали свое мастерство. Их движения были стремительны и точны, каждый удар, каждый блок исполнялся с невероятной грацией. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за зрелищем, а гул толпы нарастал с каждым удачным приемом.

Анна с Эми, привлеченные азартом схватки, подошли к самому ограждению, чтобы лучше разглядеть поединки. Толпа бурлила, поддерживая своих фаворитов, и воздух дрожал от выкриков и одобрительных возгласов. Вдруг, словно ураганом, одного из мужчин, стоявших в первых рядах, вытолкнули прямо в центр арены. Он очутился на площадке, покрытой мягким, утоптанным песком, окруженной грубыми деревянными ограждениями.

Мужчина, оказавшийся в центре внимания совершенно неожиданно, выглядел несколько смущенным. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам, словно не понимая, как он здесь очутился. Затем, глубоко вздохнув, он принялся разминать руки и ноги, ощущая, как напряжение медленно покидает его тело. Каждый сустав, каждая мышца готовились к предстоящему испытанию, и в его глазах появился огонек решимости. Толпа вокруг затихла в ожидании, предчувствуя, что этот незапланированный поединок может оказаться одним из самых зрелищных.

Навстречу ему вышел противник, казалось, вдвое больше и гораздо сильнее. Его мускулы перекатывались под закаленной кожей, а взгляд был наполнен хищной решимостью.

Взмахнув рукой, он призвал свое оружие — огромный двуручный топор, сверкнувший в тусклом свете вечерних фонарей. С боевым кличем, сотрясшим публику, он бросился в атаку на ошеломленного мужчину.

Однако молодой боец, к удивлению многих, не стал призывать в ответ свое оружие. Вместо этого он начал мягко, но стремительно двигаться, словно танцор, уворачиваясь от разрушительных ударов топора. Каждый его шаг был выверен, каждое движение — элегантно.

Он умудрялся ускользать от смертоносных взмахов, словно призрак, и даже ловко парировать некоторые из них, гася их силу и направляя энергию в сторону. Зрители, еще миг назад ожидавшие быстрой победы гиганта, теперь с изумлением наблюдали за этим непривычным зрелищем.

— Как думаешь, какой он маг? – Эми с изумлением смотрела за поединком, указывая на парня без оружия. – Думаю, маг воздуха. Так уворачиваться надо уметь, – Эми была поражена им.

Анна же видела нечто, что ускользало от взора большинства. Тонкие, едва заметные огненные нити исходили от мужчины, пульсируя в такт его резким, стремительным движениям. Они таяли, словно дымка на уходящем солнце, с каждым его шагом, с каждым уклонением.

Это было так быстро, так мимолетно, что лишь самые внимательные могли уловить этот изящный танец стихий. Но Анна чувствовала это своим нутром – он был магом огня. Эта уверенность была неоспоримой, интуитивной. Однако, несмотря на это знание, одна вещь оставалась для нее загадкой: какова истинная мощь этого человека?

Он двигался с такой грацией и скоростью, что казалось, будто он больше уворачивается, чем сражается. Его техника была не грубой силой, а скорее искусным танцем, где каждое движение было рассчитано до миллиметра.

Он был как будто живым воплощением пламени – неуловимым, переменчивым и потенциально разрушительным. Анна пыталась оценить глубину его магической силы, но каждый раз, когда ей казалось, что она подходит к разгадке, он вновь ускользал, оставляя ее в недоумении. Он был силен, это было очевидно, но насколько именно – оставалось неясным.

— Не буду загадывать, но он явно силен, – Анна лишь намекнула, давая Эми самой додумать. Он двигался так быстро, что его оппонент, несмотря на свою внушительную комплекцию, начал выдыхаться. Каждый следующий взмах топора становился медленнее, каждый выпад – менее точным.

Огромный воин, привыкший полагаться на грубую силу, оказался не готов к такой изворотливости и скорости. В этот критический момент, когда противник уже не мог эффективно парировать, мужчина нанес точный, молниеносный удар под дых. Получив такой удар, гигант отшатнулся, тяжело дыша. Его лицо исказилось от боли и неожиданности. Он попытался поднять свой топор, но руки его не слушались. Силы оставили его, и он, не имея возможности продолжать схватку, упал на песок, задыхаясь. Поняв, что больше не может стоять на ногах, он с трудом поднял одну руку, подавая знак сдаться.

Толпа взорвалась одобрительными криками, пораженная ловкостью и мастерством молодого бойца, сумевшего одолеть противника, который казался несокрушимым.

Парень, чей смущенный поклон означал победу, уже собирался пойти прочь, чтобы перевести дух и немного восстановиться после напряженного поединка. Однако отдохнуть ему не дали. Толпа, ощутившая вкус зрелища, требовала продолжения, и, увидев, что кто-то снова не пускает его отдохнуть, начала ликовать.

— А кто же выйдет к нему? Все опасаются: он сильный, и даже оружие не достал. – Анна слушала шепот, что проходил по толпе зевак.

Наступила неловкая пауза. Зрители, ожидавшие увидеть новых бойцов, замельтешили, перешептываясь между собой. На лицах читалось разочарование и недоумение.

Кто-то из толпы неуверенно выкрикнул вопрос, но ответа не последовало. В воздухе повисло напряженное ожидание, смешанное с легким недовольством.

Казалось, фестиваль, окутанный предвкушением маскарада и красок, рискует захлебнуться в этой тишине, если никто не осмелится выйти на песок.

— Не хочет проветриться? Может, он достоин твоего внимания? – У Эми загорелись глаза, она знала: сестра справится, даже не вспотев.

— Что? Я? Да неее – Анна не успела договорить, как перед ней упало ограждение, и она вывалилась в центр арены.

— Оно магическое! Не нужно было говорить «*я*»! – крикнул ей кто-то из толпы.

«*Черт*». Анна понимала: сейчас надо сражаться так, будто он враг, иначе она опозорится.

— Госпожа, я удивлен, – голос мужчины был спокойный, будто не было поединка до этого. – Я постараюсь не сильно атаковать. Если захотите удалиться, всего лишь скажите «*сдаюсь*», и поединок кончится. – Он смотрел на нее чуть сверху, но от этого сильнее он ей не казался.

— Да, я услышала, благодарю. Вы тоже не забывайте это слово. – Анна отряхнула ткань от песка и приготовилась.

Она не стала нападать. Вместо резких, агрессивных движений, она начала медленно и размеренно обходить мужчину, словно хищница, изучающая свою добычу. Каждый ее шаг был выверен, каждое движение – исполнено спокойствия. Она не проявляла враждебности, но ее присутствие само по себе оказывало давление.

Он, в свою очередь, слегка двигался, пытаясь ее устрашить. Его взгляд был прикован к ней, он ждал малейшего признака атаки, чтобы мгновенно отреагировать. Он пытался казаться уверенным, даже вызывающим, но легкая дрожь в его руке выдавала внутреннее напряжение.

Но Анна была словно тень. Она исчезала из поля его зрения, словно растворяясь в воздухе, и тут же появлялась в другом месте, всегда на шаг впереди, всегда вне досягаемости. Ее движения были плавными, текучими, не позволяя ему предугадать ее следующий маневр. Это было элегантное кружение, танец, исполненный напряжения и ожидания.

Ни он, ни она не доставали орудие. Поединок проходил без единого удара, без видимой агрессии. Это была битва умов, битва воли, битва терпения.

Они оба понимали, что первый, кто совершит неосторожный шаг, кто поддастся искушению атаковать, может оказаться проигравшим.

Поэтому они продолжали свой безмолвный танец, окутанные аурой взаимного уважения и скрытой угрозы.

Внезапно мужчина не выдержал. Терпение его иссякло, и, преодолев призрачные оковы сомнений, он рванул на Анну.

Его атака была стремительной, отчаянной, направленной на то, чтобы захватить ее, разорвать, поглотить. Но она была тенью, неуловимой, ускользающей. Ее движения были столь же быстры, сколь его натиск был яростен.

Какое-то время она лишь уворачивалась, играя с ним, подобно кошке с мышью. Она искусно тратила его силы, заставляя его удары проходить мимо.

Он тяжело дышал, его тело начинало подводить, а гнев сменялся досадой.

Внезапно, словно в порыве озарения, он поймал ее взглядом. В этот миг, когда ее внимание было рассеяно, из его рук материализовалось орудие – секира. Она была чудовищным творением. Ее лезвие, выкованное из металла, напоминающего закаленное в горниле пламя, искрилось неестественным багровым светом. По всей его поверхности витиевато извивались узоры, словно застывшие языки пламени или сплетенные кости. Каждое зубчатое окончание лезвия казалось выточенным для того, чтобы рвать и терзать, не оставляя противнику ни единого шанса.

Рукоять топора, также украшенная замысловатой резьбой, переходила в навершие, напоминающее череп или какую-то мифическую тварь с острыми отростками. Металл испускал едва уловимое тепло, и казалось, что вместе с секирой призвана была сама стихия огня, сжимающаяся в холодном, смертоносном оружии.

«*Так и думала, маг огня, черт тебя возьми. Потому и оружие не доставал, маги огня хитрецы.*»

Удар был неминуем. Чтобы отразить этот смертоносный выпад, Анна призвала свои кинжалы. Два лезвия, тонкие и острые, появились в ее руках, готовые к встрече.

И вот, с оглушительным скрежетом, сталь соприкоснулась со сталью. Ослепительные искры брызнули во все стороны, освещая арену их поединка.

— Думаю, на этом закончить. — Анна смотрела в глаза магу огня, слегка пустив кровавые нити по его рукам, указывая, что их бой закончился.

Мужчина увидел тонкие, пульсирующие нити крови, тянущиеся вдоль его рук. Они были не просто ранами, а живыми, извивающимися нитями, питающимися его жизненной силой. С ужасом он осознал: он сражается не с обычным воином, а с магом крови.

Его противница, Анна, стояла перед ним, не касаясь его, но ее присутствие окутывало его ледяным холодом. В ееглазах не было ярости, лишь холодное, расчетливое спокойствие, которое пугало больше, чем любая открытая агрессия.

Он почувствовал, как тонкие нити крови начинают стягиваться, словно петля, готовясь окончательно задушить его.

— Согласен, госпожа. — Мужчина отошел, отзывая свое оружие. — ***Сдаюсь***. — Он произнес слова поражения с честью, осознавая свое положение.

Конечно, продолжить можно было бы, но вокруг были люди, они не хотели бы разгара боя.

Толпа резко загудела, показывая свое недовольство. Зрители, жаждавшие увидеть кровавую схватку, были обмануты в своих ожиданиях. Воздух наполнился гулом разочарования, перешептываниями и недовольными возгласами.

Казалось, праздничное настроение, которое еще недавно царило на арене, начало угасать.

Но Анна и мужчина, стоявшие друг напротив друга, лишь обменялись взглядами. В этом молчаливом обмене не было враждебности, лишь взаимное уважение и понимание. Они оба были мастерами, понимающими, что истинная сила заключается не в разрушении, а в контроле.

Они видели, куда мог привести начавшийся поединок, к чему могла привести их магия крови и огня, сплетенная в смертельном танце. И оба предпочли избежать этой участи.

Они разошлись в разные стороны, словно два хищника, которые, оценив друг друга, решили не вступать в бой. Толпа продолжала гудеть, но их решение было принято.

Они поблагодарили друг друга молчанием за не начавшуюся резню, за проявленное мастерство, за мудрость, позволившую им сохранить жизни – свою и чужие.

— Почему ты не закончила с ним? — Эми шла от арены, расстроенная.

— Потому что он маг огня, сестра. — Анна шла и смотрела в небо, усеянное тысячами звезд. Пока шло сражение, успело потемнеть, и они ярко светили.

Она не хотела сегодня проблем, потому и ушла.

— Маг огня, жуть конечно. — Сильно Эми не расстроилась, что не угадала мага, но его магия вызывала в ней смесь чувств, от ужаса до восхищения. — Хорошо, что вы друг друга поняли.

И правда, хорошо это

Анна и Эми продолжили свое гастрономическое путешествие, исследуя кухни разных народов. Город манил их своими ароматами и вкусами, каждый новый прилавок обещал открыть для себя что-то удивительное.

Но их мирное исследование было прервано шумом и весельем, разносившимся с центральной площади. Там начался фестиваль красок, зрелище, которое всегда привлекало толпы. Люди с энтузиазмом набирали в мешочки сухие смеси всевозможных цветов, готовясь оку-

нуться в атмосферу праздника. Сестры, поддавшись общему настроению, тоже взяли себе по паре ярких мешочков.

Смех и крики наполняли воздух, когда они начали весело осыпать друг друга разноцветной пылью. Зеленый, синий, красный, желтый – все смешивалось в радужном вихре.

Внезапно, словно из ниоткуда, сзади прилетел мешочек с зеленой краской. Он не долетел, распахнувшись буквально в сантиметре от Анны, и развеял в воздухе облачко мелких частиц.

Когда дымка начала рассеиваться, сквозь нее Анна увидела ту самую маску, которую уже видела на арене. Те же глаза, бездонно-серые, с холодными отблесками синевы, смотрели прямо на нее. Они проникали ей в душу, будто знали ее насквозь, как будто читали ее прошлое и знали, кто она на самом деле.

Анна застыла, ее сердце учащенно забилось. Серые глаза, обрамленные черными ресницами, приковывали ее внимание, словно магнит.

Она попыталась встряхнуть головой, но взгляд незнакомца словно удерживал ее, не давая вырваться из его плена.

Эми, не замечая замешательства сестры, продолжала смеяться, осыпая Анну розовыми и оранжевыми красками. Но Анна уже не слышала ее. Все ее внимание было приковано к человеку в маске, который, казалось, не двигался, лишь его глаза гипнотизировали ее.

Другие люди на площади теперь казались размытыми пятнами, их смех и веселье отступили на второй план. Мир сжался до пространства между ней и человеком в маске. Ей хотелось подойти, спросить, узнать, кто он, но ноги словно приросли к месту.

Страх и необъяснимое влечение боролись в ее душе.

Внезапно, как по команде, человек в маске повернулся и растворился в толпе. Анна моргнула, и реальность вернулась. Люди вокруг продолжали веселиться, а она стояла, покрытая красками, с колотящимся сердцем и ощущением, что что-то важное только что упустила.

— Ты чего застыла, будто мертвого увидела? – Эми весело похлопала Анну по плечу, призывая веселиться

— Явно живого, – она хотела рассказать Эми, кого увидела, однако передумала, – но, думаю, показалось.

Закончив игру, Анна и Эми направились передохнуть к ларьку с сухофруктами. Воздух был пропитан ароматом нагретых солнцем дынь, инжира и абрикосов, создавая сладкое, тягучее облако, которое приятно щекотало ноздри. Девушки прислонились к деревянной, слегка облупившейся столешнице, наблюдая за оживленной толпой. Вокруг сидели кучками молодые люди, громко смеясь. Их голоса сливались в общий гул, перемешиваясь с музыкой, доносившейся откуда-то издалека.

Глаза Анны скользили по лицам, выхватывая яркие детали: блеск в глазах, широкие улыбки, энергичные жесты. Эми, казалось, была более погружена в свои мысли, слегка нахмурив брови, но и на её губах играла лёгкая, задумчивая улыбка. Наконец, продавец, пожилой мужчина с добрыми морщинками вокруг глаз, предложил им отведать фиников. Анна откусила кусочек, и сладость, смешанная с лёгкой терпкостью, разлилась по языку.

— Невероятно, – прошептала она, и Эми, подхватив её настроение, взяла себе горсть изюма, который приятно поскрипывал на зубах.

Они не произнесли ни слова, но чувствовалось, что этот краткий отдых, наполненный ароматами и звуками праздника, был для них обоих желанным. Игра, хоть и приносила радость, требовала сил, и теперь, с полными ртами сладких, натуральных сокровищ, они чувствовали, как к ним возвращается энергия.

— Я, верно, вас напугал, госпожа, – сзади подошел мужчина, слегка окружая их своим шлейфом парфюма. Его голос, низкий и бархатный, казалось, проникал сквозь шум окружающего мира, создавая вокруг них уютный кокон.

Анна повернулась и снова встретилась с теми глазами с арены боя. Те манящие глаза серого цвета, с прожилками синевы, которые смотрели на нее с легким прищуром. Серые бездонные глаза с легкой игривостью тянули её в свои сети, поглощая её мысли, её желания и чувства. Она смотрела словно завороженная, ощущая на себе магию его глаз, что полностью подчинили её.

Мужчина что-то говорил, слегка улыбался, но Анна ничего не могла разобрать. Её мысли и слух были будто в тумане.

— Сестра, господин спрашивает, где ты училась сражаться, – Эми не стала называть имя Анны и слегка толкнула её, чтобы та пришла в себя.

Анна встряхнула головой, пытаясь вернуть мысли на место: — Горы Морелия, община Маракая, они мои учителя, – Анна впервые столкнулась с таким магнетизмом от мужчины. Ранее в её окружении были люди, которые не могли каким-либо образом привлечь её внимание. Каким бы красивым он ни был, Анна не смотрела в его сторону. Но тут она не видит его лица, только глаза

— Община волхвов, вы, вероятно, сильны, раз вас там обучали, – мужчина поклонился в знак уважения.

Внезапно Эми дернулась с места и слилась с толпой, оставляя сестру наедине с этим загадочным человеком. Он подошел ближе, занимая место Эми, и, взяв финик в руку, начал рассматривать его.

— Я благодарю вас за ваше благоразумие там, на арене, – он снова смотрел на нее.

— Мы с вами оба понимаем, чем бы всё кончилось, – Анна взяла финик из его руки и вскрыла, доставая косточку, – вы всегда ходите в перчатках?

Она вернула чистый финик, вложив его в перчатку мужчины. Тот резким движением закинул фрукт в рот, сладко пережевывая.

— Хах, а вдруг он отравлен? Вы так доверяете незнакомке? – Анна слегка улыбнулась.

— Ваши глаза чисты, вы бы не стали меня травить, госпожа, – его взгляд прожигал Анну изнутри, создавая впечатление, что она задыхается от своих же эмоций.

— Друг, нам пора, ты занят? – к мужчине подошел парень и дернул того за плечо, отвлекая от любопытного разговора.

— Да, очень. Пожалуй, я присоединюсь к вам позднее, – мужчина, не оборачиваясь, откинул руку с плеча и всё смотрел в глаза Анны, не теряя зрительный контакт.

Юноша что-то поворчал и направился прочь.

— Не хотите прогуляться по набережной? – мужчина протянул руку, приглашая к прогулке под ночным небом.

— С удовольствием, – Анна с легким опасением протянула руку и коснулась его перчатки.

Сквозь перчатку она почувствовала лишь жаркое пламя его магии, но не обжигающее, а скорее согревающее, будто древний костер, разведенный в самую холодную ночь. — Позвольте, я сниму перчатку, – он было начал стягивать с руки плотную ткань, но Анна его перехватила: она не хотела спугнуть этот момент.

— Не стоит, – она взглянула на него, он остановился, понимая её опасения. Магия из его рук пульсировала мягко, словно биение могучего, но доброго сердца.

Ее собственная магия, скованная страхом и неопределенностью, начала откликаться на это зовущее тепло. Тонкие нити ее силы, до этого спящие и холодные, стали распрямляться, набирать цвет, словно семена, пробуждающиеся после долгой зимы под ласковым солнцем. Она почувствовала, что те её опасения насчет связи с магом огня были глупостью. Её магия внутри словно согревалась от его внутреннего огня, начала двигаться в легком ритме, без желания напасть, желая лишь дальше согреваться об этот огонь.

В этот момент мир сузился до одного единственного ощущения: ее ладонь, сжатая в его, и пульсирующий в нем жар магической энергии.

Он, казалось, почувствовал ее ответный отклик. Напряжение в его хватке ослабло, но тепло не ушло. Напротив, оно усилилось, стало более уверенным, словно он нашел отклик и теперь мог позволить себе полностью раскрыть свою силу, зная, что она не оттолкнет, а примет.

— Вы маг огня, удивительно встретить кого-то из ваших, – Анна нехотя отпустила его руку, и та сила внутри нее словно взывала к повторению тепла.

Они шли вдоль набережной, где, словно застывшие в вечности величественные тени, дрейфовали корабли. Их силуэты, вычерченные на фоне вечернего неба, казались порталами в иные миры, полные тайн и забытых историй. Воздух был напоен запахом соли, смолы и несбывшихся надежд, которые, казалось, навечно осели в этих старых портовых стенах. Он шел размеренно, делая шаги в такт с ней, не стремясь убежать вперед и не топчась на месте.

Его присутствие было словно тихая гавань в бушующем море жизни. От него исходила аура спокойствия и умиротворения, но в то же время ощущалась некая скрытая сила, подобная мощи спящего вулкана, чье дыхание едва заметно. Эта двойственность притягивала, завораживала, создавая загадочный ореол вокруг его персоны.

Они много рассуждали про империи, про силу, общаясь на сторонние темы, словно два искусных мастера шахмат, каждый из которых просчитывал ходы противника, не раскрывая своей конечной цели. Слова сплетались в узор, где каждый намек, каждое недосказанное слово было частью более сложной игры. Они вели диалог, который позволял им узнать друг друга, но в то же время искусно скрывать истинную суть своей личности, сохраняя покров тайны.

— Верно, в наше время маги огня — редкость, но жаль, что нас все так боятся, – он шел рядом, иногда подавая руку на ступеньках.

— Среди вас много безумных, что сжигали людей из-за одного лишь недоброго взгляда, – Анна шла, стараясь не глазеть на него, но у нее это плохо получалось.

— Вы правы, поэтому я стараюсь при встрече с людьми менять их восприятие, – он и правда производил впечатление достаточно разумного человека, — однако в истории есть люди, что творили ужасы, не имея силы магии.

— Соглашусь с вами, – они стояли у пристани, вглядываясь в ночную даль, – я и сама была свидетелем этого. – Анна потерла глаза, перед ней всплывали картины того дня.

— Вы про что именно? В мире множество таких случаев. – Мужчина присел на ступени, вытягивая ноги, – поделитесь со мной, если хотите конечно, и я поделюсь с вами.

Он взглянул на Анну, глаза сверкнули за маской, призывая к доверию. Но Анна не хотела ни вспоминать тот день, ни тем более говорить про него.

— Тогда начну я, – он слегка откашлялся и начал свой рассказ, – я тогда был маленьким мальчиком и иногда доносил письма из империи в империю.

Необходимо было доставить некие свитки до императора Парга, Жана. По слухам он был великим императором, но его жена, мать нынешнего императора, была слегка не в себе. Ее вечное чувство, будто за ней следят, что караулят у покоев, и мысли о нападении на её сына, Филиппа, роились в её голове. По крайней мере, все так шептались между собой.

— Вы были в тот день, когда она сожгла тех людей? – Анна прервала рассказ мужчины, понимая, про кого он говорит, ведь она помнила тот день.

Ужасающий и самый запоминающийся момент в её жизни, ведь она не просто наблюдала за этим, она находилась на той же площади, что и Мария, а Анне тогда исполнилось только 5 лет.

— Да, я был тогда там, я видел тот ужас в глазах людей, – мужчина потер руки, – но в глазах императрицы сожаления *не было,* она их жгла, будто они не живые, оглашая вокруг лишь то, что они все враги империи.

— Какая глупость, – он с ненавистью выплюнул эти слова в воздух. Воспоминания начали всплывать перед глазами Анны.

Тот день, когда Мария утром приказала выстроить на площади некие приспособления, вызвал у слуг немой вопрос, но полное понимание её замысла.

Воздух наполнился запахом сырого дерева и предвкушением чего-то ужасного. Она, воплощение власти и жестокости, с самого утра лично контролировала процесс. Каждый установленный столб, каждое приготовленное бревно – всё было под её неусыпным надзором. Её лицо, обычно скрытое под маской благородства, теперь выражало лишь холодную решимость, а глаза метались, словно у хищника, выслеживающего добычу.

Создавая некие кострища, она с самого утра следила за правильностью выполнения. Это было не просто строительство, это было ритуальное приготовление к жертвоприношению, где жертвами должны были стать люди. Она сама двигала бревна, сама указывала, как укладывать их, словно опытный палач, готовящий свои орудия.

После полудня, когда солнце начало клониться к закату, Мария приказала поймать людей, которых считала врагами империи. Ими оказались простые горожане, те, кто, по её мнению, был каким-то образом причастен к заговорам против императора. Их загнали на площадь, где уже дымились костры, готовые поглотить их души. Её безумие переросло в массовую казнь людей. Более ста человек она сожгла менее чем за сутки, и всё это – на глазах у Анны и Филиппа.

Она держала сына, Филиппа, за руку; его детские глаза расширились от ужаса, когда пламя начало лизать тела.

Анна помнила, что Мария шептала на ухо своему малолетнему сыну: — Видишь, сын мой, – прошептала она, – я делаю это ради твоей безопасности. Ради нашего будущего. Враги будут уничтожены, и ты будешь править в мире, свободном от страха.

В её словах звучало безумие, но в глазах Филиппа отражался лишь страх, который, казалось, был намного сильнее пламени, пожирающего невинных.

— Люди настолько слабы, что их страх заставляет делать немыслимые поступки, – Анна была согласна, это была невероятная глупость.

— Императоры должны защищать нас, но точно не уничтожать свой же народ, – она решила прикинуться одной из горожан, чтобы отмести возможные подозрения.

— Вы правы, я видел тот ужас и те костры, этот огонь, всепоглощающий, что забирал невинные жизни. В тот день я для себя решил – моя магия не принесет этому миру зло, я направлю её на благие намерения, или же, – он глубоко вздохнул и откинулся на ступеньки, – я никогда ей не воспользуюсь.

Последние его слова означали лишь, что он готов полностью отречься от своей силы, дабы не использовать её против людей.

— Достойно, очень благородно, я бы сказала, – Анна присела чуть выше него. — Думаете, волхвы одобрят ваш отказ в случае чего? – Только после дозволения общины маг может отречься от своей силы.

— Думаю, да; вряд ли, если я совершу нечто ужасное, они меня похвалят, – мужчина слабо улыбнулся.

— Значит, не совершайте. Сильных магов не так много в наше время, а в особенности с трезвым умом, – Анна вспоминала слова Филиппа, осознавая, что то безумие его матери, возможно, постигло и его.

— А вы бы согласились отказаться от своей силы, чтобы спасти невинных? – он взглянул на неё, задавая по сути вполне адекватный вопрос.

Но для Анны это было больше, чем просто ответить, ведь сейчас она и так находилась в состоянии решения подобного рода дилеммы.

— Я? – Анна задумалась, а может ли она отречься от своей силы, спасая невинных, сможет ли она отказаться от убийства Зульфии, дабы спасти их жизни? — Сила, что дана нам, должна служить для чего-то впрок, и лишь мы определяем, на какой мы стороне, верно? – она взглянула на мужчину; тот смотрел на её лицо не двигаясь.

— Так значит, если сила – это ответственность, мы не имеем права на ошибку, особенно в отношении слабых, – она взглянула на звезды.

— Тогда да, я откажусь от своей силы, чтобы спасти их, да Последние слова были точкой в их разговоре.

Довольно откровенно два сильных мага мира, которые доселе не знали друг друга и не узнают из-за фестиваля, обсуждали интересные темы, не подходящие для подобных прогулок.

— Как интересно завернулся наш разговор, не так ли? – мужчина встал и подал руку Анне.

— Не стоит, – к своему удивлению, она отказалась от его руки, и не попрощавшись удалилась, оставив его в полном замешательстве. Мысли в голове сложились в одну плоскость, словно жемчуг на нить; Анна старательно нанизывала факты.

Она знала – отрицать очевидное бессмысленно. Филипп сошел с ума; его безумие, подобно ядовитому плющу, оплетало здравый смысл, переходя все мыслимые и немыслимые границы. Мирно решить конфликт, увы, не получится. Филипп был слишком увлечен своей навязчивой идеей, чтобы прислушаться к голосу разума. Однако убить ничем не повинную Зульфию и её нерожденного ребенка – это была бы не просто глупость, а чудовищное преступление, которое легло бы несмываемым пятном на её совесть.

Анна не могла допустить такого исхода. Сердце сжималось от отчаяния, но разум не сдавался. Отказаться от приказа, отданного лично Филиппом, она не могла – последствия были бы слишком серьезными, как для неё самой, так и для тех, кто ей доверял. Оставался лишь один, единственный вариант, тонкая нить надежды в бездонной пучине отчаяния – обмануть Филиппа.

Это был рискованный, отчаянный шаг, но порой только ложь может спасти от еще большей беды.

Анна с Эми рассекали небесную синь, летя на драконах, возвращаясь в Парга. В голове Анны, как рой пчел, вились непрошеные идеи, ни одна из которых не казалась жизнеспособной.

Как обмануть Филиппа? Этот вопрос камнем лег на сердце, но отступать было некуда. Филипп доверял ей

Он видел в ней верного исполнителя, не способного на предательство. Это доверие, закаленное годами, теперь стало её единственным оружием и одновременно самой уязвимой точкой.

Он знал, что Анна выполнит приказ, особенно когда на кону стояла угроза расправы над теми, кто ей дорог. Но именно это знание давало ему силу, позволяя манипулировать ею, как марионеткой. Полет казался бесконечным, а решение – неуловимым.

Ей нужен был план, безупречный, хитроумный, который позволил бы обойти прямолинейность Филиппа, его слепую веру в собственную правоту. Нужно было найти лазейку в его безумии, соломинку, за которую она могла бы ухватиться, чтобы спасти Зульфию и её ребенка.

— Пригласите мне Маркуса, срочно, – как только они приземлились дома, Анна отдала приказ слугам. Те бегом отправились за капитаном в его покои. Маркус влетел в кабинет госпожи, одевая на ходу рубаху.

— Анна, что-то случилось? – он резко вошел в комнату и сел на диван перед ней. — Да, я решила, – она курила, снова, осознавая, какой выбор она сделала.

— Я не буду убивать Зульфию. Мы обманем его, – она выпустила клубок дыма прямо в лицо Маркуса; тот закашлял.

— Но как? – он был удивлен, но еще больше рад, что Анне не придется брать такой грех на сердце.

— А это нам с тобой предстоит только придумать, – мыслей о варианте обмана императора не было.

Анна рассчитывала на помощь своего друга, который был профи в этом деле.

Наконец-то она выспалась.

Чувство лёгкости и восстановления наполняло каждую клеточку её тела, даря заряд бодрости и небывалой энергии. Казалось, прошлая бессонница и тяжелые мысли остались где-то далеко позади, как дурной сон, рассеявшийся с первыми лучами солнца. Быстро собравшись, Анна почувствовала непреодолимое желание вывести эту новую энергию наружу.

Идеальным способом для этого стала утренняя пробежка. Надев спортивную одежду, она вышла на улицу, наслаждаясь свежим, прохладным воздухом. Её путь лежал через тренировочные площадки, где уже раздавались первые звуки утренних тренировок, затем мимо живописных садов, утопающих в зелени, и, наконец, к прачкам, занятым своим нелёгким трудом во внутреннем дворе; их мерное покачивание и плеск воды создавали умиротворяющий фон. Именно там, среди этой будничной суеты, Анна встретила свою сестру.

Радостное возбуждение освещало лицо Эми, когда она показала Анне выбранные маски для предстоящего маскарада. Это были великолепные парные маски: одна – оттенка тёплого светло-коричневого дерева, другая – изящная, светло-серая, украшенная тончайшими вставками из золота и серебра. Сестра протягивала ей одну из масок, сверкающую в утренних лучах.

Анна взяла эту маску. Тяжёлая, словно вырезанная из цельного куска тёмного дерева, она казалась произведением искусства. Резные узоры, напоминающие переплетающиеся ветви, добавляли ей таинственности.

— А эта тогда для меня, – решила Эми, указывая на более лёгкую серую маску, мерцающую золотыми и серебряными нитями. Анна редко бывает на подобных фестивалях.

Наряды решили выбрать похожие, без ярких акцентов, чтобы не привлекать внимание. Костюмы, без явных юбок и платьев, подходящие для полёта.

— Нам лететь уже завтра утром. Ты готова? — Эми боялась, что сестра передумает и не полетит.

— Конечно, – Анна слегка приобняла сестру за талию. — Не бойся, не передумаю. Меня и правда засосало это дело, я слишком сильно увлеклась, надо отдохнуть. — Она выглядела иначе, чуть бодрее, чем в последние недели.

— Я рада, – Эми сильно прижала к себе Анну, будто прощаясь.

— Задушишь, – они засмеялись.

Так давно они не смеялись вместе.

Утром следующего дня им приготовили драконов. Огромные, чешуйчатые существа уже ждали их, нервно переступая когтистыми лапами по каменному плацу. Воздух был наполнен их низким, утробным рыком, предвещающим скорое путешествие.

Девушки, которые ещё вчера были облачены в изысканные одежды, теперь носили удобные, прочные костюмы, сшитые из тёмной плотной ткани.

Она не стесняла движений и была идеально приспособлена для полёта. В сумках, перекинутых через плечо, лежали маски, призванные скрыть их лица от любопытных глаз на фестивале. Каждая заняла своё место за спиной наездника. Взмывая в небо, они почувствовали, как ветер свистит в ушах, а мир внизу стремительно уменьшается.

Под ними проносились скалы, покрытые ковром вековых сосен, а затем показалось глубокое, извилистое ущелье, пересекающее острые пики гор.

Солнце, поднявшись выше, заливало всё вокруг золотистым светом, делая полёт ещё более захватывающим.

Через несколько часов полёта, сквозь разреженный воздух, показался долгожданный город.

Это была Грандия, величественная крепость, выросшая из скалы. Приземлившись на широкой террасе, девушки почувствовали под ногами твердую землю после долгих часов полета. Город шумел, наполненный звуками жизни, а над ним возвышались шпили дворцов и башни стражи, охраняющие его покой. Вся центральная площадь была украшена к фестивалю маскарада и красок. Воздух наполнился ароматами специй и жареного мяса, доносившимися из многочисленных ларьков с едой. Разноцветные гирлянды переливались на солнце, а между толпами зевак сновали шуты и клоуны; их яркие костюмы и забавные выходки мгновенно привлекали внимание детей, вызывая у них неудержимый смех. Веселая, задорная музыка лилась отовсюду, подгоняя народ собираться ближе к импровизированной сцене, где выступали музыканты.

Люди, составлявшие основную массу собравшихся, были одеты как обычные горожане: простая одежда, удобные штаны и рубахи, платья и юбки. Но среди этой обычной толпы уже чувствовалось предвкушение грядущего праздника. Некоторые, желая начать игру раньше остальных, уже носили маски, скрывая свою личность. Они сияли всеми цветами радуги, украшенные перьями, блестками и замысловатыми узорами, придавая своим владельцам загадочный и интригующий вид.

По мере того как солнце начинало клониться к закату, площадь становилась все более оживленной. Клоуны теперь жонглировали огненными факелами, а шутов сменяли танцоры в экстравагантных костюмах. Музыка становилась громче, ритмичнее, побуждая даже самых скромных присоединиться к общему веселью. На лицах людей, у кого еще не было оно скрыто масками, читалась радость предвкушения, предвкушения ночи, которая обещала быть полной тайн, превращений и ярких впечатлений.

Весь день девушки провели, растворившись в атмосфере праздника. Они методично обходили один ларек за другим, прислушиваясь к мелодиям, льющимся со сцены. В этот день звучали самые разные мотивы: от зажигательных плясовых, заставляющих притопывать ногой, до нежных, лирических баллад, вызывавших легкую меланхолию. Их смех, чистый и звонкий, разносился над шумной площадью, отражаясь от стен домов, словно маленький колокольчик, возвещающий о безмятежности и счастье. Они с удовольствием пробовали все предложенные угощения: пышные пироги с начинками, ароматные фрукты, тягучие сладости, острые закуски. Каждый новый вкус приносил удовольствие, отодвигая на второй план тревожные мысли и заботы, которые, казалось, остались где-то там, далеко, за пределами этого шумного, красочного праздника. Время текло незаметно, наполняя их легкими, приятными моментами, питая не только тело, но и душу.

Ближе к вечеру, когда солнце стало окрашивать небо в багровые тона, их взгляд привлекло огороженное пространство на краю площади. Здесь, в центре, разворачивались настоящие поединки. Смелые бойцы, облаченные в маски, которые, казалось, слились с их лицами благодаря какой-то неведомой магии, демонстрировали свое мастерство. Их движения были стремительны и точны, каждый удар, каждый блок исполнялся с невероятной грацией. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за зрелищем, а гул толпы нарастал с каждым удачным приемом.

Анна с Эми, привлеченные азартом схватки, подошли к самому ограждению, чтобы лучше разглядеть поединки. Толпа бурлила, поддерживая своих фаворитов, и воздух дрожал от выкриков и одобрительных возгласов. Вдруг, словно ураганом, одного из мужчин, стоявших в первых рядах, вытолкнули прямо в центр арены. Он очутился на площадке, покрытой мягким, утоптанным песком, окруженной грубыми деревянными ограждениями.

Мужчина, оказавшийся в центре внимания совершенно неожиданно, выглядел несколько смущенным. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам, словно не

понимая, как он здесь очутился. Затем, глубоко вздохнув, он принялся разминать руки и ноги, ощущая, как напряжение медленно покидает его тело. Каждый сустав, каждая мышца готовились к предстоящему испытанию, и в его глазах появился огонек решимости. Толпа вокруг затихла в ожидании, предчувствуя, что этот незапланированный поединок может оказаться одним из самых зрелищных.

Навстречу ему вышел противник, казалось, вдвое больше и гораздо сильнее. Его мускулы перекатывались под закаленной кожей, а взгляд был наполнен хищной решимостью.

Взмахнув рукой, он призвал свое оружие — огромный двуручный топор, сверкнувший в тусклом свете вечерних фонарей. С боевым кличем, сотрясшим публику, он бросился в атаку на ошеломленного мужчину.

Однако молодой боец, к удивлению многих, не стал призывать в ответ свое оружие. Вместо этого он начал мягко, но стремительно двигаться, словно танцор, уворачиваясь от разрушительных ударов топора. Каждый его шаг был выверен, каждое движение — элегантно.

Он умудрялся ускользать от смертоносных взмахов, словно призрак, и даже ловко парировать некоторые из них, гася их силу и направляя энергию в сторону. Зрители, еще миг назад ожидавшие быстрой победы гиганта, теперь с изумлением наблюдали за этим непривычным зрелищем.

— Как думаешь, какой он маг? – Эми с изумлением смотрела за поединком, указывая на парня без оружия. – Думаю, маг воздуха. Так уворачиваться надо уметь, – Эми была поражена им.

Анна же видела нечто, что ускользало от взора большинства. Тонкие, едва заметные огненные нити исходили от мужчины, пульсируя в такт его резким, стремительным движениям. Они таяли, словно дымка на уходящем солнце, с каждым его шагом, с каждым уклонением.

Это было так быстро, так мимолетно, что лишь самые внимательные могли уловить этот изящный танец стихий. Но Анна чувствовала это своим нутром – он был магом огня. Эта уверенность была неоспоримой, интуитивной. Однако, несмотря на это знание, одна вещь оставалась для нее загадкой: какова истинная мощь этого человека?

Он двигался с такой грацией и скоростью, что казалось, будто он больше уворачивается, чем сражается. Его техника была не грубой силой, а скорее искусным танцем, где каждое движение было рассчитано до миллиметра.

Он был как будто живым воплощением пламени – неуловимым, переменчивым и потенциально разрушительным. Анна пыталась оценить глубину его магической силы, но каждый раз, когда ей казалось, что она подходит к разгадке, он вновь ускользал, оставляя ее в недоумении. Он был силен, это было очевидно, но насколько именно – оставалось неясным.

— Не буду загадывать, но он явно силен, – Анна лишь намекнула, давая Эми самой додумать. Он двигался так быстро, что его оппонент, несмотря на свою внушительную комплекцию, начал выдыхаться. Каждый следующий взмах топора становился медленнее, каждый выпад – менее точным.

Огромный воин, привыкший полагаться на грубую силу, оказался не готов к такой изворотливости и скорости. В этот критический момент, когда противник уже не мог эффективно парировать, мужчина нанес точный, молниеносный удар под дых. Получив такой удар, гигант отшатнулся, тяжело дыша. Его лицо исказилось от боли и неожиданности. Он попытался поднять свой топор, но руки его не слушались. Силы оставили его, и он, не имея возможности продолжать схватку, упал на песок, задыхаясь. Поняв, что больше не может стоять на ногах, он с трудом поднял одну руку, подавая знак сдаться.

Толпа взорвалась одобрительными криками, пораженная ловкостью и мастерством молодого бойца, сумевшего одолеть противника, который казался несокрушимым.

Парень, чей смущенный поклон означал победу, уже собирался пойти прочь, чтобы перевести дух и немного восстановиться после напряженного поединка. Однако отдохнуть ему не

дали. Толпа, ощутившая вкус зрелища, требовала продолжения, и, увидев, что кто-то снова не пускает его отдохнуть, начала ликовать.

— А кто же выйдет к нему? Все опасаются: он сильный, и даже оружие не достал. – Анна слушала шепот, что проходил по толпе зевак.

Наступила неловкая пауза. Зрители, ожидавшие увидеть новых бойцов, замельтешили, перешептываясь между собой. На лицах читалось разочарование и недоумение.

Кто-то из толпы неуверенно выкрикнул вопрос, но ответа не последовало. В воздухе повисло напряженное ожидание, смешанное с легким недовольством.

Казалось, фестиваль, окутанный предвкушением маскарада и красок, рискует захлебнуться в этой тишине, если никто не осмелится выйти на песок.

— Не хочет проветриться? Может, он достоин твоего внимания? – У Эми загорелись глаза, она знала: сестра справится, даже не вспотев.

— Что? Я? Да неее – Анна не успела договорить, как перед ней упало ограждение, и она вывалилась в центр арены.

— Оно магическое! Не нужно было говорить «***я***»! – крикнул ей кто-то из толпы.

«*Черт*». Анна понимала: сейчас надо сражаться так, будто он враг, иначе она опозорится.

— Госпожа, я удивлен, – голос мужчины был спокойный, будто не было поединка до этого. – Я постараюсь не сильно атаковать. Если захотите удалиться, всего лишь скажите «*сдаюсь*», и поединок кончится. – Он смотрел на нее чуть сверху, но от этого сильнее он ей не казался.

— Да, я услышала, благодарю. Вы тоже не забывайте это слово. – Анна отряхнула ткань от песка и приготовилась.

Она не стала нападать. Вместо резких, агрессивных движений, она начала медленно и размеренно обходить мужчину, словно хищница, изучающая свою добычу. Каждый ее шаг был выверен, каждое движение – исполнено спокойствия. Она не проявляла враждебности, но ее присутствие само по себе оказывало давление.

Он, в свою очередь, слегка двигался, пытаясь ее устрашить. Его взгляд был прикован к ней, он ждал малейшего признака атаки, чтобы мгновенно отреагировать. Он пытался казаться уверенным, даже вызывающим, но легкая дрожь в его руке выдавала внутреннее напряжение.

Но Анна была словно тень. Она исчезала из поля его зрения, словно растворяясь в воздухе, и тут же появлялась в другом месте, всегда на шаг впереди, всегда вне досягаемости. Ее движения были плавными, текучими, не позволяя ему предугадать ее следующий маневр. Это было элегантное кружение, танец, исполненный напряжения и ожидания.

Ни он, ни она не доставали орудие. Поединок проходил без единого удара, без видимой агрессии. Это была битва умов, битва воли, битва терпения.

Они оба понимали, что первый, кто совершит неосторожный шаг, кто поддастся искушению атаковать, может оказаться проигравшим.

Поэтому они продолжали свой безмолвный танец, окутанные аурой взаимного уважения и скрытой угрозы.

Внезапно мужчина не выдержал. Терпение его иссякло, и, преодолев призрачные оковы сомнений, он рванул на Анну.

Его атака была стремительной, отчаянной, направленной на то, чтобы захватить ее, разорвать, поглотить. Но она была тенью, неуловимой, ускользающей. Ее движения были столь же быстры, сколь его натиск был яростен.

Какое-то время она лишь уворачивалась, играя с ним, подобно кошке с мышью. Она искусно тратила его силы, заставляя его удары проходить мимо.

Он тяжело дышал, его тело начинало подводить, а гнев сменялся досадой.

Внезапно, словно в порыве озарения, он поймал ее взглядом. В этот миг, когда ее внимание было рассеяно, из его рук материализовалось орудие – секира. Она была чудовищным

творением. Ее лезвие, выкованное из металла, напоминающего закаленное в горниле пламя, искрилось неестественным багровым светом. По всей его поверхности витиевато извивались узоры, словно застывшие языки пламени или сплетенные кости. Каждое зубчатое окончание лезвия казалось выточенным для того, чтобы рвать и терзать, не оставляя противнику ни единого шанса.

Рукоять топора, также украшенная замысловатой резьбой, переходила в навершие, напоминающее череп или какую-то мифическую тварь с острыми отростками. Металл испускал едва уловимое тепло, и казалось, что вместе с секирой призвана была сама стихия огня, сжимающаяся в холодном, смертоносном оружии.

«*Так и думала, маг огня, черт тебя возьми. Потому и оружие не доставал, маги огня хитрецы.*»

Удар был неминуем. Чтобы отразить этот смертоносный выпад, Анна призвала свои кинжалы. Два лезвия, тонкие и острые, появились в ее руках, готовые к встрече.

И вот, с оглушительным скрежетом, сталь соприкоснулась со сталью. Ослепительные искры брызнули во все стороны, освещая арену их поединка.

— Думаю, на этом закончить. — Анна смотрела в глаза магу огня, слегка пустив кровавые нити по его рукам, указывая, что их бой закончился.

Мужчина увидел тонкие, пульсирующие нити крови, тянущиеся вдоль его рук. Они были не просто ранами, а живыми, извивающимися нитями, питающимися его жизненной силой. С ужасом он осознал: он сражается не с обычным воином, а с магом крови.

Его противница, Анна, стояла перед ним, не касаясь его, но ее присутствие окутывало его ледяным холодом. В ееглазах не было ярости, лишь холодное, расчетливое спокойствие, которое пугало больше, чем любая открытая агрессия.

Он почувствовал, как тонкие нити крови начинают стягиваться, словно петля, готовясь окончательно задушить его.

— Согласен, госпожа. — Мужчина отошел, отзывая свое оружие. — ***Сдаюсь***. — Он произнес слова поражения с честью, осознавая свое положение.

Конечно, продолжить можно было бы, но вокруг были люди, они не хотели бы разгара боя.

Толпа резко загудела, показывая свое недовольство. Зрители, жаждавшие увидеть кровавую схватку, были обмануты в своих ожиданиях. Воздух наполнился гулом разочарования, перешептываниями и недовольными возгласами.

Казалось, праздничное настроение, которое еще недавно царило на арене, начало угасать.

Но Анна и мужчина, стоявшие друг напротив друга, лишь обменялись взглядами. В этом молчаливом обмене не было враждебности, лишь взаимное уважение и понимание. Они оба были мастерами, понимающими, что истинная сила заключается не в разрушении, а в контроле.

Они видели, куда мог привести начавшийся поединок, к чему могла привести их магия крови и огня, сплетенная в смертельном танце. И оба предпочли избежать этой участи.

Они разошлись в разные стороны, словно два хищника, которые, оценив друг друга, решили не вступать в бой. Толпа продолжала гудеть, но их решение было принято.

Они поблагодарили друг друга молчанием за не начавшуюся резню, за проявленное мастерство, за мудрость, позволившую им сохранить жизни – свою и чужие.

— Почему ты не закончила с ним? — Эми шла от арены, расстроенная.

— Потому что он маг огня, сестра. — Анна шла и смотрела в небо, усеянное тысячами звезд. Пока шло сражение, успело потемнеть, и они ярко светили.

Она не хотела сегодня проблем, потому и ушла.

— Маг огня, жуть конечно. — Сильно Эми не расстроилась, что не угадала мага, но его магия вызывала в ней смесь чувств, от ужаса до восхищения. — Хорошо, что вы друг друга поняли.

И правда, хорошо это

Анна и Эми продолжили свое гастрономическое путешествие, исследуя кухни разных народов. Город манил их своими ароматами и вкусами, каждый новый прилавок обещал открыть для себя что-то удивительное.

Но их мирное исследование было прервано шумом и весельем, разносившимся с центральной площади. Там начался фестиваль красок, зрелище, которое всегда привлекало толпы. Люди с энтузиазмом набирали в мешочки сухие смеси всевозможных цветов, готовясь окунуться в атмосферу праздника. Сестры, поддавшись общему настроению, тоже взяли себе по паре ярких мешочков.

Смех и крики наполняли воздух, когда они начали весело осыпать друг друга разноцветной пылью. Зеленый, синий, красный, желтый – все смешивалось в радужном вихре.

Внезапно, словно из ниоткуда, сзади прилетел мешочек с зеленой краской. Он не долетел, распахнувшись буквально в сантиметре от Анны, и развеял в воздухе облачко мелких частиц.

Когда дымка начала рассеиваться, сквозь нее Анна увидела ту самую маску, которую уже видела на арене. Те же глаза, бездонно-серые, с холодными отблесками синевы, смотрели прямо на нее. Они проникали ей в душу, будто знали ее насквозь, как будто читали ее прошлое и знали, кто она на самом деле.

Анна застыла, ее сердце учащенно забилось. Серые глаза, обрамленные черными ресницами, приковывали ее внимание, словно магнит.

Она попыталась встряхнуть головой, но взгляд незнакомца словно удерживал ее, не давая вырваться из его плена.

Эми, не замечая замешательства сестры, продолжала смеяться, осыпая Анну розовыми и оранжевыми красками. Но Анна уже не слышала ее. Все ее внимание было приковано к человеку в маске, который, казалось, не двигался, лишь его глаза гипнотизировали ее.

Другие люди на площади теперь казались размытыми пятнами, их смех и веселье отступили на второй план. Мир сжался до пространства между ней и человеком в маске. Ей хотелось подойти, спросить, узнать, кто он, но ноги словно приросли к месту.

Страх и необъяснимое влечение боролись в ее душе.

Внезапно, как по команде, человек в маске повернулся и растворился в толпе. Анна моргнула, и реальность вернулась. Люди вокруг продолжали веселиться, а она стояла, покрытая красками, с колотящимся сердцем и ощущением, что что-то важное только что упустила.

— Ты чего застыла, будто мертвого увидела? – Эми весело похлопала Анну по плечу, призывая веселиться

— Явно живого, – она хотела рассказать Эми, кого увидела, однако передумала, – но, думаю, показалось.

Закончив игру, Анна и Эми направились передохнуть к ларьку с сухофруктами. Воздух был пропитан ароматом нагретых солнцем дынь, инжира и абрикосов, создавая сладкое, тягучее облако, которое приятно щекотало ноздри. Девушки прислонились к деревянной, слегка облупившейся столешнице, наблюдая за оживленной толпой. Вокруг сидели кучками молодые люди, громко смеясь. Их голоса сливались в общий гул, перемешиваясь с музыкой, доносившейся откуда-то издалека.

Глаза Анны скользили по лицам, выхватывая яркие детали: блеск в глазах, широкие улыбки, энергичные жесты. Эми, казалось, была более погружена в свои мысли, слегка нахмурив брови, но и на её губах играла лёгкая, задумчивая улыбка. Наконец, продавец, пожилой мужчина с добрыми морщинками вокруг глаз, предложил им отведать фиников. Анна откусила кусочек, и сладость, смешанная с лёгкой терпкостью, разлилась по языку.

— Невероятно, – прошептала она, и Эми, подхватив её настроение, взяла себе горсть изюма, который приятно поскрипывал на зубах.

Они не произнесли ни слова, но чувствовалось, что этот краткий отдых, наполненный ароматами и звуками праздника, был для них обоих желанным. Игра, хоть и приносила радость, требовала сил, и теперь, с полными ртами сладких, натуральных сокровищ, они чувствовали, как к ним возвращается энергия.

— Я, верно, вас напугал, госпожа, – сзади подошел мужчина, слегка окружая их своим шлейфом парфюма. Его голос, низкий и бархатный, казалось, проникал сквозь шум окружающего мира, создавая вокруг них уютный кокон.

Анна повернулась и снова встретилась с теми глазами с арены боя. Те манящие глаза серого цвета, с прожилками синевы, которые смотрели на нее с легким прищуром. Серые бездонные глаза с легкой игривостью тянули её в свои сети, поглощая её мысли, её желания и чувства. Она смотрела словно завороженная, ощущая на себе магию его глаз, что полностью подчинили её.

Мужчина что-то говорил, слегка улыбался, но Анна ничего не могла разобрать. Её мысли и слух были будто в тумане.

— Сестра, господин спрашивает, где ты училась сражаться, – Эми не стала называть имя Анны и слегка толкнула её, чтобы та пришла в себя.

Анна встряхнула головой, пытаясь вернуть мысли на место: — Горы Морелия, община Маракая, они мои учителя, – Анна впервые столкнулась с таким магнетизмом от мужчины. Ранее в её окружении были люди, которые не могли каким-либо образом привлечь её внимание. Каким бы красивым он ни был, Анна не смотрела в его сторону. Но тут она не видит его лица, только глаза

— Община волхвов, вы, вероятно, сильны, раз вас там обучали, – мужчина поклонился в знак уважения.

Внезапно Эми дернулась с места и слилась с толпой, оставляя сестру наедине с этим загадочным человеком. Он подошел ближе, занимая место Эми, и, взяв финик в руку, начал рассматривать его.

— Я благодарю вас за ваше благоразумие там, на арене, – он снова смотрел на нее.

— Мы с вами оба понимаем, чем бы всё кончилось, – Анна взяла финик из его руки и вскрыла, доставая косточку, – вы всегда ходите в перчатках?

Она вернула чистый финик, вложив его в перчатку мужчины. Тот резким движением закинул фрукт в рот, сладко пережевывая.

— Хах, а вдруг он отравлен? Вы так доверяете незнакомке? – Анна слегка улыбнулась.

— Ваши глаза чисты, вы бы не стали меня травить, госпожа, – его взгляд прожигал Анну изнутри, создавая впечатление, что она задыхается от своих же эмоций.

— Друг, нам пора, ты занят? – к мужчине подошел парень и дернул того за плечо, отвлекая от любопытного разговора.

— Да, очень. Пожалуй, я присоединюсь к вам позднее, – мужчина, не оборачиваясь, откинул руку с плеча и всё смотрел в глаза Анны, не теряя зрительный контакт.

Юноша что-то поворчал и направился прочь.

— Не хотите прогуляться по набережной? – мужчина протянул руку, приглашая к прогулке под ночным небом.

— С удовольствием, – Анна с легким опасением протянула руку и коснулась его перчатки.

Сквозь перчатку она почувствовала лишь жаркое пламя его магии, но не обжигающее, а скорее согревающее, будто древний костер, разведенный в самую холодную ночь. — Позвольте, я сниму перчатку, – он было начал стягивать с руки плотную ткань, но Анна его перехватила: она не хотела спугнуть этот момент.

— Не стоит, – она взглянула на него, он остановился, понимая её опасения. Магия из его рук пульсировала мягко, словно биение могучего, но доброго сердца.

Ее собственная магия, скованная страхом и неопределенностью, начала откликаться на это зовущее тепло. Тонкие нити ее силы, до этого спящие и холодные, стали распрямляться, набирать цвет, словно семена, пробуждающиеся после долгой зимы под ласковым солнцем. Она почувствовала, что те её опасения насчет связи с магом огня были глупостью. Её магия внутри словно согревалась от его внутреннего огня, начала двигаться в легком ритме, без желания напасть, желая лишь дальше согреваться об этот огонь.

В этот момент мир сузился до одного единственного ощущения: ее ладонь, сжатая в его, и пульсирующий в нем жар магической энергии.

Он, казалось, почувствовал ее ответный отклик. Напряжение в его хватке ослабло, но тепло не ушло. Напротив, оно усилилось, стало более уверенным, словно он нашел отклик и теперь мог позволить себе полностью раскрыть свою силу, зная, что она не оттолкнет, а примет.

— Вы маг огня, удивительно встретить кого-то из ваших, – Анна нехотя отпустила его руку, и та сила внутри нее словно взывала к повторению тепла.

Они шли вдоль набережной, где, словно застывшие в вечности величественные тени, дрейфовали корабли. Их силуэты, вычерченные на фоне вечернего неба, казались порталами в иные миры, полные тайн и забытых историй. Воздух был напоен запахом соли, смолы и несбывшихся надежд, которые, казалось, навечно осели в этих старых портовых стенах. Он шел размеренно, делая шаги в такт с ней, не стремясь убежать вперед и не топчась на месте.

Его присутствие было словно тихая гавань в бушующем море жизни. От него исходила аура спокойствия и умиротворения, но в то же время ощущалась некая скрытая сила, подобная мощи спящего вулкана, чье дыхание едва заметно. Эта двойственность притягивала, завораживала, создавая загадочный ореол вокруг его персоны.

Они много рассуждали про империи, про силу, общаясь на сторонние темы, словно два искусных мастера шахмат, каждый из которых просчитывал ходы противника, не раскрывая своей конечной цели. Слова сплетались в узор, где каждый намек, каждое недосказанное слово было частью более сложной игры. Они вели диалог, который позволял им узнать друг друга, но в то же время искусно скрывать истинную суть своей личности, сохраняя покров тайны.

— Верно, в наше время маги огня — редкость, но жаль, что нас все так боятся, – он шел рядом, иногда подавая руку на ступеньках.

— Среди вас много безумных, что сжигали людей из-за одного лишь недоброго взгляда, – Анна шла, стараясь не глазеть на него, но у нее это плохо получалось.

— Вы правы, поэтому я стараюсь при встрече с людьми менять их восприятие, – он и правда производил впечатление достаточно разумного человека, — однако в истории есть люди, что творили ужасы, не имея силы магии.

— Соглашусь с вами, – они стояли у пристани, вглядываясь в ночную даль, – я и сама была свидетелем этого. – Анна потерла глаза, перед ней всплывали картины того дня.

— Вы про что именно? В мире множество таких случаев. – Мужчина присел на ступени, вытягивая ноги, – поделитесь со мной, если хотите конечно, и я поделюсь с вами.

Он взглянул на Анну, глаза сверкнули за маской, призывая к доверию. Но Анна не хотела ни вспоминать тот день, ни тем более говорить про него.

— Тогда начну я, – он слегка откашлялся и начал свой рассказ, – я тогда был маленьким мальчиком и иногда доносил письма из империи в империю.

Необходимо было доставить некие свитки до императора Парга, Жана. По слухам он был великим императором, но его жена, мать нынешнего императора, была слегка не в себе. Ее вечное чувство, будто за ней следят, что караулят у покоев, и мысли о нападении на её сына, Филиппа, роились в её голове. По крайней мере, все так шептались между собой.

— Вы были в тот день, когда она сожгла тех людей? – Анна прервала рассказ мужчины, понимая, про кого он говорит, ведь она помнила тот день.

Ужасающий и самый запоминающийся момент в её жизни, ведь она не просто наблюдала за этим, она находилась на той же площади, что и Мария, а Анне тогда исполнилось только 5 лет.

— Да, я был тогда там, я видел тот ужас в глазах людей, – мужчина потер руки, – но в глазах императрицы сожаления *не было,* она их жгла, будто они не живые, оглашая вокруг лишь то, что они все враги империи.

— Какая глупость, – он с ненавистью выплюнул эти слова в воздух. Воспоминания начали всплывать перед глазами Анны.

Тот день, когда Мария утром приказала выстроить на площади некие приспособления, вызвал у слуг немой вопрос, но полное понимание её замысла.

Воздух наполнился запахом сырого дерева и предвкушением чего-то ужасного. Она, воплощение власти и жестокости, с самого утра лично контролировала процесс. Каждый установленный столб, каждое приготовленное бревно – всё было под её неусыпным надзором. Её лицо, обычно скрытое под маской благородства, теперь выражало лишь холодную решимость, а глаза метались, словно у хищника, выслеживающего добычу.

Создавая некие кострища, она с самого утра следила за правильностью выполнения. Это было не просто строительство, это было ритуальное приготовление к жертвоприношению, где жертвами должны были стать люди. Она сама двигала бревна, сама указывала, как укладывать их, словно опытный палач, готовящий свои орудия.

После полудня, когда солнце начало клониться к закату, Мария приказала поймать людей, которых считала врагами империи. Ими оказались простые горожане, те, кто, по её мнению, был каким-то образом причастен к заговорам против императора. Их загнали на площадь, где уже дымились костры, готовые поглотить их души. Её безумие переросло в массовую казнь людей. Более ста человек она сожгла менее чем за сутки, и всё это – на глазах у Анны и Филиппа.

Она держала сына, Филиппа, за руку; его детские глаза расширились от ужаса, когда пламя начало лизать тела.

Анна помнила, что Мария шептала на ухо своему малолетнему сыну: — Видишь, сын мой, – прошептала она, – я делаю это ради твоей безопасности. Ради нашего будущего. Враги будут уничтожены, и ты будешь править в мире, свободном от страха.

В её словах звучало безумие, но в глазах Филиппа отражался лишь страх, который, казалось, был намного сильнее пламени, пожирающего невинных.

— Люди настолько слабы, что их страх заставляет делать немыслимые поступки, – Анна была согласна, это была невероятная глупость.

— Императоры должны защищать нас, но точно не уничтожать свой же народ, – она решила прикинуться одной из горожан, чтобы отмести возможные подозрения.

— Вы правы, я видел тот ужас и те костры, этот огонь, всепоглощающий, что забирал невинные жизни. В тот день я для себя решил – моя магия не принесет этому миру зло, я направлю её на благие намерения, или же, – он глубоко вздохнул и откинулся на ступеньки, – я никогда ей не воспользуюсь.

Последние его слова означали лишь, что он готов полностью отречься от своей силы, дабы не использовать её против людей.

— Достойно, очень благородно, я бы сказала, – Анна присела чуть выше него. — Думаете, волхвы одобрят ваш отказ в случае чего? – Только после дозволения общины маг может отречься от своей силы.

— Думаю, да; вряд ли, если я совершу нечто ужасное, они меня похвалят, – мужчина слабо улыбнулся.

— Значит, не совершайте. Сильных магов не так много в наше время, а в особенности с трезвым умом, – Анна вспоминала слова Филиппа, осознавая, что то безумие его матери, возможно, постигло и его.

— А вы бы согласились отказаться от своей силы, чтобы спасти невинных? – он взглянул на неё, задавая по сути вполне адекватный вопрос.

Но для Анны это было больше, чем просто ответить, ведь сейчас она и так находилась в состоянии решения подобного рода дилеммы.

— Я? – Анна задумалась, а может ли она отречься от своей силы, спасая невинных, сможет ли она отказаться от убийства Зульфии, дабы спасти их жизни? — Сила, что дана нам, должна служить для чего-то впрок, и лишь мы определяем, на какой мы стороне, верно? – она взглянула на мужчину; тот смотрел на её лицо не двигаясь.

— Так значит, если сила – это ответственность, мы не имеем права на ошибку, особенно в отношении слабых, – она взглянула на звезды.

— Тогда да, я откажусь от своей силы, чтобы спасти их, да Последние слова были точкой в их разговоре.

Довольно откровенно два сильных мага мира, которые доселе не знали друг друга и не узнают из-за фестиваля, обсуждали интересные темы, не подходящие для подобных прогулок.

— Как интересно завернулся наш разговор, не так ли? – мужчина встал и подал руку Анне.

— Не стоит, – к своему удивлению, она отказалась от его руки, и не попрощавшись удалилась, оставив его в полном замешательстве. Мысли в голове сложились в одну плоскость, словно жемчуг на нить; Анна старательно нанизывала факты.

Она знала – отрицать очевидное бессмысленно. Филипп сошел с ума; его безумие, подобно ядовитому плющу, оплетало здравый смысл, переходя все мыслимые и немыслимые границы. Мирно решить конфликт, увы, не получится. Филипп был слишком увлечен своей навязчивой идеей, чтобы прислушаться к голосу разума. Однако убить ничем не повинную Зульфию и её нерожденного ребенка – это была бы не просто глупость, а чудовищное преступление, которое легло бы несмываемым пятном на её совесть.

Анна не могла допустить такого исхода. Сердце сжималось от отчаяния, но разум не сдавался. Отказаться от приказа, отданного лично Филиппом, она не могла – последствия были бы слишком серьезными, как для неё самой, так и для тех, кто ей доверял. Оставался лишь один, единственный вариант, тонкая нить надежды в бездонной пучине отчаяния – обмануть Филиппа.

Это был рискованный, отчаянный шаг, но порой только ложь может спасти от еще большей беды.

Анна с Эми рассекали небесную синь, летя на драконах, возвращаясь в Парга. В голове Анны, как рой пчел, вились непрошеные идеи, ни одна из которых не казалась жизнеспособной.

Как обмануть Филиппа? Этот вопрос камнем лег на сердце, но отступать было некуда. Филипп доверял ей

Он видел в ней верного исполнителя, не способного на предательство. Это доверие, закаленное годами, теперь стало её единственным оружием и одновременно самой уязвимой точкой.

Он знал, что Анна выполнит приказ, особенно когда на кону стояла угроза расправы над теми, кто ей дорог. Но именно это знание давало ему силу, позволяя манипулировать ею, как марионеткой. Полет казался бесконечным, а решение – неуловимым.

Ей нужен был план, безупречный, хитроумный, который позволил бы обойти прямолинейность Филиппа, его слепую веру в собственную правоту. Нужно было найти лазейку в его безумии, соломинку, за которую она могла бы ухватиться, чтобы спасти Зульфию и её ребенка.

— Пригласите мне Маркуса, срочно, – как только они приземлились дома, Анна отдала приказ слугам. Те бегом отправились за капитаном в его покои. Маркус влетел в кабинет госпожи, одевая на ходу рубаху.

— Анна, что-то случилось? – он резко вошел в комнату и сел на диван перед ней. — Да, я решила, – она курила, снова, осознавая, какой выбор она сделала.

— Я не буду убивать Зульфию. Мы обманем его, – она выпустила клубок дыма прямо в лицо Маркуса; тот закашлял.

— Но как? – он был удивлен, но еще больше рад, что Анне не придется брать такой грех на сердце.

— А это нам с тобой предстоит только придумать, – мыслей о варианте обмана императора не было.

Анна рассчитывала на помощь своего друга, который был профи в этом деле.

Наконец-то она выспалась.

Чувство лёгкости и восстановления наполняло каждую клеточку её тела, даря заряд бодрости и небывалой энергии. Казалось, прошлая бессонница и тяжелые мысли остались где-то далеко позади, как дурной сон, рассеявшийся с первыми лучами солнца. Быстро собравшись, Анна почувствовала непреодолимое желание вывести эту новую энергию наружу.

Идеальным способом для этого стала утренняя пробежка. Надев спортивную одежду, она вышла на улицу, наслаждаясь свежим, прохладным воздухом. Её путь лежал через тренировочные площадки, где уже раздавались первые звуки утренних тренировок, затем мимо живописных садов, утопающих в зелени, и, наконец, к прачкам, занятым своим нелёгким трудом во внутреннем дворе; их мерное покачивание и плеск воды создавали умиротворяющий фон. Именно там, среди этой будничной суеты, Анна встретила свою сестру.

Радостное возбуждение освещало лицо Эми, когда она показала Анне выбранные маски для предстоящего маскарада. Это были великолепные парные маски: одна – оттенка тёплого светло-коричневого дерева, другая – изящная, светло-серая, украшенная тончайшими вставками из золота и серебра. Сестра протягивала ей одну из масок, сверкающую в утренних лучах.

Анна взяла эту маску. Тяжёлая, словно вырезанная из цельного куска тёмного дерева, она казалась произведением искусства. Резные узоры, напоминающие переплетающиеся ветви, добавляли ей таинственности.

— А эта тогда для меня, – решила Эми, указывая на более лёгкую серую маску, мерцающую золотыми и серебряными нитями. Анна редко бывает на подобных фестивалях.

Наряды решили выбрать похожие, без ярких акцентов, чтобы не привлекать внимание. Костюмы, без явных юбок и платьев, подходящие для полёта.

— Нам лететь уже завтра утром. Ты готова? — Эми боялась, что сестра передумает и не полетит.

— Конечно, – Анна слегка приобняла сестру за талию. — Не бойся, не передумаю. Меня и правда засосало это дело, я слишком сильно увлеклась, надо отдохнуть. — Она выглядела иначе, чуть бодрее, чем в последние недели.

— Я рада, – Эми сильно прижала к себе Анну, будто прощаясь.

— Задушишь, – они засмеялись.

Так давно они не смеялись вместе.

Утром следующего дня им приготовили драконов. Огромные, чешуйчатые существа уже ждали их, нервно переступая когтистыми лапами по каменному плацу. Воздух был наполнен их низким, утробным рыком, предвещающим скорое путешествие.

Девушки, которые ещё вчера были облачены в изысканные одежды, теперь носили удобные, прочные костюмы, сшитые из тёмной плотной ткани.

Она не стесняла движений и была идеально приспособлена для полёта. В сумках, перекинутых через плечо, лежали маски, призванные скрыть их лица от любопытных глаз на фести-

вале. Каждая заняла своё место за спиной наездника. Взмывая в небо, они почувствовали, как ветер свистит в ушах, а мир внизу стремительно уменьшается.

Под ними проносились скалы, покрытые ковром вековых сосен, а затем показалось глубокое, извилистое ущелье, пересекающее острые пики гор.

Солнце, поднявшись выше, заливало всё вокруг золотистым светом, делая полёт ещё более захватывающим.

Через несколько часов полёта, сквозь разреженный воздух, показался долгожданный город.

Это была Грандия, величественная крепость, выросшая из скалы. Приземлившись на широкой террасе, девушки почувствовали под ногами твердую землю после долгих часов полета. Город шумел, наполненный звуками жизни, а над ним возвышались шпили дворцов и башни стражи, охраняющие его покой. Вся центральная площадь была украшена к фестивалю маскарада и красок. Воздух наполнился ароматами специй и жареного мяса, доносившимися из многочисленных ларьков с едой. Разноцветные гирлянды переливались на солнце, а между толпами зевак сновали шуты и клоуны; их яркие костюмы и забавные выходки мгновенно привлекали внимание детей, вызывая у них неудержимый смех. Веселая, задорная музыка лилась отовсюду, подгоняя народ собираться ближе к импровизированной сцене, где выступали музыканты.

Люди, составлявшие основную массу собравшихся, были одеты как обычные горожане: простая одежда, удобные штаны и рубахи, платья и юбки. Но среди этой обычной толпы уже чувствовалось предвкушение грядущего праздника. Некоторые, желая начать игру раньше остальных, уже носили маски, скрывая свою личность. Они сияли всеми цветами радуги, украшенные перьями, блестками и замысловатыми узорами, придавая своим владельцам загадочный и интригующий вид.

По мере того как солнце начинало клониться к закату, площадь становилась все более оживленной. Клоуны теперь жонглировали огненными факелами, а шутов сменяли танцоры в экстравагантных костюмах. Музыка становилась громче, ритмичнее, побуждая даже самых скромных присоединиться к общему веселью. На лицах людей, у кого еще не было оно скрыто масками, читалась радость предвкушения, предвкушения ночи, которая обещала быть полной тайн, превращений и ярких впечатлений.

Весь день девушки провели, растворившись в атмосфере праздника. Они методично обходили один ларек за другим, прислушиваясь к мелодиям, льющимся со сцены. В этот день звучали самые разные мотивы: от зажигательных плясовых, заставляющих притопывать ногой, до нежных, лирических баллад, вызывавших легкую меланхолию. Их смех, чистый и звонкий, разносился над шумной площадью, отражаясь от стен домов, словно маленький колокольчик, возвещающий о безмятежности и счастье. Они с удовольствием пробовали все предложенные угощения: пышные пироги с начинками, ароматные фрукты, тягучие сладости, острые закуски. Каждый новый вкус приносил удовольствие, отодвигая на второй план тревожные мысли и заботы, которые, казалось, остались где-то там, далеко, за пределами этого шумного, красочного праздника. Время текло незаметно, наполняя их легкими, приятными моментами, питая не только тело, но и душу.

Ближе к вечеру, когда солнце стало окрашивать небо в багровые тона, их взгляд привлекло огороженное пространство на краю площади. Здесь, в центре, разворачивались настоящие поединки. Смелые бойцы, облаченные в маски, которые, казалось, слились с их лицами благодаря какой-то неведомой магии, демонстрировали свое мастерство. Их движения были стремительны и точны, каждый удар, каждый блок исполнялся с невероятной грацией. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за зрелищем, а гул толпы нарастал с каждым удачным приемом.

Анна с Эми, привлеченные азартом схватки, подошли к самому ограждению, чтобы лучше разглядеть поединки. Толпа бурлила, поддерживая своих фаворитов, и воздух дрожал от выкриков и одобрительных возгласов. Вдруг, словно ураганом, одного из мужчин, стоявших в первых рядах, вытолкнули прямо в центр арены. Он очутился на площадке, покрытой мягким, утоптанным песком, окруженной грубыми деревянными ограждениями.

Мужчина, оказавшийся в центре внимания совершенно неожиданно, выглядел несколько смущенным. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам, словно не понимая, как он здесь очутился. Затем, глубоко вздохнув, он принялся разминать руки и ноги, ощущая, как напряжение медленно покидает его тело. Каждый сустав, каждая мышца готовились к предстоящему испытанию, и в его глазах появился огонек решимости. Толпа вокруг затихла в ожидании, предчувствуя, что этот незапланированный поединок может оказаться одним из самых зрелищных.

Навстречу ему вышел противник, казалось, вдвое больше и гораздо сильнее. Его мускулы перекатывались под закаленной кожей, а взгляд был наполнен хищной решимостью.

Взмахнув рукой, он призвал свое оружие — огромный двуручный топор, сверкнувший в тусклом свете вечерних фонарей. С боевым кличем, сотрясшим публику, он бросился в атаку на ошеломленного мужчину.

Однако молодой боец, к удивлению многих, не стал призывать в ответ свое оружие. Вместо этого он начал мягко, но стремительно двигаться, словно танцор, уворачиваясь от разрушительных ударов топора. Каждый его шаг был выверен, каждое движение — элегантно.

Он умудрялся ускользать от смертоносных взмахов, словно призрак, и даже ловко парировать некоторые из них, гася их силу и направляя энергию в сторону. Зрители, еще миг назад ожидавшие быстрой победы гиганта, теперь с изумлением наблюдали за этим непривычным зрелищем.

— Как думаешь, какой он маг? – Эми с изумлением смотрела за поединком, указывая на парня без оружия. – Думаю, маг воздуха. Так уворачиваться надо уметь, – Эми была поражена им.

Анна же видела нечто, что ускользало от взора большинства. Тонкие, едва заметные огненные нити исходили от мужчины, пульсируя в такт его резким, стремительным движениям. Они таяли, словно дымка на уходящем солнце, с каждым его шагом, с каждым уклонением.

Это было так быстро, так мимолетно, что лишь самые внимательные могли уловить этот изящный танец стихий. Но Анна чувствовала это своим нутром – он был магом огня. Эта уверенность была неоспоримой, интуитивной. Однако, несмотря на это знание, одна вещь оставалась для нее загадкой: какова истинная мощь этого человека?

Он двигался с такой грацией и скоростью, что казалось, будто он больше уворачивается, чем сражается. Его техника была не грубой силой, а скорее искусным танцем, где каждое движение было рассчитано до миллиметра.

Он был как будто живым воплощением пламени – неуловимым, переменчивым и потенциально разрушительным. Анна пыталась оценить глубину его магической силы, но каждый раз, когда ей казалось, что она подходит к разгадке, он вновь ускользал, оставляя ее в недоумении. Он был силен, это было очевидно, но насколько именно – оставалось неясным.

— Не буду загадывать, но он явно силен, – Анна лишь намекнула, давая Эми самой додумать. Он двигался так быстро, что его оппонент, несмотря на свою внушительную комплекцию, начал выдыхаться. Каждый следующий взмах топора становился медленнее, каждый выпад – менее точным.

Огромный воин, привыкший полагаться на грубую силу, оказался не готов к такой изворотливости и скорости. В этот критический момент, когда противник уже не мог эффективно парировать, мужчина нанес точный, молниеносный удар под дых. Получив такой удар, гигант отшатнулся, тяжело дыша. Его лицо исказилось от боли и неожиданности. Он попытался под-

нять свой топор, но руки его не слушались. Силы оставили его, и он, не имея возможности продолжать схватку, упал на песок, задыхаясь. Поняв, что больше не может стоять на ногах, он с трудом поднял одну руку, подавая знак сдаться.

Толпа взорвалась одобрительными криками, пораженная ловкостью и мастерством молодого бойца, сумевшего одолеть противника, который казался несокрушимым.

Парень, чей смущенный поклон означал победу, уже собирался пойти прочь, чтобы перевести дух и немного восстановиться после напряженного поединка. Однако отдохнуть ему не дали. Толпа, ощутившая вкус зрелища, требовала продолжения, и, увидев, что кто-то снова не пускает его отдохнуть, начала ликовать.

— А кто же выйдет к нему? Все опасаются: он сильный, и даже оружие не достал. – Анна слушала шепот, что проходил по толпе зевак.

Наступила неловкая пауза. Зрители, ожидавшие увидеть новых бойцов, замельтешили, перешептываясь между собой. На лицах читалось разочарование и недоумение.

Кто-то из толпы неуверенно выкрикнул вопрос, но ответа не последовало. В воздухе повисло напряженное ожидание, смешанное с легким недовольством.

Казалось, фестиваль, окутанный предвкушением маскарада и красок, рискует захлебнуться в этой тишине, если никто не осмелится выйти на песок.

— Не хочет проветриться? Может, он достоин твоего внимания? – У Эми загорелись глаза, она знала: сестра справится, даже не вспотев.

— Что? Я? Да неее – Анна не успела договорить, как перед ней упало ограждение, и она вывалилась в центр арены.

— Оно магическое! Не нужно было говорить «***я***»! – крикнул ей кто-то из толпы.

«*Черт*». Анна понимала: сейчас надо сражаться так, будто он враг, иначе она опозорится.

— Госпожа, я удивлен, – голос мужчины был спокойный, будто не было поединка до этого. – Я постараюсь не сильно атаковать. Если захотите удалиться, всего лишь скажите «*сдаюсь*», и поединок кончится. – Он смотрел на нее чуть сверху, но от этого сильнее он ей не казался.

— Да, я услышала, благодарю. Вы тоже не забывайте это слово. – Анна отряхнула ткань от песка и приготовилась.

Она не стала нападать. Вместо резких, агрессивных движений, она начала медленно и размеренно обходить мужчину, словно хищница, изучающая свою добычу. Каждый ее шаг был выверен, каждое движение – исполнено спокойствия. Она не проявляла враждебности, но ее присутствие само по себе оказывало давление.

Он, в свою очередь, слегка двигался, пытаясь ее устрашить. Его взгляд был прикован к ней, он ждал малейшего признака атаки, чтобы мгновенно отреагировать. Он пытался казаться уверенным, даже вызывающим, но легкая дрожь в его руке выдавала внутреннее напряжение.

Но Анна была словно тень. Она исчезала из поля его зрения, словно растворяясь в воздухе, и тут же появлялась в другом месте, всегда на шаг впереди, всегда вне досягаемости. Ее движения были плавными, текучими, не позволяя ему предугадать ее следующий маневр. Это было элегантное кружение, танец, исполненный напряжения и ожидания.

Ни он, ни она не доставали орудие. Поединок проходил без единого удара, без видимой агрессии. Это была битва умов, битва воли, битва терпения.

Они оба понимали, что первый, кто совершит неосторожный шаг, кто поддастся искушению атаковать, может оказаться проигравшим.

Поэтому они продолжали свой безмолвный танец, окутанные аурой взаимного уважения и скрытой угрозы.

Внезапно мужчина не выдержал. Терпение его иссякло, и, преодолев призрачные оковы сомнений, он рванул на Анну.

Его атака была стремительной, отчаянной, направленной на то, чтобы захватить ее, разорвать, поглотить. Но она была тенью, неуловимой, ускользающей. Ее движения были столь же быстры, сколь его натиск был яростен.

Какое-то время она лишь уворачивалась, играя с ним, подобно кошке с мышью. Она искусно тратила его силы, заставляя его удары проходить мимо.

Он тяжело дышал, его тело начинало подводить, а гнев сменялся досадой.

Внезапно, словно в порыве озарения, он поймал ее взглядом. В этот миг, когда ее внимание было рассеяно, из его рук материализовалось орудие – секира. Она была чудовищным творением. Ее лезвие, выкованное из металла, напоминающего закаленное в горниле пламя, искрилось неестественным багровым светом. По всей его поверхности витиевато извивались узоры, словно застывшие языки пламени или сплетенные кости. Каждое зубчатое окончание лезвия казалось выточенным для того, чтобы рвать и терзать, не оставляя противнику ни единого шанса.

Рукоять топора, также украшенная замысловатой резьбой, переходила в навершие, напоминающее череп или какую-то мифическую тварь с острыми отростками. Металл испускал едва уловимое тепло, и казалось, что вместе с секирой призвана была сама стихия огня, сжимающаяся в холодном, смертоносном оружии.

«*Так и думала, маг огня, черт тебя возьми. Потому и оружие не доставал, маги огня хитрецы.*»

Удар был неминуем. Чтобы отразить этот смертоносный выпад, Анна призвала свои кинжалы. Два лезвия, тонкие и острые, появились в ее руках, готовые к встрече.

И вот, с оглушительным скрежетом, сталь соприкоснулась со сталью. Ослепительные искры брызнули во все стороны, освещая арену их поединка.

— Думаю, на этом закончить. — Анна смотрела в глаза магу огня, слегка пустив кровавые нити по его рукам, указывая, что их бой закончился.

Мужчина увидел тонкие, пульсирующие нити крови, тянущиеся вдоль его рук. Они были не просто ранами, а живыми, извивающимися нитями, питающимися его жизненной силой. С ужасом он осознал: он сражается не с обычным воином, а с магом крови.

Его противница, Анна, стояла перед ним, не касаясь его, но ее присутствие окутывало его ледяным холодом. В ееглазах не было ярости, лишь холодное, расчетливое спокойствие, которое пугало больше, чем любая открытая агрессия.

Он почувствовал, как тонкие нити крови начинают стягиваться, словно петля, готовясь окончательно задушить его.

— Согласен, госпожа. — Мужчина отошел, отзывая свое оружие. — ***Сдаюсь***. — Он произнес слова поражения с честью, осознавая свое положение.

Конечно, продолжить можно было бы, но вокруг были люди, они не хотели бы разгара боя.

Толпа резко загудела, показывая свое недовольство. Зрители, жаждавшие увидеть кровавую схватку, были обмануты в своих ожиданиях. Воздух наполнился гулом разочарования, перешептываниями и недовольными возгласами.

Казалось, праздничное настроение, которое еще недавно царило на арене, начало угасать.

Но Анна и мужчина, стоявшие друг напротив друга, лишь обменялись взглядами. В этом молчаливом обмене не было враждебности, лишь взаимное уважение и понимание. Они оба были мастерами, понимающими, что истинная сила заключается не в разрушении, а в контроле.

Они видели, куда мог привести начавшийся поединок, к чему могла привести их магия крови и огня, сплетенная в смертельном танце. И оба предпочли избежать этой участи.

Они разошлись в разные стороны, словно два хищника, которые, оценив друг друга, решили не вступать в бой. Толпа продолжала гудеть, но их решение было принято.

Они поблагодарили друг друга молчанием за не начавшуюся резню, за проявленное мастерство, за мудрость, позволившую им сохранить жизни – свою и чужие.

— Почему ты не закончила с ним? — Эми шла от арены, расстроенная.

— Потому что он маг огня, сестра. — Анна шла и смотрела в небо, усеянное тысячами звезд. Пока шло сражение, успело потемнеть, и они ярко светили.

Она не хотела сегодня проблем, потому и ушла.

— Маг огня, жуть конечно. — Сильно Эми не расстроилась, что не угадала мага, но его магия вызывала в ней смесь чувств, от ужаса до восхищения. — Хорошо, что вы друг друга поняли.

И правда, хорошо это

Анна и Эми продолжили свое гастрономическое путешествие, исследуя кухни разных народов. Город манил их своими ароматами и вкусами, каждый новый прилавок обещал открыть для себя что-то удивительное.

Но их мирное исследование было прервано шумом и весельем, разносившимся с центральной площади. Там начался фестиваль красок, зрелище, которое всегда привлекало толпы. Люди с энтузиазмом набирали в мешочки сухие смеси всевозможных цветов, готовясь окунуться в атмосферу праздника. Сестры, поддавшись общему настроению, тоже взяли себе по паре ярких мешочков.

Смех и крики наполняли воздух, когда они начали весело осыпать друг друга разноцветной пылью. Зеленый, синий, красный, желтый – все смешивалось в радужном вихре.

Внезапно, словно из ниоткуда, сзади прилетел мешочек с зеленой краской. Он не долетел, распахнувшись буквально в сантиметре от Анны, и развеял в воздухе облачко мелких частиц.

Когда дымка начала рассеиваться, сквозь нее Анна увидела ту самую маску, которую уже видела на арене. Те же глаза, бездонно-серые, с холодными отблесками синевы, смотрели прямо на нее. Они проникали ей в душу, будто знали ее насквозь, как будто читали ее прошлое и знали, кто она на самом деле.

Анна застыла, ее сердце учащенно забилось. Серые глаза, обрамленные черными ресницами, приковывали ее внимание, словно магнит.

Она попыталась встряхнуть головой, но взгляд незнакомца словно удерживал ее, не давая вырваться из его плена.

Эми, не замечая замешательства сестры, продолжала смеяться, осыпая Анну розовыми и оранжевыми красками. Но Анна уже не слышала ее. Все ее внимание было приковано к человеку в маске, который, казалось, не двигался, лишь его глаза гипнотизировали ее.

Другие люди на площади теперь казались размытыми пятнами, их смех и веселье отступили на второй план. Мир сжался до пространства между ней и человеком в маске. Ей хотелось подойти, спросить, узнать, кто он, но ноги словно приросли к месту.

Страх и необъяснимое влечение боролись в ее душе.

Внезапно, как по команде, человек в маске повернулся и растворился в толпе. Анна моргнула, и реальность вернулась. Люди вокруг продолжали веселиться, а она стояла, покрытая красками, с колотящимся сердцем и ощущением, что что-то важное только что упустила.

— Ты чего застыла, будто мертвого увидела? – Эми весело похлопала Анну по плечу, призывая веселиться

— Явно живого, – она хотела рассказать Эми, кого увидела, однако передумала, – но, думаю, показалось.

Закончив игру, Анна и Эми направились передохнуть к ларьку с сухофруктами. Воздух был пропитан ароматом нагретых солнцем дынь, инжира и абрикосов, создавая сладкое, тягучее облако, которое приятно щекотало ноздри. Девушки прислонились к деревянной, слегка облупившейся столешнице, наблюдая за оживленной толпой. Вокруг сидели кучками молодые

люди, громко смеясь. Их голоса сливались в общий гул, перемешиваясь с музыкой, доносившейся откуда-то издалека.

Глаза Анны скользили по лицам, выхватывая яркие детали: блеск в глазах, широкие улыбки, энергичные жесты. Эми, казалось, была более погружена в свои мысли, слегка нахмурив брови, но и на её губах играла лёгкая, задумчивая улыбка. Наконец, продавец, пожилой мужчина с добрыми морщинками вокруг глаз, предложил им отведать фиников. Анна откусила кусочек, и сладость, смешанная с лёгкой терпкостью, разлилась по языку.

— Невероятно, – прошептала она, и Эми, подхватив её настроение, взяла себе горсть изюма, который приятно поскрипывал на зубах.

Они не произнесли ни слова, но чувствовалось, что этот краткий отдых, наполненный ароматами и звуками праздника, был для них обоих желанным. Игра, хоть и приносила радость, требовала сил, и теперь, с полными ртами сладких, натуральных сокровищ, они чувствовали, как к ним возвращается энергия.

— Я, верно, вас напугал, госпожа, – сзади подошел мужчина, слегка окружая их своим шлейфом парфюма. Его голос, низкий и бархатный, казалось, проникал сквозь шум окружающего мира, создавая вокруг них уютный кокон.

Анна повернулась и снова встретилась с теми глазами с арены боя. Те манящие глаза серого цвета, с прожилками синевы, которые смотрели на нее с легким прищуром. Серые бездонные глаза с легкой игривостью тянули её в свои сети, поглощая её мысли, её желания и чувства. Она смотрела словно завороженная, ощущая на себе магию его глаз, что полностью подчинили её.

Мужчина что-то говорил, слегка улыбался, но Анна ничего не могла разобрать. Её мысли и слух были будто в тумане.

— Сестра, господин спрашивает, где ты училась сражаться, – Эми не стала называть имя Анны и слегка толкнула её, чтобы та пришла в себя.

Анна встряхнула головой, пытаясь вернуть мысли на место: — Горы Морелия, община Маракая, они мои учителя, – Анна впервые столкнулась с таким магнетизмом от мужчины. Ранее в её окружении были люди, которые не могли каким-либо образом привлечь её внимание. Каким бы красивым он ни был, Анна не смотрела в его сторону. Но тут она не видит его лица, только глаза

— Община волхвов, вы, вероятно, сильны, раз вас там обучали, – мужчина поклонился в знак уважения.

Внезапно Эми дернулась с места и слилась с толпой, оставляя сестру наедине с этим загадочным человеком. Он подошел ближе, занимая место Эми, и, взяв финик в руку, начал рассматривать его.

— Я благодарю вас за ваше благоразумие там, на арене, – он снова смотрел на нее.

— Мы с вами оба понимаем, чем бы всё кончилось, – Анна взяла финик из его руки и вскрыла, доставая косточку, – вы всегда ходите в перчатках?

Она вернула чистый финик, вложив его в перчатку мужчины. Тот резким движением закинул фрукт в рот, сладко пережевывая.

— Хах, а вдруг он отравлен? Вы так доверяете незнакомке? – Анна слегка улыбнулась.

— Ваши глаза чисты, вы бы не стали меня травить, госпожа, – его взгляд прожигал Анну изнутри, создавая впечатление, что она задыхается от своих же эмоций.

— Друг, нам пора, ты занят? – к мужчине подошел парень и дернул того за плечо, отвлекая от любопытного разговора.

— Да, очень. Пожалуй, я присоединюсь к вам позднее, – мужчина, не оборачиваясь, откинул руку с плеча и всё смотрел в глаза Анны, не теряя зрительный контакт.

Юноша что-то поворчал и направился прочь.

— Не хотите прогуляться по набережной? – мужчина протянул руку, приглашая к прогулке под ночным небом.

— С удовольствием, – Анна с легким опасением протянула руку и коснулась его перчатки.

Сквозь перчатку она почувствовала лишь жаркое пламя его магии, но не обжигающее, а скорее согревающее, будто древний костер, разведенный в самую холодную ночь. — Позвольте, я сниму перчатку, – он было начал стягивать с руки плотную ткань, но Анна его перехватила: она не хотела спугнуть этот момент.

— Не стоит, – она взглянула на него, он остановился, понимая её опасения. Магия из его рук пульсировала мягко, словно биение могучего, но доброго сердца.

Ее собственная магия, скованная страхом и неопределенностью, начала откликаться на это зовущее тепло. Тонкие нити ее силы, до этого спящие и холодные, стали распрямляться, набирать цвет, словно семена, пробуждающиеся после долгой зимы под ласковым солнцем. Она почувствовала, что те её опасения насчет связи с магом огня были глупостью. Её магия внутри словно согревалась от его внутреннего огня, начала двигаться в легком ритме, без желания напасть, желая лишь дальше согреваться об этот огонь.

В этот момент мир сузился до одного единственного ощущения: ее ладонь, сжатая в его, и пульсирующий в нем жар магической энергии.

Он, казалось, почувствовал ее ответный отклик. Напряжение в его хватке ослабло, но тепло не ушло. Напротив, оно усилилось, стало более уверенным, словно он нашел отклик и теперь мог позволить себе полностью раскрыть свою силу, зная, что она не оттолкнет, а примет.

— Вы маг огня, удивительно встретить кого-то из ваших, – Анна нехотя отпустила его руку, и та сила внутри нее словно взывала к повторению тепла.

Они шли вдоль набережной, где, словно застывшие в вечности величественные тени, дрейфовали корабли. Их силуэты, вычерченные на фоне вечернего неба, казались порталами в иные миры, полные тайн и забытых историй. Воздух был напоен запахом соли, смолы и несбывшихся надежд, которые, казалось, навечно осели в этих старых портовых стенах. Он шел размеренно, делая шаги в такт с ней, не стремясь убежать вперед и не топчась на месте.

Его присутствие было словно тихая гавань в бушующем море жизни. От него исходила аура спокойствия и умиротворения, но в то же время ощущалась некая скрытая сила, подобная мощи спящего вулкана, чье дыхание едва заметно. Эта двойственность притягивала, завораживала, создавая загадочный ореол вокруг его персоны.

Они много рассуждали про империи, про силу, общаясь на сторонние темы, словно два искусных мастера шахмат, каждый из которых просчитывал ходы противника, не раскрывая своей конечной цели. Слова сплетались в узор, где каждый намек, каждое недосказанное слово было частью более сложной игры. Они вели диалог, который позволял им узнать друг друга, но в то же время искусно скрывать истинную суть своей личности, сохраняя покров тайны.

— Верно, в наше время маги огня — редкость, но жаль, что нас все так боятся, – он шел рядом, иногда подавая руку на ступеньках.

— Среди вас много безумных, что сжигали людей из-за одного лишь недоброго взгляда, – Анна шла, стараясь не глазеть на него, но у нее это плохо получалось.

— Вы правы, поэтому я стараюсь при встрече с людьми менять их восприятие, – он и правда производил впечатление достаточно разумного человека, — однако в истории есть люди, что творили ужасы, не имея силы магии.

— Соглашусь с вами, – они стояли у пристани, вглядываясь в ночную даль, – я и сама была свидетелем этого. – Анна потерла глаза, перед ней всплывали картины того дня.

— Вы про что именно? В мире множество таких случаев. – Мужчина присел на ступени, вытягивая ноги, – поделитесь со мной, если хотите конечно, и я поделюсь с вами.

Он взглянул на Анну, глаза сверкнули за маской, призывая к доверию. Но Анна не хотела ни вспоминать тот день, ни тем более говорить про него.

— Тогда начну я, – он слегка откашлялся и начал свой рассказ, – я тогда был маленьким мальчиком и иногда доносил письма из империи в империю.

Необходимо было доставить некие свитки до императора Парга, Жана. По слухам он был великим императором, но его жена, мать нынешнего императора, была слегка не в себе. Ее вечное чувство, будто за ней следят, что караулят у покоев, и мысли о нападении на её сына, Филиппа, роились в её голове. По крайней мере, все так шептались между собой.

— Вы были в тот день, когда она сожгла тех людей? – Анна прервала рассказ мужчины, понимая, про кого он говорит, ведь она помнила тот день.

Ужасающий и самый запоминающийся момент в её жизни, ведь она не просто наблюдала за этим, она находилась на той же площади, что и Мария, а Анне тогда исполнилось только 5 лет.

— Да, я был тогда там, я видел тот ужас в глазах людей, – мужчина потер руки, – но в глазах императрицы сожаления *не было,* она их жгла, будто они не живые, оглашая вокруг лишь то, что они все враги империи.

— Какая глупость, – он с ненавистью выплюнул эти слова в воздух. Воспоминания начали всплывать перед глазами Анны.

Тот день, когда Мария утром приказала выстроить на площади некие приспособления, вызвал у слуг немой вопрос, но полное понимание её замысла.

Воздух наполнился запахом сырого дерева и предвкушением чего-то ужасного. Она, воплощение власти и жестокости, с самого утра лично контролировала процесс. Каждый установленный столб, каждое приготовленное бревно – всё было под её неусыпным надзором. Её лицо, обычно скрытое под маской благородства, теперь выражало лишь холодную решимость, а глаза метались, словно у хищника, выслеживающего добычу.

Создавая некие кострища, она с самого утра следила за правильностью выполнения. Это было не просто строительство, это было ритуальное приготовление к жертвоприношению, где жертвами должны были стать люди. Она сама двигала бревна, сама указывала, как укладывать их, словно опытный палач, готовящий свои орудия.

После полудня, когда солнце начало клониться к закату, Мария приказала поймать людей, которых считала врагами империи. Ими оказались простые горожане, те, кто, по её мнению, был каким-то образом причастен к заговорам против императора. Их загнали на площадь, где уже дымились костры, готовые поглотить их души. Её безумие переросло в массовую казнь людей. Более ста человек она сожгла менее чем за сутки, и всё это – на глазах у Анны и Филиппа.

Она держала сына, Филиппа, за руку; его детские глаза расширились от ужаса, когда пламя начало лизать тела.

Анна помнила, что Мария шептала на ухо своему малолетнему сыну: — Видишь, сын мой, – прошептала она, – я делаю это ради твоей безопасности. Ради нашего будущего. Враги будут уничтожены, и ты будешь править в мире, свободном от страха.

В её словах звучало безумие, но в глазах Филиппа отражался лишь страх, который, казалось, был намного сильнее пламени, пожирающего невинных.

— Люди настолько слабы, что их страх заставляет делать немыслимые поступки, – Анна была согласна, это была невероятная глупость.

— Императоры должны защищать нас, но точно не уничтожать свой же народ, – она решила прикинуться одной из горожан, чтобы отмести возможные подозрения.

— Вы правы, я видел тот ужас и те костры, этот огонь, всепоглощающий, что забирал невинные жизни. В тот день я для себя решил – моя магия не принесет этому миру зло, я

направлю её на благие намерения, или же, – он глубоко вздохнул и откинулся на ступеньки, – я никогда ей не воспользуюсь.

Последние его слова означали лишь, что он готов полностью отречься от своей силы, дабы не использовать её против людей.

— Достойно, очень благородно, я бы сказала, – Анна присела чуть выше него. — Думаете, волхвы одобрят ваш отказ в случае чего? – Только после дозволения общины маг может отречься от своей силы.

— Думаю, да; вряд ли, если я совершу нечто ужасное, они меня похвалят, – мужчина слабо улыбнулся.

— Значит, не совершайте. Сильных магов не так много в наше время, а в особенности с трезвым умом, – Анна вспоминала слова Филиппа, осознавая, что то безумие его матери, возможно, постигло и его.

— А вы бы согласились отказаться от своей силы, чтобы спасти невинных? – он взглянул на неё, задавая по сути вполне адекватный вопрос.

Но для Анны это было больше, чем просто ответить, ведь сейчас она и так находилась в состоянии решения подобного рода дилеммы.

— Я? – Анна задумалась, а может ли она отречься от своей силы, спасая невинных, сможет ли она отказаться от убийства Зульфии, дабы спасти их жизни? — Сила, что дана нам, должна служить для чего-то впрок, и лишь мы определяем, на какой мы стороне, верно? – она взглянула на мужчину; тот смотрел на её лицо не двигаясь.

— Так значит, если сила – это ответственность, мы не имеем права на ошибку, особенно в отношении слабых, – она взглянула на звезды.

— Тогда да, я откажусь от своей силы, чтобы спасти их, да Последние слова были точкой в их разговоре.

Довольно откровенно два сильных мага мира, которые доселе не знали друг друга и не узнают из-за фестиваля, обсуждали интересные темы, не подходящие для подобных прогулок.

— Как интересно завернулся наш разговор, не так ли? – мужчина встал и подал руку Анне.

— Не стоит, – к своему удивлению, она отказалась от его руки, и не попрощавшись удалилась, оставив его в полном замешательстве. Мысли в голове сложились в одну плоскость, словно жемчуг на нить; Анна старательно нанизывала факты.

Она знала – отрицать очевидное бессмысленно. Филипп сошел с ума; его безумие, подобно ядовитому плющу, оплетало здравый смысл, переходя все мыслимые и немыслимые границы. Мирно решить конфликт, увы, не получится. Филипп был слишком увлечен своей навязчивой идеей, чтобы прислушаться к голосу разума. Однако убить ничем не повинную Зульфию и её нерожденного ребенка – это была бы не просто глупость, а чудовищное преступление, которое легло бы несмываемым пятном на её совесть.

Анна не могла допустить такого исхода. Сердце сжималось от отчаяния, но разум не сдавался. Отказаться от приказа, отданного лично Филиппом, она не могла – последствия были бы слишком серьезными, как для неё самой, так и для тех, кто ей доверял. Оставался лишь один, единственный вариант, тонкая нить надежды в бездонной пучине отчаяния – обмануть Филиппа.

Это был рискованный, отчаянный шаг, но порой только ложь может спасти от еще большей беды.

Анна с Эми рассекали небесную синь, летя на драконах, возвращаясь в Парга. В голове Анны, как рой пчел, вились непрошеные идеи, ни одна из которых не казалась жизнеспособной.

Как обмануть Филиппа? Этот вопрос камнем лег на сердце, но отступать было некуда. Филипп доверял ей

Он видел в ней верного исполнителя, не способного на предательство. Это доверие, закаленное годами, теперь стало её единственным оружием и одновременно самой уязвимой точкой.

Он знал, что Анна выполнит приказ, особенно когда на кону стояла угроза расправы над теми, кто ей дорог. Но именно это знание давало ему силу, позволяя манипулировать ею, как марионеткой. Полет казался бесконечным, а решение – неуловимым.

Ей нужен был план, безупречный, хитроумный, который позволил бы обойти прямолинейность Филиппа, его слепую веру в собственную правоту. Нужно было найти лазейку в его безумии, соломинку, за которую она могла бы ухватиться, чтобы спасти Зульфию и её ребенка.

— Пригласите мне Маркуса, срочно, – как только они приземлились дома, Анна отдала приказ слугам. Те бегом отправились за капитаном в его покои. Маркус влетел в кабинет госпожи, одевая на ходу рубаху.

— Анна, что-то случилось? – он резко вошел в комнату и сел на диван перед ней. — Да, я решила, – она курила, снова, осознавая, какой выбор она сделала.

— Я не буду убивать Зульфию. Мы обманем его, – она выпустила клубок дыма прямо в лицо Маркуса; тот закашлял.

— Но как? – он был удивлен, но еще больше рад, что Анне не придется брать такой грех на сердце.

— А это нам с тобой предстоит только придумать, – мыслей о варианте обмана императора не было.

Анна рассчитывала на помощь своего друга, который был профи в этом деле.

Наконец-то она выспалась.

Чувство лёгкости и восстановления наполняло каждую клеточку её тела, даря заряд бодрости и небывалой энергии. Казалось, прошлая бессонница и тяжелые мысли остались где-то далеко позади, как дурной сон, рассеявшийся с первыми лучами солнца. Быстро собравшись, Анна почувствовала непреодолимое желание вывести эту новую энергию наружу.

Идеальным способом для этого стала утренняя пробежка. Надев спортивную одежду, она вышла на улицу, наслаждаясь свежим, прохладным воздухом. Её путь лежал через тренировочные площадки, где уже раздавались первые звуки утренних тренировок, затем мимо живописных садов, утопающих в зелени, и, наконец, к прачкам, занятым своим нелёгким трудом во внутреннем дворе; их мерное покачивание и плеск воды создавали умиротворяющий фон. Именно там, среди этой будничной суеты, Анна встретила свою сестру.

Радостное возбуждение освещало лицо Эми, когда она показала Анне выбранные маски для предстоящего маскарада. Это были великолепные парные маски: одна – оттенка тёплого светло-коричневого дерева, другая – изящная, светло-серая, украшенная тончайшими вставками из золота и серебра. Сестра протягивала ей одну из масок, сверкающую в утренних лучах.

Анна взяла эту маску. Тяжёлая, словно вырезанная из цельного куска тёмного дерева, она казалась произведением искусства. Резные узоры, напоминающие переплетающиеся ветви, добавляли ей таинственности.

— А эта тогда для меня, – решила Эми, указывая на более лёгкую серую маску, мерцающую золотыми и серебряными нитями. Анна редко бывает на подобных фестивалях.

Наряды решили выбрать похожие, без ярких акцентов, чтобы не привлекать внимание. Костюмы, без явных юбок и платьев, подходящие для полёта.

— Нам лететь уже завтра утром. Ты готова? — Эми боялась, что сестра передумает и не полетит.

— Конечно, – Анна слегка приобняла сестру за талию. — Не бойся, не передумаю. Меня и правда засосало это дело, я слишком сильно увлеклась, надо отдохнуть. — Она выглядела иначе, чуть бодрее, чем в последние недели.

— Я рада, – Эми сильно прижала к себе Анну, будто прощаясь.

— Задушишь, – они засмеялись.

Так давно они не смеялись вместе.

Утром следующего дня им приготовили драконов. Огромные, чешуйчатые существа уже ждали их, нервно переступая когтистыми лапами по каменному плацу. Воздух был наполнен их низким, утробным рыком, предвещающим скорое путешествие.

Девушки, которые ещё вчера были облачены в изысканные одежды, теперь носили удобные, прочные костюмы, сшитые из тёмной плотной ткани.

Она не стесняла движений и была идеально приспособлена для полёта. В сумках, перекинутых через плечо, лежали маски, призванные скрыть их лица от любопытных глаз на фестивале. Каждая заняла своё место за спиной наездника. Взмывая в небо, они почувствовали, как ветер свистит в ушах, а мир внизу стремительно уменьшается.

Под ними проносились скалы, покрытые ковром вековых сосен, а затем показалось глубокое, извилистое ущелье, пересекающее острые пики гор.

Солнце, поднявшись выше, заливало всё вокруг золотистым светом, делая полёт ещё более захватывающим.

Через несколько часов полёта, сквозь разреженный воздух, показался долгожданный город.

Это была Грандия, величественная крепость, выросшая из скалы. Приземлившись на широкой террасе, девушки почувствовали под ногами твердую землю после долгих часов полета. Город шумел, наполненный звуками жизни, а над ним возвышались шпили дворцов и башни стражи, охраняющие его покой. Вся центральная площадь была украшена к фестивалю маскарада и красок. Воздух наполнился ароматами специй и жареного мяса, доносившимися из многочисленных ларьков с едой. Разноцветные гирлянды переливались на солнце, а между толпами зевак сновали шуты и клоуны; их яркие костюмы и забавные выходки мгновенно привлекали внимание детей, вызывая у них неудержимый смех. Веселая, задорная музыка лилась отовсюду, подгоняя народ собираться ближе к импровизированной сцене, где выступали музыканты.

Люди, составлявшие основную массу собравшихся, были одеты как обычные горожане: простая одежда, удобные штаны и рубахи, платья и юбки. Но среди этой обычной толпы уже чувствовалось предвкушение грядущего праздника. Некоторые, желая начать игру раньше остальных, уже носили маски, скрывая свою личность. Они сияли всеми цветами радуги, украшенные перьями, блестками и замысловатыми узорами, придавая своим владельцам загадочный и интригующий вид.

По мере того как солнце начинало клониться к закату, площадь становилась все более оживленной. Клоуны теперь жонглировали огненными факелами, а шутов сменяли танцоры в экстравагантных костюмах. Музыка становилась громче, ритмичнее, побуждая даже самых скромных присоединиться к общему веселью. На лицах людей, у кого еще не было оно скрыто масками, читалась радость предвкушения, предвкушения ночи, которая обещала быть полной тайн, превращений и ярких впечатлений.

Весь день девушки провели, растворившись в атмосфере праздника. Они методично обходили один ларек за другим, прислушиваясь к мелодиям, льющимся со сцены. В этот день звучали самые разные мотивы: от зажигательных плясовых, заставляющих притопывать ногой, до нежных, лирических баллад, вызывавших легкую меланхолию. Их смех, чистый и звонкий, разносился над шумной площадью, отражаясь от стен домов, словно маленький колокольчик, возвещающий о безмятежности и счастье. Они с удовольствием пробовали все предложенные угощения: пышные пироги с начинками, ароматные фрукты, тягучие сладости, острые закуски. Каждый новый вкус приносил удовольствие, отодвигая на второй план тревожные мысли и заботы, которые, казалось, остались где-то там, далеко, за пределами этого шумного, красоч-

ного праздника. Время текло незаметно, наполняя их легкими, приятными моментами, питая не только тело, но и душу.

Ближе к вечеру, когда солнце стало окрашивать небо в багровые тона, их взгляд привлекло огороженное пространство на краю площади. Здесь, в центре, разворачивались настоящие поединки. Смелые бойцы, облаченные в маски, которые, казалось, слились с их лицами благодаря какой-то неведомой магии, демонстрировали свое мастерство. Их движения были стремительны и точны, каждый удар, каждый блок исполнялся с невероятной грацией. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за зрелищем, а гул толпы нарастал с каждым удачным приемом.

Анна с Эми, привлеченные азартом схватки, подошли к самому ограждению, чтобы лучше разглядеть поединки. Толпа бурлила, поддерживая своих фаворитов, и воздух дрожал от выкриков и одобрительных возгласов. Вдруг, словно ураганом, одного из мужчин, стоявших в первых рядах, вытолкнули прямо в центр арены. Он очутился на площадке, покрытой мягким, утоптанным песком, окруженной грубыми деревянными ограждениями.

Мужчина, оказавшийся в центре внимания совершенно неожиданно, выглядел несколько смущенным. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам, словно не понимая, как он здесь очутился. Затем, глубоко вздохнув, он принялся разминать руки и ноги, ощущая, как напряжение медленно покидает его тело. Каждый сустав, каждая мышца готовились к предстоящему испытанию, и в его глазах появился огонек решимости. Толпа вокруг затихла в ожидании, предчувствуя, что этот незапланированный поединок может оказаться одним из самых зрелищных.

Навстречу ему вышел противник, казалось, вдвое больше и гораздо сильнее. Его мускулы перекатывались под закаленной кожей, а взгляд был наполнен хищной решимостью.

Взмахнув рукой, он призвал свое оружие — огромный двуручный топор, сверкнувший в тусклом свете вечерних фонарей. С боевым кличем, сотрясшим публику, он бросился в атаку на ошеломленного мужчину.

Однако молодой боец, к удивлению многих, не стал призывать в ответ свое оружие. Вместо этого он начал мягко, но стремительно двигаться, словно танцор, уворачиваясь от разрушительных ударов топора. Каждый его шаг был выверен, каждое движение — элегантно.

Он умудрялся ускользать от смертоносных взмахов, словно призрак, и даже ловко парировать некоторые из них, гася их силу и направляя энергию в сторону. Зрители, еще миг назад ожидавшие быстрой победы гиганта, теперь с изумлением наблюдали за этим непривычным зрелищем.

— Как думаешь, какой он маг? – Эми с изумлением смотрела за поединком, указывая на парня без оружия. – Думаю, маг воздуха. Так уворачиваться надо уметь, – Эми была поражена им.

Анна же видела нечто, что ускользало от взора большинства. Тонкие, едва заметные огненные нити исходили от мужчины, пульсируя в такт его резким, стремительным движениям. Они таяли, словно дымка на уходящем солнце, с каждым его шагом, с каждым уклонением.

Это было так быстро, так мимолетно, что лишь самые внимательные могли уловить этот изящный танец стихий. Но Анна чувствовала это своим нутром – он был магом огня. Эта уверенность была неоспоримой, интуитивной. Однако, несмотря на это знание, одна вещь оставалась для нее загадкой: какова истинная мощь этого человека?

Он двигался с такой грацией и скоростью, что казалось, будто он больше уворачивается, чем сражается. Его техника была не грубой силой, а скорее искусным танцем, где каждое движение было рассчитано до миллиметра.

Он был как будто живым воплощением пламени – неуловимым, переменчивым и потенциально разрушительным. Анна пыталась оценить глубину его магической силы, но каждый

раз, когда ей казалось, что она подходит к разгадке, он вновь ускользал, оставляя ее в недоумении. Он был силен, это было очевидно, но насколько именно – оставалось неясным.

— Не буду загадывать, но он явно силен, – Анна лишь намекнула, давая Эми самой додумать. Он двигался так быстро, что его оппонент, несмотря на свою внушительную комплекцию, начал выдыхаться. Каждый следующий взмах топора становился медленнее, каждый выпад – менее точным.

Огромный воин, привыкший полагаться на грубую силу, оказался не готов к такой изворотливости и скорости. В этот критический момент, когда противник уже не мог эффективно парировать, мужчина нанес точный, молниеносный удар под дых. Получив такой удар, гигант отшатнулся, тяжело дыша. Его лицо исказилось от боли и неожиданности. Он попытался поднять свой топор, но руки его не слушались. Силы оставили его, и он, не имея возможности продолжать схватку, упал на песок, задыхаясь. Поняв, что больше не может стоять на ногах, он с трудом поднял одну руку, подавая знак сдаться.

Толпа взорвалась одобрительными криками, пораженная ловкостью и мастерством молодого бойца, сумевшего одолеть противника, который казался несокрушимым.

Парень, чей смущенный поклон означал победу, уже собирался пойти прочь, чтобы перевести дух и немного восстановиться после напряженного поединка. Однако отдохнуть ему не дали. Толпа, ощутившая вкус зрелища, требовала продолжения, и, увидев, что кто-то снова не пускает его отдохнуть, начала ликовать.

— А кто же выйдет к нему? Все опасаются: он сильный, и даже оружие не достал. – Анна слушала шепот, что проходил по толпе зевак.

Наступила неловкая пауза. Зрители, ожидавшие увидеть новых бойцов, замельтешили, перешептываясь между собой. На лицах читалось разочарование и недоумение.

Кто-то из толпы неуверенно выкрикнул вопрос, но ответа не последовало. В воздухе повисло напряженное ожидание, смешанное с легким недовольством.

Казалось, фестиваль, окутанный предвкушением маскарада и красок, рискует захлебнуться в этой тишине, если никто не осмелится выйти на песок.

— Не хочет проветриться? Может, он достоин твоего внимания? – У Эми загорелись глаза, она знала: сестра справится, даже не вспотев.

— Что? Я? Да неее – Анна не успела договорить, как перед ней упало ограждение, и она вывалилась в центр арены.

— Оно магическое! Не нужно было говорить «***я***»! – крикнул ей кто-то из толпы.

«*Черт*». Анна понимала: сейчас надо сражаться так, будто он враг, иначе она опозорится.

— Госпожа, я удивлен, – голос мужчины был спокойный, будто не было поединка до этого. – Я постараюсь не сильно атаковать. Если захотите удалиться, всего лишь скажите «*сдаюсь*», и поединок кончится. – Он смотрел на нее чуть сверху, но от этого сильнее он ей не казался.

— Да, я услышала, благодарю. Вы тоже не забывайте это слово. – Анна отряхнула ткань от песка и приготовилась.

Она не стала нападать. Вместо резких, агрессивных движений, она начала медленно и размеренно обходить мужчину, словно хищница, изучающая свою добычу. Каждый ее шаг был выверен, каждое движение – исполнено спокойствия. Она не проявляла враждебности, но ее присутствие само по себе оказывало давление.

Он, в свою очередь, слегка двигался, пытаясь ее устрашить. Его взгляд был прикован к ней, он ждал малейшего признака атаки, чтобы мгновенно отреагировать. Он пытался казаться уверенным, даже вызывающим, но легкая дрожь в его руке выдавала внутреннее напряжение.

Но Анна была словно тень. Она исчезала из поля его зрения, словно растворяясь в воздухе, и тут же появлялась в другом месте, всегда на шаг впереди, всегда вне досягаемости. Ее

движения были плавными, текучими, не позволяя ему предугадать ее следующий маневр. Это было элегантное кружение, танец, исполненный напряжения и ожидания.

Ни он, ни она не доставали орудие. Поединок проходил без единого удара, без видимой агрессии. Это была битва умов, битва воли, битва терпения.

Они оба понимали, что первый, кто совершит неосторожный шаг, кто поддастся искушению атаковать, может оказаться проигравшим.

Поэтому они продолжали свой безмолвный танец, окутанные аурой взаимного уважения и скрытой угрозы.

Внезапно мужчина не выдержал. Терпение его иссякло, и, преодолев призрачные оковы сомнений, он рванул на Анну.

Его атака была стремительной, отчаянной, направленной на то, чтобы захватить ее, разорвать, поглотить. Но она была тенью, неуловимой, ускользающей. Ее движения были столь же быстры, сколь его натиск был яростен.

Какое-то время она лишь уворачивалась, играя с ним, подобно кошке с мышью. Она искусно тратила его силы, заставляя его удары проходить мимо.

Он тяжело дышал, его тело начинало подводить, а гнев сменялся досадой.

Внезапно, словно в порыве озарения, он поймал ее взглядом. В этот миг, когда ее внимание было рассеяно, из его рук материализовалось орудие – секира. Она была чудовищным творением. Ее лезвие, выкованное из металла, напоминающего закаленное в горниле пламя, искрилось неестественным багровым светом. По всей его поверхности витиевато извивались узоры, словно застывшие языки пламени или сплетенные кости. Каждое зубчатое окончание лезвия казалось выточенным для того, чтобы рвать и терзать, не оставляя противнику ни единого шанса.

Рукоять топора, также украшенная замысловатой резьбой, переходила в навершие, напоминающее череп или какую-то мифическую тварь с острыми отростками. Металл испускал едва уловимое тепло, и казалось, что вместе с секирой призвана была сама стихия огня, сжимающаяся в холодном, смертоносном оружии.

«*Так и думала, маг огня, черт тебя возьми. Потому и оружие не доставал, маги огня хитрецы.*»

Удар был неминуем. Чтобы отразить этот смертоносный выпад, Анна призвала свои кинжалы. Два лезвия, тонкие и острые, появились в ее руках, готовые к встрече.

И вот, с оглушительным скрежетом, сталь соприкоснулась со сталью. Ослепительные искры брызнули во все стороны, освещая арену их поединка.

— Думаю, на этом закончить. — Анна смотрела в глаза магу огня, слегка пустив кровавые нити по его рукам, указывая, что их бой закончился.

Мужчина увидел тонкие, пульсирующие нити крови, тянущиеся вдоль его рук. Они были не просто ранами, а живыми, извивающимися нитями, питающимися его жизненной силой. С ужасом он осознал: он сражается не с обычным воином, а с магом крови.

Его противница, Анна, стояла перед ним, не касаясь его, но ее присутствие окутывало его ледяным холодом. В ееглазах не было ярости, лишь холодное, расчетливое спокойствие, которое пугало больше, чем любая открытая агрессия.

Он почувствовал, как тонкие нити крови начинают стягиваться, словно петля, готовясь окончательно задушить его.

— Согласен, госпожа. — Мужчина отошел, отзывая свое оружие. — ***Сдаюсь***. — Он произнес слова поражения с честью, осознавая свое положение.

Конечно, продолжить можно было бы, но вокруг были люди, они не хотели бы разгара боя.

Толпа резко загудела, показывая свое недовольство. Зрители, жаждавшие увидеть кровавую схватку, были обмануты в своих ожиданиях. Воздух наполнился гулом разочарования, перешептываниями и недовольными возгласами.

Казалось, праздничное настроение, которое еще недавно царило на арене, начало угасать.

Но Анна и мужчина, стоявшие друг напротив друга, лишь обменялись взглядами. В этом молчаливом обмене не было враждебности, лишь взаимное уважение и понимание. Они оба были мастерами, понимающими, что истинная сила заключается не в разрушении, а в контроле.

Они видели, куда мог привести начавшийся поединок, к чему могла привести их магия крови и огня, сплетенная в смертельном танце. И оба предпочли избежать этой участи.

Они разошлись в разные стороны, словно два хищника, которые, оценив друг друга, решили не вступать в бой. Толпа продолжала гудеть, но их решение было принято.

Они поблагодарили друг друга молчанием за не начавшуюся резню, за проявленное мастерство, за мудрость, позволившую им сохранить жизни – свою и чужие.

— Почему ты не закончила с ним? — Эми шла от арены, расстроенная.

— Потому что он маг огня, сестра. — Анна шла и смотрела в небо, усеянное тысячами звезд. Пока шло сражение, успело потемнеть, и они ярко светили.

Она не хотела сегодня проблем, потому и ушла.

— Маг огня, жуть конечно. — Сильно Эми не расстроилась, что не угадала мага, но его магия вызывала в ней смесь чувств, от ужаса до восхищения. — Хорошо, что вы друг друга поняли.

И правда, хорошо это

Анна и Эми продолжили свое гастрономическое путешествие, исследуя кухни разных народов. Город манил их своими ароматами и вкусами, каждый новый прилавок обещал открыть для себя что-то удивительное.

Но их мирное исследование было прервано шумом и весельем, разносившимся с центральной площади. Там начался фестиваль красок, зрелище, которое всегда привлекало толпы. Люди с энтузиазмом набирали в мешочки сухие смеси всевозможных цветов, готовясь окунуться в атмосферу праздника. Сестры, поддавшись общему настроению, тоже взяли себе по паре ярких мешочков.

Смех и крики наполняли воздух, когда они начали весело осыпать друг друга разноцветной пылью. Зеленый, синий, красный, желтый – все смешивалось в радужном вихре.

Внезапно, словно из ниоткуда, сзади прилетел мешочек с зеленой краской. Он не долетел, распахнувшись буквально в сантиметре от Анны, и развеял в воздухе облачко мелких частиц.

Когда дымка начала рассеиваться, сквозь нее Анна увидела ту самую маску, которую уже видела на арене. Те же глаза, бездонно-серые, с холодными отблесками синевы, смотрели прямо на нее. Они проникали ей в душу, будто знали ее насквозь, как будто читали ее прошлое и знали, кто она на самом деле.

Анна застыла, ее сердце учащенно забилось. Серые глаза, обрамленные черными ресницами, приковывали ее внимание, словно магнит.

Она попыталась встряхнуть головой, но взгляд незнакомца словно удерживал ее, не давая вырваться из его плена.

Эми, не замечая замешательства сестры, продолжала смеяться, осыпая Анну розовыми и оранжевыми красками. Но Анна уже не слышала ее. Все ее внимание было приковано к человеку в маске, который, казалось, не двигался, лишь его глаза гипнотизировали ее.

Другие люди на площади теперь казались размытыми пятнами, их смех и веселье отступили на второй план. Мир сжался до пространства между ней и человеком в маске. Ей хотелось подойти, спросить, узнать, кто он, но ноги словно приросли к месту.

Страх и необъяснимое влечение боролись в ее душе.

Внезапно, как по команде, человек в маске повернулся и растворился в толпе. Анна моргнула, и реальность вернулась. Люди вокруг продолжали веселиться, а она стояла, покрытая красками, с колотящимся сердцем и ощущением, что что-то важное только что упустила.

— Ты чего застыла, будто мертвого увидела? – Эми весело похлопала Анну по плечу, призывая веселиться

— Явно живого, – она хотела рассказать Эми, кого увидела, однако передумала, – но, думаю, показалось.

Закончив игру, Анна и Эми направились передохнуть к ларьку с сухофруктами. Воздух был пропитан ароматом нагретых солнцем дынь, инжира и абрикосов, создавая сладкое, тягучее облако, которое приятно щекотало ноздри. Девушки прислонились к деревянной, слегка облупившейся столешнице, наблюдая за оживленной толпой. Вокруг сидели кучками молодые люди, громко смеясь. Их голоса сливались в общий гул, перемешиваясь с музыкой, доносившейся откуда-то издалека.

Глаза Анны скользили по лицам, выхватывая яркие детали: блеск в глазах, широкие улыбки, энергичные жесты. Эми, казалось, была более погружена в свои мысли, слегка нахмурив брови, но и на её губах играла лёгкая, задумчивая улыбка. Наконец, продавец, пожилой мужчина с добрыми морщинками вокруг глаз, предложил им отведать фиников. Анна откусила кусочек, и сладость, смешанная с лёгкой терпкостью, разлилась по языку.

— Невероятно, – прошептала она, и Эми, подхватив её настроение, взяла себе горсть изюма, который приятно поскрипывал на зубах.

Они не произнесли ни слова, но чувствовалось, что этот краткий отдых, наполненный ароматами и звуками праздника, был для них обоих желанным. Игра, хоть и приносила радость, требовала сил, и теперь, с полными ртами сладких, натуральных сокровищ, они чувствовали, как к ним возвращается энергия.

— Я, верно, вас напугал, госпожа, – сзади подошел мужчина, слегка окружая их своим шлейфом парфюма. Его голос, низкий и бархатный, казалось, проникал сквозь шум окружающего мира, создавая вокруг них уютный кокон.

Анна повернулась и снова встретилась с теми глазами с арены боя. Те манящие глаза серого цвета, с прожилками синевы, которые смотрели на нее с легким прищуром. Серые бездонные глаза с легкой игривостью тянули её в свои сети, поглощая её мысли, её желания и чувства. Она смотрела словно завороженная, ощущая на себе магию его глаз, что полностью подчинили её.

Мужчина что-то говорил, слегка улыбался, но Анна ничего не могла разобрать. Её мысли и слух были будто в тумане.

— Сестра, господин спрашивает, где ты училась сражаться, – Эми не стала называть имя Анны и слегка толкнула её, чтобы та пришла в себя.

Анна встряхнула головой, пытаясь вернуть мысли на место: — Горы Морелия, община Маракая, они мои учителя, – Анна впервые столкнулась с таким магнетизмом от мужчины. Ранее в её окружении были люди, которые не могли каким-либо образом привлечь её внимание. Каким бы красивым он ни был, Анна не смотрела в его сторону. Но тут она не видит его лица, только глаза

— Община волхвов, вы, вероятно, сильны, раз вас там обучали, – мужчина поклонился в знак уважения.

Внезапно Эми дернулась с места и слилась с толпой, оставляя сестру наедине с этим загадочным человеком. Он подошел ближе, занимая место Эми, и, взяв финик в руку, начал рассматривать его.

— Я благодарю вас за ваше благоразумие там, на арене, – он снова смотрел на нее.

— Мы с вами оба понимаем, чем бы всё кончилось, – Анна взяла финик из его руки и вскрыла, доставая косточку, – вы всегда ходите в перчатках?

Она вернула чистый финик, вложив его в перчатку мужчины. Тот резким движением закинул фрукт в рот, сладко пережевывая.

— Хах, а вдруг он отравлен? Вы так доверяете незнакомке? – Анна слегка улыбнулась.

— Ваши глаза чисты, вы бы не стали меня травить, госпожа, – его взгляд прожигал Анну изнутри, создавая впечатление, что она задыхается от своих же эмоций.

— Друг, нам пора, ты занят? – к мужчине подошел парень и дернул того за плечо, отвлекая от любопытного разговора.

— Да, очень. Пожалуй, я присоединюсь к вам позднее, – мужчина, не оборачиваясь, откинул руку с плеча и всё смотрел в глаза Анны, не теряя зрительный контакт.

Юноша что-то поворчал и направился прочь.

— Не хотите прогуляться по набережной? – мужчина протянул руку, приглашая к прогулке под ночным небом.

— С удовольствием, – Анна с легким опасением протянула руку и коснулась его перчатки.

Сквозь перчатку она почувствовала лишь жаркое пламя его магии, но не обжигающее, а скорее согревающее, будто древний костер, разведенный в самую холодную ночь. — Позвольте, я сниму перчатку, – он было начал стягивать с руки плотную ткань, но Анна его перехватила: она не хотела спугнуть этот момент.

— Не стоит, – она взглянула на него, он остановился, понимая её опасения. Магия из его рук пульсировала мягко, словно биение могучего, но доброго сердца.

Ее собственная магия, скованная страхом и неопределенностью, начала откликаться на это зовущее тепло. Тонкие нити ее силы, до этого спящие и холодные, стали распрямляться, набирать цвет, словно семена, пробуждающиеся после долгой зимы под ласковым солнцем. Она почувствовала, что те её опасения насчет связи с магом огня были глупостью. Её магия внутри словно согревалась от его внутреннего огня, начала двигаться в легком ритме, без желания напасть, желая лишь дальше согреваться об этот огонь.

В этот момент мир сузился до одного единственного ощущения: ее ладонь, сжатая в его, и пульсирующий в нем жар магической энергии.

Он, казалось, почувствовал ее ответный отклик. Напряжение в его хватке ослабло, но тепло не ушло. Напротив, оно усилилось, стало более уверенным, словно он нашел отклик и теперь мог позволить себе полностью раскрыть свою силу, зная, что она не оттолкнет, а примет.

— Вы маг огня, удивительно встретить кого-то из ваших, – Анна нехотя отпустила его руку, и та сила внутри нее словно взывала к повторению тепла.

Они шли вдоль набережной, где, словно застывшие в вечности величественные тени, дрейфовали корабли. Их силуэты, вычерченные на фоне вечернего неба, казались порталами в иные миры, полные тайн и забытых историй. Воздух был напоен запахом соли, смолы и несбывшихся надежд, которые, казалось, навечно осели в этих старых портовых стенах. Он шел размеренно, делая шаги в такт с ней, не стремясь убежать вперед и не топчась на месте.

Его присутствие было словно тихая гавань в бушующем море жизни. От него исходила аура спокойствия и умиротворения, но в то же время ощущалась некая скрытая сила, подобная мощи спящего вулкана, чье дыхание едва заметно. Эта двойственность притягивала, завораживала, создавая загадочный ореол вокруг его персоны.

Они много рассуждали про империи, про силу, общаясь на сторонние темы, словно два искусных мастера шахмат, каждый из которых просчитывал ходы противника, не раскрывая своей конечной цели. Слова сплетались в узор, где каждый намек, каждое недосказанное слово было частью более сложной игры. Они вели диалог, который позволял им узнать друг друга, но в то же время искусно скрывать истинную суть своей личности, сохраняя покров тайны.

— Верно, в наше время маги огня — редкость, но жаль, что нас все так боятся, – он шел рядом, иногда подавая руку на ступеньках.

— Среди вас много безумных, что сжигали людей из-за одного лишь недоброго взгляда, – Анна шла, стараясь не глазеть на него, но у нее это плохо получалось.

— Вы правы, поэтому я стараюсь при встрече с людьми менять их восприятие, – он и правда производил впечатление достаточно разумного человека, — однако в истории есть люди, что творили ужасы, не имея силы магии.

— Соглашусь с вами, – они стояли у пристани, вглядываясь в ночную даль, – я и сама была свидетелем этого. – Анна потерла глаза, перед ней всплывали картины того дня.

— Вы про что именно? В мире множество таких случаев. – Мужчина присел на ступени, вытягивая ноги, – поделитесь со мной, если хотите конечно, и я поделюсь с вами.

Он взглянул на Анну, глаза сверкнули за маской, призывая к доверию. Но Анна не хотела ни вспоминать тот день, ни тем более говорить про него.

— Тогда начну я, – он слегка откашлялся и начал свой рассказ, – я тогда был маленьким мальчиком и иногда доносил письма из империи в империю.

Необходимо было доставить некие свитки до императора Парга, Жана. По слухам он был великим императором, но его жена, мать нынешнего императора, была слегка не в себе. Ее вечное чувство, будто за ней следят, что караулят у покоев, и мысли о нападении на её сына, Филиппа, роились в её голове. По крайней мере, все так шептались между собой.

— Вы были в тот день, когда она сожгла тех людей? – Анна прервала рассказ мужчины, понимая, про кого он говорит, ведь она помнила тот день.

Ужасающий и самый запоминающийся момент в её жизни, ведь она не просто наблюдала за этим, она находилась на той же площади, что и Мария, а Анне тогда исполнилось только 5 лет.

— Да, я был тогда там, я видел тот ужас в глазах людей, – мужчина потер руки, – но в глазах императрицы сожаления *не было,* она их жгла, будто они не живые, оглашая вокруг лишь то, что они все враги империи.

— Какая глупость, – он с ненавистью выплюнул эти слова в воздух. Воспоминания начали всплывать перед глазами Анны.

Тот день, когда Мария утром приказала выстроить на площади некие приспособления, вызвал у слуг немой вопрос, но полное понимание её замысла.

Воздух наполнился запахом сырого дерева и предвкушением чего-то ужасного. Она, воплощение власти и жестокости, с самого утра лично контролировала процесс. Каждый установленный столб, каждое приготовленное бревно – всё было под её неусыпным надзором. Её лицо, обычно скрытое под маской благородства, теперь выражало лишь холодную решимость, а глаза метались, словно у хищника, выслеживающего добычу.

Создавая некие кострища, она с самого утра следила за правильностью выполнения. Это было не просто строительство, это было ритуальное приготовление к жертвоприношению, где жертвами должны были стать люди. Она сама двигала бревна, сама указывала, как укладывать их, словно опытный палач, готовящий свои орудия.

После полудня, когда солнце начало клониться к закату, Мария приказала поймать людей, которых считала врагами империи. Ими оказались простые горожане, те, кто, по её мнению, был каким-то образом причастен к заговорам против императора. Их загнали на площадь, где уже дымились костры, готовые поглотить их души. Её безумие переросло в массовую казнь людей. Более ста человек она сожгла менее чем за сутки, и всё это – на глазах у Анны и Филиппа.

Она держала сына, Филиппа, за руку; его детские глаза расширились от ужаса, когда пламя начало лизать тела.

Анна помнила, что Мария шептала на ухо своему малолетнему сыну: — Видишь, сын мой, – прошептала она, – я делаю это ради твоей безопасности. Ради нашего будущего. Враги будут уничтожены, и ты будешь править в мире, свободном от страха.

В её словах звучало безумие, но в глазах Филиппа отражался лишь страх, который, казалось, был намного сильнее пламени, пожирающего невинных.

— Люди настолько слабы, что их страх заставляет делать немыслимые поступки, – Анна была согласна, это была невероятная глупость.

— Императоры должны защищать нас, но точно не уничтожать свой же народ, – она решила прикинуться одной из горожан, чтобы отмести возможные подозрения.

— Вы правы, я видел тот ужас и те костры, этот огонь, всепоглощающий, что забирал невинные жизни. В тот день я для себя решил – моя магия не принесет этому миру зло, я направлю её на благие намерения, или же, – он глубоко вздохнул и откинулся на ступеньки, – я никогда ей не воспользуюсь.

Последние его слова означали лишь, что он готов полностью отречься от своей силы, дабы не использовать её против людей.

— Достойно, очень благородно, я бы сказала, – Анна присела чуть выше него. — Думаете, волхвы одобрят ваш отказ в случае чего? – Только после дозволения общины маг может отречься от своей силы.

— Думаю, да; вряд ли, если я совершу нечто ужасное, они меня похвалят, – мужчина слабо улыбнулся.

— Значит, не совершайте. Сильных магов не так много в наше время, а в особенности с трезвым умом, – Анна вспоминала слова Филиппа, осознавая, что то безумие его матери, возможно, постигло и его.

— А вы бы согласились отказаться от своей силы, чтобы спасти невинных? – он взглянул на неё, задавая по сути вполне адекватный вопрос.

Но для Анны это было больше, чем просто ответить, ведь сейчас она и так находилась в состоянии решения подобного рода дилеммы.

— Я? – Анна задумалась, а может ли она отречься от своей силы, спасая невинных, сможет ли она отказаться от убийства Зульфии, дабы спасти их жизни? — Сила, что дана нам, должна служить для чего-то впрок, и лишь мы определяем, на какой мы стороне, верно? – она взглянула на мужчину; тот смотрел на её лицо не двигаясь.

— Так значит, если сила – это ответственность, мы не имеем права на ошибку, особенно в отношении слабых, – она взглянула на звезды.

— Тогда да, я откажусь от своей силы, чтобы спасти их, да Последние слова были точкой в их разговоре.

Довольно откровенно два сильных мага мира, которые доселе не знали друг друга и не узнают из-за фестиваля, обсуждали интересные темы, не подходящие для подобных прогулок.

— Как интересно завернулся наш разговор, не так ли? – мужчина встал и подал руку Анне.

— Не стоит, – к своему удивлению, она отказалась от его руки, и не попрощавшись удалилась, оставив его в полном замешательстве. Мысли в голове сложились в одну плоскость, словно жемчуг на нить; Анна старательно нанизывала факты.

Она знала – отрицать очевидное бессмысленно. Филипп сошел с ума; его безумие, подобно ядовитому плющу, оплетало здравый смысл, переходя все мыслимые и немыслимые границы. Мирно решить конфликт, увы, не получится. Филипп был слишком увлечен своей навязчивой идеей, чтобы прислушаться к голосу разума. Однако убить ничем не повинную Зульфию и её нерожденного ребенка – это была бы не просто глупость, а чудовищное преступление, которое легло бы несмываемым пятном на её совесть.

Анна не могла допустить такого исхода. Сердце сжималось от отчаяния, но разум не сдавался. Отказаться от приказа, отданного лично Филиппом, она не могла – последствия были бы слишком серьезными, как для неё самой, так и для тех, кто ей доверял. Оставался лишь

один, единственный вариант, тонкая нить надежды в бездонной пучине отчаяния – обмануть Филиппа.

Это был рискованный, отчаянный шаг, но порой только ложь может спасти от еще большей беды.

Анна с Эми рассекали небесную синь, летя на драконах, возвращаясь в Парга. В голове Анны, как рой пчел, вились непрошеные идеи, ни одна из которых не казалась жизнеспособной.

Как обмануть Филиппа? Этот вопрос камнем лег на сердце, но отступать было некуда. Филипп доверял ей

Он видел в ней верного исполнителя, не способного на предательство. Это доверие, закаленное годами, теперь стало её единственным оружием и одновременно самой уязвимой точкой.

Он знал, что Анна выполнит приказ, особенно когда на кону стояла угроза расправы над теми, кто ей дорог. Но именно это знание давало ему силу, позволяя манипулировать ею, как марионеткой. Полет казался бесконечным, а решение – неуловимым.

Ей нужен был план, безупречный, хитроумный, который позволил бы обойти прямолинейность Филиппа, его слепую веру в собственную правоту. Нужно было найти лазейку в его безумии, соломинку, за которую она могла бы ухватиться, чтобы спасти Зульфию и её ребенка.

— Пригласите мне Маркуса, срочно, – как только они приземлились дома, Анна отдала приказ слугам. Те бегом отправились за капитаном в его покои. Маркус влетел в кабинет госпожи, одевая на ходу рубаху.

— Анна, что-то случилось? – он резко вошел в комнату и сел на диван перед ней. — Да, я решила, – она курила, снова, осознавая, какой выбор она сделала.

— Я не буду убивать Зульфию. Мы обманем его, – она выпустила клубок дыма прямо в лицо Маркуса; тот закашлял.

— Но как? – он был удивлен, но еще больше рад, что Анне не придется брать такой грех на сердце.

— А это нам с тобой предстоит только придумать, – мыслей о варианте обмана императора не было.

Анна рассчитывала на помощь своего друга, который был профи в этом деле.

Глава 6. План «Раху»

— Ты хочешь провернуть какое-то дело? — Маркус более или менее осознал, что предлагает его госпожа.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать,

что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей знаний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкциони-

рованное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне.*

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая, темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшифровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых

существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать, что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет

его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей зна-

ний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкционированное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне.*

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая, темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшиф-

ровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах

крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную

площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать, что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного

потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей знаний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкционированное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне*.

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая, темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшифровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его

руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать, что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей знаний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкционированное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет

убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне.*

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая, темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшифровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но

Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать, что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей знаний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт

магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкционированное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне.*

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие

в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая,

темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшифровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в

подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых

существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать, что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет

его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей зна-

ний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкционированное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне.*

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая, темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшиф-

ровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах

крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную

площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать, что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного

потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей знаний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкционированное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне*.

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая, темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшифровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его

руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать, что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей знаний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкционированное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет

убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне.*

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая, темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшифровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но

Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать, что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей знаний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт

магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкционированное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне.*

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие

в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая,

темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшифровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в

подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых

существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать, что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет

его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей зна-

ний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкционированное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне.*

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая, темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшиф-

ровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах

крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

— Да, очень опасное, — Анна решила не вмешивать никого, кроме Маркуса и Руфи, — поэтому в курсе будем только мы.

За это время в комнату уже успела явиться Руфи. Ее посвятили в небольшие подробности, поскольку большего надо было придумать в момент обсуждения.

— Госпожа, но как мы это сделаем? Нас могут обнаружить, и тогда всем несдобровать, — она оглядела их взглядом, ища одобрения хотя бы в глазах Маркуса. Но тот сидел, опустив взгляд в пол.

— Филипп безумен. Если мы исполним этот приказ, тогда мы ничем не лучше него, — Маркус был прав.

Он не хотел выполнять подобные приказы, но что-то произошло с Анной, и она была готова совершить это.

— Госпожа, но что произошло? Вы передумали подчиняться? — Руфи чуть подвинулась в сторону Вассилевски, ища зрительный контакт. И она его получила

— ***Подчиняться***? — струя тонкой нити ауры просочилась и направилась прямиком к служанке. Та попыталась перекрыть ее защитным барьером, но он лопнул при соприкосновении с нитью Анны. — Вероятно, я забыла, кто я, и Филипп смог меня запугать. Но, — она направилась к окну, ночные звезды ярко светили на небе, озаряя всю тренировочную

площадку, — ничем не повинные, особенно Раху, не должны страдать из-за помешательства Филиппа.

— А вы не хотите навестить матушку? Насколько я помню, Мария сейчас в общине Варанкая, возможно, она сможет помочь нам, — Руфи была глупа и не до конца осознавала абсурдность предложенной идеи.

– К Марии? – Анна засмеялась, – Насколько я помню, она с тех пор приняла новое имя — Марая, и помогать точно нам не будет.

Дурная идея, конечно, Руфи

— Что мне делать с прошлым приказом, Анна? — Маркус все это время находился в поиске того самого человека, или архитектора, или, по крайней мере, доступных архивных данных про замок Раху.

— Твой приказ останется в силе, — она осознавала, что план замка не помешает, — только он слегка изменится.

— Я понимаю, план замка необходим, и я уже почти вышел на человека. Он является главным библиотекарем в библиотеке Арахаса. Там есть архивные данные про постройку замка Раху, — Маркус потер затылок, — но надо добраться туда и договориться с ним, увидеть их.

Достать план замка — это полбеды. Необходимо придумать план, как четко и без последствий обмануть императора, так чтобы он понял – идея провальная.

— Хорошо, ищи вариант выйти на него и увидеть план. А нам, — Анна посмотрела на свою служанку, — необходимо придумать вариант, как обмануть, план, стратегию этого обмана, чтобы нас не уличили.

— Тогда начнем. Первое, что приходит в голову: госпожа Раху — довольно сильный маг. Можно прийти к императору с выводом, что добраться до неё нет возможности, ведь она великий маг, или же, что ее муж настолько сильно ее охраняет, что нам с ним не сравниться! — Руфи так изысканно придумала вариант и ждала похвалы.

— Он не поверит. Сильнее Анны пока нет на континенте, он знает это, — Маркус привел в чувства радостную Руфи. Та насупилась и предложила другой вариант: — А если сказать, что у них есть склад обсидиана, и она сможет вечно защищаться от вас, госпожа? Он тоже не поверит?

Анна понимала: простыми уловками его не взять.

— Нет, не поверит, особенно про склады обсидиана. Надо что-то придумать, что его самого испугает.

— А если припугнуть его раскрытием его приказа? Что убийство Зульфии после их конфликта будет максимально подозрительным? Хотя бы это он должен понимать, не так ли? — Маркус предложил вполне себе адекватный вариант.

— Мне кажется, Филипп уже вряд ли что-то соображает адекватно. — Варианты кончались, а подходящего не было.

— А что, если обмануть его, подговорив саму Зульфию? — внезапно открылась дверь, и в кабинет зашла Эмильда.

— Что ты тут делаешь, Эми? — Анна вскочила со своего места.

Ее сестра стояла в ночной сорочке, уже явно готовилась спать, но что-то ее выдернуло из кровати в полночь.

— Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, ты так нервничаешь последнее время, — она переминалась с ноги на ногу, — но потом услышала ваш разговор и появилась мысль. Госпожа Раху же мудрая женщина, она поймет, не так ли?

— Безрассудство! — Маркус явно был против такой идеи.

— Что скажешь, Руфи? — Анна смотрела на свою служанку, но та лишь молча кивнула головой.

— Заходите, госпожа, не стойте в дверях, — она проводила Эми на диван и села рядом, потирая ей ладони пальцами, согревая их. — Вы шли по холодному коридору, замерзли, наверно?

— Руфи, черт возьми! — Анна перешла на крик, видя, что служанка ее полностью игнорирует.

— Госпожа, я не знаю, любой исход грозит нам всем последствиями! — Руфи права.

Любой вариант того, что они придумают, даже если все же решат совершить это убийство, повлечет за собой цепь других последствий. Анна села на диван, схватившись за голову. Волна отчаяния окатила ее с головой, оставляя после себя лишь горький привкус безысходности. Она понимала: вероятность найти вариант, как обмануть Филиппа, ничтожно мала. Он был хитер, проницателен, и его подозрительность – настоящая стена, которую казалось невозможным преодолеть. Каждое его слово, каждый взгляд – все было под микроскопом, анализировалось и переворачивалось с ног на голову. Но ей нужен был план. План, который введет его в заблуждение, заставив поверить, что приказ невыполним. Она знала, что прямое противостояние обречено на провал. Слишком велика была разница в их влиянии и возможностях.

— Что он может сделать, если вы не выполните приказ? — Руфи все также терла руки Эми, иногда нагревая их теплым воздухом изо рта.

— Казнить он точно не сможет, — Маркус разомнул ступни, потягиваясь, — но наказать вполне себе может.

Казнить. А может ли он ее казнить? Да нет, Анну не казнят, понимая ее силу и ее верность, ни за что

Верность? А верна ли она ему после сопротивления выполнения приказа?

Анна сама себя загоняла в пучину своих раздумий, своими же мыслями, предложениями.

— Иногда критическое мышление очень сильно мешает! — она все также сидела, обхватив голову руками.

— Анна, я думаю, стоит написать письмо госпоже, вдруг нам повезет? — Эми стояла на своем.

— Либо тебе лично к ней прийти и все рассказать, — Маркус начал хохотать от своей же идеи.

— Я думаю, это разумно будет, разве нет? — Эми подошла к сестре и обняла ее за плечи.

За окном уже совсем стемнело, и начали стрекотать сверчки, нарушая тишину природы. И вдруг, словно молния, пронзившая серое небо размышлений, мелькнула мысль: а что, если отправиться к ней? Не просто так, для формальности, а с решимостью, с четким намерением. Сообщить о надвигающейся угрозе, о реальной опасности, что таится в тени. Это не было бы упреждающим ударом, а было бы призывом к разуму. Возможно, удастся найти общий язык, пустить в ход дипломатию, где слова станут щитом, а убедительность – мечом.

Сговориться. Нет, скорее, договориться. Найти тот самый, единственный вариант, который позволит повернуть вспять надвигающуюся бурю, избежать кровопролития, сохранить хрупкое равновесие. Предостеречь, не угрожать, наставить на путь, где конфликт – последнее, что может прийти на ум.

Этот полет, эта встреча, она могла бы стать поворотным моментом. Сигнал тревоги, но не призыв к войне. Шепот разума в грохоте неизбежности. И если это спасет хоть одну жизнь, если предотвратит хоть одну потерю, то риск, безусловно, стоит того.

— Но как? Что мне сказать ей? — Анна поняла, единственный вариант избежать всех возможных проблем — это попытаться как-то уговорить Зульфию, сговориться с ней.

— Если пошла такая ситуация, я бы предложил сымитировать нападение, — Маркус потянулся за графином и налил целый стакан воды, — выпей, пожалуйста, — он протянул стакан Анне.

— Что сделать? Сымитировать? — Руфи была в недоумении.

— Да, это хорошая идея, — Анна допила стакан воды, вытерла губы и поставила его на стол, — только вот прошло уже больше двух недель с момента, как он приказал. У нас осталась одна неделя.

Все нервно выдохнули. Филипп был пунктуален до усрачки, и каждый свой приказ он контролировал вплоть до времени его исполнения. Он всегда давал точные указания и временные ориентиры, чтобы отследить верность своих подданных.

— Скоро июнь, темнеть будет позже, — Эми намекала, что вылететь из замка незаметно будет сложно.

— Я понимаю, надо будет попробовать вылететь. Посмотрим, заметят или нет, — Руфи не была наездницей, но вставить свои пару слов хотела.

— Я бы предложил придумать отговорку и реально улететь. Куда ты можешь улететь, Анна? — Маркус дал более или менее хорошую идею.

И правда, куда я могу улететь? Ласточкин утес

— На утес, в старый замок Парга, где мы жили с Жаном, — Анна часто летала туда проветриться, там было ее безопасное место, где она отдыхала и много летала на Ирвис.

— Отличная идея! Мы можем полететь вместе. Я останусь ночевать, а ты улетишь в замок Раху! — Эми от радости аж вскочила.

— Да, это хорошая идея. Тогда подозрений не будет, тебя не будет только одну ночь, — Маркус был согласен с Эми.

— Я соглашусь, в том случае, если Эми точно никуда не вылетит из замка Утеса, — Анна не хотела впутывать младшую сестру в свои разборки.

— Да, я останусь там и никуда не полечу, — Эми сидела и кивала, словно болванчик.

На том они и порешили. Выбраться из замка Парга сложно, но из замка Утеса — легко. Там мало слуг и нет слежки.

На следующее утро, едва золотистые лучи рассвета пронзили предрассветную дымку, Анна отдала приказ. Слуги в замке на утесе, месте, где ветра пели свои древние песни, должны были быть оповещены об их прибытии.

Приготовления начались незамедлительно. Им было велено непременно приготовить покои для Анны и Эми, вернув их в прежний вид и позаботившись о каждой мелочи, что могла бы скрасить их краткое пребывание.

Каждый уголок должен был дышать уютом и порядком. Для слуг того утеса это было очень важно, важнее, чем даже самим гостям.

Особое внимание уделялось площадке для полетов на драконе – просторной, с мелким ворсом газона, чтобы величественный крылатый зверь, верный спутник Анны и Эми, мог безопасно приземлиться и взмыть в небо.

В то же время, пока замок суетился в предвкушении прибытия, Анна не забывала о солдатах. Она отдала приказы и распоряжения капитанам, чтобы те неустанно следили за своими бойцами и поддерживали строгую дисциплину в её отсутствие. Спокойствие генерала такой большой армии зависело от бдительности его защитников, и Анна, как никто другой, ценила эту ответственность.

Эта неделя отдыха была для нее скорее передышкой, чем полным отказом от дел. За эту неделю очень многое могло бы измениться.

— Маркус, я полагаюсь на тебя, – Анна обняла своего друга, рассчитывая на его помощь с планом замка Раху.

Арахаса, библиотека в самом сердце Грандии, возвышалась как каменный страж, безмолвно взирая на бурлящую жизнь города. Её стены, сложенные из теплого гранита цвета охры, повидали столетия, храня в себе шепот минувших эпохов и мудрость многих поколений. Здание имело лишь один вход, один выход – символ бесконечного, но строго регламентированного

потока знаний. Никаких боковых дверей, никаких тайных проходов, лишь монументальный портал, за которым открывался мир, сотканный из бумаги и чернил.

Внутри, в просторных, залитых мягким, рассеянным светом залах, царила атмосфера благоговейного покоя. Высокие своды терялись в полумраке, а ряды книжных полок уходили в бесконечность, создавая лабиринты, в которых можно было заблудиться не только физически, но и духовно.

Среди этого великолепия, словно драгоценные камни, были разбросаны маленькие балконы для чтения. Уютно устроившись на них, любой мог уединиться с избранной книгой, отгородившись от суеты внешнего мира. Эти балкончики, с их резными перилами и мягкими подушками, были оазисами спокойствия, местами, где время замедляло свой ход, а мысли парили свободно, подпитываемые эликсиром мудрости, разлитым в воздухе. Это было сердце города и настоящее достояние столицы. У каждого книжного стеллажа, подобно древним деревьям, стояли уединенные столики, где при свете настольных ламп, отбрасывающих теплые круги на страницы, разворачивались целые вселенные. Здесь, среди молчаливых стражей знаний, рождались новые идеи, разрешались старые головоломки и находились ответы на самые сокровенные вопросы.

Воздух был пропитан запахом старой бумаги, кожи и едва уловимым ароматом трав, принесенных читателями из других миров. Главное хранилище, доступ к которому был строго ограничен, представляло собой отдельную, окутанную тайной комнату. Говорили, что именно там покоятся фолианты, содержащие утраченные знания, пророчества и истории, способные изменить ход событий. В глубине одного из самых дальних залов, где лучи света едва проникали сквозь высокие витражные окна, хранился особый зал. Здесь, на пьедесталах, покоились не книги, а свитки, каждый из которых был исписан рукой древних магов и мудрецов.

И где-то там, в глубине, были спрятаны самые важные архивные свитки всех замков великих домов Грандии. Туда-то Маркусу и надо было попасть. План замка Раху был хорошо укрыт магией, как и остальные свитки великих родов Грандии. Эти древние документы, хранящие историю и тайны королевства, были недоступны для обычных глаз, защищенные мощными заклинаниями, которые могли сбить с толку даже самых опытных магов. Любое несанкционированное вторжение каралось не только магическими ловушками, но и беспощадными стражами, чья преданность дому Раху была непоколебима.

Он вышел на человека, который был ответственным за отдел архива со свитками. Сайлас, хранитель знаний, человек с проницательным взглядом и руками, испачканными чернилами, казался невозмутимым. Его лицо, обычно скрытое за стопками пергамента, теперь было настороженным. Маркус знал, что Сайлас не из тех, кто легко поддается уговорам и угрозам.

Этот хранитель знал цену информации и был готов защищать её до последнего вздоха. Оставалось слетать и пообщаться с ним. Маркус представил себе их разговор: как он будет убеждать Сайласа, как будет доказывать, что его намерения чисты. Возможно, придётся предложить что-то взамен, какую-то услугу или древний артефакт, который мог бы заинтересовать хранителя. Но даже если Сайлас согласится, это будет лишь полшага. Его работа на этом будет выполнена.

После того как Анна покинула столицу, Маркус полетел в библиотеку только через два дня. Он придумал отговорку про восточные кладки яиц и якобы будет их проверять. У него было около 10 часов на то, чтобы разговорить старого Сайласа, чтобы тот дал увидеть план из архива дома Раху.

Руфи, всегда обладавшая редким талантом находить нужных людей в нужное время, помогла организовать встречу с загадочным библиотекарем. Её проницательность и умение завязывать полезные знакомства привели к тому, что через одну из своих знакомых, юную и амбициозную студентку, обучавшуюся в одной из величественных башен Грандии, удалось выйти на самого хранителя знаний.

Эта студентка, надо сказать, поддерживала весьма тёплые и доверительные отношения с тем почтенным стариком, что позволяло ей быть в курсе многих, даже самых сокровенных, библиотечных секретов. Маркус с нетерпением ожидал этой встречи.

Он знал, что сам бы вряд ли бы разговорил того вредного старика-библиотекаря.

Студентка, выступавшая посредником, также предвкушала возможность быть частью чего-то значимого, ведь её участие в этом деле выходило далеко за рамки обыденных студенческих хлопот.

Наконец, были назначены день и час. Местом встречи назначили вход в библиотеку, когда Маркус и знакомая Руфи, студентка, встретились у массивных дверей, ведущих в мир книг и тайн.

— Так значит, это ты, друг *Кири*? — Руфи никогда не называла свое имя чужим людям, особенно если они были лишь объектом для получения сведений.

— Да, я друг Кири, — Маркус понял в тот же миг, что эта девушка — лишь объект, но точно не близкий Руфи человек.

— Тогда идем, — студентка осмотрела его с ног до головы, слегка облизывая губы.

— Ну а что тебе нужно от учителя Сайласа? — оказалось, что этот библиотекарь был учителем в *Южной Башне*.

— Хочу попасть в архив, говорят, там есть то, что мне нужно, — Маркус подмигнул девушке, видя её заинтересованность в нем.

— Да, в архиве много интересного, — девушка улыбнулась, ведясь на уловку юноши.

Маркус, как и девушка, как позже выяснилось, был магом земли. Потому и обучался в Южной Башне.

Маркус шагнул за своей спутницей внутрь библиотеки и едва не выронил челюсть. Библиотека оказалась не просто зданием, а целым миром, выстроенным из шелеста страниц и запаха старой бумаги. Высота потолков терялась где-то под облаками, а стеллажи, уходящие в бесконечность, казалось, поддерживали само небо, уставленное миллионами книг. Каждый переплет, каждая тисненая буква шептали о своих тайнах, о мирах, скрытых внутри.

Маркус, словно ребенок, впервые попавший в кондитерскую, замер, не в силах отвести взгляд от этого величественного хранилища знаний.

Его спутница, чье имя он едва успел запомнить в суматохе — Дэха, — казалось, совершенно не разделяла его благоговения. Словно опытный проводник, она ловко лавировала между высокими рядами, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что Маркус не отстает. Он послушно следовал за ней, но его глаза продолжали блуждать, пытаясь охватить необъятное.

Внезапно она остановилась, извлекая из кармана сложенный лист бумаги. Он был испещрён какими-то записями, напоминающими карту сокровищ.

— Вот, — коротко бросила она и, не дожидаясь ответа, вновь потянула его за руку.

Маркус, оторванный от своих книжных мечтаний, подчинился. Но даже когда его буквально тащили вперед, он не мог перестать задирать голову, рассматривая книги Они возвышались над ним, словно гигантские деревья в древнем лесу, каждая со своим уникальным ароматом и обещанием.

— Она необъятная, — с восхищением произнес юноша. — Да, невероятная, потому она и главная библиотека. Внаших башнях похожие, но чуть меньше, — Дэха всё так же тащила его, проникая всё глубже в библиотеку.

Через какое-то время, словно следуя по невидимой нити, сотканной из книжных указателей, они подошли к стойке, за которой, словно её неотъемлемая часть, стоял обложенный книгами старец. Его присутствие наполняло пространство тихой мудростью, а пергаментная кожа и глубокие морщины рассказывали истории, которым позавидовал бы любой из фолиантов вокруг.

Дэха, наконец, отпустила руку Маркуса, оставляя его наедине с этим древним стражем знаний. Она направилась прямо к старику, чьи глаза, казалось, видели сквозь время. Его лицо, освещенное мягким светом, озарилось широкой, искренней улыбкой при виде девушки. Девушка же, в свою очередь, начала говорить, и слова, подобно мелодии, струились из её уст, наполненные очарованием и, Маркус отметил, явной угодливостью. Она явно пыталась расположить к себе старца, подчеркивая важность их визита, делая комплименты его проницательности и безграничным знаниям, словно надеясь растопить его строгость и получить доступ к сокровенному — архиву.

Маркус наблюдал за этой сценой, чувствуя себя сторонним наблюдателем в сложном ритуале. Он видел, как слова Дэхи, словно ключи, открывали сердце старика, как его улыбка становилась шире, а взгляд — мягче.

— Идем быстрее! — Она снова схватила его за руку, и они поторопились за старцем, что вел их в архив. — Что такого ты ему сказала? — Маркус наклонился к ней и еле слышно задал вопрос. — А тебе все скажи? — Девушка явно не хотела раскрывать свои секреты.

Шаг за шагом, они углублялись в сердце библиотеки, пробираясь сквозь узкие, словно вены древнего организма, коридоры. Старец, их проводник, шел впереди, его фигура, окутанная аурой таинственности, казалась высеченной из самой тишины.

Маркус, все еще ослепленный величием верхних залов, теперь ощущал, как атмосфера меняется. Воздух становился плотнее, насыщеннее запахами, отличными от привычной библиотеки — более глубокими, землистыми, с нотками мистики. Свет едва пробивался сквозь высокие, узкие проемы, лишь подчеркивая загадочность их пути.

Дэха шла рядом, её любопытство, казалось, было сильнее любопытства Маркуса, но и в её глазах читалось предвкушение чего-то особенного.

Наконец, они остановились перед массивной дверью, которая, казалось, была выкована из самой ночи. На ней не было видно ни ручек, ни каких-либо украшений, лишь гладкая, темная поверхность, скрывающая тайны архива. Старец, без видимых усилий, извлек из-под мантии старинный ключ, покрытый патиной времени.

Лязг замка, когда ключ повернулся, прозвучал как эхо в этой глубине. Дверь отворилась с протяжным, мистическим скрипом, словно приветствуя их своим древним голосом.

Перед ними открылся огромный зал. Единственным источником света служило окно, расположенное прямо над потолком, словно глаз, смотрящий на звездное небо. Размытые очертания высоких стеллажей, уходивших во мрак, окружали их со всех сторон.

— Всё, что вам нужно, милочка, найдете тут, — Старец обвел руками стеллажи. — Справа — древние архивы магии, заклинания и пророчества, — он провел рукой, указывая на ближайшие стеллажи. — А слева — архивы родословных и замков нашей империи, история наших домов, — он кивнул головой в сторону стеллажей, что были дальше всех, в темноте, покрытые паутиной.

— А где архивы замков, их сооружений? — Маркус шепнул на ухо Дэхе.

— Учитель, а где можно посмотреть имена архитекторов нашей великой империи? — Дэха явно понимала, как узнать то, что им нужно.

— Милочка, посмотрите в глубине левого стеллажа, там должно быть про этих великих людей много написано, — Старец обнял свою студентку и удалился из архива, оставляя их в одиночестве.

Маркус, не теряя времени, рванул в левую сторону стеллажей, ища всевозможные свитки с именем Раху. Его пальцы скользили по корешкам древних фолиантов, пылинки поднимались вихрем в тусклом свете, пробивающемся сквозь витражные окна.

Каждый свиток — это потенциальный ключ, каждая надпись — шепот забытых времен. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждой секундой, ведь время было главным врагом.

Его взгляд метался, выхватывая редкие знаки, принадлежащие привычной системе каталогизации. Внезапно, его рука остановилась. На одном из свитков, скрытом за толстым томом по алхимии, он увидел знакомый символ —стилизованное изображение волка, вписанное в круг.

Это была печать, о которой ему говорила Анна, печать семьи Раху. Сердце Маркуса забилось быстрее. Он аккуратно извлек свиток, ощущая его вес и прохладу.

С трепетом он развернул древний пергамент. Перед ним открылся не просто свиток, а целый план — подробная карта замка Раху, со всеми его многочисленными башнями, укрепленными стенами и, что самое удивительное, всеми скрытыми ходами и тайными комнатами.

Линии, нанесенные чернилами, казалось, оживали под его взглядом, вырисовывая лабиринт, полный ловушек и загадок. Он провел пальцем по изгибам стен, изучая расположение башен-близнецов, которые, по легендам, служили стражами врат. Потайные комнаты были отмечены едва заметными символами, которые он, благодаря своим познаниям, мог расшифровать. Одна из них, скрытая за фальшивой стеной в библиотеке, казалось, вела к подземельям, а другая, за водопадом в центральном дворе, — к тайным сокровищницам.

Маркус почувствовал, как его охватывает смесь благоговения и решимости. Этот план был бесценен. Он давал не только знание, но и возможность избежать смертельных опасностей, которые, несомненно, поджидали Анну внутри. Каждый вход, каждая потайная комната были как открытая книга, раскрывающая секреты, которые столетиями охранялись стенами замка.

Теперь, имея перед глазами эту подробную схему, Маркус ощущал себя настоящим героем. Он представлял, как Анна будет перемещаться по этим коридорам, как будет находить нужные комнаты, минуя ловушки.

Он развернул свиток, доставая из-под мышки тщательно сложенную копировальную бумагу. Эта хитрость, подсмотренная у старых картографов, была его лучшим помощником в подобных случаях. Словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции, Маркус аккуратно расположил копирку поверх своей собственной, чистой бумаги, а поверх неё — древний план.

Прижимая пальцами края, он начал обводить линии. Его движения были точны и выверены, каждое движение пера — это шаг к разгадке. Чернила ложились на новую бумагу, создавая бледную, но идентичную копию.

Маркус чувствовал, как сердце его бьется в унисон с каждым новым штрихом. Этот план был ключом, и теперь этот ключ был в его руках, в той форме, которую он мог свободно использовать. Каждая потайная комната, каждый вход — всё должно было быть запечатлено в его памяти. Для безопасности Анны.

Закончив копирование, он аккуратно отделил листы. Перед ним лежал новый план, чистый и готовый к новым, тайным знаниям. Оригинальный свиток был бережно возвращен на место, чтобы не вызывать подозрений. Теперь у Маркуса было всё необходимое, чтобы начать их миссию. Путь в замок Раху был открыт.

— Ты закончил? — Дэха сидела на столе, что стоял посредине залы, и смотрела на него, медленно перекидывая ногу на ногу.

«Что она делает?» Маркус не мог понять, чем она занята, сидя на столе, хотя могла бы тоже что-то посмотреть и изучить.

— Я тебе помогла, — девушка начала расстегивать пуговицы на жилетке, — и ты мне помоги теперь, Маркус, —она принялась стягивать колготки, бросив одну прямо в лицо юноши.

«ОНА ЧТО, ПЫТАЕТСЯ СДЕЛАТЬ?!?» Он понял.

Её движения были плавными, она медленно раздевала себя, желая, чтобы Маркус овладел её телом за ту помощь, что она оказала ему в библиотеке.

Каждый сброшенный предмет одежды казался паутиной, окутывающей её тело, но в то же время обнажающей его. Свет, проникающий сквозь высокие окна, ложился на её кожу, словно последние лучи угасающего дня, подчеркивая каждый изгиб.

Она видела, как взгляд Маркуса скользил по ней, как в его глазах разгорался огонь. Это было то, чего она ждала, то, ради чего она шла на этот шаг. Помощь, оказанная ему в библиотеке, была лишь предлогом, тонкой нитью, связавшей их в этот момент.

Теперь же, в уединении комнаты, готовился истинный акт благодарности, столь же древний, как и сами свитки, которые они искали.

Она сделала шаг навстречу, её тело было открыто и уязвимо, но в этой уязвимости таилась сила. Она чувствовала, как пульс ускоряется, как дрожь пробегает по телу. Это было больше, чем просто страсть; это было обещание, сделка, заключенная в шепоте и взглядах.

Она хотела, чтобы Маркус взял её, чтобы он стал её, хотя бы на эту ночь, в знак признательности за её помощь.

Её руки мягко легли на плечи Маркуса, притягивая его ближе. Последний предмет одежды упал на пол, оставив её полностью обнаженной перед ним.

Маркус резко сбросил руки девушки и отстранился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он был в шоке. Его зрение очертило неясные контуры обнаженного тела, когда лунный свет, пробиваясь сквозь распахнутое окно, нехотя очерчивал её силуэт.

Это не было похоже на то, ради чего он сюда пришел. Его миссия была ясна: проникнуть, добыть информацию, исчезнуть. Никаких отвлекающих факторов, никаких неожиданных встреч, уж тем более таких.

Его сердце бешено колотилось в груди, но не от страсти, а от предчувствия опасности. Он прибыл сюда, чтобы выполнить задание, которое могло стоить ему жизни, и, казалось, это осложнение было самым непредсказуемым из всех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Она же, казалось, мгновенно пришла в себя, прикрываясь руками. В ее глазах мелькнула паника, но затем они сфокусировались на нем, выражая смесь испуга и недоумения.

— Извини, но ты не в моем вкусе. Да и вообще, сколько тебе лет? – он посмотрел на нее с брезгливостью, поднимая левую бровь.

— Семнадцать исполнилось недавно, – заикаясь и прикрываясь руками, она рванула собирать свои вещи, разбросанные повсюду в архиве.

— Ну, совсем мелкая, иди давай, одевайся. Насколько он помнил, возраст согласия в Грандии достиг 21 года, а значит, он бы попал. Но его это не интересовало, у него был приказ от Анны, и на остальных ему плевать.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился старец. Он замер, как только его взгляд упал на молодую девушку, спешно собиравшую одежду с пола. Ужас исказил его черты. Неужели он застал её в таком виде? Какое разочарование, какой стыд охватил его!

Маркус, воспользовавшись моментом замешательства, быстро проскользнул мимо старца, бросив лишь короткое: «Она, кажется, сошла с ума» — и стремительно исчез из комнаты.

Снаружи, ускоряя шаг, он слышал позади себя укоризненные возгласы и нравоучения, которые старец теперь направлял на девушку. Звуки её сбивчивых оправданий и его суровые слова смешивались в единый, но отдалённый гул. Он старался не слушать, но каждое слово старца, наполненное горечью и разочарованием, проникало сквозь завесу его равнодушия.

Маркус знал, что старец — хранитель древних знаний и её учитель, и такая встреча для него была сродни кощунству. Это лишь подтверждало его решение уйти как можно скорее. Ему было не до моральных дилемм и разборов полётов; его миссия была куда важнее.

Летя домой, он ликовал, и в голове Маркуса звучала лишь одна мысль: задание выполнено. Чувство облегчения смешивалось с предвкушением следующего этапа. План был в его

руках, а значит, можно было двигаться дальше. Его миссия заключалась не только в том, чтобы добыть ценную информацию, но и в том, чтобы гарантировать её дальнейшее использование.

Теперь главным было доставить этот план Анне. Она — ключевая фигура в предстоящем внедрении. Именно от её решимости и умения зависел успех всей операции. Маркус знал, что Анна — профессионал своего дела, но даже профессионалам нужна чёткая инструкция и уверенность в поддержке.

Маркус предвидел, что предстоит долгий разговор, где придётся проработать каждую мелочь: от легенды Анны до путей отхода в случае непредвиденных обстоятельств. Анна всегда была требовательной, но справедливой. Вместе они составляли идеальную команду, способную преодолеть любые преграды. Возвращение домой было лишь временной передышкой перед финальным рывком.

Маркус принял решение. Парга подождёт. Его мысли были заняты Анной, тем, что связывало их, тем, что предстояло ей сделать. Он чувствовал, что время не терпит, каждый миг важен. Поэтому, не раздумывая, он направил свой курс прямо к замку на утесе, месту, где вершились дела, столь же значимые, сколь и опасные.

Когда он прибыл, воздух здесь был пропитан солью и тайнами. Его встретили молчаливые слуги, немногочисленные люди, служившие в замке, чьи взгляды выражали лишь холодное подозрение. Такова их натура, скрытных слуг Ласточкиного утеса. Любая информация выдавалась с неохотой, но ему было важно знать, где Анна. Он спросил, и после недолгой паузы ему сообщили: она находится снаружи.

Он вышел из сумрачных стен замка, и его взгляд немедленно нашел её. Анна сидела на скамейке, высеченной из серого камня, которая казалась продолжением самого утеса. Скамейка была направлена в сторону бескрайнего моря, и она, подобно древней сирене, смотрела в его синюю бездну. Внизу, у подножия скал, разбивались о твердь волны, вздымая столбы пены.

— Маркус, что ты тут делаешь? – она повернулась, в её глазах была пустота.

— Я я нашел свитки, только из библиотеки, – он приблизился к ней, присаживаясь рядом, — а ты, наслаждаешься видами? – он направил взгляд в ту же сторону, что и она.

— Да, мне тут спокойно. Тем более где-то там, – она указала пальцем вдаль, – Империя Красной Розы. Нас привезли оттуда, привез Жан, он нас спас тогда, – она выглядела очень спокойной, хоть и осознавала, что их увезли из родной страны.

— Я знал, что вас привезли, но из-за чего – никто не говорит. Да вообще, – он потер голову, – про вас мало кто говорит, сама знаешь, лишний раз боятся, – он слегка улыбнулся.

— Да, боятся, все, кроме *Филиппа*, – она потерла лицо руками, сжимая его, – Ладно, ты нашел план замка?

— Да, – он достал из-под мышки свиток и передал ей.

— Отлично, хорошая работа, – взяв в руки свиток, она начала водить пальцем, изучая входы и выходы. – Это комната Зульфии? А это комната Александра? Они так близко? Комнаты и правда были близко, буквально за стенкой, соседствовали.

— Нет, это первый этаж, – Маркус показал комнату Зульфии, – а это второй, где комната и кабинет Александра. Видишь, изменено было.

– И правда, оказалось, что их комнаты находятся друг под другом.

– Вероятно, из-за возраста, госпожа не может часто подниматься выше первого этажа.

— Сколько ей? 51, вроде не совсем пожилая, еще и беременная. Вот это организм, – Анна и правда восхищалась ей, родить четвертого ребенка в столь преклонном возрасте.

— Она из рода Малороди, они долгожители, и до 150 кто-то доживает, так что это нормально, – Маркус много знал о родословной Раху.

— Ну что же, значит, в скором времени мне отбывать. Я знаю, что сказать, эти дни я думала об этом, – Анна встала прямо на краю пропасти, громко вдыхая, пытаясь надышаться вдоволь.

— Действуй, я в любом случае буду за тебя, моя госпожа, – Маркус преклонил колено перед Анной. Их ценности были одни на двоих – не навреди, главный девиз их дружбы и их служения народу.

Иногда в жизни должно появиться большее зло, чтобы меньшее проиграло.

Маркус улетел, как только отдал Анне свитки плана. Её сердце колотилось в груди, но разум работал с невероятной скоростью. Она уже продумала, что скажет Зульфие, как уговорит её, как донесёт до неё мысли о том, что нужно объединиться. Это был единственный шанс, единственная ниточка, за которую они могли ухватиться в этом безвыходном положении.

Как только стемнело на улице, Анна оседлала дракона и отправилась в Грандию. Это был земляной дракончик, тот самый, на котором до этого прилетела Эми. Анна старалась сохранять спокойствие, хотя нервничала. Она знала, что дракон, связанный с ней кровными узами, может почувствовать её волнение и тоже начать метаться.

Она скользила по ночному небу, а внизу, внизу, проплывали огни города. Анна высматривала замок Раху, ориентируясь на высоте полета. Сердце её билось учащенно – каждый взмах крыльев дракона отдавался гулким эхом в её груди. Наконец, она заметила его – темный силуэт, выделяющийся на фоне звездного неба.

Быстро маневрируя, Анна направила дракона вниз. Они приземлились на одну из высоких башен замка. Дракон, по команде Анны, крепко вцепился когтистыми лапами в каменную кладку, а затем, используя "маневр хамелеона", слился с поверхностью башни, став почти невидимым.

Анна спрыгнула на прохладные камни, стараясь ступать бесшумно. Она направилась в открытое окно башни, не оставляя ни малейшего следа своего вторжения. Каждый шаг по винтовой лестнице отдавался лишь легким шорохом, словно шепот ветра. Её глаза, привыкшие к темноте, легко различали очертания ступеней, ведущих вниз, к сердцу замка.

Приближаясь к первому этажу, где лестница вливалась в просторные залы, Анна активировала свой покров. Тонкая завеса невидимости окутала её, позволяя прощупывать пространство вокруг, словно невидимыми пальцами, ощупывая воздух на предмет присутствия живых существ. Она ощущала лишь слабое присутствие нескольких слуг, чьи ауры были едва заметны – никаких признаков сильной магии или враждебных намерений.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Анна двинулась вперед, её взгляд скользил по массивным дверям и величественным колоннам. Её целью была комната Зульфии. Она шла по коридорам, освещенным лишь тусклым светом факелов, словно тень.

Внезапно, тонкая, почти невесомая нить магии коснулась её сознания. Она была легкой, воздушной, предвещая присутствие кого-то, кто владел этой стихией. Анна знала, что это, скорее всего, комната Зульфии. Сердце еёзабилось чуть быстрее.

Она подошла к массивной двери, ведущей в покои, и, используя свои способности, тихо, незаметно приоткрыла её. Дверь поддалась без единого скрипа, словно сама желая пропустить её. Анна скользнула внутрь, бесшумно, словно тень, или же призрак, пришедший из ночи. Лунный свет, проникающий сквозь высокие окна, рисовал причудливые узоры на полу, но Анна инстинктивно двинулась в самую темную часть комнаты, туда, где тени были гуще всего, сливаясь с ними, становясь частью ночи.

Она замерла, ожидая. В воздухе витал едва уловимый аромат цветов и тонкий след магии, подтверждая еёдогадки. Комната была обставлена с изысканным вкусом, но сейчас все это казалось Анне второстепенным. Её внимание было полностью сосредоточено на предстоящем разговоре. Она была готова.

— Это ты, Анна? – Зульфия выплыла из другой части комнаты, поднимаясь с кровати. Ее рука нежно опустилась на округлившийся, беременный живот, успокаивая не только себя, но и ребенка внутри.

В ее облике не было ни следа агрессии или враждебности, скорее – безмятежное спокойствие, окутывающее ее, словно шаль. Она плавно подошла к окну и одним движением отдернула тяжелую штору. Лунный свет хлынул в комнату, озаряя ее фигуру. В ночной сорочке белого цвета, босиком, с распущенными, словно водопад, волосами, она казалась воплощением ночной мечты, хрупкой и сильной одновременно.

Лунный свет играл на ее коже, придавая ей призрачное сияние, а тени, которые Анна старательно искала, отступили, освещенные этим небесным светом. Анна, все еще скрытая в тени, наблюдала за Зульфией.

— Я знала, что ты придешь, или кто-то другой придет, – госпожа Раху всматривалась в окно, не поворачиваясь на Анну, хотя знала, где та прячется. Она продолжила: — Я рада, что это ты, и я понимаю, у тебя ко мне некое предложение? – она повернулась в ее сторону.

— Госпожа, – начала Анна из своего укрытия, не снимая защитный покров, – мы с вами обе понимаем, после того разлада на балу, мой император остался в весьма плохом настроении. – она решила подойти издалека.

— Он приказал тебе убить *меня*? – Зульфия медленно присела на кровать, освещенную окном.

— Да, и, вероятно, вы понимаете, что сегодня я не за этим прибыла, – Анна скользнула ближе к окну, оставляя себе план отхода на случай чего, ведь сражаться она не планировала.

— Это я понимаю, – голос Зульфии был спокоен, будто они говорили о погоде, а не о возможной смерти одной из них, – и что ты хочешь мне предложить, госпожа Вассилевски? – Зульфия понимает: сравниться по силе с Анной никто не способен, и если она решит убить – убьет. Но если она пришла сейчас, вероятно, это другой вариант исхода.

— Мы с вами понимаем, что вы в смертельной опасности. Филипп не остановится, пока не получит то, что хочет. Он отправит кого-то убить вас, если я откажусь от этого приказа – Анна шептала последние слова, прячась от неведомого глаза.

— Да, твои слова разумны, я слушаю твое предложение, – из-за угла внезапно вышел Симона.

Он все это время стоял и слушал, выжидая, какие действия совершит Анна. Вассилевски знала, что Зульфия и Симона – сильные и разумные люди, но в данный момент им нужна была не сила, а понимание. Понимание того, что их жизнь висит на волоске, и только вместе они смогут противостоять угрозе.

— Наша единственная надежда – это объединиться, – продолжила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно, – мы должны действовать сообща. Благодаря этому мы сможем обмануть его, выставив так, что я не могла потягаться с вами, – она обвела глазами двух супругов, – и тогда он не посмеет больше посягать на вас. – Анна слегка поклонилась.

Она глубоко вздохнула, глядя в глаза Зульфии. Она видела в них страх, но также и проблеск решимости.

— Вы хотите провернуть обман, сымитировать нападение, верно? – Симона смотрел четко в сторону тени, где скрывалась Анна, но не видел её.

— Да, я хочу предложить именно это. Если вы согласны, мы можем обсудить детали этого обмана, – Анна не двигалась, прячась в тени. Зульфия повернулась в сторону своего мужа, поглаживая живот и явно нервничая.

Симона кивнул:

— Да, можем обсудить детали. Я благодарю вас за благоразумие, госпожа. Не зря про вас столько говорят мудрого, – Симона глубоко поклонился и, закрыв окно, зажег свечу на столе.

Глава 7. На острие клинка

Они сидели в полумраке, где лишь одинокая свеча отбрасывала дрожащие тени на их лица, выхватывая из мрака напряженные черты и тревожные глаза.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе. Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль

стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцо-

вых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке, под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с

высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***. Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх, *моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе. Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь

хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

*Это был всего лишь 4 июня, до **того дня** было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке, под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***. Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх*, моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек

из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе. Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император,

наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке, под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме

тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***. Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх*, моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе. Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке, под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к

вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***. Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх*, моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем

еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе.

Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке,

под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были

плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У

моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***.

Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх, *моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе. Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке, под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***. Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх*, моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе. Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал,

когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так

они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке, под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно

наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно

кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. —

Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***. Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх*, моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе. Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке, под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к

вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***. Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх*, моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем

еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе.

Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке,

под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были

плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У

моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***.

Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх, *моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе. Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке, под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***. Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх*, моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе. Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал,

когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так

они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке, под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно

наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно

кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. —

Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***. Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх*, моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе. Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке, под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к

вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***. Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх*, моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем

еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Каждый шорох за окном, каждый скрип половицы под невидимым присутствием казался предвестником беды.

— Вы же понимаете, что для вас это может быть фатально, если нам не удастся обмануть его, — Симона был разумен и понимал опасность, которой подвергается Анна.

— У нас нет выбора, я не позволю ему совершить столь ужасный поступок, — ответила Анна, её голос был низким и ровным, но в нём звучала стальная решимость, — будь то моими руками или чужими.

Её взгляд, устремленный в пламя свечи, казался древним и мудрым, видевшим слишком много зла.

Она понимала: жизнь невинных стоит на кону из-за безумия императора. Безумия, которое питалось ненавистью, самолюбием и жаждой унизить своего врага.

Свеча мигнула, почти угасшая, оставляя их в ещё более глубокой тьме.

— Значит, мы готовы к этому, — Зульфия выглядела бледнее чем обычно, — ради нашего будущего и наших детей. Симона с нежностью посмотрел на свою жену и погладил по её руке, что лежала на столе.

— Тогда, по плану, мы действуем заодно, верно? — Анна решила перепроверить этапы.

— Верно. Начинаем мы с основного, точнее, вы, — Симона продолжил, — первое, что вы сделаете, это подтвердите, что готовы исполнить приказ перед императором. Наступит 6 июня, когда вы нападете на нас.

— Верно. Но перед моим прибытием, как вы и предписали, Руфи доставит вам письмо. В нем будет четкое подтверждение того, что я готова к исполнению приказа. Для полного подтверждения и свидетельства всех происходящих событий я возьму с собой несколько человек из нашей личной стражи. Они станут очевидцами и смогут подтвердить, что всё было сделано в соответствии с его указаниями и с должной решимостью. По подозрений быть не должно.

— Замечательная идея, — Зульфия выпила стакан воды залпом, — как только вы прибудете, мы побеседуем, чтобы это слышали все, и нападете. Но, — она сделала глубокий вдох, — Симона вас перехватит и нанесет пару ударов, ведь он должен вас сильно потрепать.

Было видно, что для нее, человека, который и мухи за жизнь не обидел, тяжело даже представить, как Анну, которая спасла их жизнь и жизнь их глупого сына, что посмел нагрубить императору на балу, будет избивать на её глазах её муж.

— Да, ничего страшного, потерпим, и не такое приходилось выдерживать, — Анна улыбнулась. Для нее это и правда была небольшая плата за жизнь двоих невинных.

— Отлично, тогда так и сделаем. Будем вас ждать, — Симона встал и подал руку для рукопожатия.

Анна, что носит перчатки, чтобы скрыть укусы и порезы на кистях, сняла их в знак уважения.

— Благодарю, — она пожала его руку.

Её аура, соприкоснувшись с рукой Симона, резко вздрогнула. Анна увидела, что на его лбу внезапно выступила испарина, и он еле сдерживался, чтобы не бросить её руку, от той пульсации магии, что била из её руки в его.

— Не думал, что вы настолько пропитаны магией, госпожа, — он отпустил руку, потирая ладонь, там была красная отметина, будто ожог.

— Не волнуйтесь, до утра пройдет, — она кивнула в сторону руки и улыбнулась.

— Да, ничего страшного, — Симона не видел в этом опасности.

Возвращалась Анна с полной готовностью закончить этот цирк и поскорее. Ночной мрак окутывал её, когда она, словно тень, бесшумно скользила по небу верхом на своем драконе.

Звезды мерцали внизу, а ветер свистел в ушах, но Анна не обращала на это внимания. Её мысли были заняты предстоящей ночью, решением, которое она должна была принять, и последствиями, которые оно могло повлечь за собой.

Прибыв к знакомым очертаниям замка, она снизилась, стараясь привлечь как можно меньше внимания. Огромная тень дракона пронеслась над крышами, но никто, казалось, не заметил её.

Анна мягко приземлилась на своем балконе, служившем иногда ей входом, и мгновенно прошмыгнула в свою комнату, оставив позади дракона, который тут же растворился в темноте, словно его и не было.

Закрывая за собой дверь, Анна почувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий день, начинает спадать.

Она подошла к окну, вглядываясь в темный лес, раскинувшийся у подножия замка.

«Завтра полетим обратно, не хочу ждать. Ничего»

Она легла спать, но сон не спешил приходить. Тело, измотанное долгим путешествием и эмоциональным напряжением, требовало покоя, но разум продолжал бушевать, словно неукротимый шторм.

Воздух в комнате казался густым и тяжелым. Анна перевернулась на другой бок, пытаясь найти удобное положение, но каждая поза казалась неудобной, каждая мысль — мучительной.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на медленном, ритмичном вдохе и выдохе, надеясь, что этот простой акт физиологии сможет успокоить бурю в её душе.

На следующее утро, едва первые лучи солнца пробились сквозь оконные витражи, Анна уже стояла у постели Эми, её глаза горели решимостью.

— Пора лететь, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в её голосе звучала непоколебимая уверенность. Эми, ещё сонно моргая, кивнула, чувствуя, как пробуждается вместе с новой зарей.

Вместе, как всегда слаженно и без лишних слов, они вышли во двор, где их терпеливо ждали драконы. Оседлав своих верных спутников, девушки направились в сторону столицы.

По мере того, как они набирали высоту, Анна решила поделиться с Эми важной информацией. Она установила ментальную связь, и их мысли сплелись в единый поток.

«— Эми, — начала Анна, — я говорила с Раху вчера ночью. Мы пришли к соглашению»

Она подробно изложила суть их договоренности, рассказывая о рисках, о том, что предстоит сделать, и к чему это может привести. Эми внимательно слушала, её лицо отражало смесь удивления, осторожности и растущего понимания.

Разговор продолжался на протяжении всего полета, слова, мысли и эмоции переплетались, укрепляя их связь и подготавливая к предстоящим событиям.

Столица приближалась, её очертания становились всё более отчетливыми.

— Госпожа, вы прибыли. Как ваш отдых? Вас не было чуть больше недели, — слуга, что прикреплен к их драконам, явно был рад их возвращению.

— Да, Галий, мы задержались. Подскажи, император во дворце? — Анна решила не ждать обеда или вечера и найти его по возможности раньше.

— Госпожа моя, он в трапезной, завтракает, — Галий поклонился и ушел вместе с драконом.

Анна сказала Эми идти в свои покои, и позже она зайдет к ней, чтобы обсудить все детали. Эми, понимая важность момента, без лишних вопросов кивнула и направилась в свою спальню, оставив сестру одну.

А сама же Анна направилась прямиком в столовую, где завтракал император. Каждый её шаг по ослепительно белоснежному коридору эхом отдавался в непривычной тишине. Вдоль стен, словно безмолвные стражи, стояли величественные статуи из отполированного камня, каждая из которых, казалось, хранила в себе тайны веков.

Их холодные, немигающие взгляды провожали Анну, и она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой пройденной минутой.

Император, как и следовало ожидать, действительно завтракал в полном одиночестве, в огромной, залитой солнцем зале. Тяжелые дубовые двери распахнулись перед Анной, открывая вид на стол, заставленный изысканными яствами.

Филипп поднес ко рту чашу с вином, когда услышал шаги. Он поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Анны. В воздухе повисло недолгое молчание, наполненное ожиданием.

— Надеюсь, ты прибыла с хорошими новостями, — он сделал медленный глоток, — не вижу только мешка в руках. Он смотрел на Анну, ожидая ответа.

— Да, новости есть, но мешок? Зачем? — Анна не могла понять его слова.

— Как зачем? — Филипп поднял одну бровь в знак удивления, — Голову Зульфии ты в кармане принесешь?

Анна стояла как вкопанная, слова императора отдавались в ее голове зловещим эхом. Такой поворот событий она не могла предвидеть, даже в самых смелых своих предположениях. Все ее планы, вся подготовка — все рушилось на глазах, как карточный домик. Он хочет не просто убить Зульфию.

Эта мысль пронзила Анну, как ледяной клинок. Нет, это было нечто гораздо более жестокое, более изощренное: он хочет ее голову.

Голову Зульфии, чтобы Анна сама, своими руками, в мешке, принесла ее прямо в замок. Этот приказ звучал как приговор, как насмешка над всем, что Анна считала правильным. Ее сердце заколотилось в груди, словно испуганная птица. Это требование было немыслимым, чудовищным. Оно ставило ее перед невыносимым выбором: предать свои принципы или столкнуться с гневом того, кто обладал властью над ее жизнью и жизнью тех, кто ей дорог.

Белоснежные стены столовой казались, сжимались вокруг нее, превращаясь в стены тюрьмы. Статуи, молчаливые свидетели, теперь казались безжалостными судьями. Император, наблюдая за ее реакцией, казалось, наслаждался каждым мгновением ее замешательства. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка. Он знал, какую тираду он ей преподнес, и ждал, когда Анна, стиснув зубы, согласится. Он ждал, когда она исполнит его волю. Но Анна была не тем человеком, которого можно было легко сломить. В ее глазах, несмотря на шок, зажглась новая решимость — решимость найти выход, другую, более достойную дорогу. И теперь она осознала — обратной дороги нет, *теперь только хитрость.*

— Мой император, я прибыла сообщить лишь о дате и о некоторых моментах, связанных с нападением. Ведь я готовлюсь очень тщательно, чтобы отвести подозрение от вашей персоны, — Анна склонилась, скрыв свои глаза, полные ненависти.

— Да, понял я, что ты еще ничего не сделала, — он махнул рукой, — мне, честно, совсем плевать, когда и как ты это сделаешь. — Он встал, держа в руках чашу с вином, — Я лишь хочу, чтобы он, Томиас, и все они, эти Раху, захлебнулись в своей крови и слезах горя, — он сжал чашу, выплескивая капли вина на пол от ярости.

— Да, мой император, я готовлюсь совершить это действие 6 июня. С вашего позволения, я пойду готовиться, — она отклонилась и, не поднимая головы, вышла из трапезной. Анна поняла, что Филипп совсем погряз в своей ненависти.

Его искаженное сознание, отравленное ядом мести, не видело ничего, кроме желания уничтожить. Это открытие стало для нее горьким подтверждением правоты своих действий, но одновременно и толчком к ним. Теперь оставалось лишь продумать до мелочей тот день, когда справедливость восторжествует. Анна нашла двух солдат, которые, по ее мнению, могли стать надежными свидетелями, понятыми в тот момент, когда начнется нападение. Они были опытны, верны своим принципам и, что самое главное, не были связаны с интригами дворцовых раздоров. С их помощью Анна могла бы доказать свою правоту и обмануть Филиппа, чьи грязные игры зашли слишком далеко.

— Ты забрала тех двоих, зачем? — к ней подошел Лукас, он был не в курсе происходящего. Анна увела его на задний двор замка.

Они встретились на улице, вдали от посторонних глаз и ушей, и кабинет казался ей слишком официальным, слишком уязвимым местом для такого откровения.

Прохладный вечерний воздух приятно касался кожи, контрастируя с внутренним смятением, которое охватило ее. За спиной возвышались темные стены замка, его каменные стражи молчаливо взирали на происходящее.

Она кратко рассказала Лукасу о приказе императора. Каждое слово было взвешено, каждый намек на жестокость Филиппа был подчеркнут. Анна видела, как меняется выражение его лица, как нарастает ужас в его глазах. Она говорила о необходимости исполнения приказа, о последствиях отказа, о той бездне, в которую мог погрузиться каждый, кто встанет на пути у императора.

Лукас, услышав ее слова, молча опустился на корточки. Его сильные руки сжались, обхватывая голову, словно пытаясь удержать ее от того, чтобы она не раскололась от невыносимой боли. Он был человеком, который всегда остро переживал любые события, чья душа не знала полутонов. Сейчас он был в невероятном шоке, его глаза были широко раскрыты, а дыхание сбилось. Слова застряли в горле, не находя выхода. Он как будто потерял дар речи, захлебнувшись в волне эмоций, которые он не мог ни выразить, ни обуздать.

— И ты это будешь делать? — он взглянул на нее.

«Нет, ты что, я все продумала», — Анна рассказала про обман и про сговор с семьей Раху.

— Тебя казнят, — закончил Лукас, и поднялся с колен, — казнят — Резким движением он притянул ее к себе и прижал. Уткнувшись в её макушку, он начал вдыхать запах ее волос и слегка хлюпать.

Анна понимала его опасения, они вместе росли, тренировались, они были близки, хоть и далеки в профессиональных мирах. Она обвила его талию руками и уткнулась в плечо. Так они простояли некоторое время, пока он не отпустил ее. Отходя, он вытирал глаза и нос. Было видно, что он не на шутку испугался.

— Почему бы не убить его? — он выглядел уже куда более серьезно, предлагая такое.

— Тише, молчи, нет, — Анна закрыла его рот руками, — не сейчас. Возможно, когда-то она и будет готова пойти против него, но пока в ее жизни столько дорогих ей людей, которым он может причинить вред – она будет искать другие пути решения проблемы.

— Да прости, — Лукас взял руки Анны и уткнулся в них лицом, — делай как считаешь нужным, а мы, — он взглянул на нее, — я, Маркус и Эми всегда за тебя, — его слабая улыбка очень тронула Анну.

У нее были люди, что любили ее, и кого любила она. Только ради них она готова на многое.

Это был всего лишь 4 июня, до ***того дня*** *было меньше 48 часов*

Вечером пятого июня Анна отправила Руфи с письмом до замка. Она сообщала о своем прибытии и что всё идет согласно их плану. Руфи, словно тень, прибыла в замок и, отыскав Зульфию, передала свиток. Поклонившись, она попросила сберечь Анну по возможности и удалилась.

Симона и Зульфия были готовы спасти свои жизни и помочь Анне, чем могли. За день до этого они очень сильно отругали и, наказав сына отсылкой в воинскую часть, посчитали это его спасением, скрывая от возможного нападения на него. Их решение относительно сына было продиктовано родительской любовью и желанием защитить его от предстоящих опасностей.

Отправка в воинскую часть, казавшаяся суровым наказанием, на самом деле была лишь маскировкой, призванной увести его с пути тех, кто мог причинить ему вред. Никому, ни императору Эллиоса, ни слугам, ни детям — никому они не рассказывали о своем плане. В замке,

под покровом вечерних сумерек, царила напряженная тишина. Ожидание Анны создавало особую атмосферу, в которой сплетались страх и надежда. Зульфия, перечитывая строки письма, чувствовала, как сердце ее наполняется тревогой за юную леди. План, тщательно разработанный, казался теперь хрупким, как тончайшее стекло, готовое разбиться от малейшего неосторожного прикосновения.

Наступил день 6 июня. Анна не покидала своего кабинета, погруженная в изучение плана замка до мельчайших деталей. Каждый коридор, каждая комната, каждый потайной ход – всё было тщательно изучено и запомнено. Её ум работал как отточенный механизм, просчитывая возможные пути, точки соприкосновения и варианты развития событий.

После полудня она встретилась с Эми. Взмыв в небо, они направились к горным склонам, выполняя обеденный патруль на восточных кладках. Полет был стремительным, она пыталась делать вид, будто ночью ничего не произойдет. После патруля они прибыли только ближе к вечеру. Небо уже окрасилось в багровые тона, предвещая скорое наступление ночи. Усталость от долгого пути ощущалась в каждом движении, но времени на отдых было крайне мало. Через несколько часов должно было состояться их выступление в замок Раху.

Напряжение нарастало с каждой минутой, пропитанное ожиданием. Уже поздно вечером, когда последние отблески солнца покинули небосвод, она оповестила солдат. Её голос, усиленный магией, разнесся в их головах. Приготовления начались немедленно. Снаряжение проверялось в последний раз, оружие точилось до блеска, а боевой дух поднимался до предела. Каждый из них знал, что от их слаженных действий зависит успех миссии.

В тот вечер она отдала распоряжения друзьям. Эми было приказано оставаться в своих покоях. Для этого рядом с ней был поставлен Маркус, которому было велено неусыпно следить за ней и, в случае малейшей опасности, немедленно выступить на защиту. Лукасу также был дан приказ. Так как он был в замке по сей день, его задачей было убедиться, что никто, кроме тех, кто должен был отправиться в путь, не последует за ними. Он должен был внимательно наблюдать за каждым шагом, за каждой тенью, проверяя, не появился ли незваный "хвост", способный раскрыть их планы.

Сама Анна была готова к этой битве. Ночь, казалось, дышала предвкушением. Её сердце билось в унисон с приближающимся часом ее "*работки*". Она летела, и ее сердце сжималось от неприятного чувства. В воздухе витал призрак предательства, ощущение, что она обманывает своего императора, того, кому присягала на верность.

Авантюра, в которую она ввязалась, теперь казалась ей колоссальной ошибкой, глубокой трясиной, засасывающей все глубже.

Неужели это решение было настолько опрометчивым? Страх смешивался с горьким осознанием собственной беспомощности. Но что могла она поделать?

Филипп, чья воля была подобна камню, не намеревался слушать ни её, ни кого-либо другого. Его ненависть была непоколебима, а путь – уже намечен.

Медленно, словно призрачный силуэт, их отряд приближался к замку Раху. Контуры могучих стен вырисовывались на фоне ночного неба, маня и одновременно устрашая. Каждый взмах крыльев приближал их к цели, но и усиливал гнетущее предчувствие. Она чувствовала, как холодный ветер треплет её волосы, отчего по спине пробежали мурашки. Они летели на трех мелких земляных драконах, чья чешуйчатая шкура, подобно хамелеону, меняла цвет, сливаясь с окружающим пейзажем. Их полет был бесшумен, почти незаметен для тех, кто не знал, куда смотреть. Целью была одна из высоких башен замка Раху, укрытая в глубокой тени ночи.

Драконы, подчиняясь команде, ловко прицепились к шероховатым стенам, их тела, казалось, растворялись в темноте, становясь частью самой каменной кладки. Спустившись с высоты, она и двое её солдат мягко приземлились на пологие скаты черепичной крыши. Каждый звук был приглушен, каждый шаг выверен. Их целью было окно башни, темный проем, обещавший путь внутрь. Словно тени, они скользили по холодной черепице, их движения были

плавными и быстрыми. Одно мгновение — и они спрыгнули внутрь, исчезая во мраке коридора. Воздух внутри был спертым.

— Госпожа, вы чувствуете? Они закрыли все окна внизу, из-за этого такой тяжелый воздух, — один из солдат глубоко втянул воздух в легкие.

— Это единственное открытое окно, мы сможем выйти только через него. Надо сломать замок, — внезапно второй солдат резко оторвал щеколду на окне и выкинул её наружу. — Готово!

— Отлично, парни, у нас хороший путь отхода. Двигаемся дальше, — Анна боялась, что они заподозрят неладное из-за этих окон, потому решила сразу приободрить их, хотя ситуация была пустяковой.

Они двинулись вниз по винтовой лестнице, каждый шаг был бесшумен, будто они ступали по облакам. Спуск на первый этаж казался вечностью, наполненной ожиданием и напряжением.

Мысли Анны метались, прокручивая в голове каждую деталь плана, каждую возможную угрозу. Её солдаты, словно призрачные тени, двигались рядом, их фигуры растворялись в полумраке, сливаясь с тенями от массивной мебели, расставленной вдоль коридора.

Наконец, они достигли комнаты Зульфии. Дверь казалась приоткрытой ровно настолько, чтобы позволить им бесшумно проникнуть внутрь. Первыми вошли солдаты, их тела мгновенно нашли укрытие за высокими спинками кресел и тяжелыми занавесками. Они замерли, вслушиваясь в тишину, готовые к любой неожиданности. Анна последовала за ними, её движения были столь же плавными и осторожными. Как только она оказалась внутри, дверь медленно и бесшумно закрылась за ней.

— Кто здесь? — Зульфия встала с кровати, пытаясь выглядеть испуганной.

Анна дала сигнал солдатам, чтобы те не двигались, и решила разобраться с женщиной сама. Парни, будто приросшие к полу, все так же стояли в тени комнаты, лишь едва заметно кивнув в знак повиновения. Их молчаливое согласие было красноречивее любых слов; они доверяли Анне, знали, что её решения нельзя оспаривать. Анна, собрав всю свою решимость, слегка вышла из тени, демонстрируя свое присутствие. Её силуэт, окутанный неопределенностью полумрака, казался одновременно хрупким и угрожающим. Она сделала шаг вперед, и каждый миллиметр её движения был выверен.

Свет, падавший из окна, лишь подчеркнул её решительный взгляд, который теперь был направлен на женщину, стоящую напротив. Женщина, до этого момента казавшаяся спокойной, невольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд Анны. В воздухе повисло напряжение, густое и почти осязаемое. Казалось, само время замедлило свой ход, ожидая, что же предпримет Анна.

— Госпожа, рада вас видеть! — Вассилевски раскинула руки и присела в легком реверансе. — Я пришла навестить вас.

Зульфия старалась придерживаться плана, чтобы ненароком не выдать их сговор.

— Зачем ты прибыла, Анна, столь поздно ночью? Что-то произошло? — Зульфия встала и сделала шаг вперед, в сторону девушки.

— Нет, что вы, госпожа, я лишь хочу немного прояснить ситуацию, — Анна сделала ответный шаг вперед.

— Знаете, моё положение, будучи генералом армии и ближайшим советником императора Парга, очень пошатнулось, особенно после того прилюдного унижения моего брата, моего императора! — Анна слегка двигалась к центру комнаты, открывая себя сзади и по бокам для нападения Симона.

— Анна, вы о той ситуации на балу, — Зульфия театрально вскинула руки, прижимая их ко рту. — Мы всем нашим домом просим за это прощения у вас и у вашего *брата*! У

моего сына не было желания оскорбить императора Парга! Прошу прощения от его имени, — Зульфия слегка наклонилась, насколько позволяло её положение.

— Мне не нужны ваши извинения, мне нужна *месть*! — Анна резко бросилась в сторону Зульфии.

В этот момент сзади послышались хрипы солдат. Стража, охранявшая покои, ворвалась в комнату, скрутила их. Поверженные, они застыли на коленях, с трудом переводя дыхание. Анна не успела обернуться. Еще не осознав, что происходит, она почувствовала резкий удар по голове, затем – болезненный толчок под дых. Воздух вышибло из лёгких, и она, согнувшись пополам, упала на колени, инстинктивно обнимая живот. Не успела она прийти в себя от первой волны боли, как новый удар – наотмашь по лицу – отбросил её назад. Голова запрокинулась, перед глазами замелькали звезды, а мир на мгновение погрузился в гулкое эхо.

Анна стояла на коленях, крепко обнимая живот руками. Кровь, еще теплая и густая, стекала из носа, оставляя жгучий след на потрескавшихся губах. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, а мир вокруг расплывался в туманной дымке. Она пыталась собрать волю в кулак, но тело отказывалось подчиняться, скованное болью.

Внезапно её руки заломили назад с такой силой, что она вскрикнула. Жесткие ремни впились в запястья, надежно фиксируя их. И тут Анна ощутила нечто новое – тяжелое, давящее давление, словно невидимая цепь сжимала её голову и душу.

Они были в браслетах с обсидианом. Осознание этой детали пронзило её, как ледяной клинок. Обсидиан —камень, способный поглощать и блокировать магическую энергию. Она попыталась почувствовать свою силу, призвать даже крошечную искру, но всё было тщетно. Её магия, её единственное оружие, её суть — была заперта, подавлена.

Анна поняла, что оказалась в ловушке, полностью ощущая свою беззащитность. Эти юноши, что стояли навытяжку, словно солдаты армии, докажут её правоту.

— Ты думала, сможешь напасть, девчонка?! — Симона, что надел на неё кандалы, плюнул перед ней и толкнул Анну. Та упала на бок, прижимаясь щекой к холодному полу. — Вырубите этих двоих и выбросьте подальше от ворот этого замка, пусть их съедят волки, этих ***нелюдей***!

Солдаты стражи, подчиняясь бесстрастным командам, приступили к зачистке. Каждый из парней, что стояли в тени, получил сокрушительный удар по голове. Их тела, обессиленные, повалились на пол, словно мешки с песком, и сознание их померкло в одночасье. Тишину комнаты нарушало лишь глухое эхо ударов и тяжелое дыхание стражников.

Зульфия, наблюдая за происходящим, слилась с лунным светом и, медленно подойдя к Анне, чьё тело всё ещё было скрючено на полу, погладила её по щеке, шепча извинения. В её глазах читалось смирение и горечь. Затем, повернувшись к своему мужу, она кивнула и направилась к выходу.

Симона, не задавая вопросов, поднял свое оружие.

Последнее, что ощутила Анна, — это холодный, металлический привкус страха, смешанный со всепоглощающей тьмой. Удар пришелся точно в цель, и мир снова погрузился в небытие, на этот раз, казалось, навсегда. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редкими, приглушенными звуками шагов стражников, обходивших поверженных.

Её выбросили за ворота, на холодную, влажную землю. Тело, избитое и истерзанное, забилось о кочки, оставляя её лежать на поляне, усыпанной мягким, прохладным мхом. Каждый вдох был мучителен, каждый мускул тела кричал от боли.

Солдаты лежали чуть поодаль, раскинув руки в неестественных позах. Их лица, бледные и неподвижные, казались высеченными из камня. На первый взгляд, они не подавали признаков жизни: их грудь не вздымалась, из уст не вырывалось ни звука.

Она лежала, ощущая, как по телу разливается волна боли, пронзительной и обжигающей. К этому физическому страданию примешивалось острое, разъедающее чувство ***стыда***.

Стыда за свою слабость, за то, что позволила себе оказаться в таком положении, за то, что стала добычей.

Но сквозь пелену боли и унижения пробивалось иное, неожиданное чувство – ***торжество***. План, тщательно разработанный, рискованный, но все же выстроенный ею, оказался успешным. Они достигли цели, хоть и ценой её репутации и достоинства.

— Эх*, моя госпожа*, как же так, вас так сильно потрепало, — внезапно она услышала писклявый, незнакомый голос прямо над ухом. — Я вас отвезу домой, *милочка*. — Мгновение — и она оказалась на плечах у этого человека.

Мужчина, чье лицо утопало в тени, резким движением обнажил клинок. Холодный блеск стали на мгновение озарил поляну, прежде чем вонзиться в тело ближайшего солдата. Затем еще один, и еще. Звуки были короткими, заглушаемые лишь учащенным дыханием нападавшего и предсмертными хрипами его жертв.

Анна, парализованная болью, видела всё как в тумане.

Глава 8. Слепой свет залы

Дальше события развивались стремительно, словно в лихорадочном сне. Она почувствовала, как её подхватили руки, как невесомо тело взмыло в воздух. Огромные крылья затрепетали над головой, рассекая холодный воздух, и земля стремительно удалялась. Ощущение полета на спине дракона, несущего её сквозь ночную мглу, — чужого дракона.

Приземление было столь же стремительным, сколь и полет. Её почти волоком доставили к назначенному месту. Анна видела, как к ней спешат лекари их башни, с суетой готовясь оказать помощь. Но их оттеснили. Суровые лица стражей, облачённых в тёмные доспехи, преградили им путь. Лекарям не дали дотронуться до неё.

Последнее, что Анна помнила отчётливо, — это как её, совершенно обессиленную, стражи схватили за руки. Её волокли по каменным плитам, вниз, в сырую, промозглую темноту. Дверь с грохотом захлопнулась над головой, отрезав последние лучи света. Она оказалась в полной темноте, в тесной, без окон и света яме, где единственным её спутником оставался запах плесени и отчаяние.

Её тело было избито, каждый мускул пульсировал от боли. Тяжёлые оковы на запястьях, тугие и беспощадные, не давали ей даже возможности прийти в себя, они подавляли любые её желания использовать магию. Всю ночь, а может, и несколько ночей, слились в одно бесконечное, тягучее полотно хаоса. Сон не приносил облегчения, лишь погружал в кошмарные видения, где реальность и вымысел переплетались в непроглядный клубок.

В голове царило полное забвение, мысли путались, теряя свою форму и смысл. Было ли это сон, или её разум медленно угасал под тяжестью обсидиана? Время потеряло всякое значение. Её не кормили. Никто не приходил. Тишина, нарушаемая лишь собственным учащённым дыханием и отдалённым эхом шагов где-то снаружи, стала её единственным спутником. Несмотря на гнетущую пустоту и физические страдания, она смутно ощущала, как дни стремительно летят.

Внезапно, сквозь толщу тьмы, пробился свет. Редкий, слабый, но неоспоримый. Анна замерла, пытаясь понять, что это – новый обман или истинное спасение. Вскоре послышались шаги, приближающиеся к её темнице. Грубые руки схватили её, выдирая из сырой земли, и снова потащили. Но на этот раз коридор был иным – светлым, выбеленным, словно ведущим из иной реальности. Мучительно медленно, но неуклонно, она двигалась по этому свету, который становился всё ярче, пока, наконец, не вывел её в главное помещение замка.

Зала была огромной, сияющей величием. В центре, на возвышении, восседал он, Филипп. Его взгляд, прямой и пронзительный, казалось, видел её насквозь. А вокруг него, полукругом, стояли её люди. Её верные воины, ёесоветники, те, кто ещё недавно боролся вместе с ней. Стояли Эми, Маркус и Лукас. Они все были в той толпе. Они смотрели на неё с тревогой, с надеждой, с немым вопросом в глазах.

Эми, вне себя от отчаяния, ринулась к Анне, но Маркус, крепко обняв её, не дал ей сделать и шага. Его успокаивающие слова, тихий, но твёрдый голос, позволили Эми немного прийти в себя, хотя слёзы по-прежнему текли по её щекам. Лукас, не обращая внимания на собравшуюся толпу, медленно приближался к Анне. Он обходил людей, его взгляд был прикован к ней, словно в зале существовала только она. Каждый его шаг был выверен, наполнен скрытым напряжением.

Анна, всё ещё на коленях, чувствовала, как свет ослепляет её. Белый, яркий свет главного зала казался невыносимым после долгих ночей в непроглядной тьме ямы. Она щурилась, пытаясь различить лица, пытаясь понять, что происходит.

Вот он, Лукас, подошёл совсем близко. Теперь она могла видеть его взгляд – глубокий, словно бездна, в котором смешались боль, гнев и что-то ещё, не поддающееся расшифровке.

Она видела, как Эми, стоящая рядом с Маркусом, не перестаёт плакать, её плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. А там, вдалеке, на троне выше всех, сидел Филипп. Его поза была вызывающе горделивой, а взгляд, направленный на Анну, был наполнен презрением.

Рядом с Императором стоял мужчина, чьё лицо было скрыто в тени глубокого капюшона. Он изредка шептал что-то на ухо своему господину, его голос звучал как тихий шелест сухих листьев. Император, выслушивая его, едва заметно кивал, его взгляд оставался уверенным и спокойным, словно он уже принял решение, прежде чем услышал совет.

Лукас остановился в нескольких шагах от Анны. Его глаза, полные сложной гаммы чувств, встретились с её. В них читалась невысказанная боль, гнев, который он старательно подавлял, и, возможно, проблеск надежды. Он видел её состояние – избитую, скованную, но не сломленную. Это противоречие, эта тихая стойкость в её глазах, казалось, вызывали у него противоречивые эмоции.

Эми, чьи рыдания стали чуть тише, наблюдала за этой сценой с замиранием сердца. Каждый взгляд, брошенный Лукасом на Анну, отзывался в ней новой волной страха и сострадания. Она видела, как Филип, сидящий в стороне, искоса смотрит на Анну, его губы сложены в презрительную усмешку. Этот взгляд, полный высокомерия и явного превосходства, был не менее ранящим, чем физические удары, которые перенесла Анна.

— Анна! Я так рад тебя снова видеть! И ты в такой приятной позе, — Филипп начал хохотать. Толпа советников, боящаяся императора, начала гоготать вместе с ним, все, кроме её друзей.

— Это всё, конечно, смешно, — продолжил император. — Но, Зигги, — он указал на мужчину в капюшоне, — многое мне рассказал о ***твоей верности, генерал.***

«Он знает? Он следил за мной? Но как?!»

Мужчина в капюшоне, чья фигура до этого момента оставалась в тени, медленно двинулся к центру залы, прямо к Анне. Его шаги были тихими, почти неслышными, словно он плыл над каменным полом. Приблизившись, он остановился и, под пристальными, любопытными взглядами собравшихся, решительно снял капюшон.

Анна, всё ещё щурясь от яркого света, наконец смогла рассмотреть его лицо. Неприятные черты искажались странной, неуловимой схожестью с грызуном. Его нос был маленьким и подвижным, постоянно дёргающимся, словно уловив мельчайший запах. Глазки, глубоко посаженные, блестели живым, настороженным блеском, словно у крысы, всегда готовой к бегству или нападению. Тонкие губы складывались в подобие улыбки, обнажая мелкие, острые зубы.

Во всей его внешности читалось что-то неуловимо хищное, что-то, что заставляло инстинктивно насторожиться.

Он подошёл к Анне вплотную. Не говоря ни слова, он дёрнул её за плечо, с силой толкнув. Инерция и слабость тела сделали своё дело – Анна, не удержавшись на ослабевших ногах, упала на бок, её тело вновь распласталось на холодном полу.

— Господа! Я рад перед вами предстать! — он демонстративно поклонился, поворачиваясь вокруг себя на носочке. — Ваш всемилостивый император пригласил меня из дальней страны, дабы я помог ему удостовериться в верности вашего генерала! — он говорил так громко, что у Анны заложило уши.

— У нашего великого императора появилось подозрение, и я должен был его опровергнуть или подтвердить! И я его подтверждаю! Аннастасия Вассилевски, генерал армии Парга, ***предатель***! — он вскинул руки и задрал голову, восхищаясь самим собой.

— Чушь! Не может быть такого, Анна — верный подданный! — Эми вырвалась из рук Маркуса и упала рядом с Анной, закрывая её своим телом. — Это вы устраиваете цирк! — она смотрела на него исподлобья.

— Эми — Анна подала голос, у неё не было сил. Замок из обсидиана забрал все её жизненные силы. — Беги, не будь здесь, — она прошептала, и приступ кашля захватил её.

— О боги, госпожа, вы верно сказали: она ***была*** верным подданным, пока не решила, что она сильнее, авторитетнее и умнее нашего великого императора! — он зло взглянул на Эми и приказал связать её. — А вы, верно, сестра предательницы, ***тоже предательница!*** — он ликовал.

Солдаты, действуя быстро и слаженно, резко окружили дрожащую Эми. Одна короткая, но сильная рука выдернула её от Анны, вторую, схватив за локоть, подтолкнули вперёд. Её попытка сопротивления была тщетной – воины, облачённые в тёмную сталь, были непреклонны.

Эми, сбившаяся с ног, оказалась повержена на колени. Холодный камень обжёг её кожу сквозь тонкую ткань одежды. Прежде чем она успела осознать происходящее, тяжёлые, сковывающие движения цепи с лязгом сомкнулись вокруг её запястий, а затем и лодыжек.

Звон металла по полу гулко разнёсся по залу, заглушая всхлипывания Эми, которые теперь вырывались из её груди всё громче и жалобнее.

Её тело, скованное и неподвижное, отказывалось подчиняться. Страх, холодный и липкий, сковал её изнутри, лишая возможности здраво мыслить. Однако она подняла голову, не показывая его. Её взгляд, гордый и непоколебимый, смотрел прямо на Зигги.

Император, всё ещё восседающий на троне, даже не повернул головы. Он слушал своего наёмного человека и жаждал продолжения представления.

Лукас, чьё лицо выражало сложную гамму чувств, теперь отвернулся, будто не в силах вынести эту сцену. Лишь Маркус, стоявший чуть поодаль, бросил на неё быстрый, полный скорби взгляд. Они знали: всё может разрешиться, но их слова – пустой звук, они никто в этом сражении. Их сила ничтожна перед силой ***лжи***.

— И как вы объясните свои слова, господин? — один из советников подал голос.

— Ах, конечно, продолжу, — Зигги повернулся спиной к Василевски и начал снова говорить. — Моё задание было простым: я должен был быть тенью Анны и следить за её действиями. Спустя время слежки я понял: она сговаривается с нашими врагами, с этими Раху, что посмели оскорбить нашего императора своими грязными языками! — Зигги производил очень сильное впечатление на советников, те кивали и соглашались с его словами.

Но он всё не замолкал:

— В одну из ночей я проследил за Анной и был свидетелем их сговора с Симоном Раху и его супругой! Они готовили план против нашего императора! — советники внезапно начали шептаться. — Я незамедлительно направился к моему господину и всё доложил как есть!

Филипп, не двигаясь, восседал на троне. Его взгляд, спокойный и оценивающий, скользил по присутствующим, пока он кивал каждому слову мужчины в капюшоне. Прохвост, как его внутренне окрестила Анна, вещал с убедительностью искусного лжеца, плетя паутину из полуправд и откровенной лжи.

Он говорил о «сговоре», о «предательстве», о «скрытых мотивах», умело выдергивая обрывки известных фактов и перекраивая их под свою выгодную историю. Анна знала, что сговор был, но детали, истинные цели и истинные виновники – всё это оставалось погребённым под слоем интриг и манипуляций.

Этой показательной игрой, этим фарсом, Филипп добивался лишь одного: настроить весь совет против неё.

Каждое слово прохвоста, подкреплённое кивками императора, словно вбивало новый гвоздь в гроб репутации Анны. Советники, ещё недавно проявлявшие к ней нейтралитет или даже осторожную симпатию, теперь отводили взгляды, их лица выражали осуждение. Шепот недовольства заполнил зал, становясь всё громче и настойчивее.

Анна чувствовала, как холодный страх охватывает её. Она была одна, окружённая врагами, и впутывать больше она никого не хотела.

«Отвечу за свои дела одна».

Зигги, с ядовитой улыбкой, продолжал свой разгромный манифест. Каждый его акт, каждое слово, сказанное им, было выверено, несло в себе вес неопровержимых доказательств. Он говорил о предательстве Анны, его голос звенел от фальшивого негодования, когда он вываливал на всеобщее обозрение целый ворох фактов.

— Каждое её дыхание, каждый её шаг, — шипел он, — были под моим неусыпным контролем. Я был тенью, что следует за ней по пятам, второй кожей, что ощущает каждое биение её сердца. Я видел всё. Я знаю всё.

И он действительно знал. Каждый день он неустанно собирал информацию, кропотливо складывая паутину улик и данных. Он фиксировал её встречи, записывал её разговоры, анализировал её решения.

Его мозг, острый и неумолимый, работал как идеальный механизм, перерабатывая потоки информации, ища слабое звено, момент, когда можно было бы нанести решающий удар. И сейчас, в этом зале, под сводами замка, он наконец-то наносил этот удар.

Он методично, деталь за деталью, разбирал каждое действие Анны, переворачивая его с ног на голову, выставляя в наихудшем свете. Его слова, подкреплённые неоспоримыми, как казалось, доказательствами, били по ней, словно кнут.

Анна, сидящая на коленях, видела, как глаза советников всё чаще обращаются к ней с осуждением, как сжимаются кулаки верных ей людей. Зигги, играя свою партию, медленно, но верно, топил её в этом море собранных им улик.

— Достаточно, Зигги, ты хорошо постарался, — Филипп остановил своего наёмника, подняв руку. — Я достаточно услышал, да и увидел тоже. — он прищурился. — Не вижу мешка, Анна.

«Он не говорил про свой приказ, он выдал всё так, будто я просто предатель!»

Она осознала: они выдают всё так, будто сами не причём.

Филипп продолжал:

— Что ж, дорогие присутствующие, верно, вы уже многое услышали, да и ваше мнение мне безразлично. — он сплюнул прямо в тронном зале на белую плитку. — Долго размусоливать не будем, тут и так всё ясно. Анна сговорилась против нашей империи с семьей Раху, чтобы свергнуть меня с престола, и вчера ночью мой помощник нашёл её именно в их дворце!

Зигги одобрительно кивал. По толпе советников пронесся шепот, набирающий силу, подобно надвигающейся буре. Голоса, обычно приглушенные опаской или подобострастием, теперь звучали с оттенком либо восхищения, либо сдерживаемого ужаса.

Одни, склонив головы, возбужденно перешептывались, их глаза горели от возбуждения. В их словах слышалось восхищение смелостью, граничащей с безумием; они верили каждому слову императора и крыса — Зигги.

Другие же, напротив, проявляли явное несогласие. Их брови были сдвинуты, губы сжаты в тонкую линию. В их шепоте слышалось опасение, предостережение, попытка остудить пыл императора. Они видели не возможности, а бездну, пропасть, в которую могло унести их империю.

Для них это было безрассудство, оскорбление здравого смысла, которые они не могли контролировать.

Между этими двумя крайностями, казалось, пролегала невидимая, но ощутимая пропасть. Воздух наполнился напряжением, атмосфера сгустилась. Разлад, тихий, но глубокий, начал разделять некогда единый совет.

Император, казалось, не замечал или игнорировал это растущее разногласие, уверенный в своей правоте, устремленный к своей цели.

— Ваше Императорское Величество, и как же намерены поступить с Анной? — советник, находившийся в стане несогласных, подал голос.

Филипп потер руки и направился прямо к лежащей Анне.

— А я решил уже, — он присел на корточки, поворачивая ее к себе, чтобы их глаза встретились. — Как мы поступаем с предателями? — он взглянул на Эми, та молчала.

И тогда он спросил громко и четко, обведя всех присутствующих в зале взглядом:

— КАК МЫ ПОСТУПАЕМ С ПРЕДАТЕЛЯМИ?! — все советники резко отошли на шаг назад, подальше от безумного императора, и внезапно в толпе послышался голос.

— ***Казним*** — это был советник из семьи Брэви, мелкий торговец, но за свое время они достаточно накопили средства и поднялись до придворного статуса.

По толпе прошелся гул, словно раскат грома, прокатившийся по затихшему залу. Слова, произнесенные вслух, повисли в воздухе, тяжелые и зловещие:

— Казнить? Как казнить Анну? — эхо этих слов, казалось, ударило каждого в грудь, вызывая дрожь и недоумение.

Лукас и Маркус, стоявшие уже вместе, побледнели. Их прежде уверенные лица исказились ужасом, а глаза, полные немого вопроса, метались в поисках хоть какого-нибудь объяснения. Не раздумывая, они ринулись вперед, локтями расталкивая остолбеневших придворных, словно стремясь добраться до самого источника этого кошмара, предотвратить немыслимое.

Тем временем, высоко над всем этим, на балконе, почти у самой крыши, притаилась Руфи. Она, словно тень, скрывалась в глубокой тени массивной колонны, наблюдая за разворачивающейся драмой. При этих словах она тихо заплакала, слезы, неся облегчение горю, катились по щекам, но не могли заглушить клубящийся в душе страх.

Рядом с Анной, стоявшая на коленях, Эми широко раскрыла глаза. Ее взгляд, застывший и испуганный, казалось, не мог поверить услышанному. Ужас, ледяной и всепоглощающий, сковал ее.

— Ваше Величество, — голос раздался из глубин толпы, сильный и уверенный, несмотря на дрожь, пронзившую воздух, — позвольте мне высказаться.

Кавия, старейшая из советников, известная своей мудростью и непоколебимой преданностью, шагнула вперед. Ееседые волосы были собраны в строгую прическу, а глаза, несмотря на возраст, горели непокорным огнем.

— Анна невиновна! — продолжила она, и каждый слог ее звучал как удар молота. — Ее обвиняют в том, чего она не совершала. У вас есть доказательства? Есть свидетели, чьим словам можно верить? Или это лишь сплетни, рожденные завистью и интригами? Я знаю Анну много лет, и она никогда не склонилась бы к предательству. Такая казнь будет преступлением против самой справедливости!

— Глупость! — донесся резкий ответ с другой стороны. — Ее амбиции затмили разум. Она сама виновна в своем падении.

Но Кавия не отступала.

— Смертная казнь — это крайняя мера, Ваше Величество. Неужели мы, как цивилизованная империя, опустимся до такого варварства? Есть другие способы наказать, если она виновна. Отправить в ссылку, лишить титула но кровь? Нет, это недопустимо! Она же ваша сестра!

— Молчи, старуха! — Филипп вскочил со своего трона. — Она не сестра мне, она предательница! Против самой империи, против ***меня***!

Тишина повисла снова, но теперь она была наполнена напряжением. Слова Кавии, казалось, нашли отклик в сердцах многих, но взгляд императора оставался неподвижным.

Филипп снова сел, расправив свою мантию, глубоко выдохнул. Он не стал продолжать диалог со старой советницей, не стал вступать в дальнейшие дебаты. Словно решение, принятое им, было высечено в камне, не подлежащее обсуждению.

— Господин, а что будет с Эмильдой, она сильный воин! — Лукас подал голос, пытаясь спасти хотя бы кого-то.

— Ах, эта, — Филипп подошел. — Наглая и надменная. Сделай попроще лицо, девчонка, — он толкнул Эми, та, пошатнувшись, чуть не упала, но смогла удержаться на коленях. — Она сестра предательницы. ***Казнить их обеих, чтобы их кровь стерлась с нашего континента, чужачки!***

Филипп оставил всех в зале, словно грозовая туча, предвещая бурю. Тяжесть его взгляда, казалось, давила на присутствующих, заставляя их потупить взор. Перед уходом он приказал готовить центральную площадь для казни. Слово это прозвучало как приговор, эхом отразившись в тишине опустевшего тронного зала.

Советники, их лица исказились от ужаса и сострадания, поспешили уйти. Они не могли, не смели смотреть на Эми и Анну, сжимавших кулаки в безмолвном отчаянии, их судьба, казалось, уже предрешена. Стража, безликая и бесстрастная, вывела всех остальных, оставляя в зале лишь печать неумолимой воли короля.

Эми и Анну бросили в темницу, каждую в свою, изолируя их друг от друга. Мрак обволакивал их, а холод камня проникал до костей. Но хуже холода были оковы.

Замки с обсидианом, тяжелые и безжалостные, так и остались на их руках, напоминая о несправедливости и приближающемся роковом часе.

В тот же день, в день принятия решения о казни, не теряя ни минуты, начались приготовления. Воздух столицы наполнился суетой и тревожным предвкушением. Со всех сторон в город везли массивные бревна, грубо отесанные, они складывались в будущий эшафот. Привозили и другие подручные материалы – веревки, факелы, бочки с горючим. На городских площадях, словно черные пауки, раскинулись веревки, готовясь к зловещей пляске.

Но девушки, заключенные в сырых подземельях, не знали ни о мрачных планах, ни о приготовленных для них орудиях смерти. Они сидели в своих темницах, разделенные каменными стенами и молчанием.

Горожане столицы, привыкшие к размеренной жизни, не могли понять, что же произошло. В воздухе витало напряжение, словно перед грозой, но причина его оставалась скрытой. И вот, когда тур, величественный и грозный, своим трубным гласом объявил о приговоре, вынесенном девушкам, город словно взорвался.

Слова глашатого, холодные и безжалостные, пронзили толпу. Кто-то, не в силах сдержать рыдания, залился горькими слезами, оплакивая несправедливость. Другие, охваченные яростью, кричали, требуя объяснений, их голоса сливались в разъяренный хор. Несколько самых отчаянных, не веря в услышанное, даже кинулись на солдат, пытаясь вырваться из кольца оцепления, но их тут же схватили, подавляя любое сопротивление.

Народ был единодушен в своем негодовании. Каждый, кто слышал приговор, был против. Они не могли смириться с тем, что произошло. В их сердцах затаилось глухое подозрение – их король, Филипп, тот, кто всегда был мудр и справедлив, обезумел.

Что могло заставить его вынести столь жестокий приговор двум невинным девушкам? Этот вопрос, как ядовитое жало, впивался в сердца горожан, заставляя их искать ответы, которые, казалось, были погребены вместе с последней надеждой.

Пленницы не знали, сколько дней прошло с тех пор, как их заточили. Время в этой сырой, холодной земле текло иначе, растворяясь в безликих сутках, наполненных лишь отголосками шагов стражи и скрипом ржавых цепей.

Анна, несмотря на ослабление сил, потихоньку пыталась восстановить свою манну – тонкую, едва уловимую нить, соединяющую её с миром и позволяющую черпать из него энергию. Но оковы с обсидианом, казалось, активно сопротивлялись этому процессу. Темницы, в которых они томились, источали гнетущую ауру, словно впитывая в себя все светлое и жизненное, иссушая даже саму надежду. Каждый вечер, когда последние лучи солнца, пробивавшиеся сквозь крошечные, забранные решётками окошки, угасали, Анна чувствовала, как ее силы уходят, как некогда могучий источник иссякает.

Наконец, за ними пришли. Тяжелые шаги застучали у самой двери, предвещая конец неизвестности. Два солдата, закованные в сталь, с серыми, непроницаемыми лицами, грубо распахнули дверь, выбивая из нее остатки вчерашней тишины. Они вывели их из тьмы темницы на улицу, и ослепительный свет полуденного солнца ударил в глаза, заставляя жмуриться. Воздух, наполненный запахами пыли, раскаленного камня и чего-то еще – живого, дышащего – казался нереальным после затхлого плена.

Их вели на главную площадь. Волокли, если быть точнее. Стражники не церемонились, их грубые руки сжимали плечи, толкая вперёд. Каждый шаг по раскаленным камням площади отдавался болью.

Вокруг стояла огромная, бесконечная толпа. Ее лица расплывались в нечёткие пятна, голоса сливались в единый гул, словно океан, ревущий у самых ушей. Казалось, вся жизнь города стекалась сюда, наблюдать за их унижением, за их казнью.

Девушек, ещё не успевших прийти в себя от внезапного света и шума, рывками подняли на ноги. Не давая ни секунды, чтобы осмотреться, чтобы осознать происходящее, их мгновенно разделили. Резкие, сильные руки оттянули Анну от Эми, оборвав последнюю ниточку зрительного контакта.

Анна едва могла различить силуэты людей, искаженные бликами слепящего солнца, отражающимися от каменных мостовых и белых стен зданий. Голова кружилась, мир вокруг превратился в хаотичное нагромождение красок и звуков.

Эми уже увели. Её потерянная, испуганная фигура мелькнула в толпе и исчезла, словно призрак. Анна осталась одна.

Внезапно, словно черная тень, прорезавшая ослепительный день, на помост вышел Филипп. На его лице играла самодовольная улыбка, глаза горели нездоровым блеском гордости и злорадства. Сегодняшний день был для него особенным – днём триумфа, днём, когда он наконец сможет насладиться зрелищем расправы над теми, кого считал предателями.

Он поднял руки, призывая к тишине, и толпа, до этого гудевшая, затихла, напряжённо вслушиваясь в слова своего правителя.

— Доброго дня, верные подданные! – пророкотал его голос, усиленный эхом площади, – сегодня мы собрались здесь, чтобы совершить великое правосудие! Мы видим, как зло пытается проникнуть в наши сердца, как предательство подрывает основы нашего мира. Но мы не позволим этому случиться! Предатели получат по заслугам своим, их деяния будут наказаны, а наша империя очистится от скверны!

Его слова потонули в неодобрительных криках толпы. Но Филипп их не слушал, он наслаждался этим моментом, ощущая власть, струящуюся от каждой души, обращённой к нему. Он зачерпнул ладонью воздух, словно собирая всю эту энергию, и затем, словно бросая вызов, властно махнул рукой в сторону.

Именно в этот момент Анна увидела, как Эми грубо начали привязывать к столбу. Её глаза, полные ужаса, встретились с взглядом Анны на долю секунды, прежде чем их снова разделила плотная стена любопытных тел. Сердце Анны сжалось от отчаяния.

— Ты будешь вторая, – Филипп обошёл её сзади и шептал на ухо своим мерзким голосом, – сначала ты увидишь, как она ***сгорит***, потом я закончу и с тобой, *девка*, – он плюнул прямо под ноги Анны и ушёл ближе к костру.

Эми стояла у столба, её тонкая фигура казалась ещё более хрупкой на фоне грубой древесины. Внизу, у основания столба, была сложена копна сухого сена – предвестник скорого и мучительного конца. Она не произнесла ни слова. Ни мольбы, ни проклятия не слетело с её губ. Лишь тихое, глубокое дыхание нарушало звенящую тишину, обволакивающую её.

В её глазах, обращённых к небу, не было страха, но была печаль. Печаль о несбывшихся мечтах, о короткой жизни, оборванной так безжалостно. Она ждала, ожидая, когда пламя охватит подложенное сено, когда жар приблизит неизбежное.

В этот миг к ней подошел Филипп. Он возвышался над ней, словно надменный судья, готовый вынести свой вердикт. Его голос, властный и полный ярости, разнёсся над площадью, наполняя воздух грозными интонациями.

Он говорил о её предательстве, о её низости, о том, как она посмела встать против него, против своего императора, сговорившись со своей сестрой. Его слова были ядовитыми стрелами, призванными унизить и сломить её до того, как огонь сделает своё дело.

Закончив свою гневную речь, он взмахнул рукой, словно отдавая последний, решающий приказ. По его знаку двое слуг, державших факелы, ринулись вперёд, поджигая сухое сено у основания столба.

Языки пламени с шипением взметнулись вверх, окутывая Эми жарким, удушающим кольцом.

Анна смотрела, не в силах поверить в происходящее. Её собственная глупость, её попытка обмана, то, что должно было стать спасением, теперь отнимало единственное родное существо – её сестру. Это было немыслимо, чудовищно.

С криком, полным отчаяния и боли, Анна упала на колени. Слёзы хлынули из её глаз, обжигая щеки, смешиваясь с пылью и грязью площади. Её тело сотрясалось от невыносимого горя. Она видела, видела своими глазами, как пламя неумолимо пожирает Эми. Она слышала приглушённые крики, доносящиеся сквозь треск огня, видела, как извивается в агонии её сестра.

Эми умирала на глазах старшей сестры, той, что клялась защищать её всегда. Эти слова, эти обещания теперь казались насмешкой над самой жизнью, над самой смертью. Каждая новая вспышка огня, каждый новый крик Эми был ударом по сердцу Анны, разрывающим его на части.

Мир вокруг сузился до этого пылающего столба, до этой ужасающей картины, которая навсегда останется выжженной на её душе.

Анна не выдержала. Боль, ярость, отчаяние – всё это смешалось в ней, вырываясь наружу с неистовым криком. Поток её ауры, до этого сдерживаемый, теперь вырвался наружу с невероятной силой, словно разорвавшаяся темница.

Она выгнулась, почти падая, но выставляя себя навстречу своей магии. Вся площадь моментально окуталась плотной, алой дымкой. Это была не просто дымка, а концентрированная энергия, сила, что не могла быть обуздана. Сила обсидиана, которую Филипп использовал, чтобы подавить её, оказалась бессильна перед натиском её магии. Каменные оковы, сковывавшие её, лопнули с треском, рассыпавшись осколками.

Внезапно, когда она уже начала чувствовать подобие свободы, она ощутила резкий удар по голове. Мир померк, и она снова рухнула в темноту, на этот раз беззвучно.

— Приходи в себя, девка, – Филипп толкнул её ногой, и Анна начала приходить в себя.

Она очнулась, вновь стоя на коленях, но на этот раз под открытым небом, среди равнодушных лиц. Холодный камень давил снизу, и она почувствовала, как на её затылок, прижатый к земле, покоится что-то тяжёлое и холодное. Осознание пришло не сразу, лишь когда она услышала скрип кожи и лязг металла.

Перед ней, словно оживший кошмар, стоял Филипп. В его руке был клинок – широкий, тяжёлый, предназначенный не для боя, а для казни. Блеск стали отражал безжалостное солнце, и Анна почувствовала, как страх, до этого парализовавший её, снова начал сковывать тело. Он стоял рядом, его лицо искажено торжеством, готовый завершить начатое, стереть её с лица земли.

С последним вздохом, словно собрав всю оставшуюся волю, Анна подняла голову. Её взгляд устремился на клинок, затем метнулся к Филиппу. В её глазах не было мольбы, лишь тихое, горькое понимание. Вокруг, казалось, время замерло.

Толпа, ещё секунду назад ревевшая, теперь затихла, ожидая кровавого конца.

— Ой, ты очнулась, – он погладил её волосы клинком, – раз ты теперь видишь меня и видела конец своей сестры, – он указал острием на костёр, где ничего не осталось, только кучка пепла, оставшаяся от Эмильды.

Он продолжил:

— Тогда смотри дальше, – он приказал своим стражам, – переверните её лицом вверх, чтобы она видела, как я заношу клинок!

Стражи безмолвно выполнили его приказ. Теперь она лежала на спине, смотря в небо, где когда-то летала вместе со своей сестрой, где они дурачились, учились читать мысли друг друга, ругались и любили друг друга.

Она хотела закрыть глаза, не видеть, как он убивает её. Хотела погрузиться в спасительную темноту, чтобы не ощущать ужаса, не чувствовать предсмертной боли. Но потом, в последний миг, последнее воспоминание об Эми, о её стойкости, о её последнем взгляде заставило её передумать.

Нет. Она будет смотреть. Будет смотреть ему в глаза, прямо в эти полные злобы и триумфа глаза. Покажет ему, что его власть имеет пределы, что её нельзя сломить. Пусть видит, что даже перед лицом смерти она останется непокорённой. Эта мысль, словно холодный огонь, разожгла в ней новую силу.

Филипп подошёл вплотную, его тень накрыла её, став предвестником неминуемого. Он поднял клинок, тяжёлый, отполированный, чтобы одним ударом закончить эту казнь.

Анна видела стальное лезвие, отражавшее тусклый свет, видела, как оно заносится над её головой. Медленно, с наслаждением, он наносит удар.

Она видела, как лезвие скользит по её шее, ощущая лишь мгновенный, ослепительный холод. В последний миг, прежде чем мир окончательно померк, она увидела его улыбку – широкую, самодовольную, улыбку победителя.

Толпа, до этого наполненная негодованием, замерла в жутком молчании. Страх, холодный и липкий, сковал каждого, кто стоял на площади. Их великий генерал, символ их силы и безопасности, теперь должен был умереть.

Филипп, с триумфальной ухмылкой, занёс клинок во второй раз. Резкое движение, и голова Анны, окровавленная, с широко открытыми, остекленевшими глазами, покатилась по ступеням, вниз, прямо к ногам ошеломлённых горожан.

В тот же миг тишину разорвали пронзительные визги. Женщины, увидев отрубленную голову, закричали в ужасе и бросились врассыпную, толкаясь и спотыкаясь в паническом бегстве. Мужчины, хоть и сдерживались, отшатывались назад, не в силах отвести взгляд от жуткого зрелища.

Голова, сохранившее выражение лица, с открытыми глазами, лежала на раскалённой площади. Она смотрела прямо в душу каждого, кто осмеливался взглянуть на неё, неся в себе эхо боли и несправедливости, осуждение для тех, кто позволил этому случиться. Она лежала отдельно от тела – немой свидетель чудовищного предательства.

Филипп, словно дикий зверь, наслаждался произведённым эффектом. Его взгляд, полный безумия и триумфа, обвёл дрожащую толпу. Ещё мгновение назад они ненавидели его, а теперь, увидев его истинное лицо, боялись. Это было то, чего он жаждал – абсолютная власть, страх, который станет его верным спутником. Он поднял окровавленный клинок, закинув его за голову, словно трофей.

Но среди всеобщего ужаса, где-то в глубине площади, послышался другой звук – тихий, но настойчивый. Это был голос, который не подавлялся общим страхом. Пение. Медленно, словно пробуждаясь от кошмара, люди начали прислушиваться. Песня была печальной, но в ней звучала сила, пробивающаяся сквозь отчаяние. Она говорила о потерянной надежде, о сломленной храбрости, но также о том, что даже в самые тёмные времена остаётся искра непокорности.

Пение становилось громче. Несколько человек, сначала робко, потом всё увереннее, присоединились к голосу. Их взгляды, ещё недавно полные ужаса, теперь обратились к Филиппу с новой решимостью. Это был не бунт, не восстание, а тихое, но мощное проявление сопротивления. Они не могли сражаться с ним оружием, но они могли отказать ему в его главном желании – в абсолютном страхе.

Филипп почувствовал, как его триумф ускользает. Страх, который он так ценил, начал таять под напором этих голосов. Он мог убивать тела, но не мог убить дух. Голова Анны, всё ещё лежавшая на ступенях, казалось, тоже смотрела не на Филиппа, а на поющих. В её безжизненных глазах теперь отражалось не только боль, но и зарождающаяся надежда.

Пение не прекращалось. Наоборот, оно стало гимном, объединяющим тех, кто отказался сдаться страху. Площадь, ещё недавно наполненная ужасом, теперь звучала голосами тех, кто выбрал другую участь.

— Уберите тело! Бросьте в реку, пусть утекает из моей империи!– он бросил клинок и быстро убежал, оставляя сзади горожан, что не переставали петь, петь гимн скорби по их *Анне*.

Стражи забрали тело генерала и голову, не соединяя. Так и бросили в реку Ларагу, в студеную, тёмную воду, что не прощала ошибок и не хранила тайн. Холод мгновенно сковал её, унося вниз, в безмолвное царство речного дна, где она, словно забытая игрушка, должна была покоиться вечно.

Река, испокон веков служившая границей и хранителем, теперь стала свидетелем чудовищного преступления. Вода, такая же равнодушная к жизни, как и те, кто совершил это зверство, приняла жертву без тени сожаления. Течение, словно невидимый палач, играло с её останками, перемещая их, чтобы затем вновь собрать в причудливые, пугающие композиции. Каждая волна, каждый всплеск словно шептали о невыносимой боли, о жестокости, что омрачила этот мир.

Глава 9. Жатва скверны

— Ларри, глянь, что там такое? — мужчина сидел в лодке и указывал пальцем на рыбу, что плыла вверх брюхом. Он взглянул вперед по течению воды и ужаснулся.

— Что это, чёрт возьми, Гарри?! – его друг снял шапку и встал в лодке, пытаясь разглядеть вдали начало, откуда плыла тухлая рыба в реке Ларага.

Река, некогда рыбное место с чистейшей прозрачной водой, где песок был виден на любой глубине, внезапно стала черного цвета. Темная, грязная вода скрывала в себе гибель некогда кипящей жизни.

Река превратилась в болото. Рыбы, еще недавно грациозно скользящие в прозрачных водах, теперь беспомощно плавали брюхом кверху, испуская последние пузырьки воздуха из своих безжизненных тел. Этот мутный, зловонный покров стал их могилой. Лягушки, эти вечные обитатели речных заводей, первыми почувствовали приближение катастрофы. Словно почуяв тошнотворный запах, исходящий от умирающей воды, они в панике искали спасения. Их прыжки становились все отчаяннее, пока они наконец не выбрались на спасительный берег местного, пусть и не такого чистого, но все же более пригодного для жизни болота. Там, подальше от черного зеркала смерти, воздух казался им чище, а надежда на выживание – реальнее.

У рыбаков пропал улов, продажа встала, больше нечего было есть. Рыбная деревня близ реки Ларага, Минорга, страдала больше всех. Некогда оживленное место, наполненное звонкими голосами, смехом и запахом свежей рыбы, теперь погрузилось в тишину и уныние. Сети оставались пустыми, лодки стояли у причалов, а на лицах людей читалась всепоглощающая тревога. Старики, мудрые и опытные, заволновались, ведь на Лараге всегда водилось столько рыбы, что ее ловили не только для себя, но и для продажи соседним деревням. Они говорили о том, что река всегда была щедрой, но никогда не видела такого бедствия. Поговаривали о проклятии, о гневе духов воды, но никто не мог понять истинную причину происходящего. Староста, с тревогой глядя на черную пелену, окутавшую реку, тешил себя надеждой, что на следующий день эта грязь, словно злой дух, устремится дальше по течению, оставив его деревню в покое.

К концу второго дня, когда солнце уже клонилось к закату, рыбаки возвращались на берег. Их сети были пусты, а те немногие рыбины, что им удалось выловить, были мертвы, плавая брюхом кверху. От рыбаков и их одежды исходил пронзительный, тошнотворный запах тухлятины, смешиваясь с горечью их поражения. Эта вонь стала олицетворением их безысходности, напоминанием о том, что река, их кормилица, превратилась в источник смерти. Напряжение в деревне нарастало. Молчаливые взгляды, полные страха и отчаяния, сменялись перешептываниями. Когда последний рыбак вернулся ни с чем, староста понял, что больше ждать нельзя. Тишина, царившая в деревне, казалась оглушительной. Она была наполнена невысказанными страхами и общими бедами.

Решение было принято единогласно: необходимо было собрать совет деревни. Это было не просто собрание, а акт отчаяния, попытка найти выход из надвигающейся катастрофы. В этот вечер, когда последние лучи солнца скрылись за горизонтом, жители рыбной деревни собрались у дома старосты, их лица были освещены тусклым светом масляных ламп, а в глазах читались надежда и страх перед неизвестностью.

В низкой, закопченной избе старосты было тесно и душно. Воздух, густой от запаха немытых тел, рыбьего жира и страха, казался осязаемым. Староста, стоя у печи, обвел взглядом собравшихся: заскорузлые, обветренные лица рыбаков, испуганные глаза женщин, притихших в углу с детьми. Он начал говорить просто и тяжело, без прикрас, отчеканивая каждое слово: река мертва. Кормилица отравилась. Завтра сети будут такими же пустыми. Послезавтра –

тоже. Вопрос один: что делать, чтобы не сгинуть всем подряд. Тишину первым нарушил Арон, самый крепкий и молчаливый из рыбаков. Он предложил идти вверх по течению, найти виновника этой черной пакости и потребовать ответа. Голоса загудели, одни – в поддержку, другие – в страхе.

Жена Арона, Матэна, вскочила с лавки:

— А пока вы ходить будете, чем дети кормиться станут? Земля здесь скудная, неурожайная. Одной картошкой не протянем.

Тогда слово взял старый Гесим, чей век был пройден на воде. Глаза его, мутные от бельма, видели то, что другим было не разглядеть. Он сказал, что река не умрет насовсем, если дать ей время. Что нужно переждать, искать временные промыслы: собирать лесные ягоды и грибы, ставить силки на зайца, копать червей для продажи рыбакам из дальних, чистых озер. Его речь была тихой, но в ней звучала упрямая мудрость выживания.

Однако его же собственный сын, молодой отец двоих детей, с горечью возразил:

— Ждать, пока ягоды поспеют? Мы до той поры с костями сгорим от голода. Спор затягивался, кружась по одному и тому же горькому кругу, пока не встала Аксинья, вдова, державшаяся на своем хозяйстве одной силой воли. Она предложила – ехать к императору и донести о проблеме деревни, а там и всей столицы, ведь их рыбу брали вплоть до кухни государя. Эта мысль, прозвучавшая тихо, но твердо, повисла в воздухе, как неразрешенный вопрос. Смехотворная и невероятная по своей дерзости, она одновременно была единственно логичной. Если яд проник в самую вершину, то только там можно найти противоядие. Они решили собрать улики, как колосья после жатвы — тщательно и без шума. И вот, когда холодный рассвет еще не прорезал туман над рекой, они покидали деревню. Не с пустыми руками, а с тяжелой, запаянной банкой с той самой рыбой и камнем в сердце. Они ехали с просьбой.

Аксинья вместе со старостой и тухлой рыбой прибыла к императору Эллиосу. Вдова ступила вперед, чувствуя, как тяжелый запах тухлой рыбы, исходивший от принесенного старостой свертка, медленно расползается по благоуханному залу. Она не опустила глаз перед императором, хотя ее грубая одежда резко контрастировала с парчой и мрамором. Староста, мелко дрожа, начал что-то бормотать о тяжести податей и неурожае, но его слова терялись под высокими сводами. Император Эллиоса поднял руку, и бормотание смолкло. Его взгляд, усталый и проницательный, был устремлен на Аксинью. Он видел не просто женщину из дальнего селенья, а упрямую решимость в ее скулах и немую ярость в сцепленных пальцах.

— Говори ты, – произнес он тихо, и его голос, негромкий, заполнил всю тишину зала, — рыба эта. Объясни. Аксинья кивнула. Она развязала вонючий узел и вытащила не просто рыбу, а огромного, скользкого осетра, глаза которого были мутными, а брюхо вздутым.

— Это — наша река, ваше величество, — голос ее был хриплым, но четким, — рыба дохнет. Люди дохнут. Мы привезли тебе эту рыбу. Последнюю, что смогли выловить.

Придворные ахнули, один из сановников сделал шаг вперед, чтобы увести наглую крестьянку, но император вновь остановил его жестом. Он медленно поднялся с трона и спустился по ступеням. Запах ударил в него, но он не отшатнулся от запаха. Он стоял теперь на одном уровне с Аксиньей, и этот простой факт казался самым невероятным событием в зале.

Его глаза изучали рыбу, затем – её затвердевшие от работы руки, и только потом – взволнованные лица придворных.

— Ты говоришь о рыбной заводи в Минорга? – сказал он, обращаясь к Аксинье так, будто сановников здесь не существовало, — Именно так?

— Так, ваше величество. Река превратилась в стоячую яму. Мы решили лично сообщить об этом. Император медленно повернулся к старосте. Староста, не выдержав взгляда, рухнул на колени.

— И ты подтверждаешь это? — голос императора оставался тихим, но теперь в нем слышался холод. Староста лишь бился головой о мраморный пол, не способный вымолвить слово. Это было ответом.

Император вернулся к трону, но не сел. Он оперся рукой на белого голубя, украшавшего сиденье, и обвел взглядом зал.

— Вы все слышали. Ждать нет времени, от этой рыбы зависит наше питание и наша экономика! — император повернулся в сторону своей стражи. — Луврей, друг мой, приказываю отправиться и решить эту проблему тебе.

Юноша в доспехах подошел к императору и поклонился ему.

— Да, господин, будет выполнено.

Он собрался в тот же день и на коне достиг деревни рыбаков. Там ему дали лодку, и он отправился вдоль реки, исследуя каждый уголок.

Лодка была узкая и неустойчивая, но он быстро привык к ее движению. Река в этом месте была тихой, с темной водой, отражающей высокие сосны. Он внимательно смотрел на берега, ища любые признаки того, что ему было нужно.

Вскоре река стала шире, разделившись на два рукава. Он выбрал левый, более узкий и затененный. Здесь воздух был прохладнее, и звуки изменились – теперь только плеск воды, шелест листьев и редкие птичьи крики. Однако ничего там он не обнаружил.

Внезапно по берегу он заприметил ребенка, что бежал так быстро, аж пятки сверкали. — Стой! Ты куда бежишь, малец? — юноша крикнул, усилив свой голос магией, чтобы мальчик услышал его. — Дядя, там такое, вам надо туда, вы же рыцарь? — мальчик, задыхаясь, показал в противоположную сторону и побежал, зазывая с собой.

Юноша быстро взял в руки весла и поспешил за мальчиком.

Подплывая и разглядывая, что же мальчик ему показывает, он замер, вцепившись в весла. Холодный ужас, острый и беззвучный, поднялся у него из живота к горлу.

Он молча причалил, не сводя глаз с того, что билось у берега. Мальчик стоял в стороне, пряча лицо в локте. Вода в заводи была темной и густой, как деготь, а тело, лишенное головы, казалось нелепой и чудовищной куклой, которую нечаянно уронили в воду.

Оно не уплывало, потому что запуталось в подводных корягах ивы, и каждое слабое движение прижимало его к скользким камням.

Юноша осторожно ступил в воду. Ледяная влага сразу насквозь пропитала штаны. Он наклонился, стараясь не думать, не осознавать. Руки сами нащупали под мышками мокрую холстину рубахи. Тело было тяжелым, безжизненным и в то же время жившим этой жуткой, остаточной судорогой.

Он рванул на себя, почувствовав, как что-то с хрустом высвобождается из ивовых пут. Труп поддался, и юноша, спотыкаясь, потащил его к берегу. На песке оно лежало уже неподвижно, лишь вода сочилась из рукавов и ворота, где должна была быть голова.

Он сел на землю, тяжело дыша. Теперь при дневном свете можно было разглядеть детали: стройное подтянутое тело, явно женское, руки, покрытые мелкими порезами и ссадинами, кожа на запястьях была испещрена царапинами, а вокруг одной лодыжки виднелся темный, почти черный синяк, по форме напоминавший отпечаток пальцев.

Одежда, когда-то, должно быть, практичная и прочная — песочного цвета штаны карго и плотная темная майка — теперь висела лохмотьями, обнажая татуировки на животе и ребрах. Руны и сложные геометрические узоры, нанесенные черными чернилами, защитные рисунки – указывали на ее причастность к магии крови.

Запах стоял тяжелый — смесь морской воды, гниющих водорослей, который еще не успел стать доминирующим. Тело пролежало здесь, судя по всему, не больше суток.

Ни оружия, ни следов сумки поблизости не обнаруживалось. — Дядденька, а где ее голова? — мальчик, все время стоявший сзади, уже рассматривал с интересом тело.

— Не знаю, отойди лучше, — солдат оттолкнул мальчика и понес тело в лодку.*«Ладно уж, найду, пожалуй, голову, отвезу, да похороню, а если прикажут – сожгу. Но все равно везти, докладывать.»*

Внезапно мальчик начал кричать и звать солдата куда-то вдаль: — Дядя, я нашел, быстрее сюда! — солдат увидел, с другой стороны заводи, между камнями, была *она — голова.*

Голова отдельно от тела дрейфовала у камней. Вода, окрашенная в ржавый цвет, нежно омывала бледную кожу, цепляя пряди светлых волос. Казалось, это не лицо, а небрежно покинутая маска из фарфора, чья странная, застывшая красота еще не успела понять ужаса своего положения.

Глаза были открыты, рот тоже. Взгляд, некогда живой и острый, теперь был устремлен в свинцовое небо, отражая в себе лишь тусклое, бледное сияние зари. В приоткрытых губах, будто в последний миг, замерло не слово, а легкий выдох – удивления, может быть, или тихого признания неотвратимого. Этот немой вопрос, застывший на лице, был страшнее любой гримасы ужаса.

Солдат, подойдя к голове, упал на колени. Сапоги грубо врезались в мокрую гальку, но он не чувствовал ни камней, ни пронизывающего холода, поднимавшегося от реки. Весь мир сузился до этого бледного овала, до знакомых черт, которые он видел всего несколько месяцев назад – смеющимися, озаренными огнем камина в замке Бала Весеннего Равноденствия.

Его собственное дыхание стало неровным, в ушах зазвенела тишина, в которой вдруг отчетливо прозвучал его собственный, сорвавшийся шепот:

— Анна Боже, что с вами сделали?

Голос его был чужим, хриплым от немого крика, так и не вырвавшегося наружу. Он протянул руки, но замер, боясь прикоснуться. Боясь осквернить это остаточное достоинство, эту жуткую святыню. Затем, сдавленно всхлипнув, он сдернул с себя плащ – тяжелую, пропахшую потом и дымом ткань. Действия его стали резкими, машинальными. Он бережно, с нежностью, которой не ждал от своих грубых, привыкших к смерти пальцев, обернул голову, скрывая от мира это леденящее душу зрелище. Сверток получился небольшим, ужасающе легким.

Забрав его, он поднялся, ощущая под коленками дрожь. Мальчик, тот самый, что привел его к реке, стоял в отдалении, прижавшись спиной к мокрому стволу ивы. Его огромные глаза, полные немого вопроса, солдат не мог вынести.

Кивком подозвав ребенка, он зашагал прочь от нависших над водой камней, от этого места, которое теперь навсегда стало проклятым.

Доставив мальчика до его дома, до низкой, покосившейся двери, солдат лишь сунул в руку ребенку медную монету, не слушая бормотания благодарности испуганной матери. Он не говорил ни слова. Все слова остались там, у реки, вытесненные тяжелым, холодным комом в горле. Развернувшись, он отправился мигом в замок.

Ноги сами несли его по знакомой дороге, выложенной булыжником. Плащ с его ношей он прижимал к груди, будто младенца, и с каждым шагом сверток, казалось, становился тяжелее, наполняясь не физической, а иной, невыносимой тяжестью.

В уме, опережая бег, уже мелькали лица: командира, капитана стражи, самого императора.

Что он скажет? Как произнесет это? Он видел перед собой длинные, слабо освещенные коридоры замка, стук своих сапог по каменным плитам, двери в покои капитана. Сейчас эта дверь казалась ему входом в иной мир, мир, где правда, которую он нес, разобьет тихое течение дней на «до» и «после».

Замок медленно вырастал впереди, его серые башни вонзались в низкое небо. Солдат, не сбавляя бега, проскакал подъемный мост, кивком ответив на привычное приветствие часового. Лицо часового было спокойным, обыденным. Он еще ничего не знал. Никто в этих стенах еще

не знал. И от этой обыденности, от простого «доброго дня», нахлынула внезапная, дикая мысль – развернуться, бежать, унести этот страшный груз куда подальше и самому исчезнуть.

Но мысли, предатели, продолжали нести его вперед, во внутренний двор, к узкой дверце, ведущей в центральные залы. Он был всего лишь солдатом, одним из многих. И теперь он стал вестником. Вестником, несущим в своих руках не письмо, не донесение, а молчаливый, окончательный приговор чьей-то судьбе, выраженный в бледной, бездыханной плоти.

Он прибыл в тронный зал. Его шаги, глухо отдававшиеся под высокими сводами, были единственным звуком в этой давящей тишине. Часовые у колонн замерли, как изваяния, но их взгляды, тяжелые и настороженные, следили за каждым его движением. Он не стал ждать, пока его заметят.

Обратившись к старшему из стражников, охрипшим, не своим голосом произнес:

— Пошлите за императором. Немедленно.

В его тоне была такая неоспоримая, ледяная решимость, что стражник, не задавая вопросов, лишь резко кивнул и скрылся в боковом проходе.

Солдат остался один посреди пустынного пространства зала. Мраморный пол, отполированный до холодного блеска, отражал тусклый свет из высоких окон. Где-то впереди, на возвышении, стоял пустой трон — массивный, резной, символ власти, который сейчас казался бесконечно далеким от ужаса, принесенного с реки. Он опустился на одно колено, бережно поставив перед собой сверток. Пальцы, окоченевшие не столько от холода, сколько от внутренней дрожи, развернули грубую ткань плаща. На бледном мраморе, столь контрастном своей чистотой, открылось то, что он принес.

Голова Анны. Черты лица, знакомые и искаженные безжизненной бледностью, были теперь явлены в этой торжественной, жестокой обстановке. Он положил голову Анны, и тело, что удалось найти неподалеку, близко друг к другу, накрыв их краем того же плаща. Получилось подобие целого, жалкая попытка восстановить то, что было насильственно разорвано. Ткань скрыла страшную линию разделения, оставив на виду лишь бледное, словно восковое, лицо с закрытыми теперь веками и прядь светлых волос на камзоле. И ждал своего императора. Время в пустом зале растянулось, стало вязким и густым. Каждая секунда падала в тишину, словно камень в глубокий колодец. Он смотрел на свои руки, лежащие на коленях, на засохшие пятна у ногтей, которые уже не отличить от ржавчины или чего иного. Он не молился. Мысли его были пусты и тяжелы, как тот камень, что лежал у него в груди вместо сердца.

Наконец, в дальнем конце зала распахнулись высокие двери. Не для торжественного выхода, а быстро, почти тревожно. Появилась не процессия, а несколько фигур. Впереди шел император. Не в парадных одеждах, а в простом, темном камзоле, наброшенном на плечи поверх рубашки. Он шел быстро, без обычной, отмеренной величавости, его лицо было напряженным, брови сдвинуты. За ним, отставая на несколько шагов, следовали двое приближенных. Император пересек зал, его шаги, вначале быстрые, замедлились по мере приближения. Его взгляд скользнул по склонившемуся солдату, затем упал на то, что лежало перед ним, накрытое поношенным солдатским плащом. Он подошел вплотную и остановился. На его лице не было ни гнева, ни страха — лишь полное, абсолютное потрясение, за которым, как за тонким льдом, могла скопиться любая буря.

— Боги мои, что это такое, черт возьми?! — спросил император. Голос задрожал, увидев ***это***.

Солдат поднял голову. Глаза его были сухи и горячи.

— Ваше величество, это Аннастасия Вассилевски, насколько я могу судить, найдена в реке, ниже по течению от мельницы.

Больше он не сказал ничего. Ни про подозрения, ни про мальчика. Факт, обнаженный и чудовищный, говорил сам за себя.

Император медленно, будто против своей воли, опустился на одно колено. Он не был теперь императором, склонившимся перед подданным. Это было иное движение — человека перед лицом неотвратимого. Долгим, пристальным взглядом он смотрел на бледное лицо, будто вчитываясь в молчаливый рассказ. Затем его рука, обычно подписывающая указы и дарящая милости, дрогнув, протянулась вперед. Он не коснулся кожи. Он лишь поправил край плаща, чуть точнее укрыв плечо, в жесте, полном странной, запоздалой нежности. Его пальцы на мгновение задержались в воздухе над знакомой прядью волос, но так и не опустились. Он не зарыдал. Не вскрикнул. Лишь резко, почти болезненно, сжал губы, и мускул на его скуле дрогнул. Весь ужас, вся боль, вся ярость мира в тот миг сошлись в этой сдержанности. Он поднялся с колена. Лицо его стало похоже на маску из того же холодного камня, что и пол вокруг. Но глаза, темные и глубокие, теперь горели каким-то новым, ледяным огнем.

— Кто? — спросил он, и это было уже не слово, а первый удар меча, обнаженного из ножен.

Вопрос повис в воздухе, обращенный ко всем и ни к кому, полный тихой, бездонной ярости, которая уже искала себе выход. Солдат молчал. Он сделал все, что мог. Он принес весть. Теперь эта весть перестала быть его ношей. Она стала достоянием тронного зала, проблемой короны, топливом для грядущего огня. Сзади, из-за плеча, один из приближенных отшатнулся.

— Как это возможно? Неужели Филипп? — это был Симона Раху. Он почувствовал, как его сердце пытается вырваться из груди, и стало тяжело дышать.

Он склонился над Анной, сев на колени, упал головой прямо в грязный плащ, покрывавший её тело.

— Ты что-то знаешь? Симона!? — Оббиус, стоявший рядом и видевший всё происходящее, начал злиться.

— Да, ваше величество, но — Симона чуть сдвинул край плаща, чтобы взглянуть на края раны, как внезапно тишина стала иной. Она не была пустотой, а густела, как патока, наполняясь едва уловимым гулом, исходящим от самого тела.

От части головы и части туловища, из ран, откуда ещё не текла кровь, пошли тонкие нити, пытающиеся найти друг друга. Они не были алыми. Скорее, тёмными, будто ртуть или жидкий обсидиан, и двигались не струйками, а с сознательным, почти разумным упрямством. Каждая нить пульсировала, ощупывала каменную плиту, тянулась к своей потерянной половине через крошечное, но непреодолимое пространство.

Голова, с бледным лицом, обращённым к пепельному своду замка, казалась островом, окружённым этими чёрными щупальцами. Тело лежало рядом, безглазое и чуждое, но от шеи и плеч тоже ответвлялись такие же тенистые ростки. Симона замер, не смея до конца обнажить взгляд. Воздух зарядился странной статической энергией, запах меди и влажного камня сменился запахом озона, как перед грозой, и чем-то горьким, напоминающим полынь.

Нити сближались. Они встречались на середине пути, не сливаясь сразу, а касаясь кончиками — и в месте касания вспыхивала крошечная искра холодного, алого света. Затем они сплетались, образуя мостик, хрупкий и дрожащий. По этому мостику что-то начало перетекать. Не кровь. Нечто более плотное, тенеподобное, сущностное. Разрез, разделивший плоть и дух, теперь пытались зашить силы, которым не должно было быть дела до законов плоти. Тело вздрогнуло — не судорогой, а глубоким, внутренним толчком, будто под ним пошевелилась земля. Пальцы руки сжались, царапнув камень. Веки на отсечённой голове дрогнули.

Симона отступил на шаг, и плащ снова упал, скрывая часть видения. Но он уже видел достаточно. Это было не колдовство в привычном ему понимании — не огонь и не крик, а тихое отрицание конца. Мостиков становилось больше. Они ткали между двумя частями паутину из теней и алых искр, сеть, стягивающую рану мира. Нити не исчезли, но их движение замедлилось, стало вялым. Искры гасли. Мостики провисали, будто теряя силу. То, что перетекало,

теперь казалось тяжёлым и вязким, как смола. Неудавшаяся попытка. Пальцы тела разжались, затихли. Лицо на плитах снова стало просто лицом мёртвого.

— Тело пытается восстановиться! Оббиус, её можно спасти, посмотри сам, я такого ещё не видел раньше! — Симона, поправив плащ, скрывающий её тело, и почувствовав лёгкую дрожь в своих руках, резко повернулся, чтобы посмотреть в глаза своего императора.

— Тогда не будем терять времени! — Оббиус, скинув мантию, побежал к слугам, приказывая тотчас отправляться прямиком в общину, где обучалась Анна.

Община, где она обучалась познанию магии крови, была одной из трёх самых главных общин, столпов учения в те времена. Здесь Анна постигала не просто контроль над жидкостью тела, но связь с самой сутью живого, учась слышать песню крови в жилах всех тварей — от малой мыши до древнего дуба. Это была магия тонкая, требующая железной воли, ибо искушение взять больше дозволенного витало в каждом жесте. Маракая, община, которую возглавлял и основал великий Аракай, маг воды, располагалась в дельте великой реки, где рукава протоков образовывали лабиринт среди вечно цветущих лотосов. Аракай был не просто властителем стихии; он был её философом, видевшим в текучести воды мудрость, а в её неукротимой мощи — справедливый гнев. Под его руководством Анна училась гибкости ума и непоколебимости духа. Он показывал ей, как капля, точившая камень, и размывающая берега волна — суть одно начало. Его наставления были подобны чистым родникам: они очищали понимание магии крови, уча, что и она подчиняется тем же вечным циклам — рождению, движению, упадку и обновлению. В его взгляде, цвета глубинной озёрной глади, Анна находила спокойную твёрдость, ставшую для неё опорой.

Варанкая, вторая община, была детищем Варунаи, единственной женщины-волхва, мага земли. Это братство обитало в сердце древнего леса, где корни исполинских деревьев сплетались в подземные чертоги, а воздух был плотным от запаха мха и прелой листвы. Сила Варунаи была негромкой, но всеобъемлющей. Она учила своих учеников терпению и прочности, умению чувствовать пульс самой планеты под ногами. Магия земли здесь говорила о связи, о сети жизни, где каждый организм — лишь узел в великом полотне. Варуная наставляла, что магия крови, вышедшая из плоти, неотделима от этой сети. Её тихая, но неоспоримая власть над камнем и почвой дополняла бурную силу воды Аракая.

И третья, самая молодая, но очень сильная община, Заякала, основанная молодым магом воздуха Заяналом, парила высоко в горных ущельях, на утёсах, о которые разбивались облака. Заянал, дерзкий и пронзительный, как ветер с вершин, привнёс в учение дух свободы и перемен. Его магия была магией мысли, скорости, неосязаемого влияния. Он показал магам, что кровь — это не только влага, но и проводник жизненной силы, столь же летучей, как воздух. В его общине царил дух поиска и лёгкости, но за этой лёгкостью скрывалась смертоносная точность. Заякала, не отягощённая грузом тысячелетних традиций, как старшие общины, смело экспериментировал, и его стремительный взлёт всех одновременно восхищал и настораживал. Конечно, туда попадали не все, а только те, кто не мог разобраться в себе. Это были души, чья внутренняя природа не являла себя в ярких всполохах пламени или уверенном шелесте листвы. Их внутренний источник молчал, или же в нём звучал неясный хор слишком многих голосов сразу. Для таких горы Морелия становились не просто школой, а великим зеркалом, суровой и милосердной средой для самопознания.

Те, кто изначально понимал свою предрасположенность к магии, направлялись в Грандию и поступали в Башни в соответствии со своей стихией. Их путь был иным — прямым и признанным. Грандия, величественный город у подножья гор, был сердцем структурированного магического знания, его официальным ликом. Его Башни, вздымающиеся к небу монолиты из ослепительного белого камня и сияющего кварца, были видны за многие мили.

Восточная Башня, вечно окутанная маревым жаром; Северная Башня, с черепицей цвета морской глубины, с которой не иссякал поток чистой воды; Южная Башня, широкая и прочная,

словно высеченная из цельной скалы; и Западная Башня, самая высокая и ажурная, где всегда пели ветра. Выбор был очевиден с первых пробуждённых способностей.

Между двумя этими путями — свободным поиском в горах Морелия и дисциплинированным обучением в Башнях Грандии — существовала тихая конкуренция и взаимное непонимание. Для выпускников Башен путь через все общины казался архаичным бродяжничеством, расточительством драгоценного времени.

И поскольку общины не имели ничего общего с императорами и не были связаны политикой, отправить Анну на их спасение было единственным вариантом сохранения её безопасности.

Тело Анны запеленали в широкую простыню, чтобы полет был удобен для всадника. Простыня, сотканная из лунного шелка, слабо мерцала на солнце. Она была единственное, что нашли за столь короткое время.

Лететь было решено Симона, он не мог допустить оплошности и теперь уже никому не хотел доверять её тело.

Он оседлал дракона, чья чешуя отливала бронзой на солнце, а крылья, казалось, могли затмить само небо. Симона аккуратно разместил тело Анны на спине существа, убедившись, что оно надежно закреплено. Мягкие ремни, сплетенные из кожи буйвола, еще раз подтверждали всю важность предстоящего путешествия.

С легким взмахом могучих крыльев дракон оторвался от земли. Ветер тут же подхватил их, унося прочь от суетного мира. Внизу оставались поля, леса и реки, сменявшиеся, словно страницы древней книги.

Симона, управляя мощным существом, чувствовал, как тяжесть возложенной на него миссии давит на плечи. Его совершенный план рухнул, Анна все же отдала свою жизнь за их дело. Конечно, он предполагал такой возможный исход, но она была сестра, сестра Филиппа. Неужели у него не осталось ничего святого в этой жизни?

Впереди замаячили очертания гор Морелии – величественные, окутанные дымкой.

Горы Морелии висели в воздухе, словно острова в безбрежном океане неба, держась на неведомой миру магии. Их вершины, укутанные в серебристые облака, пронзали синеву, напоминая клыки древних богов.

Попасть в этот затерянный мир можно было лишь двумя путями. Первый, самый очевидный, – на драконе. Эти могучие существа, чьи крылья рассекали небеса, были единственным средством передвижения, способным преодолеть гравитацию и мистические барьеры, окружавшие Морелию.

Второй путь был более прозаичным, но не менее рискованным. Если община давала согласие, она сбрасывала вниз, в первозданную пропасть, длинную деревянную лестницу. Каждый её пролет, грубо отесанный и крепко сколоченный, казался ступенькой в неизвестность.

Но лишь пройдя весь этот путь, карабкаясь вверх, среди свистящих ветров и зорких глаз стражей, можно было ступить на землю Морелии.

Симона, держа поводья дракона, приблизился к отвесной скале, где находился вход в общину. Глаза его были прикованы к неприступной стене, казавшейся глухой и безжизненной.

Однако, зная о магии, окутывающей это место, он не сомневался, что за ней скрывается нечто большее. Он был впервые в этом месте, в свое время его не приняла община Маракая, и по ту сторону он не был.

Когда дракон опустился на небольшой выступ, Симон спрыгнул на землю. Перед ним, казалось, была лишь голая скала, но где-то здесь, за пеленой невидимого покрова, таился путь. Он аккуратно спустил тело Анны с дракона и направился к проходу, средь лиан и камней.

Чтобы открыть проход, необходимо знать особые руны, которые снимают защитный покров на некоторое время, и гость может проходить. Он тщательно вывел на поверхности

скалы, там, где, как ему подсказала интуиция, должна была быть скрытая отметина, сложный символ – руну "Врата".

Едва последний штрих был завершен, как воздух вокруг замерцал. Магия проявила себя, и перед Симоном открылся проход.

Скрытая магия отступила, открыв взору не просто проход, а настоящий портал. За ним виднелась широкая дельта реки, прорезавшая изумрудную долину, и устремленные к небу дома волхвов, чьи крыши были выложены речным камнем. Земля здесь казалась живой, дышащей, пропитанной тысячелетними знаниями.

И тут же выступил страж общины, вышедший из теней. Он действительно казался обычным стариком, но в его облике ощущалась жуткая аура силы, подобная тишине перед бурей. Морщины на его лице были глубоки, словно письмена древней книги, каждая из которых рассказывала свою историю. Глаза, однако, горели невероятной мощью, отражая в себе мудрость веков и знание тайн, непостижимых для простых смертных.

Он был облачен в простое серое платье, поверх которого ниспадала мантия того же оттенка, словно сотканная из тумана и теней. Одежда не сковывала движений, но придавала ему вид отшельника, погруженного в свои мысли и служения. В руках он держал посох, вырезанный из сердцевины древнего дерева, обвитый серебристыми рунами, которые, казалось, пульсировали собственным светом.

— Кто ты, гость? – голос старика был подобен шелесту листьев.

— Почтенный, прошу меня простить за столь внезапное беспокойство, – Симона встал на одно колено, преклоняя голову. — Я не ваш последователь, но она, – он указал на тело Анны, — она ваш ученик, личный ученик учителя Аранкая.

— Неужели это госпожа Вассилевски? Анна? – страж подошел к телу и скинул с лица простыню. — Боги мои, какое варварство! Проходи скорее! Учитель уже будет оповещен, за мной! – старик резким движением отвернулся и с невероятной для его возраста скоростью устремился внутрь прохода, зазывая за собой гостя.

Симона, поспешно перекинув тело Анны через плечо, с тревогой ощутил, как оно слегка сместилось. Голова, скрытая в простыне, неловко покачнулась, устремляясь к дальнему краю его плеча. Сердце сжалось от страха, но времени на поправку не было.

Забыв о своем страхе, он бросился за стражем. Проход, в который они вошли, мгновенно закрылся за ними, словно растворившись в стене.

Теперь они оказались в лабиринте троп, вьющихся между низкими, серыми домами, сложенными из грубого камня. Вокруг журчали небольшие ручейки; их воды, чистые и ледяные, отражали сдержанный свет, проникающий сквозь туман.

Тишина здесь была особенной, наполненной не звуками, а каким-то внутренним эхом.

Наконец, тропы привели их к просторной беседке. Она была длинной, с деревянными колоннами, поддерживающими крышу, но открытой со всех сторон.

Воздух здесь вибрировал, насыщенный незримой энергией. В центре беседки, на каменном возвышении, явно готовилась некая церемония.

Страж, бесшумно удалившись, вскоре вернулся. Он шел позади мужчины средних лет, чье лицо было лишено растительности и отличалось удивительным спокойствием.

В нем не было ни тени эмоций, лишь ровная гладь, словно отражающая нечто вечное и неизменное. Коротко стриженные волосы, светлого, почти белого оттенка, подчеркивали бледность его глаз, которые напоминали два серых кристалла, лишенных всякого тепла.

Мужчина подошел к Симоне, остановившись на небольшом расстоянии. Его взгляд, лишенный выражения, скользнул по гостю, затем задержался на теле Анны, покоившемся на его плече.

Воздух вокруг них казался наэлектризованным, готовым к тому, что должно было произойти.

Наконец, мужчина произнес, его голос был ровным, как и выражение его лица, лишенным каких-либо интонаций: — Покажи мне

Это было все, что он сказал. Симона, ощущая напряжение от происходящего, резко положил тело. Его руки тряслись. Он откинул простынь, и взору открылась эта ужасающая картина.

— С чего ты решил, что она всё ещё жива? Ты думаешь, мы боги? — мужчина подошёл ближе, вглядываясь в глаза головы.

— Почтенный, я знаю, я многое прошу, но поверьте, — он взял голову и положил вблизи тела, на расстоянии не больше одного пальца, — взгляните сами!

Внезапно, словно по какому-то приказу, тёмно-алые нити начали просачиваться из головы и тела. Их зеркальца двигались навстречу друг другу, танцуя между собой, изображая неведомые рисунки. Но достичь единения они не могли: тело слегка дрогнуло, словно ток прошёл от движения нитей.

— Не может быть! Это невозможно! Сколько дней она мертва? — страж склонился и дотронулся до нитей, и они от его прикосновения испарились. Лёгкий дымок поднялся в воздух от их последнего движения.

— Нечего обсуждать, несите в центр, — учитель Аранкая отвернулся и направился внутрь беседки, где сидели волхвы, не менее шести человек точно.

Симона занёс тело Анны и положил в центр беседки, немного поправив голову. Пальцы его, привычные к грубой работе, на этот момент были почти нежными, укладывая пряди волос так, чтобы они не падали на лицо.

Лицо было белым, как полотно простыни, в которой Анна покоилась. Глаза закрыты, но не в спокойствии сна, а в той окончательной неподвижности, что отменяет всякое движение. Волхвы, что сидели в беседке, начали обходить тело со всех сторон. Они двигались без спешки, тяжёлой, ритуальной поступью, замыкая круг и выдавливая из него Раху.

Первым сделал шаг пожилой мужчина. Борода его, седая и густая, лежала на груди неподвижно, как бы не желая участвовать в этом круговороте. Его ступни, обутые в простые кожаные башмаки, отпечатывались на мягком грунте беседки.

За ним, сохраняя дистанцию размеренного шага, двинулись другие — пять человек, каждый в одеждах разных оттенков: от темно-серого до пепельно-белого.

— Ты можешь идти, улетай. Дальше мы сделаем все возможное, — Аранкая повернулся к Раху и поклонился. — Благодарю, как только будут известны новости, мы пришлем голубя.

Симона сошел с беседки на черную гальку у ее основания. Камни хрустнули под подошвами его сапог, звук был сухим и одиноким. Он наблюдал за ними, видел, как волхвы, закончив очищение, снова сели вокруг тела и начали медленно двигаться из стороны в сторону. Их движения были едва уловимы — ритмичное покачивание корпусов вперед-назад, будто от дуновения ветра, которого не было. И из их грудей потекло напевание. Это были древние песнопения на неизвестном языке, том самом, что они называли языком Гохо. Звуки были низкими, горловыми, лишенными мелодии в привычном понимании. Они не столько пели, сколько издавали их — ровный, монотонный поток слогов, больше похожий на шум далекого водопада или скрип старых деревьев.

Сзади подошел тот самый старик, что его привел. Он кивнул в сторону прохода, и они начали удаляться от беседки. Они миновали первые дома общины. Дымок из труб, запах тушеной похлебки, голоса детей, замолкавших при их приближении. Взгляды, украдкой брошенные из-за ставней или из-за угла. Никто не вышел поприветствовать. Никто не задал вопросов. Они дошли до места, которое было проходом на ту сторону мира, к обычным людям. Старик своим посохом начертил руну, и внезапно камни начали расходиться в разные стороны, открывая путь домой. Дракон Симона, ждавший его все это время, успел уснуть прямо около прохода.

— Иди, — произнес старик. — Ты сделал достойное дело, привез Анну к нам. Да помолимся богам, чтобы они смогли её оживить.

— Помолимся, — Симон склонился. Ветер свистел в ушах, хлесткий и холодный, но не мог смыть липкое, тягучее чувство, что сковало грудь изнутри. Чешуя дракона была твердой под ладонями, каждый взмах крыльев отдавался в костях.

Симона смотрел вперед, на проносящиеся под брюхом дракона леса и холмы, но видел лишь ее лицо — спокойное, решительное в последний миг. Дом был еще далеко, а путь измерялся не милями, а терзающими душу вопросами.

Он винил себя. Не абстрактно — «могло бы быть иначе», а с конкретной, острой ясностью, которая впилась в сознание, как заноза. Где-то он не досмотрел. Где-то они с Анной, уверенные в своем плане, упустили одну деталь, один крошечный изъян в расчетах. Мелочь. Та самая мелочь, которой всегда пренебрегают в сказках и которую жизнь безжалостно использует как точку опоры, чтобы перевернуть все с ног на голову.

Она спасла его семью. Его жену, его нерожденного ребенка. Пожертвовала не просто жизнью — будущим. Всеми утрами, которые могла бы встретить, всеми дорогами, по которым не пройдет. Теперь он летел домой, к тем, кого она защитила, с этой невыносимой ношей — знанием, что его жизнь куплена ценою ее смерти.

Дракон, казалось, чувствовал тяжесть седока. Его полет был не стремительным броском, а мощным, почти усталым скольжением над долинами. Симона машинально отмечал ориентиры: изгиб реки, скалу, похожую на спящего великана, пожухлое осеннее поле. Скоро покажутся шпили замка.

«Надо прибыть к императору, объясниться, все рассказать и послать письмо Эмильде, сообщить, что мы нашли ее сестру».

Глава 10. Порог забвения

Симона вернулся в замок повелителя. Теперь ему предстояло объясниться перед своим старым другом, перед его императором.

Но как объяснить то, что произошло?

Как объяснить смерть Анны? Реально ли это вообще?

Он шел по коридору дворца Эллиоса, как только прилетел из общины. Мрамор под ногами, холодный и отполированный до зеркального блеска, отражал размытые силуэты высоких окон и его собственные, усталые шаги. Воздух здесь был иным — не лесным, напоенным влагой и запахом прелой хвои, а сухим, с тонкими нотами ладана, воска и едва уловимой, вечной пылью древности.

Стражники в златокованных кирасах, замершие у резных дверей, пропустили его молчаливым кивком. Они знали его в лицо. Длинный коридор, украшенный гобеленами с изображениями созидания миров, привел его к белым вратам тронного зала. Он сделал глубокий вдох, отодвинул тяжелое полотно — и обнаружил пустоту. Величественный зал встретил его безмолвием. Трон из цельного белого кремня стоял на возвышении, под куполом, расписанным звездными картами, но на нем никого не было. Лишь луч света, пробившийся сквозь высокий витраж, медленно полз по пустому сиденью, подчеркивая отсутствие. Симона замер, на мгновение сбитый с толку.

Затем его взгляд упал на полуоткрытую дверь в дальней стене, ведущую на западную веранду. Сквозь нее лился теплый, живой свет и доносился едва слышный шелест. Он подошел к арке. За ней открывался вид на бескрайние сады Эллиоса, спускающиеся террасами к самой кромке небес. И там, у каменной балюстрады, за небольшим столиком из светлого дерева, сидел император. Он был без регалий, в простом, но безупречно скроенном костюме из серого шелка. В одной руке он держал лист тонкой бумаги, в другой — фарфоровую чашку. Перед ним стоял медный чайник и стопка подобных писем.

Симона сделал шаг на веранду. Под ногой хрустнула мелкая галька покрытия. Император поднял глаза. Взгляд его был не пронзительным, как на официальных приемах, а рассеянным, все еще погруженным в строки, которые он только что читал.

— Симона, — произнес он, и голос его звучал тихо, почти обыденно, — ты вернулся. Как прошло?

— Ваше сиятельство, — Симона склонил голову, но не стал опускаться на колено.

Здесь, в этом неофициальном пространстве, это показалось бы фальшью. Император отложил письмо и жестом пригласил подойти ближе. Вблизи он выглядел усталым: легкие тени под глазами, чуть менее идеальная, чем на портретах, линия скул. Он наполнил вторую фарфоровую чашку и мягко подвинул ее к краю столика.

— Присаживайся, расскажи мне все, что знаешь сам, раз с *самым страшным* пока решили.

— Благодарю, — Симона взял чашку, ощутив тепло тонкого фарфора. Аромат горьковатого, травяного чая смешался с запахом нагретого камня и далеких цветущих деревьев.

— Все, что происходит сейчас, мы с вами понимаем, чьих рук дело, – Раху взглянул на императора, тот отложил бумаги и внимательно слушал, — Парга, он обезумел!

— Это я уже увидел сегодня, его безумство, – Оббиус кивнул.

— Верно, но это лишь малая часть случившегося. Началось все, как помните, на балу. Его тронули слова моего сына, – Симона кашлянул, – не просто тронули, а оскорбили настолько, что он отдал приказ

Он замолчал, глядя на бескрайние сады, где искусственные ручьи серебрились в свете заходящего солнца.

— Приказ, что изменил мое отношение к Филиппу и, впоследствии, к Анне. Мой повелитель, он приказал убить мою жену! Оббиус с ужасом взглянул на Симона. Вопрос повис в воздухе, холодный и острый, как лезвие.

— Как убить твою жену? Зульфию? — повторил он беззвучно, лишь губы шевельнулись.

Симона медленно кивнул, отведя взгляд.

— Мы с Анной мы всё продумали, — начал он снова, тише. — План не в том, чтобы убить. План — в том, чтобы заставить всех поверить, что убийство было невозможным, тем самым обманув Парга.

Оббиус молчал, чувствуя, как холодная тяжесть оседает у него в желудке.

— И как мы видим, ваш план не удался. Но почему ты не сказал мне? Зачем надо было всё решать одному, Симона?

Император был не на шутку удивлен, но больше расстроен от того, что его друг, верно служащий ему столько времени, решил обойти стороной его в столь сложный момент империи.

Ветер с садов донёс прохладу и аромат ночных цветов. Сумерки сгущались, окрашивая мраморные террасы в сизые тона.

— Останься до утра, — сказал император, и в его голосе впервые прозвучала не просьба, а мягкий приказ, — завтра на рассвете мы созовем узкий совет. Мне нужен будет твой голос, твои глаза, твои слова и присутствие.

Симона кивнул. Усталость, которую он принёс с собой, внезапно сменилась странной, тягучей ясностью

— Я бы хотел отправить весть в Парга, Эмильде, сообщить о нашей находке.

— Конечно, но не сегодня. Как только Анна очнётся, отправишь послание. — Оббиус вышел с веранды, оставив на столе кучу писем.

В то же время, среди древних камней, община волхвов вершила ритуал — столь же древний, как сами горы и народ, их населяющий. Анна, чьё израненное тело они силились вернуть к жизни, отдавалась процессу всей душой.

От отделённой головы к туловищу тянулись тонкие нити её бурой крови, сплетая хрупкий мост между разъединённым. Но её собственной маны уже не хватало. Тот магический взрыв иссушил почти все её силы, и теперь последняя надежда была лишь на волхвов.

Даже мудрецы общины Маракая, могучие и опытные, не могли справиться в одиночку — уж слишком велика была сила Анны, и слишком жадно тянула она из них живительные соки. Пришлось взывать о помощи к другим общинам. И они откликнулись на зов. Вскоре вокруг Анны собралась целая толпа: молчаливые фигуры, восседающие вокруг и вливавшие в неё единый поток жизненных сил, воскрешая и насыщая магией до самых краёв.

Оставался единственный путь — помочь ей воскресить саму себя. А для этого нужно было пробудить источник силы внутри её собственного, пока безмолвного, тела. Один за другим волхвы соединяли свои сознания, образуя единый мыслящий круг. Их воля, сплетённая в тугой клубок, проникла сквозь пелену боли и беспамятства, царившую в угасшем разуме Анны. Они искали ту самую искру, ту первозданную точку, откуда когда-то возгорелось её могущество. В глубинах её существа, под грудой обломков воспоминаний и шоком от смерти, ещё тлел слабый уголь – не магии, а самой сути «я». И тогда произошло едва уловимое, но ключевое изменение. Тончайший ручеёк энергии, робкий и прерывистый, пошёл не к Анне, а из неё. Он истёк из самой глубины её возрождающегося духа и побежал по тем самым кровавым нитям, что связывали голову с телом. Нити перестали быть пассивными проводниками чужой магии. Они натянулись, засветились изнутри тусклым, но неуклонным золотым светом. Бледная кожа на шее, у края ужасного разреза, задрожала и стала медленно, миллиметр за миллиметром, срастаться.

Осознав всю ситуацию, волхвы Маракая перенесли тело Анны в широкую пещеру, чтобы скрыть её от лишних глаз. Но всё же прошло больше двух суток. Волхвы сменялись из-за уста-

лости и того, как она высасывала из них энергию жизни. Но она не просыпалась. Они решили сменить подход и начать работать по очереди. Надежда таяла на глазах, хотя проблески силы у неё появлялись, но волхвы не могли долго работать над ней. Воздух в пещере был густым от запаха целебных трав, воска и усталости. Свечи, чьи язычки пламени казались единственными живыми существами, кроме дежурных магов, отбрасывали дрожащие тени на бледное, словно изваянное из мрамора, лицо девушки. Руки волхвов, натруженные и покрытые старинными знаками, сменяли друг друга на её запястьях, лбу, над сердцем — везде, где пульсировали или, наоборот, замирали потоки внутренней энергии. Они шептали слова, которым были века, вливая в её тело тонкие нити своего мастерства. Но каждый раз, когда в глубине её сознания будто вспыхивала искра — слабый отклик, судорога ресниц или едва уловимый разлив тепла под кожей, — силы волхвов сталкивались с глухой, непроницаемой стеной.

Что-то удерживало Анну в глубине, куда не доставали ни зелья, ни заклинания. Усталость копилась в уголках их глаз, в замедленных движениях. Они отходили от тела, чтобы дать место следующему, и в их молчании читалось одно: они не находят ядра проблемы, а значит, не могут её решить. На третьи сутки всё изменилось. Срастание пошло нелинейно. Иногда ткань, подрастая, вдруг замирала или слегка отступала, будто Анна наощупь, в полной темноте, заново училась управлять плотью. Кровавые нити, исполнив свою роль проводников, одна за другой гасли и рассыпались в прах. На их месте оставался лишь бледный, почти незаметный шрам — не рубец, а тонкая алая линия.

Волхвы молча распустили круг. Их задача была завершена. Теперь они сидели поодаль, их лица были иссечены глубокой усталостью, но в глазах светилось тихое удовлетворение ремесленников, выполнивших тончайшую работу. Они не будили её. Процесс обретения целостности требовал внутренней тишины. Первым движением стал не вздох и не стон. Её правая рука, лежавшая ладонью вверх на холодном камне, медленно согнула пальцы, коснувшись подушечками шероховатой поверхности. Простой тактильный контакт с реальностью. Потом дрогнули веки. Под ними заметно было быстрое движение зрачков, будто она смотрела сон, или — что было вернее — впервые обозревала свои собственные, только что отстроенные внутренние чертоги.

Анна ещё не открыла глаза, но её грудь впервые за долгие часы совершила самостоятельный, глубокий и ровный вдох. Она дышала ровно, и с каждым вдохом, едва уловимая дрожь в воздухе, становилась плотнее и определённее.

Она уже не была разбитым сосудом — она медленно собиралась в новую форму. Она открыла глаза. Взгляд был мутным, не фокусировался на сводах пещеры. Он был обращён вовнутрь. В нём не было ни ужаса, ни боли, ни даже вопроса. Была лишь глубокая, бездонная ясность — та самая, что возникает после долгого ныряния, когда достигаешь поверхности.

Она помнила. Помнила всё.

Наконец, её зрачки отозвались на тусклый свет кристаллов. Не двигаясь, она смотрела в потолок пещеры, делая медленные вдохи и медленные выдохи.

— ***Зачем***?.. — Медленно, с невероятным усилием, как бы преодолевая гравитацию целого мира, она повернула голову.

— ***Зачем***?

Аранкая был в шоке от этого вопроса. Он застыл, ощущая, как простые слова врезаются в сознание холодным клинком.

«Что значит «зачем»? Зачем её воскресили? Она не хотела жить?»

Он не спрашивал «зачем». Это было самоочевидно. Это было необходимо, как воздух. Жизнь — абсолютная ценность, не так ли? Воскрешение — величайший дар, конечная победа над беспощадным хаосом небытия. Но теперь, услышав этот вопрос, он увидел всё под иным углом. Увидел не радость от возвращения, а её сожаление.

— Анна, мы не смеем знать, зачем. Мы лишь следовали зову твоего тела, зову твоей магии, — он преклонил колено и приблизился к её лицу. — Значит, твой путь не окончен на этой земле, госпожа.

Пока шёл ритуал, ей подготовили домик. Скромное убранство, но то, что нужно для восстановления. Женщины сами выбирали каждую вещь, руководствуясь памятью о её вкусах, во время её наставничества. Лёгкие льняные занавески, чтобы утренний свет был мягким. Простой деревянный стол у окна, откуда видна река. Полки пока пустовали — они боялись навязывать своё. Всё было продумано до мелочей, чтобы не напугать, чтобы создать ощущение тихого, безопасного пристанища. Там было всё для тела: целебные травы, мази, питательные бульоны в холодóне, удобное кресло, плед из самой мягкой шерсти.

Но что они подготовили для её души? Для той частицы, которая, возможно, вкусила покоя и теперь была вырвана обратно в суетный мир боли, памяти и долга? Домик был оболочкой, красивой и заботливой, но пустой скорлупой.

— Аранкая, не обращай внимания, она должна прийти в себя, — один из жрецов ритуала успокоил старейшину.

Волхвы сделали всё возможное — ритуал был завершён. Гости из иных общин разошлись по своим дорогам. Саму же Анну на руках отнесли в дом, где ей предстояло прожить какое-то время и набраться сил. Её уложили на постель.

На следующее утро одна из женщин пришла проведать её, но Анна лежала недвижимо, будто каменная. Глаза её были открыты, но взгляд устремлён в потолочные балки, невидящий и пустой. Женщина, представившаяся Маиной, осторожно позвала её, дотронулась до плеча — та не дрогнула. Дыхание было ровным и медленным, как тихий ход далёких вод. Ни ответа, ни малейшего вздрагивания пальца. Казалось, душа Анны ушла вслед за волхвами по одной из тех дорог, а в доме осталось лишь тело — совершенный, пустой сосуд.

Дни потянулись, отмеченные лишь сменой света в окне и тихими шагами Маины, которая приносила еду, пыталась поить Анну бульоном с ложки. Приходил и старейшина общины, смотрел долго и молча, потом возлагал на её лоб тёплую ладонь. Он ничего не говорил, но в его глазах читалось понимание. Ритуал был не просто действием, а вратами, и иногда тот, кто прошёл через них, возвращается не сразу. Часть пути душа должна пройти в одиночестве.

Тело Анны постепенно слабело, хотя женщина старательно поддерживала его силы. Но была в этой неподвижности странная, хрупкая завершённость, как у зимнего дерева, сокрытого до весны. Иногда, глубокой ночью, её веки начинали мелко дрожать, будто под ними мелькали тени чужих снов или воспоминаний, не принадлежащих ей. Она не боролась и не звала. Она была в процессе, и этот процесс не терпел суеты.

— Ну как она, Маина? – одна из соседок, по имени Урула, часто наблюдала, как её подруга помогает Анне.

— Никак, Урула, – Маина шла снова к Анне с полным ведром воды, хотела напоить её. — Не хочет она возвращаться, не хочет — она вздохнула и села на большой камень у тропинки. — Не знаю, что же произошло у неё, кто её так но жизни в ней нет. Да, она жива, но лишь телом, душа её не хочет более жить с нами.

Урула понимала. Человеку после подобного случая очень тяжело прийти в себя, осознать снова ценность своей жизни, ведь *однажды её уже забрали.*

Шли дни, но Анна не делала попыток встать. Она только лежала в своём маленьком домике, где пыль на подоконнике складывалась в мягкие, пушистые холмики, а свет из окна медленно перетекал от утреннего серебра к дневному жёлтому топленому молоку, затем к вечерней сизой простуде. Изредка женщина заставала Анну не выспавшейся, с красными глазами, которые казались прозрачными, как два куска тонкого льда, сквозь которые виден тёмный, неподвижный омут внутри.

Дни были не отрезками времени, а состояниями воздуха. Утром воздух был плотным и влажным, им трудно было дышать, он застревал где-то в горле, не доходя до лёгких. После полудня он становился разреженным, пустым, и тогда казалось, что тело, не встречая сопротивления, могло бы раствориться в этой пустоте, улететь, как пыль. Вечером воздух сгущался снова, но теперь он был наполнен не влагой, а тенью. Он входил в комнату беззвучно, заполняя углы, под кровать, и тогда домик становился меньше, сжимался вокруг Анны, как скорлупа.

Сны не приходили. Вместо них были долгие промежутки небытия, когда сознание было просто открытым окном в тёмную, беззвёздную ночь. Или же внезапные, резкие вспышки памяти — не образы, а ощущения: холодная поверхность какой-то плиты под ладонью, запах мокрой шерсти, звук конкретного, давно забытого голоса, произносящего одно слово, которое она уже не могла понять.

Маина, которая приходила, иногда пыталась говорить. Говорила о погоде за окном, о том, что река внизу под холмом уже совсем очистилась ото льда и несёт ветки и прошлогодние листья. Анна слушала эти слова как шум — не как сообщение, а как природный звук, как стук дождевых капель по крыше. Они не складывались в смыслы, они просто были фоном, ещё одним элементом погоды.

Её тело постепенно становилось частью кровати, частью покрывала. Оно узнало каждую неровность матраса, каждый шов на ткани. Оно слилось с ними, и граница между кожей и простынкой исчезла. Движение было бы нарушением этого союза, разрушением нового, медленно возникшего порядка. Руки лежали вдоль тела, неподвижные, как два ручья, которые остановили своё течение и теперь просто обозначают на земле свои давние пути.

Иногда в красных глазах появлялась влага. Она не собиралась в слезы, не катилась. Она просто появлялась, делая лёд глаз ещё более прозрачным, ещё более хрупким, и затем медленно испарялась обратно внутрь, не оставляя следов на щеках.

Так шли дни. Они не складывались в недели. Они были отдельными островами в море без времени, каждый похожий на предыдущий, но не идентичный — отличающийся оттенком света, плотностью воздуха, количеством пыли на подоконнике и тем, каким именно воспоминанием - ощущением вспыхивала темнота в промежутках небытия.

В один из дней, когда вновь наступила весна и за окном растаяли сугробы, ее навестили. Это был мужчина в камзоле. Анна даже не взглянула на него. Ей было все равно. Она лишь уловила движение в дверном проеме — сгусток иного цвета, нарушающий привычную блеклую палитру стены, и услышала непривычно тяжелые, мужские шаги по скрипящей половице. Он зашел и сел на табуретку рядом с ее кроватью. Табуретка жалобно пискнула под его весом.

Теперь он был в поле ее зрения, если бы она захотела повернуть голову. Она не захотела.

Она продолжала смотреть в потолок, где трещина у края беленой балки за последние месяцы отдаленно стала походить на изгиб речного берега. В комнате на несколько минут воцарилась тишина, густая и напряженная. Это была не тишина покоя, а тишина ожидания, висевшая в сыроватом весеннем воздухе комнаты. Анна чувствовала его взгляд на себе — тяжелый, изучающий, настырный. Он не отводил его. Она слышала его дыхание — ровное, но громкое по сравнению с ее собственным, почти бесшумным существованием. Потом он кашлянул, сухо, словно очищая горло для речи. Звук был резким, как щелчок, и Анна непроизвольно прикрыла глаза на мгновение.

— Анна, — произнес он наконец. Голос был низким, знакомым, и в нем не было той приторной, осторожной мягкости, которую использовала женщина, приносившая хлеб. В нем была прямота, почти грубость.

— довольно лежать.

Она не ответила. Слова ударились о нее, как мелкие камешки, и отскочили, не оставив вмятины.

«Довольно». Какое странное слово. Оно подразумевало меру, конец чего-то. А в ее мире не было меры. Было только протяженность. Он помолчал, будто давая словам достичь ее. Потом заговорил снова, и теперь в его голосе прозвучала нежность, словно он пытался уговорить ее *жить*.

— Анна, я знаю, что произошло, и для меня это невероятная мерзость, — мужчина потер руками лицо. — Ваша казнь — это ужасно, но и мы не могли оставить вас погибнуть там, мы не смогли бы.

Он не знал, как подобрать слова, чтобы она снова решила жить.

— Весна пришла, реки оттаяли, — он начал говорить об обыденных вещах. — Нельзя столько лежать здесь, вы скоро превратитесь в пыль. Неужели все наши *старания* и ваши старания будут напрасны?

А ведь правда? Кто поставил эти рамки: можно/нельзя? Сколько она уже лежала? Около девяти месяцев прошло с ее казни, но желания встать в ее сердце не появилось.

— Ко мне прилетали Маркус и Лукас, они узнали, что вы живы, они хотят вас видеть, — мужчина пошел с козырей. — Но сюда им нельзя, они не посвящены этой общиной, к сожалению. Вам стоит хотя бы ради них встать, они все еще у вас есть они ждут вас.

Внезапно табуретка заскрипела, и по полу пошел шорох. Мужчина стоял на коленях. Анна медленно, с невероятным усилием, словно преодолевая сопротивление густой жидкости, перевела взгляд на него. Впервые за многие дни ее глаза сфокусировались на чем-то конкретном, внешнем. Она увидела грубое сукно камзола, прочные руки, лежащие на коленях, крупные черты лица. Он смотрел на нее прямо, не моргая. В его взгляде было сострадание, но не было осуждения. Было лишь понимание.

— Мне все равно, — прошептала она наконец. Ее голос был тихим, хриплым от долгого молчания, словно ржавая петля.

— Вижу, что все равно, мы все это видим, — он положил свою руку возле ее. — Но неужели вы не хотите навестить сестру?

Анна повернула голову и впилась взглядом в человека. Только сейчас она начала осознавать, кто перед ней.

— О чем вы говорите, господин Овва? Она мертва!

— Да, мертва, но ее могила, ее покойное место, где она мирно спит неужели вы не хотите высказать почтение этому месту? Украсить его? Привести в достойный вид? — это был Оббиус, император Эллиоса, и, вероятно, захоронение Эмильды было его рук дело. Он поднялся с пола, отчего тот снова пискнул, облегченно.

Оббиус постоял над ней еще мгновение, огромный и нелепый в этом маленьком, затхлом пространстве, заслоняя собой свет от окна.

— Я приду завтра, снова, и надеюсь, вы найдете в себе силы встать. Нам много предстоит сделать с вами.

Сказав это, он развернулся и вышел. Его шаги затихли за дверью, а потом и снаружи, на утоптанной тропинке.

Анна лежала, глядя в то место, где он только что стоял. В воздухе еще висело ощущение его присутствия — резкое, как запах железа и мокрой земли.

«Что значит могила, ее же сожгли! Как такое возможно, кто собрал прах?!»

В ее голове снова кружились мысли. До того было тихо, пусто и безветренно, будто внутренний мир ее занесло тем же глубоким снегом, что лежал за окном. Но после прихода мужчины, после его слов, что-то сдвинулось. Лед тронулся. В тишине прозвучал треск, и ее голова начала работать снова в привычном, мучительном режиме — не потоком, а обрывками, осколками, которые ранили изнутри

Она закрыла глаза, пытаясь укрыться от этого внезапного вторжения жизни. Но вместо темноты перед ней всплыло лицо Эми. Не призрачное и печальное, а живое: ясные глаза, весё-

лая улыбка, которая начиналась в уголках губ и мгновенно освещала всё лицо, заставляя щёки яблочно круглеть. Как они летали, не касаясь земли от счастья, по тем самым полянам, что теперь, наверное, только-только освобождались от снега. Как бегали, соревнуясь, пока легкие не горели огнем, а не ледяным безразличием. Как охотились вместе, тихо и терпеливо, понимая друг друга без слов. Как обнимались по ночам в их общей постели, делясь теплом и самыми сокровенными мыслями, шепотом, чтобы не спугнуть волшебство темноты. Как сражались плечом к плечу, чувствуя спину друг друга защищенной. Как учились вместе, склонившись над одной книгой, споря и находя ответы. Каждый образ был ярким, острым, наполненным цветом и звуком. Она чувствовала запах хвои после дождя на той поляне, ощущала под ладонью шероховатую кору дерева, за которым прятались, слышала сдавленный смех Эми, который та пыталась заглушить.

Это была не просто память. Это было полное погружение, короткое возвращение в тот мир, где воздух был сладким от возможности всего.

И этот мир — исчез. Резко, бесповоротно, как хлопнувшая дверь.

Открыв глаза, она увидела только потрескавшиеся бревна потолка. Контраст был настолько жестоким, что в горле встал ком.

Эми мертва. Эти два слова, холодные и неумолимые, как каменная плита, легли поверх всех теплых воспоминаний, придавив их своей бесконечной тяжестью. Веселье, бег, объятия, борьба — всё это было теперь лишь воспоминанием ощущений, коллекцией красивых, но бесполезных картинок.

Они никуда не вели. Они заканчивались здесь, на этой кровати, в тишине маленького домика. Но она, Анна, жива. Факт её дыхания, стук сердца, пусть приглушенный и ленивый, — это было неопровержимо.

Она лежала здесь, а Эми — нет.

В этой простой, ужасающей асимметрии и таилась странная, извращённая обязанность. Если Эми нет, то кто-то должен помнить. Кто-то должен хранить. Не просто вспоминать улыбку, а нести её, как знамя, в которое уже никто не верит, но которое нельзя уронить.

Мысль оформилась медленно, с трудом, будто ржавый механизм начал двигать шестерёнки. Она может жить за них обеих. Не радостной, двойной жизнью — это невозможно. А продолжением. Вместилищем. Она будет ухаживать за могилой. Поливать на ней цветы, выпалывать сорную траву, поправлять покосившийся крест. Она будет любить могилу. Не холод земли, а то, что под ней, — последний земной причал её половины. Она будет любить память об Эми. Не как призрак, а как дело, как долг, как единственную оставшуюся форму этой любви.

Ведь Эми — её часть.

Это не метафора, а физическая истина, понятая кожей и костями. Когда Эми не стало, от Анны не просто кто-то ушёл. От неё оторвали кусок плоти, вынули сердце, оставив только неровную, кровоточащую пустоту. Эми была её сердцем и душой. Её кровью, что бежала в жилах у обеих, горячей и алой. Значит, чтобы существовать дальше, нужно принять эту рану как данность. Нужно научиться ходить, дышать и смотреть на мир с этой дырой внутри. Не пытаясь её заполнить — это невозможно. А признав её постоянным, неизменным спутником. Её миссией теперь было не забывать. Не давать миру стереть Эми окончательно. Пока жива она, жива и та часть, что была Эми.

На следующий день Оббиус зашёл в домик, но Анны там не оказалось. В комнате пахло остывшим чаем и древесной смолой. Тишина была настолько плотной, что он на мгновение застыл на пороге, прислушиваясь к пульсации собственной крови в висках.

Затем он развернулся и вышел наружу. На улице светило солнце, слепое и холодное, отбрасывающее на снег длинные, синие тени. Воздух был прозрачен и колок, каждый вдох обжигал лёгкие. Оббиус вышел во внутренний двор, замкнутое пространство между домом, сараем и низким забором из тёмного бруса. В центре двора, спиной к нему, стояла деревянная

скамейка, направленная в сторону горы и реки, что спускалась с её вершины. Летом отсюда, должно быть, открывался ясный вид на хребет и серебряную нитку воды. Сейчас всё было поглощено монохромной белизной, лишь тёмная лента реки проглядывала сквозь кружево обледеневших ветвей и снежные шапки на скалах.

На скамейке сидела Анна. Она была укутана в большой шерстяной плед с грубым узором, почти сливавшийся цветом с выцветшей древесиной лавки. Она расчистила уголок на сиденье от снега и сидела на этом маленьком островке сухого дерева, неподвижно глядя вперёд. Поза её была не напряжённой, но собранной, словно всё её существо было сосредоточено на процессе созерцания.

Оббиус не сразу решился подойти. Он постоял, наблюдая, как лёгкое облачко её дыхания таяло в солнечном свете. Затем осторожно ступил на утоптанную тропинку. Снег хрустел под его сапогами с отчётливым, почти неприличным звуком, нарушавшим хрустальную тишину двора. Анна не обернулась. Она, казалось, знала, что это он, или же была настолько погружена в свои мысли, что любой звук доносился до неё как бы сквозь толщу воды.

— Здесь холодно, — сказал Оббиус, подходя ближе. Его голос прозвучал глухо.

— Здесь тихо, — ответила она просто, и только тогда слегка повернула голову. Лицо её было бледным, но спокойным. Глаза, обычно такие живые и быстрые, сейчас казались отражением зимнего неба — светлыми и отдалёнными.

Оббиус кивнул, хотя она, уже глядя на гору, вряд ли это видела. Он сел на скамейку, оставив между ними почтительное пространство. Дерево было ледяным даже сквозь толщу ткани его брюк. Он последовал за направлением её взгляда. Там, по вершинам горы, уже растаявшая река текла в размеренном темпе, указывая на скорое приближение весны. Оббиус молчал. Он тоже уставился на гору, пытаясь увидеть её такими же очищенными от смысла глазами. Но его ум, отягощённый привычкой к анализу, тут же начал отмечать геологию склонов, направление течения, качество света. Он с усилием отогнал эти мысли.

— В доме тепло, — промолвил он наконец, не как упрёк, а как простое наблюдение.

— Тепло — это хорошо, — согласилась Анна. — Но иногда полезно почувствовать рамки этого тепла. Его границы. Чтобы помнить, что оно не бесконечно.

Она замолчала, и они сидели рядом в этом странном, застывшем мире двора. Солнце медленно ползло по небосводу, и тень от забора поползла к скамейке, отвоёвывая у света сантиметр за сантиметром. Холод, сначала лишь щекочущий щёки, начал просачиваться глубже, к костям.

— Пойдём внутрь? — предложил Оббиус, когда дрожь впервые пробежала по его спине. Анна вздохнула. Это был не вздох недовольства, а скорее тихое прощание с открывшимся ей на время пространством. Она кивнула.

— Пойдём.

Она поднялась со скамейки, и плед, сбившись складками, на мгновение напомнил крылья большой, неповоротливой птицы. Оббиус тоже встал, отряхнул с колен невидимые снежинки. Анна бросила последний взгляд на гору, уже подёрнутую сизой дымкой предвечерней тени, затем развернулась и пошла к дому, не оглядываясь. Оббиус последовал за ней, оставляя на снегу чёткие следы рядом с отпечатками её голых ступней. Скамейка осталась пустой, с тем самым расчищенным уголком, который теперь быстро остывал, возвращаясь в общее царство холода.

— Я рад, что вы меня услышали, — Овва присел за стол и налил себе чашку чая. Анна вернулась на кровать и села, скрестив ноги под собой.

— Вы правы, я многое себе позволяю, — она укуталась ещё сильнее в плед. — Я долго лежала, пора вставать.

— Это отличная новость, — Оббиус ликовал. — У нас с вами много дел, но сначала мы закончим тут, и после спустимся вниз.

Она кивнула. Было понятно, что после такого долгого отсутствия магической практики могут возникнуть проблемы с силой.

— Кто-нибудь знает, что я жива? — это тоже было важно.

— Да, но очень узкий круг людей, — он покачал головой и начал перечислять. — Знаю я, Симона, Лукас и Маркус, и ваша служанка. Они все были у меня, но, — он недовольно цокнул, — полностью перейти в нашу империю они пока не могут. Они не верят, что вы живы.

— Поняла. Хорошо. Какие наши действия? — было видно, что Анна, та Анна, решительная и сильная, возвращается, она готова начать всё сначала, но для этого потребуется много времени и сил.

— Для начала, надо найти вам обувь и сходить к Аранкая, чтобы он вас осмотрел.

Она кивнула.

«Немногословна, и не понятно, то ли это всегда так, или после случившегося»

Оббиус был рад, хотя бы она встала. В тот же день они отыскали обувь для Анны. Не новую, конечно — прочные, поношенные, но целые сапоги из мягкой оленьей кожи, выменянные у одной из женщин за последнюю серебряную пуговицу. Анна надела их, ступила на мокрую землю, и лицо ее впервые за долгие дни потеряло выражение застывшей, кроткой муки. Она шла теперь увереннее.

Дом старейшины, Аранкая, был в самой вершине устья реки, там, где земля, словно сжавшись в каменный кулак, заставляла воду разворачиваться широким и неторопливым плесом. Туда они и направлялись. Дорога шла по высокому берегу. Где-то еще лежал снег в затененных распадках, плотный, зернистый, испещренный хвоей и ветками. Где-то нет — уже проглядывала первая, робкая трава, темная и мокрая. Воздух был сырым и тяжелым, пах талой землей, гнилой прошлогодней листвой и холодной водой. Река растаяла, освободилась ото льда, но не от своей зимней свинцовости; она текла глухо, неся мутные потоки и обломки деревьев.

Они дошли до дома — не избы, а скорее большого, приземистого сруба, сложенного из мощных бревен, почерневших от времени и влаги. Крыша была покрыта толстым слоем дерна, на котором кое-где уже зеленела первая поросль. Из трубы поднимался ровный, живой дым.

Они постучали в тяжелую, окованную железом дверь. Прозвучали шаги. Дверь отворилась не сразу, будто изнутри сдвигали массивную засову. Оттуда вышел мужчина в поношенной рубахе домотканого полотна и таких же штанах. Лицо у него было широкое, скуластое, глаза узкие, спокойные. Он молча оглядел пришедших и кивком показал следовать за собой. Не сказав ни слова, он повел их не в горницу, а вдоль сруба, по утоптанной тропинке, к внутреннему двору, ближе к реке. Двор оказался просторным, огороженным невысоким частоколом. Здесь пахло дымом, лошадьми и сырой рыбой. У самого края откоса, над темной водой, стояла длинная, крытая навесом лавка. На ней сидели трое стариков. Аранкай, которого Анна узнала сразу по медному обручу на рукаве и тяжелому, резному посоху, лежавшему поперек колен, сидел посередине. Серый мужчина отошел в сторону, став у стены сруба, растворившись в ней. Путники остановились в нескольких шагах от лавки.

— Анна, наконец-то! – Аранкай поднялся. — Подойди же ко мне, я взгляну на твою ауру.

Анна приблизилась к старейшине. Она сделала это без колебаний, с тем же беззвучным принятием, что сопровождало ее все эти дни. Он положил одну руку, широкую и шершавую, ей на сердце. Другую — на лоб. Его движения были точными и экономными, как у человека, привыкшего к тяжелой, но неспешной работе. Руки были холодными, но Анна не дрогнула. Она закрыла глаза.

Аранкай не произносил слов. Он просто стоял, его пальцы слегка прижались к ее коже. Он начал считывать ее ауру, то незримое поле жизни и силы, которое окружает каждого, кто причастен к манне — древнему источнику, пронизывающему эту землю и ее народ. Его собственное восприятие было подобно медленному, глубинному течению. Он чувствовал не цвета или формы, а плотность, температуру, пульсацию. И то, что он обнаружил вокруг Анны, было

холодным и разреженным. Ее аура была тонка, истощена. Она не облегала ее тело живым слоем, а висела, словно порванный лоскуток тумана, готовый рассыпаться при первом движении ветра. В ней не было сопротивления, только хрупкость и пустота. Манны, той внутренней силы, было настолько мало, что Аранкай впервые почувствовал сомнение. Он почти ощутил, что Анна стала обычным человеком, лишенным магии, одним из тех, кто живет за пределами этих лесов и рек, не знающих о потоке, питающем мир.

Это было странно и неестественно, как если бы рыба вдруг оказалась без воды, но продолжала дышать. Но что-то теплилось. Не в ауре, а глубже, прямо в ее груди, под его левой рукой. Не сила, не свет. Нечто иное. Теплый, крошечный очаг жизни, слабый, но упрямый, как последнее семя в промерзшей земле. Он не питался манной. Он просто был. Аранкай перенес внимание на пространство под своей правой рукой. Голову. Там, где у других обычно гнездится сознание, формируются мысли, где манна часто проявляется ярче всего он обнаружил пустоту. Не тишину, а именно пустоту, как в давно опустевшей и заброшенной комнате. Он удивился, не отдернув руки. Это было не просто истощение. Это было исчезновение. То, что должно было быть внутри Анны — ядро ее связи с миром, ее врожденная сущность, та, что делала ее не просто женщиной, но и частью этого места — исчезло.

Оно не было повреждено или спрятано. Его не было. Он опустил руки. Анна открыла глаза. Они были ясными и спокойными, как вода в лесном озере после шторма, когда все уже улеглось. В них не было вопроса, не было ожидания ответа. Аранкай молчал долго, глядя не на нее, а в сторону реки. Его лицо оставалось непроницаемым, но в узких глазах появилась тень глубинного, почти древнего недоумения.

«Пустота в голове и искра в груди», — думал он. Это не соответствовало ни одному из известных ему состояний. Истощение манны приводило к слабости, к болезни, к угасанию ауры, но никогда — к такому полному внутреннему опустошению, словно из человека вынули сердцевину, а внешняя оболочка продолжала стоять перед ним. И эта искра она была другой. Чужеродной. Но живой. Он сделал шаг назад и вернулся на лавку. Его спутники, старейшины, следили за ним, но не спрашивали. Они знали, что он сообщит, если будет что сообщить.

— Ты жива, это замечательно, — сказал Аранкай Анне, его голос был низким и резким, как скрип дерева. — Но то, что делало тебя одной из нас, ушло. Оно не умерло. Его просто нет. И есть что-то другое. Я не знаю, что.

Анна стояла неподвижно, не зная, как реагировать на это.

— Почтенный, а может, это быть из-за смерти и разделения с драконом? – Оббиус дал предположение, что сидело в его голове.

Аранкай лишь покачал головой:

— Не могу знать, я впервые сталкиваюсь с подобным, но – он взглянул на горы и реки. — Анна, начни свой путь, как когда-то начинала тут же, – он обвел руками пространство. — Сходи в пещеры, искупайся в горячих источниках, начни медитировать. Ведь в груди, в твоем сердце! – он указал на грудь Анны, — есть сила, есть искра жизни, разбуди её!

Как казалось, это единственный вариант — вернуть потерянное, вернуть себя.

— Спасибо, *учитель*, – Анна спокойно развернулась и ушла.

Одна, не ожидая, когда до нее добежит Оббиус. Ее мысли текли потоком, шли идеи, шли решения. Она решила. Медитации, и еще раз медитации, пока не почувствует то, что было раньше. Эту тягучую манну, эту вязкую ауру, эту силу, что зрела в ней с рождения. Оббиус шел в сторону дома Анны, как по пути, его поймала за руку женщина.

— Господин, вы с Анной были?! Что ей сказали!??

— Женщина, отпустите, что вы кричите? – Оббиус отдернул руку и отшатнулся.

— Я не женщина, меня зовут Маина! И Анна она собрала еду и воду и ушла! Ушла туда!

Она указала на гору, на выступе зияла дыра. Это был не просто вход, а разрыв в самой скале, черный и неровный, словно гору расколотили древним, огромным молотом. Каменные

стены вокруг него были темными, отсыревшими, покрытыми скользким мхом даже теперь, когда снег уже сошел. Это была самая большая пещера на той горе, самая сильная.

Они звали ее Лоно, потому что там, говорили старики, земля вдруг обрывается в иное дыхание, в другой пласт мира. И не каждый может пройти в нее. Дыхание там было тяжелым, густым, оно давило на грудь и путалось в голове. Там звучали голоса, которых нет на свету, там шаги отдавались не от стен, а из глубины собственного тела.

Пройти его от начала до конца требовало больше нескольких дней, чтобы дойти до удачного места медитации.

И Анна ушла туда. Она не оглянулась, не спросила дорогу. Она просто поднялась по крутой, сыпучей тропе к черному зеву на выступе, шагнула в него и растворилась. Свет снаружи не проникал внутрь даже на полшага; она исчезла мгновенно, как если бы ее стерла сама эта темнота.

Они стояли и смотрели на пустой вход. Ветер гудел над горой, но внутрь пещеры не заходил, будто тамошний воздух был недвижим и мертв.

Маина опустила руку. Оббиус молчал, его лицо было жестким, как камень у наших ног. Они знали, что теперь только пещера решит, вернется она или нет. И что она вернется не той.

Анна шла внутри. Первые несколько шагов были просто темнотой, плотной и физической, давившей на глаза. Затем пространство расширилось. Она ощутила это не взглядом, а слухом и кожей — звук ее шагов растянулся, стал глухим и объемным, воздух стал холоднее и тяжелее.

Она была в огромном своде пещеры, в темноте, которая не была просто отсутствием света. Она была субстанцией. Она висела как ткань, двигалась как вода, заполняла все, и в этой темноте Анна почувствовала, как все внешние мысли, все тревоги, все то, что она принесла с собой от реки, от дома старейшины, от сапог на своих ногах, начало отслаиваться. Они отходили от нее пластами, словно старая шкура, и растворялись в непроглядной гуще вокруг.

Она шла дальше. Где-то впереди, в глубине, возможно, на другом конце этого дня пути, должно было быть то, что она пришла возвращать. Не силу, не манну — старейшина сказал, что ее нет. А себя. То ядро, то отсутствие, которое он ощутил под своей рукой на ее лбу. Пустоту, которую нужно заполнить не чужой силой, а собой, найденной здесь, в этом древнем, безмолвном месте.

Темнота начала менять свой характер. Она не стала светлее, но стала ощутимой в другом качестве — не как барьер, а как пространство. Анна двигалась сквозь него, и он обтекал ее, касался ее кожи не как воздух, а как память. Она начала видеть не глазами.

Внутри этой всеобъемлющей черноты возникали образы — не световые, но ясные. Отрывки из детства, давно забытые. Запах дождя на траве в поле за домом. Они всплывали и уходили, не оставляя следа, только ощущение.

И она поняла, что пещера считывала ее. Не ее магию, не ее ауру — то, что было пусто. Она считывала то, что осталось — тот крошечный теплый очаг в груди, простую, животную жизнь, ткань ее тела, следы ее шагов по земле. И из этого, из этого сырого, неволшебного материала, оно начинало строить что-то новое. Не замену утраченному. Новое основание.

Шло время, но оно теряло смысл. Час или день — все было одним непрерывным, тягучим настоящим. Анна не чувствовала усталости. Она чувствовала только процесс, медленный и неотвратимый, как рост корней в земле.

Где-то в самой середине пути, в точке наибольшего давления и густоты темноты, она остановилась. Не потому что не могла идти дальше. Она остановилась, потому что здесь она решила начать работать внутри себя. Темнота вокруг нее сгустилась до предела, стала почти твердой, и, воспользовавшись этой силой, Анна приступила.

Она села в центре огромной пещеры с высоким потолком. Тишина здесь была не пустотой, а веществом, густым и тягучим, впитывающим каждый звук дыхания. В центре, на каменном полу, неровном, с песком и землей, она нашла точку.

Она села и начала растворяться в себе. Это был не уход от мира, а погружение в иной, внутренний слой реальности. Она прощупывала свою силу, как перебирают четки, нащупывая зернистую, жгучую субстанцию, спрятанную под кожей. Она ощущала свое тело, свою манну, что до того момента билась как об стекло – ритмично, отчаянно и безрезультатно. Теперь же нужно было не пробить, а растворить эту преграду, позволить энергии растечься не наружу, а вглубь.

Анна чувствовала, что нет отклика. Пещера молчала. Эхо не рождалось. Сила, к которой она взывала, будто спала каменным сном где-то в жилах крови.

Но она все равно продолжала. Потому что отступать было уже некуда. Потому что этот шуршащий, почти неслышный призыв был последним мостом между ней и всем, что она еще могла собой считать.

И тогда пришла расплата за дерзость. Она почувствовала, как из носа течет кровь. Теплая, соленая струйка, обжигая губы. Потом – глухое давление в ушах, нарастающий гул, и влага, медленная и неумолимая, пробивающаяся через барабанные перепонки. Кровь. Ее глаза давило изнутри, будто чьи-то огромные пальцы сжимали яблоки обратно в череп. Мир поплыл в кроваво-багровой пелене.

— Я не могу так просто сдаться, ***не могу***!

Она собрала все, что могла внутри себя, и попыталась выплеснуть, но безрезультатно. Отклика нет. Тишина. Отчаянные попытки что-то сделать, как-то реанимировать свою силу, были тщетны.

Не считая дни или часы, Анна сидела в пещере, ощущая свою беспомощность. Ощущая то чувство, что она правда никчемная, как и говорил тогда Филипп.

Мысли о своей никчемности заполонили ее разум, превратив его в тесную, душную клетку. Каждое воспоминание о провале, каждое упущенное слово теперь служило лишь подтверждением главного, самого громкого утверждения. Слова Филиппа, что она ничто, что она всего лишь девка, звучали в голове не как голос из прошлого, а как холодный, безжалостный внутренний закон.

Они отсекали любую попытку сопротивления, любую вспышку гордости. Он сказал это для того, чтобы ее обидеть, но сейчас Анна поняла – он просто назвал факт, который она теперь сама увидела со всей очевидностью.

В этой тишине, отягощенной лишь шелестом собственных неудач, Анна осознала простую и горькую истину. Сейчас, на эмоциях, она ничего не может сделать. Ни крик, ни рыдания, ни попытка снова прощупывать свою манну в этом каменном сердце мира не приведут к результату. Эмоции были слабыми, переменчивыми, они истощали последние силы и затуманивали видение. Что оставалось? Только действие, лишенное их жара. Только движение, подчиненное холодному расчету или, на худой конец, простому инстинкту выживания.

Она собралась. Это не было внезапным решением или вспышкой воли. Это было медленным, физическим процессом. Она поднялась с каменного пола, ощутив каждую мышцу, каждую ноющую от напряжения кость. Кровь на губах застыла. Давление в глазах отступило, оставив лишь глухую, пульсирующую боль. Она вытерла лицо краем одежды, не глядя на следы, которые оставались на ткани.

Затем она направилась к выходу из пещеры. Шаг за шагом, отдаляясь от центра, где пыталась раствориться, где почти растворилась сама. Свет, слабый и далекий, постепенно усиливался. Стены пещеры, прежде казавшиеся бесконечными и подавляющими, теперь просто указывали путь.

Она не оглядывалась назад на место своей попытки и своей боли. Это уже стало частью прошлого, уроком, выученным слишком дорогой ценой. Сейчас была только одна цель: выход. Из пещеры, из этого состояния, из плена своих мыслей и слов Филиппа.

Глава 11. Сила духа

Прошло три месяца. Девяносто дней, каждый из которых был похож на предыдущий, как капли воды в подземной реке. Анна приходила в пещеру на рассвете, когда воздух еще был холодным и острым, и возвращалась затемно, когда тени сгущались в единую черную массу.

Она выработала ритуал. Аккуратно складывала верхнюю одежду на знакомом выступе у входа, зажигала маленькую масляную лампу, чей желтоватый свет лишь подчеркивал немыслимую глубину темноты вокруг. Достигнув центра, гасила огонь. Сидела в абсолютной, давящей тишине, скрестив ноги, ладони на коленях. И пыталась. Пыталась раствориться, ощутить, пробиться. Она перепробовала все: тихое сосредоточение, беззвучное пение, яростный внутренний рывок, стоическое ожидание. Результат был неизменным.

Возвращалась она всегда ни с чем. Вернее, не совсем ни с чем. С телом, изможденным до дрожи. С пустотой в груди, холодной и липкой. И со следами. Кровь из носа стала обычным делом, она носила с собой льняные платки, которые к вечеру превращались в жесткие бурые тряпки. Потом подключились уши – слабый, но пугающий ручеек, оставляющий ржавые подтеки на шее. Худшими были дни, когда кровь проступала в уголках глаз, окрашивая мир в розоватые, болезненные тона перед тем, как смыться слезой. Она боялась этих дней. Боялась, что однажды зрение не вернется.

Но физическая боль была лишь фоном, досадным побочным эффектом. Главной мукой было иное. Она научилась, с тысячью неудач, улавливать о*но*. Ту самую силу, манну, магию – как ни назови. Она чувствовала ее присутствие в собственном теле.

Она могла почти ***видеть*** ее – не глазами, а каким-то внутренним зрением. Она являлась ей как переливающийся туман, как мерцание в темноте, как сложная, бесконечно прекрасная мелодия, звучащая за толстой стеной.

Именно ***стена***. Это был самый точный образ, который приходил ей в голову. Невидимое, идеально гладкое, неопровержимое стекло, разделяющее ее сознание и ее же собственную силу.

Она могла созерцать его, изучать его блики и отливы, подносить к нему мысленную ладонь. Но прикоснуться – никогда. Не было ни шероховатости, ни температуры, ни малейшей вибрации отдачи. Только абсолютный барьер. Ощущение, будто ты смотришь на собственное отражение в идеальном зеркале, понимаешь, что это ты, но не можешь почувствовать холод поверхности. Это сводило с ума. Это было издевательством.

Иногда, в моменты предельной усталости, ей казалось, что стекло – это не внешняя преграда, а ее собственная кожа, ставшая вдруг непроницаемой оболочкой. Что она навсегда заточена внутри самой себя, а та сила, которую она видит, – лишь красивая проекция, мираж ее желаний. Тогда она вставала, почти падая от головокружения, и шла прочь, чувствуя, как стена движется вместе с ней, как невидимый скафандр, отрезающий ее от мира магии.

Она не говорила об этом никому. Слова Филипа все еще звучали где-то на задворках сознания, но теперь они смешались с ее собственным, куда более горьким опытом. Он говорил, что она – ничто.

Пещера же, эти девяносто дней, демонстрировали нечто более изощренное: она была сосудом, способным лишь созерцать свое предназначение, но никогда не извлечь его. Быть вечным зрителем на пиру, где она же и должна быть главным блюдом.

Но странное дело. Отчаяние, придя к своему пику, начало выгорать, превращаясь в нечто иное – в упрямство, лишенное даже надежды. Она продолжала ходить. Не потому, что верила в прорыв. А потому, что сдаться означало согласиться и с Филиппом, и со стеной, и с этой жестокой насмешкой судьбы. Идти в пещеру стало актом немого отрицания.

Мол, вы считаете, что я ничего не могу? Что я лишь могу истекать кровью и смотреть? Что ж. Я буду приходить и пытаться. Я буду истекать. Каждый день. Пока хватит сил. Это было не поиском магии, а странной, изнурительной формой существования. Единственной, которая у нее пока оставалась.

— Как успехи, Анна? – на склоне горы её встретил мужчина.

— Вы кто? Как вы сюда попали? – она остановилась как вкопанная.

— Простите, если напугал вас, госпожа я

Она резко прервала его: — Я не госпожа более, называйте по имени, и назовите свое.

Мужчина, будто не слыша её слова, склонился и назвал свое имя.

— Меня зовут Томиас Раху, и я обязан вам жизнью, и вся моя семья тоже, – он стоял, не поднимая голову, в знак благодарности.

Анна обошла его стороной, забрала одежду со склона и направилась вниз, к своему дому. Мужчина не двигался.

— Вы идете, Томиас? – позвала она, не повернув даже головы.

Мужчина резким броском достиг Анны и двигался в такт с ней, подстраиваясь под её шаг.

— И о чем вы хотите поговорить? Или ваши слова благодарности я должна была только услышать? – она кидала дрова в печь.

— Госп простите, Анна, я хотел сказать не только слова благодарности, но и помочь вам. Я маг воды, и могу помочь в вашем пути осознания.

Она взглянула на мужчину. Он и правда был маг воды, но обучался явно в башне.

— Чем вы мне поможете?

— Ваша магия крови очень похожа на магию воды. Мы все состоим из этих двух веществ, и они дополняют друг друга. Я постараюсь направить потоки воды, чтобы вам было проще почувствовать свою магию.

— Но дело-то не в магии, – она села за стол напротив него. — Я не чувствую манну, нет той ауры, они будто скрываются где-то не могу понять

— Анна, я понимаю ваши опасения, но я уже здесь, – он положил руку на сердце. — И я пойду с вами в следующий раз в пещеру, и мы попробуем вместе.

«Отказываться глупо, попробуем, может, он что-то и может».

— Хорошо, но сначала я схожу к источникам, и завтра пойдем в пещеру, – она взяла чайник и стала разливать по стаканам кипяток. — А вам где сказали заночевать?

Томиас уставился на Анну.

— Тут, – он указал на мешок у входа.

— Что значит «тут»? – глаза Анны распахнулись не на шутку. — Как вы тут спать будете?

— У меня тут все есть, – он начал доставать из мешка одеяло и подушку. — Вот, мне все старейшина дал.

Он вытянул одеяло и показал Анне. Та так и осела с чайником в руках на стул.

— Боги вот он Ну, может, и в источники вместе пойдем, что уже нам? – Анна усмехнулась неровным смехом.

— Да, да, мне полотенце тоже дали, – Томиас снова залез в мешок и достал длинное, тонкое хлопковое полотенце в его рост.

— Вы серьезно?

— Если вы против, я могу остаться и подождать вас тут, но потом, – мужчина почесал свою голову, — я не знаю, куда идти

— Хорошо, ладно, сходим вместе, – она не увидела в нем угрозы, да и ходить туда-сюда, показывая ему место чаши источника, не хотелось.

Горячие источники у подножья горы служили не только приятным расслаблением, но и некой медитацией. Также воды в них были лечебные, они излечивали раны и помогали восстановиться после боя.

Это были круглые природные чаши, в которые умещались не более 3 человек.

Анна часто сидела в них, окружая себя горячим паром и дымом сигарет.

Она приходила сюда на закате, когда все жители общины уже мирно спали, и сидела неподвижно, пока её тело не немело от жары, а кончики пальцев не сморщивались, как у старой прачки. Вода, насыщенная минералами, была густой на ощупь. Она обволакивала кожу невидимой плёнкой, которая потом ещё несколько часов хранила тепло и странный, успокаивающий запах.

Анна приходила после попыток в пещере. Источники хорошо успокаивали и восстанавливали её тело после давления, связанного с прорывом барьера в её голове. И, кроме того, она никогда не забывала про шрам — слабую полоску на шее, память о прошлом.

— Отвернись тогда уж, — она направилась на противоположную сторону чаши, накрыла себя полотенцем иначала спускаться в горячую воду источника.

— Да я и не планировал засматриваться, — Томиас первым шагнул вниз и завизжал. — Боги, какая горячая! — он выпрыгнул из воды и начал скакать вокруг, пытаясь остудить ступни.

— Ты же маг воды, попытайся привыкнуть к ней, — Анна подошла к нему.

Вода источника струилась вокруг неё нежными завитками, как шёлковая ткань, подхватываемая подводным течением. Малейшее её движение рождало на поверхности идеальные концентрические круги, расходящиеся и гаснущие у самого края каменной чаши. Лунный свет, падающий сквозь разрыв в листве, не отражался от воды, а будто растворялся в ней, наполняя толщу жидким сиянием. В этом сиянии парила она. Он стоял сверху чаши, на земле, и пытался остудить свою ногу, обдувая её. Глубина чаши была всё ещё значительной, и вода попрежнему скрывала тело Анны до ключиц, ложась тёмной, блестящей линией на основание её шеи. Казалось, вода не хотела отпускать её, мягко обнимая и поддерживая. Она медленно подняла руку из воды. Движение было настолько плавным, что почти не нарушило зеркальной глади. Вода стекала с её предплечья, с локтя, с тонких запястий и длинных пальцев не отдельными каплями, а целыми сверкающими ручьями, будто её плоть отдавала накопленную влагу с охотой. Рука зависла в воздухе между ними — бледная, точёная, предлагающая. Ладонь была обращена вверх, пальцы слегка согнуты, приглашая не просто коснуться, а принять — принять и последовать.

Всё её тело при этом движении едва заметно наклонилось вперёд, к нему. Вода у её груди слегка взволновалась, на мгновение отступив, обнажив чуть более округлую линию ключицы, тень впадины у основания горла, и снова сомкнулась, как завеса. Теперь он видел каждую деталь: капли, застрявшие в ресницах, влажный блеск на скулах, спокойный ритм дыхания, чуть приподнимавший воду у её груди. И тишина. Только тихий, неумолчный шёпот источника, наполняющего чашу где-то в глубине, за её спиной.

— Тебя долго приглашать? — она явно не любила ждать.

— Да простите, — он коснулся её руки, и внезапно его пробила дрожь по всему телу.

— Что это? — он отдернул руку. Анна всё так же стояла неподвижно в воде, протягивая ему руку.

— О чём ты? Спускайся сам тогда, — она развернулась и начала удаляться, но он не мог позволить ей уйти.

Он резко бросился за ней, развернул к себе лицом и взял обе её руки, сжимая в своих ладонях:

— Что это?

Она была так близко к нему, что между их телами не оставалось воздуха — только тепло и влажная дрожь от воды. Волны, вызванные его резким прыжком в воду, набегали на её грудь, и каждый лёгкий всплеск чуть заметно оголял округлые вершины, скрытые под тёмной поверхностью. Это было не намеренное обнажение, а следствие физики, мелкий диалог между движе-

нием его тела и её непоколебимой устойчивостью. Свет, преломлённый водой, рисовал мгновенные, изменчивые тени на её коже.

Она стояла вплотную к его голому телу, и вода вокруг них стала единой массой, лишённой границ. Его тело было напряженным, неловким в этом моменте. Она смотрела на него широкими глазами.

— Ты что творишь? — она попыталась оттолкнуть его, как внезапно её тело пронзила дрожь.

— Чувствуешь? — он открыл глаза и посмотрел на неё.

— Да я чувствую, но что это? — она сжала его руки в надежде почувствовать больше.

— Подожди, — он прикоснулся губами к её рукам и начал шептать заклинание.

«Он призывает воду? Или что?..»

Внезапно внутри Анны начало колоть и жечь. Сначала это было лишь смутное ощущение в кончиках пальцев ног, будто они погрузились не в горячую воду источника, а в настоящий костёр. Тепло было живым и пульсирующим. Она наблюдала за ним, понимая, как оно поднимается выше, медленно и неуклонно, заполняя сосуды, обтекаямышцы, проникая в самую глубь костей. Оно текло по её ногам, растворяя остатки ночной дрожи, поднималось по бёдрам, и когда достигло живота, стало уже не просто жжением, а густым, огненным сиянием, заключённым внутри. Доходя до груди, огонь сгустился, трансформировался.

Она почувствовала давление — мягкую, но несокрушимо-упругую тяжесть, словно её сдавливает изнутри невидимая, бережная рука. Дыхание стало глубже, каждое расширение грудной клетки встречало это внутреннее сопротивление и преодолевало его с чувством невероятной, торжественной силы. Но это было не страшно. Это было приятно. Это было похоже на возвращение домой после долгого пути, когда тело, наконец, расслабляется в знакомом, безопасном пространстве, отдаваясь его поддержке.

Она закрыла глаза. Мир внешний — вода, камень, лунный свет, мужчина — растворился. Внутри осталось только это плотное, пульсирующее тепло и тишина, которая была громче любого звука. И тогда она начала шептать. Это было заклинание, первозданный призыв силы. Слова были простыми и бесконечно сложными, они сплетались на её губах сами. И она почувствовала, как они шептали в унисон. Не только её голос. Каждый камень под водой, каждый завиток источника, каждый лист на деревьях над головой — всё вокруг участвовало в этом тихом, многоголосом хоре. Она была не источником звука, а его центром, точкой, в которой все эти шёпоты собирались и гармонизировались. Она стояла, погружённая в воду, и вода стала проводником, резонатором, усиливая каждый слог, каждую вибрацию. Тогда она почувствовала новое движение. От её тела, от самых его контуров, начали исходить вибрации. Не звуковые, а физические, тончайшие волны давления, которые расходились по водной глади. Вода вокруг её груди, её плеч начала мелко, почти незаметно дрожать, образуя идеальный круг ритмичных волн, расходящихся во все стороны. И она начала ощущать, что от неё, от самого её тела, отходит будто пелена.

Тончайшая, невидимая оболочка, которую она так пыталась отыскать, но которая всегда была — аура. Будто её аура, ничтожно тонкая и почти прозрачная, впервые пыталась очнуться и создать свой покров. И сейчас, под давлением внутреннего тепла и под звуками унисонного шептания, она делала первые шаги к своему самостоятельному существованию. Она начала медленно, нежно отслаиваться от её физической формы, оставаясь связанной, но уже обладающей собственной, едва уловимой плотностью. Это был не разрыв, а рождение.

Пелена отходила, расширялась, и Анна чувствовала, как её сознание, её «я», начинает существовать не только внутри границ кожи, но и в этом новом, тончайшем пространстве вокруг. Но как только Анна осознала это, та тонкая нить, что связывала сознание Анны и ауру, порвалась.

— Как? Нет? Давай снова, шепчи! — мужчина отпустил руки Анны, но она с новой силой схватила их и прижала к груди. В этот момент он заметил алую полоску на её шее и слегка провёл пальцем по отпечатку.

— Думаю, на сегодня хватит. Попробуем в более подходящем месте, — он указал на пещеру, что виднелась среди сосен. Анна бросила его руки и с брызгами ушла на противоположную сторону чаши.

— Извините, я не хотел вам нагрубить, — он было направился к ней, но она подняла руку и остановила его.

— Что это было?

— Ваша магия откликнулась на мой зов, на зов мага воды, значит, ваша кровь сейчас невероятно жидкая, и надо немного подправить её баланс, — он присел рядом, не глядя на неё, лишь изредка поглядывая.

— И что нам надо сделать?

— Думаю, тут должен делать я, — он почесал затылок. — Вероятно, из-за того, что вы были долго в воде, в реке, ваше тело сильно пропиталось той речной водой, потому мне надо поработать внутри вас.

— Хорошо, и обращайся ко мне на «ты», у нас небольшая разница в возрасте, а по статусу, — Анна пригладила волосы и потянулась за сигаретами. — Тут вообще я чистый лист.

— Почему же? Ваша жизнь изменилась, но ваши заслуги прошлого всегда с вами, с вашим именем.

— Нет, теперь я буду строить новую себя, — Анна пустила клубок дыма прямо в небо, смешивая его с парами горячего источника.

— Значит, завтра в пещеру? — Томиас торопился попробовать свои мысли.

— Да.

Насладившись водами источника, Анна и Томиас вернулись в её уютный домик. Томиас прилёг неподалёку от входа, чуть в стороне от кровати Анны.

Едва коснувшись головой сложенной попоны, он тут же погрузился в сон, тихо посапывая. Анна же ещё долго лежала без сна, уставившись в потолок. Перед её внутренним взором медленно проплывал прожитый день — насыщенный, ясный, по-настоящему плодотворный, благодаря прибытию Томиаса. Эти мысли неспешно укачали её, и она не заметила, как провалилась в тёплые, глубокие воды забытья.

Анна шла по летней траве, ощущая босыми ногами упругую податливость одуванчиков и подорожника. Солнце светило не яростно, а по-полуденному щедро, заливая всё вокруг тягучим, золотистым мёдом. Его тепло ложилось на её плечи невесомым, уютным покрывалом, а каждый шаг вызывал лёгкий, пряный вздох от примятого чабреца и мяты. Вокруг не было ни души. Тишину, звенящую, как тонкий хрусталь, нарушало лишь жужжание неутомимых шмелей да беззвучный, красочный полёт бабочек. Деревья, в основном корявые дубы и стройные, трепетные осины, стояли недвижимой стеной по краям поляны. Их листва слегка шелестела под редкими ласками ветерка, будто перешёптывалась о чём-то своём, вековом.

Широкая сначала тропа постепенно сузилась до едва заметной тропинки, вьющейся меж кочек и кустов орешника. И тут впереди, сквозь кружево листвы, блеснула, заиграв солнечными зайчиками, тонкая серебряная нить. Анна ускорила шаг. Воздух стал прохладней и влажней, наполнившись свежим, чистым запахом воды и мха. Тропинка вывела её к ручью. Он был неширок, в два-три прыжка, но удивительно быстр и живописен. Вода, прозрачная до самого дна, стремительно бежала по каменистому ложу, переливаясь и поблёскивая на солнце. Она журчала, позванивала и булькала, ударяясь о гладкие, отполированные веками валуны, покрытые изумрудным плющом мха. Анна присела на корточки на плоском, прогретом камне у самой кромки и опустила пальцы в поток. Вода была ледяной, живой, и её бег омывал кожу, смывая остатки дневной усталости.

Она решила испить воды этого прохладного ручья и опустила в быстрый поток уже обе ладони, сложив их лодочкой, и осторожно поднесла горсть к губам. Вода была на удивление сладковатой, с едва уловимым привкусом лесной хвои и мокрого камня. Она сделала два-три маленьких глотка, ощущая, как холодная струйка растекается внутри. Закрыв глаза, она наслаждалась этим мгновением чистоты, слушая одно лишь журчание и биение собственного сердца, чуть учащённое от непривычной физической нагрузки. Потом, с лёгким вздохом, она поднялась, отряхивая влажные ладони о спальное платье.

И открыла глаза. Прямо перед ней, по другую сторону узкого ручья, стоял волк. Он был огромен, молочно-белого цвета, и его шерсть, чистая и густая, казалось, светилась изнутри в тенистом лесу.

"Это он, тот волк, из моего сна!" Он тоже пил: его мощная голова была склонена к воде, а с серебряной шерсти на морде ещё скатывались прозрачные капли, сверкая на солнце. Казалось, они пили из одного источника в одно и то же мгновение, разделённые лишь тонкой струёй воды. Волк медленно поднял голову. Морда его была благородной, с умными глазами цвета тёмной янтарной смолы. В них не было ни злобы, ни агрессии — лишь глубокая, бездонная сосредоточенность и тихое любопытство.

Он смотрел на Анну прямо, не мигая, и в этом взгляде читалось что-то древнее и знающее. Воздух вокруг словно сгустился, наполнившись запахом мокрой шерсти, прелой листвы и чего-то дикого, первозданного. Волк, не сводя с неё глаз, медленно, почти человечески осмысленно, облизнул свою могучую пасть. Розовый язык скользнул по белым клыкам, сметая последние капли ручейной воды. И в этот миг, от острого, пронизывающего страха, она проснулась.

Резко открыв глаза, Анна увидела над собой не кроны елей и не белого волка, а знакомые балки — потолок своей комнаты в домике. Сердце колотилось где-то в горле, а в ушах стоял звон. Она лежала на своей кровати, сжав кулаки на одеяле. Утреннее солнце, уже более высокое и яркое, чем в её сне, пробивалось сквозь щели ставень и рисовало на полу длинные золотые полосы.

Она лежала неподвижно, пытаясь унять дрожь и понять, где кончается сон и начинается явь. Картина была слишком яркой, слишком реальной. Она всё ещё чувствовала холод ручейной воды на ладонях и тот тяжёлый, застывший взгляд янтарных глаз.

— Анна, всё в порядке? – Томиас уже проснулся и заваривал чай.

— Да, – она машинально кивнула, не желая делиться увиденным. Анна глубоко вздохнула, села на кровати и дрожащей рукой провела по лицу.

"Просто сон", – сказала она себе шёпотом, но голос звучал неуверенно. Позавтракав и полностью собравшись, они отправились в пещеру, куда до этого Анна ходила в полном одиночестве. Она решила не оставлять вещи снаружи, а взять всё внутрь.

— Какие наши действия? – она с лёгкостью взобралась на склон.

— Для начала покажи то место, где обычно практикуешь, – для Томиаса, как оказалось, взобраться повыше тоже не составит труда.

— Это в самой глубине пещеры, потребуется время, пока доберёмся.

— Ничего, мы не торопимся, – он подмигнул Анне и ускорил шаг.

— Тебе совсем не трудно? – она была удивлена его шустрости.

— Нет, мы с братом много тренируемся, – он уже стоял на выступе, рядом с входом в пещеру. – Он очень много уделяет времени тренировкам, даже сейчас, насколько знаю, он тоже тут, в своей общине.

— А твоя община какая?

— Меня не приняли, я учился в Башне. В моё время, когда было паломничество сюда, в горы Морелия, я сильно заболел, и после болезни моя магия пробудилась. Так и вышло, что я поступил в Башню по наступлению 10 лет.

— А твой брат? Александр, верно? – Анна мало что знала о нём, и любая информация не была бы лишней.

— А ты к чему спрашиваешь? – Томиас резко повернулся.

— Интересно просто, я про него мало что слышала.

— Не думаю, что я могу как-то распространяться про него, в любом случае, когда-нибудь вы пересечётесь, это неизбежно, – он подал руку, чтобы Анна взобралась.

«Странно, не хочет рассказывать про брата, ну и пусть.»

— Нам туда? – он указал вглубь пещеры.

— Да, идём, – Анна первой шагнула внутрь. Они двигались к тому месту, где Анна проводила последние практики внутри пещеры.

Томиас, впервые находясь в такой непроглядной тьме, осторожно продвигался вперёд, пытаясь ориентироваться на ощупь, полагаясь лишь на тонкое чувство пространства и редкие, едва уловимые касания холодных стен. Но Анна, чьи шаги были уверенны и размеренны, ступала словно по знакомой тропе.

Её память, словно живая карта, вела её сквозь мрак, освещая путь невидимым светом. По мере приближения к цели, пещера начала менять свой облик. Стены отступили, пространство расширилось, и даже в этой глубине природа позволила себе проявить немного света. Он просачивался откуда-то сверху, рассеивая густую темноту и открывая взору Томиаса величие этого места.

Он поднял голову, и его дыхание перехватило. Размеры пещеры поражали воображение, создавая ощущение нахождения в сердце древнего, спящего гиганта.

Между тем, Анна, без колебаний прошла в центр просторной залы и принялась раскладывать то, что они принесли. В её сумке лежали ритуальные ножи, горшочки для разлива жидкости и самые главные предметы: бутыль с чистой водой, водой из той реки, и её собственная кровь.

— Ты уже начала? Без меня? – Томиас приблизился, чуть усмехнувшись.

— Да я смотрю, тебе пещера нравится, остаться не хочешь?

— Нет, спасибо, – он скривил лицо. – Я удивлён, как ты сюда так часто ходишь, ведь стены, пол и даже воздух тут пропитан огромной силой, – он прикоснулся к стенам и взглянул на свою ладонь. – Мне приходится прилагать большие усилия, чтобы не задохнуться от природной манны, чем пропитан здешний воздух.

Анна подняла на него глаза. Он и правда выглядел более запыхавшимся, чем когда они поднимались на склон. Его лицо было румяным, но уши и губы были бледные, а под глазами выступили синяки.

— Но я не чувствую ничего подобного.

— Твоя врождённая сила превосходит мою, и даже после потери какой-то её части, она всё ещё есть в тебе, возможно, спит, – он присел напротив Анны и начал расставлять горшочки перед собой. – А возможно, только набирает силы, будто семечко, прорастая, особенно учитывая то, что произошло.

Он склонил голову, осознавая, что, возможно, и сболтнул лишнего. Возможно, она не хочет обсуждать подобные ситуации, ведь то, что произошло, как ни считай, внутри её семьи — было отвратительно и невероятно несправедливо.

— Да, возможно, всё возможно. Но, – она смотрела на Томиаса, – чего мы можем добиться? Какой результат будет считаться результатом?

— На каком ты была пределе?

— Девятая ступень, я не могла перейти на десятую, но количество маны перевалило за 5000 единиц.

— Обалдеть хммх Да, жуть. Ну, в принципе, нам с тобой надо добиться того, чтобы твоя сила пришла на зов, для начала. Но – он начал снимать ботинки и мочить ноги водой.

– Почистим твою кровь от речной воды, а дальше будем совершать призыв, только не знаю, моей маны может не хватить.

— Сколько у тебя единиц?

— Эм единиц? Ну, с тобой не сравниться. В общем, где-то 2800, не больше. Я пока перехожу предел медленно, конечно.

— Сколько?! Всего 2 800?! — её глаза настолько расширились, казалось, они вот-вот выпадут из глазниц

— Не смотри так, в наше время мало кто может пересечь границу в 3 600. Отец и то достиг только недавно её, — он попытался оправдаться.

— Какой ужас! — она опустила лицо в руки, закрывая глаза.

«Что он сможет на пределе седьмого уровня» — подумала она.

— Ты не волнуйся, мы же не знаем, какая ступень у тебя будет, может, даже меньше, — он злорадно улыбнулся, но, увидев её глаза, резко остановился.— Да уж, твой взгляд и без силы невыносим, извини

— Ладно, главное сделать полдела, начнём?

— Конечно!

Анна сидела, закрыв глаза, погруженная в тягучие объятия тишины. Её сердце билось ровно, а тело, казалось, стало единым целым с этим моментом неизвестного ожидания.

Томиас обошёл её сзади. Его ноги были намочены в воде, набранной в источнике гор Морелия. Он бесшумно опустился рядом, присев так, чтобы оказаться лицом к спине Анны. Он дотянулся до бутыли с водой и кровью. Не раздумывая, он вылил её содержимое на холодный, влажный пол пещеры. Алая жидкость растеклась по камням, смешиваясь с грязью и пылью, оставляя уродливые, тёмные пятна. Вода, казалось, пыталась смыть этот след, но кровь впитывалась, словно впиваясь в самую суть этого места. Затем, глубоко вдохнув, он начал читать заклинание. Слова, древние и мощные, вырывались из его уст, первоначально тихие и едва слышные, но постепенно набирающие силу, резонируя с окружающей природой. Воздух вокруг них загустел, наполняясь невидимой энергией. Внезапно кровь и вода начали двигаться в хаотичном, но удивительно организованном танце. Капли крови, словно живые существа, устремились к Анне, касаясь её кожи, проникая сквозь тонкую ткань её одеяния.

В тот же миг прозрачные, мерцающие струйки речной воды последовали её примеру, но их путь был иным. Они текли не в сторону самой Анны, а обтекали её, окружая словно живой, колышущийся щит, но при этом оставаясь на расстоянии. Томиас замер, наблюдая за этим зрелищем. Его глаза расширились от осознания.

Он понял: Анна была одновременно и кровью, и водой, и именно это мешало ей восстановиться. В этот момент, когда осознание охватило его, всё застыло. Кровь, касавшаяся еёкожи, остановилась, словно впитавшись в неё, став частью её самой. Она больше не текла, не двигалась, застыв в эфемерном, но вечном объятии. А вода, этот живой, изменчивый поток, продолжала своё движение, обтекая её, но теперь её поток стал спокойнее, размереннее, словно признавая господство нового, более сильного начала.

Не колеблясь, Томиас поднял кинжал. Его старый, тусклый ритуальный кинжал одним резким, точным движением полоснул по спине Анны. Ткань рубахи поддалась с тихим шорохом, обнажая бледную кожу, которая тут же окрасилась алыми каплями, выступившими из свежей раны. Из раскрытой раны хлынула кровь, обильная и густая. Но вместо того, чтобы смотреть на рану, Томиас вновь обратил свой взор к бутыли. Его заклинание, до этого звучавшее лишь как фоновый шум, набрало силу. Слова, произносимые им, стали глубже, резонируя с самой землёй, с тишиной пещеры. Он читал сильнее, громче, вкладывая в каждый звук всю свою волю и всю свою ману. И тогда произошло нечто удивительное. Среди алых струй крови, вытекавших из раны Анны, начали отделяться чёрные, плотные сгустки. Они не были похожи на кровь. Они напоминали тёмную, почти чёрную воду, но обладали странной, инертной тяже-

стью. Эти чёрные сгустки, словно неведомые существа, медленно отделялись от общего потока, устремляясь вверх. Они поднимались над головой Анны, собираясь в жутковатую, постоянно меняющую форму, окутывая её словно чёрным, зловещим ореолом. Томиас почувствовал, как его магическая сила, его мана, истощается. Она утекала сквозь пальцы, словно песок, и он понимал, что этого запаса не хватит, чтобы завершить ритуал. Время поджимало, а цель была так близка. Отчаяние начало закрадываться в его сердце, но он знал, что отступать нельзя. В этот критический момент он принял решение о последнем, самом рискованном средстве. Он закрыл глаза и произнёс слова для расширения водного покрова. В тот же миг всёпространство вокруг окуталось плотной, клубящейся дымкой. Это была не обычная дымка, а нечто более плотное, вязкое, искажающее пространство и свет. Всё вокруг стало мутным, будто они оказались под водой; очертания предметов расплылись, звуки приглушились, а сам воздух стал тяжёлым и прохладным.

Заклинание Томиаса, его покров, начало действовать, скрывая их от посторонних глаз, погружая в искажённую реальность. Но этот покров был не только щитом. Он служил также приёмником. В этой мутной, искажённой дымке Томиас начал впитывать силу самой пещеры. Влага, проникавшая сквозь камни, древние энергии, покоившиеся в глубине — всё это теперь вливалось в него, восполняя убывающие силы. Каждая капля, каждый отголосок силы пещеры подпитывал его, давая ему возможность завершить заклинание. Он сосредоточился, чувствуя, как мана возвращается, наполняя его, и продолжил произносить заключительные слова ритуала.

Анна сидела, смиренно склонив голову, её плечи чуть заметно дрожали. Слезы, непрошеные и беззвучные, текли по её щекам. Она чувствовала каждое мгновение этого странного, пугающего действа, эту неведомую власть, которая сковывала её тело. Ощущение собственной крови, покидающей её, было одновременно болезненным и отстранённым, словно она наблюдала за собой со стороны. Жидкость, влажная и тёплая, сочилась из раны на спине, оставляя на коже неприятное оцепенение. В то же время, она ощущала, как меняется сам мир вокруг. Туман, густой и плотный, окутал её, словно кокон. Он был необычен, этот туман, его присутствие ощущалось не только глазами, но и всем существом. Анна чувствовала, как Томиас, где-то в этой дымке, черпает силы. Мана пещеры, древняя и могучая, всасывалась в него, наполняя его, в то время как она сама, обескровленная и парализованная, наблюдала за этим процессом. Это было чувство полного бессилия, когда ты осознаёшь происходящее, чувствуешь каждый нюанс, но не можешь предпринять ни малейшего действия, лишь терпеть, покоряясь неведомой судьбе.

«Ради цели мы терпим, ради результата —подчиняемся», — думала она.

Внутри Анны царила абсолютная тишина. Казалось, вся энергия, вся сила, что могла бы биться в её груди, затихла. Она была подобна глади глубокого озера, спокойной и непроницаемой, в то время как вокруг неё бушевал настоящий водоворот событий, стихий и сил. Её собственная магия же молчала. Она не отзывалась на зов, будто её вовсе не существовало. Это было похоже на утерянный ключ, на забытый язык, который больше не мог быть использован.

Анна чувствовала эту пустоту, это отсутствие привычного потока силы, и эта тишина внутри неё была громче любого внешнего шума. Но даже в этом состоянии полного безмолвия Анна не сдавалась.

Сосредоточившись, она начала другой путь. По её губам, чуть заметно шевелясь, потекли другие слова, слова древнего заклинания призыва. Оно было наполнено зовом, просьбой, но в нём таилось и нечто иное — жажда. И тут же, словно вторя этому зову, началось иное движение. Она стала смешивать это заклинание призыва с иным — заклинанием поглощения. Это было жуткое, противоестественное действие, словно она пожирала сама себя. Она тянула к себе, в себя, всё, что ей было доступно, и одновременно из себя, отдавая, истощаясь. Она

поглощала себя изнутри, каждым своим словом, каждым вздохом, и одновременно снаружи, становясь центром притяжения для неведомых сил, что бурлили вокруг.

«Как ты смеешь, Анна?!» — прошипел мерзкий, искажённый голос внутри Анны, в глубине её подавленного сознания. Он звучал как шёпот из самых тёмных глубин, словно сама тьма обрела голос и пробралась в самые уязвимые уголки её души.

В этот самый момент, когда она пыталась поглотить саму себя изнутри и дать будто толчок к трансформации, что-то внутри Анны сломалось. Нечто, подавляемое годами, вырвалось на свободу.

Томиаса с силой отбросило к стене пещеры, словно неведомая рука сжала его и швырнула прочь. Звук удара эхом раскатился по сводам. А из Анны, в этот же миг, хлынул поток её собственной, пробудившейся магии. Тёмная, алая, вязкая, она разливалась подобно тягучей тине, мгновенно заполняя пространство, поглощая собой туманный покров Томиаса, стирая его, как ненужную помеху.

Голос в голове Анны умолк, словно сражённый этой волной исконной силы. Очнувшись от удара, Томиас увидел Анну. Она сидела на коленях, раскинув руки в стороны, запрокинув голову. Её тело изливало тёмно-алые потоки маны. Вся пещера, казалось, откликнулась на этот всплеск силы и приняла эти алые потоки, резонируя своим древним камнем с её магией. Анна чувствовала свою магию. Чувствовала свою кровь, теперь наполненную небывалой мощью. И ещё она чувствовала давление, невероятную силу, которой теперь владела.

И тот голос, что шипел внутри неё, теперь обрёл зримые очертания. Перед ней стояла фигура, словно её двойник — женщина с тёмными, почти чёрными волосами, чёрной кожей и такими же длинными, ниспадающими прядями.

«Как ты смеешь, Анна?!»

— *Что это, чёрт возьми?!* — Томиас сидел у стены, прикрывая рукой рот.

— *Молчи*! — тёмная фигура висела в воздухе. Она протянула свою чёрную руку в направлении Томиаса, посылая невероятно сильные потоки ауры, чтобы сдавить его.

— ***Не смей!***

Анна медленно поднялась на ноги, ощущая, как сила пульсирует в каждой клеточке её существа.

Ее взгляд, прежде полный боли и смирения, теперь горел сталью, властью. Она протянула руку, указывая указательным пальцем на темную, силуэтную фигуру, что еще мгновение назад казалась ее искаженным отражением.

— ***Молчи***! – прозвучал ее голос, усиленный невиданной мощью.

Слово, облеченное в силу, ударило по фигуре, словно невидимый кулак. Та резко скрючилась, зашипела и, не в силах противостоять, упала на колени. По всей пещере пронесся поток воздуха, не просто дуновение, а мощная волна, обрушившаяся на всех присутствующих. Стена давления, ощутимая и неоспоримая, прижала их к полу, обездвиживая, отнимая возможность дышать.

Но Томиас, уже через мгновение, начал обретать контроль над своим телом. Он смог вдохнуть, смог пошевелить пальцами. А вот фигура, прижатая к полу с неистовой силой, казалось, расплющилась. Ее тело исказилось, издавая лишь нечленораздельные, невнятные шипящие звуки, тщетно пытающиеся прорваться сквозь гнет давления.

— Кто это? – он подошел к Анне, что контролировала все пространство пещеры.

— Не знаю, но оно вышло из меня, я чувствую ее в своей голове, – Анна присела на корточки, заглядывая в пустые глазницы фигуры. – Поговорим, дорогуша?

Глава 12. Возвращение из завесы

В пещере сгустился воздух, наполненный запахом сырой земли и чего-то неуловимо древнего. Анна чувствовала, как холод проникает под одежду — не только от низкой температуры, но и от осознания того, что они нарушили покой этого места.

Анна сдерживала фигуру перед собой, напряженная, как струна. Фигура, окутанная полумраком, казалась частью самой скалы, ожившим изваянием, высеченным из камня и теней. Ее присутствие было осязаемым, но в то же время ускользающим, словно сон, который вот-вот развеется.

Но та молчала. Она не говорила ни слова, только смотрела на них пустыми глазницами. В этих глазницах не было ни жизни, ни эмоций, только бездна, в которую хотелось заглянуть и которой одновременно боялись.

— Что значит, *из тебя?* Ты ее знаешь? — Томиас был в шоке от происходящего.

— Да откуда же я знаю? Ты такой интересный, друг мой, — Анна рассматривала фигуру. — Ты думаешь, я бы не заметила такое внутри себя?

— И то верно. Она что-нибудь говорит?

— Молчит

Фигура смотрела на них из темноты, лежа на полу под давлением Анны. Каждая клеточка ее тела пульсировала от напряжения, но Анна не давала себе ослабнуть. Она чувствовала, как под ее руками тело фигуры, казавшееся поначалу невесомым, обретало плотность, становясь все более реальным и одновременно пугающим.

Полумрак пещеры скрывал детали, но Анна видела, как медленно поднимается и опускается грудь фигуры, насколько ровным было ее дыхание. Казалось, она не ослабла, а лишь затаилась, набираясь сил для нового нападения.

Страх сковал Анну ледяными пальцами, но решимость не отступала. Она знала, что должна удержать эту сущность, пока не найдет выход или не поймет, с чем именно столкнулась.

В пустых глазницах фигуры мелькнул едва уловимый отблеск, словно где-то глубоко внутри зарождалась искорка сознания. Это было зловеще, потому что означало, что фигура не была просто безжизненным созданием. В ней было что-то еще, что-то, что могло пробудиться. Анна почувствовала, как по ее спине пробежал холодок.

— Если хочешь знать мое мнение, — у Томиаса была другая идея, — мне кажется, она появилась из того облака воды из реки. Может, она нимфа какая-нибудь?

— Нет, я чувствую себя тут, — Анна посмотрела себе под ноги, — и там, точно под ней, будто моя аура расщепилась и находится в двух местах, — она указала головой ровно на фигуру.

— Не может быть! — Томиас схватился за голову. — Не можете быть, не можете быть

Он начал ходить кругами, держась за голову и причитая.

— Пусть он замолчиииииттт!

Фигура, лежащая на полу под давлением Анны, вдруг зашаталась. Из ее груди вырвалось низкое, дребезжащее шипение, похожее на звук потрескивающих углей. Затем она схватилась за голову, скрючилась, словно от невыносимой боли. Она не могла выдержать причитания Томиаса. Слова, слетавшие с его губ, казались ей острыми осколками, впивающимися в самое ее существо. Это бесило и выворачивало ее наизнанку. Каждый его звук вызывал волну отвращения, смешанного с глухим, животным гневом. Томиас, с его причитаниями, казался для нее воплощением слабости и назойливости, от которых хотелось избавиться раз и навсегда.

Но Анна держала ее. Ее хватка была железной, несмотря на дрожь в теле. Она чувствовала, как тело под ней вибрирует от неконтролируемой ярости, как под кожей что-то бурлит и

перекатывается. Глазницы, казалось, сфокусировались на Томиасе, и в них вспыхнул отблеск ответа на его слова. Это был взгляд, полный ненависти и обещания скорой расплаты.

— Это она мне сказала? — мужчина повернулся и взглянул на фигуру.

— Вероятно, — Анна подошла ближе. — Что ты?

Анна, чувствуя, что напряжение немного спадает, едва заметно ослабила хватку. Силы, поддерживавшие ее, истощались, и она боялась, что потеряет контроль, ведь она только обрела их вновь. Рисковать она не хотела.

Как только давление уменьшилось, фигура, казалось, обрела новое, странное равновесие. Она не попыталась сбежать или напасть, а медленно, почти ритуально, опустилась на колени.

Теперь, сидя на каменном полу, она смотрела на Анну. В её взгляде, который раньше казался пустым и угрожающим, теперь промелькнуло что-то иное. Не враждебность, нет. Скорее, это было тихое, глубокое понимание, или, быть может, смирение.

Фигура молча сидела, её дыхание стало ровнее, а шипение утихло. Казалось, она примирилась с ситуацией, или же её сила иссякла.

И вдруг, нарушая тишину, она подняла руки. Это было движение, лишенное резкости, плавное и осознанное. Медленно, словно боясь спугнуть момент, она сначала указала тонким, черным пальцем на себя. Затем, чуть повернув кисть, указала на Анну. В её глазах, которые теперь казались не пустыми, а скорее заполненными древней печалью, промелькнуло что-то вроде вопроса. Наконец, она скрестила эти пальцы вместе, сложив их у груди в некий загадочный, но явно значимый жест.

— Мы *связаны*?

Фигура кивнула и наклонила голову, будто рассматривая Анну.

— Но как?

И тут перед глазами Анны вспыхнули кадры прошлого, будто древние фрески ожили в её сознании. Первая, самая яркая и мучительная, показала ей Эми – её сестру, её часть, – как ту сжигают. Языки пламени пожирали её тело, оставляя лишь пепел и скорбь.

Боль от увиденного захлестнула Анну, причиняя реальную физическую муку.

Следующая картина была связана с её собственным прошлым, с моментом отчаяния. Анна видела, как она, выплеснула всю свою ману – ту жизненную силу, которая всегда была её частью, её сущностью. Та, собравшись в пульсирующий клубок чистой энергии, растворилась в воздухе, оставив её опустошенной и беззащитной.

А затем – самый страшный образ: как саму Анну вырубили, а после казнили. Чувство беспомощности, безысходности, предсмертной агонии – всё это нахлынуло с новой силой.

Но последняя картина преобразила отчаяние в надежду. Мана, которую она когда-то отпустила, оказалась не просто энергией.

Она жила своей жизнью, двигалась вслед за Анной, как верный спутник, пытаясь соединить части её тела своей силой, восстановить то, что было разрушено. И вот теперь, в этот критический момент, она пробудилась. Мана вернулась, пробудившись вместе с силами Анны, обретая вид самостоятельной единицы, но – и это было самым важным – всё так же неразрывно связанной с Анной.

— Что ты видишь? – Томиас стоял позади и видел, как веки Анны дрожали.

— Я увидела всё, – она подошла ближе к фигуре. – Это ты меня спасла, я себя спасла. – Она потянула руку в направлении фигуры.

Словно отражение, фигура протянула руку в ответ. Её движение было плавным, исполненным немой мольбы или, быть может, высшего согласия. Когда их пальцы соприкоснулись, Анна почувствовала легкое покалывание, тепло, которое начало распространяться от точки контакта. Затем пальцы сплелись в замок, два мира, две сущности, объединяющиеся в единое целое.

Фигура начала будто впитываться в тело Анны, медленно, неуклонно исчезая. Это было не поглощение, а скорее слияние, гармоничное растворение одной субстанции в другой. Анна чувствовала, как её собственная энергия, еёмана, отзывается на это прикосновение, приветствуя возвращение утраченной части. Тени, окутывавшие фигуру, рассеивались, уступая место свету, который исходил изнутри.

Анна с закрытыми глазами сделала тяжёлый вдох, принимая эту новую реальность. Она ощущала, как фигура окончательно растворилась, проникая всё глубже в её тело, становясь частью её самой.

Это было не просто восстановление силы, но и обретение нового понимания, нового измерения себя. В пещере, ещё минуту назад наполненной напряжением и страхом, воцарился покой, нарушаемый лишь ровным дыханием Анны, теперь более сильной и целостной, чем когда-либо прежде.

— Боже, какая жуть! – Томиас подпрыгнул от неожиданности и начал растирать плечи руками. – Ты чувствуешь её, да?

— Да, она говорит со мной, – Анна всё сидела на полу пещеры, приходя в себя. В её голове звучал голос: – У неёнет имени, но она по силе уже перешла на 10-ю ступень, она на пределе 10-й ступени.

— Это как, нет имени?

— Она будто эхо в моей голове, не скажу, что это что-то извне, будто она всё знает обо мне, будто она всегда была со мной, но была просто наблюдателем

— И после твоей казни она пробудилась, ну логично тогда, – Томиас начал собирать сумку для возвращения обратно. – Но имя ей дай, вряд ли она теперь, имея физическое воплощение, исчезнет.

— Да, думаю, прозвище ***Тень*** подойдёт, – Анна встала на ноги. – Ей нравится.

— Тогда отлично, я недолго тут задержался, – они возвращались по коридору пещеры. – Надо только зайти к Аранкае, рассказать ему про

— Нет, – Анна прервала его. – Нет, рассказывать и тем более показывать я не хочу. С этим я разберусь сама.

Она приближалась к выходу из пещеры, куда её влекло слепящее, живительное солнце. Каждый шаг сквозь каменную узду давался ей с трудом, но предвкушение свободы придавало сил. Воздух становился теплее, наполняя лёгкие ароматом свободы и пыли.

Как только её ноги коснулись залитой солнцем земли, яркий поток света ослепил её. Мир вокруг на мгновение растворился в белом мареве, а затем, когда зрение начало возвращаться, Анна увидела, что её ожидало зрелище.

Вокруг входа в пещеру толпился люд. Десятки глаз устремились на неё, в них застыли удивление, страх и какая-то неясная надежда.

Первым, кто прорвался сквозь молчаливую толпу, был Симона. Его лицо, изборождённое тревогой, исказилось облегчением.

Он схватил сына за плечи, его взгляд лихорадочно исследовал Томиаса, словно ища подтверждения, что тот цел и невредим. Убедившись, что с ним всё в порядке, Симона повернулся к Анне, его губы дрогнули в намерении произнести слова.

Он сделал шаг вперёд, но Анна подняла руку, призывая Симона замереть.

Как только её ладонь обратилась к нему, весь воздух вокруг неё, казалось, вздрогнул, словно струна, натянутая до предела. Из её пальцев вырвалась волна чистой силы, ощутимая, как ветер, но несущая в себе могущество магии.

Некоторые из стоявших ближе к ней пошатнулись, не в силах противостоять этой внезапной мощи, но устояли, не отступив, их взгляды были прикованы к Анне, ощущая в ней нечто большее, чем просто спасённую.

— Ты вернулась, это невероятно! – из толпы начал приближаться Аранкая. – Я безмерно рад, что приход этого мальчика помог тебе обрести былую силу!

Аранкая приблизился к ребятам, которые только что выбрались из объятий пещеры. Лучи солнца, ещё не успевшие рассеять остатки пещерной тьмы, падали на их лица, освещая усталость и триумф.

Он хотел поприветствовать их, возможно, разделить радость их освобождения, но прежде чем успел произнести хоть слово, его рука, движимая инстинктивным желанием контакта, коснулась плеча Анны.

В тот же миг его пронзила острая, всепоглощающая боль. Словно невидимый ток, раскалённый добела, прошёл сквозь его тело, разрушая каждую клетку, сжигая его изнутри. Дыхание перехватило, воздух стал густым и тяжёлым, словно он пытался вдохнуть раскалённый песок. Мускулы напряглись до предела, пытаясь удержать его, но сознание начало меркнуть под натиском невыносимых ощущений.

Едва удержавшись на ногах, он с резкой силой отдернул руку, как от прикосновения к раскалённому углю. Пошатнувшись, он сделал несколько шагов назад, пытаясь совладать с бушующей внутри него стихией. Его взгляд, полный смятения и боли, метался между Анной и собственным телом, ища причину этой внезапной и разрушительной атаки.

— Ты стала явно сильнее, чем была! – он явно не желал снова подходить к ней. – Но мой совет: постарайся снова овладеть своей стихией, не позволяй ей бесконтрольно властвовать над тобой.

Анна с едва заметной, но искренней улыбкой посмотрела на своего учителя и, игнорируя его невольное движение назад, решительно двинулась в его сторону. Пространство между ними, казалось, сжалось, и, несмотря на попытку сохранить дистанцию, она настигла его, быстро и неумолимо, заключив в крепкие, но нежные объятия.

В тот момент, когда их тела соприкоснулись, Аранкая ожидал той же жгучей боли, что пронзила его несколько мгновений назад. Но сейчас, вместо разрушительного удара, по всему его телу разлилось ни с чем не сравнимое тепло. Оно было мягким, обволакивающим, подобным солнечному свету после долгой зимы, проникающему до самых костей. Страха больше не было, как и того зловещего ощущения опасности, которое он испытал, когда сам осмелился прикоснуться к Анне. Вместо этого пришло глубокое, умиротворяющее спокойствие, окутавшее его, словно заботливое покрывало.

— Учитель, *я все контролирую* ***сама***, — сказала Анна, отходя, все так же улыбаясь.

— Хорошо, я доверяю тебе, — он поклонился в знак уважения.

Все это время вокруг стояли люди, прихожане общины, волхвы. Они стояли и смотрели, перешептываясь между собой, но не двигались. Анна не могла понять: то ли их встречают, то ли их уже похоронили и видят воплощение собственных страхов в них.

Тишина, царившая вокруг, накаляла атмосферу до предела. Каждый шорох, каждый вздох казался оглушительным. Анна ощущала на себе десятки взглядов. Она попыталась найти в их глазах хоть какой-то знак, подтверждающий, что они здесь для приветствия, для принятия. Но в их взглядах плескалось нечто иное – смесь ожидания и тревоги, будто они предвидели нечто грандиозное и пугающее одновременно. Это смутное чувство начало проникать и в собственное сердце Анны, сея семена сомнения и страха.

— Почему так много людей? — осознание, что люди стоят и смотрят из любопытства, выводило её из себя.

— Анна, мы вас ждали, — Симона подал голос. — Вас не было около недели, мы думали, вы погибли там. Даже отправляли людей, но они вас не могли отыскать

— О чем вы, отец? Мы все время были внутри! — Томиас был в шоке от услышанного.

— Нет, сынок, я сам осматривал пещеру, и вас там не было — Симона и вправду был не на шутку испуган.

— Анна, но в основном они собрались не по тому, — Аранкая обвел наблюдающих взглядом, — им не нравятся чужаки. Господа Раху не были приняты нашей общиной, им тут не рады.

Симона и Томиас осознавали непринятие общины. Они стояли рядом, на их лицах читался стыд и смущение от происходящего.

— Да, учитель, я понимаю. Завтра утром мы отбудем. Господин Раху, не могли бы вы доставить нам драконов для перелета? — Анна была готова вылететь хоть сейчас.

— Конечно, госпожа. Вы полетите в Грандию или в Эллиос?

Анна осознала: её дома нет. Нет больше ни Парга, где её ждали знакомые улицы и старые друзья, ни утеса, хранящего печать её прошлого. Все это исчезло, растворилось в тумане времени, оставив лишь призрачные воспоминания. Прошлого нет, а значит, нет и той Анны, которая его населяла. Это осознание обрушилось на нее с неожиданной силой, но вместо отчаяния оно принесло странное чувство свободы. Груз обязательств, тяготивший ее душу, внезапно исчез. Те нити, что связывали ее с миром, который уже не существовал, оборвались. Теперь она была свободна, как птица, выпущенная из клетки. Перед ней расстилалась чистая, нетронутая страница будущего. Это было пугающе и одновременно захватывающе. Ведь именно сейчас, в этот самый момент, она могла начать писать свою новую историю. Это была возможность создать себя заново, вылепить из пепла прошлого новую реальность.

— Помню, меня пригласили как-то в Эллиос погостить. Если император Оввa не против, я бы навестила их, —она взглянула на Симона. Тот мягко поклонился и тотчас отбыл, не оборачиваясь.

— Господин Оввa будет рад вас видеть, — Томиас поклонился и поспешил за отцом.

Как оказалось, их и вправду не было целую неделю. Слухи распространились молниеносно, словно лесной пожар, охватывая каждый уголок маленькой общины, примостившейся у подножия древних гор. Тревога поселилась в сердцах жителей, ведь Анна ушла не впервые в пещеру, а Томиас как чужак не вселял доверия в их сердца. Они подозревали неладное. Были собраны несколько человек, самых храбрых и опытных, чтобы осмотреть пещеру, окутанную мрачными тенями. День за днем они прочесывали каждый камень, каждую тень, но, к своему разочарованию, ничего не нашли. Ни следа, ни намека на то, где могли исчезнуть их пропавшие гости. Надежда начала угасать, уступая место страху и отчаянию.

И вот, когда казалось, что все потеряно, они вернулись. Появились из темноты, словно призраки. Их появление было одновременно и долгожданным облегчением, и новым источником страха. Ведь то, что произошло с ними, было невозможно. Они вернулись будто и не уходили, и отпечатка трудностей пещеры на них не было. Все жители общины были в ужасе и одновременно рады их возвращению.

— Но что с вами произошло, там, в пещере, Анна? — Аранкая дождался, когда все жители общины разошлись по своим делам, и решил говорить более откровенно.

— Ничего особенного, мы лишь немного поработали, — у Анны не было желания говорить что-то более конкретное.

— Анна, знай, я всегда помогу тебе, не стоит закрываться.

— Спасибо, учитель, я знаю это. Но с нами и правда ничего не произошло. Возможно, ваши люди заблудились в темноте и не отыскали нас.

— Возможно

Аранкая не хотел допытываться у Анны, что произошло в пещере. Он знал: когда придет время, она расскажет ему всё. Сегодня им стоило отдохнуть после долгой и изнурительной работы.

Томиас тем временем вернулся в дом, чтобы собрать вещи. Анна не торопилась и лишь наблюдала за его суетой.

— На источник не хочешь сходить? Сегодня последний день, когда ты можешь посетить его. Неизвестно, когда получится повторить.

Томиас отложил вещи и кивнул.

— Не хочешь поделиться с учителем о том, что произошло?

Они направлялись снова в сторону источника, проходя мимо небольших, утопающих в зелени домиков местных жителей. Из окон доносились тихие голоса, смех, пение – звуки мира, к которому они, прошедшие через мрак пещеры, теперь возвращались. Уже начало смеркаться, окрашивая небо в нежные оттенки оранжевого и фиолетового. Сумерки окутывали окрестности мягкими, обволакивающими тенями, делая пейзаж ещё более живописным.

— А что там произошло? Я сама не могу понять до конца, ведь они и правда ходили за нами, но отыскать не смогли.

Подойдя к заветной чаше с горячей водой, они увидели, как от нее исходит легкий, ароматный пар, танцуя в прохладном вечернем воздухе. Анна, не дожидаясь, первая осторожно ступила в теплую, бурлящую воду. Облегченный вздох вырвался из её груди, когда она полностью погрузилась, ощущая, как вода смывает усталость и тревогу. Ее глаза прикрылись, губы тронула легкая улыбка, которая, казалось, говорила больше, чем любые слова. Она всегда находила утешение в этих водах, и сегодня, после всего пережитого, это утешение было ей особенно необходимо.

— Я могу лишь дать предположение, что могло произойти, — она впервые увидела сквозь пар настолько серьезное лицо Томиаса. В основном он был весел и постоянно что-то невнятно говорил и путался, но тут он задумался.

— И каково твое предположение? — Анна приблизилась к нему, чуть ближе, вглядываясь в его лицо.

— Мы с тобой были внутри, одни, – он закрыл глаза и откинулся на бортик чаши, раскинув руки в стороны. – Начался ритуал, я выпустил покров, свой, и в тот момент произошло смешение твоей стихии и моей, и мы увидели ту фигуру. Вероятно, она изменила пространство или скрыла его, используя оба покрова, тем самым люди, что нас искали, проходили мимо нас, не видя нас.

«***Он праввв!***» – голос в голове снова зашептал, и Анна начала прислушиваться. – ***«Он прав, он обманывает тебя, он сильнее, чем говорил. Дотронься до него и узнаешь всё».***

Анна придвинулась к нему ещё ближе, настолько, что почувствовала тепло его тела. Грань между ними почти стёрлась, оставив лишь тонкий слой воздуха. Томиас же, казалось, был полностью поглощён своими мыслями.

Он продолжал сидеть с раскинутыми руками, глаза его были закрыты, а губы слегка шевелились, словно он вёл внутренний диалог, рассуждая о тайнах и загадках пещеры, что они недавно покинули.

Его погружение в размышления было настолько глубоким, что он, казалось, не замечал ничего вокруг. Но Анна, ощущая необходимость послушаться ***Тень***, медленно, почти нерешительно, подняла руку.

Её пальцы дрогнули, приблизившись к его руке, лежавшей на краю чаши. Трепет пробежал по её телу, когда кончики её пальцев коснулись его кисти, затем – прохладной кожи его пальцев. И тут она почувствовала

Ощущение было внезапным и ошеломляющим. Незримая, но ощутимая волна энергии прокатилась от его руки сквозь её пальцы, наполняя её до самых кончиков. Это было несравнимо ни с чем, что она испытывала прежде. Мощный поток силы, который она едва могла осознать.

Осознание ударило её с такой силой, что она едва не отпрянула. Его сила была гораздо больше восьмого уровня. Всё, что он говорил о своём переходе на седьмой, было ложью. Не просто ложью, а тщательно продуманным обманом.

— Ты лжец! – Анна встала в полный рост. Она сказала эти слова, сказала утверждение, без эмоций или потрясений, лишь голые факты.

Анна слегка царапнула палец ногтем, и из ранки выступила алая кровь. Она почувствовала знакомый прилив силы, пробуждающийся вместе с каждой каплей, стекающей с её кожи.

Не раздумывая, Анна направила свою энергию, сплетая кровь в невидимую, но осязаемую завесу, которая тут же окутала её, прикрывая наготу.

Вместе с кровью, вместе с магической завесой, высвободилась и её истинная энергия. Она хлынула потоком, подобно тёплому, обволакивающему одеялу, окутывая Томиаса.

Он, застигнутый врасплох, почувствовал, как неведомая сила обволакивает его, словно кокон, не давая пошевелиться, но и не причиняя вреда.

— О чём ты? Я не лгал тебе! – он поспешил оправдаться, но Анна была неумолима.

Она наклонилась к нему, одну ногу согнув в колене и осторожно поставив между его ног. Их лица оказались в опасной близости, и в этот момент Анна наконец-то разглядела то, чем он её обманывал.

В глубине его глаз, обычно таких открытых и честных, мерцало нечто иное – сложный узор, едва уловимый, но несомненно присутствующий. Это было защитное заклинание, мощное и хитроумное, скрывающее истинную силу Томиаса, как завеса скрывает истинный облик.

Всё стало на свои места. Ложные заверения, странные совпадения, его внезапное появление – всё это было частью тщательно выстроенной иллюзии.

Он не просто обладал силой, превышающей седьмой уровень, он мог маскировать её, делать невидимой для чужих глаз, даже для её, чуткой к магическим потокам.

— Кто же поставил тебе это заклинание? – она взяла его за подбородок и приблизила к себе, вглядываясь в глубину его зелёных глаз.

— Подожди, я понял, о чём ты, прости меня, – он коснулся руки Анны, останавливая её. – Это заклинание необходимо было, для того чтобы я прошёл завесу общины. Я не житель и не прихожанин, я лишь чужак, и с столь сильной аурой меня не пустили бы.

«Он ***говорит правду***», – голос в голове снова зашипел. Анна осознала – ему можно доверять. Он видит больше, чем она. Её ***Тень*** видит больше, чем сама Анна.

— Ладно уж, живи тогда, *обманщик*, – она улыбнулась и втянула в себя остаток ауры, что вышел с её кровью.

— Ты на всех так кидаешься? Или только на меня? – его ехидная улыбка рассмешила Анну.

— Насколько я помню, ты женат. Твои шутки заставляют меня смеяться, – она залилась громким смехом. – Я ещё не встречала никого, на кого хотела бы кинуться, друг мой.

— Скучно живёшь значит, – он тоже засмеялся и плеснул в неё струю воды.

От души накупавшись, Анна и Томиас направились в сторону дома, чувствуя приятную усталость и расслабление. Воздух был наполнен ароматом трав и приближающихся сумерек.

Когда они вошли в дом, их встретил щедрый пир. Маина, чьё сердце сжималось от беспокойства за Анну, сотворила настоящее чудо, заполнив стол всевозможными яствами. Аромат свежей выпечки, тушёного мяса и спелых фруктов витал в воздухе, обещая утешение и сытость.

Маина сидела напротив, с нежностью наблюдая за ними, тихонько рассказывая о своих переживаниях, которые теперь сменились безграничным облегчением.

После сытного ужина, чувствуя приятное тепло в желудке и умиротворение в душе, они отправились на отдых. Мягкие подушки и тёплые одеяла быстро унесли их в царство сновидений.

Глава 13. Эхо прошлого, шаг в будущее

С первыми петухами, когда мир ещё дремал в предрассветной дымке, а первые робкие лучи солнца лишь коснулись верхушек гор, прилетел Симона Раху. Дракон, величественный и внушительный, снизился с небес, его металлическая чешуя отражала первые золотистые отблески. Он приземлился с таким расчётом, чтобы предоставить комфортное место троим своим пассажирам. Симона остановился по ту сторону прохода и сообщил стражу, что он ожидает и Анну, и Томиаса. Те, в свою очередь, уже ждали у прохода, когда страж пропустит их в мир.

— Надеюсь, вы выспались, госпожа? – Симона был рад видеть всех, особенно Анну.

— Симона, хочу сразу определиться, – Анна развернулась к нему, в её глазах была решимость. – Не называйте меня госпожа, я обычная девушка, что едет в гости. Или лучше, – она слегка задумалась, – я еду по работе. Думаю, господин император сможет меня пристроить в достойное местечко.

— Я вас понял, Анна, и с удовольствием проведу вас по коридорам замка императора Овва для аудиенции, – Симона с улыбкой склонил голову.

Когда все устроились, дракон издал низкий, рокочущий звук, словно перестраивая свои внутренние механизмы. Затем, с мощным взмахом крыльев, он поднялся в небо, оставляя позади спящую землю. Под ними простирались бескрайние просторы, окутанные лёгкой дымкой, а солнце, набирая силу, заливало всё вокруг своим теплом, предвещая новый, полный событий день.

«***Анна, у вас есть уже план, чем будете заниматься в Эллиосе***?» – голос Томиаса отозвался в голове у Анны.

«***Нет, я пока буду плыть по течению***». Томиас резко обернулся, и так же, скрывая легкую улыбку, отвернулся.

Прибыв в столицу, они сошли с дракона; он мягко опустился на специально оборудованную платформу, возвышающуюся над городскими постройками.

Симона Раху, Анна и Томиас наконец спрыгнули на твёрдую землю, ощущая под ногами приятную прохладу каменных плит. Ветер, ласково обдувавший лицо Анны, принёс с собой запахи цветущих садов. Её взгляд невольно устремился вверх, к величественным белым пикам замка, вознёсшимся над городом, словно зубцы короны.

Бескрайние белые площади раскинулись перед ней, отражая в себе яркое солнце. Всё это напоминало ей о прекрасной Парге, но Эллиос, казалось, был ещё более изысканным. Благодаря благосклонным погодным условиям, здесь росли пышные сады, добавляя городу живописности и очарования. У подножия замковых стен их уже ждала внушительная делегация. Не менее дюжины человек выстроились в стройный ряд, приветствуя прибывших.

Анна ещё в полёте, когда сердце дракона мерно отбивало ритм под её ногами, приняла решение. Жить как раньше, с той прежней жизнью, с прежними страхами и потерями, стало немыслимо. Слишком многое изменилось, и чтобы вернуться в этот мир, чтобы не пугать его своей тенью, она решила применить морок – древнее искусство иллюзии, способное исказить реальность. Её целью было не просто скрыть истинное обличье, но и создать новую реальность, в которой она могла бы существовать без прежних привязанностей. Изменив черты лица, она избежит испуганных взглядов, которые могли бы преследовать её на каждом шагу.

А главное, Филипп не узнает о её возвращении. Он будет считать её мёртвой, и это, как ни парадоксально, было ей на руку.

Это давало ей время, пространство для переосмысления, для нового начала, свободного от груза прошлого. И вот, ещё до того, как Оббиус, встречающий их у замка, приблизился, Анна активировала свою магию. Лёгкая, едва уловимая дымка окутала её, искажая контуры

лица, меняя цвет волос, делая её совершенно неузнаваемой. Когда туман рассеялся, перед внимательным взглядом Оббиуса стояла уже не она, Анна, прежняя, а совершенно другая девушка – загадочная, с чертами, которые казались одновременно и знакомыми, и чужими.

Он подошёл к ним, его шаги эхом отдавались по мостовой, и склонил голову в знак приветствия.

— Приветствую гостей! – Оббиус широко распахнул руки в знак приветствия. Делегация позади него не вся дошла до гостей. Его сопровождали только двое из них: Зульфия и некий мужчина.

— Благодарю, мой император! Ульрих, я рад тебя видеть! – Симона с радостной улыбкой поздоровался с Овва и направился к неизвестному мужчине, что стоял позади императора.

Перед собравшимися стоял мужчина, чья внешность была довольно суровой. Его лицо, обветренное и загорелое, носило следы множества битв – лёгкие шрамы пересекали брови и щеки. Его одежда была практичной и прочной: тёмные кожаные доспехи, украшенные металлическими вставками, поверх которых был надет просторный плащ с оторочкой из меха. На поясе висел широкий меч в ножнах, а на плече покоился другой, более короткий клинок. Выражение его лица было непроницаемым, но в глазах, глубоко посаженных и проницательных, читалась смесь усталости и скрытой силы. Казалось, он повидал многое, и каждое испытание лишь закалило его дух. Его губы, плотно сжатые, не выдавали ни единой эмоции, но скулы были напряжены, словно он был готов к любой неожиданности.

— Томиас, раз твой отец занят общением со своим другом, прошу, представь мне свою спутницу, – Овва (император Оббиус) обратил взгляд на Анну.

— Господин, это Анна, вы, вероятно, не поняли, – Томиас слегка опешил, когда увидел совершенно не похожего на Анну человека.

— Да, Император, благодарю за приглашение, – она встала на одно колено и глубоко поклонилась, прижав руку к сердцу. – Я бы хотела служить вам и вашей семье, прошу, примите мое служение!

Оббиус стоял, разинув рот. Не смея ничего говорить, он поднял Анну за плечи с колен и тихонько прошептал на ухо:

— Очень умно, госпожа.

Отойдя и поправив свой камзол, он громко и четко объявил:

— Рад приветствовать, госпожа Анна! Я принимаю ваше служение! Однако хочу также представить вам государя Грандии, короля Ульриха Вейна!

Мужчина, оказавшийся королем Грандии, подал руку в знак приветствия, но Анна лишь поклонилась ему, отказав в рукопожатии. Он слегка прищурился и кивнул.

«*Он знает, кто вы*», – голос Оббиуса разнёсся раскатом в голове Анны. Она лишь кивнула в ответ на мысль императора.

— Что же, пройдемте в зал для приветствия, а после я дам вам поручения, Анна, – отпустив дракона, они направились в тронный зал.

Не было пышного приветствия, лишь несколько человек. Как оказалось, Оббиусу необходимо было дать распоряжения по делам империи, и вскоре они уже расположились на летней террасе. Но, к сожалению, господин Вейн уже отбыл, и они остались втроём: Симона, Анна и Оббиус. Зульфия и Томиас отправились также домой.

— Есть ли у вас планы? – Оббиус разливал всем присутствующим чай.

— Господин, я бы, по возможности, пока хотела бы не участвовать ни в чём, что касается политики. Мне бы работу, тихую и спокойную, – Анна сделала первый глоток, и по её телу разлилось приятное тепло.

— Хорошо, у меня есть парочка предложений. Симона, но хочу услышать твои мысли.

— О, мои мысли были предложить работу в моём замке, но думаю, Анна будет против, поскольку руки необходимы только с Адамом, он растёт как на дрожжах, – Симона прямо засветился при упоминании об Адаме.

— Да, ваш малыш уже бегает, или ещё нет?

— Малыш? – Анна прервала разговор двух отцов.

— Да, Адам, наш младший сын. Зульфия родила вскоре после вашей хмхказни, – вся радость в глазах Симона исчезала после слов о казни.

— Значит, мы спасли Адама. Какое красивое имя, я рада, – она выдавила что-то похожее на улыбку. Осознание, что Адам жив, а Эми – нет, начало порождать в её голове страшные мысли, но она отогнала их прочь.

«*Всё сложилось так, как должно было*», – не та ли, опять вертехвостка, судьба пробежала?

Симона встал на колени перед Анной, отодвинув стул, и глубоко поклонился, ударив лбом об пол:

— Я никогда не перестану вас благодарить и себя лишь винить, но только благодаря вам мой семья цела, моя жена и мой сын, что сейчас дарит радость всем, кто его видит. Это всё вы, вы нас спасли, и я безмерно виню себя за смерть вашей сестры!

«*Если жить обидами на прошлое, то будущее может быть испорчено*».

— Симона, прошу, не стоит столько благодарить меня. Каждый прожил этот момент по мере его возможности. Я лишь могу просить у вас остаться мне верным другом в этом новом мире для меня, – Анна встала рядом с ним на колени и обняла за плечи. – Я бы с радостью познакомилась с Адамом, когда будет такая возможность.

— Ну, раз вы наконец-то поняли друг друга, тогда решим так, – Оббиус был рад столь приятному исходу разговора. – Моя дочь, Эмилия, она вечно летает в облаках. Вот вам и работа, Анна. Предлагаю вам стать личной гувернанткой моей дочери. Конечно, ваша работа будет заключаться в защите, в обучении и наставлении Эмилии. Грязное белье там есть кому убирать.

— Благодарю ваше величество! – Анна подошла и поцеловала перстень императора в знак благодарности и повиновения.

— Ну уж это было лишним. Надеюсь на долгую службу и продуктивную!

— Выпьем за это? – Симона поднял чашку с чаем, но никто не ответил ему.

— Тебе бы лишь бы выпить, Симона!

— Да что я? Я лишь за Анну хочу порадоваться, наконец-то она с нами и в добром здравии!

— Спасибо, Симона, – Анна подняла свою чашку и стукнула по его, тот улыбнулся.

— Отлично, тогда сейчас подадут обед, и после пройдем на площадку. Я представлю вас Эмилии, она сегодня тренируется на клинках.

Анне оставалось только кивнуть в знак согласия. Обед и правда подали сразу, как они окончили разговор. Для Анны этот обед напомнил трапезную в Парге.

«Сейчас всё будет напоминать о прошлой жизни, но сейчас мы живем новую жизнь. Стремись к радости, Анна, и я помогу тебе быть счастливой».

Лёгкая улыбка легла на лицо Анны после слов поддержки своей ***Тени***. Теперь она не одна, и тут она справится также, как и справлялась раньше.

— Оббиус, могу я узнать, где находится могила Эмильды? – для Анны это было важнее всего, и пока она жива и может спросить, она пользуется моментом.

— О, Анна, я честно не знаю, но Маркус, что прилетал ко мне, он знает, ведь он захоронил её останки.

Анна кивнула. Осталось выйти на связь с друзьями из Праги, но так, чтобы они не были в опасности от того. Терять снова кого-то из своей жизни она не хотела. Давать Филиппу больше крови её близких она не хотела.

— Анна, а что с Филиппом? Вами двигает, случайно не сила мести? – Симона понимал, что произошло, и, возможно, она из-за своей силы может представлять угрозу, если пелена мести закроет ей глаза и разум.

— Нет, до него мне совершенно нет дела. Я принимаю свою судьбу, и мстить я точно не планирую, – для нее месть – это грязное дело. – Он заплатит за свои действия, но это будет не моими руками. *Ему всё вернётся, на то силы справедливости*.

— Слишком благородно, я считаю. Многие бы уже давно убили его, как только появилась бы возможность, а вы словно отрезали своё прошлое, – Оббиус также насторожился, ведь настолько сильный маг, прогибается, отмалчивается и соглашается на служение, не обманывает ли она, ища возможности отомстить.

— Нет, – она помотала головой. – Для меня эта глава закрыта. Я никогда не была там своей, как и Эми. Для них мы были чужаками, кого привезли с той стороны моря. А сейчас же этого клейма нет, и я могу спокойно выдохнуть и зажить тихой и мирной жизнью. И надеюсь, – она взглянула на мужчин, что сидели и молчали, остановившись даже в переживании пищи, – вы мне подарите такую возможность, господа.

Симона и Оббиус синхронно кивнули. Даже если Анна и решится на что-то, они не смогут её остановить. А вот кто сможет, тот ещё вопрос.

— Ну, к счастью, сейчас нам не до мести, правда? Сейчас нам на площадку пора, уже кончаются уроки фортепиано, и скоро Эмилия спустится вниз.

Проглатывая на ходу последний кусок мяса, Анна бегом пустилась за удаляющимся Овва.

«*Как же быстро ходит, ужас какой!*»

Они спускались по широкой лестнице огромного зала, что вела из тронного зала на первый этаж, к улице, где находилась тренировочная площадка. Спуск был плавным, ступени широкие и пологие, словно приглашая забыть о суете и спешке.

Воздух был прохладен и свеж, совсем не такой, как в глубине замка, пропитанный запахами камня и вековой пыли.

Все вокруг было выложено белым кирпичом и белой плиткой, создавая ощущение чистоты и простора. Но эта стерильность тут же оживала благодаря повсюду стоящим растениям.

Зеленые островки роскошной листвы, цветущие кашпо, изящные лианы, обвивающие колонны – все это создавало удивительный контраст с монументальностью замковой архитектуры.

Проемы окон, огромные и величественные, были искусно сделаны из темного, потертого временем дерева. В них заглядывали ветки деревьев, их листья, словно изумрудная бахрома, украшали оконные рамы, пропуская сквозь себя солнечные лучи и рассыпая золотистые блики по белоснежным полам.

Анна шла, словно по летнему саду, хотя и находилась внутри древних стен замка.

Выйдя на улицу, они направились через задний двор к площадкам, где тренировались солдаты. Солнце мягко освещало широкие просторы, и даже здесь, вдали от парадных залов, чувствовалась мощь и величие замка. Воздух был свеж, наполнен запахом травы и легкой прохладой, которая приятно бодрила после душных помещений.

Когда те увидели императора, все, как один, замерли, вытянулись в идеальные шеренги и отдали честь – четкие, отточенные движения, результат долгих лет дисциплины. Овва лишь махнул рукой, и привычный ритм тренировок возобновился.

Солдаты, не теряя ни секунды, продолжили свои занятия, словно и не было этой короткой паузы. Шум мечей, возгласы, топот ног – все это сливалось в единую симфонию воинской подготовки.

Они двигались все глубже, проходя мимо других тренировочных зон, где отрабатывались различные виды боя и владения оружием. С каждым шагом пейзаж становился более суровым, более диким. Наконец, они достигли небольшой площадки, всецело покрытой мелким, рыхлым песком. Здесь не было никаких ограждений, только песок и оружие.

Только благодаря рядам стендов с оружием, разбросанных по периметру, и специфическому запаху, витавшему в воздухе, было понятно, что именно здесь, на этой арене, также занимаются.

— А вот и Эмилия, дочь моя. Как прошло занятие?

Овва направился к девушке, что приближалась со стороны замка, но явно с другого выхода. Солнечные лучи играли в ее волосах, отливая золотом, которое, казалось, было вплетено самой рассветной зарей. Она была одета для тренировки в удобную, но при этом изящную одежду, не стесняющую движений, но подчеркивающую стройность ее фигуры.

Волосы, собранные в тугой, но аккуратный пучок, не мешали ей, а в руках она держала клинок средней длины, лезвие которого тускло поблескивало при каждом ее шаге.

Она приближалась, и с каждым мгновением становилось ясно – эта встреча была для нее долгожданной. Когда она увидела отца, ее лицо озарилось сияющей улыбкой. Забыв о дистанции, о формальностях, она рванула к нему бегом, убирая клинок в ножны с неожиданной ловкостью. Ее движения были полны энергии и неподдельной радости.

В следующее мгновение она уже была в его объятиях, крепко и нежно обнимая мужчину.

«***Они близки. Очень близки. Он любит ее сильно***».

«Ты права, они близки, настоящая любовь отца и дочери».

В следующее мгновение они уже стояли перед Анной, и Овва представил дочь.

— Думаю, ваши тренировки будут полезны всем нам, – он мягко погладил волосы дочери и ушел прочь, обратно в замок.

Эмилия долго стояла, не начиная ни разговор, ни бой. Воздух между ними словно пульсировал ожиданием, напряженный до предела, но пока неподвижный.

Анна, не колеблясь, направилась к стенду с оружием, где рядами висели клинки, секиры, копья и щиты. Ее пальцы скользили по рукояткам, словно в поиске чего-то знакомого, чего-то, что отвечало бы ей. В ее движениях чувствовалась сосредоточенность, но и легкое замешательство.

Она выбирала оружие, ведь свое, привычное, родное, она почему-то не могла призвать. Это было странно, неожиданно, и явно вызывало едва заметное беспокойство, которое, тем не менее, никак не отражалось на готовности к бою.

— А мы с вами раньше не встречались? – Эмилия подошла ближе, заглядывая в глаза Анны.

— Возможно, и виделись, а возможно, и нет, – она улыбнулась уголками губ, наконец вытаскивая более удобные кинжалы для боя.

— Интересный выбор – кинжалы. Мало кто может с ним совладать, особенно в обеих руках. Вы обучались в Парге?

— Да, я обучалась на их заставах, и да, там очень многие хорошо владеют кинжалами, – Анна демонстративно провернула их в кистях, показывая свое мастерство, – И с сегодняшнего дня я буду вас обучать, защищать и помогать.

— Значит, теперь ты всегда со мной будешь? – Эмилия распахнула глаза, изредка моргая длинными ресницами.

— Да, госпожа, теперь всегда с вами, – Анна поклонилась, прижав руку к груди.

— С одной стороны, это очень хорошо, с другой – очень плохо. А если я захочу нашкодить? – принцесса надула губки.

— Госпожа, мы с вами сделаем это вместе, если это не грозит вам опасностью, – Анна улыбнулась, показывая свою доброжелательность.

— Ну, отлично тогда. Приступим, *учитель*?

Эмилия встала в стойку для нападения. У нее был один клинок, острый и тонкий, сверкающий в ярком свете обеденного солнца. Каждый мускул ее тела был напряжен, готов к броску.

В глазах горел решительный огонь, в котором не было ни капли страха, лишь предвкушение битвы.

Анна стояла напротив, и ее одолели сомнения. Раньше она никого не учила, кроме Руфи или сестры, и то в основном показывала на своем примере, как укладывала оппонента одним или двумя ударами.

Но тут, перед ней стояла ученица, и ей, Анне, предстояло передать знания, научить, а не просто победить. Это было совершенно новое для нее испытание, требующее терпения, чуткости и умения объяснять.

Она вспомнила первые шаги своей сестры, неуклюжие и нерешительные, и какое упорство требовалось, чтобы довести ее до совершенства. Анна всегда была более интуитивной, полагаясь на острый ум и молниеносную реакцию. Объяснять же технику, разбивать ее на составляющие, терпеливо демонстрировать каждое движение – это казалось ей невероятно сложным.

Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоить бурю в душе.

— Вы готовы, принцесса? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Ей нужно было преодолеть собственные сомнения, чтобы стать настоящим наставником. Успех Эмилии зависел не только от ее способностей, но и от умения Анны передать ей то, что сама Анна освоила так легко, но так трудно объяснить.

Эмилия кивнула, ее взгляд не отрывался от Анны. В ее глазах читалось легкое недоверие, смешанное с едва уловимым волнением. Она была готова принять любой вызов, доверившись опыту и мастерству своей наставницы.

Анна увидела в глазах Эмилии отражение собственной юности – ту же жажду знаний, то же стремление к совершенству. Это добавило ей решимости. Да, ей было непривычно, но разве трудности не закаляют? Разве путь к мастерству не лежит через преодоление себя? Она взглянула на свои кинжалы, затем на клинок Эмилии.

В этих сверкающих лезвиях она увидела не просто оружие, а инструмент познания, средство диалога между учителем и учеником.

— Хорошо, – произнесла Анна, ее голос обрел новую твердость, – начнем с основной стойки. Помните, каждая линия, каждый угол ваших движений должен быть выверен. Не просто повторяйте за мной, чувствуйте свое тело, ощущайте баланс.

Она продемонстрировала стойку, плавно перетекая из одного положения в другое. Эмилия внимательно следила, стараясь уловить каждую деталь.

Анна начала объяснять, разбив движения на мельчайшие составляющие: положение ног, наклон корпуса, положение рук. Она терпеливо показывала, как правильно держать клинок, как он должен двигаться в пространстве. Слова текли из нее, возможно, не всегда изящно, но с искренней заботой и желанием быть понятой. Она видела, как Эмилия старается, как ее тело пытается повторить увиденное.

— Вы раньше кого-то обучали? – Эмилия повторяла прием раз за разом, оттачивая его скорость.

— Да, периодически я показывала свои навыки, но чтобы учить – нет. В честности, этим занимались другие люди, – Анна следила за движениями и слегка помогала принцессе.

— Так значит, все же вы не последний человек в империи, раз другие люди обучали? – Эмилия хитро улыбнулась и перепутала переставление ног, тем самым получив от Анны легкий удар по лодыжкам. — АЙ!

— Принцесса, следите за движениями ног, это очень важно, – Анна встала рядом, забрав у Эмилии клинок, – Повторяйте за мной.

Анна показывала Эмилии отточенные движения. Они были плавными, словно танец павлина, хотя это был танец со смертью. Для Анны, двигавшейся быстро и бесшумно со своими двумя кинжалами, медленно показывать приемы клинка было тяжело, но она справилась.

Ее тело, привыкшее к резким, молниеносным выпадам, теперь источало грацию, недоступную даже самым опытным танцорам. Каждый поворот бедра, каждое движение руки было выверено до миллиметра. Клинок в ее руке превратился в продолжение души, хотя такое оружие было ей неудобно. Но ее мастер, у которого она училась, в свое время дал ей азы всех навыков использования оружия.

Она вспоминала его уроки: истинное мастерство заключается не в скорости, а в контроле — над собой, над оружием, над противником.

Эмилия, наблюдая, чувствовала, как ее собственное тело откликается на увиденное. Она пыталась повторить движения, но ее неуклюжесть казалась невыносимой. Это было словно пытаться вписать грубую линию в изящный узор.

Но Анна не сдавалась. Она мягко направляла руки Эмилии, корректировала ее стойку, шепча на ухо слова поддержки:

— Вообразите, что клинок — это ваше продолжение. Чувствуйте его вес, его баланс. Он должен слиться с вами воедино.

Эмилия, следуя инструкциям, медленно, но уверенно проводила клинком по воздуху. Она закрыла глаза, стараясь ощутить не просто холодную сталь, но нечто большее – энергию, которая, по словам Анны, присуща любому оружию. В ее воображении клинок оживал, становясь частью её самой, послушный и сильный. Новое ощущение было одновременно пугающим и трепетным.

Анна улыбнулась, заметив перемену в позе Эмилии. Легкое напряжение в плечах ушло, появилась уверенность.

— Вот, теперь вы чувствуете, — прошептала она. — Самое главное — это связь. Связь между вашим разумом, вашим телом и клинком. Скорость придет с практикой, но эта связь — фундамент, на котором строится настоящее мастерство.

Тренировка продолжалась. Анна демонстрировала новые связки, показывая, как изящество сочетается с разрушительной силой. Она вернула клинок и продолжила уже с кинжалами, что было привычнее, но техника холодного оружия редко отличалась. Она двигалась, словно ветер, ее кинжалы мелькали, оставляя в воздухе едва уловимые серебристые следы.

Эмилия, наблюдая, снова пыталась повторить, но теперь ее движения были менее скованными. Она все еще совершала ошибки, но в них уже проглядывала та самая грация, которую она решила постичь. В ее глазах отражались не только усилия, но и зарождающееся понимание. Она видела, как Анна, сочетая смертоносность с искусством, переплела два, казалось бы, несовместимых мира, и чувствовала, что однажды сможет сделать то же самое.

— Для первой встречи у вас хорошая база. Вас кто-то обучал? — Анне наличие хоть каких-то навыков у принцессы облегчало весь учебный процесс.

— Когда как. В основном я тренируюсь или с Томиасом, или с Александром, но они постоянно куда-то улетают, — Эмилия снова надула губки.

— Они хорошо вас обучили, но вам не хватает скорости, и вы плохо чувствуете свое тело. Но с этим мы и поработаем, — она улыбнулась принцессе, и та улыбнулась в ответ.

«***Контакт есть***».

«*И то верно, мне с ней предстоит долго работать*».

Солнце начало клониться к закату, окрашивая тренировочную площадку в теплые тона. Вечерний воздух, пропитанный ароматом нагретой стали и земли, обнимал их, когда тренировка подошла к концу. Анна, смахнув со лба капли пота, подошла к Эмилии.

— Сегодняшний день был отмечен прогрессом, — произнесла она, ее голос звучал мягко, но с оттенком одобрения. — Вы начали понимать, что оружие – это не просто инструмент. Оно – продолжение вашей воли, часть вашей души.

Эмилия кивнула, чувствуя глубокую связь с этими словами. Она опустила клинок, но ощущение энергии, пульсирующее в нем, все еще оставалось. Это было как эхо, напоминающее о произошедшем открытии. Впервые она почувствовала себя не просто ученицей, но и той, кто может постичь истинную природу владения оружием.

— Завтра мы начнем работать над скоростью, — продолжила Анна, ее взгляд стал более сосредоточенным. — Но помните, что скорость без контроля – это хаос. Истинная сила заключается в точности, в умении направить всю энергию в нужный момент, в нужное место. Как вода, которая может быть мягкой, но при этом способна разрушить горы.

Слова Анны поселились в сознании Эмилии, становясь новым ориентиром. Она уже видела, как гибкость линий, которую демонстрировала Анна, сплетается с сокрушительной мощью. Это была не просто техника, это была философия, воплощенная в движении.

— Вас обучал мастер воды, правда?

— К чему такие вопросы? — Анна убирала инвентарь и насторожилась от подобных разговоров.

— Вы слишком плавно двигаетесь, и я чувствую, будто вы специально замедляетесь ради меня, хотя сами по себе могли бы двигаться словно тень

— Вы правы, я действительно сражаюсь иначе, но сейчас, как и вам, мне требуется время для восстановления. Я была не в лучшем состоянии последний год.

— А что с вами случилось? Вы болели? — Эмилия снова распахнула свои нежные большие глаза и хлопала длинными ресницами.

— Да, немного болела, но сейчас уже лучше, потому прошу, помогите мне убрать все и мы можем идти отдыхать.

Эмилия лишь кивнула. Анна не хотела развивать разговор, пока не чувствовала, что Эмилия не особо надежныйчеловек, которому можно доверять. Они разошлись, каждая погруженная в свои мысли.

Последующие дни были похожи друг на друга, сливаясь в монотонный, но целеустремленный ритм. Анна, как одержимая, погрузилась в тренировки, стремясь вернуть себе ту ловкость и силу, что были у нее прежде. Еекомната, хоть и скромная, стала настоящей ареной для самосовершенствования. Каждое утро начиналось с упражнений на восстановление мышечной памяти, с ощущения тяжести в руках, с боли, которая постепенно утихала, уступая место знакомому контролю.

Эмилия, казалось, сама чувствовала эту решимость Анны, и их совместные тренировки стали еще более интенсивными. Их поединки теперь проходили быстрее, каждый удар и блок были отточены до автоматизма. Анна учила предугадывать движения Эмилии, находить бреши в ее защите, а ее клинок, словно продолжение ее воли, стал действовать с новой, пугающей точностью.

Время, проведенное в таком ритме, текло незаметно. Солнце сменяло луну, а голод и усталость становились лишь фоном для нарастающего мастерства. Анна замечала, как ее тело откликается на каждую нагрузку, как старые раны перестают болеть, а новые навыки впитываются с жадностью. Она чувствовала, как возвращается к жизни, к той части себя, которая была утрачена.

Иногда, в редкие моменты отдыха, когда тело гудело от напряжения, Анна смотрела в окно. Возвращение было трудным, но каждый день приближал ее к той Анне, которой она когда-то была, а возможно, и делал сильнее.

Одно оставалось важным: встретиться со старыми друзьями, что все еще были в Парге.

Тем утром она направилась на встречу с императором, ведь прошло уже больше двух месяцев, как она жила в Эллиосе. Он встретил её с радостью и пригласил выпить чай на веранде. Ее сердце наполнялось легкой грустью при мысли о тех, кого она оставила позади, но и теплом от столь желанной встречи.

— Я понимаю ваше желание, потому с удовольствием напишу письмо Маркусу. Надеюсь, оно до него дойдет, — император отпил чай и смачно причмокнул.

— Благодарю, ваше величество! — она поклонилась, ведь большего ей не хотелось. Ведь там жизнь, что была у нее до казни. Те друзья остались. Не было только ее сестры, Эмильды, но есть могила, и Анна хотела знать все, что произошло после ее смерти.

Она вспомнила тот день, когда ее обвинили. Страх, отчаяние, всепоглощающая несправедливость. Оставалось лишь ждать, когда Овва выполнит обещание. Через несколько дней она увидела, как император отправил письма. Одно из них было адресовано Маркусу, и сердце её ёкнуло в предвкушении.

До Лукаса же дописаться было куда сложнее. Он находился на отдаленной заставе, где все послания проходили строжайшую проверку. Любое слово, сказанное в письме, могло стоить жизни, и потому даже будучи генералом, она не писала ему письма. Проще было прилететь.

В то утро она, как обычно, шла на тренировку. Солнце только-только поднялось над горизонтом, окрашивая небо нежными красками. Но помимо привычной фигуры Эмилии, на тренировочной площадке стоял Томиас. Его присутствие всегда вызывало смешанные чувства: некоторая настороженность, смешанная с неумолимым любопытством. Он был непредсказуем, как внезапная буря, и никто не мог с уверенностью сказать, что скрывалось за его загадочной улыбкой.

— Доброе утро, лжец, — Анна подошла, решив сразу напомнить Томиасу, какой он обманщик, но лишь в шутку.

— И вам доброе утро, Анна, — Томиас приложил руку к груди и склонил голову. — Рад вас видеть. Вы не против, если я присоединюсь к вашей тренировке?

— С удовольствием. Как раз Эмилия покажет вам, чему она научилась, — Анна принялась раскладывать свои вещи, не обращая внимания на светящееся лицо принцессы.

— Да, Томиас, я очень многому научилась за эти несколько месяцев! Анна невероятная, ее техника меня поразила!

Столько хвальбы Анна слышала редко в свой адрес, ощущая при этом странный диапазон чувств, начиная от смущения, заканчивая радостью.

— Тогда приступайте! — она подала каждому оружие и отошла на несколько шагов назад. — Но, Эмилия, не забудьте: скорость, дыхание и контроль. Остальное придет во время схватки. Начали!

Они приготовились к бою. Воздух вокруг них, казалось, сгустился, стал плотнее, наэлектризованный немым предчувствием. Тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра в высокой траве, предваряла грядущую бурю.

У Эмилии был её тонкий клинок, который сверкал в утреннем солнце, словно пойманный блик звезды. Лезвие, идеально отточенное, обещало быструю и точную смерть. Оно было продолжением её руки, элегантным и смертоносным.

У Томиаса было длинное копье, которое образовалось в его руках, его призванное оружие. Древко, покрытое замысловатой резьбой, излучало мощь, наконечник, словно хищный коготь, был готов разорвать любую преграду. Каждый мускул его тела напрягся, готовясь к броску.

Они стояли, готовые к бою, и делали легкие выпады, дразня друг друга. Легкие движения, едва заметные изменения положения тела, взгляд, который пронзал насквозь. Каждый из них изучал противника, впитывая каждое его движение, каждую мельчайшую деталь.

Их бой был красив, заворачивал в себя, как вихрь, словно диковинный танец, где каждое движение было отточено до совершенства.

Томиас двигался, он был пластичен, настоящим воплощением стихии воды. Его тело, гибкое и текучее, повторяло изгибы волн, перекатывалось, словно серебристая гладь озера под лунным светом. Он мог скользить по земле, словно речная вода, уносящая с собой всё на своём пути, могучая и неукротимая.

Его копье, казалось, было продолжением его руки, единым целым, танцующим в воздухе, словно гибкая водная лилия, но готовая в любой миг обрушиться с яростью водопада. Каждое его движение было плавным, но при этом несло в себе скрытую, смертоносную силу, подобно тому, как спокойное течение реки может внезапно превратиться в бушующий поток.

Эмилия же, только освоившись с клинком, не уступала ему. В её движениях чувствовалась молодость и неукротимая энергия, подобная весеннему ручью, пробивающему себе дорогу сквозь камни. Её клинок, тонкий и острый, вспыхивал словно молния, рассекая воздух с невиданной скоростью. Она не обладала той стихийной мощью, что исходила от Томиаса, но её сила заключалась в точности, в удивительном чувстве ритма и момента. Она была подобна стремительному ветру, который, хоть и невидим, способен снести с ног самого сильного соперника.

Они начали двигаться резче, совершая удары. Клинок Эмилии плясал в воздухе, словно серебристая змейка, пытающаяся ужалить. Копье Томиаса парировало, отражая атаки с мягким жужжанием, стараясь найти брешь в её защите.

С каждым мгновением бой становился всё напряжённее, их движения становились всё более резкими и решительными, превращаясь в стремительный, смертоносный поединок, где каждый взмах был на счету.

— 2/1 в мою пользу, Томми! — Эмилия, чуть задыхаясь, отпрянула. — Сдаёшь позиции, братец?

Её задорный смех и ухмылка лишь раззадорили Томиаса:

— Раз мы на счет, то берегись, Эми!

«***Эми***» — голос в голове нервно зашипел, и Анна почувствовала по всему телу мелкую дрожь.

Томиас резко парировал, его движения стали ещё быстрее, почти неразличимыми. Он был подобен вихрю, окутавшему Эмилию, закружил её в смертельном танце. Молниеносным, едва уловимым движением он обогнул её, заставив отступить, и нанёс несколько отвлекающих ударов, которые лишь сбили её с толку. Каждый его взмах был рассчитан, каждое движение – безжалостно. А затем, когда она, ослеплённая и дезориентированная, потеряла бдительность, он сделал решающий ход.

Внезапно, словно змея, выскочившая из травы, его копье оказалось под ней, прямо в поддых. Удар был несильным, но точным.

Эмилия, потеряв равновесие, упала на колени, хватаясь за живот. Боль пронзила её, заставляя согнуться пополам. Она причитала, её голос был полон отчаяния, отзвук боли, которую она испытывала.

Утреннее солнце, ещё минуту назад казавшееся ей союзником, теперь лишь насмешливо освещало её поражение, а блестящий клинок, лежавший рядом, казался бесполезным и холодным.

— Достаточно! — из-за угла вышел мужчина в доспехах и громко объявил. — Анна, вас ожидают на летней веранде заднего двора, господин император!

Сказав свои слова, он резко удалился, не дождавшись Анны.

— Папенька? Что же случилось? — Эмилия встала с колен, будто ничего не было, и, толкнув Томиаса в плечо, поспешила вслед за уходившей Анной.

Анна решила не ждать, пока ребята придут в себя, и немедленно отправилась по приказу императора на летнюю веранду.

Сердце её билось как пойманная птица, трепетно и тревожно. Лёгкий ветерок, ласкавший её лицо, не приносил успокоения, лишь усиливал ощущение надвигающейся беды.

В её голове вихрем проносились тревожные мысли. Что-то произошло, несомненно. Слишком уж всё было тихо, слишком подозрительно. А главное – что, если Оббиус предаст её? Что, если он выдаст её Филиппу, получив взамен его расположение?

Эта мысль, как ядовитое насекомое, впилась в её сознание, вызывая дрожь. Она знала, на что способен Филипп, его ненасытную жажду власти и готовность идти по головам ради достижения своих целей.

Но размышления, какими бы горькими они ни были, не могли её остановить. Анна понимала, что сейчас любое промедление может стоить ей слишком дорого.

Она шла, стиснув зубы, готовая к любому исходу. Воля императора была законом, а её долг – превыше всего.

«***Твои мысли – твои враги! Ты слишком много думаешь! Оставь мне все свои страхи я их съем***»

«*Легко тебе говорить, ты сидишь внутри и смотришь только, а я тут, живу за нас обеих*».

«***Так выпусти меня, и я сожгу этот мир, тот мир, что предал нас, предал нашу Эми Сожгууу***»

«*Молчи, молчи, пока я говорю! Когда будет необходимость, я подумаю над твоим предложение*м».

Голос в её голове все чаще начал упоминать про несправедливость этого мира. Но Анна решительно отгоняла эти мысли. Она понимала: то, что она вернулась в ещё более сильном положении, означает лишь одно – её жизнь важна, и, возможно, когда-то она отдаст её ради чего-то вновь. А пока она должна понять лишь, для чего её зовут с утра пораньше лично к императору.

Она шла по коридору, вдумчиво перебирая в памяти недавние события. Каждый шаг отдавался лёгким эхом в тишине, отражая её внутреннее состояние – смесь беспокойства и решимости.

Её путь вёл её прямиком на летнюю веранду, минуя пышный тронный зал. Она ненароком любовалась раскинувшимися вдоль стен экзотическими растениями. Их диковинные формы и насыщенные цвета завораживали, создавая уютный, оазисный островок посреди холодного камня дворца.

Это было не намеренное отвлечение, а скорее секундное перемирие с тревогой, возможность на мгновение окунуться в мир спокойствия и природной гармонии, которую так ценила Анна. Огромное количество зелени создавало ощущение скрытого мира, полного тайн и обещаний.

Подойдя к выходу, она без колебаний отодвинула тяжелое полотно, служившее дверным занавесом. Мгновение – и в лицо ударил ослепительный свет, настолько яркий, что ей пришлось зажмуриться. Солнечные лучи, усиленные отражением от каменных плит веранды, обрушились на неё, словно поток раскалённого золота, временно лишив её зрения и заставив почувствовать себя совершенно беззащитной перед стихией.

— Анна, я рад, что ты прибыла! — за столом сидел Оббиус и пил чай.

Рядом с ним сидела фигура в капюшоне и длинном плаще. Чуть поодаль, ближе к ограждению веранды, стояла другая фигура, чуть ниже, но плащ был короче, и оттуда виднелись тонкие ножки в изысканных каблучках.

Тот незнакомец, что сидел за столом и также пил чай, прохладно и неторопливо, слегка повернулся в сторону Анны. Его движение было плавным, почти незаметным, но оно ощущалось как тихое возмущение в невозмутимой тишине веранды. В тот момент, когда его взгляд, казалось, коснулся её, Анна почувствовала необъяснимое, но явное присутствие.

Его лицо не было видно. Оно оставалось окутанным тенью, словно скрытое за невидимой завесой. Возможно, это была игра света и тени, а может быть, что-то более мистическое. Аура его тоже была скрыта, не излучая ни тепла, ни холода, ни опасности, ни дружелюбия. Она была нейтральной, как пустота, что делает её ещё более пугающей.

Ни руки, ни ноги, ни шея – ничего не было открыто, что могло бы дать подсказку Анне, кто перед ней. Его тело было подобно загадочной статуе, окутанной тканью, которая не позволяла разглядеть ни единой детали. Он сидел, полностью одетый, словно тёмная фигура, вырезанная из ночи. Его поза была расслабленной, но в этой расслабленности таилось нечто зловещее, скрытая сила, которая могла взорваться в любой момент.

Анна не знала, был ли он врагом или союзником, другом или призраком. Его молчание кричало громче любых слов, наполняя пространство неизвестностью.

— Анна, прошу, сними морок, наши гости не могут тебя узнать! — Оббиус наконец отложил свой чай и указал на незнакомца в капюшоне.

— Как я могу довериться незнакомому человеку в капюшоне? Пускай сначала снимет капюшон, — для Анны было опасно доверять чужим людям.

Мужчина медленно поднял руку и откинул капюшон.

Фигура поодаль, та самая, что стояла у ограждения, слегка повернулась в сторону Анны. Это было не столько движение, сколько ощущение. Словно невидимая нить связала их в этот момент, привлекшее его внимание к ней.

Она сложила руки на груди, принимая позу, которая могла показаться оборонительной, но в его исполнении выглядела скорее как знак уверенности и контроля. Затем, с лёгкой грацией, которой можно было позавидовать, она откинулась на ограждение веранды, изящно закинув ногу на ногу.

— Ваши условия выполнены, но, к сожалению, я не узнаю в вас мою *госпожу*.

Под капюшоном скрывалось до боли знакомое лицо, лицо, что не раз её спасало, что берегло Анну в прошлой жизни. При виде его сердце забилось быстрее, вырываясь из груди, словно стремясь навстречу. То было лицо Маркуса, единственного друга, которому она могла доверять без остатка.

Он был тем, кто видел её насквозь, кто знал её без прикрас, и, несмотря на это, оставался рядом. Он спасал её из опасных ситуаций, оберегал от врагов, его верность была нерушимой, как скала, в бушующем океане её судьбы. До последнего момента, даже когда казалось, что надежды нет, Маркус стоял на страже, готовый отдать жизнь за её спасение.

— *Маркус* – она прошептала его имя, словно нежный ветерок, коснувшийся застывшего воздуха.

Движение её руки было лёгким, почти невесомым, словно она перелистывала старинную книгу, открывая новую, давно забытую главу. Морок, что скрывал её лицо, поддался её прикосновению, медленно отступая, обнажая её истинную сущность.

И вот он увидел её. Анна была бледна, её кожа казалась почти прозрачной в ярком солнечном свете. Но не бледность привлекла его взгляд, а шрам на шее. Он светился, словно уголёк, тлеющий в ночи, напоминая о прошлом, о боли, о схватке, в которой она погибла. Этот след, вросший в её плоть, был свидетелем её борьбы, доказательством её стойкости. Но, несмотря на этот отпечаток трагедии, она была жива. Жива и перед ним, готовая встретиться взглядом, готовая показать ему, что она вернулась.

И он узнал её. В этом новом облике, омрачённом шрамом, но сияющем жизнью, он узнал свою Анну. Маркус вскочил с места, его ноги будто ожили, стремительно преодолевая рассто-

яние между ними. В один миг он оказался рядом с Анной, и его руки, сильные и надёжные, сомкнулись вокруг неё в объятии, которое, казалось, могло остановить время. Она, ошеломлённая, не могла поднять руки, чтобы ответить на его жаркие объятия, словно превратившись в оловянного солдатика, застывшего под взглядом грозы. Он прижимал её к себе так сильно, что она чувствовала, как колотится его сердце. Слёзы текли по его щекам, принося облегчение невысказанной боли. Он уткнулся ей в макушку, и она слышала его всхлипы, ощущала, как всё его существо вибрирует от эмоций. Его объятия становились всё крепче, словно он боялся, что она снова ускользнёт, как сон, как мираж.

Фигура у ограждения, что до этого момента оставалась загадочной, вдруг сорвала с себя капюшон. Это была Руфи. Вся её выдержка, вся сдержанность испарились без следа. Она бросилась к ним, её глаза наполнились слезами, которые срывались безудержным потоком. Словно обезумев от радости и облегчения, она крепко сжала Анну сзади, её рыдания сотрясали её тело. Её рука скользнула по одежде Анны, вытирая слёзы и сопли рукавом, в порыве искренних, неудержимых чувств.

— Госпожа! Вы живы, здоровы, боги! Это такая радость! Мы уже всей империей вас похоронили! – Руфи не могла остановиться плакать, лишь изредка поглядывая на Анну.

— Рано вы меня похоронили, друзья мои, – Анна была настолько рада, ведь это был единственный оплот её жизни в этом мире.

Её семья. Её оставшаяся семья.

Глава 14. Голос прошлого : внезапная угроза.

На летней веранде, где воздух был напоен ароматами цветущих роз и легкой прохладой вечернего бриза, сидели старые друзья. Солнце, уже низко висящее над горизонтом, окрашивало небо в нежные персиковые и золотистые тона, но для них этот закат казался лишь отражением той тьмы, что не так давно окутала их жизни.

Еще год назад они действительно считали ее мертвой. Каждый день был испытанием, каждый рассвет приносил лишь осознание ее отсутствия. Они не знали, как жить дальше, как наполнить дни смыслом, когда из их общего мира исчезла та, кто была его неотъемлемой частью. Казалось, вместе с ней ушла и их собственная жизнь, оставив лишь бледные тени былых дней.

Но сейчас она сидела перед ними, живая, реальная, такая же, как в былые времена. Та же легкая улыбка, те же знакомые черты лица, но во всем ее облике чувствовалась иная глубина, иная стойкость. Она вернулась, но вернулась уже другой. И не только она.

Они все уже были другими. Год разлуки оставил на каждом из них свой неизгладимый след. Они пережили то, что, казалось, могло их сломить, и вышли из этого испытания, закаленные, но не очерствевшие. И эта встреча, эта возможность снова быть вместе, казалась самым ценным подарком, который могла принести им жизнь.

— Но как ты выжила? Это чудо из чудес! — Маркус сидел напротив и не мог отвести взгляд.

— Чудо — Руфи сидела словно приклеенная, она держала руку Анны и прижималась всем телом к своей госпоже.

— Да, это и правда чудо, но об этом мы с вами поговорим позже, — она взглянула на Маркуса. — Маркус, ты знаешь, где захоронена Эми?

После её слов его глаза сверкнули.

— Да, мы знаем, мы отвезем туда, как только ты будешь готова.

— Я готова хоть сейчас! — Анна вскочила на ноги, дернув Руфи за руку, что та держала.

— Если господин позволит, мы можем слетать сегодня, но нам нужен будет дракон, — он повернулся в сторону императора, что все время сидел и молчал. Оббиус понимал, насколько важна им троим эта поездка.

— Конечно, да, я все подготовлю, — Овва встал.

— Отлично, тогда я буду готовить седла, — Маркус вышел с террасы. Руфи с нежным взглядом отпустила руку Анны и последовала за ним.

— Анна, — Оббиус подошел и взял её за руку, — я пойму, если вы решитесь не возвращаться. Я пойму, если вы найдете другой путь в этом мире после этой поездки, но мы были бы рады вам помочь, и надеюсь, вы вернетесь, — он смотрел на нее с открытой добротой.

За то время, пока она служила в замке Овва, Эмилия очень сблизилась с Анной. Они проводили вместе долгие часы, обсуждая страхи, надежды и мечты Эмилии. Анна же старалась не сильно делиться своим прошлым и лишь поддерживала принцессу, наставляла её.

Анна, несмотря на свою внешнюю хрупкость, обладала сильным характером и острым умом. Эмилия же, в свою очередь, находила в ней не только подругу, но и мудрую наставницу, чьи советы часто оказывались бесценными. Их тренировки и общение очень сильно влияли на его дочь, и это его очень устраивало.

Впервые за долгие годы он видел, как его дочь расцветает, как пробуждается в ней жажда жизни. Анна, с её спокойной уверенностью и добрым сердцем, стала для Эмилии тем якорем, который удерживал её на плаву в бурном море неспокойного нрава. Тренировочные занятия, которые они проводили, закаляли не только тело, но и дух Эмилии. Она училась владеть клинком, осваивала боевые искусства, но, что куда важнее, училась верить в себя, преодолевать

сомнения и страхи. Его дочь, прежде вечно витающая в облаках, теперь стала более сдержанной и сознательной. Она с радостью делилась своими успехами с отцом, и каждый её рассказ наполнял его сердце гордостью и надеждой.

Он видел, как меняется её взгляд, как загораются её глаза, когда она говорит о новых достижениях. Это было лучшее, что могло случиться с его ребёнком, и он был благодарен Анне за её неоценимый вклад в это преображение.

Хоть Анна никак не участвовала в делах дворца, в политике, он всё равно не хотел, чтобы она не вернулась. Её роль была особенной, не связанной с интригами и борьбой за власть. Для него эта помощь была равносильна оплате долга. Он помнил, как Анна в своё время спасла весь континент от надвигающейся тьмы, как её самоотверженность и мужество предотвратили катастрофу. Этот подвиг навсегда остался в его памяти, и теперь, когда Анна нуждалась в поддержке, он был готов отдать всё, чтобы помочь ей. Помочь ей было не просто обязанностью, а истинной радостью для него. Он испытывал глубочайшую благодарность к Анне за её прошлое деяние, ведь благодаря ей он и многие другие получили шанс на жизнь. Его сердце переполнялось теплотой и уважением к этой необыкновенной девушке. Он знал, что её присутствие рядом, в их империи, даже будучи вдали от дворцовой суеты, приносило ему покой и уверенность в безопасности.

— Благодарю, император. Я помню, сколько вы сделали для меня, потому я вернусь, – она нежно наклонилась, оставила его руки и ушла вслед за друзьями.

На просторной площадке, служившей подобием взлётной, уже были готовы два величественных дракона. Их чешуйчатые тела отливали всеми оттенками закатного солнца, а могучие крылья медленно рассекали воздух, предвкушая полёт. Один из драконов, окрашенный в цвета весенней листвы, ждал всадницу. Это была Руфи, она уверенно взобралась на спину своего верного спутника, придерживая поводья, сплетённые из прочной кожи. На другом, более крупном драконе, чья шкура напоминала тёмное ночное небо, расположились Анна и Маркус. Их посадка была скоординированной, несмотря на различия в размерах и темпераментах крылатых гигантов.

Анна, с её сосредоточенным взглядом и спокойной осанкой, словно сливалась воедино с этим драконом, но она села позади, поскольку не чувствовала его. Перед ней сидел Маркус, его присутствие было более явным, надёжным. С первыми мощными взмахами крыльев драконы поднялись в воздух. Небо распахнулось перед ними, словно огромное полотно, на котором им предстояло начертать свой путь.

Они начали набирать высоту, совершая круговые движения над площадкой. Сначала их путь лежал в сторону величественных гор Эвалар, чьи вершины, казалось, подпирали небесный свод. Драконы, словно два могучих корабля, рассекали воздух, унося своих всадников всё дальше от земель Эллиоса. Под ними простирались зелёные долины, которые постепенно сменялись скалистыми ландшафтами и песочными равнинами, приближаясь к Паргу. Уже позже, когда горы остались позади, их курс изменился. Драконы плавно сместились к морю, к бескрайнему простору, где небо сливалось с водой в единую синеву. Шум прибоя стал слышен издалека, усиливаясь с каждой минутой. Воздух наполнился солёным запахом, освежающим и бодрящим. Они приближались к Утёсу Ласточек, грозной скале, где волны бились о скалы, и где Анна с Эмильдой росли.

— Тут? – Они опустились на землю.

— Да, – Маркус спрыгнул вслед за ней, — Накинь морок, чтобы слуги не узнали.

Анна провела рукой перед лицом, изменяя свою внешность. Её черты неуловимо сгладились, ресницы стали гуще, а пряди волос приобрели более тёмный оттенок. Преображение было мгновенным, но не кардинальным – лишь легкая вуаль, скрывающая истинное лицо, не привлекая лишнего внимания.

Она последовала за Маркусом, ступая по каменистой тропе, ведущей вдоль края обрыва. Солнечный свет играл на поверхности моря, расстилающегося далеко внизу. Воздух был наполнен соленым бризом и ароматом прибрежных трав. Они шли прямо до того места, где раньше стояла любимая скамейка Анны, место её уединенных размышлений. Но сейчас там была лишь пустота, словно сама земля поглотила её.

— Убрали мою скамейку? – она остановилась там, где в памяти она ещё была; на месте ножек забили камни, заполняя пустоты земли.

— Филипп приказал всё убрать в замке, – Маркус взглянул на пики родного дома Анны, — там всё вынесли, всё поменяли, ты не узнаешь его. Даже слуг не всех оставили, только дворецких. Ваших служанок он выгнал.

Анна посмотрела в окно своей спальни, её взгляд, казалось, проникал сквозь стекло, словно ища там ответы. Затем она медленно перевела его на окна комнаты, где когда-то жила её сестра.

Привычная картина, застывшая во времени, предстала перед ней. Голубые шторы, словно занавес, всё ещё висели, храня призрачный след присутствия. Окно было распахнуто, будто Эми только что выбежала или улетела, обещая скорое возвращение. Но Анна знала – это была лишь иллюзия, обманчивая надежда. Сердце Анны сжималось от боли при каждом взгляде на это окно. Открытое окно, голубые шторы всё это казалось таким обыденным, таким повседневным. И именно эта обыденность делала потерю ещё более невыносимой. Но она не вернётся. Никогда. Реальность же была безжалостной и окончательной. Эми ушла, оставив после себя лишь пустоту и воспоминания, которые Анна теперь бережно хранила, словно драгоценное сокровище, запертое в глубине сердца.

Они продолжили свой путь, не останавливаясь, к самой отвесной стороне утеса. Там, у самой кромки, возвышалось могучее дерево. Его ствол, покрытый морщинами времени, казался незыблемым стражем этого места. Оно росло здесь более века, его ветви раскинулись, словно объятия, уходящие к небу. Казалось, оно здесь было всегда, свидетель эпох и перемен. У подножья этого векового древа, среди корней, вросших в скалу, стояла маленькая, почти незаметная табличка.

Выцветшие буквы складывались в имя:

Эмильда Вассилевски

Даты: 21.09.159 – 10.06.178.

Это была скромная, невзрачная могила. На ней покоились цветы, их лепестки имели насыщенный, глубокий синий цвет, такой же, как небо в ясный летний день.

— Кто захоронил? — Анна опустилась на колени, трогая пальцами буквы на табличке.

— Я — Маркус опустился рядом, склоняя голову. — Всё произошло очень быстро — он направил взгляд в сторону моря и вздохнул. — Это было невыносимо, видеть, как вас связали. Мы с Лукасом тогда стояли и ничего не могли сделать. — он ударил кулаком по песку. — После того как Эми исчезла, мы хотели спасти тебя и даже бросились на стражу, но нас оттащили и держали, так что мы видели твою казнь, видели, как твою голову отсекли. После этого нас бросили за ворота, и мы пошли вдоль реки, пытаясь найти твоё тело, но всё было тщетно.

— Но кто собрал прах?

— Я, — Руфи, всё время стоявшая сзади, приблизилась. — Пока они не собрали костёр, я ночью собирала прах Эми, — она резко зарыдала так, что из груди вырвался крик.

— Через неделю мы вернулись, и, как оказалось, Филипп улетел. Он был у Марая, и только спустя месяц он вернулся совершенно другим. Его глаза окончательно почернели, и запах, его запах изменился, от него пахло сырой землёй. Не знаю, что с ним произошло, но явно что-то недоброе.

— Вас приняли обратно? — Анна не могла поверить, что они снова вернулись в армию Парга.

— Да, мы очень долго служили солдатами, за нами следили, и только через полгода вернули на должности и сняли слежку. И тогда я сразу же полетел в Грандию, потом оттуда уже в Эллиос. Тогда-то мне и сказали, что ты жива. Но я не поверил. Я требовал доказательств.

— Я вижу, ты доволен тем, что получил, — Анна слегка улыбнулась.

— Более чем, а Лукас, скорее всего, вообще упадёт от этой новости! Он сильно переживал и постоянно твердил, что он предупреждал тебя. Это правда?

— Да, он сказал, что меня казнят, но я не думала, что они посмеют тронуть Эми — Анна села, повернувшись к морю, и чуть откинулась на табличку.

— Я до сих пор не могу осознать, что Эми, по сути, была ни в чём не виновата, но он что творилось в его голове? — Маркус снял плащ и сел рядом.

— Мне кажется, из-за злости, желания убить или отомстить за то, что вы отказались выполнять приказ, он решил вас убить не только физически, но и морально, — Руфи сидела уже на дереве, поглядывая на друзей внизу.

— Ты права, он обезумел в край, но главное, что сейчас он успокоился, а я у меня новая жизнь теперь тут, и у меня будет для вас некая новость, но о ней позже.

— Он не успокоился, Анна. Его накрыло будто с большей силой. Он начал вырубать лес. Кладки наших драконов на востоке. Он их все снёс, говоря, что это *твоё* достояние, и он не желает видеть их. Он поручил Лукасу перестроить всю армию, пересобрать всех драконов. Новые вылеты, новая структура. Будто он хотел стереть память о тебе. И Ирвис

— Что с ней? — Анна явно напряглась, услышав имя своего дракона.

— Он сжёг её. Он поймал её в цепи и сжёг прямо на кладках. Она тогда отложила первые яйца, и после доклада об этом он приказал убить её.

У Анны снова перехватило дыхание. Её дракон, её спутник крови, та, с кем она летала множество раз в небесах, была убита. И это был тот же человек, что убил Эми. И её саму. Сейчас, сидя на могиле Эми, среди синих цветов и крон дерева, Анна осознала: она больше не хочет быть связана с Парга, с Филиппом, с той жизнью, которую ей навязали. Пустота. Это всё, что осталось внутри. Не боль, не скорбь, не гнев – лишь бездонная, ледяная пустота, поглотившая все чувства. Она смотрела на могилу, и ей казалось, что сама земля под ногами дрожит от бессилия. Образ дракона, её верного спутника, мелькнул перед глазами – яркая вспышка в чёрной пустоте, мгновенно угасла. Её прошлая жизнь, когда-то полная стремлений и ожиданий, теперь казалась далёким, чужим сном.

Все её связи, вся её идентичность – всё это было разорвано безжалостной рукой убийцы. Но в этой разрухе Анна нашла не отчаяние, а странное, пугающее освобождение.

Без эмоций, лишённая всяких привязанностей, она стала чистым холстом, на котором ещё только предстояло нарисовать новую судьбу.

— Понятно. Значит, он стирает мое существование, это ожидаемо, – она сидела, вглядываясь вдаль.

— Тебе не хочется отомстить? – Маркус явно жаждал этого больше, чем сама Анна.

— Нет, мстить я точно не буду, лишь руки пачкать. Сейчас для меня куда важнее разобраться с собой и с тем, что я обнаружила. Не хочу, чтобы моя сила опять кому-то служила.

— О чем вы, госпожа? Что-то случилось? – Руфи спрыгнула на землю, присаживаясь рядом.

— Произошло некое изменение во мне. Помимо того, что у меня больше нет дракона, я слегка изменилась.

— Это нормально, вы заново родились? Или вы о чем-то другом?

Они слегка насторожились, ведь, учитывая, что после смерти Анна, она в принципе потеряла связь с драконом, и ее это не расстраивает.

— Пожалуй, я лучше постараюсь показать, – она встала перед ними. – Маркус, раскрой покров, не хочу, чтобы нас видели.

Он тут же, по просьбе Анны, раскрыл свой покров, тем самым скрыв их от внешних глаз. Пространство вокруг них покрылось легкой дымкой, словно в воздух высыпали песок. Он двигался, кружась, словно пустынный вихрь. Это было место, куда не проникали посторонние взгляды, идеальное для того, что Анна собиралась сделать.

Анна стояла перед ними, ощущая, как напряжение нарастает в воздухе. Она закрыла глаза, сосредотачиваясь на внутреннем зове. Она взывала к своей ***Тени***, чувствуя лишь пустоту, словно ее самая сокровенная часть молчала. Анна попыталась снова, вложив в зов всю свою волю и отчаяние. И наконец, после тягостной паузы, ***Тень*** ответила на зов, отзываясь едва уловимым шепотом, который, казалось, исходил из самой глубины ее души.

Анна вытянула руку вбок, и из ее пальцев потянулась тонкая, но крепкая темная нить. Нить медленно, словно живая, начала плестись, обретая форму. На глазах Руфи и Маркуса из нее вылепилась темная, но изящная фигура. Тень, обретя видимую форму, нежно держала Анну за руку.

— Что это, черт возьми? – Маркус вскочил, призывая к своему топору.

— Остановись! Все хорошо! – Анна вытянула другую руку вперед, призывая к спокойствию. – Я вам сейчас все расскажу.

Фигура в воздухе отпустила руку Анны и села на импровизированный стул, перекинув ногу на ногу. Это был не стул в обычном понимании, а скорее некое его подобие, сотканное из переливающихся нитей света, которое возникло из ниоткуда, как только сущность приняла сидячее положение. Тонкие, полупрозрачные пальцы, которые мгновение назад удерживали Анну, теперь покоились на подлокотнике, и казалось, они были частью этого эфирного стула.

Она смотрела пустыми глазницами на Маркуса и Руфи, но в этом взгляде не было враждебности или любопытства. Это было скорее состояние полного отсутствия. Казалось, что взгляд скользил по их лицам, не задерживаясь, не вникая в их эмоции или слова. Лишь иногда, когда Анна делала паузу в своем монотонном объяснении, фигура слегка наклоняла голову, будто в знак согласия или понимания.

Анна продолжала говорить, ее голос звучал ровно и спокойно, словно она рассказывала об обыденных вещах, а не о загадочной фигуре, что вышла из рук Анны. Маркус и Руфи, стоявшие чуть поодаль, слушали с затаенным дыханием. Слова Анны казались одновременно и логичными, и совершенно абсурдными. Легко было поверить в реальность происходящего, но еще труднее было принять его как часть их обычной жизни.

Сущность же оставалась невозмутимой. Ее неподвижность, за исключением легких наклонов головы, создавала ощущение вневременности. Казалось, она существовала вне потока времени, наблюдая за ними из какой-то иной реальности. Ее присутствие было ощутимым, но не давящим, как тишина в густом тумане. Эта тишина, прерываемая лишь голосом Анны, создавала сюрреалистическую картину, в которой реальность и фантазия переплетались, оставляя Маркуса и Руфи в состоянии глубокой задумчивости и некоторого страха.

— Так она это ты? Или что? Я запутался! – Маркус схватился за голову и сел на землю.

— Если говорить в общем, мы одно целое, просто разные части этого целого. *Она* – это *я*, но более эфемерное. Я читала в библиотеке Эллиоса, такое уже описывалось, – Анна позвала фигуру рукой, и та впиталась обратно в Анну, исчезая.

— Описывалось? Как такое можно описать? – Руфи стояла с открытым ртом, хлопая глазами.

— Если верить источникам, я родом из Империи Красной Розы, там практикуется много разной магии крови, и некоторые из той империи могли создавать эфемерное существо для своего бессмертия, что-то вроде запасного плана. Но в моем случае это произошло без моего участия. Моя сила, из-за сильного стресса или тревоги, не знаю, высвободилась и приобрела самостоятельность в виде этой фигуры, – Анна достала из кармана сверток, там была одна крученая тонкая сигарета. – Но, как видите, я и раньше не могла справиться со своей аурой, она

и раньше хотела быть самостоятельной, но сейчас она смогла спасти нас, смогла высвободиться, и сейчас она не вредит. Мы договариваемся, она меня слышит, и мы даже общаемся иногда.

Выражения лиц у Руфи и Маркуса было невозможно передать словами. В их глазах плескалась бурная смесь эмоций — от застывшего в оцепенении ужаса до глубочайшего поражения, которое, казалось, граничило с полным отчаянием. Но где-то под этими пластами чувства мелькали искорки какого-то странного, почти безумного восторга. Увидеть такое, воочию столкнуться с чем-то, что ломало все представления о законах природы и здравом смысле, и при этом сохранять спокойствие, говорить об этом будничным тоном – было немыслимо. Именно поэтому их реакция была настолько бурной. Их разум отказывался принимать происходящее, в то время как глаза вопили об обратном.

Однако, что поражало более всего, так это реакция Анны. Она, казалось, была единственной, кто действительно адекватно относился к происходящему. В ее глазах не было ни тени паники, ни проблеска сомнения. Она говорила ровным, уверенным голосом, словно фигура из темноты была ее постоянной спутницей.

— Как вы ее обнаружили? – Руфи начала приходить в себя.

— Это было в пещере. Ты, видимо, пропустила эту часть в моем рассказе, – Анна слегка улыбнулась.

— Она тебе что-то говорит? Или просто что-то предлагает?

— Маркус, не бойся, это не помешательство. Она, в частности, молчит, но когда что-то происходит, она чувствует это раньше и немного подсказывает, и все.

Маркус, движимый странным, необъяснимым порывом, обошел Анну. Собрав свою внутреннюю энергию, он сформировал поток ауры и, затаив дыхание, направил его в спину девушки.

В тот же миг мир перевернулся. Вместо того чтобы пронзить Анну, аура Маркуса ударила его самого. Поток энергии, который он сам породил, вернулся, усиленный многократно, отшвырнув его с невиданной прежде силой. Маркус пролетел несколько метров, прежде чем врезаться в землю, потеряв на мгновение дыхание и ориентацию. Когда он, с трудом поднявшись на колени, огляделся, его душу сковал леденящий ужас.

Вокруг Анны, там, где она стояла, сгустился черный, плотный туман. Он клубился, словно живой, пульсируя в такт чему-то неведомому. Самое страшное было ее лицо. Оно исказилось, черты размылись, уступая место лицу той самой темной фигуры, с пустыми глазницами, словно две сущности наложились друг на друга.

— ***Ты что творишь, Маркус?*** – слова с едким шипением прозвучали из уст темной фигуры, а после туман исчез, оставляя Анну в одиночестве.

— Так она еще и защищает тебя, это очень хорошо, я считаю, – парень отряхнул и встал.

— А ты, видимо, решил проверить, глупо с твоей стороны. Даже не считая её силы, только с моей ты бы проиграл в любом случае, – Анна явно не расстроилась из-за этой выходки, ей было важно, чтобы друзья доверяли ей, особенно учитывая опасения друзей за её здоровье.

— Да уж, ну главное, что она самостоятельно же не нападает? Ты всё контролируешь?

— Хах, конечно.

Уверенность Анны успокоила товарищей.

— Теперь будешь часто прилетать? – Маркус указал на могилу.

— Пока возможности нет, если только мне не позволят взять служебного дракона, ведь своего я подобрать пока не могу. Слишком мало их в Эллиосе, – Анна с тяжестью вздохнула.

Драконов в Эллиосе и правда было невероятно мало, тем самым не каждый всадник мог позволить себе личного дракона. Это было не просто вопросом богатства или статуса, но и огромной ответственностью. Драконы были не просто ездовыми животными, они были живыми существами с собственным разумом, чувствами и магией. Связь между всадником и

драконом была самым достойным проявлением доверия, и не каждый человек был достоин такой связи.

Существовали служебные драконы, специально выведенные и обученные для перевозки разных наездников. Эти драконы были более покладистыми и терпеливыми, но им не хватало той дикой, непокорной сути, которая делала личных драконов такими особенными. Они служили королевской почте, гильдиям и другим организациям, выполняя важные, но зачастую монотонные задачи.

— Я стараюсь прилетать раз в неделю, менять цветы и убирать опавшие листья, – Руфи подняла глаза на крону дерева.

— Спасибо тебе, – Анна подошла к ней и приобняла за талию.

Осознание того, что у Анны есть люди, готовые взять на себя заботу о могиле её сестры, грело её душу. Это снимало с неё тяжкое бремя, позволяя вздохнуть свободнее, зная, что память о близком человеке будет чтиться. Но теперь, зная точное место упокоения, было принято решение навещать могилу чаще. Эти визиты станут не просто долгом, но и моментом тишины, диалога с прошлым, возможностью поделиться новостями и обрести душевный покой. Обратное путешествие в столицу было наполнено приятным чувством завершённости.

Анна сбросила с себя оковы постоянного страха и вынужденного укрывательства. Теперь её друзья знали, что она жива, что она вернулась. Это означало, что она больше не должна скрываться ото всех, что у нее есть люди, которым она может доверять. Лёгкость, с которой она неслась над землями, соответствовала лёгкости в её сердце.

По прибытии их встретила необычная суета, заставившая сердце Анны тревожно сжаться. Дворцовая площадь гудела, как растревоженный улей. Небо было рассечено полосами драконьих крыльев, а внизу, у подножия замка, столпилось множество людей. Это не было похоже на обычные сборы или церемонии. В воздухе витало напряжение, смешанное с предвкушением чего-то страшного. Среди пестрой толпы Анна с облегчением заметила знакомые лица. Вот Симона, его обычно спокойное выражение лица сейчас сменилось заметной нервозностью. Рядом с ним стоял Томиас, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. И даже Зульфия, обычно невозмутимая и сдержанная, оживлённо переговаривалась с кем-то, её жесты выдавали волнение. Они держались вместе, их тихие, но напряженные перешептывания лишь усиливали ощущение чего-то необычного.

У входов в замок стража стояла плотнее обычного. Доспехи начищены до блеска, копья крепко сжаты в руках. Каждый прибывший гость, будь то знатный лорд или приглашенный маг, сопровождался стражниками. Их вежливо, но настойчиво направляли в замок, будто каждый из них был не просто посетителем, а важным участником какой-то грандиозной встречи. Анна почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— Что происходит? – Маркус спрыгнул с дракона. Внезапно пронзительный крик разорвал воздух.

Это был Лукас. Он неистово кричал, призывая Маркуса, и казалось, весь его организм был наполнен тревогой. Его дракон, словно разделяя смятение всадника, стремительно снижался, прорезая плотную завесу из взволнованных голосов и шелеста крыльев. Лукас спрыгнул на землю еще до того, как его дракон полностью опустился, и, не обращая внимания на скопившуюся толпу, бросился прямо к Анне и Маркусу. Его лицо было бледным, глаза широко распахнуты, а по лбу стекали капли пота.

Анна почувствовала, как её сердце замерло. Что могло случиться, чтобы привести Лукаса в такое состояние? Его паника могла означать лишь одно: что-то действительно серьёзное произошло. Маркус, видя приближающегося Лукаса, тоже проявил беспокойство. Он сделал шаг вперед, оставляя Анну позади, готовый встретить своего друга и узнать причину его столь отчаянного призыва. Лукас, задыхаясь, добрался до них.

— Маркус! Маркус, ты должен идти со мной! Немедленно! – выпалил он, едва переводя дыхание. Его взгляд метался между Маркусом и Анной, словно он не мог решить, с чего начать, – А вы простите, но нам срочно нужно идти!

Маркус резко дернул за руку друга, приводя его в чувства:

— О чем ты? У меня тоже новости, ты не замечаешь? – он кивнул в сторону Анны, но та была покрыта мороком и молчала.

— Привет, Лукас, как западная застава? Снова от патруля отлыниваешь? – она ехидно прищурила глаза.

Лукас замер, словно его ударило молнией. Лицо его, только что пылающее тревогой, мгновенно побледнело, теряя всякий цвет. В глазах, широко распахнутых и полных отчаяния, начало медленно зарождаться ужасающее осознание.

Это была Анна. Анна, которую он оплакал, которую считал безвозвратно потерянной, погребенной под пеплом трагедии.

Невероятность увиденного оказалась слишком сильной. Его ноги подкосились, и он рухнул на колени, не в силах отвести взгляда от девушки, стоящей перед ним.

Её слова, её манера держаться, даже отголоски фраз, которые он слышал от своего любимого генерала, — всё это было ей присуще. Но при этом она выглядела иначе. Не той Анной, которую он знал.

В ней чувствовалась какая-то неуловимая чудаковатость, внешность была словно соткана из лжи и капли магии.

Он смотрел на неё, и его разум отказывался соединить два столь противоречивых образа: ту, кто умерла, и ту, что стояла перед ним, живая, но изменившаяся.

— Госпожа? Это вы?

— Да, вставай, хватит демонстрации, — Маркус с силой поднял друга и начал отряхивать его колени, — Не хватало еще, чтобы ты нас выдал!

— Но это не самое страшное! Ведь я не просто прилетел — он не успел договорить, как к ним подошла Зульфия.

— Приветствую, друзья, скоро начнется собрание, вас всех там ждут, — не оборачиваясь, она пошла прочь от них.

— Да, идем, в зале собраний уже все собрались, — Лукас быстрым шагом направился в замок. Его товарищи поспешили за ним, и лишь у Анны было неприятное ощущение, она не хотела идти туда. Она хотела уйти.

Едва переступив порог замка, она замерла, пораженная увиденным.

Вся стража, облаченная в полные боевые доспехи, выстроилась вдоль широкой лестницы, ведущей наверх. Их стальные панцири тускло отсвечивали в приглушенном свете факелов, создавая гнетущее впечатление. У входа в главный зал, куда вела лестница, также стояли стражники, но здесь они лишь сопровождали входящих и выходящих, регулируя поток людей.

Двери зала были распахнуты, и сквозь них виднелся длинный овальный стол, за которым толпились люди.

Атмосфера в замке была наполнена ощутимым напряжением. Анна, привыкшая к более спокойной обстановке, чувствовала на себе давление множества чужих аур.

Она ощущала, как множество энергетических потоков сплетаются и борются, создавая ощущение тяжести в воздухе.

Ей стало трудно дышать. Анна поняла, что ей придется приложить немало усилий, чтобы сохранить самообладание и не поддаться тяжести давления своей ауры.

Чтобы собраться с мыслями, она отошла к одному из высоких стрельчатых окон, выходивших на внутренний двор.

В кармане всегда был сверток с сигаретами. Закурив, она сделала глубокую затяжку. Когда дым наполнил её легкие, тело стало медленно расслабляться. Напряжение, сковывающее её, начало отступать, а мысли, до этого хаотично метавшиеся, обрели свой порядок.

— Госпожа, вы так изящно курите, это явно не табак, вы ценитель горных трав? — со стороны залы спускалась девушка с темными волосами и бледной кожей, — Я чувствую зверобой и вербейник, это очень сильные травы, вы уже нервничаете, еще же даже совет не начался, — девушка встала рядом и улыбнулась.

— Простите, мы знакомы? — Анна была в замешательстве от подобного рода общения.

— Ах, я совсем не представилась, меня зовут Алисента Раху, я очень сильно помешана на травах, потому чувствую их даже издалека, — девушка все также стояла и улыбалась.

— Анна, пора идти, ты занята? — Маркус подошел сзади, чуть дотронувшись до локтя Анны.

— Нет, все в порядке, идем, — она кивнула Маркусу и, извинившись перед девушкой, удалилась, оставив ту одну у окна.

— Еще не говорили, что случилось, и Лукас молчит, говорит, все узнаем на совете, — они шли под руку, поднимаясь по лестнице.

Анна лишь кивнула. Предугадывать она не хотела. Могло произойти что угодно.

Она осторожно вошла в огромный, гулкий зал и тихо встала позади группы советников, стараясь не привлекать к себе внимания. За длинным овальным столом уже собрались все члены семьи Раху, сидящие рядом, напротив неё. Главное место, предназначенное для императора, пока оставалось пустым.

Пространство вокруг стола было заполнено военными и другими советниками, чьи приглушённые голоса сливались в неразборчивый шёпот. Анна не могла разобрать ни слова, но общее напряжение ощущалось всеми.

Сзади неё, словно тени, заняли свои места Руфи и Маркус. Их присутствие придавало некоторую опору, но не рассеивало общего чувства тревоги.

Лукас, чьё внезапное появление и странное поведение до сих пор не давали Анне покоя, стоял у дверей, в стороне от главной группы, рядом со стражей, словно готовый в любой момент к действию.

Атмосфера в зале была густой от скрытых эмоций. Каждый взгляд, каждый жест казался значимым. Анна снова почувствовала, как нарастает давление чужих энергий, но на этот раз, закурив у окна, обрела внутреннее спокойствие. Руфи и Маркус, стоявшие по обе стороны от Анны, были её немыми стражами. Их молчаливое присутствие успокаивало, но и оно не могло заглушить предчувствие грядущих событий. Анна не знала, чего ожидать, но чувствовала, что всё только начинается. Внезапное появление Лукаса, его загадочное поведение – всё играло роль в этой сложной игре, и Анна была уверена, что он имеет к ней прямое отношение.

Спустя несколько минут, словно по невидимому сигналу, разговоры стихли. Все взгляды устремились к главному входу, где, наконец, появился император. Его фигура, облаченная в серую мантию, казалась воплощением мощи и авторитета, но даже в его осанке ощущалась некоторая усталость. Он медленно прошёл к своему месту, и каждый его шаг сопровождался всеобщим замиранием.

Тишина, царившая в зале, была обманчива. Она создавала иллюзию спокойствия, под которым скрывалось бурное море напряжения. Анна чувствовала, как каждое сердцебиение советника отзывалось гулким эхом в её груди. Она наблюдала за лицами, пытаясь уловить мельчайшие изменения в выражении глаз, едва заметное подрагивание губ, которое могло бы выдать истинные мысли. Члены семьи Раху, обычно излучавшие уверенность и власть, теперь казались скованными, их позы выдавали внутреннее смятение.

Император занял своё кресло, его взгляд обвёл всех присутствующих и остановился на Анне. В его глазах читалось что-то, что она не могла интерпретировать – то ли одобрение, то

ли предупреждение. Давление в зале возросло многократно. Воздух казался настолько плотным, что его можно было буквально потрогать. Анна глубоко вдохнула, стараясь сохранить самообладание.

Император поднял руку, призывая к вниманию. Его взгляд, острый, как клинок, обращался уже к каждому присутствующему.

— ***Война***, — прошептал он, и эхо этого слова прокатилось по залу, заставляя дрожать своды, — нам объявили ***войну***. Враг, осмелившийся бросить вызов нашей империи, доселе считался нашим дружественным государством.

Он кивнул стражнику, стоявшему у дверей. Тот, не произнеся ни слова, прошёл вперёд. В его руках был тяжёлый мешок, который он без колебаний вывалил на гладкую поверхность овального стола. В центр роскошного резного стола упала, издав глухой стук, массивная, покрытая чешуей голова. Огромные, стеклянные глаза всё ещёсмотрели, но уже без жизни.

— Это прислал наш *враг* в знак объявления войны. Голова дракона, — Оббиус смотрел в толпу, но Анна чувствовала его взгляд на себе.

Голова. Чудовищная, покрытая угольно-чёрной чешуей, она лежала на полированной поверхности королевского стола, её огромные, некогда полные жизни глаза теперь были тусклыми стеклянными шарами, устремлёнными в никуда. Для всех присутствующих — это был знак, символ дерзости врага, его неслыханной наглости. Кричащее послание, полное презрения и угрозы, брошенное самой бездной.

Но для Анны это было нечто большее. Это было личное. Это была Ирвис. Её Ирвис. Её верный спутник, её крылатый страж, её гордость. Она, чья чешуя отливала всеми оттенками ночи, чьи крылья могли затмить солнце, чьи когти не знали пощады. Она видела, как она взмывала в небо, ощущала её силу, слышала её громоподобный рев, когда она сражалась рядом с ней, защищая границы Парга. Теперь от всего этого осталась лишь эта оторванная, безжизненная голова.

По залу прошелся шепот, окрашенный страхом, словно ядовитая пыль, осевший на бархате штор и золочёных украшениях. Раньше этот зал наполнялся звуками одобрения, пышными речами, но сейчас лишь испуганные голоса, едва слышные, нарушали оглушающую тишину, повисшую после демонстрации чудовищного трофея. Советники, обычно столь уверенные в себе, теперь жались друг к другу, их лица бледнели, а глаза метали нервные взгляды.

Шепот нарастал, переплетаясь в единый гул, полный ужаса и недоумения. Советники начали перешёптываться, их пальцы нервно перебирали края своих одежд, а взгляды метались по комнате, ища хоть какой-то намек на выход из этой ужасной ситуации.

Анна почувствовала на себе взгляды Раху. Не все. Кроме Алисенты, которая, казалось, была глубоко погружена в свои размышления, остальные обратили взоры на неё. Они видели её силу, но теперь, столкнувшись с такой жестокостью, они, возможно, впервые задумались, сколь хрупкой может оказаться эта сила перед лицом настоящего отчаяния.

Маркус, заметив её дрожь, положил свою руку на плечо Анне. Его прикосновение было твёрдым, но нежным, полным невысказанной поддержки.

— это прислали в столицу Грандии, объявление войны было предназначено для нас, – король Вейн, что сидел справа от Овва, поднялся с места, — но император Овва разделит с нами эту участь. И мы за это безмерно благодарны, – он поклонился.

Анна, ведомая жгучим, немым вопросом, медленно начала свой путь сквозь ряды застывших в ужасе советников. Она не могла отрешиться от мысли, что это — её Ирвис, её верный дракон, искалеченный и униженный.

Взгляды, брошенные на неё, были ощутимы, как прикосновения, но их, словно, поглощала волна её собственной решимости. Она двигалась к креслу императора, где поблизости лежала голова дракона, к этому чудовищному символу войны, чтобы увидеть правду. Приблизившись, Анна заняла позицию с правого плеча Оббиуса, погружаясь в детали. Её взгляд, отто-

ченный годами охоты и битв, скользил по поверхности. В первое мгновение её сердце замерло, готовое разорваться от горя. Затем, по мере того, как она вглядывалась глубже, сквозь пелену возможной фантазии, пришло озарение.

Это не была настоящая голова. Это был муляж, чрезвычайно искусно выполненный. Искусство, которое могло лишь имитировать, но не воссоздавать жизнь. Но эта имитация была настолько точной, настолько жутко похожей на её Ирвис, что казалось, будто сама смерть наложила на него свою холодную руку, превратив его в нечто, напоминающее чучело, призванное лишь шокировать и терзать.

— Она не настоящая, это муляж, – Анна еле слышно прошептала.

Она подошла ближе к голове, её пальцы осторожно, но решительно коснулись покрытой чешуей поверхности. Взяв её в руки, она почувствовала лёгкость, неестественную для массивной головы дракона. Это была не плоть и кровь, а скорее ловкая имитация, сделанная из соломы и ткани, искусно раскрашенная, с наложенным мороком, чтобы обмануть глаз. Ничего общего с настоящей головой её Ирвис, с той живой, дышащей силой. Это был обман. Чистый, подлый обман, призванный запугать, посеять страх и панику.

Советники, наблюдавшие за ней, начали охать и испуганно шарахаться, словно от ядовитой змеи. Их прежний страх теперь сменился отвращением к проявленной жестокости и самому обману. Только за императорским столом царила тишина. Сам император, склонив голову, молчал, его взгляд был прикован к Анне.

— Вы так уверены, что без сомнения взяли в руки этот *атрибут* мести? – голос отозвался откуда-то из середины стола, но Анна не могла понять, кто говорит. Она оглядела весь стол, но лица людей были молчаливы. Казалось, будто никто из присутствующих не говорил сейчас с ней, хотя десятки глаз были устремлены в её сторону.

Все смотрели на неё, но лишь один человек — тот, кто сидел чуть поодаль, у края стола, — смотрел на голову дракона, совершенно не замечая её. Его аура была неуловима, словно он был соткан из воздуха, невесомый и неслышный. Анна, обладавшая обостренным чувством присутствия, не ощущала его. Он был как пустота, как пробел в ткани бытия, который невозможно было заполнить ни взглядом, ни мыслью. Словно ведомая невидимой нитью, она положила муляж головы обратно на стол. Ни слова, ни жеста. Её движение было плавным, почти грациозным, но в нём чувствовалась сталь.

Молча, Анна направилась обратно к креслу императора. Она встала сзади, ожидая, что будет дальше, когда её взгляд вновь упал на того загадочного человека. И тогда она увидела его. Он повернулся, и его глаза, цвета грозового неба, встретились с её. В этот момент она поняла, что именно он был тем, кто говорил.

— Александр, а вы уверены, что это настоящая голова дракона? – император Овва подал голос, обращаясь к человеку.

« Александр? Неужели Александр Раху?»

— Ваше величество, я полностью солидарен с госпожой, это лишь муляж, от него не исходит никакой остаточной ауры, это лишь обман с целью запугать нас, – мужчина снова взглянул на голову и, медленно встав, направился ближе к ней, взяв её в руки, — но факт остается фактом, это объявление войны, и мы с вами должны обсудить, как нам ответить на это.

Когда он встал, Анна наконец смогла полностью осмотреть его. Перед ней возвышался мужчина, чья статность и высокий рост выделяли его из общей массы. Тёмные, словно вороново крыло, волосы мягко обрамляли лицо с тонкими, но удивительно острыми чертами. Это был облик истинного аристократа, какого можно было встретить лишь в самых изысканных кругах общества. Его руки, тонкие и изящные, казалось, были созданы для утончённых жестов, но сильные, развитые плечи выдавали в нём человека, привыкшего к более суровым испытаниям, больше похожего на закалённого солдата, чем на кабинетного советника.

Он определённо выделялся среди собравшихся, словно чужеродный элемент, вписанный в неподходящую картину. И только тогда, когда его облик предстал перед ней во всей полноте, Анна поняла причину странного ощущения.

Она не чувствовала его силы, его обычной, присущей ему мощи. Причина крылась в кулоне с тёмным, словно ночь, обсидианом, который он носил прямо на шее. Этот камень, окутывая его, действовал как сдерживающий барьер, подавляя его естественную ауру. Он сам себя ограничивал, что было крайне необычно, учитывая его, несомненно, великую силу. Возникал вопрос: зачем ему это?

Возможно, он боялся навредить окружающим своим могуществом, или же, что ещё более тревожно, он сам боялся собственной силы, стремясь удержать её под контролем.

— А к чему это было сделано? К чему вообще было призвано к войне? – голос одного советника раздался среди толпы.

— На то были причины, герцог. Неужели вы не знаете, что творится сейчас в Парга? – Оббиус строго осмотрел всех присутствующих.

— Да, ваше императорское величество, знаем, но что скажет господин Раху?

Тревожное возбуждение прокатилось по залу, словно рябь по воде. Толпа советников, словно стая встревоженных воронов, начала галдеть, их голоса сливались в единый, нестройный хор. Шум нарастал, каждый пытался перекричать другого, высказать своё мнение, поделиться догадками и подозрениями. Казалось, воздух стал густым от напряжения и невысказанных слов. В центре этого хаоса, словно одинокий остров в бурном море, стоял мужчина. Он держал голову дракона в руках, пальцы глубоко впивались в чешую, осматривая и прижимая к рукам муляж. Его взгляд, казалось, скользил по окружающим, но не останавливаясь ни на ком конкретно. Он внимательно осмотрел тех, кто так громко и страстно обсуждал происходящее, пытаясь, вероятно, уловить в их глазах хоть искру понимания или, быть может, выявить источник этого неистовства.

Внезапно, словно приняв какое-то решение, он медленно опустил руки. На его лице не отразилось ни тени эмоции, лишь лёгкое, почти незаметное движение мышц выдавало внутреннюю борьбу. Он молча, без единого слова, вернулся на своё место. Тяжёлый стул скрипнул под его весом, и в наступившей тишине этот звук прозвучал оглушительно.

— Я был в Парге, – он глубоко вздохнул, и вся толпа резко замолчала. – Хотите знать моё мнение? Война, что ещё сказать. Объявление есть. – он оглядел всех присутствующих. – Мы с вами всё понимаем, Филипп, и его последние действия призваны показать его жгучее намерение подчинить Грандию, а дальше как пойдёт, и куда он пойдёт – неизвестно. Единственное, что его держало на плаву, была Госпожа Вассилевски, но, насколько мы помним, ***он казнил её полтора года назад.*** Единственное, что могло бы нас спасти, – это она, её присутствие, её слово. На силу смешно полагаться, вряд ли она помогла бы нам своей кровью, – мужчина усмехнулся, опуская взгляд на свои руки.

— А если бы она была жива, думаете, она бы остановила эту войну? – Овва сказал страшные слова, и Анна слегка вздрогнула.

— Я не знаком с госпожой Вассилевски, но её чувство справедливости и осознание вряд ли бы оставили её позади ситуации. Думаю, чем-то она смогла бы помочь. Но теперь мы не узнаем этого, – он резко закашлял, не заканчивая свой ответ.

— К счастью, или к сожалению, у нас есть сильные бойцы, и мы сможем держать оборону, и, если боги позволят, одержим победу, – Симона встал, призывая всех к одобряющим возгласам.

— Да, боги милостивы, и нашими молитвами у нас всё получится, – Зульфия не осталась в стороне и поддержала мужа.

Анна чувствовала, как по её щекам разливается жар. Не от физического напряжения, не от пыли и копоти, что витали в воздухе, а от глубоко зародившегося внутреннего конфликта.

Этот жар был признаком её нежелания, её отказа вписываться в общую картину жестокости. Она видела, как другие, ведомые страхом или долгом, бросались в пучину насилия, их лица искажались от ярости.

Но в её душе царило иное чувство, холодная решимость, что противилась всеобщему безумию. Участвовать в бойне, или войне, как ни назови это кровавое действо, она не хотела. Помочь она могла, защитить Эмилию – могла. Но точно не быть опять на чьей-то стороне. Тем более этот бой не предназначен был для неё. Сейчас она находилась в состоянии защиты и покоя. Не больше.

— Раз всё решено, и все в курсе, тогда прошу всех, кто относится к оборонительной части империи, остаться. Остальные можете возвращаться к своим обязанностям, – Александр Раху чётко разделил советников, и большая часть людей ушла. Остались лишь военачальники и солдаты.

Анна начала удаляться среди всех людей, что уходили. Её шаги были лёгкими, почти невесомыми, словно она старалась никого не потревожить.

Она не видела смысла оставаться на дальнейший совет по обороне. Слова звучали пусто, для неё этот бой не был значимым. Но вдруг, словно невидимая сила, голос в голове заставил её встать.

«Анна, прошу, останьтесь. Я хочу, чтобы вы послушали всё, что говорят, всё,что говорит Раху. Он умён не по годам, но я пойму, если вы захотите уйти».

Она взглянула и поняла, что это говорит Оббиус. Его лицо было расслабленным, но в глазах читалось желание, чтобы она осталась.

«Простите, это не моя война».

Анна развернулась и вышла из зала совета, закрыв за собой двери. Не успела она выйти, как двери снова отворились.

— Госпожа, вы уверены, что вам нужно быть по эту сторону дверей? – на неё смотрели глаза тёмной синевы.

— Господин Александр, я совершенно не намерена участвовать в ваших дискуссиях.

— Я вас понял, прошу прощения, до встречи, – Раху закрыл двери, и Анна почувствовала пустоту.

Ведь она никогда не была по эту сторону дверей в момент обсуждения битв.

«Может, оно и к лучшему».

В жизни всё нелинейно, и в любой момент наша жизнь может меняться на все 360° или на 180°.

По окончании совета, Анна, измотанная не столько физически, сколько морально, не раздумывая, направилась в свою комнату. Тяжесть прошедшего дня давила на плечи, как никогда ранее. Мыслей не было – лишь пустота, зияющая там, где ещё утром бурлили надежды и планы.

Она просто шла, подчиняясь инстинкту, ведомому лишь желанием покоя. Войдя в комнату, она не стала раздеваться, не зажигала света. Привычным движением опустилась на кровать, почувствовав, как мягкий матрас поддаётся под её весом. Глаза закрылись почти моментально, словно веки стали тяжёлыми гирями. Сон настиг её быстро, унося прочь от тягостных раздумий. Лишь мельком, как обрывки забытого сна, проносились в сознании картины прошедшего дня.

Но образы эти были размытыми, лишёнными чёткости, словно туман, окутавший её сознание. Она просто уснула, обломками воспоминаний изредка касаясь поверхности её измученного разума, но не в состоянии удержать их.

Глава 15. Внезапное знакомство

— Анна, ты спишь? — за дверью ранним утром послышался голосок Эмилии.

— Уже нет, заходи, — Анна перевернулась на спину, а рядом уже плюхнулась Эмилия. Она была взъерошенная и ещё в спальном платье.

— Ты слышала? Вчера был совет! И сегодня в обед прибудет принц Роберт! — Эмилия прямо светилась от счастья.

— Принц Роберт? Это кто? И зачем он тут? — Анна смотрела на принцессу, та вся, словно из сахарной ваты, сияла, рассказывая о принце Грандии.

— Потому я хочу обязательно с ним встретиться. С этой всей войной он какое-то время побудет у нас. — она резко вскочила, — А вообще, мы с ним помолвлены!

— О как! — глаза Анны широко расширились, — Ну, раз так, то обязательно увидитесь.

Эмилия быстро-быстро закивала и, крича вслед слова о завтраке, убежала, не закрыв за собой дверь.

— И тут двери не закрывают, — на пороге стояла Руфи в одежде прислуги и с косой на голове, — Рады меня видеть?

Анна не могла вымолвить и слова. Она резко закрыла дверь и обняла подругу.

— Ты как здесь? Теперь ты тут? — слова не складывались в предложения, а получались лишь отрывками.

— Да, господин Овва позволил остаться мне. Маркус и Лукас улетели сегодня утром. Они пока будут пробовать сбежать или что-то сделать, чтобы их изгнали из армии.

Анна кивнула. Она понимала, что товарищи не захотят больше находиться в армии Парга и последуют за ней. Какая бы война ни шла в стране, Анна её, казалось, не ощущала. Окутанная коконом собственной жизни, она продолжала свой путь, будто укрытая невидимым щитом. Дни её проходили в привычном ритме: изнурительные тренировки, наполнявшие тело силой и выносливостью; умиротворяющие прогулки по лесам, кропотливые обучения Эмилии, вкладывая в неё знания и мудрость.

И, конечно, поиски дракона, что стало её навязчивой идеей. Дни текли своим чередом, складываясь в недели. Анна, погруженная в свой собственный, тщательно оберегаемый мир, мало обращала внимания на волнения, бушующие за его пределами. Лишь служанки, с опаской и потупив взор, иногда доносили вести о не очень хорошем состоянии Грандии.

Слова их были отрывочны: *«Держат оборону, но силы неравны, враг силён, надежды мало».*

Она слушала, кивала, но глубоко в душе не чувствовала той пропасти, которая, судя по всему, разверзлась в стране. Её реальность оставалась той же: тренировки, прогулки, Эмилия и вечный поиск.

— Сегодня тренировка как обычно?

— Да, принцесса, сначала пробежка, потом на площадку, — Анна наматывала на руку бинты, чтобы потом не терять времени. Эмилия лишь кивнула. Выбора нет, Анну не переспорить. Они двигались привычным маршрутом, начиная от заднего входа, их шаги отточены до автоматизма. Скользя мимо услужливых слуг, занятых своими повседневными делами, они словно были частью этого оживлённого, но скрытого от глаз посторонних мира.

Шум работы, приглушённый стенами внутреннего двора, лишь подчеркивал их собственную сосредоточенность. Пробежка, обычно длившаяся около двадцати минут, вела их к небольшой тренировочной площадке, спрятанной в самом сердце владений. Это было их место, где они могли отточить навыки, не привлекая лишнего внимания.

Но сегодня, когда знакомый силуэт площадки уже маячил впереди, их прервал звук, который резко отличался от всего, что они привыкли слышать на этом пути.

Пронзительный, полный отчаяния плач ребенка раздался откуда-то с другой стороны. Звук был настолько неожиданным и чужеродным в этой предсказуемой обстановке, что заставил их мгновенно остановиться. Этот плач, доносившийся из места, никак не связанного с их обычным маршрутом, словно призыв о помощи, прорвал их привычную рутину и заставил их разом обернуться в его сторону.

— Ребенок? У нас в замке нет детей! — Эмилия бросилась в сторону звука и исчезла из вида Анны.

— Черт, Эмилия, зачем так быстро? — она догнала принцессу и обнаружила, что та стоит перед мальчиком на коленях.

— Анна, он потерялся, — принцесса вытирала слезы ребенка.

— Потерялся, но чей он? — Мальчик поднял на нее глаза, полные слез, и снова зарыдал. — Так, все, иди сюда, — Анна взяла его на руки и пошла до ближайшей скамейки. — Рассказывай, где твои родители?

Мальчик начал потихоньку успокаиваться и, шмыгая носом, рассказал.

— Значит, ты не один, уже хорошо. Ты знаешь, они в замке? — Мальчик кивнул.

— Тогда ведем его в замок? — Эмилия решительно планировала пропустить тренировку, но тут появилась уважительная причина.

— Значит, в замок, — с неохотой Анна согласилась. — А зовут-то тебя как?

— Лиам — Мальчик встал на ноги и, взяв за руку Анну, направился в замок.

Анна с Эмилией, взяв за руки мальчика, на вид лет пяти, шли обратно в замок. Тихий детский плач, сменившийся всхлипами, теперь сопровождал их шаги, напоминая о недавнем происшествии.

Когда они вошли в просторные залы замка, мальчик, которого они теперь держали за руки, почувствовал себя еще более потерянным. Огромные, незнакомые пространства, приглушенный гул голосов, незнакомые лица — всё это сбивало его с толку. И вдруг, сквозь пелену испуга, он увидел её. Высокую, стройную фигуру, мелькнувшую вдалеке.

Не раздумывая, мальчик отпустил руки Анны и Эмилии и бросился бежать. Его маленькие ножки несли его с удивительной скоростью, а за ним, удивленно переглядываясь, последовали и женщины. Фигура, к которой он стремился, двигалась быстро, словно спеша куда-то, каждый её шаг был размеренным и целеустремленным. Они бежали следом, не отставая, как вдруг мужчина, к которому стремился ребенок, свернул и вошел в зал совета, где недавно была сама Анна.

— Хочешь сказать, тебе надо туда? — Эмилия встала на корточки. Мальчик кивнул.

— Но как мы туда — Она не успела договорить, как из дверей вышла молодая девушка с тонкой аурой, что была явна для Анны.

«Маг крови», как и оказалось.

— Вы что тут делаете? Подслушиваете? — Девушка с явным недовольством посмотрелана Анну и Эмилию.

Вслед за девушкой вышел Симона Раху. Он появился с недовольным лицом, но больше он был сильно удивлен, увидев рядом с Анной мальчика.

— Лиам, ты что тут делаешь? — Симона схватил мальчика на руки и начал вытирать ему слезы и сопли платком.

— Он ваш? — Эмилия радостно захлопала в ладоши.

— Частично, —Симона улыбнулся. — Это мой внук, сын Александра.

— Большой уже, — Анна была удивлена. Александр не был похож на отца и выглядел молодо, но, видимо, обманчиво.

«***Ему 32 года, не забывай это***».

«*Точно*».

— Госпожа, раз вы тут, не могли бы вы нам помочь? — Глаза Симона загорелись. — У нас некая дилемма, и наши маги крови очень не хотят её решать!

— Что значит «не хотят»? Мы не можем! Это не по нашей силе, господин! — Девушка, что вышла из зала, на удивление высоко могла говорить, чуть не пища.

— Анна, ну так вы, может, просто взглянете? — Симона смотрел с мольбой.

— Если ненадолго, могу, а то у нас тренировка, — Анна согласилась.

Она зашла вслед за Симоном в зал совета. Её взгляд сразу же охватил присутствующих. За массивным овальным столом, чья полированная поверхность отражала тусклый свет магических светильников, собралось лишь несколько человек.

Всего около семи, не считая самого Симона — император сидел во главе. Рядом с ним расположились Александр и Томиас. Остальные советники, чьи имена и полномочия Анна едва успевала различать, занимали свои места, погруженные в напряженное ожидание.

Но самое удивительное было не в этом. Сбоку от стола стояли пять девушек. Их наряды, простые, но элегантные, отличались от официальных одежд других присутствующих. Одна из них, та самая, что недавно выходила, теперь вернулась к своим. Её взгляд, полный какой-то непонятной злости, остановился на Анне на мгновение.

— Прошу прощения, Александр, ваш сын, — Симон подошел к сыну и вручил ему своего внука. Александр на мгновение опешил, но тут же передал своего сына служанке, которая, явно, потеряла Лиама с утра из виду.

— И снова здравствуйте, госпожа. Я так и думал, что мы еще свидимся, – Александр подошел ближе и подал руку Анне, но та лишь поклонилась.

— Прошу меня простить, но я с грязными руками после тренировки. — Александр кивнул и вернулся на место.

— Я попросил Анну зайти не просто так. Мы с вами в неком тупике, и, возможно, она сможет нам помочь, – Симон зло взглянул на девушек. Те лишь чмокнули в знак недовольства. — Анна, прошу, взгляните на табличку на столе. Возможно, она что-то напоминает вам?

На столе лежала отсыревшая деревянная дощечка. Когда-то гладкая, теперь она приобрела грубую, неровную текстуру, словно впитав в себя большое количество воды. На этой дощечке был вырезан символ. Неровные, дрожащие линии, нанесенные с определенной точностью, складывались в изображение. Но самым завораживающим было то, что находилось внутри. Символ был заполнен некой субстанцией, напоминающей жидкость.

Анна подошла к дощечке и дотронулась пальцами. Её пробило током. Ощущение было странным, не просто физическим покалыванием, а чем-то более глубоким, будто сама древность, заключенная в этом артефакте, откликнулась на её прикосновение. Она отдернула руку, сердце бешено колотилось в груди.

На дощечке была кровь. Её цвет уже давно сменился с ярко-алого на темно-бурый, почти черный, высохший и потрескавшийся, но всё ещё хранящий в себе какую-то необъяснимую силу. И на этой застывшей крови, словно высеченные невидимым резцом, виднелись символы – руны, которые Анна никогда раньше не видела. Они извивались, словно живые, переплетаясь в замысловатый узор, который, как она теперь понимала, был заклинанием.

— Это магия крови. Тут заклинание. У вас с ним проблемы? – она подняла взгляд на присутствующих.

— Да, произошли некие сложности с защитными рунами, что мы наносим на стены города со стороны северной границы. У Северной Башни магов руну установить не получается,– все молчали, и только Симон отвечал на вопросы Анны.

Она старалась не обращать внимания на шепот за спиной. Боковым зрением она видела, как девушки, стоявшие в своих изысканных нарядах, демонстративно перешептывались и закатывали глаза. Их взгляды, полные презрительной снисходительности, кололи Анну, как осы.

Им казалось, что Анна – всего лишь случайный гость, не достойный их внимания, не понимающий тонкостей их работы.

Но те, кто сидел за столом, наоборот, излучали тихое, но настойчивое ожидание. Их глаза были прикованы к Анне.

— Я поняла. Такое бывает, когда руну пытаются наложить на уже имеющиеся руны. Вам надо осмотреть стены и всё вблизи этой стороны стены. Лучше, конечно, чтобы маги крови это сделали, – она посмотрела на девушек, что и были теми магами крови. Но они лишь еще сильнее закатили глаза и даже цокали.

— Анна, но дело в том, что эта дощечка была выловлена рыбаком из одного озера, как раз где и находится часть стены, что не поддается магии. Не могли бы ***вы*** осмотреть то место? – Симон явно говорил много лишнего, но Александр, что сидел во главе стола, лишь смотрел на Анну и молчал. Его взгляд прожигал её изнутри, и голос ***Тени*** начал шептать.

«Он пытается прощупать тебя, он лезет к нам своими грязными ручками, к нашей ауре! Но я не дамммм!»

Анна почувствовала, как ***Тень*** своей силой закрыла все исходящие потоки ауры и маны, чтобы он не понял их силу.

— Отец, не много ли ты просишь у служанки принцессы? – выражение лица Александра выказывало его полное недоверие и даже чуточку удивления.

— Я понимаю, что, возможно, прошу многого, но это не относится никак к войне, лишь осмотреть место. Думаю, госпожа в силах нам помочь, – Симон явно жаждал помощи Анны. Но та была не заинтересована в этом.

— Простите, но это явно не в моих силах. Я не сравнюсь с вами, магами крови,– она метнула взгляд на девушек, и те лишь ехидно улыбнулись. — Потому прошу меня простить, но меня ожидает принцесса.

С этими словами она увидела короткий кивок от Александра и направилась к выходу.

Последующие несколько дней Симон часто заходил к Анне с просьбой о помощи, но та была неуклонна. Он знал, Анна умела делать так, что всё вставало на свои места. Но она оставалась непробиваемой. Её вежливые отказы звучали как закрывающиеся двери, оставляя Симона с чувством все возрастающего недоумения и, где-то в глубине души, с оттенком обиды.

Но какие бы жизненные невзгоды ни обрушивались на Анну, тренировки шли по расписанию. Это был ритуал, который помогал ей сохранять равновесие и ясность ума. Сегодняшняя тренировка обещала быть особенно тяжелой. Груз недавних событий давил на плечи, но Анна решительно шагала по усыпанной гравием дорожке, ведущей к тренировочной площадке.

Однако, дойдя до площадки, Анна обнаружила, что она пуста. Нигде не было видно ни принцессы, ни даже привычной суеты стражников. Только тишина и пустота. Принцесса никогда не пропускала тренировки, тем более без предупреждения.

С легкой тревогой в сердце, Анна развернулась и направилась к покоям принцессы.

«*Обманывает чертовка, отлынивать вздумала.»*

Она шла по белому коридору, стены которого мерцали мягким, призрачным светом, отражая ее шаги эхом. Тяжелые портьеры, вышитые золотыми нитями, скрывали ниши и тайные проходы.

Но там тоже ее не оказалось, и тогда Анна направилась к летней веранде императора. Воздух здесь был напоен ароматами цветущих акаций. И вот там, среди плетеной мебели и растений, она ее и обнаружила. Не в комнате, не в тронном зале, ни уж тем более на площадке, где Эмилия должна была быть, а здесь, под открытым небом, где принцесса сидела в полном одиночестве.

— И как ты это объяснишь, Эмилия? Я тебя по всему замку ищу.

Девушка посмотрела на Анну без тени жалости, что она не пришла на тренировку.

— Анна, прости, пожалуйста, я правда шла, но потом за мной отправили стража, и провели сюда. Отец что-то хочет сказать. Присядь, может, быть, и тебя бы позвали, — Эмилия нежно постучала по скамье рядом с собой, приглашая присесть.

Долго ждать им не пришлось. Спустя пару минут на пороге веранды уже оказался Оббиус. Он мягко поприветствовал дочь и Анну.

— Девушки, я понимаю, я прервал вас от утренней тренировки, но хотел сказать вам это лично: с сегодняшнего дня на какое-то время принц Роберт погостит у нас. Ситуация в Грандии сейчас слегка обостренная, и король Вейн попросил нас приютить его сына.

Эмилия прямо вся засияла от новости, что ее жених будет гостить в столице. Предвкушение скорой встречи наполняло ее сердце радостным трепетом, а мысли уже витали вокруг предстоящих свиданий и прогулок по живописным улицам столицы. Она представляла, как они будут гулять по полям, держась за руки, как будут наслаждаться вкуснейшими десертами, и как он будет смотреть на нее с той самой, неповторимой нежностью, которая заставляла ее забывать обо всем на свете.

Для Анны же это означало лишние хлопоты с принцессой. Ее работа никогда не была простой, но теперь, когда к ним в гости должен был приехать жених Эмилии, ответственность возрастала в разы.

— Да, папенька, мы обязательно поприветствуем принца. Он прибудет один? — Эмилия придвинулась ближе к отцу и обняла того за руку.

— По необходимости кто-то из Раху будет его сопровождать, не могу знать точно, кто, — он погладил волосы дочери и поцеловал ее в макушку.

— Ладно, идите на тренировку.

Когда император отпустил их на тренировку, Эмилия, не слушая Анну, бросилась в сторону крытых площадок. Ее сердце колотилось от нетерпения, а мысли были заняты лишь одним – скорейшей встречей с возлюбленным.

Она пробегала мимо свободных площадок, где слышались отрывистые звуки ударов и напряженные возгласы, но ее целью была основная, крытая тренировочная площадка, чем-то похожая на арену. Это огромное сооружение, залитое ярким солнечным светом, казалось, излучало энергию и движение. Большие, высокие окна, уходящие под самые своды, пропускали внутрь массу воздуха и света, делая пространство легким и просторным.

Ряды скамеек для гостей, расположенные амфитеатром, были изящно вырезаны из светлого дерева и казались почти невесомыми. В воздухе витал свежий аромат, смешивающийся с едва уловимым запахом натертого до блеска дерева. Сама площадка находилась внизу, и к ней вела широкая лестница, вырезанная из резных, темных деревянных ступеней, каждая из которых была отполирована до состояния зеркального блеска бесчисленными шагами.

Внизу, на самой арене, кто-то тренировался. Взгляду Эмилии открылась картина, наполненная движением и энергией. Фигура, облаченная в облегченные одеяния, ловко уворачивалась от чужих атак, отрабатывая каждое движение. Это был ее жених. Его силуэт, четко очерченный на фоне освещенной арены, завораживал. Эмилия замерла на последней ступени, наблюдая за ним, чувствуя, как ее собственное сердце вторит ритму его тренировки.

Анна и Эмилия подошли к арене, обходя ее по периметру. Их путь преграждало невысокое ограждение из широких, грубо сколоченных досок. На арене тренировались два мужчины.

Один из них был высок, с копной темных, непокорных волос, обрамляющих лицо с выраженными чертами. Его движения были выверены, каждым выпадом он владел с холодной точностью. В его сдержанности чувствовалась внутренняя сила и дисциплина. Казалось, каждое его действие было продумано на несколько ходов вперед, а меткие удары, которые он наносил, были подобны молнии – быстры, точны и неотвратимы.

Второй боец был меньше ростом, но компенсировал это природной ловкостью и неуемным темпераментом. Его рыжие волосы, казалось, плясали в такт его движениям, а выражение

лица было полно задора и азарта. Этот воин действовал более импульсивно, но его активность и игривость не умоляли опасности. Он словно танцевал на арене, его выпады были быстрыми и непредсказуемыми, а смех, который порой срывался с его губ, добавлял в этот поединок оттенок какого-то безумного веселья. Эмилия наблюдала за ними, завороженная.

— И кто из них твой принц? — Пока Анна была в общине, в мире очень многое изменилось, и прежний король Грандии, которого она знала, умер от старости и был переизбран новый король, Ульрих Вейн. Его она увидела впервые, прилетев в Эллиос. А сына его она подавно не знала.

— Как же, Анна, один из них Александр, ты чего, не узнала? А мой принц – тот, что так задорно смеется, — принцесса облокотилась на ограждение и не сводила глаз с юноши.

Сейчас Анна и правда разглядела во втором человеке того изысканного мужчину, что был на совете. Но сейчас он был одет в простую одежду, его волосы были взъерошены от интенсивных тренировок. Он был потный и погруженный в бой, владея своим клинком как искусный мастер. Движения его не были отточенным танцем, какой она видела обычно на показательных выступлениях при дворе. Здесь не было места излишней элегантности, лишь грубая, доведенная до автоматизма эффективность. Пот стекал по его вискам, оставляя темные следы на простой холщовой рубахе, промокшей на спине и груди. Дыхание его оставалось ровным, ритмичным, словно работало в унисон с ударами сердца. Анна замерла в тени, наблюдая. Его противник, весельчак с двуручным мечом, наступал яростно, но грубо. Каждый разящий удар огромного клинка встречал не жесткий блок, а едва уловимый уклон, точное парирование под углом, отводящее смертоносную тяжесть в сторону.

Изысканный мужчина с совета использовал силу и инерцию оппонента против него самого. Он будто вел бой не только телом, но и холодным, расчетливым умом, предвидя атаки на два хода вперед. Внезапно он сменил тактику. Три быстрых, почти невидимых удара — высоко, низко, в центр — и противник, потерявший равновесие, с грохотом рухнул на песок арены, обезоруженный.

Бой был окончен. Мужчина отступил на шаг, опустил оружие и сделал глубокий вдох, оглядывая поле боя взглядом, в котором не было ни злорадства, ни усталости, лишь оценка. Затем он вытер клинок о край штанины и повернулся, как будто почувствовав на себе чужой взгляд. Его глаза, холодные и ясные, встретились с глазами Анны. На мгновение в его взоре мелькнуло что-то похожее на удивление, но тут же было скрыто привычной сдержанностью. Он лишь слегка кивнул, словно отмечая ее присутствие, и направился к бочке с водой, оставив Анну размышлять над контрастом между придворной личиной и сущностью воина.

— Моя дорогая принцесса, моя любимая Эмилия, вы пришли посмотреть на мое поражение? — юноша с рыжей копной на голове резко встал и направился к девушкам.

— Мой принц, мы лишь узнали, что вы прибыли, и поспешили вас поприветствовать! — Эмилия протянула руку через ограждение, и Роберт нежно поцеловал тыльную сторону кисти.

— И я вижу, вы привели свою близкую подругу, о которой писали? — он взглянул на Анну. Та сидела на скамье и курила, пуская легкий белый дым в воздух.

— Да, рада приветствовать вас, ваше высочество, — Анна подала ему руку, другой держа сигарету и пуская дым.

Юноша с улыбкой на лице, ничем не показывая своего удивления от столь нежеланного приветствия, поцеловал также руку Анны.

— А вы, смотрю, манерами не блещете, госпожа, — Александр, на славу напившись воды из бочки, приближался к ним.

— Простите, но я не обучена дворцовым манерам, и я не фрейлина, если вы могли так подумать, — она снова опустилась на скамью.

— Так, а кто вы тогда? — глаза принца округлились.

— Я тренирую принцессу по разным видам оружия, даю техники боя. Я *солдат.*

После этих слов оба мужчины округлили глаза, и у принца чутка даже приоткрылся рот.

— Раз вы солдат, прошу, выйдите со мной в спарринг! – Роберт явно не медлил, и, доведя своего оппонента, Раху, до усталости, решил взяться за Анну. Эмилия смотрела на Анну с явным желанием и мольбой, чтобы та сразилась и доказала принцу свою силу.

Анна, бросив окурок на песок площадки, встала и перепрыгнула ограждение, не желая идти к официальному входу. Ее движение было резким, почти дерзким. Песок хрустнул под подошвами её сапог.

Эмилия стояла, открыв рот, и ждала поединка. Ее пальцы судорожно вцепились в деревянный барьер, костяшки побелели. В ее глазах горела смесь страха и жадного любопытства.

Александр встал рядом с Эмилией, откинувшись на ограждение внутри арены. Его поза была расслабленной, но взгляд, устремленный на Анну, стал острым, оценивающим. Легкая усмешка тронула уголки его губ, как будто он наблюдал за началом интересного эксперимента.

Анна подошла к стенду с оружием и начала выбирать его. Ее пальцы скользнули над рядами клинков, не останавливаясь на изысканных рапирах или украшенных палашах. Она искала что-то простое, без излишеств. В конце ряда, почти забытый, лежал тренировочный длинный меч из упругой стали, с простой крестовиной и обмоткой на рукояти, потертой от многих рук. Он был тяжелее рапиры, с более широким лезвием, предназначенным не для уколов, а для рубящих и режущих ударов. Оружие солдата, а не дуэлянта.

Она взяла его, взвесила в руке, сделала несколько пробных взмахов. Меч рассек воздух с коротким свистом. Вес оказался привычным, почти утешительным. Она повернулась лицом к арене, к тому месту, где ждал ее противник — принц, наблюдавший за ней с холодным интересом.

Он кивнул, без слов заняв позицию в центре площадки. Роберт взял свой клинок и слегка согнул колени, выдвинув орудие вперед. Готовность, лишенная театральности.

Анна двинулась навстречу. Песок глушил шаги. Она чувствовала, как на нее смотрят жадные глаза: Эмилии и Александра. Но все это отступило на второй план, сузилось до полоски песка перед ней и человека с мечом. Воздух, еще недавно наполненный пылью и запахом пота, казался очистился, стал резким и холодным.

Анна атаковала. Не разведку, а полноценный, сильный удар сверху. Он парировал, встретив её клинок своей крестовиной с глухим лязгом. Металл запел. Вибрация от удара отдалась в её запястьях. Она отскочила, тут же нанося диагональный удар снизу вверх. Он снова парировал, но на этот раз движение его было уже не просто защитным. Его меч, отбив её клинок, пошел в контратаку — короткий, резкий тычок в грудь. Она едва успела отклонить корпус, почувствовав, как сталь проносится в сантиметре от её ребер.

Но она не была новичком. Сквозь напор его атак она начала видеть рисунок. Он предпочитал короткие серии из двух-трех ударов, всегда с последующим смещением. И тогда она нашла момент. После его очередной комбинации он на долю секунды задержался, перенося вес для следующего движения, и она атаковала. Они оказались вплотную, на мгновение, клинки скрещены у самых их лиц. Она видела капли пота на его висках, суженные зрачки, в которых вспыхнуло не ожидание, а уважительное признание угрозы. Он первым оттолкнулся, отпрыгнув назад на безопасное расстояние.

На арене воцарилась тишина, нарушаемая только их тяжелым, ровным теперь дыханием. Никто не упал. Никто не был ранен. Но что-то изменилось. Напряженность из противоборства превратилась в нечто иное — в диалог.

Эмилия вздохнула, как будто только сейчас вспомнила, как дышать.

— Достаточно, – раздался голос Раху, спокойный и властный, – Кажется, точка сделана.

Анна опустила меч, ощущая, как адреналин начинает отступать, оставляя после себя приятную усталость в мышцах и ясность в голове. Её противник сделал то же самое. Он смотрел

на нее уже без холодной отстраненности, а с прямым, изучающим взглядом, в котором читался безмолвный вопрос: кто ты на самом деле?

— Госпожа, зачем вы взяли меч? Вам явно было с ним неудобно, – Александр приблизился к ней, забирая оружие из её рук.

— Как вы поняли? – Анна не на шутку удивилась. Понять по паре моментов, что оружие неподходящее, надо иметь острый взгляд и большой опыт сражений.

— Я заметил быстроту в ваших движениях и – Александр чуть склонил голову и улыбнулся, – Вы ходите вокруг жертвы, присматриваясь. Так делают люди только с короткими мечами, клинками или кинжалами, ведь вам надо оценить расстояние и не промахнуться, так ведь?

— Да, вы правы, господин, у Анны кинжалы, но она обычно выбирает другое оружие, – Эмилия подскочила.

В этот момент Анна осознала: перед ней стоит не просто умный человек, не просто мужчина в красивом костюме, как он предстал перед ней в зале советов, а стратегически развитый, осознанный и сильный солдат с большим опытом либо сражений, либо тренировок на оружии.

— Вы наблюдательны, господин. Мое оружие и правда – кинжалы, – она слегка улыбнулась уголками губ и, не оборачиваясь, решительно ушла с арены.

— Госпожа, а что же вы нам их не продемонстрировали? – Роберт крикнул вслед, но его прервал сильный кашель Раху, стоявшего рядом. – Александр, друг, все в порядке?

Александр стоял, чуть склонившись от кашля, и закрывал рукой рот. Плечи его сотрясались в сухом, разрывающем напряжении, а в глазах, на мгновение поднимавшихся к потолку зала, стояла влажная боль. Он кашлял так сильно и пронзительно, что рядом стоящие Эмилия и Роберт немного насторожились; разговоры смолкли, и воздух загустел от тревожного ожидания.

Кашель отступил так же внезапно, как и накатил. Александр выпрямился, медленно убирая с губ ладонь, и сделал шаг к бочке с водой, будто ничего не произошло.

Именно в этот миг Анна почувствовала. Она почувствовала кровь. Не запах – его не было в напоенном ароматами железа и цветов воздухе. Не вид – вокруг все сверкало чистотой. Ее взгляд инстинктивно метнулся к Александру, к его сжатой в кулак руке, которую он теперь небрежно опустил в карман брючины. К губам, которые он сжал в тонкую, бледную нить. Но не увидела нигде ни капли. Ни алого пятна на рубахе, ни ржавого отсвета на пальцах. Только неестественная, восковая прозрачность его кожи на висках, где пульсировали жилы.

— Да, благодарю, все в порядке, вероятно, подавился водой или песком, – Александр быстро начал убирать инвентарь. – Роберт, нам сегодня еще на собрание надо, идем?

— Конечно, друг, спешим! Дамы, а с вами мы еще увидимся, – он вскинул руку вверх, прощаясь. – Госпожа Анна! Спасибо за бой, я бы с удовольствием потренировался с вами еще!

Анна кивнула вслед уходящим мужчинам. Она все еще чувствовала кровь, чувствовала нутром, что где-то должен был быть след, хоть капля. Но ей не дали осмотреться, как Эмилия за руку потащила Анну на площадку, чтобы тренироваться самим.

— Я хочу быть как ты, такой же сильной! Чтобы Роберт хотел и со мной тренироваться! – Эмилия яростно бросалась на Анну, но та лишь показывала свое превосходство.

— Не волнуйся, и с тобой захочет! – сказала Анна, но сама же в голове подумала: *«Тебе, как мне, надо было родиться с таким же количеством маны».*

— Да, но для этого мне надо много тренироваться! - Эмилия махала клинком, теряя равновесие.

— Аккуратнее! – Анна увернулась, и принцесса со всего размаха рухнула на песок.

— Ой, – Эмилия сидела на песке, опустив оружие.

— Принцесса, вставайте, на сегодня думаю закончим. Вы пойдете к мастерам? Посмотрим вашего дракона? – Анна убирала оружие и подала руку Эмилии. Та поднялась и кивнула.

— Думаю, надо сходить проведать Рейну.

Они двинулись в сторону крытых навесов, где воздух был гуще и тяжелее, напоенный ароматом раскаленного камня и неведомых трав. Здесь, под сводами, сложенными из циклопических глыб, обитали драконы. Их чешуя, от жемчужно-белой до угольно-черной, мерцала в неярком свете, проникающем сквозь высокие проемы. Тихие, властные существа, они были живым воплощением мощи и древней мудрости.

На окраине города, там, где последние жилища людей растворялись в суровом, но прекрасном ландшафте, раскинулись целые поселения мастеров. Это были люди, чья жизнь была навсегда связана с драконами. Они были не просто дрессировщиками; они были жрецами, хранителями, учителями. Их руки, грубые от работы, но нежные в прикосновении, знали, как уговорить непокорного, как успокоить встревоженного, как обучить юного дракона контролю своей силы и силу его будущего всадника. Они бдительно следили за каждым вздохом, каждым движением, словно родители, оберегающие своих детей.

В Эллиосе драконов осталось ничтожно мало. Их времена славы, когда небо рассекали сотни крыльев, давно миновали. Теперь каждый дракон был бесценным сокровищем, хрупким пламенем, которое нужно было бережно поддерживать. И мастера, эти молчаливые герои, посвятили себя одной-единственной цели: сохранить наследие и помочь поднять популяцию, чтобы однажды история Эллиоса вновь наполнилась ревом и грохотом могучих крыльев, разрезающих небесную синеву.

Мастера жили целыми семьями, от мала до велика, их дома, словно продолжение навесов, были сплетены с драконьими гнездами. Здесь, в этой уникальной связи, рождались и росли новые поколения хранителей.

От отца к сыну, из уст в уста, из поколения в поколение передавались тайные знания дрессуры и тонкости разведения драконов. Это была не просто профессия, а священный долг, обет, который произносился с рождением нового члена семьи. Каждый ребенок с колыбели впитывал в себя уважение к этим величественным существам, учился понимать их дыхание, язык взглядов и едва уловимые движения хвоста.

В Парга мастеров было больше, чем в Эллиосе, и Анна была главой этого народа. Она не просто управляла, она вдохновляла, делилась знаниями и способствовала развитию новых, невиданных ранее техник. Под её чутким руководством мастера в Парга расцветали.

Особое место в её деятельности занимало разведение. Анна видела в этом не только возможность для развития, но и священный долг перед природой. Её усилия были направлены на сохранение редких видов, восстановление баланса и гармоничное сосуществование с драконами.

Она понимала, что истинное мастерство заключается не только в создании, но и в бережном сохранении.

Анна очень много сделала для восстановления популяции драконов в Парга. Эти величественные существа, некогда бывшие гордостью и символом народа, находились на грани исчезновения. Она контролировала их всадников, то, как они обращались с драконами, и главное — она также следила за их потомством. К ладкам яиц грабили, и приходилось их тщательнее защищать.

— Думаешь, Хаген сейчас на месте? Или снова куда-то улетел с новым выводком? — Эмилия шла рядом, разглядывая дома мастеров.

— Думаю, он на месте.

Они шли, погружённые в тишину, нарушаемую лишь шорохом их шагов по немощёным улочкам. Лабиринты домов сплетались вокруг, создавая причудливый узор из теней и света. Низкие, покатые крыши, словно уставшие от времени, прижимались одна к другой, ведя их всё глубже в сердце этого странного, спящего поселения.

Разноцветные двери – изумрудные, алые, бирюзовые – притягивали взгляд. Небольшие, живописные заборчики, увитые плющом, обрамляли крошечные, ухоженные садики, где робко цвели диковинные растения.

— Стучать? — Эмилия стояла у желтой двери и ждала разрешения постучать по ней.

— Стучите, — Анна кивнула. Эмилия сделала пару ударов и отошла. С той стороны послышался скрежет двери и хриплый голос мастера.

— Ну кто там в такую рань? — Он открыл дверь и ахнул: — О боги, принцесса, госпожа страж, вы прибыли по мою душу? — Мастер наигранно схватился за сердце и закинул голову, подглядывая одним глазом за принцессой.

— Нет, что вы, мастер, мы лишь пришли узнать про Рейну, как она? — Эмилия поспешила успокоить мастера.

— Хорошо, принцесса, проходите в дом. — Он прошёл внутрь сада, — Только калитку закройте за собой.

Анна и Эмилия зашли за ним, и Анна закрыла за собой калитку. Они двинулись к дому — маленькому, раскосомудомику с синей крышей и зелеными ставнями. Все дома мастеров были раскрашены в разные цвета радуги в зависимости от фантазии владельца.

— Проходите, — Мастер уже накрыл на стол и пригласил их присесть.

На небольшом столе, стоявшем в центре комнатки, уже стоял чайник и маленькие чашки с водой. Гости сели на пол, пробуя воду – сладкая.

— Если нужно, можете добавить чая, — Он указал на чайник с темной жидкостью.

— Благодарю, мастер, — Анна с благодарностью приняла чай и разбавила свою сладкую воду.

— Мастер, как там Рейна? — Эмилия жадно выпила одну чашку и налила уже вторую.

— Да, госпожа, она в порядке, всё замечательно, я бы сказал. Она хорошо кушает и недавно отложила около 3 яиц. Дай нам боги радость, что из них вылупятся здоровые дракончики, — Мастер нежно улыбнулся.

Внезапно дверь открылась, и в комнату влетела девочка лет 12 и накинулась на принцессу с криками:

— Эмилия, вы пришли! Пойдемте скорее, я вам покажу свой тайник, там много полезного. Скорее же, идем! — Девочка тащила принцессу за руку, и та неохотно поднялась с места и ушла вслед за ребенком.

Анна осталась наедине с мастером. Она поставила свою чашку на столик и взглянула на Хагена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.